

МИХАИЛ

ВАНЕЦКИЙ

ОЧЕНЬ
БОЛЬШОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Полное собрание сочинений (Эксмо)

Михаил Жванецкий
**Собрание произведений
в одном томе**

«Эксмо»

2015

Жванецкий М. М.

Собрание произведений в одном томе / М. М. Жванецкий —
«Эксмо», 2015 — (Полное собрание сочинений (Эксмо))

Впервые в серии представлен сборник короля юмора, великого сатирика Михаила Жванецкого. В книгу вошли самые известные произведения, написанные за последние сорок лет. «Михаил Жванецкий выше всех почетных званий и глубже любых определений. Это уже не просто имя, а особое понятие, которое закрепилось в сознании нескольких поколений. Проникновение его творчества в массы феноменально, он стал действительно народным писателем».

© Жванецкий М. М., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

От автора	14
Действительно	15
Шестидесятые	23
Молчание – золото!	24
Личный опыт	25
Разговор по поводу	26
Полезные советы	27
Время больших перемещений	28
Помолодеть	29
Спасибо вам всем, спасибо!	31
Скромность	32
Вечерний разговор	34
Подопытный	35
Вся наша жизнь – спорт	36
Феня, моя жена	37
Авас	39
Спокойно, товарищи	41
Снизим растущие потребности!	42
Диета	44
Грипп	45
Мальчики, схватимся и побежим[1]	46
Подруги	47
Одинокий	48
Поменьше юмору, граждане!	49
Склероз	50
Вперед	51
Не пойму, что с людьми происходит	52
День, полный жизни	53
Не надо было	55
Только приятное	56
Молчание вслух	58
Хочу быть физиком	60
Физкультурно одаренный	61
Лежачих не бьют	62
Безграничные возможности	64
Наш старичок	65
У меня все хорошо	66
Холодно	67
Слова. Слова...	68
В мире животных	71
Давайте копать!	77
Странный мальчик	78
Города	79
Расцвет сатиры	81
Читаю в «Вечерке»	82
Есть счастье, есть!	83

Пишу и кладу в папочку	85
Как лечат стариков	86
Сила слова	87
В век техники	88
Диспут	91
Берегите бюрократов	94
Что охраняешь, товарищ?	96
Новички	97
Ваше здоровье?	100
Пить вредно	101
Все мы движемся, движимые желанием...	103
Блеск, Паша	105
Письма в театр	108
Монолог искреннего человека	110
Спрос – сбыт	111
Скажи им, что ты Витя	112
Я жду	114
Она	115
Белый свет	116
В Греческом зале	117
Дефицит	119
Дай ручку, внучек!	120
О воспитании	122
Для вас, женщины	124
Сосредоточенные размышления	126
Два дурака	127
Одесса	128
Холера в Одессе	130
Одесский пароход	132
Играет румынская музыка	137
Диалог с зеркалом	138
Я стоматолог	139
Искрим, ребята	140
Семидесятые	141
Какое-то напутствие из 70-х	142
Леониду Осиповичу Утесову	145
К морю	147
Коротко о себе	148
У кассы	149
Дегустация	151
На складе	153
Я люблю Новый год	158
Я при себе	159
Не волнуйся	162
Письмо женщине	163
Демографический взрыв	165
Ставь птицу	166
Если бы я был женщиной	169
Доктор, умоляю...	170

Ночью	172
Портрет	174
Специалист	176
На работе и дома	178
В кулуарах	181
Их день	182
Как делается телевидение	183
Поймите меня правильно...	184
Наша команда	188
Ранняя пташка	189
В магазине	190
Колебаний у меня нет	191
Гражданское мужество	193
Черная полоса	195
Болеем, болеем!	200
Он – наше чудо	201
Вы еще не слышали наш ансамбль...	202
Тренер	203
Собрание на ликеро-водочном заводе	205
Старость	209
Алло, вы меня вызывали?..	210
Уз оценъ я смесной целовек	211
Главное, что все хорошо кончилось!	213
Автобиография	214
Посидим	216
Как шутят в Одессе	217
Свадьба на сто семьдесят человек	219
Сбитень варим	227
Главный гость	228
Когда нужны герои	231
Очень много честных людей	233
Нормально, Григорий!	235
История болезни	237
Ночью над городом	239
Нашим женщинам	240
Женский язык	241
Наши мамы	242
Что с нашим человеком?	243
Военная кость	244
Начальник АТС	245
Ну что такое Ойстрах?	246
Сто одиннадцать	247
Он таким не был...	248
Воскресный день	250
Учителю	252
Рассказ пожилой женщины	253
Наша!	254
С женщиной	255
Давайте сопротивляться	257

После вчерашнего	258
Клянемся!	259
Сороковые	262
Как руководить	263
Маленький вентилятор	264
Как с ними говорить	265
Какой взрослый мужчина...	266
Ленинград. 1978	267
Приветствие театру	269
XX век	271
А я вам так скажу	272
На телевидении	273
Как иметь свое мнение	275
Книжечки мои, книжечки, книжечки бедовые	276
Понял наконец	278
Ваши письма	281
Не троньте	282
Турникеты	284
Без меня	287
Спасибо	289
Прекрасное настроение	290
Клуб кинопутешествий	291
Кто виноват	293
Жизнь моя, побудь со мной	294
Автопортрет художника сорока четырех	296
Современная женщина	298
Не выделяться	299
Тщательнее	300
Кому как, а нам нравится	302
Условия образования белых глаз	303
Простите меня	305
Саша, Саша, Саша	308
Как жить, чтобы жить...	309
Прочерк	312
Сутки, сутки, сутки	313
Не сбылось	315
Стиль спора	316
К Новому году	317
Сын мой неосуществленный	318
Падает снег	319
Мне показалось	320
Восьмидесятые	322
Почему мне так часто кажется	323
Как я пишу?..	324
Жлобство – это не хамство	325
Трудности кино	326
Писательское счастье	327
Он не знал	328
Наши неудачи	330

Старших и ведущих инженеров...	332
Обед	333
Куда ходит наш человек?	337
Что делать?	338
Тяжелый характер	339
Из размышлений под оркестр легкой музыки	340
Восточная мудрость	341
Успокойтесь, ухожу	343
Осень	344
Броня моя	345
Мы природу бережем	347
Конечно, успехи медицины огромны	348
Неужели снова хорошо?	349
В Париже	350
Вместе	351
Волевой	352
Рассказ подрывника	353
Лица прохожих	354
Давайте в августе...	356
Что такое юмор?	358
Где рыба? Рыба где?	360
Я видел раков	361
На даче	363
Страна ученых	366
Я так стар и спокоен...	367
Насколько живо и энергично	368
Им хорошо	369
Консерватория	370
Точность – вежливость королей	371
Время для умных	373
Как?! Вам ничего не говорили?	374
Общий порядок	377
Сергею Юрскому	378
Давайте разберемся	380
Паровоз для машиниста	381
Браво, сатира!	383
Аэрофлот времен расцвета	384
Непереводимая игра	386
Мы гуляли в лесу под Ялтой	388
Наш секс	389
Чудо мое	391
Наш человек лучше всех	392
Суть нашей жизни	393
Государство и народ	394
Великая страна	397
Мусоропровод	398
Так жить нельзя	399
Борьба с населением	400
Я играю Америку	401

Разговор с зеркалом	403
Писательский труд	405
Лето. Высокая температура	406
Есть целые области...	407
Она на его колене	408
Теперь ты, детка!	409
Вам, моя дорогая	410
На приеме	411
Привет	413
Простые вещи	414
Разные виды опьянений	415
Две задачи	418
Театр	419
Неистовая любовь	422
Гласность – главное	423
На ТВ ФРГ	425
В Японию и назад, к себе	427
Возражения	430
Оса	435
Бык	436
Решил я стать решительным	437
Райское существование	438
Вам привет	439
Перекличка	440
Звонок	444
Эльдару!	445
Арканову	447
Как я его понимаю	448
Он, она и словарь	449
Не люблю, люблю, люблю	451
Что внешность человеческая?	454
Наш человек в постели	455
С вами этого не бывает?	456
Происшествие	457
Гипотоник	458
Письмо отцу	459
Пять-де-сят четыре	463
Как это делается	464
Это было бы невысказано даже два года назад	466
Прэсса дает!	469
Отодвинули облако	473
Птичий полет	475
Второе внезапное обращение к детям	486
И видится Ему из космоса	487
Имя	488
После разлуки	489
Добро и зло	490
В партии	491
Л-и-ч-н-о-с-т-ь	492

Этюд	495
Девяностые	496
Человек	497
Там хорошо, где нас нет	499
Бояться не надо!	501
По Дарвину	503
Эммануилу Моисеевичу Жванецкому от сына	504
Родина, страна, держава	508
Сексуальная революция	509
Телефонное одиночество	511
Что-то вы стали злым	512
Автопортрет	514
Судьба паучья	516
Население и народ	517
С Новым, возможно, годом	521
Рискуют все!	522
Первый	525
Актер	526
Если сравнивать	528
Таблетки от тревоги	530
Одному	531
Была еда	532
Мода сезона	534
Люди социализма	535
Как обычно	538
Любимое правительство	539
Колебания	541
Формула счастья	542
Выше на Север	543
Капитану-наставнику Петрову П. О.	547
Опять жалко нас	548
«Эпицентр – это не сам центр...»	550
Эмигрант	553
Наш путь	555
Не здесь и здесь	556
Этнические конфликты	558
Евреи	559
Путевые заметки	561
Америка на этот раз!	564
На американском телевидении	566
Удар с предоплатой	568
Воюем, братцы, воюем	570
Вперед назад	572
Приступ пессимизма	574
Цирк	576
Приметы сведущих	578
Ждать	579
Здесь будет лучше	580
Ох, как хочется наказать	582

Меняем то, чего нет	583
Не верю	584
Наш способ	586
Метро	587
Автопробегом	588
Зима 95-го	590
Новый год на дворе	591
Не жизнь – праздник	593
Ура! Мы снова живы!	594
Он нужен здесь	596
Комплекс неполноценности	598
Автопортрет-96	599
Я его вызвал	600
Я брошу все и войду в твое положение	602
Новости	604
Врага давай!	606
Нечистая сила	608
«Может быть, вы не знаете...»	610
Время музыки	613
Аркану-П	616
Гердту	618
Ролану Быкову	619
Окуджаве снова...	620
Ресторан ВТО	622
Киногорода	623
Об импотенции	624
Последнее 8 Марта	625
Красивая женщина	627
Семья	628
Что с тобой, друг мой?	630
Как я бегу	631
Из чего...	634
Чем живет страна	635
ТЭФИ-99	637
Все будет хорошо	639
Смеемся все!	640
Жизнь внизу	642
Ильфу – сто лет	644
Детский юмор	645
На переходе	646
Страна талантов	647
Автопортрет в цифрах	648
Между премиями ТЭФИ	649
Софья Генриховна	652
Письмо	654
Они сидели вдвоем	656
В супружеской жизни	657
Скрипка, вежливость и женщина	658
Про Мишу	661

В коммуналке	662
Соседка	663
Плохо слышно	664
В больнице	667
Больница	669
Одесский телефон	670
В санатории Дорохово	676
Не стоит	677
«Наша эмиграция...»	678
Потрясение	681
В поезде	682
Два яблока	683
Наблюдатель	685
Меня подозвал певец	686
Долгий путь	687
Разноцветная любовь	688
Чайка	690
Тревога	691
Причины родину любить	692
Испытание деньгами	694
Будем откровенны	699
Переменная облачность. Возможно солнце	700
Ума не приложу	703
О нас	705
Я и Украина!	708
Двести лет Одессе	711
Красавица есть красавица	713
Божественное	714
Удивление	715
Молитва	719
Новый 2001 год	720

Михаил Жванецкий

Собрание произведений в одном томе

© Михаил Жванецкий, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

От автора

Я не собирался быть писателем и, видимо, им не стал. Правда, в молодости была какая-то веселость, привычка к смеху вокруг себя.

Мы смеемся вместе. Вы смешите меня, потом этим же я смешу вас. Приятно, что мои рассказы стали привлекать публику, для чего большое значение имеет интонация. Мы так и жили все эти годы: говорили одно, думали другое, пели третье. Опровергали слова жестом, придавали другой смысл интонацией, и самому хотелось уцелеть и сохранить сказанное.

Три-четыре раза что-то печатали, но после публикации компания как-то рассыпалась.

А еще, говорят, это нельзя читать глазами. А чем? Мне нетрудно было читать вслух, и я ушел на сцену. Нашел свой школьный легкий портфель, набил руку, появилось актерское мастерство. Начал подмигивать и ругаться, если кто-то что-то не понимал: ну и публика сегодня. По рукам пошли записи. «Эх, – вздыхало начальство, – вы способный человек, но эти пленки...» А что мне с пленками – издавайте.

Я пытался расставить написанное последовательно или по темам. Чем можно связать разрозненное? Своей жизнью. Концовку додумаете сами.

А я, разбив написанное на главы, приглашаю вас к чтению. Если будет трудно читать, мой голос поможет вам, как вы помогли мне все мои трудные годы.

Действительно

Действительно. Данные потрясают своей безжалостностью. Тридцать пять років творческой, тридцать пять років производственной деятельности и где-то шестьдесят общей жизни с ее цветными и бесцветными страницами. Как же прошли эти двадцать пять, если считать с 88-го, и тридцать пять, если с 54-го года.

Позвольте перейти к общим рассуждениям. Хочется сказать: в наших биографиях отразилась биография всей страны, годы застоя были для нас годами расцвета, то есть годы нашего расцвета пришлись как раз на годы застоя.

В голове фраза: «Раньше подполье было в застолье, потом застолье в подполье».

Я сам, будучи большим противником дат, юбилеев, годовщин, паспортов, удостоверений и фотографий, никак не желаю подводить итоги, ибо после этого как-то неудобно жить дальше.

Познакомились мы с Ильченко где-то в 54-м году. Я их всех постарше буду. У нас, значит, так: Роман поярче на сцене, Виктор – в жизни, я весь в мечтаниях, поэтому меня надувает каждый, на что я непрерывно жалуясь через монологи и миниатюры.

То, что творится на сцене, вам видно самим, поэтому про Ильченко. То есть человек, перегруженный массой разнообразных знаний. Там есть и как зажарить, и как проехать, и как сесть в тумане, и куски из немецкой литературы, какие-то обрывки римского права. Плохо, что эти знания никому не нужны и даже женщины любят нас за другое, а напрасно. Мне нравятся в Ильченко большая решительность, безапелляционность, жажда действовать, что безумно завораживает тех, кто его не знает.

Приехал он в Одессу чуть ли не из Борисоглебска, аристократически прельщенный шумом и запахом морской волны. Я сидел в Одессе, тоже прельщенный этим, и мы сошлись. Извините, у меня все время в голове фраза: «Партия вам не проходной двор». Секундочку...

Так вот, с детства мы трое мечтали связать свою жизнь с морем и связывались с ним неоднократно, но мечту осуществим, видимо, сразу после жизни.

Роман знает значительно меньше, но все применяет, я знаю мало, но применяю больше. А Ильченко свои знания никогда применить не может, поэтому тащит их за собой и пугает ими одиноких женщин. Тем не менее сколько написано по его идеям и хорошего и плохого, сколько неудачных миниатюр создано по его замыслам. Нельзя также не отметить облагораживающую роль его фамилии в нашей тройке. Представляете: Кац, Жванецкий и Ильченко! Расцветает снизу вверх. Извините, эта фраза: «Партия вам не проходной двор, товарищи! Закройте дверь, мы закончили разговор!.. Что у вас там?..»

Мы с Ильченко познакомились где-то в 54-м году в Одессе, а с Карцевым сошлись где-то в 1960 году. И конечно, конечно, наша жизнь всю жизнь была связана с Ленинградом. Без лести скажу, здесь как нигде публика чувствует талант, и так же безошибочно его чуяло начальство.

Как появились мы в 58-м году на этой сцене, так перманентно и продолжаем и до сих пор. Как тяжело даются слова: «тридцать лет тому назад». И хотя эту молодость не назовешь счастливой, но что нам был дождь, что снег, что проспект Металлистов, когда у нас впереди была репетиция с Райкиным.

В 60-м Райкин приехал в Одессу, мы ему опять показали себя, и я видел, как на сцене тронулся Кац, как он сошел с ума, что-то с ним стряслось: остановившийся взгляд, сумасшедший вид.

– Что с тобой? – спросил я заботливо-завистливо, как всегда.

– Астахов передал, что Райкин передал: завтра прийти в санаторий Чкалова в одиннадцать утра.

Для человека, с трех раз не попавшего в низшее цирковое, для человека, шесть раз посылавшего свои фото в обнаженном виде в разные цирки страны с оплаченным отказом, это перенести было невозможно. И он сошел с ума.

Райкин добил его, дав ему арбуз и отпечатанное в типографии заявление: «Прошу принять меня на работу...» Осталась только подпись, которую не было сил поставить.

На первом этаже дома по улице Ласточкина был дан ужин в честь великого и народного артиста РСФСР Райкина. Наша самодеятельность приникла к окнам, Ромын батька, футболист и партизан Аншель Кац, разносил рыбу и разливал коньяк. Мать двоих детей Каца сыпала в бульон мондалах, сосед по коммуналке, районный прокурор Козуб, в коридор от ненависти не выходил, ибо опять они здесь что-то затевают.

Райкин был нечеловечески красив – это он умел. Песочные брюки, кофейный пиджак, платочек и сорочка – тонкий довоенный шелк, и это при таком успехе, и это при такой славе, и это у Каца дома, и это вынести было невозможно, и мы молча пошли на бульвар и молча пошли на работу. Особенно я. Я тогда работал сменным механиком по портовым кранам и уже получал сто пять рублей.

В голове вертится фраза:

– Почем клубника?

– Уже шесть.

– Простите, вчера была пять.

– Я же говорю, уже шесть.

Первым сошел с ума Кац, вторым я. Я стал получать его письма в стиле апреля 1960 года и с тем же правописанием.

«И тогда сказал Аркадий Исаакович: «Сейчас мы едем прописываться», – и мы сели в большую черную машину, не знаю, как она называется, и поехали в управление, и он сказал: «Посиди», и он зашел к генералу, а я совсем немного посидел, и он вышел и сказал: «Все в порядке», – и мы поехали обратно, и нас все узнавали, и мы ехали такие счастливые».

Как мне было хорошо читать эти письма, сидя на куче угля, прячась от начальства, и только один раз пришло письмо вдвое толще, в том же библейском стиле:

«И тогда он сказал мне: «Завтра у нас шефский концерт, может, ты попробуешь что-нибудь свое?» И я прочел твой монолог, и его хорошо принимали, и он сказал: «Мы включим тебя с этим монологом в избранное». Я посылаю тебе программку, посмотри там в глубине».

И только тут я заметил, что держу во второй или в третьей руке программу, развернул – и сошел с ума...

Что мне было делать на той куче угля, и каким же я был, если б сказал своему начальнику Пупенко: «Смотрите, вот программа Райкина, а вот моя фамилия». И я полез в трюм, где сломалась выгребальная машина С-153, что выгребает уголь на просвет под грейфер, и только слеза на пыльной щеке – благодарность себе, судьбе, Кац-Карцеву-Кацу и сказочному стечению обстоятельств.

Как все евреи тянут друг друга, так Кац потащил за собой Ильченко, который к тому времени уже что-то возглавлял в пароходстве и уже приобрел первые навыки в демагогии и безапелляционности. Если б мы его не показали Райкину, он был бы замминистра или зампредоблсовпроса или предзамтурбюро «Карпаты» з пайкамы, з персональной черной, з храпящим шофером в сдвинутом на глаза кепаре, він кожний рік відпочивав би в санатории ЦК «Лаванда» у «люксе» з бабою, з дитямы, гуляв по вечерам до моря, по субботам напивавсь у компанії таких же дундуков, объединенных тайным знанием, что эта система ни к херам не годится, и в любом состоянии решал бы вопросы з населением. Находясь з ним в крайней вражде.

«Понаехали тут деревья защищать отовсюду, з Турции, з Израиля. Я им говорю: «Та хто ж те деревья хотел рубать?» Поналетели защищать чи евреи, чи не евреи, мне все равно. Я им: «Та хто ж их хотел рубать те деревья, ну производим плановое прореживание бульвара, упо-

рядочиваем вид з моря, з моря тоже ж кто-то смотрит на город...» Поналиталы. Демократия. Вона, выпустили на свою голову джинна».

Так вот Ильченко волевым решением поменял счастливую судьбу зампрединистра решающего на жизнь артиста воплощающего, постепенно втянулся, наладил связи, и теперь его не застанешь и не найдешь, и только за городом слышен его мощный голос: «Работать надо, товарищи, ищите автора, перебирайте литературу. С декабря начнем репетировать июльскую программу, усмешняйте, расставляйте акценты. Афористичнее, товарищи!»

В обстановке счастливо складывающихся человеческих судеб я не мог тихо сидеть на угле (как говорила англичанка: «У нас полиция на угле», я спросил: «Неужели так допотопно?», потом оказалось – на углу, это я на угле) и, по огромному собственному желанию уволившись, стартовал из одесского порта в Ленинград, где в 1964 году стал счастливым и присоединился к своим двум друзьям.

Первый гонорар получил сразу в 1967 году, а до этого три года Роман залезал под кровать и там, в темноте, в чемодане отсчитывал мне на питание десять рублей. Маманя вся в слезах слала три рубля в письме-конверте.

Пешком через мост в Кунсткамеру обедать, комплексно за пятьдесят копеек, и, чтоб я света белого не видел, у меня не было еще четырех копеек на троллейбус, отчего был сухим, мускулистым и смелым, как все, у кого ничего нет.

Друг и соавтор Лозовский, с которым я прибыл в Ленинград занять место в высшем свете, неожиданно проиграл свои деньги в преферанс и сошелся с попом, жарил ему яичницу, пил с ним водку и отказывался зарабатывать каким-либо трудом, кроме литературного. А когда я услышал, как он весело проводит время за шкафом, а я мучаюсь в святых поисках слова, я ему выдал справку: «Разрешены все виды деятельности, кроме умственной» и отправил в Одессу, где он снова стал талантливым конструктором, о чем до сих пор вспоминает в Израиле.

А я переехал к артистам-миниатюристах на проспект Металлистов, хотя слово «переехал» сюда не подходит. Вещей не было.

Ильченко под свою фамилию и дворянское прошлое одолжил у Руфи Марковны Райкиной (Ромы) тридцать рублей, но потерял их по дороге и задумчиво наблюдал, как я размещаюсь. Потом наступил его телефонный разговор с Одессой, с женой:

– Таня, ты деньги получила?

– Когда ты выслал?

– Нет, я спрашиваю: ты на работе деньги получила? Вышли мне.

Это были счастливые дни нашей жизни на проспекте Металлистов за кинотеатром «Титан», или «Гигант», или «Великан». Девочка Летуновская подарила нам чайник. Хозяйка по-ленинградски пила вмертвую. То есть начинала со скандала: «Где щетка? Я не вижу кастрюли...» – находила шкалик и засыпала.

В 1966 году, после двух лет моего пребывания в Ленинграде без копейки и работы, А. И. Р. сказал, что в спектакле Музы Павловой они будут делать мое отделение. Оценив это обещание, я пытался уехать. Мне посоветовали поговорить с Руфью Марковной, и в 1967-м я получил свой первый гонорар в пятьсот рублей, номер в гостинице «Астория», стол в ресторане и премьеру «Светофора» в ноябре. Я стал знатен и богат, что немедленно сказалось на характере.

А!.. Эти одинокие выступления... эти попытки репетировать что-то с друзьями. Эти попытки что-то доказать. И первая публика. И первый успех. И с поцелуями и любовными клятвами был уволен из театра в 1969 году навсегда! Как сказал А. И. Р.: «Отрезанный ломоть!» Все, эпизод снят!

Рома с Витей уволились тоже. Вот тут прошу запомнить – их никто не увольнял, наоборот, их пытались удержать всеми методами. Витя напечатал заявление на машинке, чем привел шефа в ярость.

В голове вертится фраза: «Партия вам не проходной двор! На каком основании вы сочли возможным прорваться на трибуну высшего военно-политического, ордена Боевого Красного Знамени, ордена «Знак Почета» Ленинградского государственного музыкального училища?!!!»

В 1970-м мы стартовали. Второй раз за жизнь. Вернулись в Одессу, где тоже не были нам рады, но нам здорово помогла холера 1970 года. Из всех холер самая прогрессивная. Режиссер Левитин, гремя жестью, уехал с криком «Жду в Москве!», секретарь обкома Лидия Всеволодовна Гладкая переменилась в лице – я ее догнал на улице:

– Спектакль не принят?

– Принят, принят, играйте что хотите.

Такую свободу и изобилие я видел только в день смерти Леонида Ильича, когда была оцеплена Москва и продавцы зазывали в магазины. И в районе радиации. То есть жизнь показывала, что есть несчастья большие, чем плановое хозяйство, и мы повеселились!

Обсервация на т/х «Таджикистан», полные бары подозреваемых в скорой смерти, музыка и лучшее, что есть в глуши, – беспорядочные связи (зачеркнуто), знакомства (зачеркнуто), дружба (зачеркнуто), любовь (зачеркнуто), контакты (зачеркнуто), счастье (зачеркнуто).

Первый выезд в Ростовскую область. Первые гастроли. Автобус Фурцевой – фурцевоз, село Жирновка.

– Эй!

– Чего?

– Артисты приехали.

– Какие еще артисты, елкин дуб?

– Да вот эти, что на афише...

– А, эти? Так у нас не захотели, езжайте в Белую Калитву, может, там захотят.

Так мы ехали по деревням – и никого. Не захотели! Но мы в Ростове перед отъездом записали на телевидении «Авас», вернулись в Ростов – директор филармонии подозрительно смотрит, еще просит остаться. Стулья ставят. Из обкома звонят.

Аншлаг!

Отныне мы влюбились в это слово, в это состояние. Пусть говорит кто хочет, пусть неполноценно хнычут о массовом, не массовом – если ты вышел на сцену и произносишь монолог, постарайся, чтоб в зале кто-то был. Даже политиков это тревожит, а уж театр обязан иметь успех.

Раб начинает так: «Они виноваты в том, что я...» Свободный: «Я виноват, в том, что я...» Кровью, потом и слезами полита дорога к аншлагу, и стоит он, недолгий, на крови, поте. Да здравствует наша страна – покровительница всех муз. Да здравствует партия – покровительница страны, покровительница всех муз.

– Товарищи, товарищи, здесь режимная зона... Мало ли что... Мало ли что... Прошу... Прошу...

– Михаил, о чем мне писать, как вы думаете? Я хочу узнать, что сейчас волнует молодежь, я изучаю их жаргон, я специально хожу на рок-группы. Я узнаю, что их волнует, я напишу об этом.

– Пиши, может, и тебе передастся.

Из Ростова, после успеха, слишком хорошо отдохнувшие, прямо попадаем на конкурс артистов эстрады, подтверждая железное правило, что невыспавшемуся, безразличному, наплевавшему на все – везет. Разделяем первое и второе места с Кокориным, которого сейчас заслуженно никто не знает, потому что не надо письма Ленина с эстрады читать, мы до сих пор в них разобраться не можем. Отныне участвуем в идиотской конкуренции. С одной стороны – герои и лауреаты, которых никто не знает, с другой стороны – беспородные, которых знают все. Вернулись на ридну Украину в Киев. Я был персонально приглашен к директору Укрконцерта.

– Товарищ Жиманецкий! Крайне рад за вас. Значит, чтоб вам было ясно, сразу скажу: такое бывает раз в жизни. Сейчас это у вас будет.

– Конкурс, что ли?

– Та нет. Мы ж не дети. Кому той конкурс здвася... Щас я вам скажу. Петр Ефимович Шелест лично вычеркнули из правительственного концерта Тимошенко и Березина и лично вписали вас. Я вижу, вы плохо представляете, что это значит... Это значит: мы з вами берем карту города Киева. Вы, писатель Жиманецкий и ваши подопечные Карченко и Ильцев, ткнете мне пальцем в любое место карты, и там будет у вас квартира. Такое бывает раз в жизни.

А мы поехали в Одессу, где посторонние люди нам меняли концовки, где заменяли середину, где вычеркивали и вычеркивали, и снова ехали в Киев, умоляли не трогать. А зампред Одессы по культуре Черкасский говорил:

«А я министру говорю, что ж ты все режешь, чем ты хвалишься. В Херсон поехал, снял программу, в Одессе запретил, во Львове срезал, где ты хоть что-нибудь разрешил, скажи. Счас мы з вами зайдем. Вы увидите, какой это жлоб».

Секретарь обкома Козырь: «Что такое, что вы бьетесь, какие проблемы? Записываю целево максимально для исполнения, лично держу на контроле. У нас сейчас горячая пора, орден должны области давать. Мы все света белого не видим. Так что после пятнадцатого лично займусь. Не надо меня искать, сам найду».

Он искал нас несколько лет.

Одно знаю точно: не просите начальника о поддержке. Конкретно: нужны столбы, провода, гвозди... Пусть он обещает «создать атмосферу», «усилить влияние» – но вы-то не дурак.

Мы помним точно: никогда при подаче заявления об увольнении нам не сказали: «Оставайтесь», и мы стартовали третий раз. В Москву, в Москву...

Москва известна тем, что там можно потеряться. В Ленинграде и Одессе ты никуда не денешься. И если в Москве ты ходишь по проволоке, то на Украине по острию ножа. Откуда там собралось столько правоверных? Что они для себя выбирают? Что такое антисоветчина, что такое советчина? Поставь палку – здесь будет советчина, здесь антисоветчина, передвинь палку – уже здесь советчина, здесь антисоветчина. И кто кричит «антисоветчина»? Воны. З пайками та машинами. Для нормального зрителя – правда или неправда. Он ни разу не сказал «антисоветчина», это говорили только там, на коврах в кабинетах. Что же они защищают?

В голове вертится: «Сила партии в каждом из нас». «Да здравствует Советская власть – покровительница влюбленных, защитница обездоленных, кормящая с руки сирот и алкоголиков». «Как в капле отражается солнце, так в каждом из нас...»

«Прошу, товарищи, высказываться. Действительно ли это юмор, как утверждают авторы, или мы имеем дело с чем-то другим? Прошу, Степан Васильевич, начинай...»

Москва. Разгул застоя.

«Марья Ивановна, приезжайте ко мне домой, тут один одессит читает, это очень смешно, и Федора Григорьевича берите обязательно...»

Или: «Сейчас, Михаил, секундочку, чуть пива. Добавим пар, сразу хлебом пахнет, эвкалиптика. Давай, Михаил, читай...»

У него аж портфель запотел.

– Товарищи, я извиняюсь, управделами здесь? Мне срочно подписать...

– Вы что, с ума сошли, в костюме, в пальто в парную...

– Я извиняюсь, я в таком белье... жена где-то купила...

– Все снимайте и лезьте вон туда на полку, берите бумагу свою и ручку, он там голый.

Степан Григорьевич, к вам тут срочно.

– Ох, ах, ух... Пусть войдет, житья нет.

Эх, застой, ух, застой! Веничком спину давай! По пяточкам. Ух, застой – о – о – горячо! Ух, профессор!

Или: «Степан Григорьевич привел юмориста. Он в обед почитает. У меня виски-тоник. Кабинет на замок – читай». Эх, референты – короли застоя. Какая разница между министром и референтом? Никакой, только министр об этом не знает.

Съезд партии... Сюда помещаем группу скандирования. Она работает, в это время армия, пионеры, в одиннадцать ноль-ноль передовики производства, Пахмутова и обед... После перерыва звеньевая колхоза «Рассвет», две перспективы, одно критическое замечание, две здравицы и пошел ветеран. Затем два воспоминания, один эпизод с первым на фронте, одна поддержка молодежи, связь поколений, здравица и плавно молодой солдат. Опять связь поколений, благодарность командирам, боевая подготовка, слава партии – перерыв...

– Не забудь скандирование по десять человек через четыре ряда.

– А ну, профсоюз, скажи.

– А чего, за родину нашу, за нашу заботливую мать!

– Верно, профсоюз, сначала ты о ней заботься, потом она о тебе. Верно заметил, профсоюз, глаз острый.

– А как же Леонид Иванович, ему рабочие интересы защищать.

– От кого их защищать в рабочем государстве?

– Не, не, Леонид Иванович, хватает еще бюрократов.

– Ну, бить бюрократов – святое дело, говори ты, комсомол.

– Мы за вас, Леонид Иванович, за ваш ум и мудрость, за волю и целеустремленность, за радость победы, которую только под вашим руководством и чувствуешь.

– Браво, браво, точно...

– Садись, комсомол, ну, партия, что, партия?

– Поднимаем страну, Леонид Иванович, укрепляем наши ряды. За всех присутствующих!

– Давай, армия.

Шепот:

– Леонид Иванович...

– Не-не... Искусство потом, искусство нас посмешит, верно, искусство?

Артисты:

– Верно, Леонид Иванович.

– Володя!

Володя:

– Слушаю, Леонид Иванович!

– Скажешь этой новенькой, чтоб осталась с Федоровым.

– Где, здесь?

– Ты что. Мы ж ей дали квартиру.

– Ясно, а если упрется?

– Не упрется, я с ней беседовал. Милиция здесь?

– Здесь, Леонид Иванович.

– Скажи, милиция, как ты нас бережешь? Что моя Мария жалуется, где наша Муська рыжая?

– Задание дано, полковник с уполномоченными прочесывают окрестности, соседи оповещены. Муська найдется.

– Найди, найди мне ее, ласковая она, жена любит, мурлычет приятно. За что пьем?

– Милиция всегда за порядок и спокойствие.

– Ну, давай, искусство, хватит наворачивать.

– Час расплаты настал?

– Давай, давай, выдай чего-нибудь, искусство.

– Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– А-ха-ха! А ну еще раз.

– Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– Владимир, завтра мне перепишешь, я в Совмине скажу. Ну, за сказанное.

Да, разгул расцвета застоя и разгула застолья. Не работали мы как обычно, но гуляли чрезвычайно. Как никогда не работали, как никогда гуляли. Как обычно – говорил один и ему вторил второй. Веселье лилось, анекдоты давали второй и третий урожай. А то, что мы выедали, объедали, распродавали страну, мы не знали. Да и что мы там распродавали? Наружу мы не показывались, мы бушевали внутри.

– Не надо ждать вечера, вы в обед ему сыграйте.

– Кому?

– Начальнику. А пусть подавится. А пусть подавится. Прекрасная мысль. Чего ждать праздника?

– Мы хотели для коллектива.

– Значит, так, здесь Москва, да? Вы на десяти стадионах будете танцевать, ничего не будет, ему понравится – все! Никаких отказов. Я ему сказал. Они с замом ждут. Виски, сигареты, закусочка, все туда несут из спецбуфета.

– Ты начнешь.

– У нас программа.

– Он начнет. Хватит ваших лиц в таком количестве. Он уже бурчал: «Кто над нами смеется? Люди какой национальности?» Ему это интересно.

– Так, может, не надо...

– Он-то ничего, другие еще хуже, там будет еще один из ЦК.

– Может, не надо?

– Этому нужно играть после второго стакана. Хохочет, все понимает... Ничего. Все!.. Вы здесь сидите. Я приглашу.

– Федор Иванович, они здесь. Это очень смешно, честное пионерское.

– Что он просит?

– Телефон.

– Там кабелировано?

– Соседний дом имеет. Поставим воздушку временно.

– Дай схему кабелирования... Ладно. Зови.

– Прошу к столу. Сюда, в комнату отдыха. Ребята, входите. Ждите. Я дам сигнал. *(Исчезает. Тишина. Он появляется.)* Еще минутку. *(Шепотом.)* Сейчас он по второй. *(Исчезает.)* Входи.

(Все входят в комнату отдыха. Вскоре оттуда слышен концерт для троих в полной тишине, появляется Федор Иванович с референтом.)

Референт. Ну они просят отдельный. Без блокиратора.

Федор Иванович. Не тянут. Петрович вообще не улыбнулся, я там раза два. Не, не тянут.

Референт. Ну я прошу, ну еще 15 минут.

(Возвращаются. Концерт, смех. Все выходят.)

Федор Иванович. Давай письмо. Отдельный... Молодцы, последняя шутка вполне. Я в слезах сидел – молодцы...

Ух, застой. Наш застой. Видишь, ходьба по дну никого не испугала. А застой... привел к перевороту. Все можем себе простить, но не отставание в физической силе. Очень греет сознание: «Ничего, пусть только полезут, так хряпнем по мозгам. О! Что там эта маленькая вякает, так хряпнем. Чего там наши чикаются, надо так хряпнуть. Здесь недоедаем, но там чтоб все было. Ох, красивые танки. Ну, крейсера, заглядение. ППШ – лучший в мире. Секрет МИГа до сих пор не могут разгадать.

Что Афганистан?! Правильно сделали, они ж на нефти сидят и ничего не понимают. Как же туда не войти. Наша Чехословакия. Наша Венгрия. Никому не отдадим. Мы не войдем –

немцы войдут. Все равно кто-то войдет. Так лучше мы. Ансамбль песни и пляски на Кубе. Как блокаду Кубы объявили, так мы оттуда все аккордеоны вывезли и ансамбль убрали».

Да, карьера. Те, кто идет вверх, дойдя до конца верха, вширь ползут, и получается агрессия. Та же карьера, только вширь. А мы поддерживали, а нам чего: может, оттуда изюм привезут, а оттуда курей. Объедем – дальше поползем.

Если считать, что нижние воруют, а верхние делают карьеру, то это то самое, что нужно для мирового сообщества, тут мы и как раз. Интересы верхов и низов полностью совпадают, верхние дошли до верха и пошли вширь, а нижние идут сзади, и стягивают, и грызут, и объедают.

Саранча, или мыши, или тараканы, и никто не виноват. Все заняты делом. Эти командуют, эти что-то отпиливают.

Ох, застой! Тем и хорош был, или есть, что интересы верхов и низов полностью совпадали. Интеллигенция верещала, не печатали ихние романы или, черт его знает, пробирок не давали. Самыми смешными были эти очкастые в разгульном блатном лагере. Верещали, протестовали, жалко шептали: не воруй, не убий, не пожелай ближнюю свою. И правильно их в лагерь и психушки. Помешать они не могли, но настроение портили. В общем, отправили их подальше. Конечно, жить хуже стало, вернее, не хуже, а иначе. Ну то есть лечить некому, чертить некому. Ну и что? Это ерунда. Дети мрут, люди мрут, ну и что? Гулял, гулял и помер.

Для лечения верхов из Японии врача вызовем, а низы и сами долго жить не хотят. Сами убедились, что это лишнее. Глупо тянуть. Самому противно, окружающие ненавидят. Ты еще только болеешь, а уже очередь на твою квартиру выстроилась. В общем, невзирая на внешнюю вражду, трогательное единение верхов и низов. Низы понимают, что верх должен жить во дворце, верх понимает, что низ должен воровать. Эх, застой, Божья благодать. Рай для вороватых, пробивных. А для предателей самое время.

Правду не говорил никто! Ну то есть кто-то говорил, но где? Интеллигенция шла на смерть небольшой кучкой у кинотеатра: «Уведите войска из Чехословакии, из Венгрии». Уведите, да. Начальники за войска, народ за войска, а эти против. Сейчас уведем, разбежались. Никто не был маразматиком. Все совпало. Воры сверху и воры снизу, они сошлись, и как ты их удержишь?

«А в Венгрии, представляешь, – рассказывает капитан, – продвигаются мои танки. По такой узкой улице брызговики штукатурку сбивают, а венгры что придумали, представляешь, – портрет Ленина посреди улицы, думали, не наеду, а я и не наехал. Я объехал. Понял, да? И вся улица поняла. Не надо так с нами поступать! Не надо!»

Объезжали – давили, прямо – давили. И остановились на раздавленном. Началась перестройка.

Шестидесятые

Я человек суеверный: не подвожу итогов, не заводжу архивов, не ставлю дат на сочинениях. Интерес к личной жизни деятелей искусств нам чужд, хотя там самое интересное, а моя автобиография для предъявления в разные организации, как бы я ее ни растягивал, умещается на одной странице.

Да! Родился в Одессе, где-то в 34-м. Что-то вспоминается очень солнечное, пляжное, заполненное женищинами маминого возраста. Пока не грохнула война. Дальше – поезд, лопухи, Средняя Азия, школа, Победа, возвращение в Одессу, Институт инженеров морского флота, где и застал нас 53-й год. Ренессанс! Бурный рост художественной самодеятельности. В Москве – студия «Наш дом», в Ленинграде – «Весна в ЛЭТИ», в Одессе – «Парнас-2» (в отличие от древнегреческого номер 1).

В наш институт на вечера – как в «Ленком» в Москве: давка, слезы. Мы с Виктором Ильченко играем миниатюры. Ведем концерты. По поручению комсомола я начал писать. После страшного раздолба начал писать смешно, вернее, не смешно, смешно я никогда не писал, а грустно, что и вызывало смех.

Смех слышал с удивлением, и чем я меньше понимал, отчего смеются, тем громче они это делали. Открылся городской студенческий клуб. Театр «Парнас-2» процветал. Я уже закончил институт, работал в порту сменным механиком, чтоб легче было репетировать. Восемь лет погрузки-выгрузки, разбегов на автопогрузчике, сидения в парохоме, в трюме, в угле, когда видны только глаза и зубы. Там я муржал.

Молчание – золото!

Для Р. Карцева

Шшш!.. Шшш!.. Тише! О таких вещах только между нами. Я – тебе, ты – мне, и разбежались! Не дай бог! Что вы?! Жизнь одна, и прожить ее надо так, чтобы не было больно... И все! Все разговоры, замечания только среди своих – папе, маме, дяде, тете. И все! И разбежались. А вы на всю улицу. Что вы?! Осторожнее! Десять тысяч человек, и все прислушиваются. Вы их знаете? А кто за углом?.. Ну не можете молчать, вас распирает – возьмите одного-двух, заведите домой... Окна заложите ватой – и всю правду шепотом! Недостатков много, а здоровье одно. Недостатки исправишь...

А так сидим, молчим. Ничего не видели, не слышали. Глухонемые. Мычим. И все! Кто к глухонемому пристанет?! Что вы!.. Молчание – золото. Читали, в Гостином дворе золото нашли – шесть кирпичей.

Они растрезвонили – шесть кирпичей! Ур-р-ра! Шесть кирпичей! Землекопы, некультурные люди! Ну и сразу пришли и забрали! Что, им дали хоть один кирпич?! Абсурд! Они теперь ходят за зарплатой, локти кусают. Ну а если бы они не сказали?.. Я понимаю, но допустим. Ну нашли. Ну чего кричать? Молчание – золото! Шесть кирпичей. Пять закопал, один на расходы. Кусочек отпилил – и в Сухуми на пляж. У всех зима, а вы загораете. Всем зубы золотые вставил – себе, жене, теще, детям. Младшему полтора года – он уже в золотых зубах. Что, некрасиво? Красиво! Улыбнуться нельзя – арестуют! И нечего улыбаться. Нечего рот раскрывать! Дома радиаторы золотые – сверху глиной обмазаны. Что, плохо греют? Согреют. Это же золото! Сын в институт попасть не может – полный идиот. Декану полкирпича – сын академик, золотая голова! Дочка – корова, еле ходит. Полкирпича в зубы – прима-балерина в Большом! И в результате все устроены и три кирпича на черный день. Только тихо! Никаких собраний. Никаких обедов, никаких праздников. Окна закрыты ставнями, из дома не выходить! Круглосуточные дежурства. Кушать только ночью под одеялом! Вот это жизнь! И – тс-с! Молчание – золото!

Личный опыт

Для Р. Карцева

Ничто так не приободряет человека, как личный опыт... Билеты у спекулянта взял в кино. Оказалось, на вчера, в другом городе и не в кино, а куда-то в планетарий. Черт с ним. Но опыт приобрел. Теперь дудки меня объедешь... Теперь билеты – намертво! Пока сам не обожжешься, никто тебе не докажет.

Копил на машину. Предупреждали! Ничего, купил. Подержанную. Всего пятьсот тысяч прошла, прогрохала. Доехал домой, а из дому – ни колесом. Ни гудком! Даже дверцу не откроешь. Что с ней ни делал – не идет, стерва! Все, что накопил, в нее вбухал и продать не могу... Вдряпался, конечно. Но опыт приобрел. Теперь на машину веревкой не затянешь. Даже разговоров избегаю.

Все самому надо испытать. Только на себе. Ничто так не убеждает, как собственный затылок. Говорили, готовый бери. А я сшил... Портной как летчик. Он ошибется – я погиб. В общем, снять не могу. Трещит. Под горячей водой снимали. Дудки я теперь шить буду. Убедился. Конечно, средств на все эти опыты уходит – будь здоров. От еды временно отказался... Но неоценимый опыт приобрел. Багаж. Мудрость. Будет что молодежи рассказать!

Пошел к зубному технику одному. Они со стоматологом вместе. Ай!.. Чего они там?.. Ой, они там чего-то плавил в тигле... Чего-то там автогеном варили... Гипсом заливали... Еле отодрали... Вместе со своими зубами отодрали... И выколотить не могли, так и выбросили. Теперь, конечно, «с», «ж», «з», «ф», «к», «ц», «ч», «ш», «щ» не выговариваю, но опыт приобрел. Теперь я к этим двум жукам ни ногой. Хо-хо! Теперь ты меня там увидишь?! Я у них первым был, оказывается... Ничего, зато они у меня последние. Без зубов и без букв как-нибудь проживу, а они меня теперь увидят!.. Задним умом буду крепок, если передним не прошибаю.

Этот тип косой мне заграничную радиолу подбросил. «Хрундик». Многооборотную. С пяти метров берет. В его руках, на пустыре, она все брала. А у меня теперь на ней только чайник, «Маяк» – с трудом... А я на нее свехурочно, как дурачок, пульман цемента на горбу... А «Маяк» любой наш репродуктор берет, за пять рублей. Ничего. Поумнел. Опыт есть. Я теперь того косого за квартал... Найдет он меня... На всю жизнь зарекся радиолы брать... Шалишь! Умнеем на глазах!

С этой тоже так нехорошо получилось... С личной жизнью. Нелегко... Ой!.. Ну дает она мне прикурить... Ой!.. Один раз ей изменил. Разок... Но теперь опыт есть. Обжегся. Все! Теперь ни ногой... Конечно, малость подзалетел... Платим теперь... Выплачиваем... Доходит до того, что в получку шесть рублей получаем. Двое там растут... Но опыт есть. Дудки теперь домой провожать, только до троллейбуса. Извините, я теперь опытный.

Что еще мне осталось?.. Ерунда. Почти все на своем опыте испытал.

Это все теория: красный свет, зеленый свет, а пока тебя не переедет, пока грузовик на себе не почувствуешь – никому не поверишь.

Разговор по поводу

Для Р. Карцева

Первый монолог в спектакле А. Райкина «Нам – 25»

Я к вам из районного отделения культуры. Сидите, товарищи, сидите! Я к вам не по службе пришел и буду говорить то, что думаю. Ну что, неплохо. Сатиру даете, молодцы: и авторы, и те, что пишут, актеры и те, что играют, режиссеры и те, что поставили. Молодцы! Но нет у вас, нет у вас... (сжимает кулак) вот этого у вас нет. Вот я смотрел две ваши сценки: «Наглость» и «Осторожность». Одна женщина дома лежит, другая женщина дома сидит, им пойти некуда. Ну, одному некуда, другому, третьему, соберитесь вместе, идите в баню, к зубному врачу, стихи почитайте с выражениями. А вы с этим вопросом на сцену.

Сейчас время не то, а раньше я за эти вещи... раз... и все! Так что повнимательней, и авторы, и те, что пишут, и актеры, и те, что играют. И на прошлом концерте я у вас был. Там какие-то люди ходили по сцене: «Хав ду ю ду, ай лав ю...» – по-английски ругались, а что, по-русски нельзя? А этот толстый актер бегают, мотается, шумит чего? Ему разве там место? Ему большие формы нужны: опера, балет «Щелкунчик», с крупными тиграми может работать товарищ! А тот, что худой, с мышами! Я сам над собой много работаю. Недавно закончил автобиографическую повесть – «Дурак» называется. Тоже такая умная вещичка получилась. Так что смотрите, товарищи, и актеры, и те, что играют, и авторы, и те, что пишут... И про женщин давайте, мало у вас про женщин, а среди них тоже разные люди есть. Так что смотрите, товарищи актеры, и те, что играют, режиссеры и те, что ставят...

И название у вас «Нам – 25»... Что двадцать пять? Кому двадцать пять? За что двадцать пять?.. Непонятно. Если трудно будет, приходите ко мне или я к вам режиссером попрошусь. Дадим сатиру юмористически! Телефон у меня есть: Ж-2-Ж-3-Ж-5-Ж-6, добавочный сто пятьдесят. Звоните, заходите, если меня не будет, значит, меня нет!

Полезные советы

Вы знаете, может быть, я ничего не понимаю, но все это нужно играть не так. Как?.. Я не знаю. Но не так. Может быть, я ничего не понимаю, но играть нужно совершенно иначе. Может быть, даже как-то наоборот. Там, где он заходит спереди, попробовать... попробовать... нет, не сзади. Попробовать совсем не заходить. Там, где все играют слева направо, попробовать сыграть по диагонали, что ли, и завернуть штопором вбок! Попробовать! Надо делать. Это же все не так. Все! Как? Еще раз говорю, я не специалист. Я знаю, что не так. Господи! Ну что тут сложного?.. Ну, может быть, появиться в зале на лошади, а может быть, в темных очках, с брандспойтом. Я сейчас фантазирую, вы заметили?.. Или в другом ключе. Более эмоционально.

Может быть, актеры через трубу должны полезть на крышу. Допустим, мы все в зале, а они все на крыше. Может быть, так. А может быть, мы все на крыше, а они все... дома... Я опять фантазирую, вы заметили?..

Я не знаю, я не специалист, меня недавно оперировали. Я лежу и чувствую – не так. Не знаю как, но не так. Я не специалист, поэтому я молчал, иначе они бы меня зарезали. Но это в больнице, а здесь мы же можем фантазировать. Может быть, я не прав, но у меня такое ощущение... Это все нужно играть не так. Как?.. Отвечу. Иначе! Может быть, настолько иначе, что не играть вообще. Попробовать. Если получится хорошо, продолжать не играть. Может быть, так. А может быть, ничего не менять, все так играть, но без публики. Вы следите за ходом моей мысли?.. Следите вы, потому что мне трудно. А может быть, так играть, чтобы не играть? Ставить и в то же время не ставить. Обращать внимание и не обращать. Говорить о чем-нибудь и не говорить. Речка движется и не движется. Трудно высказать и не высказать. То, что это не так, я знаю твердо. А вот как? Если вы не сыграете так, как я говорю, еще раз извините... Я могу изложить свои пожелания в письменном виде.

Время больших перемещений

Наступило такое время, когда сказать, кто куда поедет, невозможно. Наступило время больших перемещений. Люди ездят. Над головой жужжат битком набитые самолеты, они летят на юг. Такие же набитые самолеты летят обратно. Если бы Ту-104 имели подножки, на них бы висели гроздьями. В Воркуту билет достать невозможно, на Дальнем Востоке битком, на Крайнем Севере на каждом камне турист, в Москве, как обычно, вынесет из метро, ударит об забор и понесет в другое метро – ваше счастье, если вам туда надо. В каждом городе полно приезжих, откуда же они выезжают?

Мы встречаемся с друзьями в Ленинграде, уезжаем от них в отпуск и там встречаем тех же друзей.

Время больших перемещений! Половина людей едет туда, половина обратно, остальные стоят в очереди за билетами. Мой дедушка пятьдесят лет сидел камнем, вчера он двинул в Новосибирск с ответным визитом.

Такое время! Все знают правила уличного движения. Появились миллионы непьющих: они за рулем, их пешком под кирпич не затолкаешь!

Такое время – каждый третий спрашивает, как пройти, каждый второй не знает.

Время больших перемещений. Массы двинули за город. В музеях демографический взрыв. В гостиницах толпы. Под каждым деревом семья. В гнездах по два птенца и по четыре первоклассника.

На одного лося по двадцать тысяч человек с фотоаппаратами. На малого зайца сорок человек с ружьями, собаками и удостоверениями.

Волки растерялись: за каждым их движением следят по восемь человек, и в их стаю затесался самец с кинокамерой и билетом клуба кинопутешественников.

За полярным кругом завыл белый медведь, опечатанный, окольцованный и зарегистрированный.

Двадцать человек ждут, когда вынырнет морж. Он бы и не вынырнул, но его снизу подталкивают четыре аквалангиста.

Рыба-кит по фамилии Джек с потухшим взглядом крутит сальто за полведра рыбы, которая свое уже открутила.

Шестнадцать человек помогают льву охотиться. Двое держат козу, один бежит впереди и лаем показывает, где она находится.

В стае акул двое наших!

Люди ездят. Пообедать им уже неинтересно, одеться им уже неинтересно, им интересно путешествовать, видеть, слышать и, кроме желудка и тела, доставлять наслаждение своей душе, чтобы еще полнее сделать то, что называется этим простым словом – жизнь!

Помолодеть

Хотите помолодеть?..

Кто не хочет, может выйти, оставшиеся будут слушать мой проект.

Чтобы помолодеть, надо сделать следующее.

Нужно не знать, сколько кому лет.

А сделать это просто: часы и календари у населения отобрать, сложить все это в кучу на набережной.

Пусть куча тикает и звонит, когда ей выпадут ее сроки, а самим разойтись. Кому интересно, пусть возле кучи стоит, отмечает.

А мы без сроков, без времени, без дней рождения, извините.

Ибо нет ничего печальней дней рождения, и годовщин свадеб, и лет работы на одном месте.

Так мы и без старости окажемся...

Кто скажет: «Ей двадцать, ему сорок»? Кто считал?

Кто знает, сколько ей?..

Не узнаешь – губы мягкие, и все.

Живем по солнцу.

Все цветет, и зеленеет, и желтеет, и опадает, и ждет солнца.

Птицы запели – значит, утро.

Стемнело – значит, вечер.

И никакой штормовщины в конце года, потому что неизвестно.

И праздник не по календарю, а по настроению.

Когда весна или, наоборот, красивая зимняя ночь, мы и высыпали все и танцуем...

А сейчас... Слышите – «сейчас»?

Я просыпаюсь – надо мной часы.

Сажусь – передо мной часы.

В метро, на улице, по телефону, телевизору и на руке – небьющаяся сволочь с календарем.

Обтикавают со всех сторон.

Напоминают, сколько прошло, чтобы вычитанием определить, сколько осталось: час, два, неделя, месяц.

Тик-так, тик-так.

Бреюсь, бреюсь каждое утро, все чаще и чаще!

Оглянулся – суббота, суббота. Мелькают вторники, как спицы.

Понедельник – суббота, понедельник – суббота? Жить когда?..

Не надо бессмертия.

Пусть умру, если без этого не обойтись.

Но нельзя же так быстро.

Только что было четыре – уже восемь.

Только я ее целовал, и она потянулась у окна, просвеченная, – боже, какая стройная!

А она уже с ребенком, и не моим, и в плаще, и располнела.

И я лысый, и толстый, и бока, и на зеркало злюсь...

Только что нырял на время и на расстояние – сейчас лежу полвоскресенья и газеты выпиваю все чаще.

А это раз в год!

В детстве казалось, возьмешь ложечку варенья – в банке столько же.

Ерунда! В банке меньше становится.

Уже ложкой по дну шкрябаешь...
И что раздражает, так это деревья.
То зеленые, то желтые.
И стоят, и все.
Маленький попугай – крепкий тип.
Гоголя помнит и нас помнить будет.
Нельзя нам так быстро.
Не расстраивался бы и вас не расстраивал.
Но жить люблю, поэтому и хочется...

Спасибо вам всем, спасибо!

Для В. Ильченко

Спасибо, спасибо, спасибо вам всем. Спасибо центральной печати, нашему городскому начальству, пионерской организации. Спасибо всем вам!

Инвалид я. Один остался. Лежу, почти не встаю. Осколки всюду. Лицо изуродовано – стыдно на улице. Дома лежал. Вначале работу давали. Скрепочки делал. Потом как-то замотались. Кто-то проворовался. Артель прикрыли, а я так остался. Все заняты, бегают. А я лежу, стараюсь не шуметь. Пятнадцать лет лежал, никого не было. Думал, забыли. Вдруг случайно товарищ фронтовой заглянул. Увидал, как я лежу, написал письмо. Корреспондент приезжал. Увидал, как я лежу, написал статью. И что самое удивительное – напечатали! Напечатали! Спасибо, спасибо... Все, все переменялось. Не одинок я больше, просто, оказывается, никто не знал. А как все узнали – примчались, прилетели! Вся комната в знаменах. Пионеры сбор у постели героя провели. Неделю помощи объявили. Шестой день помогают, еще завтра целый день будут помогать. Солдаты прибежали с лейтенантом, просили рассказать, как Днепр форсировали. Я начал рассказывать, как форсировали, и не могу. Спасибо, спасибо вам, товарищи из округа, что не забыли. Спасибо, что помните тех, кто осколки в груди носит. Спасибо вам всем.

Памятник мне делают. То есть бюст. Фамилию прибежали узнавать. Старушка одинокая написала, что хочет меня удочерить. У нее уже есть два грузина, казах и друг степей калмык, ей нужен инвалид. Отставник приглашал к себе в Ялту погостить, только просил, чтобы его письмо опубликовали. А позавчера вообще стол накрыли, деликатесов навезли, в жизни не то что не ел, не видел такого! Икры всякие, крабы, осетры, ананасы. Все, что земля родит, все на том столе было – иностранцев ждали. Уже начали обратно в корзину собирать, думали, не приедут – приехали, приехали. Отведал всего. Первый раз такое испытал. Спасибо. Что значит – не забыли. Нужен я кому-то, нужен. А сегодня двое из райисполкома, от которых все зависит, приезжали посмотреть, как я лежу. С газетой приехали. Статью читают и на меня смотрят – сличают. А я лежу и радуюсь: занятые люди, а вырвались, нашли время. И прямо спорить у постели начали, кто раньше должен помогать.

– Вы обязаны были проявить чуткость!

– Почему я обязан? Кто он мне, отец?

– А мне он кто, дядя?

– Идите с ним вместе к чертовой матери!

– Ха-ха! Теперь уже поздно! Теперь нужно реагировать.

– Теперь ему квартиру надо давать.

– Давайте!

– А очередь?

– А не надо было корреспондента пропускать.

– А я его видел? Проскочил этот пис-с-с-сатель. Нацарапал!!! И ускакал!!! А я теперь выискивать должен! Ох, я б его...

А я лежу и улыбаюсь. Наконец-то, наконец-то... А слезы по щекам стекают в подушку... Под пулями не плакал, ноги отнимали – не плакал... А здесь первый раз в жизни... Не забыли! Спасибо вам... спасибо... спасибо... спасибо...

Скромность

Сегодня мне бы хотелось поделиться своими раздумьями, своим опытом. Я думаю, будет полезно кое-кому. Особенно из молодежи. Она, как говорится, пороку не нюхала, ран не считала. Я, граждане, с большой горечью и обидой замечая, как кое-кто, особенно из молодежи, добившись увеличения зарплаты или там получив гонорар, начинает обставляться, покупать квартиры, холодильники и прочее.

(Ему подставляют кресло.)

Кое-кто забывает, в чем истинная красота жизни. Красота жизни в красоте человека. А обстановка лишний раз подчеркивает эту красоту. Скромная обстановка создает красоту человеческой личности.

(Меняют кресло на диван.)

Пусть кто-то живет в роскошных квартирах, сидит на диванах, ходит по мягким коврам. Такая жизнь не для нас. Мы – романтики. Нам куда милей тайга, шалаш, костер, комары и песня. «На битву и доблестный труд, расправив упрямые плечи, вперед комсомольцы идут».

(На него надевают халат.)

Вот так надел рюкзак на плечи и – марш, марш вперед. В неизвестное. В загадочную неустроенную даль.

(Подставляют скамеечку для ног.)

Пусть у нас одна рубаша на троих, одни штаны на четверых, пусть нам холодно. Пусть!

(Устраивается на диване, на него направляют вентилятор.)

Пусть нам жарко! Пусть нам мокро и не подвезли продукты.

(Привозят столик.)

Пусть даже... ну утонул кто-то. Все равно! Романтика в этом. Смысл жизни в этом. И украшает нас не то, что снаружи, а то, что в нас, внутри.

(Жует.)

Беспокойство наше. Желание идти туда, где еще ничего нет. И неизвестно когда будет.

(Приносит кота и молоко.)

Вот посмотрите *(щекочет кота)*. Что движет покорителями Севера? Мороз восемьдесят семь градусов *(отгоняет муху)*. Не то что муха – ничто живое не выдерживает. Белые медведи мерзнут. А нашим ничего. Наши в палатках с транзисторами. Один из них мне рассказывал, медведь упал на них. Сверху на палатку. И лежал. А они снизу лежали. Вот это жизнь. К этому можно стремиться. Я не верю, что такое можно сделать ради заработка. Ради вот этой бумажки. Дайте-ка!

(Ему дают доллар. Он возвращает.)

Что на нее купишь? Моральное удовлетворение? Авторитет товарищей? Любовь окружающих? Уважение родственников? Ничего. Только обстановку квартиры, дачи, то есть именно то, что унижает человека. Да вы вспомните, какими были великие люди. Как они одевались. Какой образ жизни вели? Боже мой, на ступеньке, согнувшись, накинув пальто, что-то записывает. У меня эта картина всегда перед глазами.

(Кто-то переспрашивает и записывает.)

Я говорю, у меня эта картина всегда перед глазами. *(Диктует.)* Согнув... шись... на ступеньке... А какие мысли?! Жизнь, отданная идее братства, равенства, счастья для всех, для всех, а не для избранных. Вот идея, ради которой великий человек жил и не разбрасывался на мелочи. И, пользуясь огромным авторитетом, не использовал власть для своих целей. Скромность от волос до ногтей. Как же вы свою жизнь, которая дается один раз и которую нужно прожить так, чтобы не было *(щелкает пальцами, дают книгу, читает)* «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», эту жизнь разменивать на мелочи. Искать рос-

коши и уют, покупать зеркала и кондиционеры, отгораживаться дачами и машинами, терять с людьми контакт, менять жизнь, полную романтики и риска, на мягкое кресло, за которое держитесь руками и зубами. И вообще, стараться использовать малейшее продвижение по службе для немедленного улучшения своего жилья и этого гнусного быта. И самое главное, на это нужны деньги!.. И немалые... А где их взять?.. Значит, приходится... Но это уже другая тема: о честности. О ней я вам расскажу в следующий раз.

Вечерний разговор

Ревизор. Устал. Пока проверишь вашу отчетность, с ума сойдешь. У вас столько нарушений. Придется передать дело в суд...

Бухгалтер. Может быть, погуляем?

– Погуляем?.. Зачем?

– Зачем погуляем? Кто сказал «погуляем»? Посидим.

– Посидим?.. Где посидим?..

– На скамеечке...

– На скамеечке?.. Зачем?

– На скамеечке? Кто сказал «на скамеечке»?.. На стульчике...

– Где... на стульчике?..

– За столиком.

– За каким столиком?..

– За каким столиком? Кто сказал «за столиком»?.. В ресторане...

– В ресторане?.. Зачем?..

– Зачем в ресторане? Кто сказал «в ресторане»? Дома.

– У кого дома?.. У меня дома?..

– Зачем у вас?.. Кто сказал «у вас»?.. У меня...

– Пить будем?!

– Зачем пить? Кто сказал «пить»? Кушать тоже будем.

– Пошли!

– А в нарушениях я не виноват. Эти нарушения...

– Нарушения? Кто сказал «нарушения»? Пошли!

Подопытный

Сейчас главное – попасть в группу. При одном институте группа подопытных образована. Они так и говорят: «Ты – подопытный человек. Вот тебе сколько угодно денег, в мешке – крупные, в ящике – мелкие. Бери, делай что хочешь, а мы тебя изучать будем в порядке эксперимента на будущее». Допустим, мне так говорят. Я беру торбу, набираю, или еще лучше – тачкой. А все спрашивают: «Чего это у тебя звенит в тачке?» Ну, там, гвозди... Тут главное – домой довести. А уже из тачки – в торбу. И что же я делаю как подопытный с этой торбой? Ну конечно, обмыть... Тут и речи нет. Приглашаю всех ребят с работы, с улицы, с базара – в ресторан, – сидим. До полусмерти. Официанты пьяные, вахтер – ресторан на ключ и в бочке с фикусом лежит, гардероб закрыт – все ушли в буфет. Повара вокруг котлов, как лепестки. Подопытный гуляет.

Городок дрожит, милиция по дыму определяет где, но трогать боится. Неделю сидим. Я беру и по телефону даю шестнадцать телеграмм в разные города. Вызываю такси. Садимся с ребятами, с официантами, грузим шестнадцать ящиков водки, три бочки кислых помидоров, четыре ящика люля-кебабов и едем в другой ресторан. Сидим до полусмерти. Сколько стоит зеркало? Тысячу рублей. Хрясь пивом, держи две тысячи. Кто в люстру боржомом с места? А ну, ребята, а полусидя... Ой, мазила, а ну разойдись... Хрясь! Готов! Сколько? Десять тысяч. Держи тринадцать. Устали. Выскакиваю на улицу. Ребята, трудящиеся, кто гулять хочет?! Увольняю всех с работы, заходи, я подопытный!

Свою футбольную команду набираю. Плачу по тыще в день. Мальчики наказывают «Торпедо» 16:0. Всем по «Волге», нате, играйте, любимые. Устал. Отдыхаю на море в ресторане до полусмерти. Отдохнул. Отдыхаю в холодке, в Мурманске, в «Арктике», мировой ресторан. Накрываем на стол на льдине. Устал. Строю кооператив. Заселяю всех даром. А деньги – мне. Устал. Отдыхаю. Строю подземный переход Кишинев – Бендеры, там нужно очень, и взимаю с каждого, потом беру и окупаю. Покупаю завод тяжелого машиностроения. Строю гостиницы и беру с каждого... Постой... Что-то... Это уже не из будущего... Это что-то из прошлого. Мои мечты о будущем уже были кем-то осуществлены. Ладно, главное – в группу попасть.

Вся наша жизнь – спорт

Вся наша жизнь – спорт. Потому так высоко прыгаем, что толчок сильный получаем. Сверху посмотришь – все подпрыгивают, как на сковородке. Высоко подпрыгнул и затаился с добычей. Потому и быстро бегаем, что на запах. Потому и тяжести огромные перетаскиваем, что в запас. Только по мешкам и узнаешь, откуда возвратился. По детским крикам взрослых разыщешь, по асфальту – исполком, по народной тропе – киоск, по гулу – стадион, по бегу на результат – спринт, по бегу за результатом – сапоги, по бегу без результата – бесплатное лечение.

Что в молодости спорт, в старости – дрова, керосин и нитки.

Феня, моя жена

А я вам вот что скажу: пока все не переженимся друг на друге, до тех пор будем бегать и волноваться. Женильба очень большое спокойствие дает. Я до свадьбы прямо весь зеленый ходил, вскипал, как чайник, с полоборота заводился. Как женился на Фене – затих. Успокоился. Румянец вот. Походка твердая, рукопожатие крепкое.

Сосед мой за стеной нервный, как канарейка. С утра вопьется в газеты: «Ай!.. Ох!.. Ох, эти молодцы! Ах, те сволочи!..» Я его встречу в коридоре, к стене прижму: «Чего ты расстраиваешься, зайчик? Мы с тобой двадцать лет живем душа в душу. Так твоя душа уже с двумя инфарктами, острая сердечная недостаточность и плоскостопие, а у меня – смотри. В глаза мои погляди. Нетронутые глаза! Душа чистая. Пищеварение здоровое!»

Радио не слушаю. Газет не читаю. В споры не вмешиваюсь. Вот ты говоришь, что американская подлюдка вошла в Японию. Почему ты должен переживать, носиться по комнате, рвать на себе белье? Что, она выйдет оттуда? Что, это от тебя зависит? Чудаки вы все. Вцепятся в газету. Глотают страницы, с ногами в репродуктор влезают, валидол литрами пьют. И что от этого меняется? А мы с Феней спокойные, как льдины маринованные. Смотри на меня: сорок пять лет, цветущий мужчина, как ландыш. Жить и жить! Кое-где бывал, кое-что повидал. В Крым ездил, в Сочи ездил, в Сухуми был, осталось в театр сходить – и уже везде побывал!

И все слава богу. И за все спасибо. Обуты и одеты, и в доме есть чего перекусить. И телевизор, слава богу, всегда на погоду настроен. Тихая передача. Хоккей смотрю – не переживаю: выиграют – хорошо, проиграют – замечательно. А чего я должен волноваться, я же не играю, я сижу. Клуб кинопередвижек – приятная вещь: сидишь в тапочках, а тебя на Цейлон или под воду. А ты только чай из блюдечка схлебываешь. А как политическая часть начинается, выключаю аппаратуру, обесточиваю агрегат. Он – чтоб остыл, а я – чтоб не раскалялся. А что мне тот самый Уругвай? Как я у них там разберусь, если они там по пятьсот лет живут и сами разобраться не могут?.. Вообще настырные есть – ужас! На собрании ко мне прицепились: почему вас ничего не интересует, не волнует? Как же, говорю, не волнует? Все меня волнует, только оставьте меня в покое!

– А это вас волнует?

– Волнует, – говорю.

– А чего ж вы такой спокойный?

– А это у меня тембр такой.

– А это вас волнует?

– Волнует, чего ж...

– А если вам зарплату урезать?

– Ты что, сдурел, – говорю, – сейчас дам кирпичом по голове!

– Чего вы не подняли старушку, что у вашего порога лежала?

– А чего ее поднимать, действительно? Ну лежит себе, раскинула кошелки. Может, она отдыхает, может, вспомнила чего. А я ее должен хватать на старости лет? Она рада, что из дому наконец вырвалась, а я ее обратно к своим запикиваю!

«Почему не помогли пожар тушить?» Такое скажут, хоть стой, хоть падай. Видел я там пламя из окна, искры. Так что, я должен бежать туда? Может, праздник у людей, а я врываюсь с ведром, поливаю незнакомую компанию. Там действительно кто-то крикнул: «Горим!», потом: «Караул!», а кто-то добавил: «Помогите!» Но все так спокойно, с юмором. Ну гуляет семья, мало у нас гуляют?

Раньше люди в коммунальных жили – кастрюля к кастрюле, а сейчас большинство в отдельных, и не лезь! Валяться буду на улице – не приставай. Отдельно хочу! А как лезут, начинают тормозить, к жене посылаю. А для чего я женился?

На субботник?.. Можно на субботник, только по этому делу до жены моей, до Фени, до Фенечки. Озеленение?.. Деревья обкопать?.. Чудное дело. А как же. Только с этим не ко мне, а к жене моей. До Фени. До Фенечки. Она разберется.

Я тихий человек. Мне было б что поесть, где поспать и что почесать. Никаких у меня ответов нет, никаких вопросов не накопилось. И не тереби меня. Дай полежать спокойно. Со всеми переживаниями до жены моей. Вон она, Феня. Вон она ходит, мягко стелет, вкусно варит. Феня, моя любимая. Все до Фенечки!

Авас

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Первый. Чувство юмора – прекрасное чувство. Оно необходимо каждому человеку. И как жаль, когда у некоторых его нет.

Вот у нас в институте произошел такой случай. Есть у нас грузин, студент, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас, и доцент Петяев, страшно тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

- Как ваша фамилия?
- Горидзе.
- А зовут вас как?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович, а вас?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович, а вас?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович! А вас?!
- Авас.

Так продолжалось два часа. Он никак не мог выяснить, как зовут этого грузина.

Второй (*входит*). Что вы смеетесь? Я тоже хочу.

Первый. Да я тут рассказываю... У нас в институте произошел такой случай. Есть у нас грузин, студент, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас. И доцент Петяев, страшно тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

- Как ваша фамилия?
- Горидзе.
- А зовут вас как?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович, а вас?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович, а вас?
- Авас.
- Меня – Николай Степанович! А вас?!
- Авас.

Так продолжалось два часа. Он никак не мог понять, как зовут этого грузина.

(*Пауза.*)

Первый. Есть у нас грузин, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас. Зовут его так – Авас. Да, называли его так, он не виноват. Авас. Тебя как зовут?

Второй. Степа.

Первый. Ну вот. Ты Степа, а он Авас. Он Авас, а ты Степа. Грузин Авас...

Второй. А кто Степа?

Первый. Ты Степа! А он Авас. А доцент тупой. А ты Степа. А он тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

- Как ваша фамилия?
- Горидзе.
- А зовут вас как?
- Авас.

Второй. Кого?

Первый. Что – кого?

Второй. Кого он спрашивает все время периодически?

Первый. Периодически? Кого спрашивает? Кто спрашивает? Грузин?

Второй. Какой грузин?

Первый. Есть у нас грузин! И доцент тупой! Вызывает он этого грузина к доске и спрашивает: «Ваша фамилия?» – «Горидзе». – «А зовут вас как?» Он говорит: «Грузин». То есть «доцент». То есть «грузин». Нет, грузин думал, что он спрашивает его, грузина... то есть доцента, а доцент думал, что он его спрашивает...

Второй. О чем?

Первый. О грузине. Нет, о доценте. Он говорит: «Как ваша фамилия?» – «Горидзе». – «А зовут вас как?» Он говорит: «Авас». Он говорит: «А я доцент». А тот говорит: «А я грузин». А доцент говорит: «А я кто?» А он говорит: «Вы тоже грузин».

Второй. Так они оба были грузины?

Первый. Вот это я не помню. Один был грузин, а другой... Степа!

Второй. Да это я Степа.

Первый. Ты Степа? А кто грузин? Грузин не знал, что он грузин...

Второй. Ему не сообщили?

Первый. Сообщили, но поздно. Он уже был Авас!

Второй. Давай еще раз!

Первый. Есть у нас грузин и доцент тупой. Страшно тупой.

Второй. А грузин?

Первый. А грузин нет. И ты тоже. Вместе с доцентом.

Второй. Ну?

Первый. «Ну!» Вызывает он его к доске – Авас, Авас, Авас, Авас!

Второй. А-а-а! Ну и что?

Первый. Ничего.

Второй. А чего вы смеялись?

Спокойно, товарищи

Товарищи, у некоторых появилась мания: они стали бояться, что за ними захлопнется дверь. Вышел из квартиры – захлопнулась дверь, остался на лестнице в трусах. Вышел из министерства – захлопнулась дверь, остался на улице со списком. Выехал из города – захлопнулась дверь, остался в степи без документов... Некоторые стали руками придерживать, некоторых от ручки не оторвешь. Они жутко замки проверяют и каждый раз снова тянутся, возвращаются, не могут отойти...

Товарищи, убирайте ноги, дайте закрыть. Предупреждаю, если сзади щелкнет, это не всегда дверь. Кроме замков автоматических, так называемых английских, есть ручные, висячие – наши. Их слышно, когда закрывают. Не надо ногой дверь придерживать: вы мешаете находящимся в помещении. Идите. Будете стучать обратно – лицо держите перед глазком.

Снизим растущие потребности!

Граждане, гражданин! Я труженик советского сервиса. Не севера – сервиса, обращаюсь к вам, наши клиенты, с мыслью: за все надо сказать спасибо.

Пообедал – слава Богу!

Поспал – спасибо!

Одет – благодарю!

Обут – хорошо.

Эти роптуну только портят... Скандалят, критикуют... А нам и так хорошо... Я лично доволен, что существую, и все! За все спасибо и слава Богу... Не хочу ничего усовершенствовать... Раз лучше, чем было, значит, уже хорошо!

Отчего у всех растут потребности?.. Зачем тебе машина?.. Ты же хочешь, чтоб тебя заправляли, чтоб тебе стекла мыли... Кто тебе будет мыть?.. Они тоже хотят в машинах сидеть. У нас все равны...

Дадут тебе машину, ты разве успокоишься? Ты же дачу к ней захочешь прицепить двухспальную. Хорошо, если со своей женой: у тебя потребности растут. А потом туда газовую плиту прикажешь вставить, приемник, телевизор. А откуда это взять?.. Нам что, капиталист одолжит?

Нет... Получается жуткая картина... Другой такой же, как ты, советский человек должен взять перед этим ни капли не выпить, встать с утра пораньше, засучить рукава и вкалывать весь день напролет. Ему уже на перекуры и на разговоры времени не остается, потому что он тебе дачу клекает.

А еще пятеро несчастных, непивших, некуривших, тебе туда диван вталкивают. А бедолага, у которого ни в одном глазу, который нарушил свой распорядок, не побаловал с нормировщицей во время рабочего дня, тебе отопление ставит, проклиная свою разбитую жизнь.

А конструктор, тонкий ум, высокий интеллект, не обсудив как следует вчерашний футбол и не заточив за полдня карандаш, вынужден сразу, с утра размечать для тебя окошки, чтоб тебе вдыхать и выдыхать. Чтобы тебя грело, а там охлаждало, чтоб тебе там пусто было, а здесь битком...

Мрачная картина общего напряжения...

Зачем мы друг другу на голову свои потребности обрушиваем. Может, откажемся, а? Скажем, не надо нам, а? Не хотим загружать своего коллегу, брата своего удивительного. А, ребята? Если договоримся, сразу тише станет...

И не надо на нее прыгать. Что, она не такая, как ты?! Шашлык в пыли... С полу, с жару... Сдуй. Тряпочкой оботри... Чего ты ей жизнь портишь?! А завтра она придет к другому: почему стиральная машина течет, а тот поползет на поликлинику жаловаться... Только начни... У всех сразу настроение испортится. Зачем?.. Рухнул на тебя потолок... Сиди... Считай, отомстили: он вчера от своего фена электрического получил все двести двадцать вольт в руку.

Откуда у одного будет вдохновение другому подавать, если тот ему так пол прибил, что сквозь трещины собака пролезет. Вот и все. Что может быть лучше: накрылся шкурой, спустился к водопаду, напился. Антилопу догнал. Кулаком ее сшиб. И сыт. И лежишь под деревом. Или на дереве. В заповеднике... Орла стрелой снял. Перо вставил – все женщины твои... Летом лавровый лист надел, на берег океана пришел. И лежишь... Пальму потряс, банан упал, и опять лежишь...

Все, что надо, животное подает, обезьяна... Зачем своих загружать. Светлая картина... Ну?.. Как?.. Откажемся, а, братья? На кой черт нам эти шелка, машины, пылесосы... Никто же нам не даст... Самим надо внедрять, добывать, ругать, вставлять, долбать... Стоят они этого всего, эти растущие, а?..

Если что решите, подходите, я рядом на стройке отдыхаю.

Диета

Есть прекрасная диета. За неделю – полвеса. Для начала легко скандалите на работе, высказывая недовольство общей системой производства и не видя выхода. Вас увольняют с плохой характеристикой.

Широко известно изменяете жене, крича: «А как же, конечно!» Не видя выхода, она от вас уходит. Та, вторая, ждет ребенка, но вы от него отказываетесь, крича в суде: «Конечно. А как же!» Обильно заливаете соседей и ждете их прихода с ответным словом. Пишете письмо о плохой работе своего отделения милиции и подписываетесь полностью. Прорываетесь без очереди сквозь толпу, называя себя инвалидом, – отчего им становитесь.

Затеваете ремонт – приходите без материалов, без связей, без очереди и требуете начать ремонт, выкрикивая слово «официально».

Вызываете «Скорую» и вступаете с врачом в диспут: почему их не было полтора часа? Он вам о зарплате фельдшера, вы ему о всеобщей медицинской помощи. Он вам о личной заинтересованности, вы ему об успехах здравоохранения. Тут же он вас лечит, и, выкрикивая слово «принципиально», вы пробиваете на телевидении этот разговор. Пробиваете, пробиваете, пробиваете и потом опять пробиваете и уже тогда начинаете пробивать там же разговор о продуктах, отталкиваясь от желудочных заболеваний и связывая его со «Скорой». Пробиваете, пробиваете, пробиваете, потом еще раз пробиваете и, так и не выбив пропуск у вахтера, чтобы просто подойти к зданию, идете взвешиваться.

Теперь можно есть все. Вопрос в аппетите.

Грипп

Грипп или что другое. Температура. Вызываю по телефону. Через три часа дверной звонок. Стоит девочка в ботах. Носом хлюпает, шарфом обмотана.

– Врача вызывали?

Я под одеяло. Она села на кровать.

– Что ломит? Чем болеете?

– В общем, грипп.

– Где работаете?

– Пишу.

– Писатель? Как интересно. Книги пишете?

– Юмористические штучки.

– Поднимите рубаху. Дышите глубже. А трудно писать юмористические рассказы?

– Нет.

– А по-моему, очень трудно. Где вы темы берете?

– А вы врач?

– Нет. Я студентка. Нас на эпидемию бросили. Вы один живете? Некому сходить в аптеку?

– Один.

– Ну, что нового в театрах?.. А где вы темы берете для юмористических рассказов?.. Ну, я пошла. Лежите, я сама оденусь. Вам нельзя вставать. Ни в коем случае. Я даже могу дверь закрыть.

Дверь захлопнулась. Тут же звонок в дверь. Одеваюсь. Встаю.

– Ой, перчатки забыла. Вот они. Все, лежите.

Раздеваюсь, ложусь.

Звонок. Одеваюсь. Встаю.

– Ручку у вас прихватила. Ложитесь. Нельзя.

Раздеваюсь, ложусь, звонок. Одеваюсь. Встаю.

– Самое главное, извините, я случайно захватила рецепты, которые я вам выписала. Я уже тут в каждой квартире что-то забываю. И все-таки это не так трудно, как писать юмористические рассказы.

Мальчики, схватимся и побежим¹

Ребята! А что, если все вместе возьмемся и побежим... Вот прямо сейчас, схватились и побежали...

(В сторону). А? Что?.. Завтра выходной... Да... А когда?.. Понедельник?.. Ну ладно... только точно...

Так, все, ребята, понедельник... только все как один... Ну!.. Давайте!.. Не стоит?.. Через месяц, ну ладно... через месяц. Но так же нельзя сидеть, нельзя, мы же стареем на глазах... Мы же понимаем, что это нужно!..

Ну!.. Встали, побежали... Сейчас же... Ну в чем сидим, в том побежали... Ну и что, если зима?.. Холодно?.. Ну что?.. Ну по снегу. Ну и побежим... Промокнем, ну и что...

Ну хорошо, как потеплеет... Ну ладно... Да что ладно?! Ну нельзя же... Ну! Ну я кому говорю! Подъем!.. Подъем! Ну!.. Схватили рюкзаки, надели что есть и за мной!..

А?.. Что вы сказали?.. Весной... Ну тогда уже все вместе. Ну и чудесно... И студентки подъедут, и медсестры присоединятся. Да... Уже всех соберем и тогда... Ладно... Договорились.

Все!.. Весна!.. Побежали, ребята, пробьемся!.. Ну!.. Что?.. Сессия... и медсестры заняты... Грипп, да... И сессия... Ну ладно... Через пять лет они закончат, тогда и понесемся... Рюкзаки, и пробьемся!..

Ребята! Закончили... Давай... Только все как один... Ну!.. Что?.. Опыта нет... Только закончили... Ну да... пусть поработают немного... Пообвыкнут... Разберутся... В общем, еще чуток обождем...

Ну все, пора! Обвыкли все... Побежали, товарищи, побежали... впереди самые активные, сзади те, кто, так сказать... А когда прибудет теплое белье?.. Ага. И хорошее бельешко? С начесом внутрь... Товарищ, есть смысл подождать и уже во всеоружии, в теплом бельешке... А?..

Ну что... все есть?.. Ну... Рванули, мальчишки, мальчишки, мы недалеко... Мальчишки!.. Радикулит?.. Ну, рванули... поясница?.. Доктор говорит, через год будете танцевать. Ну, еще год, столько ждали...

Ну все, кажется, полегчало, схватили рюкзаки?.. А?.. А... шестьдесят лет... куда бежать... куда спешить... и пешком там будем... Вот молодежь растет... вот эти да...

Ну чего вы сидите?.. Вперед, ребята... Вы молодые, вам карты в руки... Только все вместе... Бегом!.. Прыжками! Вперед, дети мои!.. Вперед, внуки мои... За деда, за бабу... Ну, побежали...

Куда?..

Куда-то вперед... А может... Я помню, надо бежать. А куда?.. Для чего?.. А!.. Вот и солнышко выглянуло... Идите, идите, не мешайте...

¹ Первое произведение.

Подруги

Из спектакля А. Райкина

На углу стоят восемь женщин.

Девятая (*проицается*). Девочки, я так рада, что мы наконец собрались. Мы последнее время так редко собираемся. Я вас приглашаю на следующее воскресенье. Ладно, девочки?! Ну, я пошла... До свидания...

(Восемь женщин смотрят ей вслед.)

Первая. Хорошо, что она нас пригласила... Мы так давно вместе не собирались. Правда, девочки?.. И как здорово все было приготовлено. С каким вкусом... Я ела и думала: откуда у нее деньги? В аптеке работает... Это все яды... Она домой полную сумку ядов тащит. А сейчас за яды бешеные деньги дают: змей не хватает... Эх! Мне б яду... Ну, я пошла.

(Семь женщин смотрят ей вслед.)

Вторая. Видели, кофта на ней!.. Муж плавает на пароходе день и ночь. Никто его не видит... Такие вещи привозит. Класть некуда. Могла бы сказать мне: «Капа! Я вижу, ты смотришь... На! Мы поносили, теперь ты поноси... На!.. Бери!..» Господи, я бы все равно отказалась, разве мне нужны эти тряпки... Но она могла бы предложить?! Ну, я пошла...

(Шесть женщин смотрят ей вслед.)

Третья. Отсудила у мужа все... Выбросила его на улицу голого и босого, там он простудился и слег.

А еще два диплома имеет, образованная... До свидания, мои любимые!

(Пятеро смотрят ей вслед.)

Четвертая. Образованная... Уж кто бы говорил, а она б молчала. Сама на свой диплом чайник ставит! А я, между прочим, без диплома и без аттестата, и все со мной советуются. Потому что все меня любят. Правда, девочки?

Все. Конечно, милая...

(Четвертая уходит. Четверо смотрят ей вслед.)

Пятая. Ей уже сто лет. Водку пьет, как мужчина, и ничего. Вот что значит организм... Ну, надо идти.

(Пятая уходит. Трое смотрят ей вслед.)

Шестая. Иди, милая, иди... Сама становится все старше, а мужья все моложе и моложе... Последний, кажется, в школу ходит. До свидания, девочки.

Двое. До свидания, родная.

(Шестая уходит. Двое смотрят ей вслед.)

Седьмая. А я тебе скажу, что у нее комплекс. Знаешь, теперь есть такой комплекс ненормальности. Все стучит шваброй в потолок, чтоб перестали мебель двигать. А у нас из мебели ведро воды... Такая дура... За что ее мужу Ленинскую премию дали?.. Пошла.

Восьмая. Пошла, пошла...

(Остается одна. Тоскливо смотрит по сторонам.)

(Себе.) Пошла... Пешком... А по ночам на «Волге» ездит. Скрывает... А от народа скрывать нечего. Народ ночью видит лучше, чем днем. Верно?.. Верно!.. Точно?.. Точно!

(Уходит направо. С левой стороны поднимается занавес. Восемь женщин стоят, смотрят ей вслед.)

Первая. Видели?.. Она улыбнулась. Челюсть у нее искусственная. А если копнуть глубже, вообще парик!

Одинокий

Послушай, кацо, нехорошо получается. Сначала все хохочут, только потом я хохочу. Все плачут, потом я плачу. Иногда все молчат – мне кричать хочется. Что за характер такой? А? Все кричат – мне молчать хочется. Понимаешь?! Чем больше мне говорят: «Бога нет», – мне так и хочется сказать: «А ты видел, что его нет? Что ты кричишь?! Ты не видел, что он есть, и не видел, что его нет. Что ты вообще видел?»... К невропатологу пойти, что ли? На анализы лечь... Невыносимо, слушай... Если все туда побежали, я здесь останусь. Скажи, тип интересный. Все кепки надели – я должен папаху прицепить...

Мне серьезно лечиться надо, на процедуры ходить. Из-за характера своего я уже без родственников остался. Мне друзья говорят: «Ты что, действительно хочешь быть ни на кого не похожим?! Что телевизор не купишь? Что фигурное катание не смотришь? Что от Райкина не смеешься? Что комнату не обставляешь внизу для себя, вверху для гостей?! Почему не пьешь с нами, как мы? Почему женщин не любишь, как мы? Зачем издеваешься над нами – выделяешься из нас?! Мы твои друзья, для которых ты дороже жизни, – мы тебя побить можем...» Я им говорю: «Вы мои друзья, вы меня можете побить. Ну не буду я идти инженером, все туда пошли. Не могу я! Больной я человек».

Людей стал избегать. Не хочу лучше, чем у соседа, не хочу хуже, чем у соседа, не хочу вообще, как у соседа, сам по себе хочу... Людей стал избегать... Из Москвы блондинка приезжала – весь Гудаут за ней ходил. Я в землю уткнулся. На месте остался... Ну ты видел такого?!. Лаковые туфли не хочу обувать. Кепку сбросил. Брюки-шаровары надел, рубаху украинскую, трубку. На Тараса Шевченко стал похож. Все переменил. Сюда переехал. Друзья приезжали, побили все-таки... А что я могу сделать?.. Больной человек. Хороший врач нужен.

Поменьше юмору, граждане!

Граждане! Чтоб не мешать, пока давайте меньше юмору, граждане. Давайте пока не остричь. Из всех сил держаться и не остричь. Меньше смеху, меньше улыбок, товарищи! Больше насупленности и сурьезу. К насупленному, драматически сурьезному и трагически сосредоточенному больше доверия. Все понимают, что вы своим юмором хотите сказать... Все бы хотели сказать. Но низзя!.. Рано. Успеет. Проблемы решать надо в полном молчании... Решим – остри, не решим – молчи, пока не решим. Свистнем – остри. Жди свистка.

Сурьезный, насупленный, молчаливый и диковатый вызывает огромное доверие и сверху и снизу. Он что хочешь выполнит – не что хочешь, а что хочешь выполнит – без издевательских острот и жуткого подхихикивания снизу.

При мне от смеха у людей выпадали кувалды, баранки и гвозди. Трясущийся от хохота, со слезящимися глазами комедиант не может найти оброненный карандаш или пассатижи и теряет час-два горячего рабочего времени. Сила удара кувалдой по конструкции у смеющегося человека вдвое ниже по динамометру, мы замеряли.

И правильно сейчас просматривается намечающаяся тенденция, смешанная с концепцией по всемерному снижению уровня хохота в организациях и частных лицах.

Под песню, напрасно непрерывно бодрящую из динамиков, хорошо ходится и входится строем в ворота производства, хорошо клепаются у горячих мартенов. Так что давайте, давайте, давайте побыстрее без юмора, граждане. Побыстрее, побыстрее, нечего откладывать. И прямо сейчас, без этих насмешек и подхихикиваний под печатающий шаг трудовых отрядов.

И не дай бог насмешки над собой как признака ума, который, мол, есть в Англии. И езжай. И смейся над ими же з ими уместе. Все замороченные, все выбивают друг у друга дефицит и прописку, так что ж их отвлекать от этого святого дела.

Ишо над собой смеяться... ишь чего. Дай волю – половина покатится до судорог, на карачках уползет. А низзя! Разговор должен быть громкий, крепкий, лобовой, без подмигиваний и намеков.

Равномерное изложение, равномерно действующее на окружающих. Слова употреблять знакомые, много раз слышанные, вроде гудения трансформатора: предоставить, обеспечить, наладить, обратить внимание. И это правильная тенденция, смешанная с концепцией, – оставить у человека на завтра такое настроение, какое у него было сегодня.

А чувство юмора выбивать из остряков руками, и его издали будет видать. Научись остричь без намеков и веселиться без юмора, увидишь, как к тебе потянутся люди посмотреть на тебя, юмориста, порадоваться за себя.

Вот так на сегодня. А на завтра посмотрим, когда подождет! Как подождет, так и посмотрим.

Склероз

Слушайте, это ужасно, слушайте. Только что смотрела картину, оказывается, второй раз. Черт его знает. Иди запомни название, иди запомни содержание. Сижу, смотрю. Мне говорят: «Вы уже это видели». Начинаю присматриваться. Действительно, что-то шляпа знакомая. Тайга какая-то, чекисты. Правильно, смотрю второй раз, если даже не третий. Слушайте, это же ужасно! Сейчас иду посмотреть «Месяц в тайге». Напомните мне – это там, где она ему изменяет или где он план не может выполнить? Тоже не помните. Никто не помнит. У всех склероз. Здоровье ни к черту. Пойду посмотрю.

Вперед

Из человека в шприц что-то можно выдавить.

С листа собрать чернила в авторучку.

С газеты на матрицу буквы снова перевести – в свинец переплавить. Свинец вывезти на Среднерусскую возвышенность и снова закопать – снова гору возвести по фотографиям.

Дрова в деревья перевести, нейлон – в уголь, уголь – в шахты.

Воду из чайников в реки вылить.

Костюмы наши распустить, свалить, стриженным овцам сшить тулупы и надеть на них с извинениями.

Перья у дам выдернуть, снова этим ребяткам страусам вставить.

Гири переплавить, прилавков разобрать, чтоб ему стоять негде было.

Телевизоры разобрать, медь отдать Хозяйке Медной горы, стекло растолочь и снова в песок на берег реки.

По проводам пойти, разыскать электростанции, разобрать, воду слить, мазут в скважину закачать.

Землю по фотографиям и наскальным рисункам восстановить, пушки в руду перевести и отвезти на Курскую магнитную аномалию, где и разбросать.

И все это время не стричься и не бриться, зарастать начать и продолжать зарастать.

И уже этой шерстью согреваться и по деревьям по оставшимся рассестись.

Ничего не значащие слова «Эй, здоров», «Как дела», «Ты все еще там», «Я все еще здесь» заменить гортанными криками и курлыканьем: «Эй зоов ка-ак жи-и, ка-ак де-а-а-а, ты здесь... я т-а-а-а-м...»

Сидеть на деревьях каждый на своем, цепляясь за ветки сильными рыжими ногами и провозжая упавшего равнодушными взглядами, – не приспособился.

За самым заросшим, самым приспособившимся, у которого уже первые признаки хвоста, мчаться в апельсиновую рощу. А-а-ах... и бегать, и спать, и прыгать, и пить, и снова бояться львов и тигров, а не этих своих товарищей...

Не пойму, что с людьми происходит

Для Р. Карцева

Не думал никогда, что у нас такие странные люди есть... Отказаться от жизни, чтоб кидать ядро дальше другого дурака или выше поднимать ногу на сцене?! Что-то я не пойму. Чего они из кожи лезут?.. Этот на себе микробов выращивает. Это ж надо гадость такую. Пожилой человек... Тот вообще залез в вулкан. Извергался оттуда с компанией таких же дружков?! Ну?.. Ей-богу. Как дети... Нет?..

Вроде приличная зарплата. Семья. Так сиди. Не скачи. Не дергайся... Конечно, кроме себя он никому вреда не принесет. Но пример дурной показывает... А тот дурачок на лодочке четыре месяца плавал один. Ну так ладно, он англичанин. С них не спросишь. С них, чтоб спросить, надо пролив Ламанческий переплывать... Но чтоб у нас такие дураки были, не ожидал... Еще хорошо, общественность не поддерживает. А то на лодке каждый бы... От жены. От детей...

На льдине сто дураков сидят, лед шупают, медведей пугают. Им еще туда зарплату сбрасывают, провиант и за снег доплачивают... Что, у нас снега мало?.. Несет их... Другой черепа раскопал, сидит в яме празднует... Дурака валяют в рабочее время. Собаке вторую голову пришили... Я думал – пацанва, а это пожилые люди балуются...

Она тридцать лет цветочки соединяла: фиалочку с тюльпанчиком. На государственные средства... Тьфу!.. Дура с пестиком!.. Я без цветов знаешь сколько живу!.. Я б тебе показал, куда деньги девать.

Счетные машины... А что считать?.. Руб сорок девять плюс руб сорок девять минус посуда.

Прибегает два раза в месяц: «Дай мне бешеные деньги, я микроба нашел...» Ох, я б тебе деньги показал бы!.. Ты бы у меня вагонетку толкал бы в одну сторону, а другой такой же в другую!..

Между нами говоря. Что мне от той Луны?.. Ни холодно, ни жарко. Ну светит – светит. Не светит – спичку зажгу... Чего я должен заглядывать, что у нее со спины. Что я, без этого не жил?.. Ну, между нами говоря!.. Что-то я тут не пойму... Что это за национальность людей такая?..

А если народ не понимает. Так и не рыпайся!.. Может, это все запретить и посадить их в карцера?.. А?.. Это можно попробовать, а если хорошо получится, то и держать... Потому что когда все понимают, что ты делаешь, когда самый дурной, тупой поймет, чем ты занимаешься в рабочее время, – занимайся... А если я к тебе забрел по пьянке проверить, что ты вытворяешь в государственный рабочий день. А ты мне что-то лопочешь: частицы, нейроны, мембраны. А я ни черта. Ни в какую. Ни за что. Хоть ты в меня стреляй!.. Тогда все... Тут тебя и брать надо. Тут тебе пятнадцать суток и как раз... Эх, я б наломал. Власти у меня мало...

Да не кричите вы!.. Лошадь тут стояла. Надо же убрать.

День, полный жизни

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Сидят двое – мрачные, с головной болью.

– А потом куда мы пошли?

– Домой.

– Ну пришли домой...

– Не сразу. Сначала зашли в мебельный магазин.

– Да?.. А чего? Я хотел купить чего... или чего?

– Чего купить. Вы там хотели раздеться и к ним в шкаф повесить.

– Ну?

– А они не давали.

– Ну?

– Ну, у них ваш зуб остался.

– Да... (*щупает*) ты смотри. А рукав где?

– В музее.

– Чего?

– А у них кровать стояла, царская, что ли, вы себе стелить начали.

– А чего это все синее?

– Они протокол составляли, а вы не давали.

– Ну и чего?

– Ну и чернила выпили.

– Ага... Ну спасибо, проясняется. (*Вынимает из кармана гирлянду лампочек и шариков.*)

Наверное, на елку налетел.

– Да нет... Сейчас лето.

– Да?.. А то тут буквы какие-то. Чувствую, давит. (*Вынимает буквы ГАСТРО.*)

– Реклама, наверное. Вы с кем-то спорили, что вы альпинист.

– Какой я альпинист?

– Разве поймешь. Вы по-немецки говорили.

– По-немецки... И немцы меня понимали?

– Наверное... Они тоже русские, кроме того – выпимши.

– Да... А кто ты такой?

– Так, Витя...

– Витя... Мы что, с тобой в школе учились?

– Не...

– А что, работаем вместе?

– Не... Мы только вчера познакомились.

– А?.. Ты Костя?

– Не – Витя.

– Ну ладно... Повеселились, на работу надо.

– Не надо. Вы уволились.

– Когда?

– Вчера... Вы ходили к директору домой...

– И ты ходил?

– Ну да... Я же вам денег одолжил.

– Много?

– Сорок рублей. Вы их своим друзьям отдали.

- Каким друзьям? Ты их запомнил?
 - Не... На вокзале, они уезжали.
 - А я что, их провожал?
 - Я думал, они вас провожают. Вначале вы сели в вагон – они вас целовали, потом они сели – вы их целовали.
 - А поезд куда ушел?
 - Да быстро ушел...
 - Ну ладно... Домой попробую. *(Встает, вынимает буквы НОМ.)*
 - Чего вам дома делать? Вы жене сказали, что уходите к Зине.
 - К какой Зине?
 - Не знаю. Вон ваши вещи, я помог перенести с милиционером.
 - С милиционером?
 - Ну, у которого вы коляску оторвали.
 - Он с ребенком был?
 - С мотоциклом.
 - Ну ладно, я пойду все-таки. Мне молоко надо было купить...
 - Как же вы пойдете?
 - Спасибо, что приютил. Сколько у тебя можно сидеть?
 - Во-первых, вы не у меня сидите, а во-вторых, сколько дадут, столько и будете сидеть.
- Это уже от нас не зависит!

Не надо было

Когда-то казалось, что все по чуть-чуть.

Мы уже почти добились этого.

Интеллигенция еще сопротивлялась, но непосредственные производные и большая часть крестьянства были охвачены этим подъемом.

И все, как вы помните, с утра, поэтому сложная наша техника до сих пор страдает такой точностью.

Теперь участились случаи трезвой сборки, тогда выявились конструктивные недостатки.

А порой стало случаться, что и конструктивно ничего, тогда выявили некачественные элементы смежников.

А теперь случается, что и сборка трезвая, конструктивных недостатков нет и смежники ничего изготовили, и тут полезли недостатки организации.

А теперь все чаще сборка трезвая, и конструктивно хорошо, и смежники, и организация хороша – полезли огрехи всей системы жизни в стране.

Не надо было водку трогать.

Только приятное

Для Р. Карцева

Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Вы все чудесно выглядите. Какой здоровый цвет лица... Какие могучие плечи!.. Я рад, что у всех все хорошо... Я рад! Мне приятно!.. Когда все хорошо. Когда я ко всем хорошо. Когда все ко мне хорошо. Когда вокруг все чудесно...

Ой! А это чей это очаровательный ребенок?.. Ой, какая прелесть. А тю-тю! Агусеньки! А малыньки! А рученьки! А ноженьки! А миленьки! Ну иди к дяде! Иди сейчас же к дяде! Сейчас же иди к дяде! Немедленно иди!..

Не хочешь? Ну отвали... А это кто это сшил костюм?.. Ты сшил костюм? Себе?.. Ему!.. Изумительный. Кто сказал, что плохо сидит?.. Врет он все, врет... Меня слушайте: как влитой, облитой, вылитый... Иди вдаль. Ой! Невозможно сидит! Невероятно лежит!.. Все! Не возвращайся! Доставь наслаждение – иди вдаль! Скройся! Ура... А это что? Стихи?.. Ну-ка, ну-ка... (*Слушает.*) Все! Хватит! Мне мало нужно. Две рифмы... У вас талант, женщина. Искра. Идите отсюда. Учитесь... Нет, не надо учиться. Пишите, и носите с собой, и читайте всем. Все не выдержат, все умрут.

Здорово! Цю! (*Целует.*) Радостно! Цю! (*Целует.*) Благостно! Цю! (*Целует.*) Мой любимый поэт!.. Здравствуйте, мой дорогой!.. Чудесно выглядите! Здоровяк! Могуч! Так и хочется хлопнуть по необъятному плечу. Хлоп... Э-э, вы что, падаете?.. После инфаркта... Цвет лица изумительный... Ну идите... Извините, пожалуйста, я вас не толкнул, когда обнимал?.. Простите...

Каждому приятное... У меня нет врагов... Только друзья... Весь мир за меня, и я за весь мир... Каждому, каждому, каждому – тысячу извинений! Здравствуйте, доброй ночи, с днем рождения. Как здоровье? С праздником!.. Вас также!.. Вас также!.. И вас, вон там, также!.. До свидания! Доброе утро! Долгие лета!..

Ой! Кого я вижу! Ой, какая прелесть! Ой, вы чудо! Ой, я потрясен! Доброй ночи! Здравствуйте! Привет всем! Ура... Вас также!.. И вам также... И вас, вон там, также!.. Ай... Ой!.. А это кто это идет? А это кто-то движется?! Здравствуйте, старик! Здравствуйте, приятель! Смотрел вчера твою работу... Гениально! Абсолютно! Непривычно! Смертельно! Буйно! Меня унесли... Я здесь с трудом!.. Прибегай, жду!..

А это кто идет!.. А это кто движется?!.. Моя прелесть, моя радость! Мое чудо!.. Что?.. Нет ни копейки... К сожалению... Последние семь копеек отдал на городское озеленение... Бегу! Ты здесь? Я прибегу... Ая-яй!.. Ой-ой-ой!.. Ха-ха-ха, хо-хо-хо... Мой хороший!.. Здравствуй, моя дорогая... Дай поцелую! Дай поцелую... А это кто это? Ребенок?.. Какой прелестный ребенок... И вы от меня скрывали?.. У тю-тю... А тю-тю... Ой! Он улыбается... Ой, умница... Нет, не могу, к сожалению... Ни копейки, то есть ни минутки. Все на бегу... (*Вдруг сурово.*) Ага! Это ты, старик... Мы о тебе говорили. Скажу тебе откровенно. Ты, если без дураков, без трепотни, – гордость нашего машиностроения. Даже мирового. Я о тебе четыре часа говорил. Меня откачивали. Нельзя так долго говорить. Судороги начались. (*Смахивает слезу.*) Ты невысказанно талантлив. Иди! Я с тобой навсегда.

Доброй ночи! Здравствуйте! А вам – до свидания за вчера... А вам – чудесно выглядите за позавчера... Простите, я, кажется, стою к вам спиной. Ой, теперь к вам спиной!.. Ой, теперь к вам!.. (*Вертится.*) Теперь к вам!.. Как же стать, чтобы ни к кому спиной. Личиком ко всем, грудкою... Разрешите прижаться к стеночке... (*Развел руки, прижался, озирается со слезами.*) Ой, простите, толкнул вас... А, это стена. Это вы, стеночка? Спасибо. Простите...

Ой, сколько людей?.. Спасибо, простите... Извините... Здравствуйте... Вы гениальны! Вы чудесны!.. Вы прелесть!.. Вы очарование!.. Приятного аппетита, как провели ночь?.. (Пауза.) Чудесно... Почему вы молчите?.. Вы, кажется, хотите похудеть? Вы скелет... Почему вы на меня так смотрите?.. Не надо ненависти... У меня нет врагов... Я всю жизнь говорил только приятное... Каждому... Не идите на меня... Я опасаюсь... Не надо!.. Стойте там... Я вам сказал, что вы поэт... Вы поэт! Вы гений... Что? Вам шестьдесят. Вы поняли, что напрасно... Но вы поэт... Не трогайте меня! Мне нечем дышать!.. Да. Я что-то чувствовал... Но я хотел вам приятное... Отпустите меня... А вы кто?.. Какой прелестный ребенок?.. Да, я повторял «прелестный ребенок», отпустите... Да, я понимал... Но хотел приятное вашим родителям... Фу! Такому зарезать ничего не стоит, хулиганье!.. А тебя я узнал. Ты гордость машиностроения. Ты изобретаешь всю жизнь. Таланта у тебя нет... Я понял... Ну и работай спокойно. Люби жену, радуйся... Не добивай эту проклятую диссертацию... Уже поздно?.. Но ты веришь, что я хотел тебе добра... Ты веришь?!

Честное слово! Честное слово!.. Я всех любил. Меня все любили. И я такой молодой, красивый, сильный... (Шепчет.) Здравствуйте... с днем рождения... приятного аппетита... вас также... вас также... и вас также... И вас также!.. И вас, вон там, также!.. Тьфу! Благодарность человеческая... Ненавижу!

Молчание вслух

Мальчик, подожди, я тебе что-то скажу. Понимаешь, мальчик, мне как-то нехорошо на работе и дома. Слышишь, мальчик, они, оказывается, не желают меня видеть. Они говорят, что я очень молчалив. Мальчик, ты слышишь... Почему же я прослыл молчаливым... А потому, что я молчу... А вот почему я молчу... Как я острил раньше... Думаю, вот скоро заострю опять... Не начинаю... Как они умеют веселиться. Их веселит все. Кто-то обгоняет их на лодке. Они кого-то обгоняют: «Эй вы, ренегаты, куда повернули? Давай с нами. Ха-ха-ха-ха! Куда он гребет, там мелко, ха-ха-ха. Ничего там нет. Ха-ха-ха-ха! Ой! Танька с Манькой перевернулись! Ой! Ха-ха-ха! Ай! Ха-ха-ха-ха!»

Да, Господи, хорошо же им. Это мне плохо. Это мне несмешно. Молчалив я, крошка... Шутить как-то уже... Все старые, все шутят. Все острят, Господи... И еще с женой у меня как-то глупо... прости, ты не спешишь?.. Я хочу, чтобы она что-то делала, добивалась, умела. А когда она добивается и умеет, как я хочу, мне обидно и я очень раздражаюсь. Мужское какое-то самолюбие... Когда-то ко мне на свидание приезжала девушка в «Волге», за рулем. Это было красиво, а я не мог этого перенести...

Ты знаешь, с товарищем близким моим мы поссорились. Он считает, что я его предаю, я не сдерживаю своих слов... Да, не сдерживаю... Плохо это, правда?.. Ну и что, если я это мог объяснить. Это плохо... но... Пойми меня... Знаешь, какие слова я не сдерживаю... Вот эти по времени... В общем, я непунктуален. Я почему-то вбил себе в голову, что знаю, когда мне быть точным, а когда нет... И еще не держу слов. Почему... Понимаешь, мальчик, я не умею отказывать. Мне бы сразу сказать «нет», и я бы это слово сдержал. А не могу, глядя в глаза, отказать, думаю: «А вдруг, а попробую, а если я попрошу этого». И говорю: «Позвоните, я попробую».

Как хочется разойтись с хорошим впечатлением друг о друге. Это очень недалековидно. Обязательность, точность – это жестокость. Это понимание своей важной роли или какой-то роли. Правильно?.. Нет. А более жалкой личности, чем я, я не видел.

Знаешь, когда я становлюсь смелым? Когда много людей. Я думаю, это не смелость. Это тщеславие. Или мышление раскованное. Многие молчат. Я могу ляпнуть. Я уже не знаю: «раскованное» два «н» или одно? Ужас. Я был отличником. А ты?.. Ты еще не ходишь в школу...

Я бы с тобой, конечно, о женщинах поговорил... Нет, нет, это не больная тема. Просто... Когда мало красоты в жизни, они выходят на первый план. Они начинают занимать огромное место в жизни мужчины из-за нехватки красоты... Вот этой красоты, знаешь какой, деревянной, зеленой, каменной. Красоты того времени, когда все было индивидуально и красиво. Деревянная ложка, резной дом, церковь, ступенька, готовальня. Нельзя же жить в одинаковых домах, лежать на одинаковых диванах, есть одинаковую пищу, читать одинаковые книги и ничего при этом не потерять. Дети и собаки не могут восполнить этот пробел, и у мужчины появляется много женщин. Или водка. Что, кстати, одно и то же. Они приходят вместе...

Я многословен, правда, это потому, что ты молчалив. На работе я молчалив. Конечно, я там молчалив, когда через две минуты любая моя жалкая мысль становится ему известна... Так вот о женщинах. Ну, маленькие – с ними не о чем говорить, а большие – они старые. То есть знаешь что, старость, наверное, стирает эти чудесные различия между ними и нами... Правильно?.. Нет... Внутренние остаются...

Вот так, знаешь, я говорю, я не могу прийти к какому-то выводу, я не могу прийти к какому-то взгляду, быть цельной сталистой личностью. Казались правы те, которых нет. Сейчас кажутся правы те, кто есть. Я не могу сказать, где хорошо, где плохо. Я не могу подтвердить вечную поговорку «Хорошо там, где нас нет». Я могу только очень ограниченно: в это время,

в этом месте, на этот период. Вот тебе и взгляды. Ну что ты, что ты... Беги, конечно... Извини, я просто по-человечески. Тебе уже года четыре есть?.. Беги... И я тронусь, пожалуй... Ждут уже... Эти...

Что делать человеку, который не делает зарядку. Который сонно сидит перед зеркалом не в силах собрать мышцы в пресловутое лицо.

Не в силах собрать мысли в форму головы.

Так и тянет лечь.

И поручить дивану!..

Пусть диван создает форму.

* * *

А я не вижу смысла ни в чем. Вот беда. И случилось это со мной как-то после обеда и тянется до сих пор. Любовь проходит. Жизнь проходит. Борьба становится времяпрепровождением. Квартира – местом для этого. Болезни поддаются лечению, но сменяют друг друга. А самолюбие вообще ни к чему. Как и ум, крупно осложняющий нашу и без того сложную, рассчитанную на простое восприятие жизнь. Есть смысл, допустим, лечить чужие болезни, но в том случае, если он не умрет. Есть смысл сытно поесть. Ненадолго. Внимательно посмотреть, но вглубь, и изменить не ей, а что-то. А если все, что ты делаешь, приводит к смерти, а ты еще спешешь... Поневоле задумаешься, есть ли смысл. Но если ничего не делать, тогда и смысла никакого нет.

* * *

Может быть, кому-то и приятней жить в мире, где от тебя ничего не зависит, а ты зависишь от всех?!

* * *

Переход от девушки к женщине, от телятины к говядине.

* * *

Сколько натерпишься обвинений в хамстве, прежде чем узнают, что ты глухонемой.

* * *

Интересная штука возраст.

Так. Мне недалеко. Это в пятидесяти метрах отсюда. Валокордин я взял, пирамидон при мне, вата есть. Тампоны здесь. Бинты в кармане. Жгут кровоостанавливающий. Бриллиантовая зелень. Бальзам Шостаковского. Вазелин. Группа крови. Справка о группе крови... Резус-фактор. Езус, Мария... Да... Клизму...

Хочу быть физиком

Через открытые окна летит информация и оседает на лице морщинами. Приемник переполнен. Станции лезут друг на друга. А я один... Хочу быть ученым. Тишина. Лаборатория. Каталоги. Мы все думаем. Или спорим до хрипоты. Физику нужно двигать вперед, поэтому мы спорим. И уважаем того, кто против, и любим того, кто против. Нам нужен Эренфест, который стал великим, потому что был против... Хочу быть ученым. Придумал экран, дал звук. А кто должен разнообразить изображение?... Ах, это не твое дело. Опять не думаешь о последствиях! Хочу быть ученым... Хочу жить в отдельном городке с такими же учеными. Хочу непонятное говорить. Хочу сквозь очки иметь задумчивый взгляд, сидеть без пиджака с такими же задумчивыми умниками в закатанных рукавах. Хочу рассчитывать траекторию, прикидывать что-то на доске, чертить что-то палочкой на песке и не замечать, как палит солнце в дивном бору. Господи, хочу иметь начальником ученого, крупного, очень крупного и уже поэтому умного. Хоть у него все в прошлом, а у нас наоборот. Хочу иметь руководителя, с которым можно валяться на песке, или ездить рядом на велосипеде, или спорить до той хрипоты, до которой спорят только физики. В других областях все ясно.

Хочу острить на ученом совете. Хочу туманно смотреть окрест. Хочу быть рассеянным в магазине и не знать, какой мне, потому что я милый чудака и ничего в этом не понимаю. Я всегда понимаю, что я делаю, но иногда не понимаю, куда это идет. Пусть мое изобретение шумит и воет. Я уж не знаю для чего, главное, чтоб было хорошо. Пусть я, задумчивый и грустный, придумываю резиновые палки, уж не знаю для чего – значит, нужны... Ладно – пусть я атом в мирных целях, пусть я сложные колебания криволинейной поверхности в упругой среде, пусть я двигатель «Киви» для ядерной мирной ракеты. Она будет летать, и мы втиснем страшное количество приборов в спускаемый отсек... Я хочу быть уверенным, начиная задачу, что мы эту задачу решим. Ну а если не решим, тоже ничего страшного. Значит, мы не решили эту задачу в своем прохладном городке. Я тоже хочу говорить в интервью о Брэдбери и не припомнить ни одной нашей пьесы... Просто редко хожу – нет времени: втискиваю страшное количество приборов в спускаемый отсек, и изящно решаю, и острою на ученом совете, и еще копаюсь немножко в саду...

Любимый мой, как тебе повезло с бомбой... Я тоже хочу после бомбы получить все. Я хочу быть самым завидным женихом. Тридцати двух лет. Теоретик. Доктор наук. Я тоже хочу спрашивать у своих сверстников, сдуру пошедших в другое более легкое и понятное всем... Почему вы такие грустные, опять что-то не так?... Отстаёте от дня... Конечно, мой милый, если все идут впереди, должен же кто-то отставать, иначе не будет ни зада, ни переда. Ну это уже не значит лучше... В единицу времени, в пространстве пси на игрек, на эпсилон, корень квадратный из ку, помноженный на десять в минус восьмой степени, принимаемый за константу. Физики шутят непрофессионально. Я не пожалею времени, я стану физиком, я стану шутить, пусть меня тоже напечатают. Я хочу придумывать, я хочу спорить, я хочу быть ученым, я хочу поменять свой широкий профиль на узкий уважаемый...

Ну хорошо, пусть физиком будет моя жена!

Физкультурно одаренный

Для Л. Полищук

Ну что?!.. Кому здесь дать по роже?.. Вон тому, что ли?.. Или этому?.. Интеллигенция. Доктора наук. Ты мне мускулы покажи. Бицепс у тебя играет?.. Нет?.. Фу!.. Ха!.. Хо!.. Гантельки с утра. Днем эспандерчик. В сумерках плечевой пояс разрабатываю...

Ху!.. Хо!.. Ха!.. Ни одного микроба. Всех бацилл в себе перебила... Нам нужны такие, как я. Крепкие, здоровые! Вчера тут один без пропуска норовил. Я его один раз взяла на себя. Не видать его чего-то... Физическая культура в людях – прежде всего. Ты мне физически растолкуй! Не можешь – все! Береги челюсть! Глухих человек десять оставила. Подготовка у меня крепкая. Скула несокрушимая!.. От любой вдарь!.. А?.. А потом?.. Ну?.. Чего?.. Нет желающих. Ну прижми мне что-нибудь, а потом я тебе... Ну?.. Ага!.. Да вы будете выходить, я одна в дверях стану, не пробьетесь! Таз крепкий чрезвычайно.

Мой любимый герой – Ленчик Жаботинский. На всесоюзных с ним встречались. Я его взяла на себя – не идет. Тоже крепкий. А тут ходит эта хилая лысая фигура на кривых ножках. Ничего не может. Ни морду набить. Ни пьяного скрутить, ни через себя перебросить. Профессор! Газету поднять не может. Для чего люди живут?!

Фу!.. Хо!.. Ха!.. Хе!..

После республиканских один ко мне подкатил:

– А вы читали про человеческий интеллект...

Я его взяла за ключицу: «Не загромождай проход, лебедь. Я тебе сейчас всю статейку перепишу на личике твоём, ассистент! Не можешь со мной физически поговорить, тогда я тебя морально искалечу! Дезорганизую работу твоего организма».

Стране нужны физкультурно образованные люди. Одаренные физически. Чтоб кулак пудовый. Голова как камень. Грудь как кирпич! Все мои сотрудники здоровые такие ребятки... Председатель завкома такой дядя... А ну, говорит, возьми меня на себя... Я беру – не идет. Крепкий... Чего ж, спрашиваю, вокруг себя этих интеллигентов держите?.. Его ж линейкой можно перешибить...

– Что делать, он же на линейке считать умеет. Это тоже нужно, к сожалению. Ты в микроскоп глядела?

– Та на черта мне тот микроскоп. У меня глаз крепкий...

– А ты глянь, там микробов полно, а их убивать надо! А ты в телескоп глядела?

– Та на черта мне тот телескоп. У меня глаз крепкий...

– А там звезд полно, а их достигать надо!

Ой, Господи! Жили без микроскопа, еще жить будем! Разве это молодежь – каждый второй на палке. Каждый четвертый из поликлиники не вылезает. Пойти по поликлиникам, собрать всех хилаков. Дать им заступ, и руби! На глазах окрепнут! А если его у микроскопа держать – от ветра будет падать. Вот так я все сообразила несокрушимо.

А кто не согласен – можем поговорить! Кулаки у меня всегда при себе!

Лежачих не бьют

Лежат на сцене, головами в разные стороны, люди. Укрыты простынями белыми. Один рассматривает свою руку, пальцами шевелит.

Первый. Вот я лежу в потолок смотрю... Разве так надо строить потолки. Ось!.. Я же архитектор. У меня такие прикидки, такие расчеты. Потолочек получается... под кроватью... Если бы я залез туда! Вот там... Вам видно?

Кто-то. Белеет.

Первый. Это оно... мой потолок. Чудо!

Кто-то. Ну стройте.

Первый. Да?.. Сейчас! Меня ждут. Только покажи идею. Вцепятся, как собаки. Вотрутся в доверие, потом меня и не найдешь. А я хочу, чтобы меня нашли... Ось!.. Да разве сделаешь как хочешь?

Все. Не сделаешь.

Первый. Поэтому я здесь лежу.

Все. Понятно.

Второй. В одной пьесе тоже такая ситуация... но как она поставлена?! Какая убийственная ординарность... Я режиссер!

Кто-то. А что вы поставили?

Режиссер. Много чего поставил, мои бедные. Но все это в голове. В наше время крупные режиссеры не ставят, они мечтают ставить. А ставит бездарь роем жужжащим. У меня великолепная голова!.. Если б я надел штаны и встал, вы бы увидели, какой я крупный режиссер. Мне бы пройти через дорогу, войти в театр! Разметать бездарь! Рассеять ее! И поставить свою вещь, острую, неистовую... На мировой скандеж!.. Что я горячусь?.. Вы же знаете, что не дадут.

Все. Не дадут.

Режиссер. Разве им нужны крупные режиссеры?

Все. Не нужны.

Режиссер. С вашего разрешения я повернусь на левый бок.

Первый. Это все веники, ребята! Я писатель!.. Я, ребятки, роман накарякал в душе. Мне его – встать и записать! Ребята. Будет пожар! Будет авария! Если я дойду до ручки, Толстого никто читать не будет... Это уже не шутки. Это мина! А если я, не дай бог, усугублю звучание, ребятки, мне себя не жалко, мне и вас не жалко. Истина мне дороже, а вы дешевле. Но, ребята, мы же не дураки лежим. Ну, откровенно, разве пропустят?

Все. Не пропустят.

Режиссер. Разве выпустят?

Все. Не выпустят.

Режиссер. Это все веники, ребята.

Четвертый. Все наверх!.. Видите карниз под потолком?

Кто-то. Ну?

Четвертый. Ну?! Ха-ха! Ежели б я разбежался... разбежался и сиганул уверх, так тот ваш Брумелль остался бы у меня под кормой.

Все. Не дадут.

Он. Дадут... Сам не хочу.

Все. Чего?

Он. Чего?! Ха-ха... Лежите вы тут по двадцать лет, а дурные как пни. Ну сиганул я на три метра. Прошел над планкой с запасом в метр. Ну приземлился. Ну золотая медаль, одна, две, десять. А дальше что?

Кто-то. Что?

Он. Обед закатывай. Триумф устраивай. Пить начинай. Ну сколько можно пригласить на обед? Ну сорок человек... Ну пятьдесят! А остальные куда войдут?

Кто-то. Куда?

Он. Никуда. Обиды пойдут. Интриги. Зазнался, прыгает выше всех! Девки облепят, живого места не найдешь. Пацаны проходу не дадут. Разве так протянешь?

Все. Не протянешь.

Он. Протянешь... но недолго.

Пятый. Хотите, я сейчас попаду в лампочку кальсонами?.. Сейчас размахнусь... О!.. Мимо... Руку отлежал. А я боксер. У меня удар сумасшедший. Справа, слева, вперед, назад и боком бью и давлю с одинаковой силой. Но разве пробьешься...

Все. Не пробьешься.

Он. А я и не пробиваюсь.

Шестой. Я по призванию общественник. Помню, лежал в восемнадцатом. Разруха, голод, паровозы без угля. А мы лежим. В жутких условиях лежали, не то что теперь... А потом пятилетки, война, целина. Где я только не лежал. Кругом все бушует, а я лежу. Принципиальность, сила воли у меня огромные. Жуткие. Я бунтарь, непоседа! Мне напрячься. Силу воли напрячь... Не стоит...

Все. Не стоит.

Кто-то. Эх, если б я сейчас...

Псих. Тихо вы! Закройте рты! Не раздражайте меня! Кто не дает? Кто не пропускает? Вы поднимите свои зады! И пробивайте! И песню пойте! И счастье знайте! Вам надо встать и развернуться! Вам надо биться, не надо гнуться! А вы лежите, как свиньи эти... Как свиньи эти... В общем, противно мне на вас смотреть! Боксеры.

Седьмой. Лежат... Сколько мыслей, сколько идей пропадает. Лежачие деятели. Неподвижные мечтатели. Это становится болезнью. Об этом нужно говорить сейчас, пока не поздно, нужно кричать, бить в колокола!.. Думаете, дадут?

Все. Не дадут...

Седьмой. Не дадут. (*Ложится, укрывается.*)

Безграничные возможности

Мы добились колоссальных успехов в потреблении ряда товаров первой необходимости. Это было непросто, но теперь мы впереди всех в этой важной области. Мы также впереди всех по посещаемости общественного транспорта и по готовности употребить любой продукт. Наши возможности в готовности принять любое количество туалетной бумаги – безграничны.

Рост потребления постоянный! Емкости для сбрасывания любых количеств дефицитных товаров огромный. Сложность точного определения, какой товар дефицитен сегодня, какой – завтра, образует неограниченные возможности для сбрасывания вниз, что тут же расфасовывается, растаскивается и дает возможность снова сбрасывать туда же.

Выражение лиц населения свидетельствует о наличии самых неожиданных предметов в самых неожиданных местах. Отправляясь в другой город на два дня, командировочный берет трехдневный запас продуктов, мыло, питьевую воду, лекарство, стиральные порошки. Промахи торгующих органов население восполняет само, таким образом стерлась разница между товарными и пассажирскими поездами.

К мелким просчетам жители приспособились давно, откладывая запасы еды непосредственно в организм, о чем свидетельствует размер талии, бедер, делающий фигуры мужчин и женщин после пятидесяти практически неотличимыми.

Благодарю за внимание!

Наш старичок

У нас во дворе есть старичок, который может плавать в воздухе, но невысоко от поверхности двора. Он вытягивается, как солдат, падает лицом вниз и двигает себя только ногами. Он плавает низко, на уровне собак, и мешает. Вначале его просто отталкивали, а потом били. Собаки кусают прямо за щеки, но он привык.

Хуже, что он куда-то исчезает и появляется весь в заграничном, с американскими сигаретами.

– Что же вы там не останетесь?

– Машины мыть?.. Здесь интереснее. Здесь еще столько неиспользованных возможностей. Прямо целая страна! Вы не поверите...

– А вино? Не можете?

– Во-первых, наше лучше. Кроме того, бутылки тянут вниз. Вы думаете, я в противоречии с физикой? Нет, я чуть-чуть легче воздуха... Ночные смены.

Пачка сигарет, галстук... Платформы уже не могу – тянут... Никакой авоськи, сетки... Лишнее сопротивление и след на земле. Но слушайте, бандитизм – это да. Здесь морду бьют, там – стреляют. Что вам привезти? «Пэлл Мэлл»?

– Я не курю.

– Девушке подарите.

– Тогда «Пэлл Мэлл», пожалуйста, и коробку спичек.

У меня все хорошо

Для Р. Карцева

У меня все хорошо. Со мной все хорошо. Не знаю, у кого как, у меня все хорошо. Все у меня замечательно, не знаю, как у всех. Думаю, что плохо. Не может быть так хорошо, как у меня. Плохо, как у всех, вполне может быть. Но так хорошо, как у меня, – ни у кого. Исключено. Ненормально хорошо. Чудовищно. Гипертрофированно хорошо. Меня даже не интересует, как дела у окружающих. Какие у них могут быть дела? Развал! Нищета. Борьба за кусок хлеба. Копейки, секунды, крошки. Воробьиная жизнь. А я взлетел орлом. У меня внешность. Я героически красив – все плюгавы. Я строен и силен, как шпага, – все безобразны. И я рад, что у всех все очень плохо, а у меня так все хорошо. У меня все хорошо, все хорошо, все очень здорово. Ой, ай, не могу, как все хорошо. Ибо все больны – я здоров. Все бедны – я богат. Я богат, богат, богат. Все это мелочи. Я богат, богат. А все бедны, бедны, нищи! Ой! Как все больны, бедны и несчастны. Ой-ой-ой! Ни у кого ничего нет. Ни у кого. У меня кружка, у них ничего. У меня чашка – у них ничего. У меня чайник, кипяток, заварка, хлеб, яблоко – у них ничего, ничего у них нет. Ничего. У меня все-все-все.

Все у меня, у меня. Только у меня. У меня одеяло, подушка, свет и вода, а у них – ничего. И я буду всегда жив, здоров и ничего им не отдам, ничего. И эту булочку я съем сам и намажу повидлом, потому что я так люблю, и у меня есть все! У меня есть одежда, есть обувь, есть своя небольшая комната, и там есть радио и музыка, а у них нет ничего. Та-ра-ра-ра, у них ничего: ни еды, ни воды, ни радио. И пусть все так и живут, именно так и именно все. Потому что я им ничего не отдам, потому что дай одному – и все налетят. А я никому не дам, и никто не налетит. И никто не узнает, что у меня есть кое-что из еды, немного есть денег, что-то из одежды, что-то из музыки, кое-что из посуды. Короче, есть все! Я страшно, крепко, безумно здоров, но это первая половина дела. А вторая половина дела – что все страшно, жутко неизлечимо больны. И всем нельзя ни кушать, ни спать, ни ходить, ни лежать, а мне можно. Им запрещено ходить в парк, а мне разрешено и бегать по дороге туда и сюда. Мне одному положено. Я один бегаю без разрешения, а им всем нужно разрешение. Они больны, бедны и завистливы. Я богат. Все пешком, я бегом. Все смотрят вниз – я вверх. Свободно, вольно.

Я здоров, красив, удачлив. Удачлив, потому что жизнь сложилась на редкость. Кто еще имеет то, что я? Никто. Все плачут – я смеюсь. Все меня целуют – я никого. Я очень рад, что у меня так все хорошо. Я могу открыть окно, когда хочу. А все остальные – нет. Правда, сестричка? Я могу. Я могу сойти вниз, подняться наверх, я могу взять что-нибудь и купить, были бы деньги, а все остальные – нет, нет. Поэтому я выздоровею, я обязательно выздоровею, а все остальные – нет, нет. Потому что им не для чего выздоравливать. А мне есть для чего. Чтоб видеть, как они болеют, болеют, и мучаются, и мучаются. А я прекрасно, невыразимо счастливо одинок. И не делюсь своим здоровьем и счастьем.

Я лежу и принимаю лекарство, а у них ничего нет, они не могут ни лежать, ни принимать. Я, как только выздоровлю, сразу сойду с койки, и буду бегать и упражняться на батуте и брусках, и прыгать через коня, потому что я дико, страшно здоров, а они больны, больны, больны, и у меня все заживет, уже заживает, заживает, заживает, вот я уже чувствую, как у меня появляется и второе легкое, и вторая почка, и позвоночник срастается, и сердце снова бьется ритмично, потому что я здоров, здоров, чтоб сосредоточиться и понять, как я здоров, силен, устроен, одобрен, принят, обласкан и богат. А все еле дышат, и туда им и дорога. Доктор, я засыпаю.

Холодно

Шли мы в Черновцах по базару. Искали шубу для меня. Холод собачий, а я черт его знает в чем. Мы ему сказали: «Ищи шубу. Как увидишь, кричи».

Разошлись. Он вдруг как заорет с другого конца:

– Санька!..

Пробиваемся через толпу.

– Смотрите, какие часы интересные!

– Ты что, сдурел, – говорю. – Холод такой. Ты шубу ищи!

Разошлись. Ищем. Вдруг:

– Ребята, сюда! Санька, Витька!

Пробиваемся на крик.

– Смотрите, как железная дорога в горы уходит.

– Ну, дам по шее! Ну, ты у меня допрыгаешься! Холод собачий. Мы шубу ищем.

Разошлись. Опять орет:

– Санька!..

Пробиваюсь. Стоит перед собакой. Треснул я его. Пошел один. Купил тулуп. Надел. Вижу, гора красивая, а в нее железная дорога уходит под ветки заснеженные, и пес ужасно смешной, и Володька стоит, плачет...

Слова. Слова...

Для Р. Карцева и В. Ильченко

- О! Боже мой, боже мой, кого я вижу, какой человек! Очень рад вас видеть.
- И я очень рад.
- И я очень рад вас видеть.
- И я очень рад.
- И я вас...
- И я вас...
- И я...
- И я...
- Очень рад.
- Очень рад.
- Вы надолго к нам?
- Надолго к вам.
- Вот это хорошо.
- Да, это хорошо.
- Надолго – это хорошо.
- Надолго – это хорошо.
- Надолго – хорошо.
- Да, надолго – хорошо.
- Хорошо – надолго.
- Надолго – это хорошо.
- Да-а.
- Да-а.
- Вот ненадолго – плохо.
- Плохо, да.
- Надолго – это хорошо.
- Надолго – это хорошо.
- Да-а.
- Да-а... А вы знаете, я вам больше скажу: надолго – это хорошо.
- Нам очень нравится ваша работа.
- Ну да?
- Да.
- Спасибо.
- Пожалуйста.
- Спасибо.
- Пожалуйста.
- Спасибо.
- Пожалуйста.
- Пожалуйста.
- Спасибо.
- Пожалуйста.
- Слушайте, давайте попробуем поработать вместе. Вот вы хотите работать для нас?
- С удовольствием.
- Попробуем, да?
- А что, давайте попробуем.

– Попробуем. Вы набросайте свой планчик-конспектик будущей работы, принесите, мы обсудим и сделаем.

– И все?..

– И все!..

– Планчик-конспектик?

– Будущей работы.

– В двух страничках.

– В двух страничках.

– Я знаю, я делал.

– Я знаю, вы делали.

– Я помню.

– И я помню.

– Планчик-конспектик...

– В двух страничках...

– А можно в одной?

– Давайте в шести.

– Давайте.

– Я знаю, я делал.

– Я знаю, вы делали.

– Я помню, я делал.

– Я помню, что вы помните.

– А вам это очень нужно?

– Очень, так что сделайте.

– Обязательно.

– Договорились.

– Непременно.

– Я могу быть уверен?

– Как вам не стыдно?!

– Не подведете?

– Как вам не стыдно?!

– Я могу быть уверен?

– Я обижусь.

– Ну все-таки могу быть уверен?

– А я могу быть уверен?

– Как вам не стыдно!

– Мы оба уверены. Вы чувствуете?

– Да, я чувствую.

– Почувствовали?

– Вот сейчас почувствовал.

– Так что сделаете?

– Обязательно.

– Договорились.

– Если вам нужно – обязательно.

– Очень нужно, мы без вас не можем.

– Договорились?

– Договорились.

– Сделаете?

– Обязательно.

– К четвертому.

- К пятому.
- К четвертому.
- К пятому.
- К четвертому.
- К пятому.
- Ну ладно, к пятому.
- Ну ладно, к четвертому.
- Только обязательно.
- Обязательно. Если я обещаю, вы же знаете...
- Знаем, мы уже тогда никого не приглашаем, рассчитываем только на вас.
- Рассчитывайте обязательно на меня. Обязательно.
- Я же знаю.
- Ну что вы.
- Только на вас.
- Только на меня.
- Ну, до четвертого.
- До пятого... То есть до четвертого.
- До четвертого... То есть до пятого.
- Не сделаю я ему ни черта.
- А мне это и не нужно.

В мире животных

Лев рычащий

Я, конечно, царь зверей. Никто меня звания не лишал. Это за мной пожизненно. Ну, прыгнул один раз через обруч... А что я мог сделать? Другие цари все прыгали... А до меня сколько народу прыгало. Никто не умер... Все равно уж... Раз пришел... Вернее... Чего ж не прыгнуть. Кстати, просили нормально, без угроз. Так. Только кнут показывали. Ричарда один раз огрели. Честно, я хотел вмешаться. Но он уже полетел, хотя зарычал страшно.

Я сам очень спокойный. Ко мне отношение самое доброжелательное. Лично ко мне. Я слышал, там толкают, там кого-то пихают. А ко мне лично. Лично ко мне. Изумительно. Я не потому там... Я себя боюсь. Чуть раньше прыгну и не иду на конфликт. Еще не успеют свистнуть, я уже бегу... Боюсь вспылить. Психануть! Это смерть! Гибну я – гибнут все, или гибнут двое – я в живых. Тут уже все равно, когда психуешь и разгоняешься. А я по ночам – упражнения! Зубы о прутья наточил до невозможности. Когти все время сжимаю и распускаю, сжимаю – распускаю. Очень укрепляет лапчатые мышцы. Фигурка дай бог. Налитой весь.

Правда, на сытый желудок прыжок не тот. И я так скажу. Они интеллигентные люди. Вчера новенькая подошла: войдите, мол, в мое положение. С меня же, мол, тоже спрашивают. Вы в крайнем случае сделали вид, что не поняли, а я? Я бы очень не хотела применять другие меры воздействия: брандспойт или сигаретой в зад...

Ну, понятно, Господи. С нами только поговори, и мы запрыгаем. Не надо только наши хвосты на палку наматывать. Хотя со стороны может быть и красиво. Но... Не то чтобы требую, но прошу. Не надо. Не потому что что-то произойдет нехорошее. А! Не надо, и все. Не дай бог, без угроз говорю: «Не надо!» То есть когда очень надо, пожалуйста. А вообще. Не надо. Сейчас пересеяду. Я вам не мальчик. Во мне двести килограмм весу и зовут Ураган. Жуткое дело. Эр-р! Эр-р! РЭ-У-У-А! М-да.

Легко пересел... Кстати, здесь воздух еще лучше... Из Африки пишат – голодуха. Каждый сам себе пищу добывает, и все львы озабоченные. А здесь все безмятежные. Один раз прыгнул – целый вечер свободен. А мозги вообще отдыхают. Выключены мозги... Давай обруч пониже... Так... Крепче держи. Пошел. РЭ-Э-У-У-А! Все! До завтра, мальчики!

Воробей стреляный

Воробей, воробей... вообще-то я орел, но ростом маленький. Потому что в помещении. Я замечал: меня на мясо тянет. Честно. Вцепиться в кого-нибудь и рвать, рвать. Со злостью даже. Зрасте... Зрасте... Зрасте... Масса друзей. Я при ресторане живу. Прямо в помещении ВТО. Знаете, для артистов?.. Орел в помещении, представляете? Потому и маленький. И быстро говорю. Ни воздуха, ни света. А так все есть. Я все вырвал. Где просто достал, где выменял. Поэтому, когда мне говорят: «Какой же вы орел?» – я отвечаю: «Я орел, но правильно рассчитал».

Маленькое пробивное существо появилось не само по себе, оно порождение условий: урбанизации, канализации, организации и деградации. Пробивной чудачок развивает очень большое давление на квадратный сантиметр поверхности, потому что поверхность небольшая. Нормальный орел в ресторане замечен. Мы же где сидим, орлы? На карнизах, на форточках... Ну, если солидный орел... Жрешь что попало... С желудком что-нибудь. А внизу народ. А народ от воробья еще потерпит, а от орла никогда. Замордуют.

Я тот же стервятник. Не такой дальнзоркий, но быстренький, бысенький, бысенький. Пока он голову повернет, я бысенько, бысенько, бысенько! Большой орел – он тупой. Мы с одним сидели под Кисловодском в горах. Я туда поездом, он своим ходом. Он мне говорит: «Крис, поверишь, не могу из рук. Не могу, если кем угодно называют: и цып-цып, и кис-кис. Сижу на камне, жрать нечего, но сам себя уважаю...» Ну и что, что уважаешь. Скоро уважать некого будет. А дети твои где попало шатаются. Я их уже и в зоопарках встречал, и в цирках, и как миленькие пьют из ведра.

«Что, – говорит, – могу сделать. Дети – другое поколение, а я так воспитан». Ну что это? Что?! Что ты видишь там вдали, орел? Надень очки, посмотри, что у тебя под носом. Сам себя только и уважаешь. Сунешься в город – там тебе пьёрря-то повыдергивают. И из рук будешь, и хвостом махать, и перед кем попало лежать, закрыв глаза. Дадут тебе на грудь табличку: «Орел горный». Не гордый, а горный. Размах крыльев полтора метра. В неволе размножается. Ест орехи, апельсины, мясо, если достанет. Если не достанет, сидит спокойно.

Что такое гордость, самолюбие? Я этих слов не понимаю. Это греческие слова. Я тоже гордый. Но не везде. Я в семье гордый. Вот там, в щели. И жену регулярно щипаю, если в стране что не так. Если кто-нибудь меня оскорбит. Не дай бог! Возвращусь, все у жены выщипаю! Это что, не гордость?! И сила воли есть. Уж что ни говорят, как ни стараются не замечать, морщатся, увидев меня, – сижу!... Зато с пустым желудком не ухожу, и домой что-нибудь. Ну да ладно. Сами знаете. Отойди все! Дай орлу поклевать! Не наступи на орла, сволочи!

Кто-то ползучий

Ну почему нас все называют «ползучие, вьющиеся, пресмыкающиеся, обвивающие»? У нас есть своя область. Нижняя. Но и у нижних есть свой верх, свой стиль, свой высший и нижний слой. Мы – пресмыкающиеся, и, чтоб подняться высоко вверх, нам надо обвить кого-то. Того, кто растет. И на самом верху некто Орел вдруг с удивлением видит не одного, а двоих: лицо того, кто рос, и мордочку того, кто обвился. «Вас уже двое», – скажет он. «Нас уже трое», – скажем мы.

Как утверждают некоторые, кратчайший путь между двумя точками – прямая линия. На бумаге было такое в древние времена. Сейчас по прямой не доберешься. А если доберешься – не достучишься, если достучишься – не добьешься, если не добьешься – выгонят. И я передвигаюсь вот так, по спирали вверх. Из нижней точки перейдя в точку рядом, оттуда – обратно, но уже чуть выше, оттуда снова вправо, затем чуть выше и через два года возвращаюсь в исходное место, но настолько выше, что все не могут понять, где ж это я так вырос.

Шипя. Путь наверх извилист и тернист, только гибкие натуры с твердым характером или твердые натуры с гибким характером, пресмыкаясь, достигают вершин, где сидят орлы. Рожденный ползать летать не может, но достигает высочайших вершин. Природа нас снабдила тихим голосом и сильным ядом. Ничего! Голос можно усилить, и наше шипение перекроет рычание львов. А яд неопасен другим ползучим, он поражает только летающих. В больших дозах он с ним несовместим, в малых он ему полезен.

Крупнолетающий с небольшой дозой ползучести и есть идеал неживой природы. Небольшая доза нашего яда отбивает чувствительность и делает пациента светлым, чистым, спокойным и неменяемым. Радостно беседовать с ним. Его ничто не трогает, и он образует поле спокойствия и тиш-ш-шины. Конечно, мы ничего нового не открываем, но любим власть и на слабые существишки действуем гипнотически. Он прыгает, прыгает, припрыгал по своим жалким делам: «Скажите, пожалуйста, нельзя ли получить причитающиеся мне?...» Я только смотрю на него, и он столбенеет. Он понимает, что оторвал от такого важного дела, где вся его жизнь – буква в Библиотеке конгресса. И только пятна пота и слез на том месте, где было вполне живое существо.

Люблю я себя! За все! За упорство, за гибкость, за опровержение всех законов Евклида, Лобачевского, которые до сих пор утверждают, что добираться до цели надо по прямой. Оба, кстати, умерли в бедности. А из нашей кожи делают кошельки даже после смерти. Единственная святая заповедь, данная нам свыше: «Ползучие и пресмыкающиеся, держитесь близ летающих, не собирайтесь вместе, ибо, собравшись вместе, вы передуете друг друга, и будет эта организация называться террариум, либо НИИ, либо Москонцерт, что значения не имеет. Держитесь поодиночке, только так вы можете произвести впечатление, и все вас будут бояться. А гибкость поможет вам забраться туда и выбраться оттуда, откуда не выбирается нога человека».

Кто-то долгоживущий

Поет нежно, тоненько, приблизительно вот это.

Я чере-чере-черепашка, я маленькая черепашка Нинон. Я очень медленно ползу, я триста, триста лет живу. Я, извините, молода, а кто мне скажет те года, когда вы женщину сочтете пожилой.

(Акомпанирует себе на рояле.)

Я ползу уже восемьдесят три года. Мне еще двести семнадцать лет пути. Торопиться мне некуда. Когда говорят: все там будем, я думаю: а может быть, я уже там. Когда говорят, там хорошо, где нас нет, я думаю: а может быть, я уже там... Я чере-чере-черепашка, я медленная черепашка, я удивительно ползу, я изумительно живу. Та-та-ра-рим-рам-ти-ра-рай-рам. Но не в этом дело...

Меня спрашивают: как вы живете? Когда видят кого-то интеллигентного, тихого, вежливого, думают: Господи, как же он живет, где он лечится, как питается. Я думаю, у каждого для этого что-то есть: книги, музыка, друзья.

Я ко всем добра и сострадаю. Но я не могу ко всем одинаково. Общий язык у меня только с двумя. Та-ра-ра-ти-рам-ти-ра-рай-рам... Для того чтобы нам найти общий язык, нужно много знать: историю, философию, Гайдна, живопись. Не художников, извините, а знать живопись. Понимать, что происходит. Не просто понимать, а так, когда уже все прощаешь, чувствуешь боль, конечно, когда видишь невежество и понимаешь его, видишь барство малооплачиваемого человека и понимаешь, откуда он и оно.

Вот сколько пунктов. На каждый я нашла бы собеседника, на все – только двоих... Одна здесь, но занята. Вечно. Такая бедненькая черепашка. Та-ра-рам-ти... Нам с ней собраться три года нужно. Она вечно куда-то спешит, хотя, придя туда, понимает, что можно было и не приходить. Тогда она спешит в другое место. Сидя спешит и стоя спешит. Встать спешит, кормить мужа спешит, кормить сына спешит, жену сына кормить спешит, и дочь сына, и мужа дочери сына.

А другая еще дальше, и мы переписываемся. Можно и не писать. Я всегда знаю, о чем она думает. Мы это делаем одинаково, можно часто и не писать. Та-ра-рам-ти-рам-та-ра-рай-рам... Я, конечно, нигде особенно не была. Не была за границей. Особенно не была в Париже. Все не выползу. Я очень медленная и не могу просить. А сейчас со всех сторон: «Убедительно прошу», «Прошу не отказать». Представляю, сколько хохота вызвало бы заявление: «Требую оказать содействие». Просить не могу и некоторым образом исключена из деятельной жизни. Та-ри-рам-ти-рам-та-ра-рай-рам...

Карл сказал, что я страстная... Хотя я думаю, это комплимент. Мы сходились лет двадцать и расходились лет шесть... Разошлись, а я его все вижу и вижу... Черепахи дела. На рояле играть люблю. Что-нибудь небыстрое. «Анданте кантабиле» Моцарта. Но во всем этом есть маленький минус. Публика на следующий концерт жаждет смешного. Уже все! Уже что попало, только смехи. А я все еще возле рояля. Они злятся, а мне смешно... Та-

ри-рам-ти-рам-та-ра-рай-рам... Смеюсь я часто, но беззвучно. Если вслед что-нибудь кричат. Ну... не так уж и вслед: любой может меня догнать... Кричат чепуху, конечно. Облагают мой внешний вид. Ой. (*Беззвучно смеется.*) Он не соответствует их понятиям о внешнем виде. Я их понимаю и смеюсь. А от грубого слова сразу ухожу. Поворачиваюсь, простите, и удаляюсь. Потому что отвечать визгливо... Пытаться убедить кого-то в трамвае... Когда он разозлен не твоими очками, а просто срывает что-то на тебе... Та-ра-рам-ти-рам-та-рай-рам... Панцирь у меня крепкий, но уши не спрячешь. И я ухожу. Они в дом – я в квартиру. Они в квартиру – я в шкаф. Они в шкаф – я в панцирь. Они в панцирь – я в мысли...

Поэтому когда спрашивают, как живет тонкая, деликатная натура, я говорю: «Живет, но в панцире». Из книг, нот, картин, мыслей. Бывает, и грубость скажет: это – панцирь. Уж вы не обижайтесь... (*Беззвучно смеется.*)

Кошка

(с грузинским акцентом)

Отворите потихоньку калитку... Ну дайте войти. Холодно. Очень. Мы, кошки, тепло одеты, но не любим холод. Особенно ножки жалею. Мы очень домашние. В принципе. Как мы сейчас выдвинулись, вы сами знаете. Как поем, как играем в шахматы, как ходим, гуляем всюду. Это раньше считалось, что главные из нас – представители мужского пола. Они постепенно съехали на нет. Все, что они могут, это усы, походка и страстный вид. Ну и, конечно, в марте громко кричат друг на друга, хотя до драки не доходит. Мы считали, что из-за нас кричат, а оказалось, что какие-то старые счеты. Мы к ним привыкли. Он вечером ушел, утром пришел, весь в краске от крыш. Мы это понимаем. Мы не препятствуем. Умные мы очень. Хотя это только в последнее время начали показывать. Жить не с умом, жить будешь не с красотой. Жить будешь с характером. А характер у нас есть. Ну отвори потихоньку калитку, совсем выйти нельзя. Закрывают. Домашняя, домашняя – это только кажется. Мы очень независимые. Я не понимаю, как можно выходить по звонку и входить по гудку, стоять по свистку. Переходить дорогу по чертежам. Пусть нас давят, пусть мы гибнем. Мы будем переходить где мы хотим, и делать что мы хотим. А откуда я сейчас пришла, знает только Бог, и то если он есть, в чем я сомневаюсь из-за его ошибок. А я помнила, где была, но тут же забыла. Видели: в темноте у дороги глаза блестят? Отчего блестят? От слез блестят? От радости блестят? От огня блестят! Огонь горит изнутри. А снаружи спокойная. Мягкая. Лежит. Погладить хочется. Не торопись. Узнай, хочет она, чтобы именно ты ее погладил? Может, она хочет, чтобы ее погладили, но именно ты – нет! Именно ты – чтоб ушел. А для того чтобы это был именно тот, кого я хочу, у меня есть зубы, когти и глаза. И сердце, откуда огонь поднимается и через глаза выходит, если ресницами не прикрою. Тебе нравится, как я хожу? Сиди там, смотри. Нравлюсь – говори, я красавица. Но если ты боишься подойти, потому что я красавица, ты идиот. Ты подойди, а я сама решу. И смотри на меня. Ты мне не нравишься, но смотри. Не будешь смотреть – я умру. Не страдай, что я тебя не люблю. Тот, кого я люблю, страдает больше тебя. Не обижайся. Я с тобой, но не твоя. Я сказала, что твоя, чтобы ты не переживал, в животное не превратился. Я ничья. Я живу у тебя. Как ты можешь сказать: «Она моя»? Ты же в глаза смотришь и ничего там не видишь, ты уши поставил – и ничего не слышишь. Я у тебя. Может, всегда. Может, уйду завтра. Невыносимо тебе это. Терпи, если любишь. Выгонишь раньше – значит, раньше выгонишь того, кого любишь. Если сама уйду – дольше будешь с тем, кого любишь. А если любишь, так и уйти дашь. Не держи за хвост. Хвост оставлю... Люби, если можешь, только дышать дай. Ты же знаешь, что для меня хуже твоей любви ничего нет. Отвори потихоньку, дай выйду к черту на мороз.

Кто-то очень быстрый

Страшно быстрая. Страшно быстро откуда-то прилетела и страшно быстро куда-то побежала.

Такая насекомая.

Сама небольшая, рябенькая, ножки, как волосы.

Где там мышцы-то? Но помчалась будь здоров.

Я за папку.

Она под папку.

Я за обложку, она между страницами.

С усами и лапами.

А вид довоенного истребителя, присевшего на хвост.

Помчалась между страниц, все перелистала, может, все и прочла – с ее-то скоростью.

Папку поднял, она уже мчится в другую стопку бумаг, все подсунутые мной карандаши обегает, ныряет в пачку, промчалась по всем страницам, выскочила такая жутко быстрая насекомая, разогналась еще быстрее и страшно быстро улетела.

А чего ей задерживаться?

Тексты все были старые.

Я бы тоже улетел.

Тараканьи бега

Встретились два таракана. Один из них был интеллигентом, а второй просто спросил:

– Как вы относитесь к большому спорту?

– Большой спорт прекрасен. Прекрасно желание побеждать любого, колоть, забивать. И нет большей радости, чем убедиться, что другой сломлен. Я это понимаю, но это не для меня. Шахмат я боюсь, потому что там обязательно унижают другого. Ему доказывают, что он слабее, и просят не раздражаться. Видимо, это прекрасно, но не для меня.

И они поползли дальше, преодолевая водопроводную трубу.

– И, вы знаете, я люблю лица чемпионов, хотя они получают несколько мрачноваты. По мне, пусть не такие уж чемпионы, пусть подороже, и из дам, повеселее и, простите, поженственнее. Чтоб не такая тяга преодолевать себя и партнера, она же когда-нибудь станет женой.

Они остановились у газовой колонки. Вокруг разливалась приятная теплота.

– Я не против карьеры даже в спорте. Но спорт ради карьеры?.. Простите. Приятно увидеться и поговорить с Мохаммедом Али, но жить под его руководством?!

В это время вспыхнул свет. Они помчались. Один успел нырнуть в щель.

– Куда же вы, а я?..

– Не сочтите предательством, вас опрыскали. Может быть, большой спорт – это плохо. Но элементарная физическая подготовка... Особенно для интеллигенции...

Попугай

Я вам хочу рассказать историю про попугая. У одного знаменитого профессора украли все. Обокрали в общем. В том числе украли и этого самого... ну... попугая. Да... Он заявил в милицию. Милиция искала... И вдруг попала на малину, где было много из вещей, в том числе и клетка с этим... самым... ну...

– Попугаем.

– Да!.. Но вещи нашли, а этот, ну в клетке...

– Попугай.

– Да. Он совершенно жутко... ну...

– Летал?

– Нет.

– Кричал?

– Нет... Выражался... Ну... он там наслушался. И профессор вещи обратно принял, а отказался взять этого самого...

– Попугая?

– Да, магазин тоже принять отказался, там дети посещают. Домой все взять отказались, и милиция знаете что сделала... Ну...

– Застрелила?

– Нет.

– Съела?

– Нет... Ну, выпустила... И теперь сверху над городом время от времени с неба несется мат... На весь... Ну... город и на все начальство... конкретно, с фамилиями... участками... к матери там и на... ну... Посланные истребители вернулись ни с чем. Вот... А потом слышали: «Пролетая над Череповцом, посылаю всех к такой-то матери...»

И что самое страшное, ему – только пятьдесят лет!

Давайте копать!

Все мне говорят: не ищите легкую жизнь, но никто не объясняет, почему я должен искать тяжелую?! У каждого свое увлечение. Один марки коллекционирует, другой – монеты старинные. А я хочу современные. У меня свое. Хочет человек иметь много денег. Это же не преступление, это увлечение. Так ведь сейчас все зажали. У академиков мне оклад как раз нравится, но это труды какие-то надо иметь, искрить, в дыму сидеть, червей скрещивать. Как у них там: сначала – кандидат, потом – доцент, потом – профессор. Пока тебе дадут этот оклад – позеленеешь. Им всем по сто лет. Абсурд!

Государственная премия сравнительно неплохая, если так вдруг сразу получить. Но тоже всю идею испортили. Открытия какие-то надо сделать. Причем я бы сделал, не жалко, но как? Где? В какой области? Поподробнее давай! Может, месторождения какие открыть? Скажи, куда ехать. По карте, к сожалению, не могу, не ориентируюсь. Укажи транспорт, местность, там уже, в конце концов, пацаны покажут. Если алмазы, тоже могу на жилу попасть, золото промоя, если блеснит. А они не говорят, где искать, сами, мол, копайтесь. Ну я за город выехал на трамвае, немного покопал. Дождь пошел, а я в костюме. Миску набрал, под краном перемывал. Ни черта. Засорил водопровод.

Открытия тоже могу сделать. Что значит фундаментальные? Какие могу, во-первых, а во-вторых, давай поподробнее, поподробнее давай. Что-нибудь из химии? Что-то куда-то накапать? Скажи, что куда.

У меня посуда кое-какая есть. Ты же дай человеку заработать.

Песню предлагали писать для радио – первая премия пятьсот рублей. Ну, пятьсот так пятьсот – тоже не валяются. Я сел за этот, за стол. Долго так сидел. Часа два. Напевчик намурлыкал. Словами так отобразил. И там подвох. Ноты, оказывается, надо знать. Я им позвонил по телефону. Напел в трубу. Скандал вышел. Девушка молодая, еще слабая. Она упала, что ли. А трубку не могут у нее из рук. Я-то пою... Голос у меня – сам знаешь, но пятьсот рублей – до зарезу. А тут – очередь. А я в автомате пою и прошу, чтоб записали. Конфликтнули мы с одним из очереди, так что я уже на работу не пошел. Пробовал роман. Но тоже: если уволиться и писать, то жить на что? А если работать и писать, то жить когда? Может, сначала премию?!

Актером можно было бы стать. Но тоже надо, чтобы народ на тебя пошел. По рублю же надо собрать с народа. Я ж тоже не дам рубль за первого встречного. Видишь, как все зажали. Только на себя надежда. Я тут ночью вскочил как ужаленный. Мы же все забыли. Здесь же был Петербург. Все графы, князья в золоте ходили. Куда это все исчезло? Сейчас же ни у кого ничего... Значит, все закопано. Я одного старика поймал, он мне все рассказал и обещал показать место, где восемь кирпичей лежат золотых. Только копать у него сил нет. Это один старичок восемь кирпичей указал, а сколько их тут бегают по поверхности?.. Копать надо! Все перекопать. Фонарь, лопата, кусок колбасы – и вглубь. А что сидеть? Может, у кого иначе, а у меня как от полочки до полочки время тянется!.. Не знаешь ты!

Странный мальчик

Для Р. Ромы

Какой-то странный мальчик. Вдвое! Вдвое младше меня. Вчера: «Я люблю вас!» Это ужасно смешно. В моем возрасте... Он пришел и ушел. А я... Господи, что это со мной?.. У меня муж, кстати, есть. И кстати, очень хороший. Да и стара я уже, просто стара... Ой, ха-ха, как я стара (*всхлипывает*), какой-то странный мальчик. Что он во мне нашел? Берет мою руку, пальцы у него дрожат. Я смотрю на него, какой странный... Но я-то, я-то! Дура старая! Почему мне так смешно? (*Всхлипывает.*) Почему мне так смешно?

Я ему нравлюсь, потому что он ничего не понимает. Он очень скоро начнет понимать. А я очень скоро вообще... Ему двадцать, мне сорок. О чем может идти речь?.. Да и... Пойдите, у меня же муж есть. Кстати, очень хороший. Почему я его должна бросать? Да он и не предложил мне бросать, да я и не буду... Разве что усыновить тебя... Коснется – бледнеет. Просто он сумасшедший. Но я-то, я-то, похоронила себя в четырех стенах. Что я вижу? Работу и кошелки. Что я слышу? Когда будет готов обед?.. Ты целуешь мои руки, они же пахнут кухней. Ты очень странный мальчик... Я купила себе резиновые перчатки. Я заняла очередь в парикмахерскую. Я сошла с ума. Они останутся без обеда!

Города

Для Р. Карцева

Каждый город имеет свое лицо, и в каждом городе на один и тот же вопрос вам ответят по-разному. Ну, вот представьте себе – Рига. Высокие вежливые люди. Здесь даже в трамваях разговаривают шепотом...

– Девушка, скажите, пожалуйста, как проехать на бульвар Райниса?

– Бульвар Райниса? Извините, пожалуйста... я плехо говорю по-рюсски. Бульвар Райниса... как это будет по-рюсски...

– Что, на следующей, да?

– Нет, пожалуйста, извините, будьте любезны, как это по-рюсски...

– Что, через одну, да?

– Нет, пожалуйста, будьте любезны, как это будет по-рюсски... на предыдущей... пожалуйста, но вы уже проехали. Тогда сойдете на следующей, пройдете, пожалуйста, два квартала, пойдете, пожалуйста, прямо, извините, пожалуйста, будьте любезны, вы опять проехали. Тогда сойдете на следующей, пройдете пять кварталов назад, повернете направо... пожалуйста, извините, будьте любезны, вы опять проехали... Простите, мне сейчас выходить, вы вообще из трамвая не выходите, на обратном пути спросите... до свидания, пожалуйста.

А вот и Тбилиси! Ух, Тбилиси! Эх, Тбилиси! Ах, Тбилиси! Ох, Тбилиси!

– Скажите, пожалуйста, это проспект Шота Руставели?

– Ты что, нарочно, да?

– Нет, понимаете, я впервые в этом городе...

– Я, понимаете, впервые... Ты думаешь, если грузин вспыльчивый, его дразнить можно, да?

– Нет, понимаете, я на самом деле впервые...

– Я, понимаете, впервые... Слушай, как ты мог своей головой подумать, что грязный, кривой, паршивый переулок – красавец проспект Руставели?! Слушай, не делай, чтоб я всплил, скажи, что ты пошутил.

– Ну хорошо, я пошутил.

– Все! Ты мой гость. Ты ко мне приехал, я тебя с мамой познакомлю. Возьмем бутылку вина, у тебя глаз будет острый, как у орла. Возьмем вторую бутылку – будешь прыгать по горам, как горный козел. Возьмем третью бутылку – и ты вброд перейдешь Куру. И схватишься с самым сильным человеком Вано Цхартешвили. А потом на руках мы понесем тебя показывать красавец Тбилиси. Ты скажешь: «Дорогой Дидико, я не хочу отсюда уезжать, я хочу умереть от этой красоты». Я скажу: «Зачем умирать? Жена есть? Дети есть? Давай всех ко мне! Мой дом – твой дом. Моя лошадь – твоя лошадь. Идем скорей, дорогой, я тебя с мамой познакомлю...»

А вот и Одесса.

– Скажите, пожалуйста, как пройти на Дерибасовскую?

– А сами с откудова будете?

– Я из Москвы.

– Да? Ну, и что там слышно?

– Ничего. А что вас интересует?

– Нет, я просто так. Все хорошо. А в чем дело? Я просто так интересуюсь. У вас Москва, у них Воронеж, у нас Одесса, чтоб мы были все здоровы... Вы работаете?

– Конечно, я работаю, но я попросил бы вас: где Дерибасовская?

– Молодой человек, куда вы спешите? По Дерибасовской гуляют постепенно.

– Вы понимаете, мне нужна Дерибасовская...

– Я понимаю больше того. Гораздо больше того – я вас туда провожу, невзирая на жестокий ревматизм. Но меня волнует положение в Родезии. Этот Смитт такой головорез, такое вытворяет, у меня уже было два приступа...

– Послушайте, если вы не знаете, где Дерибасовская, я спрошу у другого!

– Вы меня обижаете. Вы меня уже обидели. Такой культурный человек, я вижу у вас значок, у меня такого значка нет. Я всю жизнь работал. Прямо с горшка на работу. Ой, нам было очень тяжело, нас было у мамы восемь душ детей. Вы сейчас можете себе позволить восемь душ детей? Не, это моя мама себе позволяла. Она была совсем без образования, а сейчас мои дети учатся в университете, а моя бедная мама, она сейчас с братом и дядей лежат на кладбище. Почему бы вам туда не съездить?

– Вы понимаете, мне нужна Дерибасовская...

– Я понимаю, но разве так можно относиться к родителям? Если ваши дети не приедут к вам на могилу, они тоже будут правы, вы поняли меня? Куда вы пошли? Дерибасовская за углом.

А вот и Москва!

– Ух, машин сколько! Таксей сколько! Людей сколько! Прокормить же всех надо! Ничего, всех прокормим! Где ж у меня адресок был, ах ты Господи. Ага.

– Гражданин, будьте так добры, я сам не местный, я из Котовска, у нас, знаете, на улицах курей больше, чем машин. Так вы не подскажите, как лучше всего пройти или проехать на Садовое кольцо?... А где вы?... Тю!.. Утек... Чи то гонится за ним кто? От дурной!

– Гражданочка! Будьте, пожалуйста, так добры. Я не местный. Я из Котовска. Вы не подскажите, как... Куда ж ты бежишь? Что, я на тебе женюсь?! Что ж за народ?

– О! Гражданинчик! Я из Котовска. Будьте так добры... Ненормальный! Ой-ой-ой!.. Чи, може, у них здесь заработки такие, что боится секунду потерять?!

– О! Пацанчик! Я из Котовска... Чтоб ты подавился своим мороженым!

– Алле! Москвич! Гражданин в шляпе с портфелем! Я из Котовска. Дети мои! Не оставляйте старика посередине дороги!

– Дочь моя! Куды ж тебе нести, может, тебе уже давно уволили. Остановись, поговорим. Мне нужно на Садовое кольцо! Скаженная! Беги-беги... добегаешься!

– О, бабка! Бабка, стой, рассыплешься! Фью-ю!.. Ходовая старушенция. Граждане православные! Рупь дам тому, кто остановится! Помчались неподкупные!.. Гони, гони! Давай, давай! улю-лю-лю!

Расцвет сатиры

Расцвет сатиры в 60-е, когда сатирику помогали все. Телевидение своими постановками и прямыми передачами выгоняло людей из дому. Начальство своей внешностью и речью их объединяло в едином порыве. Отмена концертов, запрещение программ, вырезание из текста обостряло внимание и тренировало сообразительность. Поиски выхода заставляли присматриваться и прислушиваться к любому искусству. А всеобщее пение во славу по всем трубам и проводам заставляло людей хохотать над шутками второго сорта и запоминать отдельные выражения, хвататься за голову от намеков. И любить. И обожествлять. И писать письма.

Да. Нелегко творить в такой оранжерейной атмосфере.

Читаю в «Вечерке»

Читаю в «Вечерке», какие официантки грубые. Я бы пошла в официантки. Была бы самой доброй, вежливой. Относилась бы ко всем хорошо. Ну улыбаться каждому устаешь. Я бы, как устану улыбаться, – все равно хорошо смотрела бы... не уставала бы. С этим говорю, туда кивну и туда кивну, что, мол, всех вижу, ко всем подойду... Как же можно уставать? Не мешки таскаешь – живые люди. То есть уставать, конечно, можно, но виду не показывать. Все усталые. Чего ж кричать?

Читаю в газете: продавщицы грубые. Я бы пошла в продавщицы, была бы самой лучшей. И быстро бы работала. Много ведь работы только утром и вечером. Днем спокойней, значит, к этому времени я бы подготовилась. Все бы заранее нарезала, почистила, все бы приготовила. У меня бы очередь быстро шла, весело. Можно ведь с каждым пошутить.

Я слышу, что портнихи плохо шьют. Я бы самой лучшей портнихой была. Разве можно женщине плохо платье сшить?! Это платье для нее огромное значение имеет. Вдруг она немножко постарела или пополнела, а выглядеть должна хорошо. Должна нравиться любая женщина. Я бы все хорошо шила. Всю душу бы вкладывала.

А вот парикмахерши плохие есть. Напрасно. Пошла бы я в парикмахерши – самой лучшей была бы. От меня б женщины красавицами уходили. И торопиться тут нельзя. Каждую головку надо сделать. Вылепить, украсить и глазки, и ротик – девушка ведь. Эх, если бы...

А я администратором в гостинице работаю. Вот где работа бешеная. Вот где сумасшедший дом. Так налаешься, такой собакой смотришь. Ну нет мест, ну нет... Так не понимают. Гражданин, кричишь, отойдите вы от стола... Чего вы руки кладете – я же здесь работаю... Куда я вас всех положу? Что, я домой к себе поведу? Что за народ такой... Ночуйте, где хотите, я тут при чем... Куда вы лезете? Господи! Как люди не понимают.

Есть счастье, есть!

Я немножко изменился. Я мало пью. Я много думаю. Я не выдающийся инженер, но меня любят, уважают. И дома у меня все хорошо. Соседи, в общем, хорошо относятся. Меня уважают, и мне приятно. Есть счастье, есть. Я сейчас как-то приучился довольствоваться самым необходимым. Малым. Большое, где оно? У меня никто не спрашивает. Так за всю жизнь ни разу не подошли и не спросили: «А как вы думаете?» Только песня по «Маяку»: нравится или не нравится? Я написал как-то в Молодости – Молодости с большой буквы, – написал в Молодости, что не нравится. А они назвали только тех, кому нравится. Я перестал писать. Ну, не нравится – выключу, нравится – включу, и я спокоен. Есть счастье, есть.

Отсижу на работе. Иногда целый день в окно смотрю, а иногда перед собой. Как когда. Ты думаешь, счастье – командовать? Нет, когда Притупилось (я не боюсь этого слова с большой буквы – Притупилось), счастье – это подчиняться. Ну, как подчиняться?.. Делать, чтобы не было неприятностей. Конечно, я растолстел, немного полысел. Одет немодно. В общем, не пью, но и не бегаю по утрам. Вот так если бы осталось, и я бы сказал: «Нет-нет, есть в жизни...»

Последний раз «А вы как думаете?» меня спросил профессор еще в институте у нас, и от этого сразу стало тревожно. Нет, я, конечно, как-то думаю, но хорошо, что не спрашивают. Я, конечно, смотрю в окно, вижу дома одинаковые или автобусы переполненные. Ну, меня как-то не спрашивают. Да вот уже и сами об этом говорят. Газеты уже пишут. Кто-то всегда найдется. Обязательно найдется. Кто-то. Вот уже как-то обращают... Я, ты знаешь, даже волнуюсь. Я так давно откровенно ни с кем не говорил.

Знаешь, когда по всему телу разливается покой, от шерстяных носков до кроличьей шапки, по всему телу. И сладко там, внутри, куда я помещаюсь, неподвижны члены, как будто тебя гладят женские пальчики от лба к вискам. Нет, есть, есть оно!.. Какая-то суть, моменты истины – как хорошо сказано. А что ж, когда никто не спрашивает. Действительно, самые острые моменты в жизни переживаем во время чтения детективов. Или, знаешь, смотришь картину цветную, музыкальную, красивую. Идешь домой, а внутри оно еще поет какое-то время, чего-то действительно хочется. И кажется, нет ни живота, ни носков. А главное, не желание, а действие, кажется, появилось. Действие. Господи, слепишь снежок, запустишь – и побежал... Задохнешься... А дома тепло, тихо. Поцелкивает, посапывает. И опять счастье подступает медленно от радиатора, от ванной, от нечитаной «Вечерки», от кресла, которое меня обнимает сзади и подкладывает колени, от невключенного телика, который сейчас, и – оно засветится, и мне что-то будут показывать. Мне тут что-то написали. Мне там что-то приготовили. Ой, я сейчас все включу. И ты знаешь, у меня опустятся руки, чуть откроется рот, и я буду смотреть подряд.

Понимаешь, я научился великому: все мне приносит радость – малышам спать, а я уже взрослый, детям нельзя, а мне уже можно. Не дай Бог мне выйти. Когда в ЖЭК идти, я ночь не сплю.

Я в окно люблю смотреть. Женщин красивых вижу, машины красивые. Увижу пионеров и думаю, думаю. А иногда уже не думаю, хотя сохраняю это выражение.

Однажды проснулся часа в три ночи от жужжания пчелы. Она жужжала над ухом, затихала и опять, опять. Где-то в комнате. Проснулся, и знаешь это что? «Скорая помощь» под окном завязла. Женщина-врач толкает. Жужжали. Долго. Утром не было. Значит, вытащили. Кажется, там кто-то подошел. Нет, понимаешь, настолько уже как-то отвык. Такой сладостный покой вот здесь. Политикой не занимаюсь. Мнений особых не имею. Да и какое? Вернее, не какое мнение, а как его иметь. Кто-то хотел, чтобы я так жил, и я живу. Ну умер кто-то – жалко. Не умер – хорошо. И я подумал, если бы я лез вперед, пробивал, навязывал свои идеи,

я бы кому-то навредил, наступил, оттолкнул. А меня, в общем, все любят. А я ничего. Только утром иногда тревога. Уж очень стали дни похожими. Значит, нужно, чтобы еще притупилось. Как ты не понимаешь? Ведь даже если скажут сообщение по радио как-то другими словами, станет тревожно. И не только мне. И правильно. Слова повторяются. К ним привыкаешь. Значит, все спокойно. Плохие концовки в кино тоже я бы не рекомендовал. Посмотри, как давно хороший человек не умирает: будет тревожно.

Только утром. Иногда. И тебя, когда вижу, тревога. Смеешься будто не так как-то. А как? И для чего? Есть, есть, есть счастье в жизни.

Пишу и кладу в папочку

Пишу и кладу в папочку. В папочку, папочку, в папочку. Я вам о нем писал. Мамы наши, самые яркие наши. Самые нужные, самые запомнившиеся. Отцы наши жалкие и старательные. Отцы – это те, кто искажал себя все успешнее от нетерпимости вначале до одобрения в конце. Отцы, чтоб кормить, шли на преступление и долго боялись. У отцов был светлый час освобождения – когда они накопленное дома вбивали в головы врага. Но мы их тогда не видели, они уходили все дальше и могли победить всех своей двойной ненавистью, но мы их тогда не видели дома. Когда мы их увидели дома, они снова что-то нарушали, и боялись, и боялись показать боязнь, чтоб не выдать себя кому-то. И пили не с теми, и обещали не то. И на нас смотрели слезящимися дрожащими глазами. Они даже не претендуют на то, чтобы о них вспоминали. Что они оставили детям... Теперь эти отцы – мы.

Как лечат стариков

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Кабинет поликлиники. Действующее лицо – доктор, бездействующее – старик.

– Здравствуйте, доктор.

– Хорошо-хорошо, папаша, на что жалуетесь, и домой.

– Знаете...

– Знаю. Быстренькуа...

– Меня по ночам что-то схватывает за талию и держит.

– Жена у вас есть?

– Умерла жена.

– Видите. Жена уже умерла... А вы на что жалуетесь?

– Знаете...

– Знаю. Быстренькуа... Вам сколько лет?.. (*Заглядывает в карточку.*) Ого! Семьдесят три! Мы точно не доживем. А вы чего еще хотите. Я бы уже сказал спасибо.

– Понимаете, доктор...

– Понимаю. Быстренькуа!

– По утрам. Понимаете.

– Понимаю, папаша, по утрам и по вечерам. Это все возрастное, папаша. Иди спокойно.

Не загромождай.

– Но этого раньше не было.

– Конечно не было. Вам когда-нибудь было семьдесят три? В первый раз. Мне когда-нибудь было тридцать два? Никогда.

– Может быть, послушаете?

– Что слушать? Я наизусть знаю. Ну, поднимите рубаху. Побыстрее, папаша. Так и быть.

Не дышите, отче... Теперь дышите, дитя мое... Теперь согнитесь пополам...

– Тяжело.

– Видите, уже тяжело. Начинаем переключку! Ревматизм?

– Есть.

– Радикулит?

– Есть.

– Ревмокардит?

– Есть.

– Желудок?

– Нет.

– Все нормально, старик, все в порядке!

– Как же? Оно же?

– Оно. Оно. Возрастное оно, от времени, понимаете? От истечения...

– Может, выпишете что-нибудь?

– Что ж выписывать, рецепт тратить. Иди спокойно, папаша.

– Может быть, греть?

– А как же. Грей! Сядь на печку, приободришь!

– Паровое у меня.

– Возрастное, папаша, возрастное. Семьдесят три года громыхал. А тут соученик в тридцать два гикнулся. Иди, отдыхай, борец. Мне молодежь лечить надо. Скажи молодому, который за сердце держится, пусть войдет. Пожалуйста, молодой человек.

Сила слова

Для А. Райкина

Они мне сказали: «Ты, Федя, пропагандист, полтора часа говоришь – непонятно о чем». Кому непонятно? Вот я скажу вам, а вы мне скажите: вам понятно или нет? Я решил сказать, потому что я старше их не по возрасту, а по годам. Конечно, да, конечно, надо выражаться, чтоб тебя понимали и чтоб ты сам себя понимал. Да! И чтобы все остальные – нет, не забывали о силе слова. Потому что слово – это сила, слово – это... О! Слово понимает каждый, но ему нужно объяснить! Речь пойдет о слове, о силе слова. Это сила! О чем я ниже буду перечислять. О воспитательной работе.

Вы заглянули в цех, вас бросило в жар от холода. Вас это устраивает? Да, не устраивает. Значит, воспитательная работа в кочегарке ведется? Да, не ведется. Там сменили руководство. Парень молодой, ему двадцать четыре года. Он пятьдесят третьего года рождения. Прошедшему тоже двадцать четыре, но он тридцать восьмого года рождения. Конечно, да, конечно, новая метла метет пронизательно, у ей свежий взгляд. Но в каждом деле нужен свой запевала: ты запоешь – другие, другие подхватят! И вот пошло, покатилося, и участок на первом месте. Но их никто не ругает, они пару не дают! Другой пример приведу. В подшефном колхозе двое наших пожинали чужие плоды, то есть грузили навоз. Погоди смеяться. Что – га-га-га? Ну что – га-га-га?.. Слушай! Так они вместо этого послали председателя и лошадей матом на поля, а сами пошли на танцы.

Отставание в воспитательной работе становится хроникальным. В конструкторском бюро на потолке обнаружены следы неизвестного животного. А мы не знаем, что это за животное и животное ли это вообще. Может, это потолок протекает? Нужно людей водить в музей и на примере первобытного человека показывать, насколько мы оторвались.

Перехожу к спорту. Спортзал. Нет, фундамент – да, стены – да, крыша – да, паровое отопление – нет, рамы – нет, стекла – нет! Поехали в главк – вырвали рамы, выбили стекла, оторвали отопление. Спортзал готов. Кто висит на турнике? Инспектор. Вбил два кольца в потолок, на них что? Ни одного человека. Вот отсюда наша хилость, и мы так будем хилеть – чем дальше, тем больше!

Перехожу к самодеятельности. Вместо того чтобы выпимши петь и танцевать на улице, иди на сцену, дурень. Мы тебе аплодировать будем. Дак нет же. Мы свой балалаечный оркестр передали с баланса на баланс родильному дому, у них будет самодеятельность, у нас нет. Устроили мне экзамен. Собрали комиссию. Я говорю: «Вы хотите поставить меня в тупик своими вопросами, а я вас поставлю в тупик своими ответами». «Нет, – говорят, – Федя...» Меня Федей зовут. «Нет, – говорят, – Федя...» Мне сорок лет, и все Федя. «Нет, Федя! Нет, – говорят, – Федя, ты, – говорят, – Федя, в состоянии пропагандистом не быть. Сила в словах у тебя есть, но ты их расставить не можешь. Ты говоришь долго, Федя, но непонятно о чем».

Кому непонятно? Вам понятно, нет? Вот! А они говорят... Да! Все!

В век техники

Для А. Райкина

Мы живем в век техники. Выходим на международные рынки. Машины у нас хорошие, отличные, но их надо рекламировать.

Вот на заводе номер восемь дробь шесть, в общем, на одном из наших предприятий, изобретатель Серафим Михайлович... В общем, один чудаковатый изобрел машину для этого... В общем, не дураки сидят!

Целый год работал над машиной, и решили машину в Париж на выставку отправить! Правда, самого не пустили, у него кому-то чего-то не понравилось в рентгене, анализы у него не те. Так что поехал я, у меня в этом смысле не придерешься – все качественное и количественное. И девчушка еще из колхоза поехала, ей давно обещали во Францию. Девчушка как раз еще кое-что в физике помнила. А я сам, понимаешь, подустал... Все это мотаешься, гоняешься, перевариваешь эти процессы, все это осваиваешь, так что уже элементарные законы начинаешь подзабывать. Не то что там Джоуля – Ленца или Ома, но и Архи... этого... меда уже конкретно себе в лицо представить не можешь. Вот так! Но дядя я представительный, сами видите: черная тройка, баретки, шляпа сидит как на гвозде.

Перед отъездом с изобретателем переговаривали: выяснили там, какие заряды, какие при-тягиваются, какие оттягиваются... Ну, в общем, сели, поехали! Приезжаем, слышу на плат-форме: «Пардон, пардон». Что же это, уже Париж? Ну, прибыли в павильон, распаковались. Народу набегала уйма. Машина – всеобщий восторг!

Я уже речь толкнул и закончил по-французски. Так и сказал: «Селяви!» В смысле – есть что показать! Народ мне кричит: «Включайте!» Я уже через переводчика говорю: «Нам понятно, граждане французы, ваше нетерпение...»

Только это я сказал...

И вот тут мы куда-то что-то воткнули...

Потом меня спрашивали: «Куда ты воткнул, вспомни давай!»

Комиссия приехала из Москвы, меня спрашивала: «Куда ты втыкал, ты можешь вспом-нить?» Какое вспомнить, когда врачи ко мне вообще два месяца не допускали, у меня состо-яние было тяжелое.

Девчушка та покрепче оказалась, но у нее что-то с речью случилось и не может вспо-мнить, как доить. Принцип начисто забыла! Откуда молоко берется, не помнит. Сейчас ее кол-хоз за свой счет лечит, врачи говорят, есть надежда.

Ну, павильон-то быстро отремонтировали, там ерунда, только крышу снесло.

Машину собрали... в мешок и привезли уже другие люди. Хотели изобретателя под стражу взять, но я в это время в больнице лежал, тут за него коллектив поручился, так что просто взяли подписку о невыезде. Легко отделался...

Я вот, как видите... Маленько перекося, и вот не сгинается. Говорят, могло быть и хуже. Ну ничего, я подлечусь. Живем в век техники! Так что, может, еще и в Японию поеду!

А что вы думаете? Селяви!

Разница между умным и мудрым: умный с большим умом выкручивается из ситуации, в которую мудрый не попадает.

* * *

Он выпил, и, с его точки зрения, дела у всех пошли лучше. Еще выпил – оживились лица. Добавил – все захохотали. Еще чуть – все пустились в пляс. Жаль, не видел, чем все кончилось. Рухнул к чертовой матери.

* * *

День приезда, день отъезда в один стакан. Между первой и второй не дышу. После третьей не закусываю.

* * *

Так плохо с такси, что, когда машина пришла, четыре человека вынуждены были уже уехать, хотя было очень весело.

* * *

И самовар у нас электрический, и мы довольно неискренние.

* * *

Пытался я перейти в другое поколение. Повел за собой весь выпуск Государственного педагогического института имени Ушинского. Домой привел. Читал им. Пил с ними. Пел с ними. Кричал: «Называй меня на ты!» На следующий день пошел с ними в ресторан. Играл с ними. Танцевал с ними. И вдруг увидел своих ровесников, которые у них преподаватели. И сел к ним. И в слезах просидели мы вечер... Один с печенью. Другой с сердцем. Третий с лысиной. Четвертый с немым вопросом в глазах... После двух попыток перебежать в другое поколение я остался с вами, мои тридцативосьмилетние.

* * *

Ударили небывалые морозы, и город украсился новыми скульптурами: бегущий студент в курточке, солдат, входящий на мост, гаишник в стакане, шагающий школьник с портфелем, влюбленные на скамейке и множество пожилых людей, зовущих кого-то.

* * *

Если этот голубь еще раз так близко подлетит к моему окну, я вылечу ему навстречу, и мы полетим, оживленно беседуя, прямо в закат, в зарево, и из серых станем розовыми, а потом черными.

Две точки, две домашние птицы, не умеющие добывать хлеб воробьиным нахальством. Дадут – поедим, свистнут – взлетим высоко-высоко и крепко, раз и навсегда, запомним свой дом...

* * *

Вам не повезло. Специалист, который лечит, в отъезде, но есть второй – не хуже.
Лучше договориться лично. Хотя можно и по направлению.
У нас только по пропускам. Хотя можно пройти и так.
Лечение стоит дорого, но можно и не платить.
Нянечкам, сестрам обычно платят, но они ухаживают и так.
Поэтому я вам советую подождать специалиста, договориться с нянечкой и заплатить.
Но можно этого и не делать. Если вас не интересует результат.

Диспут

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Ведущий. Так... Товарищи! У нас сегодня диспут! На любую тему. Столкновение разных мнений. Утверждение! Возражение! Вот вы, гражданин из первого ряда... Идите сюда! Подойдите! О чем вы хотели бы поспорить?

– Я?

– Да, вы. Именно вы! Я вчера с вами говорил. Вы были таким темпераментным, запальчивым. Вот теперь здесь, на сцене, попробуйте отстоять свое мнение. Покажите, как это делается! Итак, что вам не понравилось?

– Где?

– Вчера. Вам что-то не понравилось. Вы спросили.

– Мне все понравилось. Я еще вчера говорил, что мне все понравилось.

– За исключением...

– Без всяких исключений! Все понравилось!

– Ну, это не разговор. Вот, к примеру, мне не нравится ваш галстук!

– Мне тоже! (*Сорвал, выбросил.*) Тряпье!

– Ну, постойте... Вы не понимаете. Это диспут. А диспут – разговор, где сталкиваются разные мнения. То есть если я за, вы должны быть против. У нас должен быть спор, понимаете?

– Понимаю.

– Так что вы возражайте. Итак, мне понравился...

– И мне.

– Нет, ну, вы не поняли. Вы участник диспута, понимаете?

– Да.

– Вы должны спорить.

– Да.

– Мне понравилась эта книга. А вам она...

– Мне тоже.

– Подождите. Вам она не понравилась.

– Понравилась.

– У нас так не будет спора.

– Будет.

– Как же – будет? Вы же мне не возражаете. А вы должны возражать. Мне не нравится зима!

– И мне не нравится.

– Товарищ, вы участвуете в диспуте.

– Да.

– Мне вчерашний фильм понравился, а вам нет.

– Мне тоже.

– Вы морщились.

– У меня зуб болел.

– Проклятый зуб?

– Проклятый зуб.

– А мне нравится ваш зуб!

– А я его люблю!

– А пиджак на вас ужасный! Просто жуткий!

– Кошмарный!

- Я бы его выбросил!
- Я тоже. (*Снимает, выбрасывает.*)
- Товарищ, постойте. Вы вчера согласились.
- Я и сегодня согласен.
- Вы сказали: «Я буду участвовать в диспуте. Мы им покажем, что такое борьба мнений», – вы еще намекали.
- Ни на что я не намекал.
- Ну, хорошо. Я считаю, что в семье должен быть один ребенок. А вы?
- Я тоже.
- А вы возражайте.
- Я возражаю!
- Вот. (*После паузы.*) Вот. Почему вы возражаете?
- Я возражаю.
- Почему?
- Я возражаю.
- Нет, но почему?
- Я возражаю.
- Это хорошо. Но почему вы возражаете?
- Я возражаю.
- Нет. Вы так просто не возражайте. Вы должны говорить – два.
- Два.
- Вот. (*После паузы.*) А я считаю, один.
- И я считаю, один.
- Вы же говорили, два.
- Два.
- Вот. (*После паузы.*) А я говорю, один.
- Два.
- Вот. (*После паузы.*) А я говорю, один.
- Два.
- Вот видите, уже спор. А я говорю, один.
- Два.
- Вот, чудно. Так что я говорю: один.
- Два.
- Так, один.
- Два.
- Один.
- Два.
- Ну спорьте, спорьте... Один.
- Два.
- Ну вы спорьте, возражайте... Один.
- Два.
- Один.
- Два.
- Чего-то тут... Чего-то мы не спорим... Один.
- Два.
- Чего-то у нас не то. Один.
- Два.
- Вы должны доказывать, почему два.
- Два.

- Да ну вас. Один.
- Два.
- Перестаньте. Один.
- Два.
- Прекратите. Один.
- Два.
- Сейчас же бросьте. Один.
- Два.
- Это чепуха, а не диспут. Один.
- Два.
- Это чушь собачья! Один.
- Два.
- Стоп! Стоп! Я понял. Вы должны мне доказывать, почему два.
- Чего?
- А про то, что мы спорим.
- Он молчит.
- Ну, что «один – два»? Что, «один – два»?! Что, вы – «два», я – «один»?
- Что?
- Ну чего я говорил «один»? А вы мне возражали, говорили «два»?
- Я не возражал.
- Вы говорили «два».
- Два.
- Вы почему говорите «два»?
- Вы мне сказали.
- А про что мы спорим?
- Мы не спорим, вы мне сказали: говори «два».
- А я почему говорю «один»?
- Вы мне сказали: «Скажи два», – и я сказал «два».
- А кто мне сказал, чтобы я говорил «один»? Ты мне сказал?
- Вы сами.
- Нет. Мне кто-то сказал... Сам бы я... вообще бы... А здесь чего?
- Диспут.
- И что, и что я здесь делаю?
- Вы ведущий.
- А вы как сюда попали?
- С улицы.
- А у вас пропуск есть?
- Нет.
- Ну, идите домой. Диспут окончен. Ничья!

Берегите бюрократов

Мальчики, девочки, деточки, дамочки! Отнесемся бережно к окружающей нас природе. К ее разнообразным формам. Не допустим полного уничтожения бюрократов. Пусть их вид нам неприятен. Что делать? Все в природе увязано и укучено. Уничтожишь одно звено – рушится другое. Уничтожишь бюрократов – испортится народ.

Представьте: только попросил – сразу дали! Только подошел – подписали! Только обещали – тут же сделали! Что же это такое?! Люди дома сидят. По телефону договариваются, животы пошли, инфаркты, общая вялость, дети малоподвижные, мужчины нерешительные, юноши женственные.

– Эй! А ну-ка, давай!

– Я – к вам.

– Отказать!

– Как?..

– А так!

Я – к другому.

– А я этот вопрос не решаю.

Я – к третьему.

– Это не по моей специальности.

– Это не в моей компетенции.

– С этим обождем!

– С этим переждем!

И тут чувствуешь, как у тебя второе дыхание прорезается. Легкость в теле необыкновенная. Упругость удивительная. Ножки напружинил и пошел по кругу!

Отказать – хорошо!

Подождать – хорошо!

Переждать – мирово!

Мчишься по городу крепкий, легкий, закаленный и только слышишь: хлоп-хлоп! Буль-буль! Слабенькие отпадают, хрум-хрум – косточки ихние хрустят...

Но остаются самые-самые! Самые зубастые, самые жилистые. Вы мне: «Отказать!» А я с женой, с детьми – в приемную! Хлоп на пол!

– У меня течет.

Вы мне: «Убирайтесь вон!» А я из колодца:

– Здрасьте! Это у меня...

Вы мне: «Пошел вон!» А я из-под машины, из-под колеса:

– Здрасьте, это у меня промокает.

Вы самолетом, а я через винт.

Вы за границу. А я в Монтевидео из-под пальмы:

– Здрасьте, это у меня...

– Ах, чтоб ты пропал! Откуда ты такой выискался?

– «Откуда»? А путем вашего искусственного отбора. Скорость как у гепарда, кожа как у хамелеона, челюсть своя и запасная, справа автобиография, слева справка о состоянии здоровья, в зубах прописка, в глазах вид на местожительство!

И плотным строем пошел! Только ветер в ушах, только пыль по дороге и жилмассив в одну линию сливается.

Отказать – хорошо!

Отложить – хорошо!

Переждать – можно!

Табличкам не верим. Мест нет – найдешь! Билетов нет – поищешь!

Самолеты не летят – отправишь!

Ни черта не страшно нам, закаленным, перченым, проверенным. Мужчины поджарые, женщины стройные, население красивое!

Не трогайте бюрократов! Большая польза от них происходит.

Сколько лет мы их терзаем. А они все есть. Знаете почему? Мы их породу улучшаем – съедаем самых слабых!

Что охраняешь, товарищ?

Я в охране природы работаю. Лилиеводы, тюльпановоды. Звонят из ресторана – пальму выбросили. Я еду. Как я стал любителем охраны? Ну, хочу взять два лося. Приезжаю в область в сезон. Вот разрешение взять два лося. Резолюция товарища вот... А мне говорят, этой резолюцией, говорят, можешь клопов давить. Если выпить хочешь, так и скажи. А насчет лосей или иди к первому на подпись, или вступай в общество инспекторов охраны. Думаю, идти к первому... толкаться... Вступил за полчаса. Три рубля за книжечку дал. Пошел, взял два лося. А как же! Все так. Хочешь лося взять – иди в общество охраны природы! Что охраняешь, то имеешь и еще с друзьями делишься!

Хочешь интересные книжки читать – иди редактором: первым будешь читать, никому не дашь! Лес охраняешь – дрова есть! Аптеку охраняешь – вата есть! Возле змей сидишь – яд имеешь! Хочешь кооператив иметь – берись квартиры распределять! За очередью следишь – без очереди берешь!

Что охраняешь, то имеешь! Ничего не охраняешь – ничего не имеешь! Недаром говорят: «Все на охрану всенародной собственности!»

Новички

На сцене женщина – бухгалтер. Она что-то считает и пишет. Он подходит, снимает шапку, кашляет.

Бухгалтер. Чего вы кашляете? У вас грипп?

Он. Не... Это я хотел узнать...

Бухгалтер. Что вы хотели узнать?

Он. А тут мне в получку выписали тринадцать рублей шестьдесят копеек.

Бухгалтер. Правильно выписали. Ну?

Он. Правильно... Да... Но чего так мало? В прошлом месяце шестьдесят рублей, в позапрошлом шестьдесят шесть.

Бухгалтер (*нетерпеливо*). Ну?

Он. Так вот я... Чтоб проверить мне.

Бухгалтер. Так вы думаете, мы ошиблись?!

Он. Не... Не ошиблись... Но мало... Что же я... Я работал. А он говорит: иди, посмотри... А я говорю...

Бухгалтер. Участок?

Он. Подсобный.

Бухгалтер. Фамилия?

Он. Гоголь.

Бухгалтер (*за кулисы*). Маша, подымите февраль на «Г». И подымите январь. (*Входит Маша, вручает бумаги бухгалтеру.*) Так, вот смотрим на вашу карточку. (*Сосредоточенно.*) Значит, в январе по нарядам вы заработали сто сорок два рубля. Неплохо.

Он. Хорошо, да... Это хорошо.

Бухгалтер (*не обращая на него внимания*). Вы заработали сто сорок два рубля. Премия квартальная сорок три рубля. Получили?

Он. Да... А как же... Это очень кстати было.

Бухгалтер. Так вот... В этом месяце премии у вас не было, а налог берется за прошлый месяц с общей суммы. Берем сто сорок два плюс сорок три, отсюда берем десять процентов, получаем восемнадцать рублей пятьдесят копеек. В этом месяце вы работали хуже. У вас сто пять рублей шестьдесят копеек.

Он. Да, хуже... Чего ж – хуже? Работа невыгодная... Я копал тот же траншей... На два штыка. А сейчас зима. Она мерзлая и не берет. Конечно, хуже получается.

Бухгалтер (*не обращая на него внимания*). Аванс пятьдесят. (*Говорит все быстрее и быстрее.*) Плюсуем налоги. Подходный десять процентов. Плюс премия, минус... У вас есть дети?

Он. А как же, Сережа, десять лет. Ну негодяй. Он... Вчера в школу вызывали. А кто пойдет?

Бухгалтер (*не обращая на него внимания*). Значит, за бездетность с вас не удерживаем.

Он. Да... А чего ж... Такой бандит, на него еще приплачивать? Каждую неделю штаны новые и портфель. На портфелях съезжают с горы. А мать у нас в гостинице работает... И еще дочка, шестнадцать лет, уже барышня. В институт на вечера... Я говорил прорабу.

Бухгалтер. Таким образом, получается (*продолжая считать*) девятнадцать рублей шестьдесят девять копеек. Ой!..

Он. Чего?

Бухгалтер. Ой!..

Он. Чего?

Бухгалтер. Мы же ошиблись. Мы забыли с вас удержать...

Он. Ну, в общем, я пошел...

Бухгалтер. У вас же рассрочка есть. «Квас...» «Мас...» «Вас из дас...»

Он. «Аидас». Так он же не работает ни черта... Я его на праздники воткнул, музыку послушать. Шипит и не вертится. Степка зашел: дай почию. Молоток потребовал и ниток. Ну, я дал. Он выпимши... Потом нитки оттуда неделю вынимали. Дочка в слезы...

Бухгалтер. Ой!..

Он. Чего?

Бухгалтер. Стойте!

Он. Да я пошел. Я выяснил.

Бухгалтер. У вас еще одна рассрочка. Опять «Вас из дас».

Он. «Веритас» – швейная машина. Она же не строчит... Жена: купи-купи, сама шить хочу... Там операции – зигзаги. Я ей говорю, куда ж ищо? У нас «Аидас», еще «Веритас». Ни в какую. Шить-шить! На курсы эти – кройте сами, шейте с нами. Ну, шут с тобой, шей. А она на второй день зигзаг не дает. Степка как раз зашел. Сейчас сделаю. Нагрей паяльник. Ну, я нагрел. Олова достали... Он спаял. Тоже выпимши был... Так что в мастерской не могут найти, что он там спаял. И он сам не помнит. Так что это ни к чему...

Бухгалтер. Две рассрочки – это пятьдесят четыре рубля семьдесят копеек плюс подходящие восемнадцать рублей пятьдесят копеек плюс премиальные шесть пятьдесят. Плюс сверхурочные. На сверхурочные оставались в позапрошлом месяце?

Он. А как же, там должно это быть.

Бухгалтер. Вы их получили. Удерживаем с них налог. (*Быстро, невнятно.*) Минус тридцать восемь плюс сорок девять минус сорок шесть, итого восемь рублей шестнадцать копеек. Значит, в следующем месяце мы с вас дополнительно удержим пять рублей сорок четыре копейки. Теперь все правильно?

Он. Правильно, да... Вот только, значит, сколько теперь? Восемь рублей... Не мало, нет? В прошлом месяце шестьдесят рублей, в позапрошлом шестьдесят шесть и в получку пятьдесят пять, вот у меня тут записано... А теперь – восемь. Не мало, нет?

Бухгалтер. Вы меня спрашиваете?.. Мы же с вами все посчитали. Смотрите внимательно. В прошлом месяце вы заработали сто сорок два рубля пятьдесят семь копеек плюс премия сорок три рубля шестьдесят девять копеек. (*Убывает счет.*) Плюс амортизация три рубля восемнадцать копеек, итого восемьдесят девять рублей тридцать четыре копейки. Отсюда десять процентов, получается восемнадцать рублей девяносто три копейки. Я сотые не беру в расчет.

Он. Да. Не надо.

Бухгалтер. Вот. Дети у вас есть?

Он. Двое, да... Ох, младший бандит, сладу нет. В школу вызывают каждый день. Не могу. Сверхурочно остаюсь. Жена в разные смены. А он – как бурьян. Уж я его стегал, стегал...

Бухгалтер. Две рассрочки. Магнитофон «Аидас» – двадцать два рубля.

Он. Так он же не работает.

Бухгалтер. Швейная машина «Веритас».

Он. Не шьет, я ж говорю...

Бухгалтер. Итого рассрочка сорок четыре рубля шестьдесят девять копеек. Стойте, стойте... (*Кричит за кулисы.*) Маша! Вы будете внимательно просматривать карточки, или я с вами буду говорить иначе! Почему вы не внесли дрель?

Он. Какую? Это, что ль, ручную, пистолетную?

Бухгалтер. До каких пор я буду ваши огрехи подбирать?! Лишим вас премии за то, что с него не удержали, и все! Хорошо еще, что он сам пришел, так мы теперь можем удержать. Спасибо вам, Гоголь.

Он. Да...

Бухгалтер. А он бы уволился, где бы вы его искали?

Он. Конечно... Ищи меня...

Бухгалтер. Это уже второй случай, когда вы не удерживаете с человека. Вас пять лет учили. Ну давайте, Гоголь, значит, тут с вас за дрель... Почему за дрель, вы же подсобник?

Он. Вот... Я ему говорю, зачем мне дрель? Я лопатой возьму. А он говорит: давай бери дрель на складе, обсерли – канаву легче копать будет. Грунт мерзлый.

Бухгалтер. Кто он такой? Прораб, что ли?

Он. Да я его не знаю. Хромой какой-то. Ну, мы пошли, пока кабель достали, пока тянули от щита... Уж после обеда сверлить начали. Ну, он выпимши был... Дрелька на сто двадцать, а мы дали триста восемьдесят, так что она прямо в руках гибнуть начала и током как даст...

Бухгалтер. В будущем месяце удержим с вас двести шестьдесят семь рублей тридцать восемь копеек, так что работайте хорошо.

Он. Обязательно. Да... теперь хорошо, что зашел. Он мне говорит: главное, зайди, там тебе еще положено, узнай, – хромой этот.

Бухгалтер. Извините нас за ошибки, у нас молодой сотрудник.

Он. А как же, у меня тоже молодой напарник, каждый раз ломает... Ну ничего, пусть учатся... Значит, сколько там – двести шестьдесят семь рублей? Это на юг можно всей семьей, и еще фотоаппарат выйдет в рассрочку... До свидания, пожалуйста...

Бухгалтер. Да. А вы, Маша, из-за частых ошибок с удержаний переходите на начисления.

Ваше здоровье?

Для Р. Карцева

Дедушка, дедушка, как ваше здоровье? Нет, нет, мы незнакомы, дедушка, но меня интересует. Вижу, вы вздыхаете. Честное слово, я просто так. Как ваше здоровье, дедушка, дорогой? Нет, я не из поликлиники. Я же вам говорю: просто так. Да нет, ну что вы, дедушка. Я не от Зины. Я не знаю Зину, я прохожий. Вижу, вы переходите улицу, я шел за вами. Я случайно шел за вами. И думаю: спрошу, как здоровье. Погода великолепная сегодня. Ну, не хотите отвечать – пожалуйста. До свидания.

Я вам говорю: я просто поинтересовался. Честное слово, я вас не знаю. Клянусь, я вас вижу в первый раз. Я просто так спросил. Как ваше здоровье, и все. Ну хорошо. Не хотите отвечать – не надо. Все. Я пошел. До свидания.

...Отец, идите своей дорогой. Я говорю, у меня сегодня хорошее настроение, и я спросил, как ваше здоровье. Ну что здесь такого? Я ничего не думал... Незнакомы, незнакомы. И не работали вместе, и не учились. Как мы могли учиться вместе? Ну как?

...Я не знаю вашу дочь. И в Саратове никогда не был. Я просто спросил, как ваше здоровье. Вы не захотели ответить! Все! Вам куда? А мне – налево. И чудесно. И будьте здоровы.

...Папаша, бросьте это дело. Не приставайте на улице. Папаша, я объяснил. Ну вы посмотрите на себя. Вы еле дышите, вы весь держитесь на этих подтяжках. Я вам говорю: я нервный. У меня просто настроение хорошее, но я звездану, и все. Зачем вам эти волнения к концу жизни?.. Я вам говорю, я за тобой шел. У меня было хорошее настроение, и я спросил, как твое здоровье, чтоб ты не дошел. Понимаешь? Я тебя в жизни не видел и горя не знал. Слушай, старый, переползай на другую сторону, у меня терпение кончается!

...Какой я тебе родственник? Ты посмотри на мой овал лица... Какой Саратов? Я из Копенгагена, у тебя там есть родственники? И катись к чертовой матери, пока я тебе все шнурки не оборвал, и быстро набирай обороты, догоню – устрою здоровье на все два дня, что тебе остались!

...Нет! Нет! Если бы ты был моим родственником, я бы на себя руки наложил. Слушай, у меня было хорошее настроение – я не виноват, но я разворочу мостовую, я найду тот кирпич... Дед, отойди, дед, дай умереть спокойно. Дед, я тебя не знаю, у меня сердце не выдерживает! Дед, уйди!

...Граждане, братья, отодвиньте его, не доводите до греха. У меня сегодня радостный день, у меня сегодня день рождения. Мне сегодня было тридцать лет. Я защитился – вот диплом, жена-красавица, дети-умницы. Я ему говорю: «Отойди, дед, я здоровый человек, меня любят на работе. У меня все впереди. Он ходит за мной с утра, любимый, старый. Разве я могу взять его за бороду и об себя два раза, я же интеллигентный человек?!»

Мальчик, мальчик, где здесь аптека?

Пить вредно

Для Р. Карцева

А сейчас, сейчас вот все время по радио, по телевизору говорят, что вредно пить. Аж зло берет. Вот в журнале «Здоровье» еще за тысяча, за тысяча еще девятьсот шестьдесят девятый год было написано, что вино полезно. Один доцент, я точно не помню его фамилии, так и пишет: «Напивайтесь, полезно». Он пишет, что коньяк всегда полезный. В той же статье пишет, что коньяк, пишет, всегда, пишет, полезный. Против простуды, пишет, полезный, расширяет сосуды, поле... всегда, пишет, полезный. Но дорогой, потому что полезный, поэтому дорогой.

А если сердце больное, хорошо водку с перцем принять. Туда две рюмочки крепленого, ну три, не больше. Все это дал себе, утром встал – не найдешь, где сердце. Пусть все ищут, никто не найдет. А как же! Это все в лаборатории научные сотрудники, все на себе испытывают. Они святые люди, я уважаю науку и этих людей. Один доцент пишет, что он только этим себя на ноги поставил: водка с перцем, крепленое и сухое. Да, еще сухого, туда еще сухого. Это было в «Литературке» за 66-й год. Вот ты молодой, газет не читаешь, все девки в голове. А о здоровье не думаешь. Вот доцент пишет, что он только этим себя на ноги поставил: водка с перцем, крепленое и сухое. Только, он пишет, беременным женщинам нехорошо. Им нужно без перца, а так состав тот же.

Еще был там такой рецепт: на кружку вина крепленого – стакан пива. Ух, суррогатик во такой во! Один доцент только себя этим на ноги поставил. Он себя поставил на ноги, детей поставил на ноги, жену на ноги поставил, сейчас всех соседей ставит на ноги. У него уже весь двор на ногах стоит. Только это, он пишет, хорошо с утра. Это для почек. А для суставов так: часов в двенадцать принять, когда уже... когда уже солнце уже подошло, когда уже солнце и суставы в равновесии. Ломоту снимает в суставах моментально. У тебя был треск в суставах? У меня знаешь какой был треск? А сейчас слушай, после лечения, слушай меня сейчас. Мотылек!.. Птица божия! А раньше ни к кому близко подойти не мог, трещал как пулемет. Демаскировал.

Вот один профессор пишет, что смазку суставам дает полторы сотни «Зубровки», две сотни «Мицного», столовая ложечка «Алиготе» и чуть-чуть ацетона для запаха. Чуть-чуть, для запаха. И мгновенно забываешь про суставы. Членистоногий, как змея, ползешь, шелестишь, по земле стелешься. А вот желудочно-гастритчикам, колитчикам и поносозапорникам марочное «Алиготе» – не дай бог! Не дай бог тебе «Алиготе»! Только спирт с хреном. И два часа не кушать, терпеть. Можно пивом запивать. Один доцент только себя этим на ноги поставил. У него язва была двенадцатиперцовой кишки. Пропала начисто. Полное пропадение язвы. Что ты смеешься?

А был случай уникальный, он обошел все страны мира. У нас произошел, на горах Кавказа. Академик лежал пластом после инфаркта. Думали, что уже всё, уже думали, что всё уже, думали, что думали, что всё уже, всё... На хребте Кавказа на спине академик лежал... Думали, что всё уже... думали... что уже всё, уже всё. Светило лежало! Думали, всё уже... думали, что... думали, что всё уже, всё. Уже конвульсиум собрали. Думали, что всё уже, всё. Стали самогонкой отпаивать. После трех стаканов сам сбегал с горы. С кайлом... вниз... А уже был покойником. Догадался кто-то самогонки влить. Сейчас бегают академик. Кандидатскую будет защищать.

А был случай, один профессор тридцать лет на себе все сорта испытывал. Тридцать лет – все на себе! Герой! Шо ты смеешься, он герой. Ему памятник нужно ставить. Потому что он знал, что против чего. Он писал, что брага хорошо почки прочищает. Сивуха дает печени

прострел навсегда, на мозги хорошо действует лак, подогретый с денатуратом, мозги шевелятся в три смены.

Вот подумаешь на совесть, так узнаешь, что против чего. А не можешь пить, так и не пей.

Все мы движемся, движимые желанием...

Двое спорят, третий, посторонний, что-то ест неподалеку.

Первый. Вы не правы, друг мой. Мы, конечно, многим обязаны техническому прогрессу. И средства передвижения, и наш быт – все это во многом зависит от технических достижений сегодняшнего дня. Это безусловно, и в этом я с вами согласен. Но мировой прогресс, так сказать, наше общее движение зиждется на идеях. То есть, грубо говоря, идеи движут миром. Одна общественная формация сменяет другую. Меняются философия, мировоззрение. Идея переустройства общества и движет им, вы согласны?

Второй. Отчасти. Только отчасти! Главное, и я настаиваю на этом, – технический прогресс. Революции в технике, которые потрясают нас в равные промежутки времени. Оглянитесь назад!

(Третий оглядывается.)

Колесо, которое пришло на смену примитивным полозьям, – это ли не революция?!

Первый. Но...

Второй. Я вас не перебивал!.. Пар! Пришел на смену лошади. Появились железные дороги, ткацкие фабрики, паровые мельницы... Наступил век пара. Пшшш! Человечество начало быстрее передвигаться. Куда вашим философам. Разве им угнаться за паровозом? Середина девятнадцатого века. Разряд! Искра! Электричество! Радио! Люди стали слышать друг друга. Двигатель. Дизеля. Моторы внутреннего сгорания. Темп жизни. На дорогах появились автомобили. На полях застучали трактора. Чих-чих-чих! Что это? Смотрите вверх!

(Третий, жуя, смотрит вверх.)

Слышите гудение? *(Прислушивается.)* Это самолет. Это начало двадцатого века. У-у-у-у... Летит, летит человек! Летит мозг! «Мне сверху видно все, ты так и знай!» Человечество село на моторы и поехало и полетело. Наконец! Закройте глаза – опасно! *(Закрывает глаза.)* Ослепительное пламя. Взрыв! Атомная бомба. Начало атомного века. Атомные лодки, атомные станции, атомные ледоколы. Сумасшедшие скорости. Люди летят в ракетах. Вверх. Туда! В неизведанное. В черное. От-ве-чайте. *(Напыщенно.)* Если не технический прогресс, то что... движет миром?

Третий. Извините, я перебиваю... Значит, почему все-таки едет паровоз? Вы говорите: пар... А я говорю, потому что машинисту платят от километра. Почему такси носятся туда-сюда? Вы говорите: мотор, а я говорю: шофером движет желание заработать... Троллейбусы, трамваи полные. И те, что туда, набиты, и те, что сюда, битком. Нужны трамваи и троллейбусы?! Потому что в них движутся люди, движимые желанием заработать. Потому все и носятся молча... Два пенсионера помчались, цепляясь кошелками, потому что там выставку открыли?.. Потому что там на рубль дешевле. Либо на тот же рубль, но на одну селедку больше, что одно и то же. Потому все и передвигаются, и глазами некоторые очень далеко видят. Производство двигают инженеры, движимые желанием заработать. Земля вращается, потому что мы по ней бегаем, движимые желанием заработать. Дай человеку заработать – он горы свернет. Он на Луну без пальто взлетит. Не успеет надеть. Если дашь хорошо заработать. Не просто заработать, а хорошо заработать. И не спрашивай, где взял ракету, где достал горючее, где нашел карту. Только скажи, куда и сколько. И жди! Конечно, идеи, конечно, бензин, пар. Но, простите меня, перестаньте платить...

Первый. Ну?

Второй. И что?

Третий. И все! И все... Все паровозы пар выпустят... Два-три на энтузиазме еще прокатят пару километров – и пшшшшш... На ваших глазах будет падать давление. Казалось бы, пар по всем законам должен давить во все стороны одинаково, а он не давит. Кри-

вошипно-шатунный механизм должен преобразовывать поступательное движение во вращательное, а он не преобразует. Лучшая машина чихнет в последний раз – и псссс, пшшш... Элементарная кирка тюкнет в последний раз где-то на Севере и – блям-пам-бам – упала. В двигателях внутреннего сгорания зажигание исчезнет, и не найдешь. А напряжение, вы думаете, будет двести двадцать?.. Можете спать в трансформаторной будке. А батареи вы щупали?.. А включите репродуктор. Казалось бы, он должен сообщать. А ему и сообщать нечего. А фонари будут гореть?.. Хах-ха... Перестаньте платить, и ни одной элементарной частицы не найдете. Не такие уж они элементарные. Вот вам и технический прогресс. Вот вам и идеи. А дай человеку заработать, он идей всяких, мировоззрений, философий напридумывает, как пропеллер вертеться будет! Да, идеи движут миром. Так же, как качество продукции. Но чтобы они появились... Нужно... Или я не прав?

Первый. Идемте в другое место. С ним невозможно дискутировать.

Второй. Да нет. Он просто не от мира сего.

Третий (*жуя*). Может быть, может быть...

Блеск, Паша

Директор. Вы у нас молодой специалист?

Молодой специалист. Да.

Директор. Как дела?

Молодой специалист. Превосходно.

Директор. Как завод?

Молодой специалист. Изуми...

Директор. Новая техника?

Молодой специалист. Потряса...

Директор. Все дело?

Молодой специалист. Великоле... поставлено.

Директор. Во что превращено предприятие?

Молодой специалист. В образец.

(Директор долго смотрит ему в глаза. Молодой специалист смотрит в глаза директору.)

Директор. По специальности пойдете?

Молодой специалист. Нет... Я в многотиражку.

Директор. Прекрасно.

(Появляется начальник снабжения.)

Директор. Как кабель?

Начальник снабжения. Идет. Все прекрасно.

Директор. Когда будет?

Начальник снабжения. Да он уже... Да вот уже... Да это уже... Ну от-то... Ну, он уже... Можете докладывать. Сделано. Проложено. Уже вон оно... Пробьем траншею, грудью проложим его, зубами. Он уже наш. Мы все... Ногами. Не уложим, так затоптаем. Такой сейчас энтузиазм в отделе снабжения. Моего зама двое держат.

(Директор долго смотрит на начальника снабжения. Тот – на директора.)

Директор. Где бухгалтер? Бухгалтера.

(Входит бухгалтер.)

Директор. Как дела?

Бухгалтер. Какие дела? С такими делами... Не могу ни черта понять, кто кем оформлен? Не пойму, я сам кто?

Директор. Вы у нас недавно. Позовите главного бухгалтера.

(Появляется главный бухгалтер.)

Директор. Как бухгалтерия?

Главный бухгалтер. Все в порядке.

Директор. А вот товарищ...

Главный бухгалтер. Он ошибся. Все прекрасно.

Директор. Он говорит: путаница.

Главный бухгалтер. Все четко. Часы. Тик-так. Отлажено. Блеск. Документация. Наряды. Зарплата согласно штатам. Штаты по зарплате. Копеечка в копейку. Прибыля. Я такого не видел. Шестое предприятие меняю. Впервые...

(Директор берет лицо главного бухгалтера. Долго смотрит в глаза главному бухгалтеру. Тот – директору.)

Главный бухгалтер. Потрясающе...

(Директор смотрит ему в глаза.)

Главный бухгалтер. Блеск... Я тут недавно картотеку перебирал...

(Директор смотрит ему в глаза.)
Главный бухгалтер. Изумительно...
Директор. Все. Тебе верю. Ему нет.
Главный бухгалтер. А как же. Я ему сам не верю... (Плачет.)
Директор. Укрепить надо бухгалтерию.
Главный бухгалтер. Укреплю немедленно. Морды поразбиваю. Блеск... Серьезно.
Так хорошо еще не было... По-всякому было, но чтоб так хорошо... В первый раз.
Директор. Кликни мне завпроизводством.
(Входит завпроизводством Тихон Павлович.)
Завпроизводством. Пал Сергеич.
(Целуются.)
Директор. Как дела?
Завпроизводством (смахивает слезу). Сами знаете...
Директор. Не понял.
Завпроизводством (плача). Превосходно. Как по маслу. Это поразительно. Как все налажено, прямо сил нет... (Долго плачет.) Очень хорошо все продумано, я вам так скажу. Еще проектировщики, когда проектировали наш завод, они, суки, допустили такую продуманность, такую дальновидность. И как эти сволочи продумали все так хорошо? Они еще тогда все предусмотрели... Помните, туалеты, потом... Чтобы расширяться... Новые станки, чтоб не под дождем люди работали. Как они так сумели, подонки. Дождь ведь хлещет, мешает высокую точность давать, на уровне мировых стандартов. А они предусмотрели и место для второй ветки железной дороги, чтоб не только сюда, но и обратно... Как догадались? Непостижимо...
(Директор долго смотрит в глаза завпроизводством. Тот плачет.)
Директор (тоже всхлипнул). Что, действительно все предусмотрели?
Завпроизводством (всхлипнул). Все! Нет детали, которую бы эти псы не предусмотрели. Мы не можем на нее напороться. Я тут с одним из них два дня метался. Ну руки опускаются – все предусмотрено. Плотник наш ходил с топором: за что, говорит, взяться, ума не приложу... Вышел за забор и давай крушить. А вернулся тихий. Все продумано.
Директор. Ну хоть один недостаток есть?
Завпроизводством. У одного водителя характер плохой.
Директор. И все?
Завпроизводством (твердо). Все.
(Директор долго смотрит в глаза завпроизводством. Вдруг оба всхливают, начинают неразборчиво кричать: «Тиша!», «Паша!», «Тиша!»)
Директор. А так все о'лайн?
Завпроизводством. Что вы, какой о'лайн – о'кей!
Директор. Подвиги?
Завпроизводством. Без конца... Раздухарились массы. Главный электрик зубами голые провода держит. Чтоб питание в сборочный цех... Из ОКСа две круглосуточно – кариатидами.
Директор. Что?
Завпроизводством. Крышу сушилки – на себе... Не отходят, кормим их ложкой.
Директор (всхлип). Т-твою... Какие люди.
Завпроизводством. Я говорю, если б не люди... Из цистерны номер пять полилось внезапно, тоненько, но непрерывно.
Директор. Что лилось?
Завпроизводством. А никто не знает. Собирались в конце месяца подойти посмотреть.
Директор. Все. (Быстро.) Устранили течь из цистерны номер пять?
Завпроизводством. Потрясающе...
Директор. Чем?

Завпроизводством. Телом, ртом, устами. Прикрыл герой один.

Директор. Кто сотворил? Кто нашел место подвигу?

Завпроизводством. Безымянный. Начальник летней базы – Халимонов. Нашел место и время и совершил.

Директор. Позвать.

Завпроизводством. Не можем. Снова течь откроется.

Директор. Так что там?

Завпроизводством. На вкус, говорит, гадость. Но забирает.

Директор. Отметить премией – сто рублей.

Завпроизводством. Не хватит.

Директор. А сколько нас будет?

Завпроизводством. Человек двенадцать.

Директор. Сто пятьдесят.

Завпроизводством. Естественно...

Директор. Тиша. Ты уже знаешь. Я еду в Америку. Я им расскажу... Ты остаешься.

Завпроизводством. Блеск, Пал Сергеич. Красота. Разрешите продолжать.

(Директор долго смотрит в глаза завпроизводством, тот – директору.)

Директор. Ты пока не увольняйся.

Завпроизводством. Паша, ты только недолго.

Директор. На «Дженерал Моторс» и назад. Они хотят понять, как это у нас все.

Завпроизводством. Блеск, Паша!

Директор. Спасибо, Тиша! Я пошел. А нам их методы помогут.

Завпроизводством. Да нет... Посмотри кино, женщин... Отдохни там...

Директор. Спасибо. Я поехал.

Завпроизводством. А я пошел.

Письма в театр

Для А. Райкина

В наш театр пишут давно. Мы существуем двадцать шесть лет, и двадцать шесть лет пишут. Пишут отовсюду. Пишут разные люди. Много писем в нашем почтовом ящике. Я вам прочту самые интересные с точки зрения нашего сатирического жанра.

Письмо первое

Я вам пишу, потому что плохо слышу. Недавно я имел честь быть на вашем спектакле. К моему глубокому сожалению, я кое-что не расслышал. Например, вы играли одного директора, который развалил два треста и комбинат. Его разоблачили, в газете о нем писали, и его уволили с большим скандалом. Он оказался негодяем. Так он что, нигде не работает? Я плохо слышу!

Ваш театр существует двадцать шесть лет, это я слышал. Вы все эти годы боролись с бюрократами, так что, их уже нет или они еще есть? Говорят, что действительно кто-то после вашего спектакля не выдержал – и уволился? А? Я плохо слышу. Или это врут?

Против чего еще вы боролись эти двадцать шесть лет, я не понял? Вы еще боретесь или уже перестали? Я помню, еще в 1930 году вы сказали, что нет ваты в аптеках. Так вы что, уже перестали говорить о вате или в аптеках появилась вата?

У меня слуховой аппарат, встроенный в очки. И когда я забываю очки, я плохо слышу и ничего не вижу. Объясните мне, что вы имели в виду.

Ваш зритель, он же ваш слушатель.

Письмо второе

Дорогие товарищи!

В первых строках моего письма разрешите пожелать вам доброго здоровья, долгих, долгих лет жизни. Прежде всего разрешите мне описать вам, кто я такой. Досрочно уволенный в запас старшина Макаров Василий Васильевич, будучи привыкшим к армейской дисциплине и уставам пехотно-полевой и артиллерийской служб, я в личной жизни руководствовался указаниями нашей печати. Согласно указаниям нашей печати читал медицинские журналы и справочники. С целью сохранения здоровья и долгих лет жизни я три года согласно указаниям медицинских журналов не ел яиц и масла. Потом оказалось, что это ошибка, не нужно есть мяса. С целью сохранения здоровья и долгих лет жизни я два года не ел мяса, но оказалось, что это ошибка, нужно есть меньше хлеба и больше двигаться. Я перестал есть хлеб и больше двигался.

Пишу из больницы. Я и мои товарищи лежачие просим вас исполнить чего-нибудь веселого по заявкам жертв печати.

Желаем вам крепкого здоровья и долгих лет жизни.

С молодежным приветом группа дистрофиков.

Письмо третье

Глубокоуважаемый, не помню, как вас.

Почему вы ничего не говорите о футболе? А в этом году это самый важный вопрос. Мне семьдесят два года. Я часто выступаю перед молодежью с воспоминаниями «Как это было?». Мне есть что вспомнить. Я играл на заре. Тогда футбол только зарождался, и мы, старые футболисты, зарождали его.

Помню грозные годы двадцатые или десятые. Помню, мы выбегаем на такое огромное поле, посреди трава, вокруг люди, не знаю, как сейчас, раньше это называли стадион. Помню, сзади наши ворота. Впереди, помню, тоже ворота, чьи – не помню. Турки, помню, в трусах, мы в чем – не помню. И тут свистнул тот тип, не знаю, как сейчас, раньше его судьей называли. Помню, мы побежали, не помню куда. Прибегаем – никого. Поворачиваем обратно. Бежим. Стадион ревет. Прибегаем – никого. Помню, победили, не помню кого. Да. Главным для теперешней молодежи должны стать воспоминания старых футболистов. Нам же есть что вспомнить.

Или, помню, играли с англичанами. Время грозное, 30-е или 15-е годы. Ажиотаж! Стадион ревет! Шведов тучи! Они, как сейчас помню, в клетку, мы в линейку. Выбегаю в центр. Слева от меня, помню, левые, справа, помню, прав... нет, не скажу, боюсь ошибиться. Опять этот тип свистнул. Народ, помню, закричал. Почему же они закричали? Не помню. Помню, все на меня пошли. Я поворачиваюсь и – с моста головой. Потом – на лошадь и огородами, огородами ушел к Котовскому. А, это я уже о другом. А я о чем говорил? О футболе? Почему я говорил о футболе? Нет, почему я вообще заговорил о футболе?.. Чемпионат? Где?.. В Лондоне? Когда?.. Летом? А я как здесь оказался? Ну? А что у меня было в руках?.. А куда я иду, я не писал? Помню, я спешил, не помню куда. На вокзал? Вспомнил! Бегу! Подождите, а на какой вокзал, я не говорил? А о чем я говорил?.. О футболе. Почему?.. Чемпионат? Где?.. В Лондоне... Это интересно. Вы знаете, я сам играл в футбол. Вы бы меня спросили... Слава богу, память у меня хорошая, светлая память.

Ну, до свиданья, доченька.

У Ромочки была сыпь, но все прошло.

Целую, дедушка.

Монолог искреннего человека

*Из спектакля Московского театра миниатюр
«Когда мы отдыхали...»*

Разве тунеядец тот, кто нигде не числится и ничего не получает? Это безвредный человек. Тунеядец тот, что числится, получает сто пятьдесят рублей и нигде не работает...

Хочешь у нас работать – великолепная работа, ничего не надо делать, народу набегает. А здесь, мои милые, работать надо, и все увольняются. Все спрашивают: как твои дела? Это значит, как квартира, мебель, прописка... Никто не спрашивает, что ты делаешь на работе. Если у человека настоящая работа – жизнь идет от машины к машине, от книги к книге... А сколько лет прошло между ними, не все ли равно. Но так хуже: так жизнь идет быстро... А у нас, в конторе, она тянется хорошо, медленно.

Зубами бы стрелки переводил, чтоб день кончился, а он не кончается, не кончается. И до отпуска время тянется, тянется. И до пенсии тянется, тянется!

Человек летит на работу, убивается в трамвае, кубарем катится по лестнице... Прибегает. Зевает четыре часа. Вылетает в обед. Убивается в трамвае. За полчаса обегает столовую и магазин. Прибегает – зевает четыре часа...

Главное – числиться! Как, ты нигде не числишься? Бегом в архив, в управление, в снабжение. Зачислился – и все. Сиди. И тысяча человек сидит и смотрит на бумагу. А один работает. А если оставить одного, куда тысяча пойдет? А безработицы быть не должно... Так, может быть, их хотя бы испугать?.. Мол, если они будут валять дурака, их, мол, выбросят на улицу... На самом деле не выбрасывать, но хоть напугать... а?

Спрос – сбыт

Я люблю заснуть и проснуться среди запасов. Весь в продуктах. Хоть какое-то спокойствие на какое-то время.

А кто знал, что уксус будет, а исчезнет горчица? Ну кто? Есть у нас в доме хиромантка, так она все о любви, а когда просишь раскинуть насчет продуктов, неверные сведения дает.

Мы в одном месте ажиотаж взвинтили, касторки набрали и валидола. А он есть и есть. А, наоборот, исчезли от головной боли тройчатки-пятерчатки и вот эти... противники детей из аптек исчезли.

Только я набрал слабительного, как исчезла туалетная бумага. Ну, без нее можно обойтись. Я как запорного принял, так в прекрасном настроении нахожусь. Вторую неделю. Только салфеткой рот оботрешь.

Правда, сами салфетки... Ну скажи! Ну кто ожидал... Стали культурно так рты обтирать, носы промакивать и втянулись. А я так скажу: все начали рты обтирать, а на всех рассчитано не было, только на тонкий слой интеллигенции. Или пятерчатка. У всех сразу как схватила голова, видимо, все об одном и том же подумали. Или на горчицу налетели... Видимо, что-то сладкое съели.

Но тяжелое это дело, в жизни не догадаешься, что завтра пропадет. Потому что, если бы догадывались, что завтра пропадет, все б сегодня бросились и сегодня бы пропало. А так никто не ожидает, все спокойно прохаживаются...

И вдруг кто-то первый вскочил, выскочил и все забегали-забегали, родных задержали... А этого уже нет ни в Москве, ни в Воронеже, ибо здесь очень важна одновременность, чтоб не создавать очередей. Во всех городах сразу нет и всюду – тишина. Я удивляюсь людям. Ходят, щупают кастрюли и не берут.

Утюги стоят – бери, один есть, второй бери. Второй есть – третий бери. У меня в доме все по два, по четыре... Дверь нельзя открыть, кастрюли на голову падают, мука сыплется, постное масло из постели вытекает, зато месяц могу автономно сидеть, как в подводной лодке, без выхода на поверхность.

Все знаю. Изучение покупательского спроса?! Да как можно изучить спрос, если спрос сам мечется как угорелый, изучает сбыт. Потому что сбыт о завтрашнем дне не думает, а спрос у себя в квартире аж бледный сидит.

Каждый день...

Каждый день...

А вообще у нас есть все, но не везде...

Не всегда...

И в недостаточном количестве.

Скажи им, что ты Витя

– Если спросят, как зовут, скажешь: Витя. Фамилия? Скажешь: Ильченко. Где живешь? Говори в гостинице «Киевской», в № 515. А кто это с вами маленький? Ну, говори, скажем, Кац. А чьи это вещи слева? Говори: мои. А это чьи вещи справа? Говори: его. А как вы попали на пятый этаж? Скажи: лифтом. А ключ? Скажи: попросил у администратора, и мне дали. Все запомнил?

– Все!.. Только непонятно зачем. Я же действительно Витя, моя фамилия Ильченко. Живу с Кацем на пятом этаже...

– А это чьи вещи?

– Мои.

– А эти?

– Его.

– Умница. Так и отвечай, если спросят.

– Зачем же так отвечать. Это действительно мои вещи.

– А эти?

– Его.

– Запомнил?

– Чего тут запоминать? Это действительно его вещи.

– Правильно.

– А фамилия его как?

– Кац.

– Умница. А твоя?

– Ильченко.

– Не собьешься?

– Как же я собьюсь! Я же действительно Ильченко!

– А он?

– Кац.

– Видишь, как ты быстро запомнил.

– А чего тут запоминать, я от рождения Ильченко, а он – Кац.

– Браво! Но когда будут спрашивать, не перепутай.

– Зачем мне путать. Он Кац, я Ильченко, то есть наоборот. Нет, правильно. Я – Ильченко, он – Кац.

– Вот теперь правильно. И не дай бог!

– А почему не сказать правду?

– Какую? Что ты Ильченко, а он Кац. Кто поверит? В общем, говори, что ты Ильченко, а он Кац. Эти вещи твои, те вещи его, понял? Если спросят.

– Я, конечно, могу, но лучше говорить правду.

– Говори так, как я сказал, понял?

– Понял.

– Давай повторим...

– Я Ильченко, а тот маленький – Кац. Так?

– Так.

– Эти вещи мои...

– Какие?

– Вот эти.

– Да – эти твои.

– А те его?

- Точно!
 - Значит, я взял ключ у администратора. Так?
 - Так.
 - Пошел наверх.
 - Поехал.
 - Поехал наверх... На какой этаж?
 - На пятый.
 - На пятый, на пятый, на пятый... Открыл дверь этим ключом и вошел...
 - Номер комнаты?
 - 515, 515, 515, 515, 515!
 - И лег на какую кровать?
 - На левую, на левую, на левую!
 - Все! Вот это вызубри наизусть.
 - Хорошо. Значит, я Ильченко. Я Ильченко...
 - А вот и Кац... Ты слышал, о чем мы с ним говорили?
 - Да.
 - Скажешь, что ты Кац, если спросят.
 - Ни за что! Плевал я.
 - Ты хочешь все угробить?
 - Не хочу я. Почему я должен прикидываться. Я действительно Кац, и я не желаю...
 - Ну действительно, действительно. Скажешь, что ты Кац, эти вещи твои и все!
 - Не хочу я.
 - Ты все сорвешь!
 - Ну и пусть. Я буду говорить правду.
 - Идиот. Ты его заложишь. Меня – ладно. Его за что. Ильченко в чем виноват?
 - Слушай, ты хочешь меня заложить?
 - Ой, отстаньте от меня! Не хочу участвовать в ваших авантюрах.
 - Вот собака. Все угробит. Посадит всех.
 - Слушай, если ты не скажешь, что ты Кац, я за себя не ручаюсь, хоть мы друзья, но в тюрьму из-за тебя я садиться не хочу. Ясно?
 - Все равно сядете. С вашими авантюрами. Жулики! Жулики! Нина Ивановна – а – а!
- (Ему затыкают рот.)*
- Тихо, сволочь, убью! Все! Ты сам скажешь, что он Кац. Ничего. С кляпом во рту, но на свободе!

Я жду

Я жду... Каждый день на этом месте я жду. Время в ожидании тянется медленно. Жизнь в ожидании проходит быстро. И тем не менее я жду, жду, жду...

Я часто стоял в очередях. Я смотрел на лица, на которых отражалось только ожидание. Я видел тоскливое, бессмысленное стояние. Я физически чувствовал, как из моего тела уходят минуты и часы. Мне шестьдесят лет. Из них три года я провел в очередях. Я иногда болел. Иногда жаловался. Меня иногда вызывали. Мне назначали прием на двенадцать часов. Ни разу. Ни разу за мои шестьдесят лет меня не приняли ровно в двенадцать. Кому-то нужно было мое время. Полчаса, час, два моей жизни, и я отдавал.

Мне шестьдесят лет. Из них на ожидание в приемных ушло два года. Два с половиной года я провел в столовых в ожидании блюд. Два года – в ожидании расчета. Год ждал в парикмахерской. Два года искал такси. Три года валялся на чемоданах в вестибюле гостиницы и смотрел собачьими глазами на администратора. Всем нужно мое время. У меня его мало. Но если нужно...

Мне шестьдесят лет. В ожидании я провел пятнадцать. Двадцать лет я спал. Осталось двадцать пять. Из них семнадцать – на счастливое детство. И только восемь я занимался своим делом.

Мало. Я бы мог сделать больше. Зато я научился ждать.

Ждать упорно и терпеливо.

Ждать, не теряя надежды.

Ждать, сидя на стуле и покачиваясь.

Ждать, стоя и переминаясь.

Ждать, прислонясь к стене.

Ждать в кресле, пока оно поговорит по телефону.

Ждать и ни о чем не думать.

И только сейчас, когда мне шестьдесят, я думаю: не слишком ли долго я ждал? Но прочь эти мысли, подождем автобуса.

Она

Она крадется и подкрадывается со всех сторон. Она так может подкрадываться – не сразу, а постепенно. Окружить и ждать. И мы чувствуем, что окружены.

Мы пьем, едим и поем в ее окружении. Играем под ее надзором. Свое присутствие она выдает ойканьем кого-нибудь из нас. Это на слух. Для глаз – седым волоском. Вопросительностью старости перед восклицательной молодостью. Ну что вы? Разве незаметно? Она заметна здесь... А седой волос? А молодая душа, обнаруженная вдруг в старом теле? А дети наши? Она в наших детях. Она постоянна. Мы вертимся. Мы лежим, спим, встаем, работаем... Мы ищем удовольствия. Она с нами. Улыбается и желает успеха. Она, если захочет, может это удовольствие обострить до наслаждения, до экстаза.

«Такое бывает только раз», – хрипим мы... Это она.

Когда мы говорим «никогда» и «всегда» – она в этих трех буквах «гда»...

ГДА! – И она проступит в близком лице, которому всего...

ГДА! – И она обостряет твои черты внезапно ночью.

ГДА! – Пощипывает твою косточку. Твою желёзку щекочет. Требует острить быстро, здорово, как никоГДА.

ГДА! – Юмор, освещенный ею, навсеГДА.

ГДА! – Она не любит печали. Печаль, рожденная ею, банальна, и она ее быстро прогоняет. Смех ее вечен, морщины боли она покрывает и разглаживает своей рукой... Великая. С ней пишется навсеГДА.

ГДА! – Стоит в отдалении и улыбается, а потом подходит ближе... А потом идет рядом... А потом положит руку на плечо, подымет высоко, до себя – и даст взглянуть...

И ты бросишь стол, дела, людей...

– Иду к тебе...

И улыбнешься неугасимо!

Белый свет

До чего мне хорошо в Ульяновке. Стремлюсь куда-то и все время остаюсь. Одиноко. И прозрачно. Какая-то тишина. Какой-то чистый, ясный белый свет.

Хорошо на белом свете. На юге синий, голубой, черно-бархатный... Совершенно беззвучно проезжают троллейбусы. Безмолвные, неподвижные дома. Здесь они действительно неподвижные.

Солнце не греет и не светит, а освещает. Четко-четко. +5 °С... Апрель. И не сумерки, а ясный, светлый вечер. Ни одного телефонного звонка. Обманами, скандалами, холодностью добился своего – сообщения перестали поступать.

А этот холодный белый свет входит в душу.

Один-один средь бела света с белым светом, что придерживаешь губами и веками и выпускаешь из себя только на бумагу, чтобы сохранился подольше.

Целую.

В Греческом зале

Для А. Райкина

Дали этим женщинам два выходных, так они прямо с ума посходили. Убивают время как попало. Вместо того чтобы отдохнуть... В прошлое воскресенье потянула она меня на выставку. Вернисаж какой-то... Я думал – музей как музей. А это не музей, а хуже забега-ловки: горячего нет, один сыр и кофе. В Третьяковке хоть солянка была, а на вернисаже одна минеральная. Нет, думаю, тут не отдохнешь...

А воскресенье проходит.

Пока экскурсия тарашилась на статую, я выскочил, прихватил на углу. Только разложился, газетку постелил, вахтерша прицепилась:

– В Греческом зале, в Греческом зале, как вам не стыдно!

Аж пенсне раскалилось. Я ей так тихо возражаю:

– Чего орешь, ты,мышь белая?.. Ты здесь каждый день дурака валяешь. А мне завтра на работу. стакан бы лучше вынесла... Видишь, человек из горлышка булькает?!

...Что селедку?.. Кто селедку?.. Какую селедку?.. Ну, селедку развернул у него на плече... А что ему сделается? Двести лет стоял, еще простоит, а у меня выходной кончается, поймаешь ты, коза старая?!

...Кто Аполлон?.. Я – Аполлон? Он – Аполлон? Ну и нехай себе Аполлон... Повесил я ему авоську на руку, а куда вешать, на шею?!

От народ!.. Никакой культуры. Еле от нее отбился. Хорошо еще, ребята поддержали... А на часах уже три! А я еще с продуктами и ни в одном глазу. А уже три на часах.

Стал искать, чем консервы открыть. Бычки в томате прихватил. От умора! От смех! Музей, музей – нечем банку открыть! Хоть убейся. Куда я только не лазил. Приспособился под конем... Железку какую-то оторвал, только ударил, как заверещит, у меня даже банка выпала. Вахтерша с указкой! Ну?! Я ей из-под коня так тихо замечаю:

– Чего ты дребезжишь?! Что я, тебя трогаю или кусаю кого?! Ты себе, я себе, они себе...

Хорошо, ребята меня поддержали, вроде все уладилось... Так штопора нет! Вот музей...

Тут я ей совсем тихо, ну тихо совсем:

– Слышь, штопор есть?

– Это итальянская живопись семнадцатого века!

– Ты не поняла, – говорю, – я тебя не спрашиваю, где брала живопись, я спрашиваю: штопор есть?

– Вы понимаете, что вы говорите, здесь вокруг живопись!

– Понимаю, а ты без штопора можешь открыть? Я же об пол буду стучать, мешать. А вокруг живопись...

Намучился! Оторвал от этого же коня еще одну железяку, пропихнул внутрь, но настроение уже не то... В какой-то гробнице в одиночку раздавил кагор в крошечной тьме, в антисанитарных условиях... Бычки, конечно, руками хватал... Хорошо, грузин стоял на камне, я у него кинжал вытащил, колбасу хоть порубил на куски.

Когда я из гробницы вылез, еще мог экскурсию продолжать, хоть в паутине и в бычках... Но они исчезли. Так что воспринимал в одиночку... Поковырял того грузина – мура, опилки, дурят людей.

А тот железный, что на лошади сидел, – тот ничего, крепкий... Меч я у него из кулака вырвал, а щит рвал, рвал, не идет – неплохое качество!

Ну а в целом потерял выходной, угробил. Хорошо еще вечером, в скверике, врезали «Зверобой» и закусили с колен... Хоть как-то отдохнули.

Теперь, говорят, в Большом театре «Столичная» появилась, только билет на «Чародейку» надо брать. Почем же у них сто грамм получается?

Дефицит

Для А. Райкина

Послушай меня, дорогой! Что я тебе скажу. Все идет к тому, что всюду все будет, изобилие будет! Но хорошо ли это будет? Подожди, не торопись, ты молодой, горячий, кровь играет. Я сам был огонь, сейчас потух немного, хотя дым еще идет иногда... С изобилием не надо торопиться! Почему?..

Ты идешь по улице, встречаешь меня.

– Здравствуй, дорогой! Заходи ко мне вечером.

– Зачем?

– Заходи, увидишь.

Я прихожу к тебе, ты через завсклада, через директора магазина, через товароведа достал дефицит! Слушай, ни у кого нет – у тебя есть! Я попробовал – во рту тает! Вкус специфический! Я тебя уважаю.

На другой день я иду по улице, встречаю тебя.

– Здравствуй, дорогой! Заходи ко мне вечером.

– Зачем?

– Заходи – увидишь!

Ты приходишь ко мне, я через завсклада, через директора магазина, через товароведа, через заднее крыльцо достал дефицит! Слушай, ни у кого нет – у меня есть! Ты попробовал – речи лишился! Вкус специфический! Ты меня уважаешь. Я тебя уважаю. Мы с тобой уважаемые люди.

В театре просмотр, премьера идет. Кто в первом ряду сидит? Уважаемые люди сидят: завсклад сидит, директор магазина сидит, сзади товаровед сидит. Все городское начальство завсклада любит, завсклада ценит. За что? Завсклад на дефиците сидит! Дефицит – великий двигатель общественных специфических отношений.

Представь себе, исчез дефицит. Я пошел в магазин, ты пошел в магазин, мы его не любим – он тоже пошел в магазин.

– Туфли есть?

– Есть!

– Черные есть?

– Есть!

– Лакированные есть?

– Есть!

– Черный верх, белый низ есть?

– Есть!

– Белый верх, черный низ есть?

– Есть!

– Сорок второй, самый ходовой, есть?

– Есть.

– Слушай, никогда не было. Сейчас есть. Дамские лакированные, бордо с пряжкой, с пуговицей есть?

– Есть!

Ты купил, я купил, мы его не любим – он тоже купил. Все купили.

Все ходим скучные, бледные, зеваем. Завсклад идет – мы его не замечаем. Директор магазина – мы на него плюем! Товаровед обувного отдела – как простой инженер! Это хорошо? Это противно! Пусть будет изобилие, пусть будет все! Но пусть чего-то не хватает!

Дай ручку, внучек!

Для А. Райкина

Юзик, Юзик, дедушка не может быстро, дедушка устал. У дедушки ноги старенькие. Давай посидим. Ты же хороший мальчик. Сядь, Юзенька, сядь, дорогой. Я сказал: сядь! Я стенке сказал или кому я сказал?! Или стенке, или кому?! Дедуля что сказал?.. Что надо дедуле сказать?.. А, бандит, чтоб ты был здоров, арестант. Если бы у меня было такое детство! Ну-ну...

Наша мама всегда стирала, а мы всегда ходили грязные... И какой гвалт... Пятеро хотят писать, один хочет селедку. Какие книжки, какие тетрадки?.. Я еще получил очень удачное образование, я чинил примуса. Ты слышишь, Юзик, головки, пистоны, насосы, я знаю, главное – это керосин, чтоб он горел... Моя вся жена пропахла керосином. Нас нельзя было позвать в гости: они от нас имели аромат... Собаки падали в обморок. Ты не знаешь, что такое примус. Вся Одесса качала по утрам и вечерам, и ревела, и взрывалась.

Я тоже был отчаянным, я имел троих, и они выросли. Старший стал военным, утонул в Керченском проливе в первые дни войны. Младший окончил политехнический, уехал в Новосибирск, твоя тетя закончила консерваторию, сидит в Москве... Все разъехались, все ищут счастья. Только мы остались на месте... Ты знаешь, Юзик, я так смотрю и думаю: что я такого сделал особенного?.. Так я тебе скажу что. Ничего... Все вложил в детей. стакан молока – дети. Кусочек яблочка – дети. Ложка сахара – дети. Твой папа был слабый мальчик, ему нужны были витамины. А твоей тете нужен был приличный инструмент – она в консерватории. Так всю жизнь. Вы маленькие – мы переживаем, что вы болеете. Вы старше – мы переживаем, что вы плохо кушаете. Потом вы устраиваете нам попадание в институт – мы ночи не спим. Потом вы женитесь – с нами такое творится, моим врагам...

Что надо сказать дяде? Ну!.. Здра... Ну!.. Здра... Ох, я ему напомним, так он всю жизнь будет помнить. Ну!.. Здра... Такой буц здоровый, четыре года скоро.

Отдай девочке мячик. Отдай, солнышко. Ухаживай за ними. Все равно они отдают нам больше, если они хорошие. Все равно они отдают нам все, если они золотые. Твоя бабушка была и ударник, и застрельщик, и я знаю кто?.. А дети на ней, весь дом на ней. Я ей говорю: «Соня, перестань уже... Перестань! Дети все устроены, мы на пенсии. Перестань, Соня, поспи до восьми. Поедем к детям. Дети за нами будут ухаживать».

И мы сели на колеса и поехали в Новосибирск, где твой папа кандидат, а мама аспирант. Все математики, все в очках, а кто будет варить обед?.. И я вижу, моя Соня стирает, а я выкручиваю. Она моет полы, я стою в очередях.

Кое-как поставили этих кандидатов на ноги. Поехали к дочке. Уже Москва, уже скрипачка, уже все удобства. И что я вижу?.. Соня стирает, я выкручиваю. Соня варит, я стою в очередях.

Поставили на ноги скрипачей, сняли у них с шеи детей, вернулись домой. Дома отдохнем. Летом у моря. Мы на пенсии. Дети съедутся, будут ухаживать. Съехали дети... Что я вижу, Юзик?.. Соня стирает, я выкручиваю. Она варит, я тяну с базара кошелки – лошади оборачиваются. Дети должны отдохнуть. У детей один только месяц. Так мы не пойдем на море. Я не помню, когда я был на пляже. Лет десять назад. Случайно. Неважно. Мы отпляжили свое.

Что нам надо, Юзик?.. Чтоб у детей наших было немножко больше счастья, чем у нас. Чтоб ты уже попал в институт и удачно женился: есть такие жены – моим врагам, ты же знаешь. И чтобы у тебя были хорошие дети, и чтобы они попали в институт и удачно женились, и чтобы у них были свои дети, тоже хорошие и тоже способные. А мы будем ездить и не будем говорить о болячках. Потому что у кого их нет, и еще не хватает об этом говорить.

И будем смотреть на наших внуков, и радоваться, и потихоньку уходить... А все это называется очень просто – хорошая старость.

Правда, Юзик?.. Ты же все понимаешь. Ну, дай ручку дедушке, дай, золотко. Мы уже идем. Бабушка нас ждет. Дай ручку. Чтоб ты не знал, что я видел... Чтоб ты был здоров! Юзик, дедушка не может быстро, не забывай...

О воспитании

Для А. Райкина

Нет, нет, нет! Кто что ни говори, а прежнее воспитание не то что нынешнее... Все эти бонны, гувернантки, пансионеры – они свое дело делали. Я и сына воспитывал в таком же духе: «Саша, мальчик мой, не забывай правила доброго тона, не бойся лишний раз сказать спасибо своему начальству. Уступи дорогу... кому следует, открой двери... нужному человеку. Делай людям добро, и люди для тебя кое-что сделают. Будь благодарным, Саша. Мария Васильевна столько лет тебя обучала, привези ей подарок. У тебя экзамены на носу: «Примите, многоуважаемая Мария Васильевна, папа передает вам привет!»

Ну что мне делать с сыном? Я помню, в наше время во время экзаменов мы списывали друг у друга... Вы же помните, мы же все списывали! Нет, мой сын сидит, морщит лоб, он что-то сочиняет. Один. Я ему шепчу: «Саша, я договорился, учитель отвернется. Саша, не теряй времени, не волнуй папу!» Он мне ответил: «Не жестикулируй за стеклом, не мешай мне думать!» Сейчас он додумался, его посылают в такую глушь – один медведь на сто квадратных километров. Я ему шепчу: «Саша, подожди! Саша, не подписывай! Не торопись. Я еду в институт. Подожди, Саша, не торопись!»

Я примчался – он уже подписал! Когда я узнал, что его посылают в колхоз «Рассвет», – у меня стало темно в глазах! Сейчас он мерзнет в своем «Рассвете». Им забыли дрова выделить... Я помню, в наше время мы воровали уголь на железной дороге, вы же помните, мы все воровали! Мы крали в лесу дрова. Мы же крали, вы же помните. Я ему говорю: «Саша, воруй и ты, Саша, кради, иначе замерзнешь!» Он мерзнет, он принципиальный! Откуда в наших детях такое, чего нам не понять? Неужели мы так постарели?

Нет, кто что ни говори, а прежнее воспитание...

Гувернеры... Гувернантки...

Копаться в мусоре не стыдно, мальчик. Стыдно быть от этого счастливым.

* * *

Лучшее средство против неразделенной любви – неизлечимый понос.

* * *

– Как проехать к центру?

– Очень просто.

И ушел.

* * *

Я понимаю, как трудно составлять пятилетние планы, добиваться их выполнения. Но почему они так быстро летят?!

* * *

И еще я думаю: почему с переездом в другой город у тебя не появляются друзья? Вот и сорок. Вот и сорок восемь. И люди вокруг, и есть умнее тех, прежних, и уж куда образо-

ванной. Что ж там такое в том далеком детстве? Почему ты с ними можешь молчать?! Почему тебе не нужно платить ему вниманием, талантом, услугой? Мы же тогда их не выбирали.

Видимо, все надо захватить с собой смолodu. Потом раздавать, а приобретать поздно.

* * *

Я придумал телефон, который не пропускает скверные новости. Он молчит уже две недели... Ага, вот и звонок: что вы говорите, куда вы меня приглашаете? Черт! Опять надо настраивать. Он не понял, какое это приглашение, вот ужас.

* * *

Сколько нужно при капитализме денег, столько при социализме – знакомых.

* * *

Когда наутро я открыл дверь из моей комнаты на балкон, два голубя сдохли. Хотя я им кричал: «Отойдитя!»

* * *

А вы пробовали принять слабительное одновременно со снотворным? Очень интересный эффект.

* * *

Жизнь человека – миг, но сколько неприятностей.

Для вас, женщины

Для А. Райкина

Я не знаю, как для вас, но для меня Восьмое марта второй день рождения. Я холостяк. Не старый. Мне восемнадцать до семнадцатого года плюс пятьдесят один минус подоходные плюс бездетность. Я по профессии бухгалтер. Итого мне... шестьдесят девять с копейками.

Все друзья хотят меня женить, потому что люди не выносят, когда кому-нибудь хорошо. Но я не спешу. Шестьдесят девять – время еще есть. С моим возрастом, о котором я сказал выше, с моими данными, о которых я скажу ниже, я мог бы женить на себе весь балет Большого театра, но я не тороплюсь.

Мне говорят:

– Слушай, Сигизмунд, для тебя есть девушка в Ташкенте, стройная, как козочка, ароматная, как персик.

– В Ташкенте. Улица Навои, шестьдесят пять, вход со двора, налево, отдельная квартира с отцом?

– Да.

– С черными глазами, заикается?

– Да.

– Тетя болела желтухой в тридцать шестом году?

– Да.

– Хорошая девушка, но зачем привязывать себя к одному месту?

Я всю жизнь менял адреса и места работы, менял, когда мне не нравился пейзаж за окном или голоса сотрудников. Зачем же мне затихать вдали? И я сказал себе: «Сигизмунд, тебе рано отдавать, ты еще не все взял от жизни».

И я сбежал к одной врачихе. Доцент. Вот такая толстая диссертация, и тема очень интересная – что-то там в носу.

Такая умная женщина. Бывало, по радио: «Буря мглою небо кроет...»

– Откуда это, Сигизмунд?

Я только открывал рот и напрягал память, как она говорила:

– Ты прав – это Пушкин.

С ней я пошел дальше всех, с ней я дошел до загса. У меня уже был букет, мы с ее мамой перешли на «ты», а папа подарил мне белые тапочки. И тут я сказал себе: «Стой, Сигизмунд. Она чудная женщина со всеми удобствами, с горячей водой, в прекрасном районе, но умна угнетающе». С таким же успехом можно жить в библиотеке или спать в машиносчетной станции.

И я бежал к третьей. Та ничего не соображала, и я почувствовал себя человеком. Я сверкал остроумием, я пел и решал кроссворды. А она сидела, раскрыв рот. Когда человек, раскрыв рот, смотрит на вас целый день, это приятно. Но через месяц это начинает раздражать. Я ей говорю: «Закрой рот, я уже все сказал». И хотя был ужин, и нас поздравляли, и ее папа подарил мне белые носки, я сказал себе: «Стоп, Сигизмунд, шутки шутками, но могут быть и дети». И я бежал домой... где из живых людей меня ждет только зеркало.

Но сегодня, женщины, у нас с вами большой день... Я чувствую, что я созрел. Сегодня я выгляжу как никогда. У меня еще стройная фигурка, блестящая в некоторых местах голова, слегка подкашивающиеся ноги, небольшое пришепетывание при разговоре, посвистывание при дыхании и поскрипывание при ходьбе. Но если меня в тихом месте прислонить к теплой стенке, со мной еще очень, очень можно поговорить! О Восьмом марта, о весне, о вас, женщины...

Готовьтесь, птички! Я еду к вам на трамвае!

Сосредоточенные размышления

Для А. Райкина

Зарядку себе придумали, лишь бы не работать! Лишь бы дурака валять! Здоровый бугай поднимает гири впустую – воздух перемешивает. Пускай камни таскает или вагонетки с углем. И платить ему не надо: он же за гири денег не берет!

Если весь народ по утрам вместо гирь будет яму копать, знаете, какая колоссальная экономия будет?! А если другие туда воды накачают и гусей пустят... На каждого получится по два гуся.

Я ж не один день думал!

А этот футбол – двадцать два бугая мяч перекачивают. А если им вместо мяча дать каток, они ж за полтора часа все поле заасфальтируют. А зрители еще по рублю дадут. Бешеные деньги пойдут.

А марафонца видали? Страус. Сорок километров дает бегом. Его кто-нибудь использует? Он же бежит пустой! А если он почту захватит или мешок крупы в область? У нас же составы освободятся. Я уже не говорю про штангистов. Человек полтонны железа поднимает и обратно кладет. Так дайте ему груз, чтоб он его наверх подавал. Бочки с селедкой, раствор, ящики с кирпичом пусть выталкивает. И рекорды ставь: ты – две бочки, я – четыре, чемпион мира – шесть!

Кто у нас остается? Артисты, художники, ревматики, склеротики и прочий боевой отряд физически недоразвитых людей. Их надо использовать на тонких работах. Вот балерина – крутится. Крутится, крутится, аж в глазах рябит. Прицепить ее к динамо – пусть ток дает в недоразвитые районы. А ты, иллюзионист, у тебя из пустого ведра курица вылетает. Иди, обеспечивай народ курицами. Ведра у всех есть, куры не у всех. Тебе каждый спасибо скажет, если честно будешь работать. А писатель пишет. Ходит туда-сюда, обдумывает. Что он там напишет, никому не известно, а пока ходит – прицепить к нему рычаг, пускай воду качает. Хоть какая польза будет...

Вот так каждого использовать. Такое будет! Такое состояние благо. Такой прогресс. Такой урожай. Вместо голубей этих дурных на крышах индюки будут сидеть, и тогда сразу вперед скакнем. Я ж не один день думал, что я, дурак?!

Два дурака

Для А. Райкина

Я за углом в тресте работаю, говорят, у нас начальник – того... Не очень соображает... Но вы мне объясните: он что, вообще не соображает или он на своем месте не соображает... Возьмем нашего... У него диплом, он инженер. Сейчас все с дипломами. Он заочно инженером стал... Сейчас все заочно инженерами становятся. Правда, курсовой ему весь техотдел считал, а дипломный все конструкторское бюро чертило в рабочее время, но он все равно инженер. Но он не дурак.

Он ходит на работу с мешочком, гуано собирает голубиное... Это очень хорошо для виноградушка... У вас нет виноградушка, а у него есть виноградушек... Он его заборчиком, штакетником огородил, досточками, и все вручную, все сам. А коза у него – Брижит Бардо, ни единой блохи – сам купает, все сам! Кабанчик для него как сын... Для навоза бетонированный вывод вывел сам, все сам... И не потому, что все себе, себе... На работе увидел: два маляра сидят на ставке, ворота коверкают. Он тех маляров прогнал, сам встал и ворота покрасил, и что бы вы думали – третий год стоят как куколки... Вот он у нас какой! Так чего же люди к нему с чертежами лезут... Он же дворник в душе. И какой – первоклассный. Дворник-педагог. Вы только объясните ему, что это тоже ответственная работа... А как же.

Во-первых, лед сколоть уметь надо?.. Надо!.. А там горку залить, чтобы пионерчикам было легко скользить, а пенсионерчикам, наоборот, песочку подсыпать... А если у ворот стоять... Ведь можно по-разному стоять... Можно и так стоять, а можно и так. А наш бы так стоял... из-за границы приезжали бы смотреть. Фигура у нашего как раз представительная. Красивый мужчина – невозможно... А голос... Вот жилец идет:

– Здравствуйте, Харитон Иванович!

– Здравствуйте, Петр Сергеевич!

– С праздничком вас, Харитон Иваныч!

– И вас также, Петр Сергеевич!

А вот профессор идет, уже не жилец, в другой дом переехал. Ну все равно:

– Мое почтение, Харитон Иваныч!

– Наше вам, Григорий Владимович!

А тут вертихвостка, уличная продавщица, Машка:

– Здравствуйте, дядя Харитон. С праздником вас, дядя Харитон.

Ну с ней можно попроще:

– И тебя же!

Вот какая у него могла бы быть работа... По призванию! А он сидит в кабинете, смотрит на других и тоже за стул держится.

А тут же в управлении интеллигент на побегушках громыкает. Дохлый такой червь... Мозгами как раз хорошо шевелит, но руками никак не может... Уж до чего беспомощный... шланг не может удержать... Послали лед скалывать, так он сначала тупой себе ноги переломал, а потом его послали пьяного скручивать – зрелище было: «Голубой огонек». Где шляпа, где очки?.. Того интеллигента червивого по частям и вынесли, а наш директор этого пьяного одной рукой скрутил...

Вот вам интеллигент с дипломом – дурак и начальник с дипломом – дурак... Два дурака, да?..

А вы поменяйте их местами... А вы не думали об этом... А вы подумайте.

Одесса

Итак, Одесса для тех, кто ее не знает и не хочет знать. Довольно красивый город на нашем Юге и чьем-то Севере. На берегу Черного моря, трехтысячный юбилей которого мы недавно отмечали.

Обычно очень жаркий август, когда мы по ночам обливаемся потом, а серая морская вода не охлаждает, а засаливает.

Дачи здесь маленькие – квартиры без крыш. Засыпаешь один, просыпаешься впятером. Жуют здесь все и всегда – семечки, креветки, копченую рыбку, раков, виноград. Лучшие в стране рты не закрываются ни на секунду: хрумкают, лузгают, шелкают, посапывают, слушают ртом. Рты прекрасные – смесь украинской, русской, греческой и еврейской породы.

Девушки весной хороши, как кукурузные початки молочно-восковой спелости. Летом еще лучше: стройные, упругие, покрытые горячим загаром и легкой степной пылью. Идти за ними невозможно. Хочется укусить и есть их. От красоты у них скверные характеры, а в глазах коварство.

– Миша, уже есть шесть часов?

– Нет, а что?

– Ничего, мне нужно семь.

Вообще, женщин умных не бывает. Есть прелесть какие глупенькие и ужас какие дуры. Но с нашими горя не оберешься. Большое количество бросило меня, кое-кого бросил я, о чем жалею. Правда, мне пятьдесят и жалеть осталось недолго.

Итак, лучший месяц август – дикая жара. Если в залив вошел косяк, рыбой пахнут все – никого нельзя поцеловать.

Вся жизнь на берегу моря: там жарят, варят и кричат на детей.

Для постороннего уха – в Одессе непрерывно острят, но это не юмор, это такое состояние от жары и крикливости.

Писателей в Одессе много, потому что ничего не надо сочинять. Чтоб написать рассказ, надо открыть окно и записывать.

– Сема, иди домой, иди домой, иди домой!

– Он взял в жены Розу с верандой и горячей водой...

– Почему у вас семечки по двадцать копеек, а у всех десять?

– Потому что двадцать больше.

– Чем вы гладите тонкое женское белье?

– А вы чем гладите тонкое женское белье?

– Рукой.

Они не подозревают, что они острят, и не надо им говорить, не то они станут этим зарабатывать, у них выпадут волосы, вместо того чтоб говорить, они будут прислушиваться, записывать, а потом читать по бумаге.

Старички сидят на скамейках у ворот с выражением лица: «Стой! Кто идет?!» Когда вы возвращаетесь к себе с дамой, вы покрываетесь потом и не знаете, чем ее прикрыть. Весь двор замолкает, слышен только ваш натужный голос:

– Вот здесь я живу, Юленька.

А какой-то только что родившийся ребенок обязательно ляпнет: «Дядя Миса, только сто вчерасняя тетя приходила».

Когда вы выходите, двор замолкает окончательно и кто-то – шепотом, от которого волосы шевелятся: «Вот эта уже получше».

Здесь безумно любят сводить, сватать, настаивать и, поживив, разбежаться. Отсюда дети.

Худой ребенок считается больным. Его будут кормить все, как слона в зоопарке, пока у него не появятся женские бедра, одышка и скорость упадет до нуля. Теперь он здоров.

Одесса давно и постоянно экспортирует в другие города и страны писателей, художников, музыкантов и шахматистов. Физики и математики получаются хуже, хотя отец нашей космонавтики Королев – одессит.

Но Бабель, Ильф и Петров, Катаев, Ойстрах, Гилельс – все мои родственники. Мечников и еще куча великих людей. А я до того необразован, что сам пишу эпиграф и произведение к нему. Ужас.

Со времен Бабеля и до сих пор в детей вкладывают все надежды. Раньше на крошечное болезненное существо вешали скрипку, теперь вешают коньки, шахматы или морской бинокль. И хотя он не больше сифона с газированной водой, он уже бьет ножкой в такт и такой задумчивый, что его уже можно женить.

Август у нас лучший месяц в году, но сентябрь лучше августа. Начинается учебный год, пляжи пустеют, на берегу те, кто работает, но ничего не делает, а таких довольно много. По вечерам прохладно и целуются в малолитражке «фиат», куда целиком не помещаются, и мужа можно узнать по стоптанным каблукам.

В октябре вы лежите на берегу один. Правда, и вода холодная, градусов двенадцать.

Я спросил старичка, что купался: «Вы что, не мерзнете?»

– Почему? – ответил он.

Зима в Одессе странная. Дождь сменяется морозом, образуя дикую красоту! Стоят стеклянные деревья, висят стеклянные провода, земля покрыта стеклянными дорогами и тротуарами. Машины и люди жужжат, как мухи на липкой бумаге. Если она неподвижна, значит, едет вверх; если едет вниз, значит, тормозит. Ушибы, переломы, носки, надетые поверх сапог, – очень красивая зима.

Город компактный. Пешком – за полчаса от железнодорожного до морского вокзала. Главная улица – Дерибасовская. Если спросить, как туда пройти, могут разорвать, потому что объясняют руками, слов «налево» и «направо» не употребляют. Пойдете туда, потом туда, завернете туда, сюда – туда, туда – сюда... Спрашивающий сходит с ума, пока кто-то не скажет – вон она.

– Где?

– Вон!

– Где?

– Вон, вон и т. д.

Одесситка, у которой руки заняты ребенком, ничего не может рассказать.

Почему здесь рождается столько талантов, не могут понять ни сами жители, ни муниципалитет. Только время от времени его уговаривают назвать улицу именем кого-то. Построены огромные новые районы, но там дома стоят отдельно, и там жить неинтересно. Интересно в старых дворах, где стеклянные галереи и все живут как в аквариуме и даже подсвечены лампочками, поэтому я не женат.

Мужчины в этом городе играют незначительную роль и довольны всем происходящим. Ну-ка, давайте откроем окно:

– Скажите, этот трамвай идет к вокзалу?

– Идет, но сейчас он движется в обратную сторону – хоть сядьте туда лицом.

Вот это мой двор. В Одессе не говорят: «Мой дом. Мой двор». Как вернулись после войны, так с 45-го года здесь живем с мамой. Художники из Одессы уезжают. Ее надо заканчивать, как школу. Все жизненные пути одесситов упираются в море. Дальше начинается другая жизнь, другая компания, другая страна.

Холера в Одессе

Вам передают привет наши родственники, знакомые, знакомые наших знакомых, а это уже вся Одесса, из которой мы часто выезжаем и редко возвращаемся...

Как приятно после долгой поездки вернуться домой, войти в родной двор, увидеть родное АГВ, услышать родное КВН. И утром сквозь сон слышать голос соседки:

– Мадам Жванецкая, ваш Миша вернулся?..

– Да... Он еще спит.

– Я же говорила... Это все детство – он будет человеком... это все детство. Кстати, у меня есть девочка. Мне кажется, она ему подойдет.

– Я уже не знаю, кто ему подойдет.

– Она ему точно подойдет. Она любому подойдет. Только сначала мы должны туда подойти.

– Я уже не знаю, у него нет времени для личной жизни.

– У нее фигура. Я такой фигуры не видела. Таких фигур сейчас нет вообще! А умница!.. Пишет, пишет, все время что-то пишет. Что она пишет?.. Когда ни войдешь, она пишет... Папа профессор, мама профессор, брат профессор.

– Профессор или провизор?

– Провизор. Таких семей нет вообще.

Я уезжаю и возвращаюсь, а двор наш не меняется, только жители тихонько стареют. И соседу напротив все трудней подниматься на бельэтаж. И дворничихе, которая развешивает кучу белья каждое утро, труднее подпрыгивать, чтобы отщипывать его. И моей маме трудно уже ездить в аэропорт, и она встречает меня дома. А кого-то уже нет во дворе. Да и я, как бы далеко ни заезжал, вопреки всем законам Эйнштейна старею также. Мой двор, куда мы приехали сразу в 45-м, где мы знаем друг друга как муж и жена, где жаркими ночами лежим на своих верандах и переговариваемся, где утром выскакивает намыленный жилец второго этажа и кричит вниз:

– Даша, закройте воду: мне нечем смыть!

– А я что, по-вашему, я тоже в мыле. У меня дети в мыле... В общем, я крикну – вы откроете. Вы крикнете – я закрою.

Двор, где ничего нельзя удержать в секрете:

– Что вы несете, Гриша, в одеяле с женой? Что-то тяжелое, квадратное, похожее на телевизор?

– Телевизор.

– Если мне не изменяет зрение, вы недавно покупали один телевизор.

– Этот нам подарил сын.

– Какой сын, когда он вам подарил, что вы рассказываете, противно слушать?! Надежда Тимофеевна, что это у вас в руках такое круглое?

– Это левая краска, занесли во двор.

– Какая это краска?

– Я вам говорю, левая.

– Я понимаю, левая, но она же имеет цвет.

– Левое бордо.

– Что вы будете красить?

– Плинтуса и наличники.

– Я тоже хочу.

– Идите к Даше. Там уже сидит продавец.

Мой двор, жители которого с восьми утра учителя, врачи, канатчики, столяры, а в пять они снова – тетя Рита, дядя Коля, баба Даша.

– С приездом, Миша. Откуда?

– Из Ленинграда.

– Тянет в Одессу... Слушай, тут слух идет... Неужели это правда? Такой человек... Это правда?

– Это неправда.

– Я же говорю: такой человек. Конечно, это неправда... А что с командой КВН? Команда грустит?..

– Нет.

– Конечно нет. Грустить из-за Баку? Терять здоровье из-за Баку?! Таких Баку еще будет и будет, а Одесса требует жизни... Что ты смеёшься? Я не прав?

– Ты прав.

Из Одессы можно выезжать, можно уехать навсегда, но сюда нельзя не вернуться. Здесь, когда доходит до дела, все моряки, все рыбаки, все врачи и все больные... И когда была холера, в Одессе стало еще лучше.

Холера в Одессе. Курортники в панике покинули гостеприимный город. На крышах вагонов битком, купе забиты, а в городе стало тихо: холера в Одессе... В ресторане свободно: «Заходите, рекомендуем...» В магазинах от вашего появления начинается здоровая суeta. В трамвае вы могли уступить место женщине без опасения, что на него тут же ринется быстрый конкурент. Холера в Одессе!.. В городе стало так чисто, что можно было лежать на асфальте. На улицах появились растерянные такси с зелеными огоньками, чего не наблюдалось с 13-го года.

И стаканы в забегаловках вымыты, и трубы все исправлены, и туалетики в порядке, и личики у всех чистые, и мы моем ручки до еды и после еды, и кипятком, и чистим, и пьем тетрациклин, и взаимовежливы... Вся холера стоит той вежливости, которая появилась тогда в Одессе. А анализы, как они сближают...

Конечно, холеру быстро ликвидировали, но то хорошее, что принесла холера с собой, могло бы и остаться. То, что есть в людях, но проявляется в трудную минуту. Забота. Сплочение.

Мы – одесситы! Один коллектив, одна семья, одна компания! Мы живем в одном доме, и лозунг наших врачей – «чистые руки» – пусть будет перед глазами в прямом и переносном смысле. Чистые руки, чистая совесть, чистые глаза перед людьми... В общем, вам передают привет наши родственники, знакомые, знакомые наших знакомых, то есть вся Одесса, где нас девятьсот восемьдесят тысяч и девять человек в театре миниатюр, от имени которого говорим мы, от имени которых говорю я. И чтоб мы были все здоровы, и побыстрей, потому что летом нас будет девятьсот восемьдесят тысяч и, наверное, миллион приезжих, чтоб они были наконец здоровы и мы тоже, хотя нам это трудней. Они у нас отдыхают, а мы тут каждый день.

Но кто об этом говорит, когда речь идет о гостеприимстве, а в этом вопросе Одесса приближается к Грузии, удаляясь от Ирана... Мы приветствуем вас, желаем вам счастья, трудов, забот, побед и крепкого здоровья, тьфу, тьфу, тьфу!

Одесский пароход

– В чем дело, зд'явствуйте? Вы хотите войти, зд'явствуйте? Вы хотите ехать, зд'явствуйте?

– Да, да, не беспокойтесь, дайте взойти.

– Хой надо имени Пятницкого позвать, чтобы яди такого п'яздника именно... Можно т'ёнуться именно?

– Да, троньтесь быстро, у меня куча дел.

– Все, все, я капитан, я даю команду, чтоб вы знали. И-и-так! Во-пейвых, спокойно мне, всем стоять! И во-втоих, а ну-ка мне отдать концы, спокойно всем!

– Почему именно вам?

– Тихо! Ша! Чтоб мухи не было мне слышно!

– Вам слышно?

– Тихо! Отдать концы. Я говою именно тебе. Яша: отдать концы!

– Почему именно я?

– Мы идем в мое. Мы отходим от п'ичала.

– Какой отходим? Зачем весь этот маскаяд? Если мы п'ишли, давайте стоять. Мне это н'явится: то стой, то иди.

– Но мы же паяход.

– Паяход-паяход. Как минимум, надо сп'есить у людей.

– Яша, я п'ешу, п'екъяти п'ения.

– А! Эта культу'я, этот капитан.

– Яша, клянусь тебе женой Изи, что следующий ейс ты будешь наблюдать с беега.

– Мне уже ст'яшно. Я уже д'ёжу. Я такой паяход вижу каждый день. Это подвода вонючая. Чеез неделю после нашего отхода запах в пойту не вывет'ивается.

Капитан. Все. П'ения закончили, мы подымаем паюса, мы отходим от п'ичала. (В машину.) Внимание! Атход!

В машине двое:

– Ну что? Будем отходить?

– Кто сказал?

– Он так сказал.

– Что-то я не слышал.

– Я тебе говорю: он так сказал.

– Что-то я не слышал.

– Я тебе говорю: он так сказал.

– Я же был рядом.

– Ну?

– Почему же я не слышал?

– Может, ты отходил.

– Без тебя? Куда я отойду? Мы отойдем вместе.

По радио. В машине! А тепей се'езно! П'иготовиться к большому отходу.

– Так почему же я не слышал, что он сказал?

– А если он сказал мне.

– Только тебе?

– Допустим.

– Ты и отходи. А мы постоим.

– Ну, не балуйся. Я говорю: он сказал. И вообще, если...

По радио. Отдать концы. Отходим от п'ичала.

- Слышал? Отдавай.
- Почему именно я?
- А кто?
- Хочешь поговорить?
- Да.
- Выключи!

Радио. Отдать концы. Я сказал: отходим от п'ичала. Эй, в машине, еб'ятки. Это се'ёзный язговой!

- Выключи, я сказал.

Радио. Отдать... (*щелчок*).

- Так что именно он тебе сказал? Я хочу слышать.
- Ты же слышал.

– Может, я хочу именно от тебя слышать. Может, я хочу знать, с кем имею дело. (*Щелчок*.)

Радио. ...Концы! Что такое? Мы отходим или нет? Что случилось? Почему стоим? Я сейчас такое уст'ёю, вам будет мало места на паяходе. Изя! Ёма! Немедленно! Тут же! Хотя... (*Щелчок*.) А ну... (*щелчок*)... подожди (*щелчок*)... Стой (*щелчок*)... Немедленно! Я кому сказал... (*щелчок*). А я кому... нет! А я...

Я тебе уст'ёю (*щелчок*)... Нет! Стой!.. Тс-с... ядио... тс-с (*щелчок*). Ох, я тебе уст'ёю «никогда»... Тс-с (*щелчок*)... Ты меня?.. Таких штуйманов... Ты когда-нибудь п'екладывал куйс?! Я тебе уст'ёю немедленно, отходим, невзяя на паюсник.

Кто? Ой-ой (*щелчок*)... Так, внимание. Полный... вп'ёчем... нет... те... лучше... Стоп!.. Хотя... Тс-с (*щелчок*)... Стоп!.. Это я сомневаюсь? Стоп! Тс... полный стоп! Самый полный стоп! Всё, п'екъяти связь. Я тебе уст'ёю «я на него положил». Я тебе уст'ёю «в г'ёбу я видел этот п'ичал». Я тебе уст'ёю «всю команду в белых тапочках». Ты у меня голый и босый будешь стучать в бойт. И мы тебе из иллюминатора такое покажем... Всё, отходим. Он дал даёгу... Хотя... Нет-нет. А-а, да-да... полный... нет... нет... Тс-с. Стоп! Я сказал – стоп! Откуда эта подвижность? Почему мы идем? Изя, Ёма! Куда мы идем? Где куйс? Где лочия? Я не вижу ствои... Стоп! Стоп! Полный назад! Ах, вы ешили вп'ёд. Что вам там видно в машине?! Ну давай, давай вп'ёд, хотя я сказал: назад, и вы увидите, как я был п'яв. Я Изе уст'ёю. Он голый и босый будет стучать в бойт.

Голос. Капитан?

- Что такое?
- Изя передал...
- Не хочу слушать.
- Там прямо по носу.
- Не хочу слушать. Я его видел в г'ёбу. Я с ним не язговаиваю.
- Он все-таки сказал, что, если мы не возьмем левей буквально два-три градуса, мы сядем...

– Пеедай этому подонку...

– Все! Мое дело сказать, и я сказал. Хотите – верьте, хотите – нет. Сидите на мели, не сидите на мели. У нас в машине куча дел и без вас. Я уже два часа пробую получить с Ромы мои пятнадцать рублей. Идите пробуйте вы. И еще, он передал, если вы немедленно не отвернете, вы врежетесь... во что он сказал... в общем, тут есть один остров.

– Пеедай ему вместе с его ос'ёвом... (*удар*). Удай! А! Такой паяход. Нам его дали п'ёвеить, какой он мойк – этот паяход. Я думаю, мы это сделали. Эммануил!

– Да.

– Ядиюй в по'йт: песней сидим на месте в ста сояка мет'ях от п'ичала, отнялся задний ход. Штуйман Г'ойсман списан на беег, куда он сойдет, как только мы подойдем. Стайший штуйман Бенимович еще на беегу уже.

– Это я, ставший штурман Бенимович. Я случайно выскочил. Ну вы понимаете, мне надо было за бовт. Ну надо было! Ну бывает! Ну это жизнь. Смотрю, мы отходим, мы идем, а я стою. А кавты у меня, ну это жизнь, ну надо было. Я дал отмашку сначала кововым, потом носовым платком. Пвиступил к сигнальным огням, сжег всю кововку, мол, стоп, мол, мол, я на бебегу, ну мне надо было. Ну это же жизнь. Так эти пвидувки вазвили такой ход, какой они выжали из этой пвипадочной машины. Тогда я снял штаны и показал им все, на что способен, и они сели под гвом аплодисментов. Без специалиста не выпайся... Эй, на... «Азохенвее»! Это я, Бенимович, это я квичу и издеваюсь над вами – будем вызывать спасатель? А? Там, где Гвойсману с головой, новмальному штурману по... Капитан, это я, Бенимович, квичу и издеваюсь. Как вода? Эй, в машине, пустите машины вваздвай.

Эй, в машине!

В машине. Что в машине? Я всю жизнь в машине. Я никогда не знаю, куда мы идем. У меня такое впечатление, что на мостике все курвы. Хорошо. Они наверху. Они командуют. Я выполню любой приказ мгновенно, но пусть они мне сначала докажут. Ты, командир, докажи, что ты умней, и все, и мы уже идем.

Капитан. Ничего. Вначале они мне поломали, тепей я им все пееломал. Вот вы пассажир, вы скажите – это экипаж? Нет, я интеекуюсь, это экипаж? Это головоезы. Они все едут в язные стоёны.

Пассажир. Всё! Я пассажир. Вы это знаете, и я это не скгываю. Это не пагаход. Это не кгуиз. Из кухни нет выхода пгодукции. Они обгазовали замкнутый цикл и всё глотают без выхода блюд. Все спгашивают, что я ищу. Когда я сел сюда, я искал покоя. Но я уже не ищу покоя – я ищу кингстон. Я хочу видеть шеф-повага, заполненного водой по гоглышко, и надавить на его дикий живот. Вместо чувства отдыха, вместо чувства кгасоты, вместо чувства могского путешествия я испытываю чувство голода. У меня должны быть свои удовольствия, и я их получу. В машине я договорился за четыгнадцать гублей – они подвезут нас пгямо к дому, чтоб не искать такси. Ночью был дикий ггохот. Они сказали, что один дизель сошел с фундамента, но это их не беспокоит, и кто-то у нас уггал винт на стоянке. Поэтому нас заносит, но они сказали, что уже сами уггали винт у кгейсега, но очень большой, и нас опять заносит. Но все это мелочи. Главное, что мы не можем отойти, вот что меня беспокоит. Полкгуиза пгошло, а мы не отошли: они все вгемя пгинимают пгодукты. Тут такая скука, что я изменил любовнице с женой.

Капитан. Эй, на камбузе, вы уже п'иняли п'едовольствие?

Из кухни (*чавкая и напевая*). Эх тоцем, перевертоцем, румба-тумба буду я... Это хто, хто это?

Капитан. Это я, Юхман.

Камбуз. Хто-хто? Хто это?

Капитан. Капитан говоит. Вы п'иняли снабжение?

Камбуз. Это хто?

Капитан. Капитан.

Камбуз. Какой капитан?

Капитан. Ваш ёдной капитан. Вы п'иняли п'едукты?

Камбуз (*неразборчиво*). Какие продукты? Что он хочет? Кто такой? (*Повесили трубку.*)

Капитан. Эй, на камбузе! Это капитан говоит. Вы уже п'иняли п'едукты или нет?

Камбуз. Это хто, хто это?

Капитан. Капитан Юхман говоит. Вы п'иняли п'едовольствие?

Камбуз. Ну?

Капитан. Вы п'иняли п'едукты? На камбузе... или я сейчас вспылю так, что сод'егнется пяход...

Камбуз. Оць таць-оцо-тоць. Какие продукты? Кто это говорит?... Продукты? Приняли? Ничего не понимаю... возьми ты трубку... кто-то балуется.

Камбуз. Это кто, кто это?

Капитан. Капитан! Все! П'егоняю. Последний день. Плюю. Язгоняю.

Камбуз. Кто это? Это кто?

Капитан. Всё! Позледний яз! К чейтям! На вокзал, по домам. П'еклятие.

Камбуз. Нет еще. Не приняли... А кого вам надо?.. Кто это говорит?

Капитан. Это я, капитан Юхман, сказал, и я сдейжу. Весь камбуз на беег.

Камбуз. Ой, не морочьте голову. Мы делаем фаршированную рыбу, и нечего сюда звонить.

Капитан. Вы слышали: вчeya от'явилось шесть человек. Понос, йвота, к'ёвоизлияние.

Камбуз. Это не к нам. Это в медпункт.

Капитан. Медпункт. Капитан говоит.

Медпункт. Не пугайте.

Капитан. Я не пугаю, я начинаю язговой.

Медпункт. Вот это двугой тон. А то вы так с угвозой, мол, я капитан, а вы девьмо. А у меня тоже и обвазование, и квавтива, и можете поискать такого специалиста за эти деньги. Так что спокойнее, вавнодушнее, если хотите жить. Как это всё мне надоело, Господи.

Капитан. Я спокоен. Я...

Медпункт. Еще спокойнее.

Капитан. Я спокоен.

Медпункт. Нет, еще... Без неввов.

Капитан. Я хотел сп'ёсить.

Медпункт. В таком состоянии на спвашивают. Еще спокойнее.

Капитан (*орет*). Я спокоен! Но я явлюсь к вам в изолятой на носилках и пеебью все п'ибои и самый большой шп'иц я вам вставлю, куда вы не подозреваете, и в стееизатое я буду кипятить то, о чем вы не догадываетесь. Ваш личный п'ибой я буду кипятить до тех пой, пока вы мне шепотом, шепотом не скажете, кто здесь капитан.

Медпункт. Я подчиняюсь водздвавтоделу.

Капитан. Я пееб'ёшусь на зд'явотдел. Какой у вас п'ёфиль?

Медпункт. Я экствасенс. Я всё делаю на васстоянии. Мне достаточно пвойтись по вашей фотогвафии.

Капитан. Это я п'ёйдусь по вашей фотог'яфии. Я отшибу у вас то, чем вы лечите.

Медпункт. Вы плохо пведставляете. Я лечу эневгией. Даже по телефону. Сейчас я сниму с вас это напвяжение.

Капитан. Давай-давай, мейзавец, снимай быст'ей. А то я выйву штуйвал и пееломаю тебе еб'я. Я и с'еди хулиганов был капитаном: готовься, куиный пот'ёшок.

Медпункт. Нет, нет, не отходите от телефона. Я пвиступил. Повтовяйте за мной: «Я здо-вов. У меня теплые ноги» и снимайте вукой с позвоночника.

Капитан. Все. Снял. У меня теплые ноги. Сиди в изолятое. Я иду к тебе, экст'ясенс. От'явленные у тебя?

Медпункт. Вас интевесует завтвак, обед или ужин?

Капитан. Капитанский банкет. Кто снимал п'ёбу? Что это за ёмштекс, котоый здоёвяк евизой не смог пееваить? Я уже не говою язжевать? Паяходский тамада после пейвого тоста отказался выходить из гальяна. Он не успел отстегнуть микьяфон, и мы на весь банкет т'янсли-ёвали эти к'ики. Я т'ёбую п'ётокола санэпидстанции, санкции п'ёкуёя. Алло!

Медпункт. Теперь легкими движениями вук воквуг головы снимайте излучение вниз по иквам.

Капитан. Сейчас я тебе, хиюйг, дам. Я соединю камбуз с изолятоем, ты у меня будешь толочь пеец, а повай Бухбиндей излучать энейгию. Все, клади т'юбку, хиюйг, это твой последний язговой по телефону. Ты меня достал. Я найду юского капитана, он тебе даст от'явления и излучения. Все. Б'есай т'юбку. Кто в юбке? Вахтенный, кто в юбке?

Вахтенный. Ваша буфетчица. Не знаю, что вы в ней нашли. Она о вас уже два раза нехорошо говорила. Она так часто нехорошо говорит, что, видимо, и думает нехорошо. Я не понимаю: если вы можете доставить женщине, доставьте. Не можете доставить – отправьте ее... я знаю, на учебу, я знаю, на курсы, на танцы, я знаю... куда отправляют женщин, которые не получили удовольствия.

Буфетчица. Не чипайте женщину. Я сойду с этого судна последней. Я увесь этот гадюшник перекантую без всякой учебы. Я как садану его любимой ногой, прошибу усе борта. Кто ему будет делать те бифштексы?

Капитан. Ой-ой! Чеез эти бифштексы можно читать. А если вы женщина...

Буфетчица. Я-то женщина, я-то женщина, а вот ты...

Капитан. Тихо! Ша! Где лочия, где накладные? Я хочу п'евеить ясход гоючего.

Буфетчица. Я те проверу. Ты у меня поскачешь. Ты шо забыл, как весь день в бинокль смотрел, так я тебе еще раз все глаза подобью. Будешь у меня с биноклем и на костылях, мореход задрипанный. Кто меня надчет загса два года... «Только паспорт получу. Она меня не понимает. Ты меня понимаешь». Что там понимать?

Капитан. Тихо, Дуся! Дуся, ша! Цаим, цаяйам. Товаиц буфетчица...

Буфетчица. Шо ты сказал?!

Капитан. Дуся, ша! Ду... ша... Тихо, Евдокия Ивановна, не мешайте уп'являть судном.

Буфетчица. Кто ж тебе, козел нечесаный, ванночки греть будет, чтоб тебе парить. Кто ж тебе слушать будет, шо ты несешь...

Капитан. Все! Ша! Дуся! Ша! Все! Цаям, тай-там. Почему вся команда здесь? Здесь что – цийк? Язойтись к чейтям. Пусть мне зак'еют визу, посылай, Дуся, отп'являй.

Буфетчица. Что?

Капитан. А вот ту анонимку, что ты два месяца носишь. Иди уже, опусти уже.

Буфетчица. А то я первая буду! Еще французы пели: не чипайте женщину, – и не чипайте!

Из машины. Капитан.

Капитан. Ну?

Из машины. Не нукайте мне. Они для дизеля выписали девяносто третий бензин и раз'ехались. А мы с Изей решили поставить пароход в док.

Капитан. А меня вы ешили не сп'яшивать?

Из машины. Почему? Вот я вас спрашиваю.

Капитан. Так я воз'яжаю категоически!

Из машины. И я вас понимаю. Если б вы не были так заняты, вы бы увидели, что мы уже двое суток стоим на ремонте.

Капитан. Но я не вижу никаких изменений.

Из машины. Это уже другой разговор: в другом месте, с другими людьми и с другим тоном... А со мной вы с таким тоном разговариваете, как будто я виноват, что я что-то сообщаю. Ремонт – это не действие. Это состояние. Вы вошли в ремонт, это не значит, что кто-то что-то начал. Вы вышли из ремонта, это не значит, что кто-то что-то сделал. Ремонт вообще невозможно закончить, его можно только прекратить.

Вы поняли меня? Ремонт!

Играет румынская музыка

Играет румынская легкая, очень легкая, мелкая, легкая музыка.
На работе страшно на него накричали. Дома ужасно на него накричали.
По дороге домой просто жутко на него накричали.
Где только на него не кричали.
Он был слабый человек.
А день был роскошный, весенний.
Он был слабый человек. Небо стало серым и подуло свежестью.
Он был слабый человек.
Он не знал, что делать. Он искал тех, кто ему советовал срочно изменить образ жизни,
но их уже не было...
Пробежал куда-то мужчина с обрывком веревки на шее.
Видимо, только оборвал и бежал безо всякого маршрута...
Не то чтобы куда-то, а просто откуда-то.
Он искал тех, кто требовал, чтобы он решился. Ну, он решился...
Он был слабый человек...
Тут что-то надо было решать...
И, еще хуже, что-то надо было делать. А решать он не умел.
Он трогал свою веревку.
Он любил ее натягивать и трогать.
Она басовито гудела.
Он даже научился себе аккомпанировать.
И пел, пел южными ночами о своем внутреннем мире.
И песни эти становились все уверенней...

Диалог с зеркалом

Загадка ты для меня... Чего ты хочешь от этой жизни?.. Не прячь глаз! Подыми!.. Телевизор поломался, телефона нет, соседи на даче, холодильник съеден. Что ты можешь предложить?.. А?.. Смотри в глаза!

Читать нечего, писать не о чем, пить бросил, к женщинам остыл... Ха-ха... Ну?!. Что будем делать?.. Задумался... Ленинград не радует, Москва утомляет, Одесса не веселит... Куда податься?.. Видишь, засомневался... Со мной всегда... Со мной не только засомневался – заколеблешься... Деньги где?!. Ну ладно, об этом потом... Борща нет, суп надоед, уху не из чего... Чувствуешь запах... Пессимизмом пахнет... Что предпримем, куда пойдем?.. Смотри в глаза... В кино – старье, в театр – дорого, газеты не выписаны, мусор не выброшен, в ресторане был! Стоп! Все!

Что предложишь? Куда предложишь?.. В чем предложишь?! Штаны залиты, юбку не ношу, носки кончились... Смотреть в глаза! Вот ты и затосковал... Как я тебя уел!.. Апрель кончился, май не начался, солнца нет, тучи вертятся, луны не было. То есть в пальто жарко, в куртке холодно, плаща нет, в ресторане был! Все! Молчу... Что посоветуешь?.. Теперь морально: себя слушать противно, ее – тоскливо, его – неинтересно... Я тебе скажу, чем это пахнет... Что? Брось зеркало. Брось!.. Не бросай: несчастье будет... Там восемь человек было. Как ты полез расплачиваться?.. Откуда у тебя такая глупая рожа: папа умный, мама практичная, бабка радостная, деда нет... Где деньги?.. Где банкноты, которые нам государство дало на расход?.. Как ты со своей хитрой рожей собираешься держаться до двадцатого?.. Вскипяти воду... Размочишь вчерашнюю корку и сделаешь из нее гренку... Пошел! Пошел! Деньги кончились, пива нет, вода не идет, газ отключили... Пошел! Пошел! Ой, юмор, не могу... Иди, иди... От товарищей оторвался, к женщинам не пристал, к чему пришел... У чего сидишь?.. Ковыляй, ковыляй... Ни умница, ни дурак, ни пьяница, ни трезвенник, ни верующий, ни атеист, ни спортсмен, ни публицист... Ты кто?.. Чего ждешь! Чем кончишь... Ох, ты странный... Мне уже с тобой неинтересно... Кстати, хочешь в летнюю школу истребителем?.. Почему?.. А может, и не собьют... А ты вылетай пораньше... А ты этих не бомби. Бомби тех, у кого их нет. Ну ладно... Жалко? Вообще не бомби...

Я стоматолог

Ну характер у меня такой. Мне не нужен камень, но все брали, и я взял. С финского кладбища... Дома финские каменные разломали и из этих камней свои хибары построили, а с могил гранит в фундамент. Ну, скульптор из оставшихся шести пятый взял. И шофер на всякий случай в Москву шестой взял. В запас. На смерть мамыши. Он так ее и предупредил, когда в сарай втаскивал: «Это для тебя!»

Такой есть характер... Мне не нужен этот гранит, но этот хмырь взял. Я, говорит, скульптор... Ну и я скульптор... Кто-то гипс тащит... «Я стоматолог! Я стоматолог!..» Ты стоматолог, ну и я стоматолог... Мешок гипсу, хотя он мне на фиг не нужен. Ну только, если уж очень большая драка будет... Потом эти, семена... Я его привез. «Я цветовод, я цветовод!..» Ну и я цветовод... Мы их потом жарить пробовали – гадость.

А чего? Я вожу по селам, по складам. Иконами там торгуют. «Я искусствовед, я искусствовед...» Ну и я искусствовед... Красок набрал. Ты художник, и я художник. Что я, хуже тебя?

Японские шарикоподшипники в парафиновой бумаге. Ну такие симпатичные в парафиновой бумаге. Ну прямо хоть облизывай, но пятьсот штук, и все одинаковые. Куда их? На забор? На грузила? Кровать на них толкать?

Блоки какие-то для памяти. Этот кричал: «Я программист, я программист». Ты программист, и я программист. Точно такой же блок выпросил. Ничего, пусть лежит. Для памяти. Оттуда три катушки провода смотал. Штaketник шесть раз перевязал для памяти. Шприцы брали. «Я медсестра, я медсестра». Ну а я чем хуже. Я тоже медсестра. Набрал полбагажника. И эти, шланги от капельниц. Пару километров. Я вино через них пропускаю. Водяной затвор из них у меня. Стекла очковые. «Я оптик, я оптик». Ну и я оптик. Я на него посмотрел, чем я не оптик. Теперь у меня этих линз – хоть коту вставляй.

Этого привез в магазин. «Я артист, я артист». Ну и я, конечно, хотя непрерывно рассказывать не могу – болею... Одного подвез к складу аптечному. Что-то очень ценное, а навывнос не дают. Он желудочник. Ну и я желудочник... И флакон заглотил... Так что непрерывно рассказывать не могу. Попеременно насморк, слезы, кашель и понос. Каждые десять минут по одному... А аппетита нет... То есть тело меня покидает... Линяю как бы... Если антифлакон не достану... слиняю совсем... И никто не знает, что я заглотнул... Сейчас для спасения все подряд глотаю. Кашель заглушу, насморк выступит. Насморк подавлю, понос проступает. Понос заглушу, общая подавленность. Беда!.. А паркет для парников везти надо... Он паркетчик, и я паркетчик... А тут с одним командиром права на управление пулеметом выбили... Он пулеметчик, ну и я, конечно. Теперь укрепление под него строить надо... Ничего, пусть стоит. Если кто полезет. Лишь бы меня в этот момент организм не подвел.

Искрим, ребята

Да... мы бегаем, а жизнь идет столбом! Ну, ребята!.. Нервные все стали!.. Расстроенные! Накаленные!.. В одном учреждении был... Люди вокруг. Те, кому есть что делать, стоят, ждут. Те, кому нечего делать, бегают. А в воздухе такое носится... Дотронулся до одного сумеречного малого – вот такая искра! Наэлектризованный стоит – сил нет. А другой бегаёт с бумагами и мелко-мелко искрит, как провод голый.

– Чего, – говорю, – вы такие заряжённые?

– А у нас такая сцепифика!

Да-а, вот дела! Вот заботы! Раньше я думал: чего-то нам не хватает, теперь думаю: что-то лишнее в людях появилось. Человек об человека – и вот такой куршлюз! Кто-то кому-то на ногу наступил – столб огня!

– Чего она орет в трамвае? Руку прищемило дверью?.. Ну цела рука, и не ори! Руки-ноги есть, и не верещи! Прищемило ей... Накаленный народ, нервный. Дети насакивают на родителей, начальники – на подчиненных, подчиненные – на своих родственников, родственники кошек пинают.

Я сам никогда не искрил. Спокойным таким рос... Был холостым себе. Зарабатывал сто семьдесят, мне хватало... Она была холостой, зарабатывала сто тридцать, ей хватало... Тут нас угораздило: решили мы свои зарплаты соединить. Сто семьдесят плюс сто тридцать – триста. Не хватает. Возвращаемся к началу. У меня сто семьдесят – хватает. У нее сто тридцать – хватает. Соединяем – не хватает. Вот такой экономэффект. А вы говорите, от перемены мест сумма не меняется...

Тут и первое электричество появляется – первые сто десять вольт. А потом начинаешь жилье улучшать, кредит оформлять, напряжение повышается. А потом на прием пошел, а кто-то впереди тебя все время. Все время кто-то умнее. Стоишь, стенку подпираешь. Он прониживает. Уже можешь сваривать тонкие листы металла.

А заряды имеют свойство накапливаться... А деваться им некуда. Если тот, на которого ваш заряд направлен, заизолирован, значит, вы разряжаетесь в окружающее пространство, в незаизолированных трудящихся, которые трясутся с вами в одном вагоне, или, еще хуже, в трудящуюся, которая живет вместе с вами под одним потолком... А она накопленное электричество распространяет во дворе... А ночью весь дом содрогается от крика. Это у кого-то накопленное за день электричество выходит.

Вот так и получается, что мы с вами друг друга заряжаем, а потом друг в друга разряжаемся. Потому что ничего в природе не исчезает и не появляется, все переходит из одного вида в другой такой же. О чем нам неустанно напоминают независимые друг от друга Ломоносов и Лавуазье.

Только не надо друг в друга. Давайте заземляться. Она для того существует, земля – мать наша. Она нас родила, она все обратно примет.

Семидесятые

...В 1958 году «Парнас-2» был представлен А. Райкину в Ленинграде. Актеры все сели в зал, а мы после их спектакля вышли на еще горячую сцену... Начался ленинградский период вначале Р. Карцева, затем – В. Ильченко и в 1964 году – мой.

Три года без копейки и квартиры с одними надеждами и, как рассказывала моя теща во дворе, – с одними автографами. Жена ушла от меня правильно. Театр Райкина не платил три года. Они, оказывается, перерасходовали средства, да и необязательно покупать у того, кто сам приносит и ликует от похвал.

Р. Карцев одалживал по десятке, залезая под кровать и копаясь в чемодане, мама посылала в письмах по три рубля. Я ходил пешком на Васильевский в столовую при Кунсткамере (там обед стоил 50 коп.) и наконец рухнул, не смог. Сказал А. И. Р., что я уезжаю, и, главное, его жене, что и сыграло свою роль: первые 500 рублей и первый спектакль «Светофор» в 1967-м, и с тех пор я профессионал, могу заработать. С 1969 года я живу в Ленинграде и пишу, пишу, пишу и, к сожалению, читаю это вслух на всяких вечерах, то есть читаю то, что не берет театр, но все-таки этого делать не следовало. Меня, целуя и обнимая, увольняют. Я пытался спиться, но довольно неумело...

Какое-то напутствие из 70-х

Для А. Райкина

– Товарищи! Мы все собрались сегодня, чтобы почтить игроков в футбол, выбывающих за рубеж.

Товарищи игроки! Народ вам доверил игру в футбол. Почему народ не доверил игру в футбол врачам или писателям? Потому что интеллигенция такого доверия не выдерживает – у нее пенсне падает. Дай писателю мяч, он его сразу пошлет не туда. У нас уже были такие случаи, поэтому народ это дело доверяет вам.

Народ вас одевает, обувает, кормит, поит, стрижет. Вам остаются пустяки – выиграть все игры. Золотая богомать должна быть наша. Нам нужна победа. Ничья нам не нужна. Я уже не говорю о поражении, которое мы не потерпим.

Запомните памятку игрока, выбывающего за рубеж. Прежде всего – ничего, никто, нигде, ни о чем. Ни пипсни! Это спорт, это игра. Здесь главное – престиж и тайна! До последнего момента мы не должны знать, кто поедет. Те, кто выехал, пусть думают, что они остались, а те, кто остался, пусть думают, что хотят. Из тех, которые все-таки выехали, никто не должен знать, кто выйдет на поле. Из тех, кто выйдет, никто не должен знать, кто будет играть. Из тех, кто будет играть, никто не должен знать, с кем будет играть. Кое-кто говорит, что команда будет несыгранна. Пусть противник, как огня, боится нашей несыгранной команды. Пусть и в слабом виде – наша команда будет пугалом для всех остальных.

Игроку, выбывающему за рубеж, ясно, что он должен победить, но неясно, как это сделать. Для этого, перед тем как дать пас, сядь, подумай, кому ты даешь мяч. В чьи руки пойдет народное добро? Куда он смотрит? Какие у него взгляды? Готов ли он к твоему мячу? Перед тем как ударить по воротам, сядь, подумай, а вдруг – мимо. Что скажут твои товарищи из вышестоящих организаций? Какой вой подымет белоэмигрантское охвостье. Подумай об ответственности и лучше отдай мяч назад. Там старшие товарищи, они разберутся. И помни: если народ поставил тебя левым крайним, люби свой край! Береги свой край! Наш край врагу не отдадим!

Кое-кто злопыхательствует про недостатки техники и материальной базы. Правильно говорят злопыхатели, есть недостаток – нет базы, а мы восполним все это дружбой, напором и душевно-духовными качествами.

Мы получили приветственные телеграммы от наших славных тружеников. Разрешите за честь:

«Мы, работники рыболовного колхоза имени Залпов Авроры, в честь чемпионата мира обязуемся переловить всю рыбу, оставшуюся в Каховском море. Подпись: колхозные рыболовы».

В заключение скажу от себя: возвращайтесь с победой, если вы любите своего тренера. В крайнем случае он один ответит за все! Спасибо за внимание!

Слово берет особоуполномоченный врач-психолог:

– Победить! Вашу... Во что бы то ни стало – победить! Наши мальчишки! Наши ребята! Вперед! Каждый незабитый мяч – это вода на мельницу врага. Товарищи! Ребята! Мальчишки! Если вы не выиграете, каждый день будут собрания с докладами по два часа. Победить! У тебя мама есть? А ты подумал о том, что скажут маме вышестоящие организации? Все смотрят на вас по телевизору. Проиграть мы имеем возможность, но не имеем права! Если проиграем – все кончено! Лучше не возвращайтесь! То есть возвращайтесь, но не появляйтесь! Для встречи выделена команда боксеров!

Я говорю, товарищи, спорт – это есть спорт: один раз можно и выиграть, а можно выиграть и не раз. Все золото должно быть наше, и серебро, и бронза! Товарищи! Ребята! Мальчики! Вы же любите своего тренера, вы же не хотите, чтобы он один ответил за все!

Ой! Зачем столько нервов тратить? Посмотрите, кто наши соперники. Италия. Что, мы их боимся? Кто боится Италию, встаньте! Никто не боится.

Чили. Ну что такое Чили-чили-чили? Чили! Ой! Мы же их переиграем в первые десять минут. Мы ж им навяжем такой самашедший темп, что они удерут со стадиона, лягут ниц. Мы ж по ним будем носиться туда-сюда и забивать. Через пятнадцать минут уйдем.

Корея – это ж наши друзья! Что, они не поймут? Португалия. Эйсебио... Ой, кто он такой? Ой, то ж пацан. Мы его в клещи возьмем, и он до конца своих дней оттуда не выберется. Он же не видел наших клещей! Швейцария... Что это за страна? Она ж меньше Могилева. Какая ж у них команда? На нее крикнешь, и она умрет. И ходить не надо на игру. Двух ребят поздоровей, чтоб покрикивали, и все.

Перехожу к главному ореху – Бразилия. Команда ничего. Там кое-кто может нам исказить картину. Но у всех один дефект – не приспособленные к Англии. У них жара, а у нас в Англии туман. Мы им навяжем самашедшую скорость с силовой борьбой в тумане. Туман надо обязательно использовать. Начать игру так, чтобы они даже не видели, когда мы на поле выбежим. А потом перебегать, мелькать в тумане. Пусть они нас ищут. Может, и не найдут. А к концу игры мы из тумана повыскакуем и навяжем им силовую борьбу с самашедшей скоростью. Тут они и побегут и за явным преимуществом прекратят сопротивление!

Болельщик. Я маленький человек. Я телеболельщик. У меня душа в теле. У меня маленькая просьба о маленьком одолжении: мы, болельщики, хотим смотреть по телевизору побольше матчей. Если вы вылетите в самом начале, телевидение потеряет к ним и к нам интерес, и мы ничего не увидим. Кому интересно смотреть пьесу, где героя убивают в первом акте. Ребята, держитесь до последнего. Чепляйтесь зубами. Мы хотим видеть все матчи.

Грузин. За грузинский футбол я спокоен. Нам слава не нужна. У нас есть Слава – Метревели, есть Миша Месхи, Хурцилава. ФИФА боялась чемпионат в Тбилиси проводить. ФИФА решила – в Лондоне. А в Тбилиси мы бы им классный футбол показали – у нас как раз на будущий год взлет намечается. А вот что скажу ниже. Я понятно говорю – ниже? Я не буду нагибаться, я просто скажу ниже. Если проиграете – ничего страшного – будет совещание ФИФЫ. И вынесут постановление считать вас чемпионами. У нас как в этом году договорились: семнадцать команд, из них три вылетало. Боролись, боролись, убивали друг друга, травмировали. Зачем? Чемпионат кончали, было совещание, и все хорошо. Семнадцать команд было, три выскочили, осталось девятнадцать.

Главное в спорте – это не борьба. Главное – совещание. Мы желаем нашим футболистам успехов в Англии. Мы будем болеть за них. Ни пуха ни пера!

* * *

– Дети, дети, поближе. Старшие внизу, не заслоняйте собой младших. Родители на стульях. Мамаша, возьмите на руки маленького, чуть в сторонку, чтоб не заслонял... Вот так... Сзади плотнее, пожалуйста. Сейчас, сейчас... Минутку. Кто спешит... Все успеют... Вот вы очень высокий... Пропустите вперед девушку... А вы почему не хотите... Ближе. Плотнее. Улыбайтесь... Вы, вы. Не надо грустить. Пусть вы останетесь веселым... Вот-вот... Хорошо. Все улыбаются. Внимание. Пли!!!

* * *

Ум и талант не всегда встречаются. А когда встречаются, появляется гений, которого хочется не только читать, но и спросить о чем-то.

* * *

Самое вкусное вредно.
Самое приятное аморально.
Самое острое незаконно.
Отсюда такая задумчивость в глазах каждого сидящего на собрании.

* * *

Хорошенькую женщину надо поддержать на морозе, подождать, пока она чуть присыпется снегом, потом ввести в помещение и быстро целовать, пока она не оттаяла.
Они очень вкусны со снежком до своих сорока и до ваших пятидесяти.

* * *

Он так упорно думал о куске колбасы, что вокруг него собрались собаки.

* * *

Ты женщина. Ты должна: раз – лежать! И два – тихо!

* * *

Когда мы добьемся, что руководитель, специалист, интеллигент будет один и тот же человек, мы постараемся, чтоб он нам сказал: «Спасибо, ребята!»

Леониду Осиповичу Утесову

*Мы живем в такое время, когда авангард искусства располагается
сзади.*

Прохожий

Нет, что-то есть в этой почве. Нет, что-то есть в этих прямых улицах, бегущих к морю, в этом голубом небе, в этой зелени акаций и платанов, в этих теплых вечерах, в этих двух усыпанных огнями многоэтажных домах, один из которых медленно отделяется от другого и пропадает. Нет, что-то есть в этих людях, которые так ярко говорят, заимствуя из разных языков самое главное.

– Я хожу по Одессе, я ничего не вижу интересного.

– Вы и не увидите, надо слышать. И перестаньте ходить. Езжайте в Аркадию стареньким пятеньким трамваем, садитесь на скамейку, закройте глаза... Шшш, – вода накатывается на берег, – ш-ш-ш...

– Внимание! Катер «Бендиченко» отходит на десятую станцию Фонтана...

– «Это очень, очень хорошо...»

– «Ах, лето...»

– Потерялся мальчик пяти-шести лет, зовут Славик. Мальчик находится в радиоузле. Ненормальную мамашу просят подойти откуда угодно.

– Граждане отдыхающие! Пресекайте баловство на воде! Вчера утонула гражданка Кудряшова, и только самозабвенными действиями ее удалось спасти.

– Ой, я видела эту сцену. Они все делали, но не с той стороны. А, это искусственное дыхание не с той стороны... Она хохотала как ненормальная.

– Скажите, в честь чего сегодня помидоры не рубль, а полтора? В честь чего?

– В честь нашей встречи, мадам.

– Остановись, Леня! Что делает эта бабка?

– Она думает, что она перебегает дорогу. Я не буду тормозить.

– У вас есть разбавитель?

– Нету.

– В бутылках.

– Нету.

– В плоских бутылках...

– Нету.

– У вас же был всегда!

– Нету, я сказала!

– Не надо кричать. Вы могли отделаться улыбкой.

– Что ты знаешь! Я не могу с ним ходить по магазинам, он им подсказывает ответ. «Скажите, пива нет?» Они говорят: «Нет». – «А рыбы нет?» Они говорят: «Нет». Тридцать лет я с ним мучаюсь. Он газету не может купить. Он говорит: «Газет нет?» Они говорят: «Нет».

– Алло, простите, утром от вас ушел мужчина... Ну не стесняйтесь, мне другое надо узнать. Каким он был, вы не вспомните? Кольцо, сустав, очки, брюки серые потрепанные... А, значит, это все-таки был я! Извините.

– Что ты знаешь! У него печень, почки, селезенка... Весь этот ливер он лечит уже шестой год.

– А вы где?

– Я в санатории.

– А нас вчера возили в оперный.

– Внимание! Катер «Маршал Катуков» через десять минут...

– «Если б жизнь твою коровью исковеркали любовью...»

Откройте глаза. 24 марта. Никого. Пустынный пляж. Ветер свободно носится в голых ветвях. Прямые углы новых районов, параллельно, перпендикулярно. Приезжие зябнут в плащах.

– Скажите, где можно увидеть старую Одессу?

– На кладбище.

– Неверно, старого кладбища уже тоже пока нет. Есть сквер, молодые деревья на месте старых могил о чем-то символически молчат. Так и живем, не зная, кто от кого произошел, определяя на глаз национальность, сразу думая о нем худшее, вместо того чтобы покопаться...

Вдали трубы заводов, новые районы, по которым сегодня этот город можно отличить от других. Дети из скрипок ушли в фигурное катание, чтоб хоть раз мелькнуть по телевидению. Новый порт, аммиачный завод, ВАЗ-2101, 02, 03...

Но закройте глаза... Проступают, отделяются от старых стен, выходят из дикого винограда, из трещин в асфальте и слышны, слышны, слышны...

– Вы же знаете, у него есть счетная машинка, он теперь все подсчитывает. Услышал об урожае, пошевелил губами, достал машинку и что-то подсчитал. То ли разделил урожай на население минус скот, то ли помножил свои дни на количество съедаемого хлеба и сумму подставил под урожай в качестве знаменателя. У него есть счетная машинка, он все время считает, он как бы участвует в управлении страной. Он прикинул количество чугуна на каждую нашу душу. А бюджеты, расходы, займы... У нас же никогда не было времени считать, мы же не могли проверить. Теперь Госплану нужно действовать очень осторожно, потому что он его все время проверяет. Мальчику десять лет, и он такой способный.

– Андруша-а-а!

– Я вам говорю: кто-то ловит рыбу, кто-то ловит дичь, кто-то ищет грибы. Этот ищет деньги и находит дичь, грибы и рыбу.

– Андруша-а-а!..

– Я с женщин ничего не снимаю, жду, пока сойдет само...

– Какой он сатирик? Он же боится написанного самоим собой! Что вы его все время цитируете?

О боже, сохрани этот город, соедини разбросанных, тех, кто в других местах не может избавиться от своего таланта и своеобразия. Соедини в приветствии к старшему, преклони колени в уважении к годам его, к его имени, обширному, как материк. Многие из нас родились, жили и умерли внутри этого имени. Да, что-то есть в этой нервной почве, рождающей музыкантов, шахматистов, художников, певцов, жуликов и бандитов, так ярко живущих по обе стороны среднего образования! Но нет специального одесского юмора, нет одесской литературы, есть юмор, вызывающий смех, и есть шутки, вызывающие улыбку сострадания. Есть живой человек, степной и горячий, как летний помидор, а есть бледный, созревший под стеклом и дозревший в ящике. Он и поет про свою синтетику, и пишет про написанное. А писать, простите, как и писать, надо, когда уже не можешь. Нет смысла петь, когда нечего сказать, нет смысла танцевать, когда нечего сказать. И если у человека есть его единственное движимое имущество – талант, – он и идет с ним, и поет им, и пишет им, и волнует им, потому что талант – это очень просто, это переживать за других.

К морю

Я обнимаю вас, мои смеющиеся от моих слов, мои подхватывающие мои мысли, мои сочувствующие мне. И пойдем втроем, обнявшись, побредем втроем по улице, оставим четвертого стоять в задумчивости, оставим пятого жить в Алма-Ате, оставим шестого работать не по призванию и пойдем по Пушкинской с выходом на бульвар, к Черному морю. Пойдем весело и мужественно, ибо все равно идем мужественно – такой у нас маршрут. Пойдем с разговорами: они у нас уже не споры – мы думаем так. Пойдем достойно, потому что у нас есть специальность и есть в ней мастерство. И что бы ни было – а может быть все и в любую минуту, – кто-то неожиданно и обязательно поможет нам куском хлеба. Потому что не может быть – их были полные залы, значит, будущее наше прекрасно и обеспечено.

Мы пойдем по Пушкинской прежде всего как мужчины, потому что – да, – потому что нас любят женщины, любили и любят. Мы несем на себе их руки и губы, мы живем под такой охраной. Мы идем легко и весело, и у нас не одна, а две матери. И старая сменится молодой, потому что нас любят женщины, а они знают толк.

Мы идем уверенно, потому что у нас есть дело, с благодарностью или без нее, с ответной любовью или без нее, но – наше, вечное. Им занимались все, кто не умер, – говорить по своим возможностям, что плохо, что хорошо. Потому что, когда не знаешь, что хорошо, не поймешь, что плохо. И бог с ним, с наказанием мерзости, но – отличить ее от порядочности, а это все трудней, ибо так в этом ведре намешано. Такой сейчас большой и мужественный лизоблюд, такое волевое лицо у карьериста... И симпатичная женщина вздрагивает от слова «национальность» даже без подробностей.

Мы пойдем легко по Пушкинской, потому что нас знают и любят, потому что люди останавливаются, увидев нас троих, и улыбаются. Это зыбкая любовь масс. Это быстротечно, как мода. Мода быстротечна, но Кристиан Диор живет. И у нас в запасе есть огромный мир на самый крайний случай – наш внутренний мир.

Три внутренних мира, обнявшись, идут по Пушкинской к морю. К морю, которое, как небо и как воздух, не подчинено никому, которое расходится от наших глаз вширь, непокоренное, свободное. И не скажешь о нем: «Родная земля». Оно уходит от тебя к другим, от них – к третьим. И так вдруг вздыбится и трахнет по любому берегу, что попробуй не уважать.

Мы идем к морю, и наша жизнь здесь ни при чем. Она может кончиться в любой момент. Она здесь ни при чем, когда нас трое, когда такое дело и когда мы верим себе.

Коротко о себе

У нас сатириками не рождаются, их делает жизнерадостная публика из любого, ищущего логику на бумаге. А при отсутствии образования, лени, нежелании копаться в архивах и жить бурной жизнью костного хирурга писать не о чем. Переписывать то, что написано классиками, не получается, ибо нравится, как написано. Шутить и хохотать по любому поводу хочется, но уже физически трудно. А тот, кто с размаху падает на тротуар, гремя кастрюлями и разбрызгивая кефир, вызывает сочувствие, а не хохот, что, конечно, плохо отражается на так называемой литературе.

Заметил в себе: тороплюсь оградить тех, кто незаметно стареет, от мудрости, этого жалкого состояния физического слабосилия, когда истины не знаешь так же, как и все, но почему-то стыдишься этого.

А полное отсутствие юмора и большое уважение к собственным словам создают интонацию, которая ее заменяет. Оглянувшись вокруг и увидев, что многочисленные разоблачения, монологи, фельетоны и указывания пальцем только веселят уважаемую публику, а не приводят к немедленному уничтожению недостатков, он заметно сник, поглупел и стал подумывать о тихом возделывании настоящей малопродуктивной почвы где-нибудь в окрестностях Москвы под Одессой. После того как его однажды ошибочно пригласили на большой концерт, а потом попросили не выступать и, когда это состоялось, столь горячо благодарили и так одарили подарками и бутылками, что он задумался: может, с таким огромным успехом и продолжать не выступать при большом стечении народа, а слушать передачу «Наш сад» всей душой, с вопросами и письмами, и кормить людей помидорами, а не упреками.

У кассы

Для Р. Карцева и В. Ильченко

– Дайте мне два билета по безналичному расчету, дайте! Мне подождать? Я подожду. Дайте мне два билета по безналичному расчету, дайте мне. Подождать? Я подожду. Дайте мне два билета, дайте!

– А вы кто такой?

– Я Петров, уполномоченный.

– Чем вы докажете, что вы – Петров?

– Вот мое удостоверение! Видите? Вот!

– Мало ли что я вижу. Я все вижу. Вот верю ли я?

– Вот письма на мое имя, вот бланки, читайте, все – Петрову, читайте!

– Можете мне все это не показывать. Чем вы докажете, что вы – Петров?

– Вот моя доверенность!

– А чем докажете, что она ваша?

– Удостоверение, фотокарточка! Сличайте! Сличайте!!

– Похоже, ну и что?

– Это – я!

– А это – я.

– Это мое удостоверение!

– Чем докажете?

– Родинка, видите, вот!

– Ну-ну.

– Видите – родинка?

– Ну.

– И вот родинка. Видите?

– Ну и что?

– Я встану вот так, а вы сличайте меня, сличайте!

– Есть сходство. Доверенность на Петрова?

– Да!

– Вот он придет, я ему и дам.

– Он пришел, я уже здесь!

– Чем докажете, что вы Петров?

– Удостоверение!

– А чем докажете, что это ваше удостоверение?

– Фотокарточка!

– А чем докажете, что это ваша фотокарточка?

– Родинка!

– Чем докажете, что это ваша родинка?

– А чем вы докажете, что вы – кассир? Чем?

– Я – кассир! Вот деньги, билеты, окошко и надпись: «Сидоров – кассир».

– Вы не Сидоров – кассир!

– Нет, я кассир!

– Вы не кассир!

– Нет, я кассир!

– Вы пришли с улицы и сели, а кассира убили! Труп – в сейф!

– Что ты плетешь? Вот сейф пустой, ты что?

- Убрали, успели и сели вместо него. Вы не Сидоров – кассир!
- Да ты что? Вот паспорт на десять лет, дурака валяешь!
- А паспорт отняли!
- А карточка?
- Наклеили!
- А печать?
- Выкрали из милиции. Зарезали паспортистку, достали бланк, заполнили ее рукой, кровь смыли. Вы же смыли всю кровь! Зачем вы смыли кровь?
- Да ты что? Вот, все знают, все подтвердят. Ребята, кто я?
- Ничего не значит, вы сговорились!
- Да вот мой начальник!
- Это не он.
- Лаптев!
- Врет!
- Константин Петрович!
- Притворяется. Как ты сюда попал, убийца? Ты убил кассира! Ты его... Зачем ты его убил? Что он тебе сделал? Сидел человек, работал, а ты взял да его кокнул. Убийца!
- Да чего ты, чего ты, чего ты?! Я двадцать лет тут сижу работаю, чего ты?
- Я вот тебя сейчас уколошу, сам сяду. Что, я буду Сидоров – кассир?
- А я умею работать, а ты нет!
- Тебя выучили и подготовили.
- Я выдаю деньги и получаю зарплату!
- Ты не кассир!
- Ну а кто я?
- Какой ты кассир?
- Ну а кто я?
- Не кассир, и все!
- Ну а кто я?
- Ты танкист. Я тебя узнал.
- А-а, вот ты и влип! Я же не умею заводить танки!
- Научат!
- Я даже не знаю, как в него влезть.
- Покажут!
- А где эти танки, где они?
- Узнай и приходи!
- Нет, я все-таки Сидоров – кассир!
- Нет!
- Возьми свои два билета, отстань от меня!
- Отойди от меня! (*Рвет билеты.*) Убийца!!!

Дегустация

Для Р. Карцева

Сейчас Дина Михайловна, наш завлабораторией, налила вам в мензурки сорт «Праздничный». Бокал специальный, дегустационный, из прозрачного стекла, чтобы был виден цвет. Превосходный рубин, переливающийся цветами солнечного заката. Легонько поколебали бокал. Товарищ, успеете, колебайте вместе со всеми, любуйтесь переливами цвета, товарищи, к глазу... прищурьтесь... любуйтесь... подождите... Товарищи... кусочки сыра лежат слева от вас. Ломтик сыра превосходно оттеняет аромат. Кто?.. Весь?.. С хлебом... Это специальный хлеб... У нас же программа. Сдерживайтесь, сдерживайтесь. Давайте освоим культуру питья. Ведь все равно же пьете, так почему не делать это с элементарным пониманием.

Итак, сорт «Праздничный» характеризуется ранним созреванием. Растет только у нас в Абрау... Товарищ, сплюньте, вы ж не поймете... Сплюньте, мы вас отстраним от дегустации из-за низкой культуры питья. Этот сорт созревает рано в августе... Это молодое вино, сохранившее аромат винограда и легкую терпкость, ощущаемую кончиком языка. Не глотаем. Не глотаем, набираем в рот глоток, не глотаем, а спокойно перекачиваем во рту. И внутренним обонянием чувствуем аромат... То есть вначале аромат, затем, не глотаая, пробуем терпкость молодого вина.

Итак, сорт «Праздничный». Так, взяли в рот... перекачиваем... Почему вы так неподвижны? Вы проглотили... И вы?.. Товарищи, что, вы все проглотили? Товарищи, перекачиваем... Еще набрали, не глотаем... перекачиваем, орошая нёбо и всю полость рта... Девушка, вам должно быть стыдно... Вот вам должно быть стыдно, вы – девушка, вы могли б и подождать, и перекачивать. Здесь и девичья гордость, и культура питья. С этим сортом у нас не получилось.

Дина Михайловна наливает вам сорт «Прибрежный»... Не хватайте ее за руку! Дина Михайловна, этому товарищу в последнюю очередь. Это лабораторное стекло, а вы выламываете у нее из рук. Доза специальная, дегустационная. Сыр вам еще положат. Нет, музыки здесь не положено. Вся суть в том, чтобы дегустировать в тишине. Мы с вами не пьем, подчеркиваю, мы запоминаем сорта вин... Товарищ, вы так ничего не запомните. Сыр обостряет обоняние, а ваша колбаса отобьет его не только у вас, но и у соседей.

Итак, сорт «Прибрежный» также относится к красным винам, к группе полусладких. Это естественная сладость винограда. Этот виноград завезен сюда примерно в 1862 году. Эй там, группа в углу, не надо потрошить воблу. Вобла идет к пиву. Товарищи! Товарищи! Не забываете перекачивать во рту. Вы меня слышите... Дина Михайловна, Дина Михайловна, пожалуйста, колба № 3, сыр вон туда. Товарищи! Сорт «Мускат левобережный» – неоднократный медалист, лауреат международных выставок, винодельческих съездов. Сладость естественная, своеобразный аромат, чуть-чуть купажированный, купаж – это виноградной выжим. Товарищи... Тише... Я не пою, и Дина Михайловна не поет. Мы не поем... По коридору справа... Товарищи, этот сорт требует особого внимания. Мы продаем его за валюту. Обратите внимание на броский горячий аромат, на густоту цвета. Перекачивайте во рту и сплевывайте. Сплевывайте... Культура застолья, питья состоит в элегантном держании рюмки вина, в любовании его цветом, в смаковании его вкуса, в понимании его возраста и назначения... Запивать его пивом... ни в коем случае... Товарищ, товарищ, это к вам относится. Пиво с крепким красным дает ту полную невменяемость, которой вы так добиваетесь... Я понимаю, но почему вы так этого хотите?.. Товарищи, культура застолья... нет, не подстоля, а застолья... Нет у нас пластинок Пугачевой. Товарищи, это дегустация. Дина Михайловна, попросите эту пару вернуться к столу и запишите лабораторию. Почему вы так добиваетесь этой невменяемо-

сти? Вы хотите воспринимать окружающее или нет?.. А как вас будут воспринимать? В каком виде вы посреди окружающего? Почему вы так упорно не хотите воспринимать окружающее? Для чего ж вы смотрите, если не воспринимаете? Мозг в таком состоянии не способен усваивать информацию. Мы добиваемся культуры питья... мы хотим, чтоб, и выпив, вы оставались личностью... Ну для того, чтобы добиваться успехов... ну там по службе... Вы уже были личностью... и что... не верю, что вы от этого стали пить... Все... Я не врач... Я винодел.

Товарищи!.. Кто еще не хочет или уже не может воспринимать окружающее, перейдите к тому столу, Дина Михайловна вам подаст сливы. Нет, не плоды – сливы разных остатков. Это то, что вам нужно... Ах, вы так ставите вопрос?! Как же вы хотите, чтоб вам было хорошо, если вам сейчас будет нехорошо? Так... что, Дина Михайловна? Ужас... товарищи... За стеклянной дверью упакованная мебель для ремонта. Кто, простите, распаковал унитаз? Он же ни с чем не соединен! Это для ремонта... Немедленно разгоните очередь...

Нет. Такого у нас нет. Повторяю для всех. Такого, чтоб забыть эту жизнь к чертям, или как вы выражаетесь, у нас нет, для этого лучше эмигрировать. Только вы там будете пить и вспоминать эту жизнь, которую вы здесь хотели забыть...

Нет, с помощью наших сортов вы не уедете... Вам нужна сивуха.

Так, товарищи, это не дегустация, а диспут. Я к нему не готов, а вы не в состоянии физически.

Ничья.

На складе

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Главная мечта нашего человека – попасть на склад. Внутрь базы. В середину.

– Скажите, это склад? Тот самый?

– Да.

– Слава богу. Я пока к вам попал... Ни вывески, ничего. Мне сказали, что здесь все есть.

Я не верю, конечно.

– Что вам?

– Вот это я могу... вот это что?

– Сколько?

– Одну можно?

– Сколько?

– Полторы.

– Дальше.

– А у вас есть?.. Подождите, а можно с женой? Я мигом. Я только здесь.

– Пропуск на одного.

– А позвонить?

– Отсюда нельзя.

– А сюда?

– И сюда нельзя. Быстрее. У меня кончается рабочий день.

– А завтра?

– Пропуск на сегодня.

– А вы мне поможете?

– Я не знаю, что вам нужно.

– Ну что мне нужно, ну что мне нужно? Мне нужно... Ой, ой... ой, ну что мне нужно, господа? А что у вас есть?

– Что вам нужно?

– Ну что мне нужно?.. Ну лекарства какие-нибудь.

– Какие?

– А какие у вас есть?

– А какие вам нужно?

– Ну... (*всхлип*) пирамидон.

– Сколько?

– Да что пирамидон! Ну что вы, в самом деле? Мне нужно... Ой... Ну что пирамидон...

Ну пирамидон тоже... Ой...

– Сколько?

– Ну десять... Что я с пирамидоном?..

– Восемь?

– Да. Десять, десять.

– Пожалуйста.

– Пятнадцать.

– Пожалуйста.

– А можно еще две?

– Можно.

– И еще одну.

– Хорошо. Дальше.

- А что у вас есть?
- Что вам нужно?
- Что мне нужно? Что вы пристали? Мне сказали: в порядке исключения для поощрения.
- Так вы отказываетесь?
- Что-о! Кто? Я?! Из одежды что-нибудь?
- Что?
- Шапки.
- Одна.
- Да. Две.
- Дальше.
- И еще одна.
- Три. Дальше.
- Пишите четвертую.
- Так. Обувь?
- Сандалий импортных нет?
- Есть.
- Белые.
- Сколько?
- Белые!
- Сколько?
- Они белые?
- Белые.
- Две.
- Пары?
- Одна и джинсы.
- Белые?
- Синие одни. А что, и белые есть? То есть белые две и сандалии две.
- Пары?
- Одна... Нет, две и джинсы. Две и джинсы одна.
- Пары?
- Две.
- Две?
- Три.
- Три.
- Четыре, и будет как раз, потому что мне не только... Я хотел... тут надо для...
- Нет.
- Меня... но я просто сбегая... А что у вас из продуктов питания?
- Что вас интересует?
- Меня интересует, ну, поесть что-нибудь. Вот, например, ну хотя бы, допустим, колбаса.
- Батон?
- Два. А хорошая?
- Два.
- Три. А какая?
- Какая вас интересует?
- Ну, такая... покрепче...
- Значит, три.
- А что, есть? Четыре.
- Четыре.
- Пять.

- Ну...
- Ясно... Четыре, а один чуть раньше.
- Значит, пять.
- Почему – пять? Один раньше.
- Дальше.
- Что есть?
- Что вас интересует?
- Что? Ну, вот эти... Как их? Крабы есть?
- Сколько? Одна?
- Две.
- Две.
- Три.
- Три.
- Четыре.
- Четыре... Ну?
- Ясно... Я слышал, такие бывают языки... такие олени... Я понимаю, что...
- Сколько?
- Кило.
- Они в банках.
- Одна... Нет, две... Или три... Чтоб уже сразу. Ну, если вам все равно – четыре.
- Вы их не будете есть. Они своеобразного посола.
- Тогда одну.
- Одна.
- Две. Себе и на работе.
- Нельзя. Только вам.
- Ну да, я съем сам. Вы сможете посмотреть.
- Одна.
- Нет. Две. Вдруг подойдет. Я тут же – вторую.
- Две.
- Нет, одна. Денег не хватит. Скажите, а вот, допустим, рыба.
- Сколько?
- Нет. А вот свежая.
- Живая, что ли?
- А что? Вот живая.
- Какая?
- Живая-живая.
- Какая вас интересует?
- Кого, меня? Меня интересует... сазан.
- Сколько?
- А сом?
- Сколько?
- Тогда стерлядь.
- Сколько?
- Форель.
- Ну?
- Есть?
- Сколько?
- Три.
- Три.

- Четыре.
- Четыре.
- Четыре и стерлядь.
- Пять.
- И сом.
- Испортится он у вас.
- Тогда один.
- Пишу сразу два. Но они испортятся.
- Пишите три... пусть портятся. Вобла.
- Сколько?
- И пиво.
- Какое?
- А какое есть?
- Какое вас интересует? У нас восемь сортов.
- А какое меня интересует? «Жигулевское». Оно вроде получше.
- Ящик?
- Бутылку.
- Все?
- Все. Водка есть?
- Какая?
- «Московская».
- Сколько?
- Сто.
- Бутылок?
- Грамм.
- Здесь?
- Да. А у вас есть? (*Шепчет.*)
- Сколько?
- Два.
- Потечет.
- Заткну. А есть? (*Шепчет.*) Живой?..
- Сколько?
- Два.
- Два.
- Четыре.
- Мы гоним только до ворот. Там гоните сами.
- А есть (*шепчет*) для?..
- Мужской, женский?
- Я думал, он общий.
- Ну?
- Тогда женский.
- Один?
- И мужской.
- Один?
- По два.
- По два.
- По три и... детский.
- Детских не бывает. Это же дети. Вы соображаете?
- Тогда по четыре и еще один мужской и один женский.

- Значит, по пять.
- Значит, по пять и еще по одному.
- Да вы их не израсходуете за десять лет.
- Тогда все. Тогда по шесть и еще по одному потом, и все.
- Значит, по семь.
- И еще по одному потом. А я слышал... (*шепчет*) бывают американские против... (*Шепчет.*) Невозможно, а мне... (*шепчет*), а мне... (*шепчет*), очень... (*шепчет*) я с детства... (*шепчет*), врожденное... (*шепчет*), говорят, чудеса... а мне... (*шепчет*) она.
- Сколько?
- Что, у вас есть?!
- Сколько?
- Двести.
- Это мазь.
- Десять.
- Определенное количество на курс.
- Сколько?
- Не знаю, может, сто.
- Сто пятьдесят, здесь намажу и возьму с собой.
- Хорошо, сто пятьдесят.
- Валенки есть?
- Сколько?
- Не нужно, это я так.
- Все?
- Мне еще хотелось бы...
- Все.
- Ну пожалуйста.
- Все! (*Лязгает железом.*) Сами повезете заказ?
- А что, вы можете?
- Адрес?
- Все положите? Может, я помогу?
- Куда везти?
- На Чехова... то есть на Толбухина. А в другой город можете?
- Адрес?
- Нет, лучше ко мне. Хотя там сейчас... Давай на Красноярскую. Нет, тоже вцепятся. Давай к Жорке. Хотя это сука. А ночью можно?
- Кто ж ночью повезет?
- Тогда замаскируйте под куст.
- Не производим.
- Тогда брезентом. Я палку найду под оружие – и на вокзал. Слушай, двух солдат при оружии.
- Не имеем.
- А настоящее оружие дадите для сопровождения, тоже под брезентом?
- Так что, два оружия поволокешь?
- А что? Два оружия, никто не обратит. А если колбасу... Ну хоть пулемет?
- Это гражданский склад. Севзапэнергодальразведка.
- Мне до вокзала. Там – на платформу, сам охраняю, и – на Север.
- Ты же здесь живешь.
- Теперь я уже не смогу. Не дадут. Плохо – живи. А хорошо... Не дадут.

Я люблю Новый год

Я люблю Новый год. Люблю, потому что зима. Все бело. Падает снег. Все под снегом. И в новом районе, где я живу, открываются новые пути. Каждый идет не по асфальту, а как удобнее.

Новый год. Открываются новые двери в новых домах. Новые люди. Я сижу в новом доме в новой квартире, и напротив меня такая же фигура в таком же окне такой же квартиры и такое же ест, так же ходит вниз за газетами и кивает мне: с Новым годом!

В новом году хочется самого разнообразного. В новом году хочется меньше ссор друг с другом. Просто надо уяснить, что никто не виноват. У вас от него течет крыша, а у него от вас не гнется рукав и вылезает сделанная вами зубная щетка, поэтому речь неразборчива, вся щетина в зубах торчит. И подай ты ему борща повеселей – ему же тебя завтра брить опасной бритвой. Не раздражай ты его, уж так и быть.

В новом году и в семье хочется поспокойнее. В крайнем случае – ну, бери зарплату, сам распределяй, сам соли, сам жарь. То есть в новом году – еще внимательнее к женщине: надо ее одевать, и опрыскивать хорошими духами, и мазать прекрасными кремами. И пора легкой промышленности работать на нее. Сосредоточиться хоть бы на ней, а мы уж в своих пальто пока и в брюках пока неглаженных, габардиновых, что от отца к сыну, – трамваи ими царапашь. Год Женщины закончился, но жизнь женщин продолжается. Это можно заметить, если оглянуться.

Больше юмору в новом году. Еще больше мыслей вам, инженеры и писатели. Хорошей мимики вам, актеры и автоинспекторы. Крепких ног вам, танцоры и продавцы. Тонкого чувства меры вам, драматурги и повара.

Новый год. Сорок раз я встречал Новый год, из них двадцать пять – сознательно. Вначале это какое-то чудо счастливое, потом, когда они пошли побыстрее и стали мелькать, как понедельники, встречи пошли не такие оглушительные, а нормальные.

Мне, конечно, хочется видеть в новом году и счастливые лица, и полные магазины по ту сторону продавца, и полные театры по эту сторону артиста. И много хороших глаз со всех сторон. А время летит быстро, когда делаешь что-то интересное, и оно страшно тянется, когда ждешь звонка об окончании дня.

Нехорошие все-таки люди придумали календарь и завели часы. И все это мелькает, и тикает, и блямкает, и трещит, и звенит. И ходит нормальный, хороший, веселый человек и не подозревает, что ему шестьдесят, и не говорите вы ему...

Это астрономы поделили жизнь на годы, а она идет от книги к книге, от произведения к произведению, от работы к работе, и если уж оглянуться, то увидеть сзади не просто кучу лет, а гору дел вполне приличных, о которых не стыдно рассказать друзьям или внукам где-нибудь в саду когда-нибудь летом за каким-нибудь хорошим столом.

А семьдесят шестой уже пошел, уже начал разгоняться. А что в нем будет и как он пройдет, мы узнаем в такой же зимний день 1 января 1977 года. Счастливого вам Нового года!

Я при себе

Для Р. Карцева

Ничего не разрешаю себе уничтожать. Все старые вещи при мне. Мне пятьдесят, а все мои колготочки при мне, все ползуночки, носочки, трусики, маечки, узенькие плечики мои дорогие. Тоненькие в талииньке, коротенькие в ростике. Дорогие сердцу формочки рукавчиков, ботиночки, тапочки, в которых были ножки мои, ничего не знавшие, горя не знавшие ножки. Фотографии перебираю, перебираю, не выпускаю. Ой ты ж пусенька. Это же я! Неужели? Да, я, я. Документики все держу: метричку, справочки, табель первого класса, второго, дневники, подправочки, все документики при себе, все справочки мои дорогие, пальцем постаревшим разглаживаю немых свидетелей длинной дороги.

Все честно, все документировано, ни шагу без фиксации. В случае аварии, какую книгу хватаете на необитаемый остров? Справки. Вдруг сзади – хлоп по плечу. А-а! Это на острове?!

– Где был с января по февраль тысяча шешешат?..

– Вот справка.

– Где сейчас находится дядя жены?

– А вот.

– Где похоронен умерший в тышяшя восемьдесят брат папы дедушки по двоюродной сестре?

– Парковая, шестнадцать, наискосок к загсу. От загса десять шагов на север, круто на восток, войти в квартиру шестнадцать и копать бывшее слободское кладбище.

– Куда движешься сам?

– А вот направление.

– А как сюда попал?

– А вот трамвайный билет.

Все! Крыть нечем. Хочется крыть, а нечем.

– Лампочку поменял?

– Вот чек.

– Что глотнул?

– Вот рецепт.

– Почему домой?

– Вот бюллетень.

– Куда смотришь?

– Вот телевизор.

– Какая программа?

– «Время».

– А четырнадцатого откуда поздно?

– Вот пригласительный билет, галстук, букет.

– Так... плитка в ванной, унитаз.

– Вот чек.

– Карниз ворован?

– Вот чек.

– Обои ворованы?

– Чек.

– Это воровано?

– Чек.

– Воровано?

– Чек.

– Тьфу!

– Плевательница.

Ох и хочется крыть. А нечем!

– Как найти в случае?

– Вот папа, мама, дядя, тетя, дом, работа, магазин, больница... Все.

– А если?..

– Вот регистратура.

– А все-таки если?

– Вот, вот и вот.

– С другими городами?

– Ничего.

– Санаторий?

– Ни разу.

– По-английски?

– Ни бе ни ме.

– Где?

– Здесь.

– А если?

– Соображу.

– А непредвиденно?

– Позвоню.

– А самому захочется?

– Спрошу.

– А если мгновенно – ответ?

– Уклончивый. Да зачем вам трудиться? Вот список ваших вопросов, вот список моих ответов, причем четыре варианта по времени года.

– Заранее?

– Да.

– Сообразил?

– Да.

– Такой честный?

– Характеристика.

– А не участвовал в развратной компании шесть на четыре, девять на двенадцать с пивом, журналами, банями, парной?

– Грамота об импотенции, участковый врач, соседи, общественность.

– При чем состоишь? Воровал?

– Водоканал.

– Тьфу ты.

– Плевательница.

– Пока...

– Всё.

С высоко поднятой головой хожу. Некоторые издеваются: справки – это все, что ты накопил к старости? – Все! Причем это копии. Оригиналы закопаны в таком месте, что я спокоен. И не только я. Глядя на меня, другие светлеют. Значит, можно, значит, живет. Всем становится спокойнее. Самые строгие проверяющие теплеют, на свою старость легче смотря. Один с дамой подошел:

– А где вас искать после вашей внезапной кончины, которая произойдет...

– А второе интернациональное, сто восемь – по горизонтали, шесть – по вертикали, от пересечения три шага на север, в боковом кармане свидетельство.

– Поздравляю, выдержал, готовьтесь к следующему.

– Отметьте.

– Идите.

– Число, час, печать. Здесь, здесь, здесь.

– Чуть больше времени на выход. Зато не только свободен, но и спокоен, что действительно вышел, действительно пошел, действительно пришел домой и совершенно искренне лег спать.

Не волнуйся

Не волнуйся и не бегай: все у нас налажено.
Все службы работают.
Люди начеку лежат.
Тонет человек – смотри спокойно, не шевелись.
Сейчас приедут. Наблюдай.
Специальная служба есть.
Люди деньги получают.
Ничего, ничего, еще успеют.
Горит что-нибудь – будь спокоен.
Будь спок. Смотри наверх.
Сейчас пожарник на вышке заволнуется.
Сейчас, сейчас, он знает когда.
Для этого большое пожарное депо.
Асбест, вода...
Ничего, ничего, пусть полыхает.
Будь спок. Ребята лежат начеку...
Видишь, впереди тебя кто-то гаечным ключом кому-то вначале что-то пригрозил, а потом что-то отвернул.
Смело переходи на другую сторону.
Я уверен, что сейчас появится милиционер.
Служба! Для всего люди поставлены.
Деньги плачены.
Все вокруг не спят.
Карты в кабинете мерцают, флажки на картах, вымпелы.
Здесь раздевают, здесь горит, а здесь все в порядке, но что-то не нравится.
Если закололо у тебя, засвербило – лежи, улыбайся.
Они уже едут с клизмами, тампонами, тромбонами, сифонами на высоких скоростях.
Будьте споки.
Служит народ. Бойцы начеку.
Сломалось дома. Ая-яй.
Из ванной обратно пошло.
Они с унитазом сообщающиеся сосуды.
Что ж ты с визгом оттуда выскочил?
Лежи, плавай. Сейчас приедут.
С любым поспорь, и лежи, и наблюдай слаженный труд мастеров.
Не лезь голыми руками в провода.
Замыкание, в глазах темно.
Двое едут. Электрик и глазник мчатся.
Движение остановлено.
Над тобой склонились.
– Вижу, вижу! Солнце, солнце!
– Видишь! А не верил.

Письмо женщине

Итак, моя радость, я еду к Вам. Я сосредоточен. Я начал делать зарядку, пробежку и готовку. Собираюсь в поездку. Сейчас как раз упаковываю душу, потом соберу Вашу любимую фигуру. А распаковывать мы будем вместе. Вы позволите присутствовать, чтоб видеть Вашу радость?

Эта поездка занимает все мое воображение. Я уже думаю только о Вас и о том, что еще мог забыть, чтоб во время первого страстного поцелуя не вскрикивать: «О боже, где мой паспорт? Минуточку, где деньги?..» Все будет при мне. Я действую по списку, и, если вдруг забуду список, у меня есть второй, где первым пунктом – войти и крикнуть: «Любимая, скорей ко мне! Я тут. Я вот». И первый поцелуй в пальто. Вы любите в пальто и сапогах? Я обожаю. Это развивает воображение и дает волю рукам.

Вы будете разматывать мое кашне до обморока. А после обморока Вас ожидает ряд сюрпризов. Во-первых, когда Вы снимете с меня пальто, меня там не будет. Как я этого добьюсь, не спрашивайте, я тот праздник, что едет к Вам. Как бы я хотел быть на Вашем месте в момент этой радости от встречи со мной. Я тут кое-что смешал и добился удивительного аромата. На Вас должно подействовать. Я специально ем протертую пищу, чтоб кожа была гладкой, а взгляд нетерпеливым. Я расскажу, почему молчал два года, так подробно, что это будет двух-летний рассказ. Потом и Вы мне расскажете все. Решительно все! Во всяком случае, главное. Это по-хорошему все усложнит.

Хотите откровенно? Ну хоть правду?.. Ну хорошо, потом... Я понимаю, Вам уже не хочется быть сильной. Вам хочется прислониться, хочется слышать свист кнута свирепого мужчины. Я сильный. Я командир. Я команду из-под кровати. Вперед, моя милочка! Назад, мой козлик! Я сам мужчин не видел от рождения. Даже среди штангистов. Даже среди боксеров. Диета подавляет. Все эти принципы, мнения, звание кормильца, крик: «Вон из моего дома!» Все вышиблено однообразной архитектурой и поселками городского типа. Смешно, мой листик, на собрании аплодировать начальству, а дома говорить: «Знаешь, почему я так поступил?..»

Я думаю, наша жизнь стала такой интересной именно благодаря исчезновению мужчин как вида. Женщины раньше взрослеют и дольше живут. Они расскажут, отчего это произошло. Какая прекрасная судьба! Какое длинное письмо! А я ведь пишу не из ссылки. Просто размер чувств-с...

Мужчины исчезают от новостей. Они нежнеют, краснеют, приобретают невинность, пытаются в муках родить. Лозунг «Берегите мужчин» не лишен смысла, но их нужно сначала вырастить. Эмансипация, моя змейка, как раз и породила то огромное количество сильных представителей слабого пола и слабых сильного, которое Вас так огорчает. Я надеюсь. Я смело надеюсь, что эти времена прошли. Или, скажем смелее, проходят. Ибо то, что мы приобрели, укрепив женщин, мы потеряли, ослабив мужчин. Это же он, бедненький, шепчет по ночам: «Я не могу туда идти. Опять надо голосовать за него? Опять надо его поддерживать? Зиночка, не пускай меня туда».

За время нашего существования мы пришли к двум потрясающим выводам. Интеллигент – это необязательно инженер. А спортсмен – необязательно мужчина. И женщины тут безошибочны.

Да, моя струйка. Как Вы меня с трудом учили, и я до сих пор в себе это ищу: мужчина – это человеческое достоинство, это сомнения до и твердость после решения. Это, как Вы меня учили, независимость и самостоятельность мышления, а не желания. Мужчина – кормилец, говорили Вы. Он – стена. Я за ним, как за камнем. Укрепление семьи, учили Вы меня, – это укрепление в мужчине чувства хозяина дома. Не в доме, как у нас любят говорить, запутывая

язык, а дома! Тогда у него есть тыл. Тыл – это я. И при нападении сзади, со стороны жэка, водопроводчика и разных мастеров, стою я. Так учили Вы меня. И я понял.

Ибо. Ах, ибо, говорили Вы, мы с вами, Миша, опять упираемся в экономику. Да, моя куколка, да, опять в нее.

Ибо. Ах, ибо. Творческое, раскованное поведение в общественной приводит к счастью в личной жизни. Там границ нет. Быть хозяином, от которого ничего не зависит, тяжело. В то же время ловкость, смелость, удачливость, то есть самостоятельность днем очень чувствуются в семье. Крик «Наш папа пришел!» исторически в себе содержит основу семьи. Папой его называют все.

Вот как учили Вы меня. И все-таки я бы не лишал вас равноправия, которое вы добыли довольно нудной вековой борьбой. Женщина – лидер! Что-то в этом есть. Конечно, счастье с ней невозможно, но что-то в этом есть. Видимо, где-то на полигоне, на каких-то стрельбах это очень должно пригодиться. Но нельзя же, моя штучка, лидеру искать защиты, жаловаться на гвозди и молоток. Приставила лестницу – залезай!

А женский день потому и стал таким праздничным, что его активнее всех отмечают мужчины. Вот уж кто веселится. Вот кто ликует. «И у меня возникли жуткие подозрения, – обнимали Вы меня, – что этот праздник их. И это вы, Миша, стали очаровательным украшением нашего стола...» Да, да, мой птенчик, такие подозрения есть, но пропускать этот день не хочется. А укрепление семьи есть укрепление мужчин в мужчинах. Ибо мужчина при разводе теряет очень многое и не торопится вступать во второй брак. А в наше время второй брак и есть первый. «И не надо отнимать у холостяков, – целовали Вы меня, – а надо добавлять женатым».

Но хватит о деле. Видите, я стал критичным, в духе времени, и даже в праздник сохраняю трезвый взгляд и ищу проблему. Кажется, я стал сильным. Во всяком случае, я уже хочу Вас видеть слабой. Вернее, я потребую этого от Вас. То есть, скорее всего, попрошу. Я попрошу Вашего разрешения держать Вас в Ваших любимых ежовых рукавицах. Итак, решительно. Плечом в забор. А ну-ка, брысь! Все, ну-ка, брысь отсюда! Покой моей любимой! Вон все отсюда!.. И на расход. И на расход!

Вот он мужчина! Вот это да! И зашатались соседи, и затих таксопарк. И шепот сзади: «Как он идет. Как он красив. Как он заботлив...» Хотите я даже ненадолго уйду к другой, чтоб укрепить?.. Ну, все, все, все пишу, шучу одновременно. Я выезжаю. Откуда во мне эта сила? Пришла пора конкретных обсуждений. Решай! Иду!

Демографический взрыв

Для Р. Карцева

Что делается! Мой дядька поехал на свадьбу в Мелитополь и умер.

В одной комнате – свадьба, в другой – покойник.

Тетка вошла в соседнюю комнату и умерла.

Тесть вошел в трамвай и умер.

Знакомый зашел в кино, сел в пятый ряд и не встал.

Родственник включил свет и умер.

А тот вошел к министру и умер.

Министр что-то хотел ответить и упал.

Референт стал кричать на буфетчицу, рухнул в салат.

Сосед вышел за калитку и упал.

Дворничиха ползасова задвинула – скончалась.

Муж открыл окно и дал дуба.

Сын сел в такси – и в реанимацию.

Дирижер взмахнул палочкой – и рухнул головой в пюпитр.

Парень что-то вспомнил – и не откачали...

А забеременела в указанный период одна женщина, но родители уговорили ее сделать аборт, чтоб могла закончить школу.

Ставь птицу

Для Р. Карцева и В. Ильченко

За столом – кладовщик. Перед ним – механик с мешком.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– У нас к вам сводная заявочка.

– Сводная заявочка.

– Я думаю, прямо по списку и пойдем.

– Прямо по списку и пойдем.

– Втулка коническая.

– Нету.

– Конической втулки нету?!

– Откуда, что вы?! Не помню, когда и была.

– Коническая втулка?! Я же издалека ехал...

– Так, издалека. Я сам не местный.

– А ребята брали.

– Какие ребята, кто их видел?

Механик вынимает из мешка стаканы, бутыл, наливает. Оба молча выпивают.

– Втулка коническая.

– Ставь птичку.

– Что ставить?

– Птичку ставь. Найдем.

– Подшипник упорный ДТ-54.

– Нету.

– Так ребята брали.

– Какие ребята?!

Механик снова вынимает стаканы, бутыл, наливает. Оба пьют.

Механик прячет стаканы и бутыл.

– Подшипник упорный ДТ-54.

– Ставь птицу. Найдем.

– Диски сцепления «ГАЗ-51».

– Еще раз произнеси, недопонял я.

– Диски сцепления. Для сцепления между собой. Педаль специальная.

– Нету.

– Так... ребята...

– Нету!

Достает стаканы, бутыл, наливает.

– Ой!

– А-а!

– Ой!

– А-а!.. Буряковый... Сами гоните... Хорошо. А то на соседнем заводе спирт для меня из тормозной жидкости выделяют. У них там лаборатория – культурно, но у меня судороги по ночам и крушения поездов каждую ночь.

– Диски сцепления?

– Бери, сколько увезешь.

– Псису?

- Рисуй.
- Уплотнения фетровывыстыеся восьмой номер.
- Недопонял.
- Фетровыстывыеся уплотнения восьмой номер.
- Ах, фетровывыя?
- Да, фетровывыстывыеся, но восьмой праа-шу.
- Все равно нету.
- Механик наливает кладовщику.
- Себе!
- Я не могу. Меня послали, я должен продержаться.
- Один не буду.
- Не могу – еще список большой.
- Езжай назад.
- Назад дороги нет! (*Наливает себе. Выпивают.*)
- Уплотнения фетровые.
- Где-то была парочка.
- Псису?
- Рисуй.
- Пятеренки... шестеренки... вологодские.
- Как ты сказал?
- Сейчас. – Срочно уходит. Возвращается. Не попадает на стул.
- Целься, целься.
- Пятеренки... шестеренки. Четвереньки вологодские.
- А-а-а, вологодские. Нету.
- Псису? – Наливает кладовщику.
- Себе.
- Не могу.
- Езжай назад.
- Назад дороги нет!
- Пьют.
- Пятеренки, шестеренки?
- Пошукаем.
- Псису?
- Рисуй.
- Пошукаем псису? (*Неожиданно.*) «Здравствуй, аист, здравствуй, псиса... Та-ак и должно бы-ыла-а слушисса-а. Спасибо, псиса, спасибо, аист...»
- Давай сначала до конца списка дойдем.
- Дойдем, дойдем. Я уже почти дошел... Три салата...
- Чего-чего?
- Трисаторные штуки, четыре псисы и бризоль... (*Собрал все силы.*) Экскаваторные шланги, четыре штуки, и брызент...
- Брезента нет. Пожарники разобрали.
- Может, водочки?
- Нету брезента.
- А коньячку?
- Нету брезента.
- Сосисочный фарш.
- Нету брезента.
- Банкет для семьи с экскурсией...

- Нету брезента, и не наливай.
- Верю тебе, Гриша, если нет, ты не пьешь, ты честный человек.

Если бы я был женщиной

Если бы я был женщиной, я бы вел себя совершенно иначе. Я был бы умный, обаятельный, юный, веселый и счастливый. У меня была бы куча поклонников, но при встрече со мной я бы растерялся и умолк. С этим не шутят. Я бы влюбился в меня и стал моей женой.

Ужас, как я успеваю проснуться умытой и причесанной? И почему в любое время суток на мне платье, юбка, жакет и белые зубы? Где я научилась ремонтировать квартиру? А как я терпелива с ним, то есть со мной. Я от него безумею и теряю дар речи. Это ж надо, чтоб так повезло. Какой он у меня, боже. Я живу ради него, я помогаю ему во всем и работаю специально, чтобы не сидеть дома. Но когда нужно, я рядом. Днем, вечером, утром. Всегда, когда нужно. И всегда, когда не нужно, меня нет. Где я, я не знаю сама, но рядом меня нет.

Как я перерабатываю эти дурацкие сосиски и вокзальные шницели в такую стройную фигурку, не знаю сама. Я еще печатаю на машинке и танцую в одном шикарном ансамбле. Поэтому я большей частью в Париже и Мадриде. Звоню из Мадрида и прошу вовремя поливать цветы. Там умолкает музыка и кто-то отвечает: «Ладно». А через два месяца втаскиваю чемодан. «Включи, милый, это какое-то новое видео, ты же знаешь, я в этом плохо разбираюсь. Да, чуть не забыла – вот ключи, это новое «Пежо» для тебя и новое пальто для твоей мамы».

Потом я снова иду на репетицию, чтобы присутствовать и отсутствовать одновременно. Да, еще шью и правлю текст. Я – его запоминающее, отвечающее и стирающее устройство. Да, чуть не забыла, я же счастлива с ним. Тьфу ты, господи, как же я могла забыть! Он же мне не простит. Опять будет скандал. О боже, как я забыла... Теперь на неделю хватит. Он же не отстанет, пока я со слезами всеми святыми не поклянусь, что я счастлива. Нет, ну он действительно очень хорош. Ну, во-первых, умен. Во-вторых, аккуратен, в-третьих, остроумен, справедлив к окружающим и, в общем, ко мне.

– Ты уже вернулся?..

– Сегодня у нас в редакции небольшое совещание ведущих друг друга редакторов. Мы договорились без жен. У одного она заболела, остальные не хотят его подводить. Срочный номер – требуют газету за 1 мая к 10 апреля. Новый почин, и мы все наперебой согласились, и может так случиться, и это совершенно точно, что я приду ночевать к утру. Ты уж не сердись.

– Что ты, что ты! Я думала, тебе нравится, когда я не сплю и жду тебя, но тебе нравится, когда я сплю и жду тебя. Я буду волноваться, но не скандалить, а поздравлю тебя с возвращением в родной дом, где мы ждем тебя и твоих приходов. Я и эти дети. Мы там, где ты нас оставил. Вернешься и найдешь нас. Я твое создание. Образец зависимой независимости, глуповатой мудрости, физической силы, сохраняющей женственность.

Я всю твою жизнь взяла на себя. Ты только пиши. Это все, что тебе осталось.

Доктор, умоляю...

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Кабинет врача.

Врач (*вслед кому-то*). Согревающий компресс на это место и ванночки. Если не поможет, будем это место удалять. Марья Ивановна, поставьте ему компресс на это место.

В кабинет входит больной со свертком.

– Слушаю вас.

– Доктор, помогите мне. Я вас очень прошу. Я уже в этом не могу ходить.

– Что?

– Посмотрите, я уже три года его ношу.

– Ну?

– Сшейте мне костюм.

– Что-что?!

– Костюм для меня, я вас очень прошу.

– Что?!

– Сколько скажете, столько будет...

– Я хирург. Я даже не психиатр, я хирург!

– Я понимаю. Я с раннего утра вас ищу. Он мне записал адрес таким почерком, чтоб у него руки и ноги отсохли. Вы посмотрите, как написал, вы посмотрите на это «р». А это «м»?

– Это поликлиника.

– Я понимаю.

– Хирургическое отделение!

– Я знаю.

– Я врач.

– Очень хорошо. Я тоже охранник, я знаю, что такое ОБХСС. Материал у меня с собой. Сейчас покажу, очень оригинальный цвет. (*Пытается развернуть пакет.*)

– Слушайте, вы нормальный человек?!

– Допустим...

– Я хирург! Там все больные!

– Я вас понимаю. Я у вас много времени не отниму. Однобортный, с обшитыми пуговицами, с жилетом. Троечку такую.

– Как вас сюда пропустили? Вы сказали, что вы больной?!

– Конечно. Что, я не понимаю, что такое ОБХСС?

– Вон отсюда!

– Хорошо. Я подожду, доктор. Брюки двадцать четыре. Наискось.

– Закройте дверь. Я сейчас милицию позову.

– Обязательно, доктор, врезные карманы.

– Уйдите, меня ждут больные. У меня обход!

– Да, да. Обход, рентген, я не дурак. Я с утра вас искал... Он так записал адрес, чтоб у него руки и ноги отсохли. Посмотрите на это «р», это все что угодно, только не «р». Два часа я ждал приема. Материал свой. Подкладка своя. Вам только раскроить и застрочить, это для вас пустяк.

– У меня диплом врача. Вот он. (*Показывает.*)

– Я понимаю.

– (*Плача.*) Как я могу шить костюмы?!

– Теперь войдите в мое положение, я в этом уже не могу ходить.

– Я никогда не шил костюмы!

– А мне на улице стыдно показаться.

– Но я врач.

– Я знаю.

– Я всю жизнь лечил больных. Травмы, переломы... *(Всхлипывая.)* Стойте прямо. Не наклоняйтесь. Брюки двадцать четыре?

– Да. Наискось.

– Хорошо. Сейчас все хотят наискось. Жилетку из этого же материала?

– Да.

– Сколько у вас материала?

– Два девяносто.

– Где вы работаете?

– Охранник на строительстве.

– Плитка есть?

– Сделаем.

– Согните руку. Двадцать пятого придете на примерку. Только запишитесь на прием.

Без этих штук.

– Обязательно.

– Скажете, что у вас грыжа, правосторонняя.

– Обязательно.

– Двадцать пятого, с утра. Идите.

Больной уходит. Доктор кричит вслед:

– Согревающий компресс на это место и ванночки. Если не поможет, будем это место удалять!

Ночью

Для С. Юрского

Стемнело. Опускается ночь. Я не могу уснуть. Я верчусь. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Вот я к вам пришел. Да. Сейчас. Именно. Я не ответил вам сегодня днем в вашем кабинете, когда вы на меня пошли как танк. Я сообразил потом, на лестнице. Я могу так же пойти на вас. Мне есть что сказать. Я не сообразил сразу. Ха-ха! Отвечаю сейчас, ночью. Первое! Второе! Третье! Четко. Где вы слышали такие выражения? Раз! Два! Четко, сжато, лаконично – характерно для меня! Мною сделано это, это, это! Не сделано то-то, то-то, то-то. По таким причинам. Лаконично, скупое, сжато, телеграфно – рубленый стиль!

Ваши слова: «Дурака валяешь, детский сад развел», «...на горшке сидеть». Мой ответ: «Я здесь по распределению – раз! Сажу не на горшке, а в бедламе, которым вы жутко руководите, – два! И ничего вы мне не сделаете – три!» Отвечаю сжато, скупое, лаконично – характерно для меня! И болтаю столько, сколько нахожу нужным.

Пожилой человек, перестаньте говорить чушь. Я тоже с высшим, я тоже могу нахамить! Ха-ха! Продолжаю мысль, не давая опомниться: «Доверять надо всем. И мой детский лепет – это смелый ход вперед». Дайте ему воды. Он не выдержал. Он мне неинтересен. Иду дальше. Какая ясная голова, какая легкая походка.

Тетя Катя, это я. Так вот, тетя Катя. Вы вахтер, а я опоздал. Я пробегал. Вы крикнули. Я промолчал. И только на лестнице сообразил. Отвечаю сжато, скупое, лаконично, остроумно – характерно для меня! «Штаны потеряешь!» Глупо. Бежал достойно, хотя и тяжело дыша. «Все уже работают, а он лезет». Ну, не лезет, а идет к себе. А насчет «все работают», то ха-ха-ха! И я могу обернуться и прокричать назад большое оскорбление: «Не надо вязанье в кобуре держать!»... Поднимите ее. Отстегните португую и дайте ей воды. Она мне неинтересна.

Так... Кто еще? Ночь проходит, а народу много. Всем, кому не ответил днем, отвечаю сейчас. Каждый, кто хочет, найдет меня в любое время ночью в постели. Я его жду.

Иду дальше, сохраняя хладнокровие и выдержку.

Он! Вы! Я – к нему! Нет уж, пропустите. Отстраняю рукой, вхожу. Он! Вы! Слушайте! Вы собрали вокруг себя подхалимов и думаете, что правда к вам не просочится. Она просочилась. Она здесь. Ничего. Я в белье. Я в ночном. Никто ему не скажет, кроме меня. Ты стар! Твои традиции, которые ты так уважаешь, – гибель твоя! Твои друзья, к фальши которых ты так привык, – гибель твоя. Твое самолюбие – гибель твоя. Твоя принципиальность – гибель твоя. Не спрашивай мнения у тех, кто согласен, спрашивай у тех, кто возражает.

Все! Он побледнел! Он осекся. Он не знал этого! Он мне неинтересен!

Теперь вы, девушка. Я пробивался через весь вагон. Я стоял три пролета возле вас, собираясь пошутить. Но вы вышли вдруг. Видимо, вам было нужно. Я растерялся. И только когда вагон со мной отъехал, я сообразил... Отвечаю скупое, точно, сжато, остроумно – характерно для меня! Пошутить я собирался так: «Смотрите, как рвет водитель. Не мешки везешь».

Вы резко ушли, оставив себя без этой шутки. Кто больше потерял? Такими, как вы, полны вагоны. Таких, как я, мы там не видим. Только без рук... Не надо меня целовать... Ну не балуйтесь... Ну все, перестаньте! Я уже весь в помаде... Вы же видите – у меня опущены руки. Все! Ищите встреч.

Вот и он. Стой! Что ты мне крикнул вслед, а я не обернулся и только втянул голову в плечи?! Отвечаю тебе сейчас, ночью, резко, грубо, жутко, сильно – характерно для меня! Хам! Я таких, как ты... Ты у меня понял? Смотри, как я тебя беру за грудь, как у тебя болтается голова, как мои пальцы сжимают твой ворот. Они побелели. И это одна рука. Что будет, если

я применю вторую? Не извиняйся, не дрожи. Умей отвечать сильному. Ты никогда не будешь кричать вслед. Или я тебя сейчас буду бить. Страшно, жутко, сильно и резко. Характерным, присущим мне боем.

Я еще сильнее сжимаю твой ворот. Мои зубы скрипят. Ты задыхаешься. Не кричи мне вслед больше. Не кричи! А теперь иди домой, шатаясь и схватившись за горло. Ты уже запомнил меня. Ступай вон! Не оборачивайся! Что?.. Ну, я же догоню... И бежать мне легко. Я лечу... лечу...

Оставьте меня... Кончается ночь... Мне еще нужно повидать его... моего единственного... Я же не успел сказать ему самого главного. Это все пустяки... Я сразу не нашелся... Это же все мелочи... Только тебе я могу сказать... Только от тебя я могу услышать... Мы просто были в запале... Я позвоню... Я позвоню...

Кончается ночь... Мне надо сказать маме, как я хочу сберечь ее. Я позвоню... Я позвоню...

Сказать моей первой, моей ранней, что я любил ее и не говорил из дурацкой сдержанности, которую называл мужской. И если бы я сказал второй, что люблю, я бы ничего не потерял, а только стал бы лучше... Я позвоню... Я позвоню...

Звонок... Я прощаюсь с вами... Одеваюсь. Ем. Бегу. Лечу. Сажусь и молчу. Скупое, сжато, остроумно – характерно для меня!

Портрет

О себе я могу сказать твердо.
Я никогда не буду высоким.
И красивым. И стройным.
Меня никогда не полюбит Мишель Мерсье.
И в молодые годы я не буду жить в Париже.
Я не буду говорить через переводчиков, сидеть за штурвалом и дышать кислородом.
К моему мнению не будет прислушиваться больше одного человека.
Да и эта одна начинает иметь свое.
Я наверняка не буду руководить большим симфоническим оркестром радио и телевидения.
И фильм не поставлю.
И не получу ничего в Каннах.
Ничего не получу – в смокинге, в прожекторах – в Каннах.
Времени уже не хватит... Не успею.
Никогда не буду женщиной.
А интересно, что они чувствуют?
При моем появлении все не встанут.
Шоколад в постель могу себе подать.
Но придется встать, одеться, приготовить.
А потом раздеться, лечь и выпить.
Не каждый на это пойдет...
Я не возьму семь метров в длину...
Просто не возьму.
Ну, просто не разбегусь...
Ну, даже если разбегусь.
Это ничего не значит, потому что я не оторвусь...
Дела... Заботы...
И в том особняке на набережной я уже никогда не появлюсь.
Я еще могу появиться возле него.
Напротив него.
Но в нем?!
Так же и другое...
Даже простой крейсер под моим командованием не войдет в нейтральные воды...
И из наших не выйдет.
И за мои полотна не будут платить бешеные деньги.
Уже нет времени!
И от моих реплик не грохнет цирк и не прослезится зал.
И не заржет лошадь подо мной...
Только впереди меня.
И не расцветет что-то.
И не запахнет чем-то.
И не скажет девочка: «Я люблю тебя».
И не спросит мама: «Что ты ел сегодня, мой мальчик?»
Но зато...
Зато я скажу теперь сыну: «Парень, я прошел через все.
Я не стал этим и не стал тем.

И я передам тебе свой опыт».

Специалист

Для Р. Карцева

– Бебеля, двадцать один, квартира три, – нет звука?.. А изображение?.. Нормальное... Хорошо... Я буду у вас с пяти до семи... Пожалуйста...

– Да, да... Слушаю... Плохо шьет?.. Строчку не дает?.. Немецкая... Свердловка, восемь, квартира сорок семь... Буду до пяти... Пожалуйста...

– Алло... да, я... Почему болит?.. А вы согревающий компресс на ночь... Нет, мой дорогой. Кто кого лечит?.. Я же вам оставил рецепт... Как – потеряли?! И что, температура поднялась?.. Тридцать восемь и три... Ничего без меня не принимайте. Только горчичники к ногам. Я буду у вас между шестью и восемью... Лежите спокойно.

– Да... Снова замолчал... А вы ему телеграмму давали?.. Я же вам продиктовал текст... Ну, пишите: «Надоедать не буду. Но хочу оградить тебя от неприятностей. Жду на вокзале у газетного киоска в двадцать часов. Наташа». Прибежит. Мужчины трусливы. Если позвонит, не разговаривайте. Все при встрече. Потом мне расскажете... Не за что...

– Алло... Это вы... Я вам неправильно предсказал. Вместо большой дороги в казенный дом следует читать: «Задуманное вами исполнится вскоре. Вас ожидают большая радость и спокойная жизнь, что вам будет в награду за пережитое. Насчет личных интересов можете не сомневаться. Они окончатся удачно, и в жизни вашей удачи будут продолжаться вплоть до преклонных лет...» Записали?.. Если что-нибудь будет неправильно, позвоните, уточним... Я думаю, все будет хорошо.

– Да... Алло... С этим?.. Попробуйте сметану с пивом за четыре часа до. Полное отключение радио и телевидения. За три часа – чай с малиной и коньяком. Мюзик-холл с коньяком в антракте. Минут за двадцать – крепкий кофе с лимоном. Проветрите комнату и позвоните мне. Если не поможет, будем действовать током... Шестьсот вольт. Решающее средство... Всего доброго... В любое время...

– Замдиректора камвольного комбината?.. Минуточку!.. 298–18–23, с восьми до семнадцати... Пожалуйста.

– Да, да... В «Смене» сегодня «Люди и розы», сеансы в восемь, десять, двенадцать и так далее через каждые два часа... Пожалуйста...

– А-а! Арнольд Степанович!.. Откладывается у вас ревизия... Она нагрянет внезапно, восемнадцатого января, в десять утра... Будьте здоровы. Звоните...

– Да... Слушаю вас, товарищ... Нет, мой дорогой. Так перед людьми не выступают... А мы вот взгреем вас на коллегии. Тогда вы возьметесь за дело... Что значит – записочки посылают? А вы отвечайте... Ну, мой милый, вы за это зарплату получаете. Все!

– Шестнадцатый. Я – Таганрог. Посадку разрешаю... Ветер тринадцать боковой...

– Алло... Да... Пылесос «Ракета»? Бьет током?.. Провод не отсырел?.. Попробуйте просушить... Канатная, четырнадцать, квартира три... Буду у вас до трех...

– Натирку полов сейчас некому... Звоните в пятницу.

– Да-да... Не подошла?.. Ей тридцать пять... Вам пятьдесят пять, слава богу... Не читает газет... Что вы от нее хотите?.. Она не знает, где Лаос?.. Так объясните ей. Пойдите... Вы просили... Вот у меня записано... Не старше тридцати пяти. Блондинку. Не больше одного, не старше десяти. С высшим. С удобствами. Не выше третьего этажа. Район Парка культуры... Ничего насчет газет... Ах вы решили добавить... Надо заранее... Записывайте. Лесной проспект, восемнадцать, корпус три, квартира четырнадцать... Библиотекарьша. Вся периодика – через нее.

– Что у вас?.. Ого!.. Завтра вводите новую камеру Вильсона... В Серпухове?.. Посчитайте заново эффект Броуди – Гладкова. Подставьте лямбда 2,8 вместо 3,1... Да. Должно сойтись... Держите меня в курсе...

– Нет, мальчик, амнистии в этом году не будет.

– У вас что?.. Пьеса... А вы попробуйте поменять концовку. Не грустно лег, а радостно вскочил... И не на кладбище, а в санатории... И позвоните мне... А сейчас, извините, у меня обед...

Он развернул бумажку. Прижал пальцем котлетку к кусочку черного хлеба и начал есть, глядя в пространство.

На работе и дома

Учреждение. Много столов. За столами сидят люди и думают. Посредине два стола, за которыми сидят мужчина и женщина. Пишут.

Мужчина (*пишет*). Екатерина Николаевна, у меня ваш чертеж. Мне непонятно, как вы соединяете корпус с крышкой.

Женщина. Ну как же, Михаил Григорьевич?

Мужчина. Я написал свои соображения, чтобы вам было яснее... Вот, мне кажется, что... (*Передает записку женщине.*)

Женщина (*читает, бледнеет, рвет записку и незаметно бросает ее в корзину; тихо*). Я не смогу сегодня. (*Громко.*) Вот ручки. Почему их две?.. Да, их две, и крышка хорошо ложится... Я сейчас напишу, почему нельзя этого делать. (*Пишет, передает записку мужчине.*)

Мужчина (*читает, тихо*). Да... Я все понимаю. (*Громко.*) Две ручки, а их должно быть пять или даже... Может быть... (*Пишет.*) Читайте соображения. Я прошу вас. Я впервые высказываю вам свои соображения. Будьте внимательней... Ну пожалуйста... Мы с вами понимаем друг друга с одного... чертежа... Я ваш руководитель, и ваше слово для меня закон... (*Передает записку женщине.*)

Женщина (*читает*). Да... Я тоже... Но не сегодня... Вы знаете наше положение... Эти шарики... Я сама, когда вижу вашу идею... Я все вижу... и шарики, и ролики... Можно пять ручек, но не сегодня... Нет, нет...

Мужчина. Екатерина Николаевна, подойдите сюда.

(*Женщина качает головой.*)

Мужчина. Я контролирую.

Женщина. Вы потеряли контроль.

Мужчина. Вы тут такое начертили. Идите сюда.

(*Женщина подходит, стоит возле стола.*)

Мужчина (*встает*). Эти шарики надо переставить. У меня такое же положение с роликами. Я прошу...

Женщина (*тихо*). Потапов вошел. (*Громко.*) Хорошо. Я сделаю.

Мужчина (*как по телефону*). Да, да, обязательно... Хорошо...

Женщина. У вас все, Михаил Григорьевич?

Мужчина. Да... уже...

Женщина. Я тогда... еще пока...

Мужчина. Да. Уже... Я тоже, но не всегда... Здравствуйте, Анатолий Иванович. Мы тут с Масловой ручки располагаем... Хотите с нами?.. До свиданья... Екатерина Николаевна, сегодня единственный шанс переставить ручки... Вечером. Я уже не могу... Я не могу. Эта работа, эти болты... Я вижу вас. Вы ходите, вы рядом. У меня стынет внутри. Я не могу... Я прошу вас. Эту крышечку, эти шарики... ну, один раз по корпусу... Я этот чертеж раздеру на куски.

Женщина. Ну, ну, ну... ну, хорошо... я что-нибудь придумаю... но я не могу на улице...

Мужчина (*вынимает из кармана ключ*). Ключ!

Женщина (*бледнеет, трясет головой*). Нет, нет, нет. Рвите чертеж.

Мужчина. Да... да... Если замкнуть крышку на корпус... Это однокомнатный редуктор моего товарища. Он на один день оставил мне крышку... Завтра... уже ничего...

Женщина. Нет, нет, не... нет, нет. Переставить все ручки... Чужой редуктор...

Мужчина. Ну, я прошу вас. Мы вместе работаем над этой идеей. Нам нельзя на улице... Я буду там с семи... Я махну лампой.

Женщина. Но здесь, на работе, мы уже не сможем... вы понимаете... просто так сидеть, просто так работать...

Мужчина. Мы уже давно не просто работаем, нам надо... Я жду вас. Берите крышку.

Женщина. А он уехал?

Мужчина. Уехал, уехал...

Женщина. Но в одиннадцать я закрою корпус...

Мужчина. Адрес редуктора. *(Пишет.)*

Женщина рвет записку, мужчина рвет чертеж, женщина рвет книгу. Расходятся. Все понимающе перемигиваются.

Квартира.

Мужчина суетится, нервничает, переставляет вещи. Каждый раз замирает и прислушивается. Ставит на стол авоську. Вынимает из авоськи вино, два яблока, высыпает из кулёчка конфеты. Мечется в поисках штопора. Ввинчивает штопор. Шорох!

Замирает с бутылкой на коленях. Нет, все в порядке. Часы бьют. Тишина. Тушит свет. Подходит к окну. Машет два раза настольной лампой. Влево. Вправо. Волнуется. Сел. Встал. Сел. Встал. Мелкий стук в дверь. Сломая голову мчится открывать.

Женщина *(почти падает ему на руки)*. Боже мой, боже мой, я совершенно сумасшедшая. Я ехала в автобусе, все смотрели на меня. Они знали, куда я еду. Боже мой, какая я подлая, просто растленная. Эта комната... Как я дошла до этого?..

Мужчина. Не говорите так... Снимите, пожалуйста, пальто. Садитесь.

Женщина. Нет, нет... Зачем вино здесь?

Мужчина. Просто так. Оно было здесь всегда. Это такой дом... Выпьем немножко, чтобы успокоиться.

Женщина. Я спокойна и не пью...

(Мужчина наливает.)

Женщина. Вы заметили, как Потапов и Ильченко смотрели на нас? Они догадываются. *(Выпивает.)*

Мужчина. О чем догадываются? О чем?.. Кстати, нашего главного переводят.

Женщина. Не может быть. А кто на его место?

Мужчина. Кто-то из этих двоих. Они уже не здороваются, на всякий случай...

Женщина. А я сразу почувствовала. Я все-таки молодец. А как вы узнали?

Мужчина. Видно невооруженным глазом. Они ходят и не знают, кого из них назначат и как друг с другом обращаться. То ли «ты», то ли «вы». Кстати, почему мы на «вы»?.. Бру-дершафт.

Женщина. Да... Это интересно. Значит, главного снимают. Ну, дела...

(Мужчина наливает. Выпивают. Забывают поцеловаться.)

Женщина *(показав пальцем)*. Катя. Миша... Значит, Потапов идет вверх.

Мужчина. А ты заметила, что он дурак? И его Куликов – дурак.

Женщина. Что, его тоже повышают?

Мужчина. Ага. *(Наливает, пьет.)* Я с ним еще в институте сидел. А сейчас я ему: «Толя, Толик», а он мне: «Во-первых, не Толик, а товарищ Потапов, а во-вторых, кто дал вам право, где вы взяли право?..»

Женщина. Да. Все они такие. У меня соседка – ой, куда угодно, только б этой рожи не видеть. *(Снимает куртку.)*

Мужчина *(на нее смотрит, смотрит)*. Ты скажи, почему встречается человек, который еще в институте начинает идти по другой линии?.. Кто-то занимается, кто-то в лаборатории сидит, а этот речь держит, куда-то бежит, откуда-то возвращается. Еле тянет на тройки,

но это неважно – голос, грудь вперед. И пораньше... Кто организует общественную работу? Я – и грудь вперед. Кто организует дружину? Я – и грудь вперед. Кто выпустит стенгазету? Я! Кто модернизирует оборудование? Я! И знаешь, уже совершенно неважно, что нет ни стенгазеты, ни дружины, ни оборудования, ты знаешь, это неважно... Тебя заметили... ты пошел... Ты уже идешь. Главное, пораньше, пораньше – и голос... Получи премию за создание нового отдела, а потом – за ликвидацию того же отдела. Участвовать в ошибочных кампаниях, но не ошибаться – это тонкая штучка...

Женщина. А знаешь, что Куликов с Зиной?

Мужчина. Да ну...

Женщина. Встречаются после работы где-то на квартире.

Мужчина. Вот идиоты.

Женщина. И все об этом знают.

Мужчина. А эта организация производства... Что ты скажешь об этой организации?

Женщина. А что я могу сказать?.. Вот ты встань и скажи... Ты же пятнадцать лет работаешь. Ты мужчина или не мужчина? Ну, я молчу, женщина...

Мужчина. Раздевайся! Мужчина... какая разница...

(Звонок. Оба вскочили. Женщина надела пальто. Шляпу.)

Мужчина. *(Гримасничает.)* Тсс-с. Тихо... Нас нет... Тсс-с. Здесь никого нет... Тсс-с... Тихо... Здесь пусто... Пустая квартира... Тсс-с... никого...

(Звонок.)

Женщина. А вдруг хозяин... Иди открой...

Мужчина. Тсс-с!.. Разложи чертеж. *(Заматывает шею шарфом. Надевает повязку дружинника. Идет к двери.)*

Голос мужчины *(у двери громко)*. Я молчу... Да, я пока молчу... А я могу и не молчать... Я могу так врубить – они костей не соберут, но я молчу. *(Возвращается, раздевается.)*

Женщина. Кто там?

Мужчина. Ошиблись дверью... Если б пошел по этой линии, вы бы все у меня в ногах... А я не могу по этой линии, грудь выпячиваю – живот получается. Вместо баса – альт, вместо шеи – пороссячий хвост. И главное, когда обещаю, думаю, как же я это выполню... А думать не надо... Вперед и пораньше... Выше и лучше... Шире и уже. *(Пьют.)* Ты видела, чтобы у директора кто-то спросил про эти ручки, которые ты сегодня чертила? Кстати, ужасно, что ты не можешь рассчитать.

Женщина. Я считала...

Мужчина. Ничего ты не считала. Магазины в голове.

Женщина. Как вам не стыдно?

Мужчина. Какие интересы дела?.. При чем тут дело?.. Главное – как ты выглядишь, какая у тебя фамилия, кто у тебя родственники. Вот как получается... А я бы так... Ты большой человек, у тебя сегодня великий пост, хорошо... Так сколько ручек на крышку ставить? А? Не знаете? Все! Билет на стол. Квартиру под детсад – и домой по шпалам, по шпалам...

Женщина. Успокойся, Миша... наладится...

Мужчина. «Наладится»! Когда наладится, когда?.. Ну, пошли. Завтра на работу... Э-эх!..

В кулуарах

Видишь – девочка, хочешь познакомлю? 226–15–48. А вот блондинка идет – 245–14–69. Лида. А вот ее рабочий – 227–49–53, с девяти до шести, перерыв с тринадцати до четырнадцати. Жуковского, тридцать восемь, квартира семь, пятый подъезд. Эта вышла замуж недавно, живут хорошо, в новом доме. Ленинский проспект, шестьдесят восемь, корпус три, квартира четыре, но уже пол трескается и плитка в ванной обвалилась. Вот идет Лида Скрябина – аспирантура строительного, сто пять рублей и два месяца каникулы. Рабочий – 246–42–38, домашний – 247–49–25, волосы крашенные, что-то с почками.

А вот муж и жена Островские – Петя и Катя. Одеты просто, а бриллианты зашиты в мешочках с нафталином, что цепляются на ковер от моли. Здравствуйте!.. Основной – в левом верхнем мешочке, восемьдесят четыре карата. Здравствуйте. Как дела? Ничего, спасибо...

А это Женя, симпатичная девочка, подходить не стоит – любит одного актера, тратит все деньги, чтобы он ее заметил. Ну, он ее заметил, теперь там трагедия. Вчера была у гадалки...

Здравствуйте!.. Сидор Иванович. Выпихивают на пенсию, не хочет, насмерть стоит. А его молодежь снизу подпирает. Сегодня всю ночь писал в горком. Написал, в кармане держит, в правом.

Здравствуйте!.. Двадцать девять лет, не мужчина... Мама в отчаянии. По всем курортам – головой об стенку. Завтра везут в Ленинград к знаменитому профессору Зильберману. Но сам Зильберман, как показала его последняя свадьба... Здравствуйте!.. У нее посаженный отец. Артель – розовые очки. Обеды устраивал, по сто человек приглашал, а кому-то обед не понравился – хлоп... Здравствуйте!.. 283–48–19, добавочный 51, с утра до одиннадцати. Могу познакомить. Три комнаты в центре с родителями. Если нажать, папа построит кооператив; внешне хромот, заставляет желать лучшую, но кооператив!.. Здравствуйте!.. Шепелявит, картавит, прихрамывает – умна как бес. Курит и пьет. Но первое время скрывает. Защищает диссертацию.

Ого, целый автобус пришел: Оля – 287–48–19, Катя – 211–15–49. Маня – старая. 187–49–34.

Послушай, а когда ты сам, тебе уже пятьдесят?!

Их день

И что смешно – министр мясной и молочной промышленности есть и очень хорошо выглядит.

И что интересно – мясная и молочная промышленность есть, мы ее видим и запах чувствуем.

И что самое интересное – продукции выпускается в пять раз больше, чем в 40-м году.

И что очень важно – действительно расширен ассортимент.

И в общем, в очень удобной упаковке.

Все это действительно существует, что бы там ни говорили.

Просто, чтобы это увидеть, нужно попасть к ним внутрь.

Они внутри, видимо, все это производят и, видимо, там же это и потребляют, благодаря руководству за заботу и ассортимент.

У них объем продукции возрастает, значит, и возрастает потребление – ими же...

И нам всем, стоящим тут же за забором, остается поздравить их во главе с министром, пожелать дальнейших успехов им, их семьям и спросить, не нужны ли им юмористы, буквально три человека.

У них сегодня внутри музыка.

Из-за забора слышны речи и видны флаги.

Там их день.

И мы, конечно, из последних сил можем окружить себя забором и праздновать свой День приятного аппетита.

Давайте-ка объединим наши праздники.

И вы не будете выглядеть так одиноко, пробираясь с работы домой и прижимая к груди сумочку с образцами возросшей продукции и расширенного ассортимента.

Как делается телевидение

Это говорю я, глава семьи, жена. Я жена, глава семьи. Мы с мужем прожили долгую и красивую жизнь и продолжаем жить долго и красиво.

Наша семья – гордость всего района, хотя очень много трудностей выпадало и выпадает на нашу долю, особенно на долю моего мужа. Он уже не может сидеть, только стоит. Я уже не могу стоять, я только лежу. Хотя вам кажется, что мы стоим рядом, но это комбинированная съемка. Меня снимали лежа, а над головой смонтировали облака. Получилось вертикально, хотя, если присмотреться, грудь заваливается за спину.

Несмотря на то что муж намного старше, нас сделали одного возраста. Меня снимали замедленно, а его – убыстренно. Мы все сейчас постарели, съемка была четыре года назад. Я уже и вид потеряла, и мнение изменила. Тогда говорила: «Пьем кофе, едим шоколад», сейчас говорю, что кофе вреден.

Голос мой недавно записывали, а голос мужа – десять лет назад, еще до того, как мы развелись. Публику, которая повалила к нам в гости, снимали на хоккее, поэтому все в зимнем, а мы – в летнем. Хохот записывали в зоопарке. Тот толстый, что очень аплодирует, когда я говорю о воспитании, находится в цирке. Сына нам подмонтировали из другой семьи. Наш меньше похож на отца, чем этот. Там, где я вначале шучу, а потом хохот, – голос не мой, а где сначала хохот, а потом я шучу, – там мой. Хотя руки на коленях не мои, руки мужские. А колени женские, тоже не мои – их взяли из передачи «Здоровье».

Мой младшенький, вы увидите, играл на дудочке, потом вздрогнул и как-то старше стал. И даже в другом костюме. Это потому, что его доснимали через восемь лет. А в конце передачи и лицо не мое – актрису такую нашли под Душанбе. Ну и, конечно, квартира не совсем моя. Дверь моя, остальное дорисовано. Бюджет наш, хотя расходы не наши. И магазин не наш. Его специально выезжали снимать, визу оформляли. Редактор сказал, что даже в нарисованном неважный ассортимент и много народу. Ресторан, где мы с мужем празднуем серебряную свадьбу, снимали в Японии, потому лица за столиками раскосые. А нас снимали здесь и наложили на японцев методом наложения. А трамваи наши, но пустые. И, чтобы было движение, вручную катят пейзаж. Восторженные лица и крики «браво!», когда мы говорим о своей работе на фабрике, записаны на концерте Рихтера в Зале Чайковского. И он играет не специально для нас, а специально для них.

И последнее: отзывы из разных городов на передачу о нас пишем мы сами. Так что не беспокойтесь, ваше мнение нам известно.

Поймите меня правильно...

Для С. Юрского

Он спокойно входит в свою квартиру. Не раздеваясь, садится к телефону. Кладет на стол какой-то пакет. Несколько раз репетирует дыхание – как бы после бега. Телефонный звонок. Смотрит на телефон подозрительно. Берет трубку, молчит. Узнает голос.

– Это ты, Боб?.. Дома я, дома... Это я для тебя дома, пойми меня правильно... Я в данный момент бегаю по городу, добываю одну штуку... Все... Пока все... *(Задыхаясь, набирает номер.)* Это Кольцов... Мария Ивановна, как шеф?.. Я в порядке совета, пойми меня правильно, как у него?.. Ну, знаешь, ну, бывает, с утра не с той ноги... Любое дело можно утробить... Я не против него, пойми меня правильно, но момент надо знать... Давай... Петр Матвеевич, вы велели держать вас в курсе дела... Стою на площади у Московского вокзала... Да!.. Тише!.. Здесь очередь из автомата... То есть в автомат... Я в будке... Тише, товарищи! Да куда ты лезешь, какие четыре минуты?.. Извините, Петр Матвеевич, я сейчас одного задую, и в очереди будет порядок... Сейчас я ему ногой... Убирайся, ты не за мной, ты за бабкой... Вон бабка бегаёт, ты за ней. Убирайся. Все из будки – моментально. Я по срочному... Петр Матвеевич, автобуса все нет... Разрешите взять такси?.. Я в порядке совета, не в порядке просьбы... Ага... Договорились... Из каждого пункта вам звоню. *(Раздевается. Зеваёт. Просматривает газету. Телефонный звонок. Берет трубку.)*

– Его нет... Брат... Не знаю... *(Тренирует дыхание. Набирает номер.)* Алло, Петр Матвеевич, наконец-то я на заводе... Только приехал... Оформляют пропуск... Подождите вы!.. Тут телефон рвут... Разрешите, я одного прибью... Хамло! Если бы у вас был наш директор, вы бы все в золоте ходили... Извините, Петр Матвеевич, я не знал, что вам слышно, мне неудобно, я вешаю трубку.

Стук в дверь. Подозрительно прислушивается. Смотрит в глазок. Спешно набрасывает на себя пальто. Открывает дверь. Входит сосед.

– Извини, спешу. Только влетел, уже вылетаю. Внизу ждет такси. Ни копейки. Если бы вчера. Беги в сороковую, там дадут. Спешу, прости.

Сосед выходит. Снимает пальто. Ложится на диван. Дремлет. Просыпается. Смотрит на часы. Тяжело дышит. Набирает номер.

– Петр Матвеевич, я на заводе, я в цеху... В общем, тут такое дело... Их все время надо толкать... Без толчков они не работают... Нет... Конечно, еще не сделали... *(Поискал. Чем-то стучит.)* Здесь шумно... Подождите!.. В конце концов, я – с директором. Да если бы у вас был такой директор... Ваш директор проигрывает нашему во всем. Начнем с организации производства... Извините, Петр Матвеевич, вам слышно... Сюда позвонить нельзя... У этих бездельников только местный... Я вам буду звонить все время. Буду держать в курсе. *(Кладет трубку. Звонок по телефону. Настораживается. Берет трубку.)*

– *(Женским голосом.)* Дау... Его нет... Он на заводе... Поздно, дау... Это его сестра... *(Мужским голосом.)* Есть, есть, всегда была. *(Кладет трубку. Задумчиво смотрит на телефон. Уходит. Появляется с кастрюлей и тарелкой. Наливает суп. Ест. Набирает номер.)* Алло, Петр Матвеевич!.. Я в отделе промышленности... А на них не надавишь – не поедешь...

Они мне – тысячи причин, бумаги какие-то... Срочно, срочно... В общем, я здесь... Посмотрим, кто кого. Нет... Вам вмешиваться не надо... Ни в коем случае. Я сам из них выбью дух... Наше дело правое, Петр Матвеевич... В общем, я записался на прием... Извините, здесь нужен телефон... *(Ест, глядя перед собой. Набирает номер.)* Алло... Все! Он позвонил на завод... Я даже не знаю его фамилии. То ли Василий Макарович, то ли Фаддей Григорьевич... Но это неважно... Я еду туда. Если успею, постараюсь вернуться... Я без обеда... Я пирожок съем. Ам! Ам!.. Ничего, главное – дело... Буду держать вас... Я веду репортаж. *(Положил трубку. Вскочил, отнес кастрюлю. Вернулся, набирает номер.)* Алло, Петр Матвеевич, я по дороге на завод... Я возьму такси, да?.. Такси, такси!.. До «Стройдетали» подбросишь?.. Почему – пятерку?! Даю три – срочно!.. Даю четыре!.. Молнией!.. Ну ладно... Даю пятерку. Сейчас же. Все, Петр Матвеевич, бегу. *(Долго чистит в зубах. Набирает номер.)* Петр Матвеевич *(тяжело дышит)*... Я опять в цеху... Нет... Все. Я отсюда не выйду... Здесь нехороший разговор... Требуют... Ну... вот эту... Неудобно по телефону... и закусочку... Да здесь один, золотые руки, без этого к верстаку не подходит. Говорит, пока не выпьет, точности в руках нет... Хотя он литейщик... Так откуда же у меня?.. На материальную помощь?.. Хорошо... Я пока тут попробую... У меня дружок один... Игорек... как сотрудник сотруднику... двадцаточку... У тебя только двадцать пять?.. Ну клянусь! Ну поверь... Ну я тебя когда-нибудь подводил?.. Ну прошу, ну на коленях. Ради производства... Ну черт с тобой, ну ради меня, ради шефа, ради мамы своей, ну ради твоей... Двадцать пять... У нас?.. Есть, наверное... Петр Матвеевич, кое-что из сантехники?.. Есть... Все. Получишь, сквалыга... Да уж, если б у вас был такой шеф... Все, Петр Матвеевич, я не знал, что вам слышно, бумаги, так сказать, у меня... Я бегом за угол... Я думаю, три бутылочки, колбаски и голландского сыру... Понимаю... Это вас не касается. Я в порядке совета. Вся ответственность на мне. В случае чего вы в стороне... Значит, заявление я напишу. На тридцатку. А-а, там еще такси... В общем, кругом бегом – на пятьдесят рублей... Сейчас я в магазинчик... Не буду говорить твердо, но думаю, мы сегодня прорвемся... Да, правильно, тьфу-тьфу-тьфу... Я отсюда не уйду... Стою до последнего... Так я в магазин... *(Кладет трубку. После паузы набирает номер.)* Алло, Петр Матвеевич, я из магазина... Здесь только коньяк... Дать вам директора?.. Все понял... Я в порядке совета... Беру две коньяка, сыр, лимон, колбасу не беру – она к коньяку не идет, шампанское брать?.. Извините... Не знаю, хватит ли... *(Кладет трубку.)* Черт, даже самому выпить захотелось... Нет, нельзя. Доведем... *(Набирает номер.)* Алло. Я из цеха... Приняли, Петр Матвеевич... Начали... Уборщица у них окосела окончательно... Мне придется вместо нее стружку отгребать и отливки оттаскивать... От горнила... Нет, нет, отливки не нам, это их отливки, но раз уж взялся, чтоб они освободились... Чтоб нам делали, ради производства, ради нашего дела, я не ради красного словца, поймите меня правильно... *(Кладет трубку. Ложится на тахту. Набирает номер.)* Петр Матвеевич, мало... Бросили на полдороге... Золотые руки сказал: пока у меня оба глаза не заблестят, не стронусь... Я сказал, блесят, но он говорит, блесит один... Денег нету... Я тут что-то продам... Да им же... Алло, Петр Матвеевич, я продал ему босоножки и брючный пояс... Ничего, он мне дал кирзовые, литейные, знаете, что без носков, и веревку, только чтоб домой дойти... Ну что делать, я же знаю, что мы горим... Да и я же только начал у вас работать, Петр Матвеевич, поймите меня правильно, надо же показать товар, я в порядке шутки, верно?.. В общем, я работаю так всегда. Я не хвальнось, поймите меня правильно, но я могу рассчитывать там на какое-то движение... так, без обязательств, в порядке трепа?.. Извините, Петр Матвеевич, требуют, требуют, чтобы я опоку переташил к окну... минуточку... Буду я тебе таскать туда-сюда! Ты на мои руки посмотри! С такой работой... Давай на беленькую перетащу... Ну ладно, давай на красненькую... *(Шепотом.)* Петр Матвеевич, я же сказал, отсюда не уйду. Мы все остаемся на ночь... Какой – домашний?.. Все... *(Кладет трубку. Засыпает. Просыпается. Смотрит на часы. Вскрикивает. Набирает номер.)* Алло! Извините за столь поздний звонок... Петра Матвеевича,

пожалуйста... А вы разбудите... Алло (*тяжело дышит...*) Петр Матвеевич, есть!.. (*Разворачивает пакет, который принес днем.*) Есть! Аккуратненький (*рассматривает*), покрашенный, все размеры выдержаны... Наша! Ура-а-а! Ура-а-а!.. Я сейчас вам привезу его домой... Хорошо, завтра... Я от радости, поймите меня... Да вы не беспокойтесь, я отгуляю... Можно я прямо завтра денек?.. Привезу – и отдохнуть... А остальные к отпуску присоединим... А пятьдесят рублей – к отпускным и премию... Все, падаю с ног! Да, насчет квартиры... Все, падаю с ног!.. Да, и вот там сантехника... Все, едва стою... Здесь ночная смена трубку рвет... Спите спокойно... (*Кладет трубку.*)

Звонок телефона. Берет трубку.

– Алло, Катя?.. Я сейчас в Эрмитаже, отсюда неудобно говорить... Тьфу!.. Ой, прости, совсем замотался, я только что пришел из цеха, я страшно устал, сейчас еще надо успеть на почтамт телеграмму дать... Ну и черт с тобой... (*Бросает трубку.*)

Звонок телефона. Берет трубку.

– Костя... да я... выезжаю... (*Кладет трубку, засыпает.*)

* * *

Товарищи! Ну кому-то же интересно, что человек уже месяц не пьет, не ест хлеба и сахара, делает зарядку, отжимается от пола на кулаках, висит на перекладине, издевается над собой. Кто-то будет об этом говорить? А сидение дома по вечерам. Кто-то будет это отмечать? А то, что ни одной знакомой, никаких интриг, прогулок и лунных ночей – об этом будет какая-нибудь статья?

Товарищи! Больше внимания друг другу.

* * *

Давайте переживать неприятности по мере их поступления.

* * *

Во дворе съемочная группа. Крики: «Михаил Михайлович! Ну Михаил Михайлович». Я спешу, выскакиваю во двор. Подходит соседка.

– Миша, у тебя есть свободная минутка?

– Для вас, Майя Матвеевна, всегда.

– Застегни брюки, пожалуйста.

* * *

– Дорогой Миша! Ваши произведения должны быть на солнце, а вы – для здоровья – в тени.

* * *

Каждый ледокол имеет право на льдину.

* * *

По тому, как он плевал, сморкался и икал за столом, было видно, что он старается держаться прилично.

* * *

Не надо за меня. Пей за себя. За свое здоровье. За свое хорошее настроение, за свое внимание и заботливость. За свои удачи. За свою работоспособность – для меня.

* * *

Я внезапно оделся красиво. Выпил. Вспомнил двух лучших людей на этой земле. Подумал о себе хорошо. От этого стало грустно. И стал ждать, с кем бы поговорить.

Наша команда

У нас своя команда. Она в шубе и сапогах, я в болонье и валенках... Дошли с моей родной до дорожки. Она первая на тысячу пятьсот метров, в искусственной шубе и сапогах. Я на три тысячи ушел от всех и весь в болонье. Смерч на дистанции.

Меня раззадорить, раздолбать, дать родной пейзаж, любимые трамвайные крики – уйду на шесть кругов, с чемоданами, в пальто, и еще дам двойной ритбергер и наш тройной Сидоров с уходом штопором вбок и завершающим криком на дистанции.

Она, с сумкой, полной продуктами, обошла Стин Кайзер и Улее Кее Днестру, накормила детей, постирала, подогрела и была такова в течение часа обеда, двигаясь по прямой вперед и назад и одновременно вращаясь по и против часовой стрелки.

Наш человек с этажеркой и бидонами мчался по лыжне, потом случайно попал на лед. На четыре круга впереди всех, в ботах, под аплодисменты занял очередь в ларек, дождался, пока займут за ним, летя домой за деньгами, вырвался из-за поворота, ухнул вниз, наказал четверых бобслеистов из ФРГ, успел к ларьку и обратно, с полным чайником, по сильно пересеченной местности, через кабель, канавы, горы песка и вброд между домами, с голландским сыром и докторской колбасой в боковом, с петрушкой в пистончике и двумя поллитрами, бьющими по ногам, с портфелем сзади и транзистором на шее. Ветром от него был сбит с ног чемпион Европы прославленный Эрхард Келлер – двадцать восемь лет.

Нас за минуту собирается тысяча в определенной точке, в определенное время, к открытию... Пожилые люди преодолевают многие километры при плохой погоде, при сильном встречном ветре, с четырьмя сотнями пустых бутылок в трех огромных наволочках, прогнувшись назад, уверенно обходя представителей восемнадцати стран, в том числе скандинавов, признанных фаворитов, и, не разрушив ни одно горлышко, двойным ритбергером и тройным Сидоровым, с прощальным штопором вбок и затухающим криком на дистанции мечут посуду в амбразуру пункта ПППП (приемный пункт пустой посуды), не оставляя никаких надежд соперникам.

Трое наших в понедельник, опоздав на круг, обогнали и сдули пену на девятнадцатилетнего студента из Ванкувера, поставили кружки и уже пылят вдаль, теряя очертания и давая план... Приходим к финишу, так и не отдав всего, на что способны, но взяв все, что можно было на дистанции пути, обнаруживая вечную форму, многолетнюю спортивную злость, великолепную агрессивность и уважение к инвентарю.

Высоко прыгаем, потому что хороший толчок получаем. Быстро бегаем, потому что не на результат, а за результатом. Берем максимальный вес, чтоб не прогадать, и на максимальное расстояние с максимальной скоростью в преддверии автобуса, который тут должен быть, но его нету.

Так и несемся – кадр за кадром, кудря за кудрей, пакет с пакетом. Ухо в ухо, глаз в глаз! Ишь ты! Ну ты! Что ты! Куда там...

Ранняя пташка

А я с утра уже...
Ох, люблю я с утра!..
Эрли Бёрд, ранняя пташка, – это я.
Как идет!
Сначала колом, потом соколом, потом мелкими пташками.
С утра ее возьмешь, всю ломоту снимает.
Итальянский коньяк привез наш советский товарищ, «Шпок» называется.
Это да!
Шпокнули мы по первой – сразу стала голова проясняться.
Шпокнули по второй – голова ясная, как стеклышко!
Шпокнули по третьей – свет невозможный, яркий.
Сам легкий, как ангел. Все соображаешь.
Я из своего окна Невско-Печерскую лавру увидел.
Первый раз, никогда не видел. Обострилось все.
Еще по стакану дали себе – вижу странное здание на горизонте, но не могу черты разглядеть.
Добавляю. Всматриваюсь – он!
Точно, университет. МГУ. Московский.
Из Одессы вижу.
Шутка сказать, зрение обострилось до орлиного.
Коньячок... «Шпок» называется...
Ну, глядим на университет и шпокаем еще.
Прислушался. По-немецки говорю.
Ну?.. Сроду ни одной буквы не знал.
Ну!.. И все понимают.
Ну? А раньше – ни в зуб колесом.
Голова ясная, как хрусталик.
Все вспомнил, что в жизни было.
Ножки легкие, как перышки.
Тельце тоненькое, как шнурочек, организм работает как часы!
Вот коньячок!
Еще две бутылки осталось.
Хочу сегодня Достоевского вызвать и по-гречески думаю заговорить.
Вот коньячок!
«Шпок» называется!

В магазине

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Покупатель (*шепотом, подмигивая и оглядываясь*). Мне туфли, комнатные... Вам звонили обо мне?

Продавец (*шепотом, подмигивая и оглядываясь*). Звонили.

Покупатель (*шепотом*). Туфли, комнатные.

Продавец. Понятно, не кричите... Нету.

Покупатель (*шепотом, оглядываясь*). Ясно... Куртка оригинальная на меня, пятидесяти-
тый, два?..

Продавец. Тсс-с... Тише...

Покупатель. Буду тише.

Продавец. Всюду уши.

Покупатель. Куртка?

Продавец. Тсс-с...

Покупатель. На меня?..

Продавец. Шшш...

Покупатель. Оригинальная?..

Продавец. Тсшшшссс...

Покупатель. Есть?

Продавец (*долго оглядываясь*). Нет.

Покупатель. Брюки интересные (*оглядывается*)... пятидесятиый?..

Продавец (*оглядывается*). Шшш. Тсс-с. Нету.

Покупатель. Вам же звонили?

Продавец. Да.

Покупатель. Пальтишко-дубленочка?..

Продавец. Нету.

Покупатель. Вам звонили или не звонили?

Продавец. Звонили, звонили.

Покупатель (*оглядывается*). Может, я попозже?

Продавец. Не надо. (*Оглядывается.*)

Покупатель (*оглядывается*). Ага... Тогда я больше не зайду.

Продавец. Тсс-с.

Покупатель. Вы меня больше не увидите.

Продавец. Тсс-с!

Покупатель. Может, позвонить?

Продавец. Не надо.

Покупатель. Не буду. Договорились.

Продавец. Только умоляю.

Покупатель. Я – могила, исчезаю.

Продавец. Шшш... Куда?.. Через черный ход!

Колебаний у меня нет

Нам объявили, завтра горячей воды не будет. Тссс... Отключают наш район на три дня. Испытание системы (*оглядывается*) высоким давлением. Не пропускает ли где.

Новый дом сдали в Черемушках. Трамвай будут продлевать. А осенью начинается охота... (*Оглядывается*.) Люди с ружьями пойдут. А без ружей как?..

Неподалеку от нашего овощехранилища что-то строить начали. Сваи бьют: тук-тук, тук-тук. Забором обнесли – и бум-бум. А чего там будет? На заборе, кроме известных слов, ничего.

А вчера что-то как ба-бах! И еще раз ба-бах и дзинь.

Сомнения меня одолевают...

В магазинах вроде все есть... И никто ничего не говорит. А может, все ж таки – запасец небольшой?.. Ничего не слышали? Чтоб у кого-нибудь покрупнее спросить?.. А? На будущее?..

А то в белых сорочках все будем сидеть и в галстуках, а без перловки. Из телевизора крупы не отсыпешь, из репродуктора постное масло не пойдет.

Я сегодня опять в магазин сбегал... (*Оглядывается*.) Еще есть... Яйцо диетическое. С печатью. Курочки такие пошли – с печатями яйца дают, или, может, начальство отмечает, кто сколько съел?.. А?..

Сомнения у меня есть. Я, конечно, понимаю и вижу. И колебаний у меня крупных нет, но мелкие сомнения...

Приемники у всех, телевизоры...

Бабка такая – еле дышит, а телевизор волокет... И у меня есть. Я пока самый большой не покупал, пока маленький. Как в скважину смотрю, мучаюсь. А большой не решаюсь.

Вдруг в один прекрасный день... А?.. Отдай большой... А?.. Верни шестьдесят один по диагонали... Короче, почему такой экран?

А что я скажу? Виноват! Ну что я скажу?..

Носишь габардиновое, ратиновое, заграничное? Ношу. Почему? Виноват...

Почему такой толстый, жизнерадостный, розовый, ясноглазый?.. Виноват... А что я скажу?..

А с деньгами как? Я в сберкассе не держу.

Я в холодильнике, в морозильнике: залил водой, и окостенело триста двадцать два рубля пятьдесят семь копеек.

А черт его знает! Колебаний у меня крупных нет, а мелкие сомнения...

Все в квартире держу – картошечка, лучок, мучка...

Ванна всегда полная. Вдруг – с водой? Есть, есть – и нет, нет.

Свечечка наготове. Лампочка – тюк, а у меня свечечка и спичечка.

Я электричеству доверяю, и колебаний у меня крупных нет. Но сомнения мелкие...

Два запасных стекла... Примус. Помните? У всех был, а у меня есть.

Керосина банка, мыла ящик. Вата, бинты, йода два литра, пенициллина ящик. Все в доме.

А вдруг таким снегом занесет, что мы не выйдем никуда?! А у меня все есть.

Пенициллин у меня, примус разжег, бинты приготовил, консервы открыл и живешь и из окна смотришь.

Хуже будет, если ничего такого...

Все в новой квартире держу...

На антресолях такое развел! Проросло все там. Такие жуки, как лягушки. От спичек самовозгорание два раза было. Еле спаслись...

Мне б с кем покрупней поговорить...

Чтоб сомнений у меня не было. А?.. Я могу надеяться? Тогда я это к чертовой матери...

А?

Может, мне не запастись? А?..

А что там строят? За забором?

Как бы мне узнать!

Колебаний у меня крупных нет. Хочу, чтоб сомнений не осталось.

Что вы сказали?.. Какой слух идет?..

Гражданское мужество

Вот я тут слышу, многие говорят, что у нас все хорошо. С хоккеем замечательно, с шахматами просто хорошо совсем. Вроде уже больше никаких таких проблем, таких крупных, не осталось. Вот еще, мол, сигналы поступают с других планет.

Так вот, отвечать или отмалчиваться? Если это, мол, решим, ничего уж такого важного, крупного, такого серьезного не останется.

Уже вроде все налажено, решено, наделано очень хорошо.

Ну еще там витрины не умеем оформлять, а как научимся, так вроде уже и ничего такого крупного... Это говорят некоторые, а некоторые не удовлетворяются тем, что говорят, и пишут еще... Еще пишут об этом в книгах.

Думаете, они так говорят, что действительно так уж со всех сторон?..

Смелости не хватает, гражданского мужества. Посмотреть в лицо себе. Крикнуть: «Не могу молчать!» Что значит: недостатки кончились? Да ты выйди, встань на площадь, оглянись. Реклама горит. А в ней третья буква горит?

«Пар... ходами». Что «парходами»? Ах, «плывите парходами»! Все проходят мимо, все.

Милиция куда-то пьяного тащит, очередь за чем-то мерзнет, и никому нет дела. А меня гнев терзает. Крикнуть хочется: «Буква, буква!»

Всем плевать, у всех все решено. Где же гражданский гнев? Вот вам – все хорошо!

Идем дальше. Новые районы, жилье. Во, вижу – глаза загорелись. Что, не проблема? Так куда форточки открывать? Туда или сюда? Сюда или туда?

Я в новых районах был, я из люка наблюдал. Как раз в люк провалился.

Водой там все залило, ни черта не видеть.

Смотрю из люка на форточки, и ярость меня душит.

Что это, не проблема? Почему не обсудить с народом? Опрос населения, дискуссию вернуть. Могут быть разные мнения. Неприятно, неожиданно, но что делать? Кто-то «за», а какой-то гад – «против». Может такой гад найтись.

Так что же, из-за него не проводить дискуссию? По такой проблеме? Все молчат, а я не могу. Достоинство не позволяет, гордо поднятая голова.

Иду дальше, рубить так рубить. В глаза, в душу, в лицо. В кафе иду, в вечернее. Полдня стою в очереди, попадаю. Вроде все хорошо. Острым глазом подмечаю: к чашке два куса сахара дают. Так, это откуда же идет? Это где решили? Наверху? А может, нам мало тут, внизу? Они же живые люди, тут, внизу? Они еще и разные кое в чем. Некоторые даже отличаются друг от друга. Да, не слышали? А может, кому-то не сладко здесь, в кафе? А мы за что боремся друг с другом? Чтоб всем одинаково было хорошо.

Да, на первых порах кто-то бросит три куса, когда ему нужно два. Ничего, сглотнем. Это доверие к людям. А людям осторожно, с оглядкой, но иногда можно доверять.

Вот вам еще проблема.

И, как ни горько, кроме тех недостатков, что я перечислил, есть еще.

С удобствами как на улицах? Я вижу, некоторые оживились.

Есть недостаток – нет удобств: идешь-идешь, бежишь-бежишь... Тьфу.

А ручки на троллейбусах? Многие заерзали. Что, больное место задел? Да, неудачно стоят. Не во что вцепиться. И никто мне рот не закрывает.

Зеркала в бане волнистые. То ли ты в штанах, то ли без. И рожа такая... Ну зеркала делают!

Бритва электрическая: жужжишь, жужжишь, жужжишь, жужжишь... Это настолько остро, что об этом можно уже и не каждому говорить.

Тут и туристы, которые не должны знать, тут и свои некоторые.

Так что лучше вообще молчать. При встрече бритву показал, оба понимающе усмехнулись и исчезли. И продавцу – ни слова. Хорошо, мол, бреет.

– А почему возвращаете?

– А на железную перехожу. По совету врачей.

– А чего возвращаете пылесос, магнитофон, туфли, плащ и брючный пояс?

– А так, мол, увольняюсь.

Но это уже проблемы, о которых молчат. Разражаешься справедливым гневом в урну, в ямку.

Да, есть проблемы, о которых молчат, если это нужно для их устранения. Но есть то, о чем молчать нельзя! Вот я и не могу молчать.

Все довольны: нашелся один смельчак. И всем легче стало. А он – давай шкурой вперед. Я тоже могу молчать и про ручки, и про форточки. Никто меня не обязывал и не просил. Мог и не говорить. А что я сказал? Что думал, то и сказал. Конечно, кто-то будет недовольный, я его понимаю. Может, я что-то лишнее сказанул?

В запале, наверное, я что-то лишнее наплел. Понесло меня тут. Но я хотел, чтоб лучше все-таки. Но если я действительно что-то, то я могу отказаться. Тут же.

Я, если задел кого-нибудь, я могу извиниться. Все молчат, но я, знаете, не то чтобы нагорело или, не дай бог, накопилось, – нет. По дурости. Сколько раз себе говорил: «Все молчат. А ты?»

Это когда гражданское мужество понесет, так тут запирай ворота. В общем, я просто на коленях умоляю: забудем то, что я здесь наговорил. Что я, не понимаю? Если нужно помолчать, значит, помолчим. Чем дольше молчишь о недостатке, тем лучше для него. Это – правило. И не нужно бояться своей смелости – не трусить от своего мужества, не дрейфить от своего бесстрашия. Чувство собственного достоинства... Гордо поднятая голова... и тсс-с!

Черная полоса

Для Р. Карцева и В. Ильченко

– Запутай его, запутай. Постарайся его запутать. Ух-тух-тух. Ух-тух-тух. Ту-ту...

Зайцев (*Кольцову, тяжело дыша*). Ты его запутал, да? Уладили.

Кольцов. Да... Уладил. Слава богу...

Зайцев. Ну пока ты его путал, там второй кран перевернулся и опять на твоём участке. Что с тобой? Полоса у тебя, что ли? Беги куда-нибудь.

Кольцов. Так куда бежать?

Зайцев. Там телеграмма тебе. Я не читал. Что-то «не любила и не люблю...», «и не смей больше...». Я не понял что и не читал, лежит у начальника участка. Он все отменил – тебя ждет... «Дождусь, – кричит, – хоть умру здесь. Я должен его дожидаться, все вон отсюда... Я ему наедине, а потом все войдете».

Кольцов. Я бегу.

Зайцев. Куда? Постой. Слушай меня внимательно!.. Как дела?

Кольцов. Ты про что?.. Мне надо...

Зайцев. Откуда у тебя так плохо все? Ты что, в полосу попал? Ну и полоса – уже вдоль пошел.

Кольцов. Вдоль чего?

Зайцев. Ну, жизнь полосами, а тебе надоело поперек, ты вдоль черной пошел. Одно за другим.

Кольцов. Я к крану побежал.

Зайцев. Не беги. Там драка у тебя на участке. Крановщики упавших кранов с инспектором по технике безопасности. Он тебя кричит. Все тебя кричат. У одного из них твое письменное распоряжение гнать, невзирая на ветер, потом резко осадить. И слова какие-то: «Я для вас синоптик. Только моим предсказаниям верьте». Ты спрячешься, да?

Кольцов. Так как же.

Зайцев. За что-нибудь спрячься. Буквально за что-нибудь. Тебя все кричат и сверху и снизу... Сотрут в порошок. Беги. Но ты далеко не отбежишь, не успеешь...

Крики. Так где же все-таки Кольцов? Кто его видел?.. Он был сегодня с утра?.. Где же этот мерзавец?..

Зайцев. Ты сейчас побежишь или подождешь?..

Кольцов. Куда? Найдут...

Зайцев. А не ты сказал: «Все! Поднимай народ?..»

Кольцов. Где же? Я же только оформился... Ой ты, мама родная...

Зайцев. Подожди, говорят, ты тут выражался, мол, «это не производство, и это неудивительно при таком руководстве...» и «я не видел крановщиков тупее... начальник участка не человек... и его секретарша не женщина... Даже друзья главного технолога идиоты...».

Кольцов. Как же... когда... я понятия не имею...

Зайцев. Потом еще передают твои слова, что на машиносчетной станции все женщины низкого пошиба, поэтому ни зарплат, ни удовольствия. И еще твои слова смакует, что когда замминистра гуляет с собакой, то неизвестно, кто сейчас будет лаять, кто улыбаться. Мне интересно, как это рождается? Ты мысль сразу записываешь или даешь отстояться?

Кольцов. Что ты? Как я мог? Я же знаю этих людей...

Зайцев. Ну это бы куда ни шло, хотя Чаленко с криком «Я его и так помню!» изорвал твою фотографию для опознания, пытался порвать личное дело. Это бы куда ни шло, но то, что второй кран упал на баржу, а та протаранила танкер, а тот свернул причал! Как ты будешь

рассчитываться? Если даже в течение семидесяти лет – и то по шестьсот рублей в месяц, а ты сколько получаешь?

Кольцов. Сто пять.

Зайцев. Драгоценности есть?

Кольцов. Транзистор.

Зайцев. Даже если продать?.. Нет... Все, прячься, идут. Я их отвлеку.

Начальник. Ищите, ищите, заглядывайте во все щели. Он очень ловкий. Вот кто его видел?! Вы его видели?

Зайцев. Как же я мог его видеть? Во-вторых, кого?.. Мы друзья, и я никогда его не выдам. Но о ком идет речь?

Начальник. Вы прекрасно знаете... Это вы сказали, что по его вине... Он у нас второй год работает.

Зайцев. Товарищи! Его нет. Но он не хотел. Он случайно подписал этот жуткий приказ, приведший к таким ужасным последствиям, от которых страдаем мы все, хотя он не хотел. А вы-то кого ищите?

Начальник. Он хотел. Я давно к нему присматриваюсь. Как его только к нам распределили, я сразу понял, что нас ждет... И все два года как на вулкане. Вы его друг?

Зайцев. Да.

Начальник. Где он?

Зайцев. Кто?

Начальник. Ваш товарищ. По его вине уже третье ЧП.

Зайцев. Нет. Он сказал, что только месяц у нас работает. Только пришел из института и еще ничего не знает, и вообще, молодой специалист, и может делать любую глупость вплоть до преступления, и плюет на всех, сейчас он ушел на пляж и велел спросить: почему вы ему не даете жилье? Он активно хочет жениться на ком-то из отдела труда и зарплаты, хотя говорит, что они все низкого пошиба, но у него есть подозрение, что из вилки оклада ему платят низший, а начальнику высший, и он будет женат на труде и зарплате до тех пор, пока не разберется в этом безобразии.

Начальник. Я не знаю, о ком вы говорите. Я лично – о Кольцове Юрии Александровиче, который у нас два года работает.

Зайцев. Ах, вы о Кольцове, мы тут могли неделю разбираться. Я тоже о нем. Но мы с вами утверждаем, что он два года работает, он утверждает, что только месяц, потому я не знаю, о ком разговор, и еще такой молодой специалист, что даже на замминистра ему плевать.

Начальник. Какой месяц! Я же непосредственно два года им руковожу. Я его вижу каждый день. Два года!

Зайцев. Но он говорит – месяц.

Голос. Замолчите, не могу больше.

Начальник. Как вы смеете? Я вас вообще выгоню. Вы почему болтаетесь без дела? Ваша фамилия?

Зайцев. Я не знакомлюсь на улице.

Начальник. Ах так. Тогда дайте телефон.

Зайцев. Вам?.. Ха-ха. Нечего мне больше делать... Как вы вообще смеете? Дурак!

Начальник. Я достану ваш телефон. Я из-под земли... Я вам позвоню. Всех уволю к чертям.

Зайцев. Вы уж извините, но в одну компанию нас не суйте... Какой я ни есть, а в одну компанию с ним не пойду. И не смеет этого быть.

Начальник. Чего быть?

Зайцев. Этого.

Начальник. А что там, за портьерой?

Зайцев. Что? Где? Кто там, может, Кольцов, что ли? Вам всюду он мерещится... Натe, смотрите! (*Бьет, колотит портьеру, разгоняется головой, спиной, ногами, оттуда легкие стоны.*)

Начальник. А ну, давай я...

Зайцев. Ну давай, давай... Как ребенок, ей-богу. Смотрите, вот, вот Сидор Григорьевич идет.

Большой Начальник. Все уволены к чертям. Четыре часа звоню. Ни один телефон не отвечает. Вагоны стоят, все стоит, что здесь происходит? Чем вот вы занимаетесь, вот вы, мне интересно?

Начальник. Поймал двух бездельников и три часа с ними разбираюсь.

Большой Начальник. Я тоже поймал двух бездельников.

Начальник. А вы где их поймали?

Большой Начальник. Вот здесь...

Начальник. Ты смотри. А вы когда обычно ловите, с утра или к вечеру?

Большой Начальник. А вот в это время. Я как вижу – вагоны стоят, так и выхожу...

Начальник. Что ж это вы, и на соседние районы забредаете?

Большой Начальник. А как же, я всюду ищу своих.

Начальник. Нет уж позвольте...

Большой Начальник. Нет уж извините...

Начальник. Уж если вы на мой район забрели.

Большой Начальник. Что же это, я только вдоль границ могу ошиваться?

Начальник. Именно, именно, по баньку, по баньку, не мы с вами делили. За баню нос не высовывайте. Моя нога когда-нибудь к вам ступала? Кто-нибудь ее там видел?

Большой Начальник. А если бездельники?

Начальник. Сам разберусь. Они мои. Для этого поставлен.

Большой Начальник. Посажен.

Начальник. Будете писать?

Большой Начальник. Мало ли что?

Начальник. А сауну будем учитывать или сразу забудем?

Большой Начальник. Я ведь чего хотел, если вы не будете заниматься вагонами, тогда другое дело. Но ясность. Мне же не надо больше других. В конце концов, Пупенко все равно, Нечипоренко все равно, Крамаренко все равно и Кучеренко все равно, чего ж я, Сидоренко, должен волноваться. Вы меня поняли?

Начальник. Я вообще.

Большой Начальник. Вы меня поняли?

Начальник. Зачем вам вообще, когда это не смеет быть.

Большой Начальник. Вы меня поняли?

Начальник. Я спрашиваю.

Большой Начальник. Но вы меня поняли?

Начальник. Я вас понял.

Большой Начальник. Все. Я пошел. У меня тоже куча дел. Сегодня троих за пьянство разбираем, шо я з теми вагонами, как мальчишка, ей-богу... Так что если шо надо – звякни, я всегда прибегу, и Мария моя бычков засушила, все внутри выгорает, пиво бочками пьешь... Во Мария-рукодельница. Так что, если в настроении – все ко мне, и этого оборванца бери.

Начальник. Я ему дам. Он у меня на выданье. Сейчас он запомнует все. Слышал, что училил? Приказ написал: гнать краны при боковом ветре.

Зайцев (*шепотом*). Это не я.

Начальник. Дальше: «Синоптикам не верь. Я всем синоптикам синоптик».

Зайцев (*шепотом*). Это же не я.

Начальник. Краны поперевернулись, чем подымать, не знаем. Пароход страдает.

Зайцев (*шепотом*). Это не я. Не я.

Начальник. Как прикажешь поступить?

Большой Начальник. А фамилию его, а протокольчик-актик троечка подписывает, наче-тик составляем, в прокуратурочку звоночек, там это дельце в ходик, два милиционерчика берут этого оборванца, и только пыль – свидетель разыгравшейся трагедии.

Зайцев. Но это же не я... Я к этому никакого отношения не имею.

Начальник. И он тут пытался мне дурочку ввернуть, как будто я радио не слушаю, и хорошо, что тревога учебная. И у нас просто маневры руководство проводит, чтоб определить возможные ЧП, и Кольцова за портьерой ты правильно набил. А теперь все по местам. Репетируем нормальную работу.

* * *

Кстати, давно хотел спросить:

– Плохая жизнь делает человека лучше?

Наши говорят:

– Да!

Сами люди говорят:

– Нет!

Расспросить иностранцев мешает чувство благодарности.

* * *

Мужчина – это профессия.

Женщина – это призвание.

* * *

На вопрос «Как живешь?» завыл матерно, напился, набил рожу вопрошавшему, долго бился головой об стенку, в общем, ушел от ответа.

* * *

Ради нее он построил подводную лодку, чтобы уплыть в Финляндию с ней.

А она опоздала на час к отходу.

А он, сука, ушел точно по расписанию.

А она рыдала, бедная, глядя на перископ.

А он сидел в рубке, принципиальный, сволочь...

Ей потом говорили:

– Не жалея! С таким характером и там никто жить не сможет.

* * *

Оружие пожарника – паника.

* * *

Мое истинное предназначение – быть в гостях у женщины.

* * *

Ну, приспособился народ.
Ну, публика вертится.
Едят то, чего нет в меню.
Носят то, чего нет в магазинах.
Угощают тем, чего не достать.
Говорят то, о чем не слышали.
Читают то, что никто не писал.
Получают сто двадцать – тратят двести пятьдесят.
Граждане воруют – страна богатеет.
В драке не выручат – в войне победят.

* * *

Чем больше женщину мы меньше, тем меньше больше она нам.

Болеем, болеем!

Это меня сейчас все не волнует. Меня сейчас волнует совсем другое: как у наших пойдут дела в будущем сезоне. Я всю жизнь болею за футбол. У меня от семечек язва желудка. Вот ты молодой, ты еще не знаешь, что это такое, да? Тебе весело живется: мальчики, девочки, танцульки. Подожди, будет и язва. Ну, это меня все не волнует, меня сейчас волнует совсем другое, меня сейчас... Давно ли я болею? Хе-хе. Тебе сколько лет? Двадцать два? Чудный возраст. Мальчики, девочки, танцульки... Так вот, когда твой папа страдал детскими болезнями и лежал пересыпанный тальком, я уже играл за сборную Одессы хавбеком. А на воротах стоял мой брат Леня, и мы играли с турками. Или это были не турки, но очень похожи. Они нас били по ногам, чтобы мы не играли, а мы что делали? Мы прыгали, чтобы нас не били. Я, помню, взял мяч на голову, а это оказался кирпич. Я побежал вперед. А куда бежать – сзади свои. Тут мой брат как крикнет: «Прыгай, Сеня, сзади!» Он так крикнул, что я так прыгнул, что я увидел море, пароход «Крым» и Дерибасовскую. Сломал ногу. Правую сломал. Ниже возьми, возьми ниже... бери. Ниже... а-а-а, да-да, здесь. Вот он спрашивает, долго ли я болею? Я тебе скажу, когда гол, где, кто забил, в какие ворота.

Когда Одесса впервые выиграла у Киева, у меня родился ребенок. Сколько ему сейчас? Сейчас я тебе скажу. Сейчас, подожди, значит, это был тридцать третий год. Значит, стадион «Водник». Он бил правой ногой в левый угол. Я сидел в пятнадцатом ряду. Да, ему сейчас сорок лет, моему сыну. А что, Одесса – это Одесса, я всю жизнь на стадионе. Всю жизнь. Моя жена несчастная женщина. Она не может смотреть на меня без слез. Она мне прочитала, что в Бразилии кто-то умер на стадионе. Так я ей сказал, что я бы тоже умер спокойно, если бы увидел такую игру. Чтоб они так играли, как они пьют нашу кровь!

У вас здесь те же дела, все то же самое, с «Зенитом» с вашим, тут. Когда они почему-то выиграла, у моего брата не выдержали нервы. Он схватил с лотка бублики и начал разбрасывать в народ. Он не помнит, сколько он бросил. Разве сосчитаешь, когда сдают нервы? Он бросил пятьдесят два бублика. А что, Одесса – это Одесса, и футбол – это главное. Те, кто когда-то говорил о политике, теперь говорят о футболе: тоже защита, тоже нападение, тоже разные системы.

Я всю жизнь на улице. Всю жизнь. Дома у каждого свои неприятности: жена, квартира, зарплата. Выходишь на улицу – все хорошо. Так я понял, что мы внутри не умеем жить. Кто нам виноват, что на улице все хорошо, а дома – неприятности? Сами себе. Я, помню, взял у жены зарплату, всю. Начал сам распределять. Провалился с треском. Отдал ей все обратно до копейки. Она сейчас сама распределяет. Ей тоже не хватает.

Ну, что, скоро сезон, побежим на стадион. Мы, как древние греки, черпаем силу с поля. Но это меня сейчас все не волнует. Меня сейчас волнует совсем другое...

О, чтобы они горели, как они пьют нашу кровь!

Он – наше чудо

Он – наше чудо. Он – наша гордость. При виде женщины встает, дает ей стул, пальто. Не спит на собрании. После доклада о международном положении и происках реакции ему стало плохо. Остальные, окружив, долго смотрели на него и, даже проводив «Скорую», не могли разойтись. Так это на всех подействовало. Через него сам начинаешь чувствовать. Ему скажут: «Не волнуйтесь, мы этот вопрос решим через неделю».

Он верит! Запоминает, приходит через неделю! И спрашивает: «Ну как?...» Что – как?! Все забыли, о чем это он. Ах, об этом...

Через него чувствуешь. Мы им просто гордимся. Он ведь, в общем, вреда никакого не приносит, но удовольствия масса. Видит: «Посторонним вход воспрещен!» – не затолкнешь. Все туда рекой текут, что-то выносят оттуда, он – ни с места. Такая канареечка! Все-таки под сорок – и такое чудо маленькое.

А если по знакомству что-нибудь, то вообще не дай бог. Некоторые видят, как он живет, как одет, – пожалеют. Иди, мол, туда, я там договорился. Не идет! Seriously!

К нам толпами вают, спрашивают: где он? Мы говорим, вот он, у окна. Он работает, а на него стоят смотрят. Одна чертежница жевала и смотрела на него полдня. Он же отказывается стричься, лечиться, дома все механизмы не действуют. Гонят его: иди стригись, лечись, чини – не идет. Не может в рабочее время. А в нерабочее время те же тоже не работают. При всем при том поговори с ним – ничего такого не почувствуешь. Никаких закидонов – как вы, как я... То есть, видимо, что-то есть, но внешне... Все ко мне бегают – я с ним рядом сижу. Я говорю: «Что вы бегаєте? Он действительно такой. Не надо его раздражать».

Кстати, он холостяк. Мы его уже знакомили. Он симпатичный, если бы не одежда. Он же все – в магазинах... Еще в начале месяца, чтобы без очередей. Ну и выглядит как из ДОПра. Все на нем «Скороход», «Красный богатырь», «Кемеровский промкомбинат». Но если эту кирзу и дерюгу содрать, он там симпатичный.

Знакомили, знакомили. Ну, конечно, эти женщины недовольны были. Даже пожилые, которым совсем терять нечего: стихи читает, книжки дарит, чай пьет – идиот, в общем! Нам тоже крыть нечем – у них факты. Мы говорим: «Ну, он такой. Принимайте его таким». – «Это что ж, он на зарплату жить будет?» – «Будет! Он же не прикидывается. Он действительно такой. Это же он как-то сказал: «Давайте напишем, пусть этого продавца заменят другим, будет иначе».

Честное слово, душой возле него отдыхаешь. Намотаешься где-нибудь, налаешься, наобещал тебе кто-то золотые горы, а сам вообще не явился – приходишь к нему: «Расскажи, как ты себе представляешь... Вот, вообще... Как бы ты хотел?... А какие должны быть отношения?»

Он говорит, а ты сидишь, думаешь о чем-то. Как на берегу моря... Мы его очень бережем. Говорят, где-то девочка появилась, под Архангельском. Такая же. Если их познакомить, окружить плотно, накрыть чем-нибудь сверху – интересная порода людей может пойти!

Вы еще не слышали наш ансамбль...

Вы еще не слышали наш ансамбль, послушайте. Во-первых, у нас великолепный певец. Очень хороший парень. Отзывчив, всегда одолжит. Не курит, не пьет. Слова от него не услышишь. Мухи не обидел. Травинки не сорвал. Ну, конечно, когда поет, то заставляет желать лучшего. Но вышивает. Прекрасный парень. Мы его держим.

А вот пианист – большой общественник: взносы, культпоходы, все мероприятия на нем. Конечно, мы стараемся, чтоб он поменьше играл на рояле, но если он вырывается. Разве его выгонишь? Он сам кого хочешь выгонит.

К саксофонисту не подходи: он сейчас лечится от запоя. В трезвом виде он тоже способный парень, но, к сожалению, не в музыке... Он спортсмен-гиревик. Сейчас ему надо лечиться, кто ж его выгонит?

А эта женщина у контрабаса – мать двоих детей. Конечно, она не может держать ритм. Разве у вас поднимется рука ее выставить – двое малышей плачут, ищут отца. Пусть она поиграет, что делать?

Этих трубачей мы подобрали на улице: пропадали ребята. Так здесь они хотя бы в тепле...

Ударник вам не понравится, я уверен. Он уже давно никому не нравится, но ему два месяца до пенсии. Пусть человек доиграет. Мы же не звери...

Теперь вы поняли, почему наш ансамбль так звучит?!

Тренер

Для С. Юрского

– А ну, ты давай!.. Ба-бах... *(С отвращением.)* Хорошо... Теперь с переворотом! Давай ты, Костюков. Подальше, подальше. Разгон! Толчок! Бух! Рассеянный ты... Может, у тебя дома неприятности?.. Отец с вами живет?.. Посиди.

– А ну, Кандыба... Сними эту тряпку с головы. Давай рондат, флак, сальто с переворотом прогнувшись с приходом на прямые... Бодрее. Соберись! Завтра встреча с англичанами. Давай! Мы с Пузаном страхуем. Ну, что? Пошел! И-и...

– Почему?.. Костюков, давай втроем пострахуем... Ерунда... Выйдет, выйдет... Только – сильный разгон. Пошел! И-и... Почему?.. Трещит... Гриша, брось ему эту тряпку! Завяжи. Если не накажем англичан, я покину большой спорт. Вы можете валять дурака, а я уйду с ковра.

– Гриша, иди сюда. Стань у той стенки. Мы вчетвером страхуем! Давай, Кандыба! И-и-и...

– Накажу! Накажу! Я тебе не мама! Соберись! Собрался? Нет еще? Уже? Нет еще? Уже? И-и!..

Мы все ждем. Нас шестнадцать человек. Собрался? А я вижу, нет. Еще подсоберись. Еще! Сенья, Гриша, Костюков, приготовились... Откройте ему дверь. С улицы давай разгон. Ну?.. Что «сейчас»?

– Сереня, мат на стенку. На ту тоже.

– Ну что ты канючишь? Не могу больше! Все! Ломаю подкидную доску, покидаю большой спорт. Это не коллектив... Раньше не было команды, был коллектив. Сейчас есть команда, нет коллектива. Ведущий прыгун собраться не может! Цирк! Ты у меня в Мелитополе на межколхозных... Так! Все. Он собрался! Двери. Маты. Разгон!.. Раз, раз, раз, раз!.. Хорошо! Толчок! Оборот! Оборот!.. Лови! Лови!.. Ба-ам! Уй!..

– А где он был вчера? Кто с ним был? Что это за дом? При чем тут салат? Салат не дает такого полета. А потом?.. Все. Нет?.. А что?.. Рюмочку?.. Стакан... Что еще? Сколько? Рюмочку? Фужер... Этим закончили? Ты этим закончил? А он когда закончил?

– Но он же видел, с какой стороны мы его страхуем. Где он теперь? Гриша, поищи его. Он в какой-то троллейбус попал. Но его можно найти. Давай ты, Аркадий. Видел Кандыбу? Не в ту сторону, но какой полет! Пусть балл снимут. Давай! Пошел! Пошел! Пошел! Переворот. Пе-ре-во-рот!

– Хорошо. Только, понимаешь... Ты после переворота на что должен был прийти? На ноги! А ты на что пришел? Ты кто? Инженер... Зачем тебе большой спорт? Кандыбу видел? А у тебя этого нет. У тебя в полете ноги, руки и тапки разлетаются. На республиканских судье международной категории кедай по лицу... Я потом имел с ней разговор. Уходи потихоньку из большого спорта. А?.. Чего ты сюда ходишь? Ну, что – душ? Ну, приходи в душ. Но обещай больше не тренироваться. Обещаешь? При всех. Иди купайся. Мы должны наказать англичан. У них профессиональная команда Уимблдонского конного завода. А я что выставляю, нарушителей режима?!

– Мне бы крепкого середняка. Попробуем тебя, Куцевол. Я знаю, что ты уже год не прыгал. А чего ходишь? Нравится... Ну, давай. Сильный разгон. Остальное я беру на себя. Только смело и на меня... Главное – страшный толчок, вперед и вверх!

– Смело! Пошел!.. Раз, раз, раз! Толчок!.. А-а-а-а!.. Вте... *(Держится за челюсть.)* Тде-нидовка даконтена. Давтда додевнования. Что ты качаешь, я уде отнулся. Я напрасно присол

в себя. Не могу эти рози видеть! Я де тебе обьятнял... Я забидаю подкидную доску и покидаю
большой спорт. Етли Кандыба веднется, ему большой пдивет от бывсего тденеда...

Собрание на ликеро-водочном заводе

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Председательствующий. Разрешите собрание актива нашего сорок восьмого ликеро-водочного завода считать открытым.

(Аплодисменты. Наливает из графина.)

Товарищи! Сегодня мы решили поговорить на наболевшую тему: изыскание внутренних резервов. Состояние дел на участке транспортного цеха доложит нам начальник транспортного цеха Опря Николай Егорович.

Начальник транспортного цеха. Ха! *(Наливает из графина.)* Ха! Василий Иванович, ну что докладывать? Есть достижения, есть! В обеденный перерыв люди отдыхают. Автосцепщик Харитон Крупов опять взял на себя, как и в прошлый год, и с честью несет. Обещал, в общем, не дожидаясь конца года... Вслед за ним шофера – водители ящично-разливочной тары Ларионов и Кутько тоже взяли на себя... Завозить точно в указанный в путевом листе магазин с максимальным попаданием и минимальным боем по пути. Свести бой по дороге от завода до магазина к приемлемой цифре: пятьдесят литров на тонно-километр водки и двадцать пять килограммов на тонно-километр дорогих коньячных изделий. *(Наливает из графина.)*

Теперь самодеятельность. Артисты, приглашенные нами на Первое мая, до сих пор не ушли. Мы все знаем их репертуар. И еще. Мы, конечно, привыкли, но молодежь пугается чертей, которые водятся у нас на складе готовой продукции. Уборщица Симакова в пятницу за час перед концом дня вызывала начальника пожарной охраны завода, и они вдвоем пытались изгнать чертенка из междуящичного пространства. Он дразнился, кричал ерунду, прыгал по плечам, нагадил и скрылся в трубе. К концу недели уже многие его видят. А сейчас он стал появляться с друзьями. Мы должны что-то решить здесь. *(Наливает из графина.)*

Теперь культмассовая работа. Артисты до сих пор здесь, хотя многие из нас сами поют... Физико-акробатический этюд, который мы недавно взяли на работу, дис... дис... квалифицировался. Отказываются стойки там вниз руками. То есть под нашим наблюдением после двух попыток выдержать нижний рухнул, и вся пирамида на нем.

Председательствующий. Рыг... ламентр!

Начальник транспортного цеха. А как же. Вот... Поэтому я предлагаю назначить пере-выборы на любой момент. Нам это только давай, если, конечно, красивая женщина. *(Садится.)*

Председательствующий. Так... *(Наливает из графина.)* Теперь попросим на трибуну начальника транспортного цеха. Пусть доложит об изыскании внутренних резервов. Доложите нам!

Начальник транспортного цеха *(снова на трибуне. Наливает)*. Если вопросов нет, я начну. Наш транспортный цех, изыскав внутренние резервы, задолго до окончания успешно встретил Новый год! Мы перевезли по маршруту винный склад – винный магазин сорок пять тысяч восемь миллионов триста шестьдесят четыре и шесть десятых литра крепких, крепленых и слегка разбавленных изделий. Водители Ларионов и Кутько обещали сэкономить тонно-километров вдвое и бой тары произвести с учетом интересов...

Председательствующий. Спасибо! У вас есть вопросы к докладчику?

Начальник транспортного цеха. Нет... *(Садится в трибуне.)*

Председательствующий. Теперь попросим начальника транспортного цеха. Расскажите нам об изыскании внутренних резервов. Начальник транспортного цеха?! Он в зале?

Начальник транспортного цеха *(с трибуны)*. Он здесь, здесь!

Председательствующий. Молодец, быстро добрались. Доложите нам!

Начальник транспортного цеха. Товарищи! Водители Ларионов и Кутько, используя слабые места и встречный план, а также порожняк, взяли на себя допол... нительные обязательства и приказали долго жить. *(Наливает из графина.)*

Председательствующий. Ну вот. Значит, справитесь?

Начальник транспортного цеха. А как же!

Председательствующий. Ну вот... А где наш начальник транспортного цеха? Интересно, как у него? В прошлом цех хронически отставал. Если его найдут, немедленно на трибуну. Где начальник транспортного цеха?

Начальник транспортного цеха. Здесь, здесь... Товарищи водители... Наш цех хронически отставал, теперь он хронически обгоняет и задолго до конца встретил Новый год. Водители Ларионов и Кутько, используя один двигатель на две бортовые машины, взялись обслуживать максимальное количество потребителей с одного штуцера прямо в гараже, чтоб напрасно не возить по магазинам... С одной заправки Ларионов и Кутько выезжают с утра на линию и возвращаются в гараж поздно днем, где и ночуют, не заходя домой уже второй месяц, обтирая самосвал ветошью из своих одежд.

Председательствующий. Спасибо.

Начальник транспортного цеха. Пожалуйста.

Председательствующий *(наливает из графина)*. Жаль... Жаль, что нам так и не удалось послушать начальника транспортного цеха.

Начальник транспортного цеха. Ну и черт с ним!

Председательствующий. Но выговор мы ему запишем.

Начальник транспортного цеха. А как же!

Председательствующий. От молодежи завода ученик кладовщика младший штуцерщик на наливке с крепостью до сорока.

Над трибуной возникает всклокоченная голова.

Голова. Мы, молодые штуцерщики... *(Падает.)*

Председательствующий. Жаль, что он ушел.

Голова *(поднимается)*. Я никогда не забуду своего учителя смесителя Валобуева Григория Григорьевича. Он уже на пенсии в больнице в тяжелом состоянии, но его заветы-указания... Управление штуцером высокого напора он завещал нам, молодым. *(Исчезает, затем вновь появляется.)* И мы, молодые... Мы, молодые... *(Исчезает.)*

Председательствующий. Ну молодежь, не усидит. Так и мелькает, так и мелькает. Товарищи, что-то тихо стало в зале. Есть предложение пригласить вторую бригаду артистов, когда уйдет та бригада, которую мы пригласили в прошлом году. Кстати, кто их видел и где их видели? Я их в прошлом месяце встретил в разливочном. Домой не пишут. Некоторые одичали, бродят по территории, прячутся от людей, не имеют зимнего, в плащ-палатках, костры жгут, с капотов снимают ватники. Кто видел юриконсульта? Мы его взяли два месяца назад. На проходной говорят, не выходил. Надо найти, у нас к нему вопросы накопились. Теперь, такси в прошлом году вызывали. Машина уже заржавела. А он где?... Жена каждый день ходит.

Товарищи! Кто водил студентов по цеху готовой продукции? Где экскурсия? Это ж уголовное дело – триста человек политехнического вуза. Мы должны их вернуть. Хотя часть. У них же родители есть.

Теперь – Доска почета. Справедливые нарекания вызывает. Нет, не у нас. У пастылей... у посетителей. Вот вы, фотограф... Не вспыхивайте... Почему вам не везет? Жуткие рожи на Доске почета. Не надо у станка. Надо искать момент. Надо поймать его до работы, когда его еще можно узнать. Теперь, вы сами фотографировали президиум собрания. Укрылись попойкой. И что же? Человек не голубь. Он не может долго сидеть неподвижно. А вы, понимаете, под попойкой... Не знаю, что вам туда носили. Мы, понимаете, ждали команды. Я уже не говорю о качестве снимков, но аппарат и штатив у вас государственные. Так будьте добры!

(После паузы.) Не надо рваться. Все хотят.

И чтоб не забыли проздравить женщин. Скоро Восьмое марта. Три месяца пробегут, как пятнадцать суток, а наши женщины непроздравленные останутся. А они во многих отношениях не хуже нас и уже почти не отличаются. А главное – несут на себе тяготы. И не забыть их проздравить! Если забудешь, мы напомним сурово, по-морскому, по-мужицкому.

А что? Филимона Скибу вернули в семью. Его там шесть лет не было. Ходит сейчас туда.

Если женатый, так ночуй! А не хочешь, поговоришь с нашим месткомом. А то, что многие не доходят до семьи, а располагаются в скверике, коротают, чтоб завтра поближе, то нами будет послан специальный бульдозер. Мы этот муравейник потревожим. Не надо выражать нетерпение, все хотят. Я чувствую, наш сегодняшний разговор произвел глубокое впечатление на всех сидящих и кое-кто намотал на винт. А, матросы?! А вот теперь прошу к столу.

* * *

Бабочка вылетела из кармана. Летучая мышь – из рукава. Давно не надевал этот костюм.

* * *

Человек не должен портить ночь, и ночь не должна портить человека.

* * *

Были женщины, но не было жены.

Были слова, но не было романа.

Были квартиры, но не было дома.

Были деньги, но не был богатым.

Жизнь так и не сложилась из отдельных дней и ночей.

* * *

– Жених! Мало того, что он лысый, так плюс к этому без образования, плюс к этому не мужчина, плюс к этому без трех зубов, плюс к этому без прописки, плюс к этому без денег, плюс к этому без друзей, плюс к этому неизвестно откуда – и они женятся.

* * *

Не надо смеяться, женщины очень умны.

Мой друг спортсмен подходит к девушкам на пляже:

– Хотите сниматься в кино?

И ни одна из них после самого бурного свидания не спросила:

– А где же кино?

* * *

Мы познакомились в клубе «Кому за тридцать», но я не знал, что так далеко.

* * *

Сейчас очень многие живут против своей воли.
Больше по желанию родственников.

* * *

Что я могу сказать, кроме «спасибо»? Только «до свидания».

* * *

В Ялте, Сочи и других южных городах, как только стемнеет, в комнаты налетают мужики, на свет лампы. И кружат, и сидят. Один-два крупных, три-четыре мелких. А дома у них ж-жены, ж-жены, ж-жены...

Старость

Вместо пения – тревога.
Вместо танца – выражение лица и сиплое: «Гоп!»
Вместо поворота тела – поворот головы.
Вместо бега – дрожь.
Вместо глаз – очки.
Вместо любви – диета.
Вместо детей – внуки.
Вместо фигуры – пальто.
Вместо зубов – мясорубка.
Вместо комнаты – палата.
Вместо ходьбы – прогулка.
Вместо голоса – дребезг.
Вместо сообразительности – мудрость.
И очень здоровый образ жизни, пришедший на смену самой жизни.

Алло, вы меня вызывали?..

– Алло?.. Это милиция?.. Скажите, вы меня не вызывали?.. Я вернулся из командировки, а соседи говорят, кто-то приходил с повесткой – меня куда-то вызывают... Чижилов Игорь Семенович, Лесная, пять, квартира восемнадцать... Я не знаю, по какому делу... Нет, я не в магазине... Нет, не блондин... Тридцать три... Я на всякий случай. Вдруг вы... Не вызывали... Может, ограбление?.. Я-то нет... Но мало ли... Может, кто-нибудь оклеветал?.. Может, вы знаете?.. Нет, пока ничего. Значит, вы не вызывали?.. Извините за беспокойство. Ой! (*Вздыхает.*)

– Алло?.. Это военкомат?.. Вы меня не вызывали случайно?.. Чижилов Игорь Семенович... Да, обязанный, младший лейтенант... Ну, я не знаю. Может, я уклоняюсь или не явился раньше. Мало ли что... Тут, говорят, повестка была, я в это время был в командировке... Лесная, пять, квартира восемнадцать... Проверьте, пожалуйста, может, что-нибудь не так... Может, я чего-нибудь не знаю. Может, вы знаете... Ну, может, допустил чего-нибудь... Нет. Значит, вы не вызывали?.. Извините, пожалуйста. О! Кусок в горло не лезет.

– Алло?.. Это суд?.. Вы меня не вызывали?.. Чижилов И. С. Лесная, пять, квартира восемнадцать... Какое ограбление?.. Нет, не участвовал. Я в командировке был... Алиби, алиби... Нет, не блондин... С кем связаться?.. И кого просить?.. А от кого сказать?..

– Алло!.. Двести пятьдесят три добавочный... Николай Петровича, пожалуйста... Николай Петрович, это Чижилов от Потапова... Я по вопросу вызова в суд... И. С. Он просил меня к вам обратиться... Просто так, явиться, и все?.. Завтра?.. А у меня же нет на руках повестки... Пустяки... А в какую комнату это сделать?.. Я же не знаю, по какому делу... Поэтому я и звоню... Вы не подскажете?.. Не блондин, сто шестьдесят семь, сороковой, глаза голубые, тридцать три... Я не морочу голову. Была повестка... Я не знаю, может, вы знаете?.. Может, мне все-таки прийти?.. Пока не надо. Но вы будете меня иметь в виду?.. Спасибо, извините!

– Алло, это диспансер?.. А это Чижилов говорит. Вы меня не разыскиваете?.. Я не укрывался, но, может, вы меня разыскиваете?.. И. С. Лесная, пять, квартира восемнадцать... По этому адресу я прописан... Я понимаю, что меня нечего искать, но, может, вы меня не можете найти... Может, вы не так ищете... Нет, девушка, этим я не занимаюсь... Нет, вы трубку не бросайте. Вы проверьте, повестка была... Это не шутка... Чувствую себя хорошо... Я-то не подозреваю. Может, вы?.. В последний раз?.. Месяца два назад... Нет, не жаловалась... Хорошо знаю. Мы вместе работаем... Нет. Ничего... По утрам?.. Прозрачная?.. Сейчас посмотрю, подождите, пожалуйста... Алло, прозрачная... Я посмотрел... Два месяца назад... Не случайная... Работаем. Бок о бок... Может, кто-нибудь заявлял... Я-то ни с кем, но, может, кто-нибудь заявлял... Куда позвонить?.. В милицию... Сказать – от вас?..

– Алло! Это милиция?.. Это Чижилов из диспансера. Мне сказали, чтобы я к вам обратился. Не блондин... Лицо чистое. Сто шестьдесят семь, сороковой, тридцать три, голубые... Я все-таки найду... Ну пожалуйста, доведем до конца... Можно?.. Спасибо. Бегу!

Уз оценъ я смесной целовек

Для А. Райкина

Сто вы все такие задумчивые? Вы за мной понаблюдайте – зивотики надорвете от смеха. Я оценъ смесной. Вы просыпаетесь от будильника, а я – от хохота. Забился под одеялом. Открыл глаза. Сто мне приснилось, никто не знает. Хохою себе... Вот смотрите, костюм как сидит. Вам не видно, сядьте поближе. Я ссил его в ателье у нас. Сколько я ходил за ним, надо рассказывать отдельно, в отдельном месте с глазу на глаз, а то вы разнервничаетесь. Однако ссили. Выносят. Вот это. То, сто на мне...

Кто ссил костюм, я могу с ним поговорить?.. Я не буду кричать. Я хочу посмотреть ему в глаза, и все. Выходят сто целовек. Этот – воротничек, тот – лацканчик, этот – хлястик, тот – манжетик. Никто ни за сто не отвечает. Кто ссил этот цюдный костюм? Мы! И не с кем говорить. Знацит, никто не виноват? Никто. Все, поздравляю вас, ребятки, вы цюдно устроились. Надел костюм и посел.

В парикмахерской хохот. Сто вы смеетесь, спрашиваю, сто, я похоз на целовека, у которого плохо ссит костюм? Или прицеска плохая? Сейчас будет прицеска. Главное не прицеска, а дуса... «Постриги, девочка, только дусу влози». И сто вы думаете, постригла... В зеркало посмотрел. «Сто з ты, девочка, сто я тебе – враг? Сто я – твой муз бывсий? Ты посмотри, сто ты натворила. Мне з фуразки не хватит прикрыть твою работу. Мне зе голову бинтовать надо». А она говорит: «Сто я могла сделать, у меня нозницы не берут – тоцильсцик так затоцил». Я не поленился – к тоцильсцику. «Сто з ты девочке нозницы так затоцил, она меня зутко постригла?» А тоцильсцик показывает: «Ты видис, как они сделаны? Если завод такие нозницы делает, их тоци не тоци – они не соприкасаются». Я не поленился, на завод поехал. «Сто зе вы такие нозницы делаете – их тоци не тоци, они не соприкасаются, и девочка меня зутко постригла».

Посмотрел на меня контролер, вытер слезы от хохота. «А сто я могу сделать? Это такая сталь. Ее нозом мозно резать. Только не тепересним, старым нозом. Мы не виноваты, какую сталь дают, из такой, извините, производим. Литейсцики подводят».

Я не поленился, к литейсцикам подъехал. «Литейсцики, а литейсцики, сто з вы подводите? Сто з вы такую сталь делаете, сто от нее нозницы не соприкасаются, их тоци не тоци – они рвут, и девочка меня зутко постригла. Квалификация у вас есть?..» – «Квалификация?! Смотри, дурачок, вот сталь броню пробивает на зутком расстоянии. Смотри, зубило американскую сталь угрбило». – «А цего з нозницы не стригут? Они зе просто не в пример». – «Не в пример?! ГОСТ у нас, дурачок. ГОСТ есть, все! Мы его выдержим, все! Отойди! От твоей прицески литейсцики хохоцут, цугун на ноги разливают». – «Кто зе ГОСТы выдумывает?» – «Это в Москве в институте целовек сидит».

Я не поленился, в Москву звоню: «Сто з ты, гостовик ты! Такую сталь на нозницы даес! Они не соприкасаются. Их тоци не тоци – они рвут, и девочка меня зутко постригла. Ты мозес ГОСТ поменять?» – «ГОСТ поменять? – Он так захохотал, сто у него трубка выпала. – ГОСТ поменять?! Я, – говорит, – луцсе ползизни нестриженный, нецесанный буду ходить. Я луцсе умру патлатым, цем это дело затевать. Я тебе советую – ходи как есть. На остроту отведай остротой. Отсущивайся».

В общем, со стризкой уладили, так и хозу. А сейчас мост себе строю. Непонятно?.. Я из зубоврачебного иду. А вы думали, у меня дефект речи? Смесные вы. Целюсть у меня из новых материалов, сэкономленных целиком. Тут тозе хоросо. Врац мост ставит. Техник мост делает. А детали моста из Барнаула летят от срезников. Сейчас как раз здем. Поэтому я такой смесной. Но главное в целовеке не прицеска, а дуса. Один лектор объяснял, сто Бога

нет и дуси нет. Ну, Бога нет – ладно, а дусу залко. Нет дуси, и вкладывать нечего. Зато голова существует, кивать есть чем. Так сто смейтесь надо мной. Смех инфаркта не дает.

Главное, что все хорошо кончилось!

Слава богу! Главное, что все хорошо кончилось! Я все квартиру пробивал. А жил в одной комнате. Я, жена, теща, ребенок. Через пять лет подошла очередь. Все в порядке, уже обсуждают, а тут пришло письмо, что у меня есть строение в Тульской области. Я говорю: «Какое строение, в какой области? Я там даже проездом не был». Но они должны были проверить сигнал. Написали в Тулу. Через два месяца пришел ответ. Слава богу, все, как я ожидал, – действительно меня там не было! Фу! Все в порядке. Но наш дом уже заселили. Не будут же меня ждать... Следующий через два года сдавали. Меня первым поставили. Уже обсудили, а тут письмо пришло, что моя жена имеет особняк под Минском. Я говорю: вы что? Она же местная. Всю жизнь никуда не выезжала. Поверили, но на всякий случай запросили Минск. Через три месяца пришел ответ. Слава богу. Действительно, нет у нее особняка под Минском. Все в порядке. Но уже и второй дом заселили. Мы больше домов не строили, я начал через горисполком. Ну, теща уже умерла. Дочка замуж вышла, и ее муж к нам подселился, зато жена в больницу ушла. Но, в общем, получил! Получил! Начальство говорит: «Ну вот и все в порядке!» И все хорошо кончилось! Ну, слава богу! Здоровье не то. Уже и вижу плохо, и щека дергается, ноги тяну, и руки трясутся, а квартира хорошая. Теперь бегу, ремонт пробиваю, пока жена в больнице. Пробью ремонт и заживу как король.

Мальчик, помоги дорогу перейти!

Автобиография

«Я, Круглов Степан Григорьевич, из Ухты, до 1966 года находился в городе Тула с родителями и отцом на излечении, так как ему требовалась тишина.

В 1968 году, узнав, что страна остро нуждается в гидротехниках, начал поступать в гидротехническое высшее заведение, в которое не поступил в мае 1968 года благодаря интригам и взяткам окружающих.

8 января 1968 года, находясь в городе Тула, выехал в Москву, где продолжал попытки поступать в различные учебные заведения с учетом нужд всего народа.

В 1969 году страна остро нуждалась в писателях, и я начал поступать в Литературный институт, куда не поступил в 1970 году весной благодаря засилью бездарностей по записках...

Осенью 1970 года, находясь в стесненных материальных условиях, отбыл в Ташкент, где был встречен на вокзале незнакомыми людьми, которые сказали: «Отдай чемодан». Я вступил в спор с возражениями, после чего мы разошлись, причем я побежал.

Все мои попытки отдать мне чемодан обратно привели меня в милицию, откуда я вышел приободренный и заночевал.

26 ноября 1970 года, находясь в Ташкенте на центральной улице на костыле, встретил одного из встречавших, обрадовался и дал сигнал остановиться. Но на мои сигналы он не реагировал, а возражал и вступил в спор, после чего мы разошлись, причем я побежал. И поступил в Государственный ордена Трудового Красного Знамени медицинский институт в травматологическое отделение, откуда с большим успехом был выпущен 12 февраля 1971 года без ребра.

Продолжая находиться в Ташкенте в стесненных материальных условиях, вылетел по приглашению друга на Камчатку, где остро требовались крабы, и поступил на траулер матросом с целью укрепить материальное благосостояние свое и страны благодаря высоким заработкам необъятных морей бескрайних, трудовых.

Работая с 18 июня 1971 года матросом-тросовиком, продержался на плаву двенадцать дней, после чего, выронив за борт ценный прибор для определения местоположения траулера, который нес протереть, был списан на берег, куда мы не могли попасть ввиду отсутствия упомянутого прибора. После чего вступил в спор с последующими возражениями и с травмой гаком по голове отбыл в город Кишинев, где в то время остро нужны были танцоры национальных танцев «Жок».

Выяснив, что заработок танцора национального ансамбля выше заработка проводника международного вагона на пятнадцать-двадцать процентов, а поездки те же, я начал регулярно поступать в ансамбль с 1973 года, предварительно проведя несколько тренировок во дворе. Руководство ансамбля мне посоветовало прекратить мои регулярные поступления ввиду отсутствия образования и незнания молдавских национальных передвижений.

Мой отказ уйти со сцены был воспринят некоторыми танцорами неправильно, и они возражали, после чего мы разошлись, причем я побежал, невзирая на боль, в Баку, куда я прибыл 12 января 1975 года. В Баку остро нужны были нефтяники ввиду высоких заработков, на пятнадцать-двадцать процентов выше заработка танцора седьмого разряда. И я устроился на камнях нефтяником Каспия.

К сожалению, работы оказалось несколько больше, чем я предполагал, и, обладая большой памятью, я устроился официантом на камнях с радостью в Баку.

На второй день работы, в выходной, облив праздничного пациента борщом-харчо, получил требование смыть. На что возражал. Он возразил мне, и мы разошлись, причем я побежал и временно потерял трудоспособность, которую восстановил 26 марта 1976 года в шестнадцать часов дня.

Заканчивая яркую трудную биографию, прошу двести восемь рублей подъемных средств для подъема и праздничного перелета Баку – Москва к Первому мая 1977 года.

Обратный адрес для организаций и частных лиц: Алма-Ата, Главпочтамт, до востребования, откуда перешлют мне в Ереван, где меня не искать, передадут».

Посидим

Пойдите перед вечером в городской сад. Там возле веранды есть скамейка. На скамейке вы увидите человека в черном пальто. Это я. Я там сижу до восьми. Потом меня можно видеть на углу возле кафе и идущим к бульвару.

Хорошо со мной говорить между шестью и семью вечера. Лучше всего – о видах на урожай, о литературе, о знакомых. О женщинах со мной можно говорить всегда. Причем если этот человек, то есть я, будет оглядываться на проходящих красавиц, не обижайтесь и не перебивайте. Это лишнее подтверждение моего интереса к этой проблеме.

А вот о ремонте со мной лучше говорить с утра, после завтрака, когда я в благодушии и слегка исказившиеся черты не испортят общего приятного выражения.

Лучше всего со мной толковать о вкусной и здоровой пище, о поведении в быту, о пребывании на солнце. Хорошо откликаюсь на разговор о моральных устоях, о супружеской верности, о длительности верности и недлительности неверности.

Не касайтесь быта, обслуживания: это меня раздражает, я начинаю болеть. Не касайтесь общественного питания в некоторых аспектах: я возбуждаюсь, нервничаю, сбивчиво говорю, со мной становится неприятно.

Если вы заденете, даже случайно, тему телефонизации, канализации, урбанизации, в некоторых аспектах, я на вас произведу очень скверное впечатление. Вы с содроганием увидите злого, брызжущего слюной человека, который долго не может успокоиться, держится за сердце, бегают вдоль забора, и, конечно, никакие ссылки на объективные причины не могут изменить крайне неприятного личного впечатления.

Сразу меняйте разговор. Переводите его на цветы, лето, женщин.

Я снова начну оглядываться, что подтвердит мое успокоение, я извинюсь и долго буду смотреть вслед.

Смотрите тоже – это объединяет.

Если вы пригласите меня на свадьбу или день рождения, вы немедленно получите удовольствие, видя польщенного человека. И вот тут об авариях и эпидемиях говорить не нужно, не повторяйте общих ошибок, ибо я могу прервать разговор, отойти и залечь дома, и уж о свадьбе не может быть и речи.

К скамейке, где я сижу, хорошо подходить с транзисторным приемником под веселую музыку и сводку погоды. Выберите солнечный день и подходите.

Какая чудесная погода стоит на всем побережье Кавказа! Волн нет, и ветер отсутствует, землетрясения утихли, смерч раскрутился в обратную сторону и пропал, Красная Шапочка спасена, наш самолет перекрыл все рекорды и тихо-тихо опустился. Я перестал морщить лоб, веки мои опустились. «Счастье мое я нашел в нашей дружбе с тобой...» Говорите, говорите и пойте мне одновременно, и вы будете наслаждаться видом доброго и разглаженного человека... «Утомленное солнце нежно с морем прощалось... Тай-ра-ритма-ра-тайрам... что нет любви...»

Перед вечером в городском саду вы увидите человека в черном пальто. Это я. Подумайте, о чем со мной говорить, если вы хотите, чтобы я произвел на вас хорошее впечатление...

Как шутят в Одессе

Группа людей со скорбными лицами и музыкальными инструментами. Впереди бригадир – дирижер. Звонок. Выходит жилец.

Бригадир (*вежливо приподнимает шляпу*). Ай-я-яй, мне уже говорили. Такое горе!

Жилец. Какое горе?

Бригадир. У вас похороны?

Жилец. Похороны?

Бригадир. Ришельевская, шесть, квартира семь?

Жилец. Да.

Бригадир. Ну?

Жилец. Что?

Бригадир. Будем хоронить?

Жилец. Кого?

Бригадир. Что значит «кого»? Кто должен лучше знать, я или ты? Ну не валяй дурака, выноси.

Жилец. Кого?

Бригадир. У меня люди. Оркестр. Пятнадцать человек живых людей. Они могут убить, зарезать любого, кто не вынесет сейчас же. Маня, прошу.

(Толстая Маня, в носках и мужских ботинках, ударила в тарелки и посмотрела на часы.)

Жилец. Минуточку, кто вас сюда прислал?

Бригадир. Откуда я знаю? Может быть, и ты. Что, я всех должен помнить?

(Из коллектива вылетает разъяренный Тромбон.)

Тромбон. Миша, тут будет что-нибудь, или мы разнесем эту халабуду вдребезги пополам. Я инвалид, вы же знаете.

Бригадир. Жора, не изводите себя. У людей большое горе, они хотят поторговаться. Назовите свою цену, поговорим, как культурные люди. Вы же еще не слышали наше звучание.

Жилец. Я себе представляю.

Бригадир. Секундочку. Вы услышите наше звучание – вы снимете с себя последнюю рубаху. Эти люди чувствуют чужое горе, как свое собственное.

Жилец. Я прекрасно представляю.

Бригадир. Встаньте там и слушайте сюда. Тетя Маня, прошу сигнал на построение.

(Толстая Маня ударила в тарелки и посмотрела на часы.)

Бригадир (*прошелся кавалерийским шагом*). Константин, застегнитесь, спрячьте свою нахальную татуировку с этими безграмотными выражениями. Вы все время пишете что-то новое. Если вы ее не выведете, я вас отстраню от работы. Федор Григорьевич, вы хоть и студент консерватории, возможно, вы даже культурнее нас – вы знаете ноты, но эта ковбойка вас унижает. У нас, слава богу, есть работа – уличное движение растет. Мы только в июле проводили пятнадцать человек.

Теперь вы, Маня. Что вы там варите на обед, меня не интересует, но от вас каждый день пахнет жареной рыбой. Переходите на овощи, или мы распрощаемся. Прошу печальный сигнал.

(Оркестр играет фантазию, в которой с трудом угадывается похоронный марш.)

Жилец (*аплодирует*). Большое спасибо, достаточно. Но все это напрасно. Наверное, кто-то пошутил.

Бригадир. Может быть, но нас это не касается. Я пятнадцать человек снял с работы. Я не даю юноше закончить консерваторию. Мадам Зборовская бросила хозяйство на малолетнего бандита, чтоб он был здоров. Так вы хотите, чтоб я понимал шутки? Рассчитайтесь, потом посмеемся все вместе.

(Из группы музыкантов вылетает разъяренный Тромбон.)

Тромбон. Миша, что вы с ним цацкаетесь? Дадим по голове и отыграем свое, гори оно огнем!

Бригадир. Жора, не изводите себя. Вы же еще не отсидели за то дело, зачем вы опять нервничаете?

Жилец. Почему стоит похоронить?

Бригадир. С почестями?

Жилец. Да.

Бригадир. Не торопясь?

Жилец. Да.

Бригадир. По пятерке на лицо.

Жилец. А без покойника?

Бригадир. По трешке, хотя это унижительно.

Жилец. Хорошо, договорились. Играйте, только пойте: в память Сигизмунд Лазаревича и сестру его из Кишинева.

(Музыканты по сигналу Мани начинают играть и петь: «Безвременно, безвременно... На кого ты нас оставляешь? Ты туда, а мы – здесь. Мы здесь, а ты – туда». За кулисами крики, плач, кого-то понесли.)

Бригадир *(повеселел)*. Вот вам и покойничек!

Жилец. Нет, это только что. Это мой сосед Сигизмунд Лазаревич. У него сегодня был день рождения.

Свадьба на сто семьдесят человек

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Весь двор собирается. Двор приглашен. Гости из других городов. Пиво свозят...

– Очень хороший мальчик. Нет, не тот, уже другой.

– Очень хороший. Его родители дают деньги на свадьбу. Ее мама просила всех достать черную икру и печень. Может быть, на пароходе?

– А?

– Боржоми, боржоми... Вы не в минеральной? А где? В сберегательной? Но это же рядом с минеральной... А жить они будут у нее пока, потом построят кооператив.

– Не спешите, Сема. У него инфаркт, у него почки, Сема, не бежите... У него РОЭ – шестьдесят...

– В такую жару. Кто женится в такую жару?..

– Разве прикажешь, нагрянуло на них...

– Что нагрянуло?

– Чувство. У вас не бывает?

– Нет. Я в такую жару не могу.

– А кто это высокий, красивый?

– Из Баку. Это его друг.

– Мальчика?

– Ее отца. Он инженер и еще что-то... С этого «что-то» он и живет.

– А чем занимается его отец?

– Не спрашивайте. Он такой отчаянный. Все говорят: Алик, перестаньте. Он не перестанет. Сто семьдесят человек – на свадьбу и не боится.

– Когда же кончится эта лестница?

– Это же на крыше. Сема, отдохните, Сема. Ой, наконец-то. Смотрите, смотрите – оркестр. Это он, в черном костюме?

– В такую жару...

– Что – жару? Что – жару? А что ему, в трусах быть? Жених же. Вы такая странная.

– А это кто?

– Это тетя с ее стороны. У нее давление, печень, почки. Она сейчас в больнице лежит.

– Как же в больнице, когда она здесь?

– Ну, значит, сбежала. Она еле дышит.

– Гришенька, подойди поздравь невесту, дай ей этот конверт. Скажи, от имени папы и мамы купите себе что-нибудь. Поздравляю вас, Женечка, чтобы ваши дети видели только хорошее, чтобы в их жизни было только солнце и чтобы вы сами могли разогнать тучи, которые набегут. Честное слово. А они такая пара, дай бог. Скоро они вас сделают бабушкой, а вы им сделаете дядю... А?.. Нет?.. Давление?.. Ты все сказал? Ну, иди к детям... Смотрите, какие столы... Что?.. Нет, Гриша, где ты видишь, чтоб кто-нибудь сел за стол? Иди к детям, играйся... Ты не можешь терпеть? Ты же дома сделал. Ты не можешь терпеть?! Светочка, желаю вам с вашим мужем счастья, солнца в вашей жизни и здоровья и чтоб вы сами могли разогнать тучи, которые набегут. Где здесь?.. И налево... Нет, он же у меня мужчина. И направо... Идем, я постою у дверей...

– Кто вот этот?.. Артист? Где он артист? В филармонии? Что вы думаете?..

– Ой, он света белого не видит, сплошные разъезды.

– А это его жена?

– Ой, он ее не видит, она его не видит. Богема, рестораны, девочки... Что она видит?

– Она что, тоже актриса?

– Она с ребенком. А что видит ребенок? Отца он не видит. Ой, что он ей присылает! Она ему посылает обратно, на девочек...

– А кто этот красивый?

– Зубной врач.

– Здравствуйте, доктор. Как вам стол?.. Скажите, у меня передний еле держится, но боли я не чувствую. Потрогайте... Его можно спасти?.. Один я спасла... Нет, вы его не застали, я его уже удалила, но сначала я его спасла. Мост?.. Когда я могу к вам зайти? Как вам стол? Дай бог нам всем...

– У кого был микроинфаркт? У этого? А! Такой розовощекий, такой полковник...

– Сели, сели... Садимся за столы...

– Ой, извините, я пройду к своим, да! Да, держите мне там место! Все свои, я понимаю, но здесь я никого не знаю. Я не пианист, я хочу кушать.

– Не тяните к себе стол, придвиньте стул. Смотрите, там пятнадцать человек упало с доски...

– Потому что люди невыдержанные!!!

– При чем тут люди? Это доска.

– Товарищи! Вы же не хотите, чтобы для вас свадьба была испорчена? Давайте встанем и перевернем доску поструганной стороной вниз.

– Что – смотри, на кого мне смотреть?.. Мама, ну перестань с ней знакомиться. Ты ей не нравишься... Что значит, она пришла ради меня? Мама, ну что ты к женщинам пристаешь?.. Я не хочу! Она не хочет с тобой знакомиться... Через кого?.. Она ей не тетка, она ей соседка во дворе. Еще не поздно. Тридцать пять так тридцать пять. Мама, не нахальничай... Ой!.. Здравствуйте... Эдик... Нравится... А вам?.. Весело... А вам?.. Не смотрел, а вы?.. На заводе... А вы?.. Читал... А вы? Я – вино... А вы?.. Сейчас... Водка у кого? Передайте, пожалуйста... За вас также... Что вы! Я – вино... Ой, нет, быстрый я не танцую... Нет, ну нет, не тяните меня. Я не могу быстрый. Ну, я... Ой! Ать! Ать! Ать! Да, как будто полотенцем. Мне говорили, ать-ать-ать... Нет, я не знаю... Я по вечерам занят... И завтра не могу. Только рабочий – 25–77–64... Эдика... Мама, ну перестань, все смотрят... Они мне не нужны. Ну, я не чувствую тяги... Они все равно потом уходят. Ну, чего-то во мне не хватает. Ну, не нужно к врачу, мы уже ходили. Мне так легче, мамочка. Не порть мне праздник. И не плачь, мамочка. Я не буду одинок, у меня будут друзья... И на старости, разве мы не вместе будем стареть? Ну не плачь, давай смотреть, как люди танцуют...

– Да, да!.. Это она с сыном. Ему под сорок. Там трагедия. Отца нет. Мать все тащит на себе. А он привык, и ни за что. Это уже не человек.

– Извините, я к вам подсяду. Ничего, я не помешал?.. Как ваши дела? Пишете... Вы знаете, последняя вещь у вас что-то не очень. Может быть, я чего-то не понимаю, но не цепляет... Смешно, и все, но не ранит глубоко, не цепляет... Почему бы вам не попробовать отойти от этого стиля и начать что-нибудь в стихах? Гонорар пополам. Ну ладно, берите себе весь. Наверное, задыхаетесь без тем... А из меня этих тем фонтаном... Но я не могу оформить... У меня даже песни есть. Но я не могу оформить. Мы можем вместе написать какой-нибудь сценарий. Я каждый день бываю в суде. Я на пенсии. Там такие дела!.. Вы слышали дело с «уйди-уйди»?.. А с авторучками?.. Сколько там было левых стержней. А разводы?.. Один день посидеть на разводах – можно духовно обогатиться. Ну хорошо, я вас извиняю, но мы еще поговорим. Как вам свадьба?.. Тысяч десять, но развод не менее интересен... Но мы еще поговорим? А?

– Ой, Миша, что ты знаешь? Это для тебя! Это просто находка. Его родственники живут у меня. Они приехали, и им некуда деваться. Это просто миниатюра. Десять человек с двенадцатого. За всеми надо ухаживать, каждому почет, а то, не дай бог, обидятся. Первый встает

в шесть утра и хочет яичницу – я жарю. Старуха не спит всю ночь – она ходит, она бормочет... Я ванную закрыла, вынула пробку и заперла в шкафу, так они целый день под душем. Старухе нужно молоко, старику я тащу на себе арбузы – ему нужно почки промывать. Этот не ест говядину, тот не может соленое, этому нужно отметить командировку... Десять человек. Я взяла напрокат раскладушки. Троим я готовлю диетный стол, одному ловлю такси, потому что он не умеет ловить такси и не знает, где их ловить. А кто-то из них уже пропал. Утром их было девять. Он что-то ушел три дня назад, он кем-то приходится жениху, тоже приехал на свадьбу. Мы его через милицию искали. Но никто не знает, как его зовут, и откуда он, и сколько лет. Я помню, в клетчатом. А что значит для милиции – в клетчатом? Он попросил кефир и ушел смотреть город. Так три дня его не было. Я уже думала, не придет. Ждали его сегодня, ждали... И что ты думаешь? Свадьба начинается – его нет! Свадьба идет – его нет! А сейчас, думаешь, он есть? Сейчас его тоже нет!!! Я думаю, он придет завтра. Ну что, не миниатюра? Я сварю ему остатки. Две выварки остатков. У нас их столько – можно накормить полк. Приходи с друзьями, а? Эти десять человек с двенадцатого еще два дня будут. Да, их уже девять. Я им говорю, это история для Миши: я ему расскажу, пусть напишет. Это просто эстрадная миниатюра. Напиши, пусть народ посмеется на здоровье... А здоровье – это главное. А? Миша, ты еще не жалуешься? Все. Ухожу. Уступаю его вам, девушка...

– Почему вы не танцуете? Вы обдумываете, как это описац? А почему вы такой грустный? Это все юмористы такие грустные? Мы читали ваш последний опус. Что-то не очень... А? Вы что-то там не докрутили... Гдзе ваша жена? Что вы говорице? Все так говорят. А дзевушка? Ну расскажице что-нибудь. Ну быстренько. Что вы на нее так смотрите? Ее сыну двадцать лет. Он в Цирасполе у мамы. Она, конечно, танцует, а мама там стирает день и ночь... Ну, быстренько, что-нибудь смешное. Тс-с. Тихо! Он сейчас... Почему нет?.. Танцуете?.. Не хочет. Ну он не хочет. Ну хорошо, оставляю вас наедине со своими мыслями...

– Сюхай, Миша, что ты не пьешь? Давай по одной... Сюхай, это правда, что у Райкина у детей инфаркт?.. Нет?.. Такое наговорят... Сюхай, а эти двое, а что, правда, что у того, у маленького, у жены инфаркт, а он глохнет, и тот, высокий, его бросает, чтоб с глухим не мучиться?.. Так он не глохнет?.. От наговорят... А Рыбников жену бросил в положении без копейки, восемь комнат забрал... А что? Ну да. Может, ты не знаешь?.. Ты смотри, такое наговорят. А Ларионова Баталова бросила без копейки с инфарктом на улице? Нет?.. Ты смотри... Сюхай, а где этот певец, что за валютные операции?.. Ну, что фунты продавал за рубли? А что? Он золото переправлял?.. Сюхай, от наговорят... Сюхай, а правда, что у жениха протез? Ты куда? Я с тобой... Ну ладно... Миша, давай еще по одной.

– Почему она должна мне нравиться? Я понимаю, что она не моя жена, но она мне не нравится. Активно не нравится. Эта походка, эти зубы. А что она читала? Что она читала?! Ну и пусть себе на здоровье он на ней женится. Ну, у меня свои взгляды. Ну всё! Всё!.. Смотри, как она одета... А что она читала?! А что через пять лет будет? Ну хорошо, мне такая жена не нужна. Мне она, лично мне, – не нужна.

– Так что слышно? Как вы живете? Работа у вас интересная?

– Вера, ты слышишь? Да, интересная...

– Квартирой вы довольны?

– Вера! Вера! Ну Вера! Он спрашивает, довольны ли мы квартирой? Довольны, довольны. А что? Вы хотели о нас писать... Пишите – довольны.

– В общем, жизнь хорошая?

– Вера, ты слышишь его последний вопрос: как у нас с тобой жизнь? Он сказал – хорошая, я сказала – да. Значит, хорошая, раз он сказал. Он же лучше нас знает...

– Доктор, извините, я к вам за столом.

– Ничего, ничего, ничего.

– Вы знаете, у меня здесь... как екнет! Я когда вздыхаю, вот здесь – внизу живота...

– Ну-ну-ну-ну?

– Что бы ни было в руках, я должна сесть... Доктор, я варю обед, я имею дело с газом, екнет и идет вверх. Вверху екнет и идет вниз. И я сажусь прямо на газ...

– Ну-ну-ну...

– Это опасно?

– Ну-ну-ну?

– Ой, чтоб вы были здоровы, доктор, вы такой шутник... У меня муж был такой же шутник, как он всех развлекал, покойник. Я горя с ним не знала.

– Да-да-да-да...

– Ой, идите уже, танцуйте!

– Нас было шестеро на сорок один метр, и я был в очереди на квартиру первым. Пер-вым! Так умер дедушка жены. Казалось бы? Человеку пришло время – кому какое дело? Так у нас уже пять на сорок один квадратный метр – и меня выбрасывают из очереди! Ну, один умер, но другие же хотят жить! Как они узнали? Как вообще такие вещи узнают? Ну был человек, ну нет его. Выехал, отдыхает, на учебу уехал... Я знаю? На пляже он. Так максимум спроси, почему его не видно. Максимум!.. Если он тебе так нужен. Но выбрасывать из очереди?! Они у меня не выиграют ни метра. На их яд у меня свое противоядие. Я сказал Рите – срочно ребенка! Делай что хочешь. Мы должны им доказать... Мои дела... Он был таким здоровым. Он дышал по системе Мюллера. От его дыхания просыпался весь дом. За день до несчастья он танцевал, он пел, он тащил на себе дрова...

– Слушайте, Рита, вы видите этого старичка в драповом? Это благороднейший человек. У него жена умерла лет тридцать назад. Он ищет старушку... Если мы ему найдем, он будет ее любить. Может, Горбульскую? Хватит ей ходить по судам! А? Он в порядке. У него на книжке кое-что и в облигациях... Это на вид... Он здоровый, как буйвол. Фотограф на пляже. По колено в воде. Днем и ночью. Говорит, что чувствует себя, как никогда. Может, Герду Яковлевну? Что у нее осталось от прежнего мужа? Антресоли и пристройка. Этот ей делает больше. Он все руками. Он не доверяет никому. Он еще фотографирует тайно. Он и здесь фотографировал. Зиновий его чуть не убил. Зиновий приглашен официально, а этот фотографировал как-то через чемодан. У него золотая голова... Может, Римму? А?.. Что у Риммы? Дети? Пусть бросит. Пусть всех бросит. Он золотой. Ой, сколько ему осталось? Так все останется ей. Если она раньше, так дети останутся ему. Идите вы к ней – я к нему!

– Константин Залмович, не шевелитесь... Я продвигаюсь к вам... Не надо вставать... Я все скажу. Меня не слышно из-за музыки?.. Я говорю... вам меня не слышно из-за музыки?.. Я спрашиваю: это из-за музыки меня не слышно?.. Нет?.. Из-за чего меня не слышно?.. Из-за музыки?.. Да?.. Нет?.. Я спрашиваю, почему вы меня не слышите?.. Что, музыка громко играет?! А что?.. Я говорю, если не музыка, тогда что?.. Что вам не слышно конкретно?.. Все не слышно!.. Это из-за музыки?.. А, вы вообще не слышите... Ну хорошо, как назло, мне нечем писать... Вы же слышали всегда... Что случилось? Вы заболели?.. Батарейка села... Как назло, мне не на чем писать... О! Миша, здравствуйте! Ой, чтоб вы были здоровы, у вас светлая голова. Вы у нас такой писатель, у вас нет ручки на минутку? Спасибо... А бумажки?.. А еще листик?.. А что-нибудь подложить?

– Раз-раз-раз-раз-два-три... Внимание! Дорогие друзья! Пусти... А сейчас Гришенька Литвак скажет тост за здоровье новобрачных...

– Почему я?

– Ну скажи, скажи, скажи, скажи...

– Дорогая тетя Света...

– Давай, давай...

– Чтоб была свадьба эта...

– Чтоб гуляли до рассвета...

- Чтобы гости в целом...
- В целом свете...
- Не забыли свадьбу эту! Выпьем! Ура!
- Внимание! Раз-раз-раз... Пусти. Дорогие друзья! Торт, который вы только что съели, и цветы, которые вы еще не трогали, прислал дядя Олег из Омска.
- Раз-раз-раз... Внимание! Слово имеет мать невесты, то есть теща.
- Пусти, я тебе говорю...
- Пожалуйста, Зина.
- Дорогие гости. Я хочу извиниться за этот случай со столом. Мы разослали сто двадцать билетов, пришло сто пятьдесят человек. Я не хочу сказать, сколько здесь без билетов. Я думаю, тридцать один наглец. Мы всем рады. Но мы рассчитывали на сто двадцать. Я не знаю, кто без билета. Я не надеюсь, что они встанут и уйдут, это не трамвай. Кушайте на здоровье, но я хочу извиниться перед теми, кто с билетами, и перед нашими дорогими гостями из Кременчуга за пиричиненное недоразумение. Действительно, папа жениха не должен сидеть по диагонали. Ему столько стоила дорога и свадьба, что он вправе сидеть рядом с невестой вместо этого старика, которого мы не знаем и который уже ушел!.. Но я сделаю вывод, я буду ходить на именины вдесятером и с незнакомыми людьми, чтоб я так была здорова. Боря сейчас в магазине докупает колбасу в его годы. Но кто считает? Просто неудобно за пиричиненное недоразумение. Горько! Чтоб они это знали. Горько!
- Раз-раз-раз... Внимание. Пусти. Слово имеет тетя жениха Герда Яковлевна Лихтенштуллершпиллерштиль!
- Догогие, Лева и догогая Света. Чтобы вы были счастливы и здоговвы, чтоб вы были веселы и цветущи... как в этот день и в этот час... Очки надену. Пусть вашей семьи не коснется ненастье и спутником будет любовь вам и счастье. Чтоб вхолостую годы не летели, и чтоб нянчить внуков вы успели, и жизни кгасивой, как эти цветы. Так нальем же бокалы, дгузья. Счастья и гадости дгужеской пагы, выпьем, и поскогее, дгузья. Уга! Гогько! Уга!.. Уга!.. Ну, целуйтесь...
- Рая, останови его, в него уже больше не входит, ты будешь иметь ту ночь.
- Я имела уже прошлую ночь. Он мне устроил. Они на работе сдавали какой-то объект, и он что-то съел. Его начальник что-то принес с Ближних Мельниц. Бандит, хулиган, какой-то квас или соус, и он съел – он же всего боится. Я уже имела ту ночь. Я ему говорю, ты не мог выплюнуть? Он все равно тебя не ценит... Так этот дурак ему не мог отказать... Все... Ты уже не будешь. Нет. Все. Я не могу больше смотреть. С меня хватит этих ночей, иди ночевать куда хочешь, только возьми соду и цитрамон. Рая, я не могу больше – он отнял у меня лучшие годы.
- Раз, раз-раз-два... Внимание! Ну, пусти... Слово имеет мама жениха. Свекровь Ибрагимовна... Тс-с... Тише... Тишина... Тс-с. Тихо. Ну, тихо же, пожалуйста.
- Я хочу выпить этот бокал за перестарелую бабушку с перестарелым дедушкой, которые давно уже не двигаются, но они все-таки выехали, чтоб разделить с нами наше счастье.
- Ура! Выпьем за недвижимость!
- Тихо. Как не стыдно? Дай бог нам дожить...
- Доживем, тетя Лиля.
- Я хочу видеть.
- И увидите, тетя Лиля.
- Ой, исправь сначала двойку по географии.
- Кто налил ребенку вино? Я хочу знать, кто налил? Боря, твой сын пьет вино. Пей, но тебе это выйдет боком. Боком тебе это выйдет!
- Раз-раз-раз... Внимание! Ну, пусти же, господа. Телеграмма из Черкасс: «Поздравляем бракосочетанием желаем счастья долго жить мы за вас здесь будем пить Боря Люся».

– Пусти... Из Нефтеюганска: «Дорогие Лева Света волнением узнали вашей свадьбе сожалею не вами стремимся вам – Люка Танечка».

– Из Луганска: «Поздравляем Литваков сочетанием Лихтенштуллерштиллершпиллерами желаем совместной жизни успехов труде – коллектив хладокомбината».

– Это там, где Лева работал, из Баку. «Сердечно поздравляю новобрачных детям последующих поколений радости счастья первую брачную ночь мысленно вами ваш дядя Рудольф Клеменский».

– Как свет давно потухшей звезды – он умер, а телеграммы от него еще идут.

– Он жив.

– Это вы мне говорите?

– А кто вы такой?

– А вы кто такая?

– Я вчера его видела.

– Ну, может, я ошибся, но я старше вас в три раза.

– Не думаю. Мне тридцать.

– Я еще раз ошибся. Как вас зовут?

– Лала.

– Вы из Баку?

– Да.

– В сущности, мы одногодки. Вы танцуете?

– Нет.

– Выпьем.

– Нет.

– Просто поговорим.

– Нет.

– Кха... Мда... Ну хорошо... Что это я хотел?... Пустите...

– Рая, останови его, он уже не может.

– Не трогай его. Он нашел кого-то из начальства... Он такой трус. Кто-то ему с детства внушил, что с ними надо пить. У него на брудершафты ушло пятьсот рублей. Они переходят на «ты», а он все равно не может и мучается изжогой всю ночь...

– Шура, кто этот толстый?

– Он печально известен.

– Чем?

– Он директор еврейского кладбища.

– У тебя есть к нему ход?

– Через Зюю. А что тебе нужно?

– Что мне от него может быть нужно?

– Сколько мест?

– Пока сделай два.

– Я сделаю три, тебе хватит на какое-то время. Только не подводить, места не могут ждать.

– Я тебя когда-нибудь подводил? Люди будут.

– Если будете в Коммунарке...

– Ну-ну-ну-ну-н...

– Сядьте на троллейбус – и через пятнадцать минут вы в Перевальске.

– Да-да-да-да. Ну-ну-ну-ну и что, и что, и что?..

– Ну ничего. Там я живу.

– И все, и все, и все?

– Раз-раз-раз... Внимание! Дамский танец. Женщины, подымите уже все свое и понесите навстречу мужчинам – они хотят танцевать. У нас такие инертные дамы, что просто теряешься. Дамский танец.

– Будешь инертной... Что я вижу? Работу и кошелки... Кошелки и работу. Газ с перебоями, вода с перебоями, только они болеют без перебоев. Будешь тут инертной. Хотя я стараюсь – в театр, я стараюсь – в кино.

– Да.

– У нее все дети такие.

– Да.

– Все музыкальные.

– Да.

– Она горя не знает.

– Да.

– Ребенок с одного годика уже бьет ножкой в такт.

– Да.

– Доктор, я вам говорю, что это что-то страшное... Сколько мне, ну от силы шестьдесят пять. Ну максимум. И такой склероз. Я уже стоял в очереди к зубному врачу и вспомнил, что забыл дома зубы. Я сразу пошел к психиатру.

– Сема, не кружитесь, вы же провалились полгода. У него был инфаркт. Ей плевать, ей лишь бы давай. Сема, вы опять хотите в постель? Кто я ему? Я ему никто. Я ему соседка во дворе. Сема, сядьте.

– Раз-раз... Внимание! С вами прощаются Каменские, им завтра на работу, они дежурят в депо.

– Я хотел сказать... А где жених? А почему ты здесь? Бери невесту.

– Идем уже. Ты хочешь что-то ляпнуть. Ты уже сегодня получишь...

– Рая, я чувствую себя хорошо. Я хотел пожелать новобрачным большого внутреннего счастья и длинной дороги в казенный дом... То есть в кооперативный дом... Ха-ха-ха...

– Ой, надо идти. Гришенька уже хочет спать. Он сегодня хорошо выступал. Да, Гришенька? Как домой добраться?

– Что, не знаете? Дежурит автобус. Он развозит всех по домам.

– Тогда пошли. Гришенька, проснись, мамочка. Мы уже едем, автобус нас ждет. Он устал, бедняжка. Для ребенка четырех лет это все-таки нагрузка. Идем, идем... Вот уже многие идут... Сема... Сема... Будьте здоровы и счастливы...

– Остановите здесь, пожалуйста.

– А платить?

– Как? Разве не оплачено?

– Уже третья семья выскакивает. Я монтировкой пересчитаю всех... Оплачено? Оплачено?

– Тс-с, тихо! Мы оплатим.

– Оплачено? Оплачено?

– А, в гостях хорошо, а дома лучше...

– Я хочу подышать, открой форточку.

– Сколько я тебе говорю, не пей. Ты же больше двух рюмок не можешь.

– Ой, мне нехорошо. Я пойду в садик.

– Куда ты пойдешь в четыре часа ночи? Я открою окно...

– Я пойду в садик.

– Зачем ты пил? Ты смотришь на Борю, он здоровый, а ты в закрытом помещении, зачем ты пил?

– Хрррр...

- Ой...
- Хрррр...
- Ой...
- Хрррр...
- Ой...
- Как он завтра встанет?
- Хрррррр...
- Два часа ему осталось...
- Хррррр...
- Я уже не буду спать.
- Хрррр...
- Как он храпит! Он раньше так не храпел.
- Хррррр...
- Уже тридцать лет, и никогда он так не храпел. Бедный мой, бедный...

Сбитень варим

Сбитень варим у себя. Соседка снизу прибежала.
– Что вы здесь делаете?
– Сбитень варим «Встань трава». Старинный русский напиток. Вода, сто граммов сухого вина, мед – и варится. Как только закипит, вливаем водку и гасим. Пить теплым!
Соседка прекратила кричать, присутствовала.
Сосед присутствовал.
Дальние соседи пришли.
– Что делаете? Почему тишина?
– Сбитень варим. «Встань трава» – старинный русский напиток. Мед, водка, пить теплым.
Соседи присутствовали.
Весь двор затих.
Участковый явился.
– Почему подозрительно?
– Сбитень варим, старинный русский напиток «Встань трава. Светлеют горы».
Пьем теплым.
Участковый побежал переоделся...
Выпили сбитню теплого... Посидели...
Разошелся двор. Зашумел.
До поздней ночи свет. Люди во дворе.
Кто по году не разговаривал, помирились.
Дерево облезлое полили. Стол под ним.
Ворота закрыли. Окна открыли.
Танцы пошли. Любовь пошла.
А глаза вслед добрые.
Каждый ключик сует – идите ко мне. Посидите у меня.
Песню пели старинную «Раскинулось море...» и современную «Нежность».
А посреди двора котел, а из него пар аж по всем дворам.
Пока в ворота не застучали.
– Чего у вас там?!
– Сбитень варим. Старинный русский напиток. «Встань трава», – отвечает участковый и помешивает.

Главный гость

Выпей, маленький мой. Выпей, Женечка, нальем, мои хорошие. Вот и соседи пришли. Чудесно. Нальем Юрочке и Галочке. Они здесь дорогие гости. Мы все здесь гости дорогие. Такой дом знаменитый. Выпьем за хозяйшку...

Почему не надо? Ну, не прав, бабеч. Давай, маленький, скажи. Ну, по граммулечке, по капельке, по рюмашечке.

И Петюнчик с нами выпьет. А давай, скажи, маленький, скажи. Получится. Не стесняйся. И чего?.. И как?.. За что?.. Превосходненько. А вот у меня двое. Старший в Институте гражданской авиации. Вчера без очереди ему билет дали. Почувствовал привилегии. Не надо, говорит, отец, для меня стараться, не нажимай. Сам достану. Достал и почувствовал – теперь многое сам достает. Головка у него светлая. Младший в седьмом. Я говорю: «Что ж ты, Андрей, – двойка?» А он: «Не думай об этом, отец. Я ж только в седьмом еще. Три года впереди. Все наладится, батя», – а сам улыбается. Светлый, радостный.

Все будет хорошо. Все будет изумительно.

Ну, хозяйшка, именинница. Милочка, наша красавица, душа наша. Давай, маленький, давай по граммулечке. Все будет хорошо. Все и так хорошо. Давай, маленький, по рюмашечке. Видишь, здесь люди ответственные, собрались днем. Мне сегодня на активе выступать. Много не могу, но по граммулечке...

Да, Женечка, что у тебя там в фужерчике, зачем же ты шампанское, дай, маленький, дай вылью... прямо на пол, ничего, зато водочку будешь. Все водочку, и ты! Не надо, не надо, родненький, нам всем работать. У нас обедик такой в честь именинницы, и не надо его портить. Цветочки вон принес, а мог бы что и поинтереснее. Я твои возможности знаю, давай, маленький, не порть праздник... Хорошо, дорогой, я тебе височки граммулечку и лимонадику... Ну вот и хорошо. Не надо пока закусывать.

Ох и погода прекрасная. Дождик, громик, смотри, как засветило.

Хорошо-то как, Милочка. Соседи, Галочка и Юрочка. Салатику вам. Я знаю, как к ним хозяйшка наша относится. Они ей дороже родных, они ей помогают, и она им, и детишки у них вместе. За соседей. Ну, еще по граммулечке. Коньячку теперь, Галиночка, коньячку. Винца?.. Не надо, не надо. Дай вылью... А вот сюда... Да ничего не испортится, только лучше, слаще станет.

И тебе сейчас сюда прямо бултых граммулечку. Давай, прямо на глазах у меня – за деточек, светлых, радостных, маленьких. Чтоб здоровенькие были, чтоб головки были светлые, чтоб любили нас, стариков. Давай, давай, не останавливайся, и вот – запивочку. Вот она тут... А-я-яй, это же винцо, это я плеснул. Ничего, маленький, продышись, не держись за салатик, вот держи его за воротничок. Это Юрочка твой, держи его за чепчик, он тоже, бедненький, сник, чуть подыми ему головку. Галиночка, Юрочка, маленький, еще граммулку, чтоб очнуться, ну чуть-чуть, ну совсем символически, ну, только глотни, ну, давай, давай раз... как пошла... нет-нет, внутрь загоняй... Вот хорошо, маленький. Вот и Галиночка при нем. Вот и Юрочка, вот обнявшись, вот хорошо. Сейчас зайдет Коля, сосед милый, надо его поприветствовать, он Ивана Григорьевича возит...

Вот и Коленька-Николай. Садись, Колюнечка. Чего тебе налить, маленький? Ну, давай. Ну, попопнее. А ведь ты не за рулем уже, не за рулем? Не за рулем. Ну, хором: за Колюню нам выпить пора, гип-гип, ура! Гип-гип, ура!.. О! Отгул у него. Давай, маленький, давай – граммчик, самый крохотный, самый малюсенький граммчик-абрамчик.

Женечка, не обижайся, это поговорочка. Давай, Коленька, пей, детка, пей, маленький. Вот – до дна, до дна. А тут тебя и огурчик ждет... А ты прямо у меня и откуси. Осторожно, пальчик откусишь. Я его тебе прямо в ротик брошу. А я себе другой возьму. Хря-ря! Мня-мня.

У нас все для человека. Но ты сумеешь стать человеком. Мня-мня... Вот...

Ничего, ничего, все будет хорошо. А где Галочка с Юрочкой?.. Как – ушли? Я никого не отпускал. Здесь они? Где же здесь?.. А, вон где... Галчоночек, Юрочка, вставайте, маленькие, вам же детей из садика брать. Ну что ж вы там под ногами?.. Сейчас все по рюмашечке – и на работу... по граммчику. Женечка, детка, сыночек! Не надо друзей надувать, дай попробую, ну что ж ты так товарищей своих наказываешь? Где ж это у вас вот это предательство сидит? Ну что ж, на вас рассчитывать нельзя, продашь ведь, Женек, за две копейки продашь, с простого начинаешь, а потом и меня продашь...

Что ты молчишь? Что он говорит, Милочка? Плохо себя чувствует? Да что ты, маленький, посмотри на себя – кося сажень в плечах, живот на полметра, плечи – во! Зад – во! Да ты гренадер! Милочка, маленький, не держи его за руку. Разве ты только его любишь? Забери свою руку, детка... Эх ты, господи, что ж он так рухнул-то, и смотри – соусом аж до потолка достал. Ну Женечка, ну маленький, ну козлик, прямо взрыв устроил, хорошо как... Давайте все по рюмашечке, и Коленька всех отвезет. Да, Колюнечка, да, детка... А на Женечкиной машине. Ключики вон у него на шее, как колокольчики. Давай еще по граммчику прощальному и разведемся. Ну, маленькие, меня шофер ждет, а вас Коленька развезет. Развезет, да, Коленька?.. Как, маленький? Что, маленький? Что са?.. Саса... колеса? Колбаса?.. Адреса они тебе скажут... Женечку положим в лифт, нажмем кнопку. Он сам доедет, да, Женечка?

А ты, Коленька, подтянись к Юрочке, узнай адреса и заводи. Иди, маленький, или еще по одной давай, зятек. Спасибо, хозяйшкa... Где она закрылась? Ломай, Петюнчик, ломай, маленький, скажи ей спасибо за прием, и по пограничной, по прощальной... Пусть, пусть глотнет. Глотни, Милочка, глотни, ну ради нас всех, ради деток, ради родителей наших... Ну-ну-ну... Есть. Глотнула...

Ну, ребята, вы лежите, я пошел. Кто газ включил? Не надо, не надо. Сейчас я в окно крикну:

– Юрий Дмитриевич, заводите! Я уже спускаюсь.

* * *

Лучший вечер на кухне: ледяная кислая капусточка, горячая разварная картошечка, большая селедка, разваленная вдоль и лежащая на белых листах писчей бумаги, морозная водочка в графинчике и стопочках. А впереди гусь млеет в духовке в моей однокомнатной. Народ за столом хороший, немногочисленный. От тридцати до сорока. Понимающий народ. Все знают, что будет со страной, все знают, что будет со всеми, но не знают, что будет между ними. Итак...

* * *

Как пароход хорош для пенсии – плавучий город с врачами, сестрами, поварами, спальнями, кино и фруктами. И тепло всегда, и вид из окна новый, и пассажиры не задерживаются.

* * *

Я еду с поднятым забралом, прошу вас ключ от ваших лат.

* * *

Что такое фальшь? Это ложь об отношении к чему-то. «Я рад...» «Вы гений...» «Я с огромным удовольствием...»

Фальшь нельзя проверить, нельзя обратить на нее внимание судьбы, друзей. Фальшь можно только почувствовать. Она вызывает бешенство, непонятное окружающим. Все, в том числе тот, кто сфальшивил, говорят: «Ну, псих!»

* * *

Кушать есть чего, но стимула уже нет.

* * *

Одиночество – это не тогда, когда вы ночью просыпаетесь от собственного завывания, хотя это тоже одиночество.

Одиночество – это не тогда, когда вы возвращаетесь домой и все лежит, как было брошено год назад, хотя это тоже одиночество. Одиночество – это не телевизор, приемник и чайник, включенные сразу для ощущения жизни и чьих-то голосов, хотя это праздничное одиночество.

Это даже не постель у знакомых, суп у друзей, хотя это тоже... Это поправимо, хотя и безнадежно.

Настоящее одиночество, когда вы всю ночь говорите сами с собой. И вас не понимают.

* * *

Господа! Я могу попрощаться, но идти мне некуда.

* * *

Рассказ прошедшего через расстрел.

– Я им говорю: «Я понимаю – вам страшно. Вам хочется предать... Вы просто не торопитесь... Вы всегда успеете это сделать!»

Когда нужны герои

Богатая у нас страна, много всего, и ничего не жалко. Но главное наше богатство – люди! С такими людьми, как у нас, любые трудности нипочем, и я не преувеличиваю.

Судно новое построили. Только отошли от родного завода – котел вышел из строя. Не возвращаться же. Только ведь вышли. Два паренька, обмотав друг друга чем попало и непрерывно поливая один другого и вдвоем сами себя, влезли в котел, в невыносимый жар, и спасли престиж тех, кто ставил этот котел. В огонь и воду идут наши ребята, если надо. К сожалению, надо. Очень надо.

Читали? В городе Н. прорвало водопровод. Потому что сколько он может действовать? Он же был свидетелем восстания Спартака. Единственное, чего он не видит, так это ремонта. И прорвало его. Но мимо водопровода шел солдат. Простой парень из-под Казани. Разделся, влез и заткнул, что надо, в ледяной воде и дал городу воду. Врачи долго боролись за жизнь солдата, но он остался жив.

Недавно снова прорвало. Теперь кинохроника заранее подъехала. Водопровод бьет фонтаном. Юпитеры горят. К девяти солдата привезли. Скромный паренек, опять заткнул. Господи, когда такие люди, хочется петь! Непрерывно, не прекращая пения, петь и плевать на все – сделают!

Вот пожилая женщина, домохозяйка. И оказалась в новом районе. Бывает. Жизнь нас забрасывает... Случалось вам удивиться: весной в центре города сухо, чисто – и вдруг толпа в грязи, в тине, в болотных сапогах. Это они – жители новых районов.

Если уж попал туда, то либо там сиди, либо отсюда не выезжай. Так вот, бредет наша скромная женщина, простая домохозяйка, и слышит: «Помогите! Помогите!» – уже слабо, слабо.

Глядь, у самого дома тонет старичок. У самого порога. Он открыл дверку, ступнул ножкой и сразу ушел под воду. Забыл, что выходить-то нельзя, его ж с этим условием вселяли.

Скромная женщина подгрести на доске, обхватила его рукой, обогрела. Корреспонденты набежали. Она стоит мокрая, счастливая, держит старичка за воротничок. Потому что, если ты герой, оглянись вокруг, и тебе всегда найдется работа.

Казалось бы, совсем не романтическая профессия – водитель троллейбуса. Но это смотря мимо чего ездишь. А он мимо нового дома ездил, любовался им и не знал, что дом прославит его.

Всем известно, что раствор хорошо держит, если в нем есть цемент. А если с каждой машины килограмм по двести украсть, раствор будет держать хуже. А если утянуть пятьсот, раствор можно будет перемешивать, но держать он не сможет: на одном песке долго не простоишь. Но дом стоял. Почти неделю. Ну а потом ветер рванул или машина проехала – и дом сложился, как домино. И кто, вы думаете, разгреб кирпич и вытащил приемо-сдаточную комиссию с отличными оценками за качество строительства?.. Наш водитель троллейбуса!

Где-то сорок тонн зерна горело в складе, электрики концы голые оставили. Так кладовщик на себе килограмм триста вынес. А другой ему кусок кожи дал своей. Той, что ближе рубахи.

Вы слушаете и думаете: где-то рвануло, где-то упало, где-то сломалось. И всегда найдется он. Он вытащит. Он влезет. Он спасет. Хорошо, если заметят. А сколько их, безвестных, лежит под машинами в снег, в дождь на дорогах наших. Конечно, с запчастями, слесарями, с передвижными мастерскими каждый дурак сумеет, а ты так – в холод, в зной... За пятьсот километров от Усть-Улыча, за триста до Магадана один с гаечным ключом. Вот ты и опять герой. Только ты этого не знаешь и не знаешь, сколько всего разного держится на твоём геро-

изме. Потому что иногда подвиг одного – это преступление другого. Жаль только, нет фотографий подлинных «виновников торжества».

Очень много честных людей

А я вам вот что скажу: очень много честных людей. Было бы меньше честных людей, легче бы жилось. Еще в школе нас пытались отучить от этой вредной привычки добиваться справедливости. Посмотрите на принципиального: искалеченная личность с электрическим огнем в глазах. Его появление в любом месте грозит крупным скандалом.

Там кто-то кому-то выписал кубометр дров. Нагрузили машину. А черт его знает: кубометр или пять, дрова или доски. Боже мой! Все всё понимают, все хотят жить. Только этот не хочет, не может он, и все. Он догоняет машину, вцепляется в руль, сигналист наверх, звонит на проходную. Он хочет проверить, Ньютон проклятый. Ну и проверяют, конечно. Милиция всегда на плохое бросается быстрее, чем на хорошее. Ну конечно, в машине не то. Дрова, конечно, отбирают, сажают тех, кто в кабине, тех, кто в кузове. Все в порядке, все без дров, справедливость торжествует. А борца тихо выбрасывают на другое место. Там с его приходом начинается подспудное брожение, взрыв. Садятся бухгалтер и прораб, а борец ковыляет дальше уже без глаза и авторучки.

Спрашивается: зачем находиться там, где грузят? Зачем торчать на передовой? Почему в нужный момент не оказаться в нужном месте? И вообще, зачем хватать за руку вора? Вдруг он станет большим человеком? Добрее нужно быть к людям, мягче, любимее. Надо, чтобы вы руководили принципами, а не принципами вами.

Вы видели стальной эталон – метр? Метр, и все! Его ни согнуть, ни скрутить, он всех цепляет. А есть эталон мягкий, тоже, конечно, метр, но какой удобный. Хочешь вдвое сложи, хочешь в карман опусти. Намотай. Даже растяни – будет полтора метра. Вот это эталон! Это – двадцатый век!

Вы видели человека, который никогда не врет? Его трудно увидеть, его же все избегают. Он никогда не лжет, он прям, как артиллерийский ствол. Он может сказать женщине: «Почему вы кокетничаете, показываете коленки? Вам, по моим расчетам, уже около ста лет».

– А ты что же такой синий! Из санатория? И что, они сказали, что ты здоров? Иди ляг к ним обратно!

– А ты, брат, хорош, сколько ты дал за это дикое барахло? Ну и надули тебя!

А тот все равно ничего не может изменить. Не может он продать барахло обратно. Его надули, и он сам это чувствует. Но злится не на себя и не на того, кто его надул, а на нашего, который ему раскрыл глаза.

Идите раскройте глаза своему лучшему другу на то, что она вытворяет в его отсутствие. Они все равно помирятся, а вашей ноги в том доме уже не будет. Вы будете враг дома номер один.

Честный человек – это бедствие. Это испорченное настроение на весь день. Когда он выходит из ворот, улица пустеет. Замешкавшийся прохожий получает в награду всю правду – мать и остается сломленным навсегда.

Кто дал право калечить жизнь людям? Вы что-то видите? Закройте глаза. Вы что-то слышите? Заткните уши. Вы что-то хотите сказать? Скажите. В тряпочку. Заверните и тихо опустите в урну.

Все, что вам кажется бездарным, – гениально. Тот, кто выглядит дураком, умнее нас всех. Людям важно, чтоб все было хорошо, все в порядке, все олайт.

– Ваши дела?

– Отлично!

– Ваши успехи?

– На большой!

– Как жизнь молодая?

- Лучше всех!
- Какой прелестный ребенок! Какая милая квартирка! До свидания! Вы чудесно выглядите!

Нормально, Григорий! Отлично, Константин!

Мы с приятелем выиграли торт в доме отдыха. Нас с ним никуда не пустили. Несогласованность, знаете, дарят одни, за чистотой следят другие. Но мы с другом выпили по сто и поняли, что награждают одни, убирают другие, а мы намусорим. На коленях съели, только костюмы испачкали, и все.

Пальто мне заказали с воротником. Отобрали мы у ателье это пальто. Хотели им обратно насильно вернуть. Вплоть до мордобоя, чтоб обратно забрали они это пальто себе. У меня фигура и так неважная, а в пальто в трамвай не могу войти, место уступают, без очереди пропускают, плакали вслед две женщины, которые мужей потеряли, и на воротнике такой мех, что от медведя остался, когда всю шкуру уже поделили.

Хотели им насильно вернуть – их больше, не хотят они. Выпили мы с Григорием по двести, надел я пальто: «Смотрится, Константин». А что, нормальное, говорю... Они же объяснили, что этот заболел, а там подкладка, усадка, девочки молодые шьют, а на семьдесят рублей никто не идет.

Часы купили, через два дня календарь отказал. На дворе уже тридцатое, а он все десятое показывает. Выпили мы по двести пятьдесят, посмотрел я на часы – нормальные часы. Потом стрелки остановились, мы – по триста... Я посмотрел на часы: господа, корпус есть, циферблат есть, чего еще надо? Шикарные часы.

А когда потолок в квартире завалился, мы вообще по триста пятьдесят грохнули. И правильно. Сдавали зимой, мазали осенью. Нельзя же все летом делать! Нормальная квартирка.

Опять в санаторий попали специализированный. Еда там – что в кинотеатрах в буфетах перед «Щитом и мечом» дают... Но у нас с собой было, мы в палате приспособились – кипятильничек, плиточка, концентратик гороховый. Нормально, говорю, Григорий!.. Отлично, Константин!

Обратно лететь – сутки на аэродроме торчали. Полсуток погода, полсуток техническое состояние, пять часов в кабине багаж грузили, шесть часов выгружали... Ну, у нас с собой было. Нормально, говорю, все равно быстрее, чем поездом. Подсчитали – вроде бы не быстрее, вроде бы даже медленнее. Ничего, говорю, по буфетам походили, с людьми познакомились, на скамейке лежали. Наземные службы отстают, воздушные обгоняют, так что мы в их положение вошли, теперь им в наше войти, и нормально, Григорий!.. Отлично, Константин!

Посидели, отдохнули. Сейчас летим обратно. Правда, сели в Куйбышеве, потому что Казань не принимала, хотя нам надо в Харьков. Но у нас с собой было... Сейчас город посмотрим, нормально, Григорий! Отлично, Константин! Нам сказали, что стоянка шесть часов, через час предупредили, чтоб не уходили, через два часа вылетели. Не все, конечно... Те, кого предупредили... Но у нас с собой было... Поездом поедem, чего расстраиваться. Нормально, Григорий!.. Отлично, Константин!

Приехали домой, снова пальто на глаза попало. У нас с собой было.

– Ну-тко я нырну, глянь, Константин.

– Нормальное. Носи на здоровье. В случае чего я буду ходить сзади, объяснять, что никто не хочет за семьдесят рублей над уютгом стоять.

Мы в один город приехали. Не просто, а по приглашению председателя горисполкома. Он по телевидению выступал: «Приезжайте в наш город, вас ждут новые гостиницы, пансионаты, кафе». Так упрашивал – мы поехали. Но у нас такое впечатление все-таки возникло, что нас не ждали. Решили к председателю зайти. Объяснили секретарше, что мы не просто свалились, а по приглашению.

А она нас выставила за дверь: «Вас много, гостиниц мало. С ума сошли. Так и будете по всем городам ездить, чьи председатели по телевидению выступают?» Ну, мы на вокзале при буфете приняли по двести... Нормально, говорю, чего? Действительно, нас много, а мест мало. Нас много, а штанов мало. Тут один выход, Григорий. Нас должно меньше быть. У тебя дети есть?.. Нет. И у меня нет. Нормально, Григорий! Отлично, Константин!

История болезни

Для Р. Карцева и В. Ильченко

- Кто следующий к врачу-психиатру, войдите!
- (*Входит.*) Здравствуйте!
- Ну-с, молодой человек, расскажите о себе!
- Гав!
- Ясно. Поговорим о чем-нибудь другом. Скажите, вы любите спорт? Коньки, лыжи?
- Конечно.
- А искусство, театр любите?
- Кто этого не любит?
- Вот видите, у нас все хорошо, все прекрасно. Ваша профессия?
- Гав!
- Ясно. Поговорим о чем-нибудь другом. Скажите, и давно у вас это?
- Что?
- Ну это... вот это... с хвостиком...
- Не понимаю.
- Хорошо. Поговорим о чем-нибудь другом. Где вы работаете?
- Гав! Гав!
- Сосредоточьте ваше внимание и постарайтесь вспомнить, как у вас все это началось?..

.....

- Сидоров! Срочно сделай эту работу!
- У меня уже есть срочная работа.
- После той работы срочно сделаешь эту работу!
- После той срочной работы у меня есть еще одна срочная работа!
- Вот после той еще одной срочной работы срочно сделаешь эту работу!..
- А у меня обед!
- Проголодался?!
- Проголодался!
- Тебе кусок колбасы дороже завода!
- У меня обед!..
- Так вот, придешь после обеда и срочно сделаешь эту работу!
- А после обеда я поеду за деталями!
- Вот приедешь с деталями и срочно сделаешь эту работу!
- Это будет конец рабочего дня. Я домой иду!
- Ты останешься на два часа и срочно сделаешь эту работу!
- После работы?! Да? Я вечером иду в институт, у меня экзамены!
- Экзамены? Инженером будешь?
- Буду!
- Мало у нас этого добра!
- Еще один будет!
- Завтра с утра придешь и срочно сделаешь эту работу!
- Завтра? С утра? На рассвете? С солнышком?
- Да!
- А я во вторую смену!
- Сколько?

- Неделю.
- Хорошо! Придешь через неделю и срочно сделаешь эту работу!
- Через неделю? С утра? На рассвете? Пятнадцатого?
- Да-да!
- А я иду в отпуск!
- Придешь после отпуска и срочно сделаешь эту работу!
- После отпуска? Это будет уже следующий год! У меня по горло срочных работ!
- Ты мне через год срочно сделаешь, ты мне через пять...
- Через двадцать пять я вам сделаю!
- Ты мне на том свете придешь и срочно сделаешь эту работу!
- На том свете? Вместе с тобой!
- А я с тобой попрощаюсь! И ты у меня сделаешь!
- Не сделаю!
- А я говорю – да!
- Нет!
- Да!
- Нет!
- Да!
- Гав!
- Гав!

Ночью над городом

Ночью, когда все уснут, выплывает моя кровать.
Из окна.
И плывет над городом.
Присмотритесь.
Вот свисает одеяло.
Из подушки торчит нос.
Сода в изголовье.
Ножки торчат. В основном две.
Тикает будильник.
Играет музыка.
И мы уплываем.
Над спящими и лежащими.
Над секретным.
Над всей сутью.
Если выйти часа в четыре, меня можно увидеть над заливом.
Над черными волнами.
Эта кровать и тело, вдавленное в подушку.
Глаза закрыты. Свинцовое лицо.
Шум, шум Финского залива.
Безлунная ночь. Холод.
Волосы дыбом! У штурманов пляшут картушки компасов.
К чертовой матери прыгают стрелки.
А я возвращаюсь.
Залив. Гавань. Стадион.
Большой проспект.
Шестнадцатая, Пятнадцатая, Четырнадцатая, Двенадцатая, Восьмая линии.
Нева, Стачек, Ветеранов.
В этот момент жутко вздрагивают таксисты.
А если все-таки не бояться и выглянуть в пять, можно увидеть, как я вплываю с грохотом, становлюсь на место, опрокинув торшер...
И тогда рассветает.
Как жить в таком ужасе?
Невозможно.
Надо вылетать в светлое время.

Нашим женщинам

Женщины, подруги, дамы и девушки! В чем радость и прелесть встреч с вами? Почему вы созданы такими? Нежная кожа, эти глаза, эти зубы и волосы, которые пахнут дождем. Этот носик и суждения по различным вопросам.

Товарищи женщины, дамы и девушки! Назад! Вы уже доказали: вы можете лечить, чинить потолки, собирать аппараты, прокладывать кабель. Хватит! Назад! Обратно! В поликлиниках женщины, в гостиницах женщины, в ресторанах женщины, в цехах женщины. Где же спрячутся эти бездельники? Она ведет хозяйство, она прописывает мужа и сидит в техническом совете. Она и взрослеет раньше, и живет дольше. У нас в новых районах одни старушки, где же старики?..

А вот бездельничать не надо, будем долго жить. Пьем, курим, играем в домино, обедаем, валяемся на диванах, а потом к ним же в претензии – мало живем. Морщины в тридцать, мешки у глаз в тридцать пять, животы в сорок. Кто нами может быть доволен? Только добровольцы. Лев пробегает в день по пустыне сотни километров. А волк? Все носятся по пустыне, ищут еду. Поел – лежи. А у нас поел – лежи, не успел – лежи. У льва есть мешки под глазами? А брюхо? Имей он брюхо, от него бы сбежала самая унылая, самая дряхлая лань.

Они, конечно, зарабатывают больше нас, наши женщины, с этим мы уже смирились. Они выглядят лучше, с этим мы тоже смирились. Они одеваются красивее. Сейчас мы пытаемся что-то предпринять – жабо, кружевные воротнички, броши на шее... Ну куда?! С лысиной на голове и брошью на шее далеко не уедешь. А какие у нас походки от долгого лежания на диванах и сидения в креслах на работе? Вы видели эти зады, черпающие землю?.. А зубы – от курения, употребления соленого, сладкого, горького и противного. А глаза, в которых отражается только потолок...

Наши милые дамы, наше чудо, наше украшение. Вставать рано, собирать детей и этого типа на работу. Самой на бегу проглотить маленький кусочек, успеть причесаться, кое-что набросать на лицо. Прийти на работу – и выглядеть. И в обед занять очередь в четырех местах и все успеть. И прибежать домой, накормить детей и этого типа. И бегать, и вытирать, и шить, и починять. А утром будильник только для тебя. Для тебя будильник, как для тебя огонь плиты, для тебя толпа и давка, для тебя слова, шипящие сзади. А ты поправишь прядку – и бегом. И любят тебя как раз не за это: к этому привыкли. Любят за другое – за кожу твою, за ресницы твои, за губы, и слабость, и нежность твою.

И тебе еще надо умудриться, пробегая в день пятьдесят километров, оставаться слабой. И ты умудряешься: поди пойми, что главное.

И я тебя люблю за все. Только прошу, остановись на бегу – на работе, дома, встань стройно, посмотри в зеркало, поправь что-то в лице. Чуть сделай губы, чуть глаза, реснички вперед и вверх, покачайся на красивых ногах – и опять... А мы ждем тебя. Ждем всюду. С букетиком и без. Со словами и молча. На углу и дома. Приходи! И в дождь, и в снег... И – не все ли равно!..

Женский язык

Все очень просто, если понимаешь женский язык. Едет женщина в метро. Молчит.

Кольцо на правой руке – замужем, спокойно, все стоят на своих местах.

Кольцо на левой – развелась.

Два кольца на левой – два раза развелась.

Кольцо на правой, кольцо на левой – дважды замужем, второй раз удачно.

Кольцо на правой и серьги – замужем, но брак не устраивает.

Два кольца на правой, серьги – замужем, и есть еще человек. Оба женаты. Один на мне.

Оба недовольны женами.

Кольцо на правой, одна серьга – вообще-то я замужем...

Кольцо на левой, кольцо на правой, серьги, брошь – работаю в столовой.

Темные очки, кольца, брошь, седой парик, платформы, будильник на цепи – барменша ресторана «Восточный». Мужа нет, вкуса нет, человека нет. Пьющий, едящий, курящий, стоящий и лежащий мужчина вызывает физическое отвращение. Трехкомнатная в центре. Четыре телефона поют грузинским квартетом. В туалете хрустальная люстра, в ванной белый медведь, из пасти бьет горячая вода. Нужен мужчина со щеткой, тряпкой и женской фигурой.

Ни одной серьги, джинсы, ожерелье из ракушек, оловянное колечко со старой монеткой, торба через плечо, обкусанные ногти, загадочные ноги – художник-фанатик, откликается на разговор о Ферапонтовом монастыре. Погружена в себя настолько, что другой туда не помещается...

Бриллианты, длинная шея, прическа вверх, разворот плеч, осанка, удивительная одежда, сильные ноги – балет Большого театра. Разговор бессмыслен: «Вы пешком, а я в «Мерседесе». Поговорим, если догонишь...»

Кольцо на правой, гладкая прическа, темный костюм, белая кофта, папироса «Беломор»: «Что вам, товарищ?..»

Кольцо на правой, русая гладкая головка, зеленый шерстяной костюм, скромные коричневые туфли и прекрасный взгляд милых серых глаз – твоя жена, болван!

Наши мамы

Что же это за поколение такое? Родилось в 1908–1917-м. Пишут с ошибками, говорят с искажениями. Пережили голод двадцатых, дикий труд тридцатых, войну сороковых, нехватки пятидесятых, болезни, похоронки, смерти самых близких. По инерции страшно скупы, экономят на трамвае, гасят свет, выходя на секунду, хранят сахар для внуков. Уже три года не едят сладкого, соленого, вкусного, не могут выбросить старые ботинки, встают по-прежнему в семь и все работают, работают, работают не покладая рук и не отдыхая, дома и в архиве, приходя в срок и уходя позже, выполняя обещанное, выполняя сказанное, выполняя обреченное, выполняя все просьбы по малым возможностям своим.

Пешком при таких ногах. Не забывая при такой памяти. Не имея силы, но обязательно написать, поздравить, напомнить, послать в другой город то, что там есть, но тут дешевле. Внимания оказать. Тащиться из конца в конец, чтоб предупредить, хотя там догадались. И не прилечь! Не прилечь под насмешливым взглядом с дивана: «Мама! Ну кто это будет есть? Не надо, там догадаются. Нет смысла, мама, ну, во-первых...»

Молодые – стервы. Две старухи тянут из лужи грязное тело: может, он и не пьян. А даже если пьян... Молодые – стервы. «Нет смысла, мама...»

Кричат старухи, визжат у гроба. Потому что умер. Эти стесняются. Сдержанные вроде. Мужественные как бы... Некому учить. И книг нет. А умрут, на кого смотреть с дивана? Пока еще ходят, запомним, как воют от горя, кричат от боли, что брать на могилы, как их мыть, как поднимать больного, как кормить гостя, даже если он на минуту, как говорить только то, что знаешь, любить другого ради него, выслушивать его ради него, и думать о нем, и предупредить его.

Давно родились, много помнят и все работают, работают, работают, работают. Наше старое солнце.

Что с нашим человеком?

Что с нашим человеком?

Каким он стал?

Он агрессивен от незнания.

Нахален от отсутствия.

Туп от грубости и груб от тупости.

Помят от передвижения.

Бесцветен от промышленности.

С язвой от невысказанности.

С инфарктом от сказанного...

Конечно, его надо избегать и проезжать мимо, когда он вдали перебегают с испорченным желудком от государственной еды.

От него надо прятать дочерей.

Он носит пьяное зачатие от бессмысленной жизни, за которую он так благодарен, и так помнит войну, что не представляет жизни мирной.

Прячьте от него все, и он станет еще ужасней.

И все скажут: зачем за него бороться, если он так ужасен.

Военная кость

Сила воли, принципиальность, честность – все у нас есть, но их не проявляем – время еще не пришло... Рано пока... Это ж такие орудия, что из них по воробьям не бьют. Да, согласен, я пока и поддержу эту муру, что ж я из-за этой чепухи истрачусь? Недостойно это моего характера! Я говорю себе – потерпи! Я обязательно скажу то, что думаю. Но не сейчас... Ничего, двадцать лет не говорил, еще потерплю... Мой час прогремит! А силу воли я на периферии тренирую. В горах Кавказа и Алатау в связке с молодыми людьми.

Это я только жалкую часть назвал тех чудесных черт характера. А взаимопомощь, а выручка? Все у нас есть! Большая беда нужна. Негде! Что мы чикаемся? Ночевать к себе не пускаем, в драку не лезем. Что это за масштаб?! Другое дело – с этим в разведку бы пошел, а с этим нет! Где проверить, куда идти? Разведка нужна. Обстрел нужен. Сидеть ночью в болоте, без мыла, без ракет – вот где люди проверяются: хорошие – хорошие, плохие – плохие.

Время спокойное. Попытки выдержишь? Дай уколою. Прищемлю дай. Скажешь или нет? Не имеет значения, что говорить. Что ты вообще знаешь? Ты, даже если захочешь, ничего интересного не скажешь. Не в этом соль. Соль в том, чтобы молчать, как никогда! А я тебе говорю – пытки выдержу. Вот оно! Подавись, чтоб я тебе что-то сказал. Во-первых, нечего действительно, а во-вторых – не скажу, и все! Молчание молчанию рознь.

Беречь надо принципиальность, смелость, гражданское мужество – не расходовать на муру, на производство, на каждое собрание, на посидел-проголосовал и пошел. Недостатков столько, знаешь: один вырвал, пошел дальше, а они сзади заколосились – и еще гуще. Так что, на каждый свой заряд тратить, душевную широту?

Нет, не раскошегарился народ. Каждый так и умирает честным и смелым, все сохранив в неприкосновенности. Он не виноват, его время еще не пришло.

И доброта у людей есть. Но к раненым в бою. Не на мостовой под «Жигулями», а в степи под Курганом: там я тебя перевяжу и – к своим на себе. А здесь, где свои, где чужие, куда тащить, – нечетко, размыто. Вот если б все на mine подорвались, но об этом можно только мечтать! Когда все не заросшие, как сейчас, а подстрижены под ноль и ходят след в след – вот где люди различаются один от одного.

По-настоящему поется в песне: «Ты только прикажи, и я не струшу, товарищ время, товарищ время!» Будет приказ – не струсим. А без приказа бродим сами по себе. Пока.

Начальник АТС

Вот вы думаете, он начальник АТС? О! О! Так уж со всех сторон: О! О! А я ему скажу: «Ну нет телефона. Нет же икры в магазинах – вы же там не скандадите?» Он умник стал. Отвечает: «А я без икры проживу, а без телефона нет. Мне «Скорую» нечем вызвать. Я инвалид».

Слепые приходят. Гирями в авоськах размахивают. Один эпилептик довел себя в приемной, взвинтил. Но наши его быстро умирили. У меня специально в штате два линейных техника, мастера.

Сейчас это большое искусство – принимать людей по четвергам с четырнадцати до восемнадцати. Они готовятся, и я готовлюсь. Они справки собирают, и я справки собираю. Они – «можно». Я – «нельзя».

Чем больше телефонов, тем невыносимее становятся те, у кого их нет. Вот их принимать тяжело. Вообще те, у кого нет телефона, квартиры, маленькая зарплата и кто-то из близких у них умер, стали совершенно невыносимы. Ты им слово, они тебе два... Ей-богу... Легче разговаривать с пятью, у которых все есть, чем с одним, у которого ничего нет. Он тебе такие доводы, что ты просто дуреешь. Не дай бог, ты ему сравнение или цитату. Он тебе пять цитат и десять сравнений.

Тут один номерок отколол: «С вами будет говорить Нью-Йорк». Я чуть не свихнулся. А это наш командировочный на такой способ пустился. Из-за океана начал права качать: «Я в командировках бываю...» Ну, как они все, и кончил тем, что он инвалид и ему трудно в автомат ходить. Он там так орал, весь Нью-Йорк вокруг него собрался... Ну, я достойно ему возразил:

– Пусть они тебе и тянут. Ты у кого? У «Дженерал Моторс»?.. Пусть этот «Моторс» тебе и копает, если ты ему нужен. А мне твои командировки как гусенице сапоги...

Он там затих, в Нью-Йорке. А я ему говорю:

– Еще раз скажешь: «Вас вызывает Нью-Йорк», – всю жизнь по батареям будешь перестукиваться.

Унялся он, куда-то выпивать пошел. Я, конечно, извинился перед отелем «Уолдорф-Астория», мол, это по культурному обмену, человек-сатирик, а с телефонами у нас все в порядке, вы же со мной не по трубе разговариваете.

Всех успокоил, себе – валидол и продолжал работать... Вот вы въезжаете в новый дом, уже есть розетки, радио, водопровод, канализация, электричество. Не легче тянуть. А почему нет телефона?.. Вам же ей позвонить, как воды из крана напиться. Людям же надо общаться. А почему нет телефона?!

Думаете, он начальник АТС – он ответит. Так вот, я – начальник АТС.

Ну что такое Ойстрах?

Ну что такое Ойстрах? Отнимите у него смычок, скрипку, костюм, авторучку. Кто будет перед вами?

А Рихтер? Крики: «Рихтер! Рихтер!» Отнимите у него рояль, отнимите оркестр, ноты, не впускайте публику и не разрешайте напевать. Где Рихтер? Где? А кто перед вами? А такой, как я, он, или он, или я, или ты.

А где будет ваш автоинспектор? Все кричат: «Автоинспектор! Автоинспектор!» Отнимите у него свисток, форму, пистолетик и палку полосатую. Может надрываться на любом перекрестке – никто не притормозит. Только если велосипедиста схватит за лицо пятерней – тот остановится, но может вступить в ответную драку, потому что кто перед ним? Автоинспектор? А на ногах у него что? Босоножки!

Теперь отними у нас... Нет... Дай нам... Или нет... Отними у нас... одежду... Ну, еще поделить людей на две половины сумеем, а дальше что? Ничего... пляж... Страна северная, значит, не пляж... Кто кого слушает? Физически слабые слушают всех. Физически сильные поступают, как сами могут сообразить. А как они сами могут сообразить? А как военных узнать? Любой лось, зашедший в город, плюнет на любого военного или толкнет... а у того даже топнуть нечем... Босиком – и под бокс.

Поэтому надо очень цепляться за то, кто что имеет. Жена хорошая – держи жену. Рояль – держи рояль. Держи публику. Скрипочка есть? Палочка полосатая, пистолетик, штаны форменные?.. По штанам, роялю, жене и скрипке вас отличают от других голых!

Сто одиннадцать

Что бы я делал в экстренных случаях, в пиковых положениях?
Я бы кушал ночью – это раз. Спал бы днем – это два.
Пил бы для веселья с быстро хмелеющими женщинами от недорогих вин типа «Али-го-те» – три.
И только с пьяными женщинами разговаривал – четыре.
Я бы работал, когда хочется, – шесть.
И часы бы перебил – семь.
И детей бы узаконил. И наелся устриц.
И в Париж на минутку и обратно – восемь.
И в деревню на подводе с сеном и девками – семь.
А обратно быстро на машине – девять.
И спать – десять, одиннадцать, двенадцать. Стричься у ласкового парикмахера с длинными пальцами, а бриться у длинноногой, смуглой и сидеть низко, чтобы она наклонялась и пачкала свой нос в пене, а я бы ее слизывал, и мы бы оба смеялись.
Это восемь.
Охотиться можно, но не на уток, а на воднолыжников из мелкокалиберки с упреждением.
Это семь.
И не забыть выиграть у китайцев сражение и Порт-Артур отбить у них.
И тут же окружить себя пленницами.
Портреты им поменять на свои.
Из ручек у девушек цитатники вынуть и вложить что-нибудь другое – это шесть.
«Скорой помощи» рыло набить, чтоб начеку и почутче, в корне почутче.
И наших всех реанимировать, а то скучно.
А гады пусть мрут от инфарктов и пестицидов. Это десять.
Да, кондиционеры на лето – слушайте, это же невозможно, – и унитаза всем починить.
Это сто.
Борьбу с пьянством прекратить, тем более что это не борьба и это не результат.
Пограничников снять и хорошо угостить.
А чтоб сюда не лезли, забором все и дырки как положено – черт с ними, пусть видят, что здесь и как здесь весело. Это сто одиннадцать.
Морякам всем вернуться. Они туда плавают, чтоб здесь гулять, так здесь и так гуляют.
С театрами... Пусть играют – ни вреда ни пользы, давайте что хотите, только осторожно, не дай бог, перемрете от бессилия своего бесстрашия, от чудовищного выбора позиции в классовой борьбе.
В баню по четвергам, ребята. Это всем, кроме официантов и поваров, они по пятницам.
А в четверг все вместе, с воблой, пивом, раками, зеленью и, ты господи, водочкой.
Но в понедельник буду строг, тишина чтоб до обеда, до шести вечера.
Воробьям-сволочам лапы ватой обмотать.
Псам – кляпы.
Львам в зоопарках и у Берберовых – глушители на пасть.
Женщинам не рожать, пусть мужчины подсчитают.
И все спим, в понедельник тишина.
Вторник, среда – личное время.
По пятницам – с девяти до двенадцати – все выслушиваем друг друга. В комнате, мирно.
И перестаньте ругаться, кричать друг другу: «Еврей!»
У нас в стране не все евреи!

Он таким не был...

Для С. Юрского

– Здравствуйте! Сегодня у вас день рождения? Очень приятно. Извините, я без подарка. Спонтанно получилось. Пробегал мимо, ничего не успел, пробегаючи. Сейчас все так рано закрывается.

А, собственно, какой у вас размер, хозяйюшка?.. Сорок шесть, два... Все равно ничего не было.

Спасибо. Салатику?.. Ага. Нет, нет, сюда. Селедочки?.. Можно, можно. Вот этой рыбки. А там что краснеет?.. Можно, можно, красненькой, солененькой, трескучей, даже еще кусочек. А это что, желтенькое?.. Ложечку можно. И помидорочку солененькую, сочненькую. Сами солили? Как интересно, ну, тогда еще одну.

А что ж хозяин себе ничего не берет? (*Выискивает, что бы еще взять.*) Хоть бы... (*Кряхтит: блюдо далеко.*) ломтик холодца себе положили. И соседка моя ничего себе не берет. (*Накладывает себе.*) Берите себе, берите...

А вы, хозяйюшка, за гостей не беспокойтесь, берите себе, берите. (*Накладывает себе.*) Гусиный паштетик мягонький, легонький, полезненький...

(*Испуганно.*) Ой! Водочка!.. Кто это мне?.. Вы, соседик-соседушка? Мой ласковый. Когда же вы плеснули?..

Соседушка, милый, вас как?.. Сеа Суа Саныч... Кто наши гости?.. Вот этот чем занимается? В клетчатом?.. Я не показываю селедкой, я спрашиваю. Профессор философии... Му-гу. Имя?.. Игорь Семенович. Му-гу.

Игорь Семенович, одному человеку нужно сдать экзамен по философии. Вы не могли бы просто попросить свою ассистентку... Ну, так, без обстоятельств. Просто пусть примет у него, и все. А я бы завтра вам позвонил, и все. А?.. Когда вам удобнее?.. В четыре. Мне удобнее в пять. Ну, пусть будет в пять. Ваш телефончик, пожалуйста... (*Бормочет.*) Зести сисать сять сосок сеть сисият.

Ага... Ага... За родителей. А кто вон тот лысый, с прыщом?.. Директор книжного магазина?.. Имя?.. Георгий Петрович? Георгий Петрович, как вам именины? Великолепные. У вас там не нашлось бы пишущей машинки?.. Одной?.. Я бы к вам зашел с одним человеком?.. А?.. Нет... А билет на Симферополь?.. Ну почему нет?.. У вас же есть кто-то на вокзале?.. А пишущую машинку?.. Ну, если не смогли билет на Симферополь, то хоть одну пишущую машинку?.. Завтра?.. Вы меня узнаете?.. Не пейте, вы меня забудете.

Кстати, вам, Игорь Семенович, этот человек скажет: от Константина. Не забудете?.. Адресок вашего заведения, Георгий Семенович, э-э, простите, Петрович?.. Синакевича, семнадцать, троллейбус три, пять, семь, остановка «Больница». До завтра. То есть мы еще гуляем, но до завтра. Главное, чтобы вы меня узнали. Правда, я напому.

Что это вы себе накладываете, хозяин?.. Мне тоже, пожалуйста, положите, пожалуйста. Ага. Спасибо, пожалуйста.

А вы чем занимаетесь, сосед по столу? Как вас?.. Миша-студент... Где студент? В чем студент?.. В кораблестроительном студент... Имеете отношение к приемной комиссии?.. Никого... Просто студент. Ну, передайте мне жаркое.

И этот кусочек. И ту косточку. И картошечку. Нет левую. От себя.

Ну и жаркое, хозяйюшка! И где вы такое мясо берете? Что вы говорите, где?.. А меня с ним свести не могли бы?.. А сейчас мы бы не успели?.. Значит, завтра. В три. Возле магазина. Вы меня запомнили?.. Не пейте, вы меня забудете! В три возле магазина. Где магазин?

Возле кинотеатра. Справа от кинотеатра?.. Если стать к кинотеатру лицом, то слева. Тише все! А спиной – справа. Подвальчик. «Мясо – рыба». До завтра.

Мы еще... Я понимаю... Но мысленно я уже там. Физически здесь, мысленно там. А в мебельном, хозяйюшка, никого?.. Все, спасибо и на том. И на том...

Что вы, хозяйюшка, едите?.. А-а-а. Нет, нет, заберите. А чем именинник у нас занимается?.. Врач... Где врач?.. В чем врач?.. Ага. Имя?..

Послушай, Витя, ты не смог бы мне достать интенсаин?.. А в больнице?.. А на отделении?.. А у знакомых?.. Один флакон... А полфлакона?.. А четверть?.. Завтра в четыре. У диспансера. Адрес радостного заведения?.. Ступакова, четыре, трамвай двенадцать, два, шесть. Все-таки – два флакона?.. Ну хорошо, один. Ну ясно, ясно, половину. Ну черт с тобой, четверть. Только раздражил.

Что, уходим, хозяева хотят спать?.. Значит, уходим, хозяева хотят спать. И сосед уходит? Как же я останусь, когда все уходит? Тоже уйду. А что это там белеет?.. Кусочек, пожалуйста, на посошок... (*Жует.*) Мнь-а! Мнь-а! Вкусненькое...

А что это там ребенок ест?.. Все, идем. До свидания. Спасибо. Будем заходить, а как же. Теперь-то уж точно.

Какая лестница темная... Что это у вас в портфеле твердое, как камень?.. Диссертация? На какую тему? Идеальные объекты в физике... А вы сами где?.. В институте полупроводников? Постойте, мне там что-то было нужно... Ой! Мне там что-то было нужно... Ничего, ничего, я сяду в ваш трамвай. Вы скоро выходите?.. Мне там что-то было нужно... Не отворачивайтесь, вы меня забудете! Ай-я-й!

У вас лекарства?.. Нет. Лекарства не у вас. Телефон?.. Не у вас. В универмаге?.. Никого. На санэпидстанции?.. Тишина... А где у вас знакомые? Только в своем институте? Может, у них есть знакомые в управлении гостиниц? Вы кто? Философ? Так же был один философ... Вы второй... У вас в буфете что-нибудь необычное?.. Сайра?.. Кета?.. Бок?.. Стойте, стойте! Ну, сходите, сходите!.. Да нет, я не схожу. Не имеет смысла. Какой холодный вагон.

Товарищ водитель, я случайно попал не в тот трамвай, я впервые в трамвае, я из деревни. Вы не могли бы в виде личного одолжения чуть дальше остановить? Приостановить? Вон возле того камня... А мне там удобней, за угол, и я попадаю... Ну, лично для меня... Ну, для меня... Лично... Во-во-во!.. Камень, камень!.. Не быстро, вы меня уроните. (*Равнодушно.*) Спасибо большое.

(*Двигает головой вслед за метлой дворника.*) А вы не могли бы здесь подмести лучше? Вот здесь, возле моей двери? Пожалуйста. Ну, лично для меня... А теперь здесь. Протрите, пожалуйста. (*Вращает головой, следя за тряпкой.*) Так... И песочком... А сейчас я пройду. Спасибо.

Он вошел в свою квартиру, закрыл дверь и в темноте затих.

Воскресный день

Утро страны. Воскресное. Еще прохладное. Потянулась в горы молодая интеллигенция. Потянулись к ларьку люди среднего поколения. Детишки с мамашками потянулись на утренники кукольных театров. Стада потянулись за деревни в зеленые росистые поля. Потянулись в своих кроватях актеры, актрисы, художники и прочие люди трудовой богемы и продолжали сладко спать.

А денек вставал и светлел, и птицы пели громче, и пыль пошла кверху, и лучи обжигали, и захотелось к воде, к большой воде, и я, свесив голову с дивана, прислушался к себе и начал одеваться, зевая и подпрыгивая.

Умылся тепловатой водой под краном. Достал из холодильника помидоры, лук, салат, яйца, колбасу, сметану. Снял с гвоздя толстую доску. Вымыл все чисто и начал готовить себе завтрак.

Помидоры резал частей на шесть и складывал горкой в хрустальную вазу. Нарезал перцу красного мясистого, нашинковал луку репчатого, нашинковал салату, нашинковал капусты, нашинковал моркови, нарезал огурчиков мелко, сложил все в вазу поверх помидор. Густо посолил. Залил все это постным маслом. Окропил уксусом. Чуть добавил майонезу и начал перемешивать деревянной ложкой. И еще. Снизу поддевал и вверх. Поливал соком образовавшимся – и еще снизу и вверх.

Чайник начал басить и подрагивать. Затем взял кольцо колбасы крестьянской, домашней, отдающей чесноком. Отрезал от него граммов сто пятьдесят, нарезал кружочками – и на раскаленную сковородку. Жир в колбасе был, он начал плавиться, и зашкворчала, застреляла колбаса. Чайник засвистел и пустил постоянный сильный пар. Тогда я достал другой, фарфоровый, в красных цветах, пузатый, и обдал его кипятком изнутри, чтобы принял хорошо. А туда две щепоточки чайку нарезанного, подсушенного и залил эту горку кипятком на две четверти. Поставил пузатенького на чайник, и он на него снизу начал парком подпускать...

А колбаса, колбаса уже сворачиваться пошла. А я ее яйцом сверху. Ножом по скорлупе – и на колбаску. Три штуки вбил и на маленький огонек перевел.

А в хрустальной вазе уже и салатик соком исходит под маслом, уксусом и майонезом. Подумал я и – сметанки столовую ложку сверху для мягкости. И опять деревянной ложкой снизу и все это вверх, вверх. Затем пошел из кухни на веранду, неся вазу в руках. А столик белый на веранде сияет под солнышком. Хотя на мое место тень от дерева падает. Тень такая кружевная, узорчатая.

Я в тень вазу с салатом поставил, вернулся на кухню, а в сковородке уже и глазунья. Сверху прозрачная подрагивает, и колбаска в ней архипелагом. И чайник... Чайник... Снял пузатого и еще две четверти кипяточку. А там уже темным-темно, и ароматно пахнуло, и настаивается. Опять поставил чайник. Пошел на веранду, поставил сковороду на подставку. Затем достал из холодильника баночку, где еще с прошлого года хранилась красная икра. От свежего круглого белого хлеба отрезал хрустящую горбушку, стал мазать ее сливочным маслом. Масло твердое из холодильника, хлеб горячий, свежий. Тает оно и мажется с трудом. Затем икрой красной толстым слоем намазал.

Сел. Поставил перед собой вазу. В левую руку взял хлеб с икрой, а в правую – деревянную ложку и стал есть салат ложкой, захлебываясь от жадности и откусывая огромные куски хлеба с маслом и икрой.

А потом, не переставая есть салат, стал ложкой прямо из сковороды отрезать и поддевать пласты яичницы с колбасой и ел все вместе.

А потом, не вытирая рта, пошел на кухню, вернулся с огромной чашкой «25 лет Красной Армии». И уже ел салат с яичницей, закусывая белым хлебом с красной икрой, запивая все это горячим сладким чаем из огромной чашки. А-а... А-а...

И на пляж не пошел. А остался дома. Фу... сидеть... фу... за столом... Скрестив... фу... ноги... Не в силах отогнать пчелу, кружившую над сладким ртом... Фу... Отойди...

Так я сидел... Потом пошел. Ходить трудно: живот давит. Стал шире ставить ноги. Дошел-таки до почтового ящика. Есть газеты. Одну просмотрел, понял, что в остальных. А день жарче... Накрыв посуду полотенцем, надел на бюст легкую безрукавку, на поясницу и ноги – тонкие белые брюки, светлые носки и желтые сандалии, на нос – темные очки и пошел пешком к морю.

Навстречу бидоны с пивом. Прикинул по бидонам, двинул к ларьку. Минут через десять получаю огромную кружку. Отхожу в сторону, чтобы одному. Сдуваю пену и пью, пью, пью. Уже не могу...

Отдохнул. Идти тяжело. Уже полпервого. Поджаривает. На голове шляпа соломенная. В руках авоська с закуской и подстилкой.

Блеснуло. Узенько. Еще иду. Шире блеснуло. И уже блестит, переливается. Звук пошел. Крики пляжные, голоса: «Мама, мама...», «Гриша, Гриша!», «Внимание! Граждане отдыхающие...» А внутри пиво, салат... Фу!.. Ноги стали в песке утопать. Снял сандалии, снял носки. Песок как сковорода. А!.. Зарылся глубже. О! Прохлада. Занял топчан. Сел. Раздеваюсь. Сложил все аккуратно. Палит. Терплю. Солнце глаза заливает потом. Терплю, чтобы потом счастье. Медленно, обжигаясь, иду к воде.

А вода, серая от теплоты, звонко шелестит и накатывается. Не стерпев, с воем, прыжками, в поту кидаюсь... Нет! Там же не нырнешь. Там мелко. Бежишь в брызгах. Скачешь. Ищешь, где глубже. Народ отворачивается, говорит: «Тю».

А ты уже плывешь... Холодно. Еще вперед. Набрался воздуха и лег тихо. Лицом. Глаза открыты. Зелено. Тень моя, как от вертолета. Покачивает. Рыбки-перышки скользнули взводом. А-а-ах! Вдохнул. Снова смотрю. Там ничего. Песок и тень моя. Как от вертолета. А-а-ах! Снова воздух, и поплыл назад.

А когда выходишь, то, невзирая на пиво, и салат, и сорок лет, вырастаешь из воды стройным, крепким, влажным. Ох, сам бы себя целовал в эти грудь и плечи...

Нет, не смотрят. Ну и черт с ними. Ай, песок, ай! Бегом к топчанчику. И животом вверх. И затих.

Опять слышны голоса: и «мама», и «Гриша», и «граждане отдыхающие», «а я тузом пик», «он у меня плохо ест»... Звуки стали уходить. Пропадать...

– Вы сгорели, молодой человек!

А! Что?.. Фу! Бело в глазах. Побежал к воде. И, раскаленный, красный, расплавленный, шипя, стал оседать в прохладную сероватую воду. Проснулся и поплыл.

Какое удовольствие поесть на пляже! Помидоры я макал в соль. К ломтику хлеба пальцем прижимал котлетку, а запивал квасом из бутылки, правда, теплым, но ничего. Помидоры в соль. Кусочек хлеба с котлеткой, молодой лучок в соль и квас прямо из бутылки.

Какое мучение одеваться на пляже! Натягивать носки на песочные ноги. А песок хрустит, и не стряхивается, и чувствуется. В общем – ой!

Шел домой. Уже прохладней. Солнце садится куда-то в санатории. На дачах застилают столы белыми скатертями и женщины бегают из фанерных кухонь к кранам торчащим. А из кранов идет вода. Дети поливают цветы из шлангов. Собаки сидят у калиток и следят за прохожими. Полные трамваи потянулись в город. С гор пошла молодая интеллигенция. Очереди от киосков разошлись. Стада вернулись в деревни. И медленно темнеет воскресный день.

Учителю

Борис Ефимович Друккер, говорящий со страшным акцентом, преподаватель русского языка и литературы в старших классах, орущий, кричащий на нас с седьмого класса по последний день, ненавидимый нами самодур и деспот, лысый, в очках, которые в лоб летели любому из нас. Ходил размашисто, кланяясь в такт шагам. Бешено презирал все предметы, кроме своего.

– Бортник, вы ударник, он не стахановец, он ударник. Он кошмарный ударник по своим родителям и по моей голове. И если вас не примут в институт, то не потому, о чем вы думаете, кстати, «потому, о чем» – вместе или раздельно? Что ты скажешь? Получи два и думай дальше.

– Этот мальчик имеет на редкость задумчивый вид. О чем вы думаете, Лурье? Как написать «стеклянный, оловянный, деревянный»? Вы думаете о шахматах: шах – мат. Вы мне – шах, я вам – мат. Это будет моя партия, я вам обещаю. И вы проиграете жизнь за вашей проклятой доской.

– Повернись. Я тебе дал пять. О чем ты с ним говоришь? Он же не знает слова «стреляный». Не дай бог, вы найдете общий язык. Пусть он гибнет один.

– Внимание! Вчера приходила мама Жванецкого. Он переживает: я ему дал два. Он имел мужество сказать маме. Так я тебе дам еще два, чтоб ты исправил ту и плакал над этой. Посмотри на свой диктант. Красным я отмечал ошибки. Это кровавая, простреленная в шести местах тетрадь. Но я тебе дал три с плюсом, тебе и маме.

– Сейчас, как и всегда, я вам буду читать сочинение Григорьянца. Вы будете плакать над ним, как плакал я.

– Мусюк, ты будешь смотреть в окно после моей гибели, а сейчас смотри на меня до боли, до слез, до отвращения!

Борис Ефимович Друккер! Его брат, литературный критик, был арестован в 48-м или в 47-м. Мы это знали. От этого нам было тоже противно: брат врага народа.

Борис Ефимович Друккер, имевший в классе любимчиков и прощавший им все, кроме ошибок в диктанте.

Борис Ефимович Друккер, никогда не проверявший тетради. Он для этого брал двух отличников, а уж они тайно кое-кому исправляли ошибки, и он, видимо, это знал.

Борис Ефимович Друккер брызгал слюной сквозь беззубый рот – какая жуткая, специфическая внешность.

Почему он преподавал русскую литературу? Каким он был противным, Борис Ефимович Друккер, умерший в пятьдесят девять лет в 66-м году. И никто из нас не мог идти за гробом – мы уже все разъехались.

Мы собрались сегодня, когда нам – по сорок. «Так выпьем за Бориса Ефимовича, за светлую и вечную память о нем», – сказали закончившие разные институты, а все равно ставшие писателями, поэтами, потому что это в нас неистребимо, от этого нельзя убежать. «Встанем в память о нем, – сказали фотографы и инженеры, подполковники и моряки, которые до сих пор пишут без единой ошибки. – Вечная память и почитание. Спасибо судьбе за знакомство с ним, за личность, за истрепанные нервы его, за великий, чистый, острый русский язык – его язык, ставший нашим. И во веки веков. Аминь!»

Рассказ пожилой женщины

Рассказ пожилой женщины, как она три года...

– Я три года над ними работала. Он несчастный парень, она еле дышит. Я их познакомила. Он приходит ко мне.

– Она сидит у телевизора, даже в мою сторону не глядит.

Я к ней:

– Почему так, Розочка, ты не можешь пошевелиться?

А она мне:

– Он не мужчина, он так сидит, и я так сижу.

Я к нему:

– Что же вы так сидите, Славик, вы же мужчина, не может же девушка броситься вам на шею. Ну, сядьте поближе, пойдите в кино.

– Она кино смотрит. На меня не смотрит.

– А вы за руку ее брали?

– Она вырвет.

– Не вырвет.

– Вырвет.

Пошла к ней.

– Он пойдет с тобой в кино, Розочка, и возьмет за руку. Ты не вырывай.

– А если мне будет неприятно?

– Будет приятно.

– Отчего?

– Оттого, что, когда мужчина берет за руку, это всегда приятно.

Он приходил, жаловался. Она жаловалась. Я их вела три года.

И вдруг от посторонних людей я узнаю, что они пошли в загс... Я не пошла на свадьбу. Я обиделась. Я правильно сделала, я вас спрашиваю?

Наша!

Все кричат: «Француженка, француженка!» – а я так считаю: нет нашей бабы лучше. Наша баба – самое большое наше достижение. Перед той – и так, и этак, и тютти-мути, и встал, и сел, и поклонился, романы, помолвки... Нашей сто грамм дал, на трамвае прокатил – твоя.

Брак по расчету не признает. Что ты ей можешь дать? Ее богатство от твоего ничем не отличается. А непритязательная, крепкая, ясноглазая, выносливая, счастливая от ерунды. Пищу сама себе добывает. И проводку, и известку, и кирпичи, и шпалы, и ядро бросает невидимо куда. А кошелки по пятьсот килограмм и впереди себя – коляску с ребенком! Это же после того, как просеку в тайге прорубила.

А в очередь поставь – держит! Англичанка не держит, румынка не держит, наша держит. От пятерых мужиков отобьется, до прилавка дойдет, продавца скрутит, а точный вес возьмет.

Вагоновожатой ставь – поведет, танк дай – заведет. Мужа по походке узнает. А по тому, как ключ в дверь вставляет, знает, что у него на работе, какой хмырь какую гнусность ему на троих предложил.

А с утра – слышите? – ду-ду-ду, топ-топ-топ, страна дрожит: то наши бабы на работу пошли. Идут наши святые, плоть от плоти, ребрышки наши дорогие.

Ох эти приезжающие – финны, бельгийцы, новозеландцы. Лучше, говорят, ваших женщин в целом мире нет. Так и расхватывают, так и вывозят богатство наше национальное. В чем, говорят, ее сила, она сама не соображает. Любишь дурочку – держи, любишь умную – изволь. Хочешь крепкую, хочешь слабую...

В любой город к нему едет, потерять работу не боится. В дождь приходит, в пургу уходит. Совсем мужчина растерялся и в сторону отошел. Потерялся от многообразия, силы, глубины. Слабше значительно оказался наш мужчина, значительно менее интересный, примитивный. Очумел, дурным глазом глядит, начальство до смерти боится, ничего решить не может. На работе молчит, дома на гитаре играет.

А эта ни черта не боится, ни одного начальника в грош не ставит. До Москвы доходит – за себя, за сына, за святую душу свою. За мужчин перед мужчинами стоит.

Так и запомнится во весь рост: отец плачет в одно плечо, муж в другое, на груди ребенок лет тридцати, за руку внук десяти лет держится. Так и стоит на той фотографии, что в мире по рукам ходит, – одна на всю землю!

С женщиной

С женщиной можно делать все что угодно, только ей нужно объяснить, что мы сейчас делаем.

Мы идем в театр. Мы отдыхаем. Мы красиво отдыхаем. Мы вкусно едим. Сейчас мы готовимся ко сну. Женский организм дольше подготавливается к событию и дольше отходит от него... Что предстоит событие и что это событие – надо объявить заранее. Жизнь будет торжественной и красивой.

«В воскресенье мы встанем поздно, в одиннадцать часов, легкий завтрак, выйдем во двор и будем наблюдать игры детей, к трем вернемся, устроим обед на двоих и будем смотреть «Клуб кинопутешествий», затем красивый семейный ужин, сервированный на двоих, с чаем и конфетами, просмотр новой серии по ТВ и в двадцать три тридцать праздничный сон. Тебя такое воскресенье устраивает? (Конечно. И хоть это точно то же, что и в любой выходной, – есть мужская четкость и праздничность.)

А в понедельник где-нибудь вечером, особенно после ужина, мы сделаем вылазку на Богдана Хмельницкого – настоящую, с осмотром витрин, не спеша зайдем во дворы, парадные. Очень интересно. (Сказать, что это интересно, должны вы.)

В среду после ужина прослушаем пластинку, которую я купил. Это очень интересно, великолепный состав (что великолепный состав, сказать должны вы), и потом прекрасно уснем. (Что прекрасно уснем, тоже надо сказать.) А в ближайшую субботу сюрприз. Креветки, пиво. Прекрасные креветки и чудесное пиво (надо сказать.)

В субботу после обеда я тебя приглашаю на пивной вечер здесь. Это будет великолепный вечер, который очень интересно пройдет.

В воскресенье с утра я просматриваю газеты, ты готовишь праздничный воскресный борщ под мою музыку. Я выбираю пластинки, ты слушаешь и оцениваешь по пятибалльной системе. По такой же системе я оцениваю твой борщ. («Твой» говорить не надо – наш борщ.)

В последнюю неделю февраля мы идем в театр и обсуждаем спектакль дома за легким ужином на двоих. Ужин будет при специальном освещении. Об этом позабочусь я. Переодеваться не будем, сохраняя красоту и впечатление.

Завтра у нас покупка. Мы покупаем мне туфли, то есть ты выбираешь, оцениваешь, я только меряю. Покупку отмечаем дома торжественным обедом. Вечер проводим при свече у телевизора».

Жизнь приобретает окраску. Все то же самое, но торжественно, четко, заранее. Вашу подругу не покидает ощущение праздника. Она стремится домой, из дома стремится в магазин, откуда стремится домой, чтоб не пропустить. И выходы на работу становятся редкими – всего пять раз в неделю, и целых три праздничных вечера, и два огромных, огромных воскресных дня.

«Посмотри, как необычно расцвечено небо сегодня, какой интересный свет. Совершенно неподвижные облака. Они двигаются, конечно, ты права. Но в какой точной последовательности.

Очень необычная была у нас неделя, которая завершила прекрасный месяц. И вообще год был удачным. Необычайно удачный год. (Тут недалеко, что и жизнь удалась.) Мы с тобой прекрасно живем (это надо сказать). Гораздо интереснее, вкуснее и праздничнее остальных, ты согласна? (Спрашивать здесь нельзя. Надо утверждать!) Ты согласна! Я тоже.

А Новый год встречаем на Богдана Хмельницкого. Потрясающе! Будем заглядывать в окна, наблюдать за людьми. Это очень интересно. Рад за тебя. Готовиться надо уже сегодня. Отберем окна, подготовим квартиры, наметим точный план. Выход из дома в двадцать три

ноль-ноль, встреча Нового года с шампанским, возвращение домой в целых двадцать четыре часа и праздничный новогодний сон».

В этой торжественной жизни не поймешь, то ли вы ее считаете идиоткой, то ли она вас. Но как красиво, черт возьми!

Давайте сопротивляться

Случайно попав в ресторан после многолетнего перерыва, она застала там мужа своей сотрудницы, начальника дорожного управления. С тех пор у нее заасфальтирован двор, отремонтированы окна и двери, проведены телефон и горячая вода, а дом назначен на снос.

Затем она выследила какого-то начальника в гостинице под чужой фамилией. Представилась знакомой жены и в ужасе выскочила.

Рыбу и дичь ей завозят до магазина. Апельсины сынок уже не может. Мужа воротит от одного вида бананов. А от индейки, что томится сейчас в духовке, они обломают только лапки.

Теперь она слоняется за городом, ищет кого-то по промтоварам.

Товарищи! А если ей не поддаваться? Ну и пусть сообщает.

После вчерашнего

Вот она, наполненная жизнь! После тусклой недели литературной работы. Наконец...

Солнце ударило из зенита. Вчерашнее стоит столбом. Трудно вспомнить, так как невозможно наморщить лоб. Только один глаз закрывается веком, остальные – рукой. Из денег только то, что завалилось за подкладку. Такое ощущение, что в руках чьи-то колени. Несколько раз подносил руки к глазам – ни черта там нет. От своего тела непрерывно пахнет рыбой. Чем больше трешь, тем больше. Лежать, ходить, сидеть, стоять невозможно. Организм любую позу отвергает. Конфликтует тело с организмом, не на кого рассчитывать. Пятерчатка эту голову не берет: трудно в нее попасть таблеткой. Таблетки приходится слизывать со стола, так как мозг не дает команды рукам. Дважды удивился, увидя ноги. Что-то я не пойму: если я лицом вниз, то носки ботинок как должны быть? И сколько их там всего?

И хотя галстук хорошо держит брюки, видимо, несколько раз хотел во двор и, видимо, терял сознание. Видимо, не доходил, но, видимо, и не возвращался.

И что главное – немой вопрос в глазах. Моргал-моргал – вопрос остается: где, с кем, когда и где сейчас? И почему в окне неподвижно стоят деревья, а под кроватью стучат колеса?

Будем ждать вспышек памяти или сведений со стороны.

Клянемся!

Нас обливает презрением категория специальных женщин.

Администраторы, дежурные, телефонисты, официанты, няни, врачи, кассиры, не старые, не тупые, не темные. Среднего возраста и образования, безглазый верх, сиплый голос, пропитый выдох, прокуренные пальцы! Что-то вроде парика. О фигуре речи нет – хотя есть тело, низко сидящее на кривых кавалерийских ногах, втиснутых в каблуки. Запах дорогих духов перебивается табаком, вином, сапогами.

По примеру древних греков лисистратов я обращаюсь к вам, мужички! Клянемся! Взявшись за шею, наклонившись в круг – в древнем греческом танце сиртаки, – клянемся!

Даже после дальнего плавания или службы на Севере, даже если очень нужен номер в гостинице или даже билет на поезд к мамане отбыть, даже если вы глубоко и затаенно страдаете от неказистой внешности, прикрытой кишиневским плащом, и жизнь своей мозолистой рукой вот-вот разыщет ваше горло, – и в этом невыносимом кульминационном виде не подходите вы к ним вплотную, не устраивайте им удовольствия, мужички, мужчины, парни боевые, рвущие узду, – стой!

Что может быть хуже презирающего конторского хама-холуя? Только женщина из этого подвида. А наличие чудовищной груди и пожарной помады ничего не обещает, ибо никакая темнота не скроет убожества духа, а вспышка света оскорбит твое зрение презрительным лицом с желтыми зубами. Встреча с ней подсудна, как любовь пожарного со студентом.

Матросы! К вам, одуревшим от качки и хорошего питания, обращаюсь я! Клянемся! Общаться с ними только на непреодолимом расстоянии вашей вытянутой руки.

Офицер-лейтенант-гардемарин, не торопись! Иди погуляй, постой у Пушкина, покрутись у вокзала. Твое счастье бежит повсюду, а несчастье сидит там, за прилавком, и сипло дышит, колыхая тремя банкетками.

Пусть нас ищут, мужички, какие мы ни есть, а если захотим и договоримся, то нас тоже будет очень не хватать, и, чтоб выманить нас на свидание и соблазнить, суровая дама будет впадать в огромные расходы. Женщина мужского типа противна природе, как лающая корова. Пусть так и бегают в поисках нас. А мы у своих, у маленьких и беззащитных, у женственных и благородных.

И пока эти круто не развернутся лицом к людям, пока в глазах не сверкнет доброта и в тексте слов не появится обещающий оттенок, – клянемся, как древние греки, с трудом живущие сейчас, что ни одна женщина указанного вида не коснется нас любым своим пальцем. И музыка любви для них не заиграет. И мужеподобие, поднимаясь вверх, пробьется бородой и лысиной, которая не мешает настоящему мужчине, но окончательно гробит бывшую женщину.

Пусть мы без джинсов, но у своих, пусть без пива, но на свободе.

А у нее в кладовке бара грохочет червь, похожий на фарш, трижды пропущенный через мясорубку. Это ее муж. Пусть он и занимается этим черным неблагодарным делом!

* * *

О чем я хотел спросить вас?..

Так... На это вы все равно не ответите...

От этого вы страдаете так же, как я...

Это вас не интересует, как и меня...

Тут вы мне не добавите... Собственно, у вас те же источники...

На это вы все равно не ответите...

Об этом и слова не скажешь...
Об этом вы тоже ничего не знаете...
Ну а это мы знаем все...
И все-таки спасибо за разговор.

* * *

Коммуникабельность через герметичность.

* * *

Я квартиру не убираю, я ее просто меняю.

* * *

Любимая женщина обросла ладошками, как деревцо.
И в жестких, и нежных, от детских до взрослых.
И стоит, шепча ветру: «Дуй сильнее! Пусть старые облетят!»

* * *

Мадам, мы с вами прекрасно дополняем друг друга. Я умный, веселый, добрый, сообразительный, незлопамятный, терпеливый, интеллигентный, верный, надежный, талантливый...

* * *

Ну хоть пять минут в сутки подумайте о себе плохо. Когда о тебе плохо думают – это одно. Но сам о себе пять минут в день... Это как тридцать минут бега.

* * *

В этой любовной спешке он содрал с себя белье раньше пиджака.

* * *

Он мне рассказывал,
как однажды на пустынном берегу под Керчью,
в страшную штормовую ночь,
когда ревело море, метались тучи
и проблеск маяка почти не виден,
ровно в три часа
его дико потянуло в Америку.
Продолжалось это примерно пятнадцать минут.
Затем море успокоилось,
тучи пропали,
и он остался, в чем был.

* * *

Летал я лет пять назад на этом самолете. Так хорошо сидел. Смотрю, бегают какой-то юноша по салону.

– Как вам, удобно, неудобно?

– Удобно, – говорю, – очень.

Он взял и укоротил промежутки между сиденьями. Теперь неудобно. Каждый свой ответ надо обдумывать!

Сороковые

Общество наше, не то, в котором мы все состоим, а то, которое образуем, было подвергнуто тщательному наблюдению. Там обнаружено появление одиноких личностей сороковых с лишним годов. Эти люди, куда со всей силой входят женщины, пытаются вести беседы, затрагивающие вопросы политики, жалуются на сердце, тоску, вздыхают часто, смотрят наверх, не могут подать себе чашку чая. При появлении молодых женщин проявляют некоторую озабоченность, оставаясь неподвижными, которая вытесняется жалобами на тоску, сердце, некоторые вопросы политики, лечения.

Глубокое недоумение вызывает внезапно затанцевавший сороковик.

Женщина-сорокапятка одинока, полногруда, золотозуба, брошиста, морщевата, подвижна. Легко идет на контакты, если их разыщет. Танцует много, тяжело, со вскриком. Падает на диван, обмахиваясь. Во все стороны показывает колени, ждет эффекта. В этой среде особенно популярны джинсы, подчеркивающие поражение в борьбе с собственным задом, женитьба на молодых, стремительно приближающая смертный час, и тост за здоровье всех присутствующих. Второй тост – за милых, но прекрасных дам – предвещает скучный вечер со словами: «А вам это помогает?.. Что вы говорите?..»

Романы сорок плюс сорок – небольшие, честные, с двухнедельным уведомлением.

А в основном это люди, смилившиеся с одиночеством, твердо пропахшие жареным луком, и только не дай бог, если телефон откажет или он будет стоять далеко от кровати...

Как руководить

А я говорю: чтобы нашими людьми руководить, надо с утра немного принять. Не для удовольствия. Просто чтобы понять своих трудящихся. С восьми утра, как положено.

Вот вы слышали – ругаются на предприятии, директор кроет, подчиненные возражают? Это все трезвые люди. Слегка выпивший никогда такого не допустит. Кто же будет налетать на другого, если у обеих, ну просто у обеих празднично на душе. Хорошо с утра.

Чтобы производство стало красивое, кабинеты чистенькие, вахтерша баба Даша сексуальная. Это чтоб все в порядок привести – сколько времени и трудов надо! А так все с утра по чуть-чуть, по слегка, чтоб солнце побыстрее взошло. Не все! И не нужны расходы на приведение территории в порядок.

Значит, грубость исчезла – это раз. Для руководителя, который этой конторой руководит, это главное. Он только крикнет из окна: «Контакт!» – мы со двора: «Есть контакт!» «От винта!» – мы: «Есть от винта!»

Значит, можно потребовать, и тебя поймут. Можно направить человека, и он пойдет. Может, он и не сразу дойдет. Может, он и не туда пойдет – это неважно. Важно, что он войдет доброжелательно.

Ну, конечно, картина не такая лучезарная: есть среди нас еще непьющие. Я сам видел одного такого года два назад – аж синий. Глаза горят, руки растопырены, весь скрюченный, недовольный. За ними, конечно, уже и последить можно. Не может быть, чтоб он просто так не пил – он или к нам заброшен, или от нас. Он себя раскроет, он сболтнет. Хотя трезвые – народ скрытный, не поймешь, что у него на душе.

Мы откровенней. Ну, конечно, тот, который лежит в канаве, может, не сразу выразит, что у него накопилось. Значит, выразит постепенно, сюда же, в канаву, и двое-трое наших, лежащих рядом, все это поймут.

У нас все внимание идет человеку, а не той дурной машине, потому что среди наших от механизации высокая травматизация, особенно в литейке. Сколько наших не могло перепрыгнуть тот ручей! До середины долетали и исчезали к чертовой матери. А кто в шестернях вращался подолгу. Не по долгу службы, а подолгу времени.

Выключить все, залить все водой, чтоб сохранить праздник, чтоб солнце большое и мелкие отдельные недостатки сливались в один и пропадали вдали, на радость веселым, доброжелательным людям с блестящими с утра глазами.

Маленький вентилятор

Маленький вентилятор для закрытых помещений – несколько ос, связанных вместе на палочке, – жужжит и обвевает. Только их надо аккуратно кормить и каждую на веревочке держать, в крохотных ошейничках с вензелем «МЖ». Их четверо: Зина, Олечка, Люсечка и Константин.

В записной книжке, в корешке, живет светлячок Геннадий Павлович, который по ночам ползет впереди и освещает ярче или темнее, в зависимости от вдохновения, только его тоже нужно кормить и обязательно прочищать животик кисточкой, смоченной в молоке.

А странички перелистывает обыкновенная гусеница, которую тоже надо кормить, но не держать на веревке, потому что ее и так преследуют.

Так мы и трудимся. Когда меня спрашивают: «Чем же вам помочь?» – я отвечаю: «Ничем не нужно помогать, вы – не мешайте, пожалуйста!»

Как с ними говорить

Женщинам можно все. Им нельзя давать время для раздумий. Сколько здесь пострадавших мужчин, с которыми не встретились, не поговорили, не переписывались.

Нельзя говорить: «Подумайте, если вы согласны, я вам позвоню!» Или: «Вы подумайте, а я у вас спрошу через полчаса... Я буду готов за вами заехать, если вы согласитесь, я буду у вашего подъезда, если нет, я позвоню завтра... Пожалуйста, ответьте мне, располагаете ли вы свободным временем, допустим, в субботу?.. Позвонить в пятницу? Хорошо, договорились».

Так нельзя разговаривать даже с министром общественного транспорта, а женщины вообще не те люди... «Скажите, а вас устроит воскресная поездка?..» Нет! Нельзя так говорить!

Немедленно! Сейчас! Тут! Здесь! Уже! Ну, давайте. «Алло, я за вами заезжаю. Вы будете готовы. Значит, я внизу. Значит, я подымусь. Значит, я войду! Значит, я ложусь под дверьми. Значит, я дышу в замок. В общем, вы будете готовы к двадцати. Не к восьми, нет! Именно к двадцати. Я буду у вас! Именно я у вас!» Это не от нахальства с наглостью, а чтобы не говорить, на какой улице, под каким деревом. Минимум для раздумий. Никакой необходимости ориентироваться в пространстве, даже в двух минутах ходьбы от дома. Не спрашивать где, куда, когда. Цифры и факты оглашать самому. «Я стою здесь. Я уже здесь. Только выгляньте – меня видно. Я напротив в автомате, я машу букетом, я радостно мечусь под окном. Я хочу слышать шаги по лестнице, идущей вниз. Ведущей вас ко мне вниз. Ну!»

– Но я сегодня собиралась мыть...

– Нет. Мы на минуту.

– А куда?

– В прекрасный дом.

– Я не знаю...

– Мы на минуту зайдем и тут же...

– Что – тут же?

– Ничего, там вас хорошо знают.

– Откуда?

– Не знаю. Знают. Там будут ваши друзья.

– Кто?

– Все вас ждут давно. Мы на минуту, а потом придумаем что-нибудь еще.

– Что – еще?

– Придумаем.

– Что? Что?

– Пока сюрприз.

Ошибка! Какой «сюрприз»? Какой «пока»? Вы заколебались. Вы сделали паузу.

– Нет. Я не могу. Я должна мыть.

– Ну завтра. Ну пожалуйста.

Лепет. Мура. Вся автоматная очередь начинает толкать вас в спину. Очередь все поняла. Уважения нет. Вы провалились, уступите место следующему...

– Вы давно без девушки?

– Давно.

– Ага. Могли бы и не отвечать. Букет бросайте сюда.

Какой взрослый мужчина...

Какой взрослый и крепкий мужчина не любит уйти в лес и полежать на траве?! Какой взрослый и крепкий мужчина не любит поплакать в теплую шею, в теплое родное плечо, в то самое место, созданное для мужских слез?! На работе притесняют, я – к тебе. Давят, давят перчатки. Тесен мне, тесен так плотно облегающий меня мир. Еще немножко дай мне сил – я опять ринусь туда. Возвращаюсь, опаленный снаружи, раскаленный внутри, и припадаю.

Наши милые женщины, выращенные в небольшом объеме двухкомнатных квартир! Как бы хотелось, чтобы у вас было все хорошо, чтобы наша могучая промышленность перестала рыть ходы под нами, а немножко поработала на вас. Чтобы мощные станы Новокраматорского завода выпускали нежные чулочки, такие скользкие и безумные, когда в них что-то есть. Чтобы перестал страшно дымить Липецкий химкомбинат, а выпустил очень вкусную блестящую помаду, делающую губы такими выпуклыми и желанными, и чтобы грохочущий и вспыхивающий по ночам УЗТМ полностью перешел с бандажей товарных вагонов на тончайшие кольца и ожерелья. Меньше дыма – больше толка. И на Кольском полуострове перестали бы наконец ковыряться в апатитах и выпустили духи, от которых все мужчины стали мужчинами и побледнели. И тогда наша маленькая и удивительная женщина не будет тратить столько сил на добычу и украшение самой себя. И из глазок у нее исчезнет большая озабоченность. И красота некоторых не будет стоять их мужьям такого длинного срока, а мозоли на лучших в Европе ногах пропадут вместе с теми сапогами, за качество которых мы так боремся. А мускулы останутся только у гимнасток. И мы будем смотреть на них и радоваться, что это не наша жена там кувыркается, мелькая широкими плечами и стальным голеностопом. А наша – здесь, ароматная, нежная, слушающая внимательно про все безумие борьбы за технический прогресс и езды в переполненных автобусах. Должен же дома быть хоть один человек с не помятыми в автобусе боками!

Это и будет равноправие, когда каждый приносит другому все, что может. Мы же все хотим после работы в лес, на траву.

Пусть этим лесом будет наша жена.

Ленинград. 1978

Не жить с тобой, хоть видеть тебя.
Холодный май. Дожди.
Несчастья. Запреты.
Преданные женщины.
Робкие цветы.
Белое небо, лужи, озёра, лужи, улицы насквозь, солнце вдоль улиц.
Люди поперёк.
Магазины поперёк.
Несчастья. Запреты.
Дворцы. Древние кинотеатры.
Обложное небо.
Водка. Маленькие мальчики пьяные.
Маленькие девочки пьяные.
Грибы в шапке у синего, у фиолетового.
Черешни у приезжих в руках.
И во ртах. У приезжих.
Клубника. Во ртах. В посылках.
Черешни. Груши. Хурма. Цветы.
У приезжих в руках и на прилавках мясо мороженое.
Слёзы. Несчастья. Запреты.
Темень в царских окнах.
Четыре светлых окна на дом.
В Дачном. В Купчино. В Ульянке.
Гаснет последнее в одиннадцать тридцать.
А белое небо.
И слёзы. И несчастья. И запреты.
И сладкий воздух на Обводном.
И тракторы на мосту от Кировского.
Интеллигенция тихая-тихая.
Поддерживающая в несчастье. В запретах.
Уходим. Улетаем.
«Южнее, западнее». Уходим.
И балет.
Балет танцует от стен, от домов, от белого неба, от ансамбля и площадей.
От капителей и портиков.
Тающий балет.
Машины, приближающиеся по мокрому.
И проезжающие. В другие места.
От запретов. От несчастий. От обложного неба.
От черешни в зубах у приезжих.
От влипающего в душу неба.
От влипающего в душу моря.
От влипающих в душу асфальтовых улиц и площадей.
От того, что лежит под ногами, и йог в слезах.
У всех.
Моё несчастье. Мои запреты. Мой слух.

Мои быющие отсветом мокрые камни.
Уехал – приехал.
Понял – не понял.
Не лезет в маленькую душу целый город.
Не лезет!
Слёзы мои. Несчастья. Запреты.
Глухие, как дальний поезд.
Целуй меня. Несчастье мое.
Целуй меня за то, что не могу покинуть тебя.
И чахну в твоих объятиях.
От кашля. От водки.
От туберкулезной любви. От выпученных глаз...
Целуй меня...
Ядохну...
Целуй... Это долго.

Приветствие театру

Театр начинается с вешалки, вешалка – с крючка, крючок – с промышленности, то есть театр начинается с поисков руды.

Поскольку речь идет об искусстве, то разрешите дать слово и взять его нам, представителям бывшей театральной общественности, находящимся ныне на трудовом отдыхе благодаря хорошему климату и теплой зиме, – здравствуйте!

Пенсию надо проводить на юге. Это наше твердое убеждение, переходящее в здоровый румянец.

Мы, бывшие куплетисты-чечеточники, бывшие шутники-затейники с намеком, ныне распространители билетов среди населения на то большое искусство, которое нам иногда завозят из центральных областей, приветствуем деятелей культуры, театра и особенно эстрады, чей юмор и слезы орошают нас непрерывно, дай бог вам здоровья и хорошей аппаратуры.

Мы, полуживые свидетели Ядова и Япончика, молодого Утесова и пожилой Изы Кремер, того цветущего времени, когда сила искусства была такова, что за куплет вы могли получить пулю в лоб, потому что все были вооружены, не дай бог. Теперь, слава богу, даже самый зубастый сатирик в полной безопасности. Зритель правильно понимает его и свою задачу и настраивается на веселый лад.

Вы же не видели, чтобы кто-нибудь уволился сразу после концерта? Значит, юмор воспринимается хорошо. Смеются все. Смеется и тот, в кого вы пустили свой жуткий заряд. Когда у людей стальные нервы, когда он уже себе выбил жилье, прогрессивку и шифер на дачу, вы его хотите сокрушить своим куплетом?

Да, так мы насчет куплетов... Нет, подождите, насчет чего же мы?.. Боюсь, что мы насчет билетов... Да... Так с билетами такая же история... Они хотят на Рихтера, на которого хотят все, и они не хотят на тот хор, который дал такой осадок уникальному зданию нашей филармонии, где когда-то была биржа, а теперь они с таким же успехом там поют и требуют в гостинице десять люксов, хотя получили три братские могилы по пятнадцать коек.

Но тот хор должен же кто-то слушать, если он уже поет? У них же не хватает родственников во всех городах. Так мы нагружаем. И это правильно. Что значит, ты не хочешь идти на концерт? Что же, будет пустой зал, а ты будешь валять дурака в садике с девочкой? Сиди в тепле, смотри, как люди поют.

У нас тоже есть такой театр – с большими спектаклями, с потрясающими актерами, с огромными режиссерами, но без публики. И они работают. И не надо им мешать.

Мы, куплетисты-чечеточники, поняли, что при современном развитии искусства настоящий театр в зрителях не нуждается. Главное – решить внутренние проблемы, а их еще есть у них. И очень правильно, что каждый коллектив на гастроли привозит нам те вещи, которые у нас идут. Три «Дяди Вани», четыре «Гибели эскадры» для города с небольшим населением – это очень интересно.

Летом, в жару, в закрытом помещении – это хорошо, хотя у нас есть один умник, который считает, что если он уже посмотрел пьесу, то хватит, ему неинтересно посмотреть, как на эту пьесу посмотрит новый режиссер. Ничего, мы будем с ним бороться, хотя он живуч.

А теперь, слава богу, все поют. Из-за поэтов-песенников в трамваях не протолкнуться. И правильно. Размножается то, что приспособилось. Зачем думать, говорить, страдать, когда лучше петь, а еще лучше об этом танцевать. Зачем острить, напрягаться, раскусывать намеки – это уже будет не отдых, это уже будет не воскресенье. А в песне слов почти не разобрать. Ля-ля-ля. Мурлычем и мы, бывшие куплетисты-затейники, чьи головы до сих пор полны острот, намеков, цирковых реприз, куплетов с чечеткой, Шульженкой, Плевицкой, Козиным, Виноградовым – всем тем, что сейчас зовется «ретро», а раньше называлось «наша жизнь».

Наше ретро вам уже не понять. Это совсем сзади. Но мы вспоминаем – здесь, за домино, на теплом тротуаре, под сильной лампой, этим чудным летом.

Потому что театр начинается с крючка, крючок – с промышленности, так что не осталось людей, которые бы не разбирались в этих проблемах.

Вот и мы захотели поделиться своими мыслями. Если нам кто-то возразит – мы с ним согласимся. Если с нами кто-то согласится – мы с ним поспорим. Мы делимся мыслями. Если что-то не так – берите наши мысли и делите их сами.

XX век

Вторая половина XX века.

Туберкулез отступил.

Сифилис стал шире, но мельче.

Воспаление легких протекает незаметно.

Дружба видоизменилась настолько, что допускает предательство, не нуждается во встречах, переписке, горячих разговорах и даже допускает наличие одного дружащего, откуда плавно переходит в общение.

Общением называются стертые формы грозной дружбы конца XIX и начала XX столетия.

Любовь также потеряла угрожающую силу середины XVIII – конца XIX столетия. Смертельные случаи крайне редки. Небольшие дозы парткома, домкома и товарищеского суда дают самые благоприятные результаты.

Любовь в урбанизированном, цивилизованном обществе принимает причудливые формы – от равнодушия до отвращения по вертикали и от секса до полной фригидности по горизонтали. Крестообразная форма любви характерна для городов с населением более одного миллиона. Мы уже не говорим о том, что правда второй половины XX века допускает некоторую ложь и называется подлинной.

Мужество же, наоборот, протекает скрытно и проявляется в экстремальных условиях – трансляции по телевидению.

Понятие честности толкуется значительно шире – от некоторого надувательства и умолчания до полного освещения крупного вопроса, но только с одной стороны.

Значительно легче переносится принципиальность. Она допускает отстаивание двух позиций одновременно, поэтому споры стали более интересными ввиду перемены спорящими своих взглядов во время спора, что делает его трудным для наблюдения, но более коротким и насыщенным.

Размашистое чувство, включающее в себя безжалостность, беспощадность и жестокость, называется добротой.

Форму замкнутого круга приняло глубокое доверие в сочетании с полным контролем. Человека, говорящего «да», подвергают тщательному изучению и рентгеноскопии: не скрывается ли за этим «нет».

Точный ответ дает только анализ мочи, который от него получить трудно.

Так же, как и резолюция «выполнить» может включать в себя самый широкий смысл – от «не смейте выполнять» до «решайте сами».

Под микроскопом хорошо видны взаимовыручка и поддержка, хотя и в очень ослабленном виде.

Тем не менее приятно отметить, что с ростом городов чувства и понятия потеряли столь отталкивающую в прошлом четкость, легко и непринужденно перетекают из одного в другое. Как разные цвета спектра, образующие наш теперешний белый свет.

А я вам так скажу

А я вам так скажу: власть хорошая – народ плохой. Заместители председателя хороши как никогда. Клиентура жуткая... Посмотри, кто толкается, кто лезет и лезет, лезет и лезет – те, у которых что-то где-то течет, что-то не в порядке. Порядочный человек не пойдет убиваться. У председателя тоже толкнутся жуткие люди, то есть те, что вшестером в одной комнате или у которых, знаешь, сын с женой и ее родителями на одной койке и ребенок тут же, – в общем, страшный народ.

А по поликлиникам, по аптекам просто нездоровые, у которых с кровью или с этой жидкостью, которая в человеке есть, но которую даже упоминать не хочется. За сердце хватаются, глаза выпучивают, воды просят. Видал...

Нормальный, здоровый, красивый человек сидит за столом и толково объясняет, что нету этого, что тебе нужно. Того, что тебе не нужно, как раз сейчас есть, и много очень того, что не нужно всем до зарезу, ну совершенно, до обалдения не нужно, то есть при всей фантазии ты его не употребишь ни дома, ни в сарае.

Допустим, гидрант пожарный красный или противовес театральных декораций – бери, сколько увезешь. Так наглые люди не берут, в общем, как правило, а все, как правило, лезут за прокладкой на кран – это резинка с дырой, что не можем никак наладить. Ну не можем, и все. И точка. И нечего из космоса на прокладку намекать – не можем, и все. Это психологически. Технологически можем, а психологически – никогда. Убедись и утихни. Так нет – как один: дай именно эту резинку, специально чтоб вывести из себя. До чего капризничают – ну как правило.

А сейчас с похоронами затеяли. Ну действительно, помер – и нету. Тебе что, больше, чем ему, надо? Что ты скачешь за него? Пусть сам за себя. Ему все равно, кто там копает – трезвый или другой. Подумаешь, два лежат прямо, а этот поперек. А в больнице он что, не так лежал? Путь у всех один: пионер, комсомол, больница и последний коллектив. Видел, какие ребятки там копают – кровь с молоком? Он за сорок секунд углубляется по пояс – роторный хуже дает. Чего же это у него должно быть плохое настроение? Подумаешь, из ямы захохотал – поддержи. Этому, что впереди, как я уже говорил, все равно. Он добился наконец покоя, он затих, а задние, как правило – как правило! – шумят, рыдают, качают права и готовы пересаживать всех встречающих только за то, что от них, как правило, потягивает перегарчиком из глубины души и настроение у них веселое, хотя речь неразборчивая. А речь неразборчивая у многих. Если не стараться понять, о чем они, можно так и остаться, и тоже ничего, в суд за это не подадут.

Так что мы о совести сейчас, как правило, не говорим, мы пытаемся зайти с другой стороны. А что у него с другой стороны, если зайти, не каждый ясно себе представляет. Это не магазин, где сзади, как правило, лучше. Поэтому очень сейчас мне нравится начальство, именно в данный момент. Как никогда, очень понимающее среднее звено нижней половины верха. Спросишь «почему?» – он пальцем вверх, а «если попробовать?» – он вниз. Все понимает, в основном. Знает, на что шел, умница.

А тем, кто у них в очередях, нужно очень подумать, с чем ты прешься в горсовет. Подымет ли твой визит там настроение, которое в данный момент, как правило, очень хорошее. И надо так и оставить их именно в этом настроении. Они там, мы здесь – так и двигаться. В одном направлении, но параллельно и, конечно, не дай бог, не пересекаясь.

А теперь с удовольствием прощаюсь, и не провожайте. Если попрощался, значит, ухожу.

На телевидении

Ведущая. Иван Николаевич! А вы помните...

Председатель (*заглядывает в бумагу*). Помню.

Ведущая. ...как мы работали на полях?

Председатель (*заглядывает в бумагу*). Да. Жучок.

Пауза. Все смотрят.

Ведущая. Ребята, а вы помните?..

Все. Помним!

Ведущая. ...как отдыхали?..

Председатель. Да. Жучок.

Ведущая. Иван Николаевич, как зовут собаку, с которой мы подружились?

Председатель (*заглядывает в бумагу*). Да, конечно, пусть приезжают.

Ведущая. Я хотела спросить, могут ли приехать наши шестые классы?

Председатель. А навык придет.

Ведущая. Конечно, ведь главное – желание, а придет ли навык?

Председатель. Этими руками кормлено три поколения.

Ведущая. Мария Федоровна Рогацкая – золотые руки, да, Иван Николаевич?

Председатель. Нет, только не это.

Ведущая. Разве можно издеваться над животными?

Председатель. Это наша гордость.

Ведущая. Особенно ребята полюбили лошадей. У вас в колхозе прекрасные лошади!

Председатель (*смотрит в бумагу*). Да разве я пою? Молодежь поет.

Ведущая. Как вы пели с нами молодежные песни!

Все. Спасибо за лошадей.

Председатель. Правильно, никогда не пели.

Ведущая. А без трудностей как же? Мы никогда не пели песню: «Мама, я хочу домой».

Хотя и трудности были, правда, Николай Иванович?

Все. Будем, конечно!

Председатель. А вы теперь будете летом помогать нам?

Ведущая. Ну вот, а теперь: «Звонкой песнею, гордо поднятой, взвейся птицею, шире грудь!»

Все. Всегда готовы!

Председатель. Дети, будьте готовы!

Ведущая. А теперь: «Звонкой песнею, гордо поднятой, звонкой птицею взвейся над мечтой!»

Все. Спасибо за коней!

Председатель. Взял, конечно.

Ведущая. Взяли ли вы сегодня свою гармонь?

Пауза. Председатель вынимает гармонь. Ему кивнули – председатель кивнул. Ему взмахнули – председатель взмахнул. Тишина. Ему снова кивнули – председатель кивнул. Ему взмахнули – председатель взмахнул.

Председатель (*запел*). «Хорошо...»

Хор. «Солнце в небе – это очень, очень...»

Ведущая. Мы побывали у вас в гостях. Спасибо вам, дети, и вам. Вы, конечно, спешите на поля?

Председатель. Да.

Ведущая. Приходите к нам обязательно.

Председатель. Обязательно приду.

Ведущая. Вы очень спешите?

(Председатель кивнул.)

Ведущая. У нас следующий гость.

(Председатель кивнул.)

Ведущая. До свидания.

Председатель. До свидания.

(Все остаются на своих местах.)

Ведущая. Вы хотите присутствовать на нашей следующей встрече?

Председатель. Не хочу. *(Остается.)*

Ведущая. Всего доброго!

Председатель. Пока. *(Остается.)*

Ведущая. Ребята, попрощайтесь с Кузьмой Петровичем!

Все. До свидания.

Председатель. До свидания, ребята! *(Остается.)*

Как иметь свое мнение

Мы говорим: трудно отстоять свое мнение! Только смельчакам. А сколько трудов уходит на то, чтобы не иметь никакой позиции. Чтобы быть радостным от каждого сообщения по телевизору.

Сколько нервов уходит на собрании, чтобы, извиваясь между мнениями, не приняв никакого решения, бежать к жене, к Авдотье, которая примет единственное решение: накормить, напоить и укрыть грудью.

Из решений осуществлять только то, что требует организм. А остальное – жуткие размышления над фразами, чудовищная изобретательность.

«Видите ли, приняв во внимание обе стороны, я все же позволю себе не поддержать ни одну...»

«Он был прав для своего времени. Она была права для своего времени, а сейчас, к сожалению, не выскажусь, нет у меня времени, и вообще у меня температура».

Ура! В больнице!

Живут и здороваются принявшие решение.

Гибнут от инфарктов и инсультов они, которые двадцать четыре часа в сутки избегали и воздерживались, не подходили к телефону и умирали от страха, держась за место, добытое ими в результате высшей нервной деятельности.

Мальчики, себе дороже! Мальчики, либо посеем от ответственности, либо умрем от ее избегания. Есть же смысл, ей-богу. Я вам невыразимо скажу, как легче станет.

Первый же человек, к которому подойдешь, – решит.

Очереди в приемной пропадут. Ловкачи, пробивалы, бандиты, нахалы, порожденные безответственностью и бюрократизмом, начнут таять. Мягкие, вежливые люди перестанут жить хуже других.

Так, товарищи, кому дано – давайте решать, кому не дано – не будем им мешать и выйдем к чертям собачьим.

Книжечки мои, книжечки, книжечки бедовые

Господи!

Вместо слова «Господи» надо придумать что-нибудь наше, антирелигиозное.

Например, «Солнышко!», «Зоренька!», «Маменька!», «Девоньки!».

Как я люблю писать книги от руки в едином экземпляре!

Как приятно – все вокруг пишут пьесы, оперетты, убирают хлеб, убирают квартиры, добывают мясо и масло, а я сижу посредине и пишу книги от руки.

Я пишу записные книжки и записки.

Я рисую фотографии.

Я леплю раковины.

Я изобретаю смертоносное, нет, не смертоносное оружие, ибо им я уничтожаю ВМС великих держав.

Господи, вы бы видели, какие они растерянные без ВМС.

Со всех танков, бронетанковых сил – БТС, СУ – я содрал башни с кишками, как у селедки, прицепил к ним навесные орудия для вспашки.

А танки знаете как пахнут!

Армейские грузовички туда-сюда возят соки.

Вместо солдат в БДБ – морковки.

Подошел к берегу со страшным воем и выгрузил петрушку.

А линкоры, а крейсера сети ставят на глосика, на бычка.

Они же могут долго стоять на месте или ходить, пока бычок не клюнет. Тогда тyani, наматывая сети на башни двенадцатидюймовые, что на пятьдесят километров шпурляли очень вредный снаряд.

А теперь даем максимум оборотов и на башню – сеточку с рыбкой.

В капонирах очень мужественных военно-десантных сил кабанчики или козлы за той же колючей проволокой, потому что они не могут под дождем, а ВВС может.

Она крепкая, и, пока проржавеет, лет десять пройдет, тем более у всех «Жигули» под дождями, а эта вообще всепогодная непобедимая – пусть мокнет.

В перехватчиках кролики размножаются.

Ну просто через все отверстия расползаются.

А поросята под крыльями подвешены – на праздник.

Очень удобно опрыскивать поля с бомбардировщиков.

Это замечено.

Ввиду того, что там есть прицелы и не нальешь ДДТ на голову невинных людей.

Но как они растерялись, великие державы.

Люди, из которых состоят народы, просто за животы держались.

Потому что все жрут и пьют, а нечем же звенеть на международной арене.

Великая держава не та, где хорошо едят.

Это та, которая с другими разговаривает не торопясь и в случае чего может так врезать, что любая Бельгия юзом поползет либо сделает добрые глаза; а сама она пульнет в их сторону очень интересный прибор, меняющий в корне природу либо делающий народ печальным и неменяемым...

А с подводных лодок настрапалились крабов собирать и у себя же внутри варить, потому что очень много места оказалось, когда убрали подслушивающую, подтрунивающую и подуськивающую аппаратуру.

И вообще, страны стали соперничать не силой, что приветствуется только между хулиганами, а умом, что не так интересно, но опять-таки поддерживается людьми, из которых до сих пор состоят народы.

А как петь стали люди, которые до этого составляли народы!

Они пели раскрепощенными голосами.

Очень музыкально, и где хотели, и сами решали, по каким газонам ходить, по каким не ходить.

Масса машин на улицах, и даже бронетранспортеры, что очень удобно, так как от столкновений не остается вмятин, только страшные искры, грохот – и поехали дальше.

И в отряд промышленных рабочих влилась армия классных специалистов, привыкших давать качество без суда и следствия.

Нет, нет, нет, как говорил сатирик, «кто что ни говори...».

Люди пели, писали друг другу книги и не очень размножались.

Ибо размножаются от плохой жизни, а не от изобилия.

И не надо в них так настойчиво стрелять.

У них есть масса естественных врагов, которые косят их, как хотят: несчастная любовь, правила уличного движения и сердечно-сосудистые заболевания.

Понял наконец

Для Р. Карцева и В. Ильченко

- А вы нам поставите в сро?
- А как же.
- И может быть, досро?
- Что значит, мобы... даже очень, мобы досро... Вероятно, мобыть, точно досро.
- И на мно досро?
- Не то слово на мно. На очень мно досро.
- Косасергеич...
- А как же.
- Ведь я ехал, ведь я ехал.
- Ехал, ехал ты.
- И стоимось пони?
- Пони, пони.
- И кое-что дополнительно дади?..
- Ой!
- И все высокока?..
- Да ну тебя.
- Что? Что?
- Да конечно.
- И намно?
- Намно, намно.
- И высокока?
- И хорошего ка.
- Нет. Нам только высокока.
- Ой! Ну хорошо, вам высокока. Остальным, как выйдет. Может, оно им не выйдет.
- Сосасергеич. Я вам так. Мы вам так благода.
- Правильно, Оскар.
- Вы обеща. Вы сде... и вы подпи?
- Все подпи.
- А теперь правду.
- Давай.
- Сделаете?
- Сделаем.
- Точно?
- Точно.
- Обещаете?
- Обещаем.
- Честное слово?
- Честное слово.
- Клянется?
- Клянемся.
- Подпишете?
- Подпишу.
- Вот. *(Дает бумагу.)*
- Вот. *(Подписывает.)*

- Значит, мы спокойны?
- Спокойны.
- Значит, мы уверены?
- Уверены!
- А вот теперь правду!
- Давай.
- Неужели сделаете?
- Сделаем.
- Я вас лично прошу.
- Конечно.
- Я просто надеюсь.
- Обязательно.
- Клянётесь?
- Клянемся!
- И подпишете?
- И подпишем.
- И выполните?
- А как же.
- Может, мне?..
- Нет, нет. Ничего!
- Но вы уже третий раз подписываете.
- Сделаем.
- Я столько проехал. В кабинете сутками дожидался.
- Сделаем.
- Ну зачем вы так? Вы даже не рассмотрели как следует. Для вас это пустяк.
- Сделаем.
- А мы год работы теряем.
- Сделаем.
- Честно. Если бы не до зарезу, я бы не приезжал. Я сам руководитель.
- Сделаем.
- Ну, может быть, вы еще подумаете. Ну, хоть завтра. Я приду. Я готов. Мне кажется, вы не подумали.
- Не надо. Сделаем.
- Может, я в понедельник забегу.
- Не надо. Сделаем.
- Эх!.. Ладно, будет и на нашей... Вы и к нам когда-нибудь.
- Ой! Что с вас взять... Сделаем!
- Спасибо! Я тебя запомнил.
- Сделаем, сделаем!
- Я тя встречу. Ты еще у меня поваляешься. Я тя прищучу! Такая лиса. Мне говорили.
- Сделаем, сделаем. Уже приступаем.
- С какой рожей приступаете? Тебе ж это ничего не стоит. Это ж два часа.
- Сделаем, сделаем.
- Я тя встречу.
- Сделаем.
- Ты у меня поплачешься. Двести человек без зарплаты.
- Сделаем. Езжайте.
- Я только за порог, как у ты из головы выдует. *(Плачет.)* Подонок. Убийца. Я такого гада в жизни... Ну, подожди.

- *(Телефонным голосом.)* Не беспокойтесь, сделаем. Езжайте, железно!
- *(Всхлипывает.)* Пёрся... Одна дорога. Восемнадцать суток... Пока билет достали туда-назад...
- Сделаем. Езжайте. Твердо. Слово.
- Я... все у него есть... и он отказывает...
- Ни в коем случае. Сделаем. Езжайте, твердо. Навсегда.
- Да. Навсегда. *(Всхлипывает.)* А может, в самом деле сделаете? *(Всматривается.)*
- *(Прячет лицо в бумаге.)* Обязательно.
- Нет! Отказал, мерзавец!
- Ни в коем случае!
- Отказал, змея! Это ж никто ж не поверит. Такой пустяк. Два пальца... Ну хоть половину, ну хоть сорок штук...
- Все сделаем!
- А подпишете заявку?
- Пожалуйста. *(Подписывает.)*
- *(Читает.)* Немедленно изготовить... Си-ним?! Отказал! Все...
- Сделаем.
- *(Тише.)* Обманул.
- *(Тише.)* Сделаем.
- *(Еще тише.)* Обманул.
- *(Совсем издали.)* Сделаем.
- *(С Дальнего Востока.)* Обманул.
- *(Из Москвы.)* Сделаем.

Ваши письма

Мы читаем письма и радуемся, насколько выросли интересы наших читателей. Семенова волнуется, когда в его доме будет горячая вода. Письмо написано живо, заинтересованно, с оригинальным концом.

Липкин, пожилой человек, инвалид без ноги, мог бы отдыхать, но пишет, интересуется, когда отремонтируют лифт. Письмо написано прекрасным языком, со старинными оборотами, яркими примерами.

Целая группа читателей в едином порыве написала об ассортименте продуктов в близлежащем магазине. Не каждый профессионал найдет эти берущие за душу слова, так расставит акценты. Bravo! Это уже настоящая литература.

Страстно и убежденно написано письмо о разваливающемся потолке. За каждой строкой, как под каждым кирпичом, встают живые люди наших дней. Чувствуется, как много пишут авторы. Уже есть свой стиль.

Условно произведения читателей можно разбить по сезонам. Зимой большинство увлекается отоплением, очисткой улиц. Осенью живо пишут о люках, стоках и канализации. Летом многих интересует проблема овощей и железнодорожных билетов. Ну нет такого уголка, куда бы не заглянуло пытливое око нашего читателя, где бы не светился его живой ум.

А насколько возрос уровень культуры! Каких горожан раньше интересовали вопросы зимовки скота, заготовки кормов? А сейчас люди поднимаются до требования соблюдать культуру животноводства, просят, умоляют укрепить дисциплину в животноводческих комплексах. Особо интересуются сроками убоя крупных рогатых животных.

Каких горожан интересовало, будет нынче урожай или нет, а сейчас многие спрашивают, что уродило, что не уродило, сколько засеяно гречихи и где именно она растет.

Мы читаем письма и радуемся многообразию ваших вопросов. Хочется надеяться, что читатели радуются многообразию наших ответов.

Не троньте

Товарищи, не надо меня выгонять: будет большой шум. Клянусь вам. Меня вообще трогать не надо: я такое поднимаю – вам всем противно будет. Те, кто меня знает, уже не препятствуют. Очень большая вонища и противный визг. Так у меня голос нормальный, но если недодать чего-нибудь... Ой, лучше мне все добавить... Клянусь вам. И походка вроде нормальная, но если дотронуться... Ой, лучше не трогать, клянусь. Держитесь подальше, радуйтесь, что молчу... Есть такие животные. Его тронешь, он повернется и струей дает. Тоже с сумками.

Я как замечу, кто на меня с отвращением смотрит, – все, значит, знает. Клянусь! А что делать? Зато все – по государственной, и с гостями тихий, хотя от ругани акцент остается. А что делать? Всюду все есть, и всюду все надо добыть. Есть такое, а есть такое. Цемент есть для всех, а есть не для всех – очень быстросхватывающий. И колбаса есть отдельная, а есть совершенно отдельная – в отдельном цеху, на отдельном заводе, для отдельных товарищей. Огурец нестандартный, обкомовский... Только каждый на своем сидит, не выпускает. Тянешь из-под него тихонько – отдай! Что ж ты на нем сидишь? Отдай потихоньку. Дай попользуюсь. Да дай ты, клянусь, отдай быстрее. Брось! Отпусти второй конец! Отпусти рубероид! И трубу три четверти дюйма со сгоном для стояка... Отпусти второй конец, запотел уже.

Главное, разыскать. А там полдела. В склад бросишься, дверь закроешь, там – как свинья в мешке, визг, борьба, и тянешь на себя. Глаза горят, зубы оскалены – ну волк степной, убийственный. И все время взвинченный. Все время – это значит всегда. Это значит с утра до вечера! Готов вцепиться во что угодно. Время и место значения не имеют.

В трамвае попросят передать, так обернусь: «Га?! Ты чего?» Бандит, убийца, каторжник. Зато теперь между ногами пролезет, а не передаст.

Руки такие потные, противные. Пожму – он полчаса об штаны вытирает. Зато теперь, чтоб не пожать, все подпишет. Взгляд насупленный, щеки черные, и ругань вот здесь уже, в горле. Я ее только зубами придерживаю. «Га?! Ты чего?!» Рывкнул и сам вздрагиваю. Прямо злоба по ногам. Дай все, что себе оставил. Как – нет? Что, совсем нет? Вообще нет? Абсолютно нет? Есть. Чуть-чуть есть. И – от греха. И дверную ручку под хрусталь с отливом, и коврик кухонный с ворсой на мездре.

Я бегу со склада – кровь за мной так и тянется. То я барашка свежего – по государственной. Только что преставили. Еще с воротником. Такой след кровавый до кастрюли тянется. И быстро булькает. Потому что не газ дворový, а ацетилен с кислородом – мамонта вскипятят. И в розетке чистые двести двадцать. Не туберкулезные сто девяносто, как у всех, а двести двадцать, один в один. И все приборчики тиком-так. Ровно в двенадцать этот рубанет, тот вспылит, этот включится, тот шарахнет, и маленький с-под стола «Маячка» заиграет.

Машина стиральная – камнедробилка. Кровать перегрызет. Потому что – орудийная сталь. Всю квартиру только военные заводы обставляли. Мясорубку вчетвером держим. На твердом топливе. Такой грохот стоит! Зато – в пыль. Кости, черепа. Не разбирает. И сервант со смотровой щелью – двенадцатидюймовая сталь корабельная. Лебедкой оттягиваем, чтоб крупу достать. Дверь наружная на клинкет. Поди ограбь! Ну, поди! Если при подходе не подорвешься на Малой Лесной, угол Цыплакова, значит, от газа дуба дашь в районе видимости. То есть ворота видишь и мучаешься. Это еще до Султана пятьсот метров, а он знает, куда вцепиться, я ему на себе показывал.

А как из ворот выходим всей семьей с кошелками... Все!.. Сухумский виварий! То есть – дикие слоны! Тяжело идем. Пять человек, а земля вздыхает...

Ребенок рот откроет – полгастронома сдувает. Потому что – матом и неожиданно. Ребенок крошечный, как чекушка, а матом – и неожиданно. Грузчик бакалейный фиолетовый враспынную. Такую полосу ребенок за кулисы прокладывает...

Средненький по врачам перетряхивает. Зубчики у всех легированные, дужки амбарных замков перекусывают, хотя на бюллетене – сколько захотим. И в санаторий – как домой. Только мы пятеро в настоящем радоне, остальная тысяча уже давно в бадусане лечится.

Старшенький – по промтоварам. Все, что на валюту, за рубли берет. Ну, конечно, с криком: «Чем рубль хуже фунта стерлингов?!» Прикидывается козлом по политической линии. Борец за большое. А дашь маленькое – замолкает на время. Шнурка своего нет. Все чужое! Гордится страшно, подонок.

Жена с базара напряжение не снимает. Конечно, тоже с криками: «Милиция!», «Прокуратура!», «Где справка от СЭС?» – сливы на пол трясет...

А я постарел. По верхам хожу. РЖУ, райисполком. Ну, давяю... Только таких, как мы, природа оставляет жить. Остальные не живут, хотя ходят среди нас. Клянусь вам. А что делать? Вот ты умный... что делать? В кроссовочках сидишь. Как достал? Поделись, поклянися...

А-а-а... это я сейчас добрый, злоба отошла, на ее место равнодушие поднялось, а как после обеда, в четырнадцать, выхожу... Вот вы чувствовали – среди бела дня чего-то настроение упало? Солнце вроде, птички, а вас давит, давит, места себе не находите, мечетесь, за сердце держитесь, и давит, давит?.. Это я из дома вышел и жутко пошел.

Турникеты

В конце каждой улицы поставить турникеты. Конечно, можно ходить и так, и на здоровье, но это бесшабашность – куда хочу, туда и хожу. В конце каждой улицы поставить турникеты. Да просто так. Пусть пока пропускают. Не надо пугаться. Только треском дают знать. И дежурные в повязках. Пусть стоят и пока пропускают. Уже само их присутствие, сам взгляд... Идешь на них – лицо горит, после них – спина горит. И они ничего не спрашивают... пока. В этом весь эффект. И уже дисциплинирует. В любой момент можно перекрыть. Специальные команды имеют доступ к любому дому и так далее.

По контуру площадей – по проходной. Вдоль забора идет человек, руками – об забор. Ну, допустим, три-четыре перебирания по забору – и в проходную, где его никто не задерживает, хотя дежурные, конечно, стоят. Красочка особая на заборе, ну, там, отпечатки и так далее. Да боже мой, никто с забора снимать не будет – бояться нечего. Но в случае ЧП... отпечатки на заборе, и куда ты денешься? А пока пусть проходят и без документов. Хотя при себе иметь, и это обязательно на случай проверки, сверки, ЧП. То есть, когда идешь на дежурного, уже хочется предъявить что-нибудь. Пройдешь без предъявления – только мучиться будешь. Со временем стесняться проверок никто не будет. Позор будет непроверенным ходить. Тем более – появляться неожиданно и где попало, как сейчас. Или кричать: «Мой дом – моя крепость» – от внутренней распушенности.

Но в коридорах дежурных ставить не надо. Пока. Начинать, конечно, с выхода из дома. Короткая беседа: «Куда, когда, зачем сумочка? Ну а если там дома никого, тогда куда?» И так далее. Ну, тут же, сразу, у дверей, чтоб потом не беспокоить. И ключик – на доску. Да, ключик – на доску. То есть чтоб человек, гражданин не чувствовал себя окончательно брошенным на произвол. Разъяснить, что приятнее идти или лежать в ванной, когда знаешь, что ты не один. Что бы ты ни делал, где бы ты ни был, ну, то есть буквально – голая степь, а ты не один, и при любом звонке тебе нечего опасаться – поднимаются все. При любом крике: «Ау, люди!» – из-под земли выскакивает общественник: «Туалет за углом» – и так далее. Ну, это уже ЧП, а гулять надо все-таки вчетвером, впятером.

А если в гости – не забыть направление. Это тоже обязательно. От своего дома оформляется местная командировка в гости: убыл, прибыл, убыл. Ну, конечно, дать диапазон, чтоб человек чувствовал себя свободно. Хозяин буквально чем-нибудь отмечает. Ну буквально, ну чем-нибудь буквально. Ну, да той же печатью, господи. Но ставить время с запасом, чтоб гость неторопливо собирался.

Контроль личных сумок – даже и не надо в каждом доме, только в узловых пунктах: подземный переход, вокзал, базар. Для чего? Чтоб примерно питались все одинаково. Это что даст? Одинаковые заболевания для врачей, одинаковый рост, вес для пошивочных мастерских и, конечно, поменьше незнакомых слов, поменьше. Употреблять буквально те слова, что уже употребляются. Чтоб не беспокоить новым словом. И для красоты через каждые два слова вставлять «отлично», «хорошо» и так далее. Ну, например: «Хорошо вышел из дому, прекрасно доехал, отлично себя чувствую, одолжи рубль...» – и так далее.

Начинать разговор так: «Говорит номер такой-то». Да, для удобства вместо фамилии – телефонные номера. Имена можно оставить. Это и для учета легче, и запоминается. Допустим: «Привет Григорию 256–32–48 от Ивана 3–38–42». Пятизначник. Уже ясно, из какого города, и не надо ломать голову над тем, кто кому внезапно, подчеркиваю – внезапно, передал привет. Со временем, я думаю, надо будет брать разрешение на привет, но очень простое. Я даже думаю, устное.

С перепиской тоже упростить: все письма писать такими печатными буквами, как вот эти индексы на конверте. Вначале, конечно, непривычно, выводить долго, но настолько облег-

чается работа почты... И в таком состоянии много не напишешь. И конечно, вместо автоматических телефонных станций я б восстановил старые, с наушниками и ручным втыканием в гнезда. Вот подумайте – много людей освободится. Причем для упрощения и удобства с выходящими из дому беседует уличный контроль. Дальше – контроль проспектов, потом – площадей. С теми, кто из города, работает высококлассный междугородный контроль. Ну а, не дай бог, при выходе из государства – вовсю трудится наша гордость, элита – общевыходной дроссельный контроль под условным названием «Безвыходный». У них и права, и техника, и максимум убедительности, чтоб развернуть колени и тело выходящего назад. Лицо можно не трогать, чтоб не беспокоить. То есть в такой обстановке горожанин и сам не захочет покидать – ни, ты понимаешь ли, родной город, ни, ты понимаешь ли, родную улицу, а потом и дом станет для него окончательно родным.

* * *

Вот я уже и привык к тому, что у меня жена, которая меня не любит.
Дочь, которая меня не узнает.
Мать, которой я не вижу.
Костюм, который некуда надеть.
Квартира, которая мне не нравится, родственники, с которыми не встречаюсь, друзья, которых не вижу.
Вот что у меня есть и что я с успехом могу поменять на то, чего у меня нет.

* * *

Очень противно быть пророком. Неприятно видеть, как твои самые жуткие предсказания сбываются.

* * *

Ребята, уж если мы по горло в дерьме, возьмемся за руки.

* * *

Чем мне нравятся мини – видишь будущее.

* * *

Вопль человека XX века: «Не нарушайте мое одиночество и не оставляйте меня одного».

* * *

Лучшие женщины смотрят вам прямо в глаза, что бы вы с ними ни делали.

* * *

Не хочется идти к вам, алкоголики. Внешний вид, места собраний, утренняя трясучка, тексты очередей... Если бы от меня зависело, вы б меня никогда не увидели.

* * *

В Одессе на дне рождения.

Стол. Много гостей.

Телефонный звонок.

Хозяйка делает знак «Всем тихо» и говорит:

– Нет! Мы решили ничего не устраивать.

Тсс-с!

Кости нет.

Саша здесь или нет?

Нет.

Игорь?

Есть?.. Нет?

Тоже нет. Я даже не знаю, кто есть?.. Да, пожалуй, нет никого... сейчас узнаю подробнее...

Он спрашивает: Поляковы есть?

Нет, тоже нет. В общем, никого нет. Вы знаете, какие цены...

Кто говорит? Это телевизор, что ли?

Кто это у нас говорит... Выключи его. А по роже – и он замолчит. Да телевизору.

Всё, мы его выключили и спим.

* * *

Что такое без четверти два все время?

– Это манометр.

Без меня

Многие просят рассказать, как это случилось, чтоб себя уберечь.

Втянулся я, ребята, незаметно и трагично. Занимался себе зарядкой двадцать минут в день и чувствовал себя хорошо. Потом решил освежиться интеллектуально, стал делать умственную разминку, очень легкую: два раза в неделю – по пятнадцать минут о международном положении, через день по полчаса – о внутренних делах и по двадцать минут в два дня – об успехах в личной жизни.

Кто знал, чем это грозит. Ведь коварство этой штуки в постепенности. Об организме не думаешь!

Сижу по пятницам, думаю о международном положении. Вижу, час прошел, а мне уже мало. Во-от! Пошло привыкание. Я уже не хочу, а организм не успокаивается. Жена тянет в гости, сынок за штаны – сижу. И вид отпугивающий. Вот от чего хочется вас уберечь – от первой легкой мыслишки.

В среду подошел к взаимоотношениям в производстве средств производства группы «А». До двенадцати просидел над отношениями «руководитель – подчиненный», «высший – низший», в субботу вдряпался в сферу обслуживания, в мелочи быта, два дня просидел – не ел, не спал, обдумывал только чаевые и почему человека не только тянет взять, но и дать. Случайно попал на спрос – предложение. Как правильно: товары повышенного спроса или пониженного предложения, – и что лучше: есть товар – денег нет или деньги есть – товара нет?..

Дошел до повышения качества продукции с одновременной экономией стоимости и тут чувствую – все! Во-от! Сам почувствовал. Другие – давно, но на себе не замечаешь. Даже начальство: «Что с вами? Что за внешний вид? Где у вас галстук, неужели нельзя постирать?»

А я не могу. В понедельник перешел к спортивным вопросам: любители – профессионалы. Кого упоминать, кого не упоминать. Оpozдал во вторник и вижу: люди от меня просто врассыпную. В зеркало – ужас: вид страшный, глаза красные, волосы всклокочены, в женской кофте не по размеру – самому страшно стало. Я ведь не дурак, и воля была.

Решил – сам себя не буду ставить в обстоятельства, где что-нибудь подобное может мне попасться, то есть в компании такие не ходить, под репродуктором не стоять. Недельку держался железно, даже румянец пробился, и вдруг – медицинское обслуживание выиграло: количество врачей на количество больных, чье количество растет быстрее.

Я ж говорю: ребята, смолоду берегайтесь. Это только кажется, что понемножку, после обеда, мол, буквально по пятнадцать минут, ничего такого. Беда, ребята, беда. Гляньте на меня. А если б разделся?.. А если б открыл лицо?.. Один раз – ничего, а если регулярно – столбовая дорога. И тянет... И страх, и руки дрожат, и глаза блестят неестественно. Неестественно, пацаны! Только начинаешь с мелочей, а потом берешь крупнее и в конце концов хлебаешь такое – организм содрогается, там – Объединение наций, Пагуошское движение, право «вето», Олимпиады...

В понедельник упал на улице. Вот отсюда как пошло, сюда ударило... Я схватился за кого-то, меня в машину, а в машине еще хуже, там приемник. Вечером пришел в себя: брюки чужие, волосы вырваны, руки так дрожат – не мог пальцем показать, куда мне. В другую сторону отвезли, еле добрался. И дома беда – жена начала. И я понял как. Я иногда засыпал, газета из рук упадет, и она подберет. Детки малые, хотел уберечь. Беда ж не приходит одна. Годовалый сынок ползает задумчивый, на слово не верит.

Солнышко вокруг, весна, все радуются, только мы трое, как сычи, с газетами.

И забрали нас, ребятки, всех троих на принудительное лечение. Это такой диспансер в саду. Ничего устного или печатного. Много гуляем, простая физическая работа, ящики, тара,

скрепки сгибаем, и такие таблетки дают, что от любой мысли тошнит. Но очень важно, говорят, после лечения – ни-ни. Так что извините. Без меня. Без меня. Без меня.

Спасибо

Да, да, да, именно, именно за все нужно сказать спасибо. Слава богу, пообедал, слава богу, поспал, проснулся – спасибо, заснул – благодарю. Слава богу, одетый, на ногах, спасибо, штаны, на голове, большое спасибо, шляпа. И не надо роптать, критиковать, подсмеиваться. Эти облезлые роптуны только портят. Сидишь, слушаешь – дрожишь: как он не боится? Что ж, все бояться, он один не боится? Боится, наверное, еще больше, но не может: в душе у него свирисит и произрастает. Вздутие живота от мыслей. Я считаю: раз лучше, чем было, – молчи, чтоб не сглазить, тьфу-тьфу-тьфу, тьфу-тьфу-тьфу.

Что толку вперед смотреть, когда весь опыт сзади?! Я же все помню: вначале соли не было, потом мыла не было, потом дяди не было, потом тети не было. Сейчас все они есть. Так что мне и детям моим на веки веков спасибо и аминь!

Никакой инициативы. Глаза в землю и – вдоль стены. Лифтом – вжик! – в кровать – шась! Пледом – швырк! – и сидишь в пледу. И никакой выдумки. Ты придумаешь, ты же и будешь делать, тебя же и накажут, что плохо сделал.

Спасибо за то, что живу, что существую. Ура, что проснулся, виват, что поел. Никаких разносолов, салатов, соусов – не хочу привыкать. За кефир отдельное спасибо всем. При встрече с корреспондентом – предельный оптимизм, как только лицо выдерживает! Никто меня не спрашивал, я сам прорывался к микрофону, кричал: «Спа-си-бо! Мо-лод-цы!» За сто пять в месяц – спасибо, за сто десять – большое спасибо, за сто пятнадцать – балуете, за сто двадцать – объясните, за что?

С детства мечтал зубы вставить. Вставил – спасибо: ощуществляющая мечты.

Слышу, человек проворовался, посадили. Правильно! Оправдают – правильно! Обругают – верно, толкнут – правильно, пошлют – спасибо.

Жена уходит – хорошо, жена вернется – хорошо! Одному хорошо, и семьей хорошо. Много есть – хорошо, немного есть – хорошо, пить хорошо и не пить хорошо. Все вокруг хорошо!

Я о своих раздумьях во все организации пишу. Ну какому нормальному человеку придет в голову сесть и написать, что ему хорошо? Нормальному не придет, а умному придет. Потому что адрес и фамилия, и все знают, что ему хорошо, он уже никаких сомнений не вызывает.

А что вы критикуете? Кто рассказывает? Кто смеется? Кто плохо приказал? Кто плохо исполнил? Сами же все, сами. Что ж мы про себя так остроумно замечаем, а потом так тонко хохочем? Потому что кажется, что не про себя? А про кого? Только себе и спасибо за все. Молод-цы!

Прекрасное настроение

Ха! Луком не тянет, нет?.. Ху! Ничего?.. Я выпил пива холодного. Хриплю немножко. Сиплю. А настроение отменное. Отличное настроение. У меня всегда вот такое настроение. Умею в жизни только радостные новости себе сообщать. Друзья собрались – чего, мол, у тебя всегда хорошее настроение? Ты что, в другую поликлинику ходишь? Зачем, туда же. Все исследовали – все в норме: ручки, ножки, глазки. Ху! Ха! Все отличное. На большой! Копытца, волоски. Все изумительное. Вот такое! И организм в ответ на заботу работает как часы. Ровно в двенадцать пищу приму, ровно в четыре на минуту выйду и вернусь вот с таким настроением. Сейчас пивка выпил, молодым лучком закусил. Отрегулировал. Все вот так – хоть не приходи, полный порядок. Салют стоял смотрел. Вот такой салют. Мало только тридцать залпов – триста залпов давай на неделю. Вот такая неделка была б.

Чесночком не тянет?.. Я не просто пивка выпил. Все на спор выиграл. Ху! Политически очень догадываюсь. Вот такой спорщик. Ставил на Картера полбанки, и мой пришел первым.

Ху! Лучком немного молодым закусил. Знаешь, это берешь лучка пучок – в солонку, а он, бедный, хрустит на зубах, во рту крепнет и аж начинает гореть, и тут его пивком заливаешь, и он тухнет. Вот такой процесс.

Но я могу – в сторону. Запах чем хорош – не хочешь, чтоб пахло, отойди.

Многие спрашивают: как бороться – запах изо рта? Очень простой метод. Отойди. И запах вместе с тобой. Так же точно: чего-нибудь наговоришь – не стой в этом всем. Отойди.

Сын у меня. Вот такой сынок! Ничему не учу. Сам растет, как саксаул. Плохому учить не хочу. Хорошее сам ищу. Пусть продолжает дело отца: ищи, сынок. Видишь, отец голубцы в банке греет. Вот такой закусон. Сам нашел. И ты ищи. Глаза веселые. Посмотри в глаза. Голубые, веселые. Доброжелательные. Никому не завидовал. Товарищ очень большой начальник. Ну и что? Из всех благ у него – поликлиника и лекарства бельгийские. Потому что его очень надо лечить. Ему надо настроение повышать, а у меня настроение и так вот такое. Если других туфлей не видел, наши вот такие! Если других машин не видел, «Запорожец» вот такой! И все! Живи не тужи. Всем рекомендую.

Не считать себя самыми богатыми и самыми красивыми, а так, нормальными. Побогаче одних, победней других. Зато наш почетный караул лучше всех. И жить можно вот так! Ху! А дышать можно и в сторону. Запах, он с тобой уйдет, а слова останутся. Так что дыши, чем хочешь, но в сторону. И настроение вот такое – большой палец болит всем показывать!

Клуб кинопутешествий

Говорят, что карта мира не имеет белых пятен, что открыты острова и плывут материки. Очертания известны, и течения интересны, и журнал «Вокруг света» печатает карты и рассказы.

Вы расскажите мне про Париж.

Вы говорите, там розовый воздух, вы говорите, там бульвар Инвалидов и повсюду маленькие бистро.

Вы говорите, там художники рисуют на улицах и приезжие чувствуют себя как дома.

Как интересно!

А вот и документальный фильм.

Да-да, мы как будто там побывали.

Полтора часа среди парижан.

И даже получили подробные ответы не на свои вопросы.

Самоотверженный труд кинооператоров: десятки кинооператоров шатаются по Парижу и служат нам, миллионам.

А вчера, в воскресенье, в двадцать часов, мы объездили с корреспондентом заповедник, мы притаились с оператором за деревом, мы из вездехода наблюдали за львами.

Как интересно.

Журналист, очень аккредитованный, говорит:

«Там, – говорит, – львы, – говорит, – не боятся машин, там обезьяны совершают набеги, собираются, – говорит, – вместе, и нет, – говорит, – спасения, – говорит, – от них».

Как интересно.

Фиджи, Таити, Лос-Пальмос – такие названия и острова, говорят, очень давно открыты, говорят, кем-то, а сейчас живут на доходы от туристов каких-то.

Выставки цветов на Таити...

А Таити открыт давно и работает круглые сутки. А Багамские острова... Как? Вы не бывали на Багамах?

– Ну грубо говоря, не бывал.

– Вот европейские столицы похожи. Если вы были в Париже, то уже можно, говорят, не ездить в Вену или Стокгольм. Разве вы этого не знали?

– Ну как же не знал, как же не знал. Ну конечно, не знал. Вы же знаете – все время на работе. Глянешь иногда в окно... Выедешь куда-нибудь на троллейбусе... И в общем, всегда обратно. Так сказать, умом постигаешь, воображением. Дома все себе можно представить. Я почти все себе напредставлял. До того воображение развито – мурашки появляются, если Рейкьявик. Если Африка – потею. Однажды до утра раскачивался на пальме. Проснулся – мозоли от пальмы. Я ее обхватил ногами – и стремительно вниз. Видимо, меня что-то испугало там, в ветвях. Ночью вскочил мокрый от Ниагары – брызгает жутко. Я понял, что Новая Зеландия похожа на Кавказ под Сухуми, Австралия – тот же Алтай, Нью-Йорк напоминает Ялту чем-то, я завтра досмотрю – чем.

Часа в два ночи появляется Сидней – и раздражает. А если мне хочется с ними поговорить, то я их вижу здесь. Они же все здесь бывают. Финнов уже совсем от наших не отличишь. Ихний Хельсинки – тот же Гомель, я так думаю. Попробуйте меня разубедить. А нехватку воображения можно пополнить в самом популярном клубе, клубе кинотеледомагорепутешественников, когда своими глазами видишь тех, кто побывал в Дании.

Но, говорят, самое интересное – пароходом. Экран, значит, на экране вода, океан, земли ни черта не видать. Если океан спокоен – никто ничего, плывем. По квартирам тишина. И вдруг налетает ветер из телевизора – как даст прямо в лицо, с брызгами. Ну там инструкция есть:

ведро воды сзади в телевизор заливаешь с утра, на ведро воды пачку соли за семь копеек и ветродуй для морского колорита. Это если диктор предупреждает, что поплывем, потому что, если поскачем, допустим, на лошадях через лес, а аппарат сработает на брызги, впечатление не то – на лошади с веслами, как дурак.

Значит, вот так: ветер двинул, брызги, лежишь мокрый – ну полное ощущение. И тут начинается: горизонт – вверх, горизонт – вниз, прямо разрывает. От телевизоров – рычаги к кроватям. Операторы на студии управляют всеми кроватями, пока людей просто выворачивать не начинает. Ну по сто квартир в доме, и все плывут в Австралию. Если очень плохо – сошел с кровати, и все, но впечатление потерял. А тут крики чаек из кухни, кто-то кусает из динамика.

Некоторые, самые крепкие, звонят на студию и слышат крик капитана: «Спасайся! Мина по борту!» Лежишь на койке весь в слезах. Потом выгружаемся, конечно, в разных квартирах, кто в каком состоянии. Но только члены клуба кинопутешественников. Парень сказал: с этим будет очень строго. Потому что очень удобная поездка, как на кладбище: все едут туда. Оглянулся, и ты дома: жена, дети – итальянские впечатления.

А сейчас цветная стереофония пошла. Мы в Стамбуле с корреспондентом устриц жевали. Он – по ихнюю сторону экрана, мы – по нашу. То есть он жует – стереофония: звук, цвет, хруст, писк... Единственное, вкуса нет, хотя слюна уже пошла.

Кто виноват

Прежде чем горячиться, писать и ругать, копни глубже, сядь и подумай: кто виноват. И ты всегда поймешь – никто. Никто. Таксист отказался везти: дорога обратно – холостой пробег, слесарю плати. Сел на его место, через два дня сам заговорил: «Дорога обратно – холостой пробег, слесарю плати».

Отказались ремонтировать: невыгодно, а выгодно циклевать. Вник, пошел к ним на работу: да, невыгодно, а выгодно циклевать.

Телефонов нет, не ставят – «у нас инвалиды». Действительно, инвалиды. Пятьсот рублей дал – и поставят. Так ведь чтобы отказаться от пятисот рублей, тот инвалид и этот. Честный человек должен сидеть в АТС. Принципиальный, редкий, допустим, бывший летчик. Но даже умереть один раз без оглядки легче, чем жить всю жизнь долго и без оглядки. Так вот, два одинаковых инвалида, а один еще дает пятьсот рублей.

Нет мест в гостиницах. Администратор виноват? Нет. Начальник треста виноват? Нет. Клиент виноват? Нет. Министр виноват? Нет. Совет Министров? Нет. Народ? Нет. Ну нет и нет.

Мяса в Архангельске нет, а в Москве есть. Кто виноват? Завмаг? Нет. Завгар? Нет. Министр? Нет. Он бьется, он приезжает раньше всех. Он по большому счету хочет, чтобы у всех было мясо. Он хочет, чтобы было в Архангельске, он может туда приехать. И знает, что в тот вечер туда забросят мясо из Ленинграда. Он знает это, он все знает, ему записки пишут. Колхоз виноват? Нет. Совхоз? Нет. Райком? Нет. Горком? Нет. Покупатель? Нет. Корова? Нет. Сколько мяса могла дать, столько дала. Никто не съел пять килограммов за раз, твою порцию не съели. Виноватых нет. Ну нет и нет.

Когда есть, так есть и можно объяснить, откуда есть, но нету – нет. И виноват кто? Никто.

Квартира плохая. Он что, себе забрал пять квартир? Ну отдал по блату двадцать, так ведь те, блатные, двадцать и освободили. Когда привыкаешь к этой радостной мысли, что никто не виноват, все хотят как лучше, когда ее раскусишь, – господи, ты становишься тихим, и благостным, и седым. Грызешь себе то, что подобрал, несешь на себе то, что дают, смотришь то, что показывают. С такой добротой и сочувствием глянешь на милиционера или активиста. И они не виноваты. Они же не могут объяснить, они начинают злиться, кричат, что ты хромой, что у тебя глаз искусственный. И ты, и я знаем, что так не спорят. Так они и не спорят, они ругаются. Скажи им: «Да» – и иди спокойно. Когда раскусишь то, что понял, и поймешь, что раскусил, природа начинает манить, горы манят, скалы неприступные зовут, колеса поезда заманивают, затрагивают: «Эге-гей! Никто не виноват, никто не виноват, никто не виноват, никто не виноват, никто». Все, справедливость восторжествовала!

Жизнь моя, побудь со мной

Перебираю фотографии, жизнь шесть на девять и девять на двенадцать прилипает к рукам. Старый, молодой, молодой, старый. Девушка кричит: «До свидания!» Ветер. Она кричит сквозь волосы: «До свидания!»

Так и осталась.

День рождения. Стол. Хохот. Один стоит подбоченясь. Мама хохочет. Он держит руку на ее плече.

Пятеро на скале. Солнце. Школа позади. Вокруг море, мамы, папы, загар, мускулы. Обнявшись.

– Угадайте, где я?

– Этот?

– Нет.

– Этот?

– Да.

– Не может быть.

Пятеро обнявшись. Один в военном. Погоны контуром обведены.

Нас восемь – три жены. Четверо: трое и подполковник. Его форма на всех. Фуражка. Китель. Веселые. Пьяные. Так и пошли шесть на девять веселые – пьяные. Грустные – трезвые.

Танец. Она со мной. Рот открыт. Губы у моей щеки. Слов не видеть. Апрель семьдесят третьего. Какие слова?

– Вас уже ничем не удивишь.

Пошли лица. Мои лица, которые ничем не удивишь.

– У вас усталые глаза.

Да. Пошли мои глаза. Семьдесят третий, семьдесят четвертый, семьдесят пятый, апрель, май, май.

Вот на картоне нас тридцать. Знамя. Школа 118. Едва над учителями, хотя стоим. Седьмой класс. Красные галстуки. И кто-то надо мной держит рога.

– Как по-вашему, где я?.. Нет... нет. Ну что вы? Вот я.

– Не может быть.

Разные галстуки, пиджаки. Десятый класс. Паспорта. Аттестаты. Первый хмель и первые планы, первые девочки за углом и уж за ними мамы.

– Где вы?

– Вот.

– Не может быть.

– Да.

– Ну, если вы настаиваете.

А вот где я красавец. Вот где я необычайно хорош. Альбом выпуска института. Мягкие серые глаза, поворот головы... Простите – я.

– Не может быть.

– Прекратите. Вот надпись золотом. Тисненая.

– Господи, ну просто... красавец.

– Что делать?

Семьдесят пять, семьдесят семь.

– Вот это вы.

– И там я. Только тогда сумерки были другими. Они обещали. И руки. И если платье прилипло к ногам, разговор прерывался.

Мои распахнутые серые.

Твердый и нежный взгляд.
Мой... Прищур смеющийся...
Мои усталые глаза без взгляда.
Морщины и цветы.
Цветы... цветы...
Эти цветы мне.

Автопортрет художника сорока четырех

Так и не стал решительным и бесповоротным.

Слабоволие и мягкотелость привели к дикому количеству звонков. Учится отказывать, употребляя слова «никогда» и «ни за что».

Мало писал, много бегал, звонил, просил, сохраняя свое и чужое достоинство.

На просьбах потерял друзей и юмор.

Так ничего и не добыл.

Из недвижимости – диван, бывший в употреблении, письменный стол, редко бывший в употреблении; из движимости – мечты, мечты, мечты о доме, саде, заборе, камине.

От мечтаний похудел.

Ездил куда-то – хотел посмотреть.

А они хотели послушать.

Видел мало.

Еще больше прибавилось знакомых под условным названием «друзья».

Теперь не знает, как назвать тех четверых, что с детства.

Большой город переносит, как переполненный трамвай.

У каждого хочется спросить, кто он такой.

Часто спорит с теми, кого нет.

Снова неубедителен.

О работе: удивляется, когда смеются, и обижается, когда молчат. До сих пор не понимает, чем вызван смех.

Трудно держать паузу, пальцем показывая на это место.

Читает быстро, просит быстрее реагировать.

Остановиться на лету не может, так как тяжелее воздуха.

Наш юмор считает самым осмысленным, самым глубоким юмором в мире.

Некоторые поиски логики в некоторых вопросах жизни приносят славу сатирика и смелого человека.

Нравится выступать, хотя надо бы писать и умереть на сундуке с рукописями.

Раньше думал – женщины, теперь – ни дня без строки.

Это не талант, это – возраст.

Проснулся ночью от стуков, хлюпанья и дребезжания.

Искал глазами по комнате.

Оказалось, в организме.

Неожиданно может появиться в очках, с палкой и валидолом в пистоне.

Дам просит не смотреть, а дать проследовать.

Самым желанным и несбыточным считает полную тишину.

Одинок, как баран на вершине.

Так же и богат.

1 апреля 1978 года в 21.00 отогнал мысль – устранять недостатки нашей жизни путем чтения вслух художественных произведений. Довольствуется подъемом настроения среди тех, кто должен это делать.

На вопрос: «Как живешь?» – не отвечает, чтоб не обременять сочувствием.

Страшно недоволен исполнением собственных желаний, от этого часто в ужасе.

Скуки никогда не испытывал.

Много людей переворошил в поисках красивого тела.

Теперь ищет родную душу.

Сам мал, лис, толст, неубедителен, зануден и неприятен.

К тому же любит спать один.

Дико ругается, увидев свое приказание исполненным. Храпит, сморкается, кашляет, скрипит.

Желающих соединиться с этими остатками просят оторвать талончик на заборе и забрать его от него самого, который его съедает.

Любит дождь.

В дождь и ветер кажется себе мужественным в плаще.

В мечтах изобрел авто, которое нельзя остановить, и огромный репродуктор, тексты для которого пишет сам.

Хотя пишет мало.

Много ест, пьет и ждет чего-то.

Ждать осталось недолго.

Современная женщина

*Что случилось с женщинами? Я постарел или новая мода –
невозможно глаз оторвать, трудно стало ходить по улицам.*

Прохожий

Современная женщина, идущая по городу, – отдельная, сладкая, близкая тема для разговора. Сказочная, как выставка мод. Будоражаще пахнущая издали. Стройная. В брючках, закатанных под коленкулы, открывая миру сапоги, а в них чулочки, и только в них – ножки. А на торсике – вязанная самой собой кофтуля-свитерок с ниспадающим, открывающим, открывающим от дела воротником, а уже в воротнике – шейка, служащая для подъема и опускания груди, с цепочкой и украшенная головкой со стекающей челкой на строгие-строгие неприступные глаза, закрытые для отдыха длинными, загнутыми вверх прохладными ресницами, вызывающими щекотку в определенные моменты, до которых еще надо добратся, а для этого надо говорить и говорить, говорить и говорить, и быть мужественным, и хорошо пахнуть, не забывая подливать сладкий ликер в рюмки, перекладывая билеты в Большой зал из маленького кармана в пистончик и попыхивая сигаретой с калифорнийским дымком, зажженной от зажигалки «Ронсон», срабатывающей в шторм и лежащей тут же возле взбитых сливок, присыпанных шоколадом, в тридцати сантиметрах от гвоздик в хрустальной узкой вазе, закрывающей нежный подбородок, но открывающей губки, где тает мармелад...

О боже, оркестр, ну что же ты?! Вот и датчане вышли в круг, вот и ритм, но нет, не то. Пусть датчане прыгают, а мы спокойно, почти на месте, неподвижно, струя кровь мою от вашей в трех сантиметрах и вашу влагу от моей – в пяти.

Ваша стройность перестала быть визуальной, она уже – здесь. А разность полов так очевидна, так ощутима. Мы так по-разному одеты и представители столь разных стай. Только наши шаги под этот оркестр. Из наших особей исчез интеллект и пропали глаза, мы ушли в слух. Его музыка, твое дыхание и там, внизу, движение в такт контрабасу. И догорает сигарета, и допевает квартет, и ликер из графина перетек в наши глаза, а сливки с шоколадом еще не кончились. Они припорошили губы, и мы будем их есть потом, позже, медленно...

Хороший режиссер в этом месте ставит точку, потому что к нам приближается официант, портье, милиционер и распорядитель танцев.

Не выделяться

Он делал все, чтоб не выделиться, чтоб никто внимания не обратил. Ходил грязным. Время от времени страшно напивался. Жутко нес прохожих, задира, хлопал себя по непотребным местам, показывал язык, кулак через руку в локте, плевал вслед каждому. Главное, чтоб не выделиться.

Сидел иногда в садике, опираясь на палку, злобно глядя на молодежь. В карманах грязного полупиджака – два вермута.

В сумерках, когда все сидят у подъезда, на дрожащих ногах в комнатных туфлях без задников, носков и подошв шел выбрасывать мусор на подносе, чтоб все видели.

И все видели прозрачную картофельную шелуху, пустую пачку «Примы», старые капустные листья, пакет «Соль каменная», зеркально обглоданную кость, три килечных хребта.

Чтоб не реагировали, по ночам из квартиры – вопли: «Спасите-помогите!» Бой посуды: «Ирод, душегуб, козел вонючий! Где одиннадцать копеек? Я перерыла всю кровать! Вот платочек, вот целлофан, где одиннадцать копеек на расход?!»

Утром рычал и лаял вслед «Жигулям», кланялся «Волгам», тыкал палкой в рисунки на молодых.

Добился уважения, с ним считались, к нему привыкли, и он без помех мог заниматься своим делом: монологи, философские размышления, этюды о будущем, фантастика.

Тщательнее

Я хочу вот что сказать: ведь для себя работаем и, что еще хуже, – для внутреннего употребления.

Я не имею в виду импорт. Я имею в виду внутреннее глотание. Как в аптеке пишут. Никуда это не уходит. Это свой другой такой же должен глотать. Это не стрижка, которой в массе мы не овладели. Значит, так и ходим. Человек в плохой стрижке может что-то изобрести или встать утром и поехать-таки на работу. И в суровом пальто поедет. Он не поедет, если чего съел для внутреннего употребления.

Что смешно: те лекарства, что подробно делаем, точно выдерживая технологию, сами и глотаем. А потом слышны медицинские крики: как же, точно по формуле $\text{CH}_3\text{COC}_2\text{H}_5$ плюс метилхлотилгидрат на парю не помогает, а точно такая же швейцарская сволочь эту бациллу берет. Опять проверяем $\text{CH}_3\text{COC}_2\text{H}_5$ на парю – не берет, и, что особенно противно, название у них одинаковые. Опять говорю – нам же самим это глотать!

Те, что сравнивают, сидят, глотают то, что берет, и с сожалением смотрят вниз и думают: когда же мы тут научимся? Ну а Швейцария, совсем маленькая страна. Красноярский край покрывает ее, как бык овцу. Она тужится и работает, как дизель в Заполярье, но не в состоянии вылечить всех желающих в той далекой стране, где мы как раз и процветаем.

Тщательней надо, ребята, формулу нам дали $\text{CH}_3\text{COC}_2\text{H}_5$ два часа на парю, и не берет. Должна брать... Может, руки надо помыть тому заскорузлomu пацану, что колбу держит. Не хочет сам – силой помыть.

Может, излишне трясет в наших пульманах, может, с перепою сыплют мимо пробирки. Я же говорю – делаем только для себя. Тут особенно тщательно надо, ребята.

Не надо чай на кирзе настаивать – потравим друг друга окончательно. Мало того, что в нехороших прическах, так еще с дурным пищеварением. Ежели, конечно, задаться целью извести народ, как-то уменьшить нагрузку на почву, тогда надо продолжать и аспирин, и бормотуху, и вот эти колодки каторжные для модельной обуви, что внутрь глубоко идет, – туда, за Тюмень, где как раз в них круглый год и ходят.

Или грузовики, что не заводятся на морозе в отличие от тех, что заводятся, хотя очень похожие. А на морозе греметь ключами всегда приятней, тем более что страна северная и мороз повсюду. А тот же «Фиат» как раз заводится на севере, а «Москвич» – как раз нет.

Тщательней надо, ребята. Ни на кого ваше упорство не действует, только на своего брата в телогрейке. Потому что тот, кто выбирает, выберет «Фиат», а тот, кто не выбирает, долго глядит вдаль, силясь в далеком Ижевске разглядеть своего коллегу, с таким трудом собравшего именно вот эту коробку передач. И довольно похоже. И что-то даже залил туда. То ли свое, то ли чужое, оно все равно на морозе только вместе с шестерней отлетает.

Тщательней надо, ребята. Общим видом овладели, теперь подробности не надо пропускать. И если дома из газовой горелки вода пошла, а из водопровода – газ, ни на чьи нервы не действуем, ни до кого этот метод не доходит, кроме своего, такого же невообразимого, что у бочки греется под этот рассказ.

Так что, думаю, если до таких же невероятных высот, что мы достигли в ремонте, мы бы поднялись в изготовлении, та же Голландия валялась бы у нас в ногах с просьбой одолжить ХТЗ на недельку. А уж от подольской швейной машины шпионов отгоняли бы, как мух поганных. Но если еще можно шутить с коробкой передач, то с этим порошком, повторяю – $\text{CH}_3\text{COC}_2\text{H}_5$ два часа на парю, надо тщательней, ибо, в отличие от распредвала, мы их берем внутрь и быстро усваиваем, зеленея от надежды, а ходить потом и с микробом, и с лекарством внутри – это двойная гибель, от которой надо спастись третьим раствором – снова Сыктывкарского завода глубоких лекарственных препаратов. Так что тщательней надо, ребята.

Население у нас крепкое и в основном уже лечится само.

Теперь духовная пища: книги, фильмы, эстрада, керамика. Оно тоже, тот, кто может выбирать, что ему смотреть, может, это смотреть и не будет. Тот для ознакомления ту же проклятую Швейцарию смотрит. Так что фильмы опять-таки делаем для себя. И вроде бы упорно смотришь, а ничего не видишь, и вроде колхоз не настоящий, и председатель так не ходит, не говорит, не ест. И влюбленные эти, взятые целиком из жизни голубей, тоже нечеловечески ходят у фонтана и нечеловечески смотрят вдаль. И тем, что никогда не были в колхозе, что-то не верится, а те, что живут в нем, жутко ругаются и матерно кроют Голливуд. Это все удар против себя. Кому надо, тот запрется и посмотрит «Бони М» или еще лучше – Аллу Борисовну с ансамблем.

Но опять-таки говорю: книгу можно отложить, из кинотеатра вырваться, коленвал проточить, но куда ты денешь лекарство от печени, кроме как в себя? Вот то – $\text{CH}_3\text{COC}_2\text{H}_5$ на пару, что, в отличие от швейцарского, не берет микроб, а, наоборот, с ним сотрудничает. И если мы говорим о росте населения, то хотелось бы, чтоб не только за счет увеличения рождаемости в Азии благодаря отсутствию тех же медикаментов, но и за счет продолжительности безболезненной жизни рода человеческого, где мебель, ковры и посуда не могут заменить интересного дела, будь то написание этих строк или приготовление лекарств. Ибо то и то для людей, для самого главного, внутреннего употребления.

Кому как, а нам нравится

Тут кто-то приезжал к кому-то ниоткуда, чуть ли не из Каменец-Подольска, и нахально заявил: «Неинтересно живете!» И так быстро уехал, что я ему не успел возразить. Видимо, торопился отъехать от места, где сказал.

Мы сейчас очень интересно живем. Очень интересно существуем. Слегка подспудно, но увлекательно. Ни черта постороннему не понять. Так молодой ученый, полный сил, бегают по поверхности, по корке застывшей лавы, и кажется она ему холодной и неподвижной. Ой, не бегай, кандидат!

Молчаливые – верно. Глаза возбужденно не блестят – верно. Зубы в улыбке редко показываем – возможно... Пальчиком никого не тронем ласково – точно. Веселое милое пожилое лицо часто попадаться на улице перестало. Все верно на сейчас, все правильно на эту минуту. Ибо все внутри под покровом личины. Наконец воспитали в себе сдержанность. Как она к нам из Англии – неизвестно, но перешла.

Инфаркты были реже раньше, сейчас стали чаще намного от сдержанности. Где хохочут отчаянно, в зале сидит один из министерства. Лопаются внутри, все понимают – наружу ни струйкой не прорвется, не выдает себя. Затаился бельчонок, замонотонил себя под пейзаж. Интересный феномен.

Так же точно: пьян широко внутри, то есть любой нормальный упал бы давно раньше, слюной бы весь путь обозначил – этот снаружи недвижим, и, если слова из него не выдавишь, ощущение вековой твердости и надежности, возникнув, вдруг не пропадет.

И он на пути к инфаркту от сдержанности, ибо алкоголь сердце выдерживает. Сердце не выдерживает преодоления алкоголя, как и преодоления юмора, преодоления разума, чтоб утром к людям выйти и обратиться.

Если б не такой немного неожиданный исход, может, наружная неподвижность внутрь пошла – ан нет. Внутри смеемся, любим, все правильно оцениваем, хоть на вид замкнутые, как кастрюли, где что-то кипит. И врачи сейчас правильно лечат следствие, ибо причину должен лечить горисполком, чем он и занимается, очень интенсивно понимая.

Кто так дружить, как мы, начал не так давно? Всю работу дружить отчаянно стали, все, что по закону положено, по дружбе получаем. Не на друга и надеяться нечего. И не делает, и не потребуешь, если не дружишь до одурения с незнакомым толстым человеком, если не наглотаешься его испорченного выдоха, не нацелуешься с ним в засос и не привыкнешь попадать своим слабым ртом в его сильный мужской, разгребая бороду и ища там после обеда. Если б каждый из нас по работе столько женщин перецеловал в поисках запчасти для государственного комбайна, снаружи выглядело бы всенародным развратом и большим государственным гуляньем.

А все еще слышны выкрики шепотом: «Неинтересно мне, мама, мнения моего никто не спрашивает». И правильно не спрашивает, дают тебе его менять внутри три раза в день без риска быть освиственным публикой. Есть места, где всегда спрашивают, но тремя слоями выше, откуда ситуация видна глобально, а не отсюда, где небо кажется точкой. Вот и стимул для карьеры. Вот и ползи вверх по скользкой вертикали, тебя смывают, ты ползи, тяни кверху хоботок инициативы, благодари за помои, убеди упорством. Только пусть помнят те, кто встретит наверху: качества, необходимые для пробивания карьеры, противоположны качествам для удержания ее. Здесь, внизу, – здравоохранение, там – экономика. Вот тебе и «неинтересно живем». Вот тебе и «скучно мне, мама».

Наша жизнь очень требует своего внутреннего наблюдателя, терпеливого не по годам. Да, все так: и ландшафт ровный, и дали пустынные, а придет умный человек, раскопает, разбередит, глядь – там глаз блеснул, здесь хвост исчез. Есть жизнь, есть!

Условия образования белых глаз

После раннего обнаружения отсутствия способностей к арифметике, истории, танцам при наличии желания выбиться – большая жизненная активность, некоторая сообразительность; при выявлении слабых сторон в человеке – ухватка этой слабости и длительное использование ее, как то: прорыв без очереди к кассе, пользуясь естественным замешательством нормальных людей, громкая насмешливость над женщиной, публичный рассказ о своей и чужой интимности.

Бесконечные выдавания себя за кого-то, победы над сверстниками в области бестактности, крикливости и стремительного нахальства.

Запас свежих анекдотов.

Раскавычивание чужих острот и мыслей.

Безмятежная тяга в свою постель любой жены.

Быстрое достижение результата в карьере, ибо конкуренция слабая. Талант на такую работу не идет.

И напрасно. Это огромная ошибка – со стороны смотреть на борьбу чиновников и ждать, что там откуда-то появится интеллигентный человек.

Отсюда бесконечные пьянства с такими же.

Грубый рот.

Никакого интима, все громко, чтоб задавить сразу.

Разлюбившая жена.

Ученая степень в конце жизни вместо начала.

Вечные стремления за границу хоть на день, на два.

Дети должны быть там, на любой работе. Хоть горничной в каюте. И вроде все есть, с точки зрения соучастников, – ничего нет из того, за что будут вспоминать дети.

И в самом сосредоточенном состоянии, обложившись справочниками всего мира, готовясь год и будучи уже месяц трезвым, не выскажет и десятой доли тех мыслей и таким языком, как скажет Битов, готовясь отойти ко сну.

Отсюда и окончание такое же серое, как и начало.

* * *

Ничего-ничего, так и научимся. Распарывая, пойдем, как сшито. Взрывая, разберемся, как строили. Обвиняя и видя на лице ужас, представим это лицо счастливым – это же одно и то же лицо.

* * *

Я так привык сам с собой разговаривать: просто приятно поговорить с умным человеком. Но сейчас уже не с кем говорить.

Чтобы оба были в дураках – такого еще не бывало.

* * *

Женщину легче поменять, чем понять.

* * *

Закон нашей жизни:
не привыкнешь – подохнешь!
не подохнешь – привыкнешь!

* * *

Ограбили страну до состояния социализма.

* * *

Птицы в Москве летают в подземных переходах между ногами.
Это разве птицы?
Воробьи налетают на тарелку, пока несешь к столу, облепляют, как мухи, топчутся
в борще...
Что же такое?
Совсем, что ли, мы сгрудились на пяточке?
Птицы у мух хлеб отбивают.
Люди у кошек воруют колбасу...
Смотри, как мы мешаем друг другу.
Надо, чтоб в стране какая-то одна нация осталась.

* * *

Он добавил картошки, посолил и поставил аквариум на огонь.

Простите меня

Я так рад, что своей жизнью подтверждаю чью-то теорию.
Прохожий

И какая-то такая с детства боязнь огорчить окружающих. Двадцать километров пешком, чтобы не спрашивать. Огромные попытки самолечения, чтоб не вызывать. Громкий храп, чтоб не свидетельствовать.

Обидно огорчать столько людей чем попало, самой жизнью своей. Близких – мы уже как-то привыкли. Это обычно... Вернее... Хотя... тоже... Но все-таки нет. А вот дальних, то есть совершенно незнакомых, за что? Он же ни в чем. Вернее... Хотя, может... Так сомневаешься – рассказывать, не рассказывать. Тут... вряд ли что исправишь... Я и не для того, чтобы исправить... но душу облегчить себе... вернее... да, себе.

Сейчас каждый рвется высказаться и слушать некому. Встречаются двое, перебивая друг друга, вываливают и расходятся как бы облегченные. Слушать все это внимательно невозможно... А может... не стоит... хотя... чтобы облегчить, надо выслушать. А я не могу просто слушать... я вхожу в его положение... А выбраться оттуда... А он уже ушел...

Почему слушающий засыпает, а говорящий нет? Примеры мелкие, но для меня это жизнь.

Бог меня не наградил интересной работой. Вообще никакой... то есть хожу туда... страшнее нет, чем ничего не делать. Я понимаю, чтоб мы не хулиганили на улице, нас надо где-то держать, и вот это называли КБ, и мы притворяемся конструкторами, бухгалтерами, а один притворяется заведующим, и даже, если появилась работа, мы загораемся, наваливаемся, придумываем, и это никому не нужно. Еще раз навалились, придумали – опять никому не нужно.

В колхоз поехали. Помидоры с криком, скандалом собрали – до сих пор лежат. Когда результат не нужен, трудно процесс сделать захватывающим, и люди меняются. Невозможно поймать чьи-либо глаза. Недовольный зарплатой не может поднять глаз. За что ему увеличивать? Он же сам придумал причину. Стыда уже нет, и нет достоинства, и начальник решительный, деловой, и ему рассказать нечего, кроме заграничной поездки.

Кто-то строит дорогу, ведет газ. Я думаю, вы их отличаете, потому что главное в мужской жизни – дело. Чтобы он не стал слезливым и женственным. И это не безработица. Это сущая безделица. Каламбур... вернее... ну какая же это шутка?.. Так, чушь... Если моя жизнь вызывает улыбки... я рад... Берите ее в качестве сюжета, эпизода или хотя бы шутки... Я уже давно ищу ей какое-то применение.

Мы так привыкли делать то, что никому не нужно, что, когда это кому-то понадобилось, оно все равно не работало... Такие мы неудачники... Хотя многие завидуют.

Таким образом, в жизни остались две трети, где я сам – работа для других... Представляю, как это увлекательно...

Не хотел я огорчать своим появлением товарища, ведущего такси, когда, сев к нему в салон, сказал, куда мне. Он попросил выйти и сказать. Я вышел и сказал. Он попросил забрать чемодан и сказать. Я забрал чемодан и сказал. Это не было в другом городе. Это было здесь. Он огорчился и не хотел. А я ведь там живу. Ну, невыгодный район, но я ведь там живу. Я показал паспорт с пропиской, и он мне показал документы, и по документам мы должны были ехать в разные стороны. Мне кричат – ты был прав, он был должен... Конечно... Хотя... тут действительно...

Мы уже столько лет предъявляем свои смешные претензии. Кто должен? Что его вынуждает меня везти? Если бы он меня просил. Это же я их прошу: отвезите, отпустите, продайте, их же мои деньги не интересуют. Он ничего от меня не хочет, а я его останавливаю, чего-

то кричу, прошу ехать со мной... И уже столько лет мы кричим, а они едут, что я в восторге от незыблемости, от ощущения огромной прочности, которая вселяет надежду, что жить можно припеваючи, если проникнуть, понять и ехать туда, куда он едет, и быть голодным, когда столовая открыта, и в очереди учить английский, в приемной вязать, на работе готовить наживку, утром ужинать, вечером делать зарядку, чтоб попасть в систему...

Мы же должны когда-нибудь встретиться.

Теперь она... Мне действительно нужны были штаны этого размера. Я же не шутил или там издевался... но штаны мне нужны... как же без них... вернее... хотя... Нет, все равно тяжело. Я ей показал сантиметр. Ну действительно сорок восьмой, третий рост. И такой размер у миллионов, а штанов было сто. Она мне показала документы, и по документам я без штанов совершенно официально ушел домой. Я хочу объясниться, чтоб меня правильно поняли наверху: штанов много, их очень много, в случае катастрофы их хватит на всех... Просто нет тех, что подходят...

Я опять хочу, чтобы меня правильно поняли наверху: такой размер, какой мне нужен, тоже есть, только нет тех, что подходят. Это буквально незначительный процент от всего огромного процента, что есть, и я ношу те, что не подходят, и с удовольствием. Они приятны тем, что внутри них можно двигаться какое-то время, пока тронутся они, и в карманы, не искажая формы, помещается до двух килограммов картошки... И я доволен, если б... не женщины у нас на работе. Я одинок... Мне, чтоб подойти к даме, столько нужно преодолеть... а в тех штанах... они такой тон вызывают у них, что я уже не приподнимаюсь, нужно, чтоб кто-то поговорил с женщинами, это они толкают мужчин, чтоб... очень по размеру или по фигуре... Но чтоб одеть по цвету и размеру, надо сразу жить нечестно. И пусть не притворяются, что они этого не понимают... и нужно с ними поговорить... они хотят красоты. И тут... хотя надо... Это же... Но все-таки... честность прежде... хотя тоже неизвестно почему... но ведь... может быть, это не должно противостоять, с ними нужно поговорить... хотя можно и не говорить. Может, они правы. Извините.

Пока меня не настигают сомнения, я могу что-то сказать, потом, как нахлынут – и там, и там, и все правы... Я бы не мог командовать людьми... этих освободить, тех посадить, потом тех посадить, этих освободить. Я как-то не хочу вмешиваться в чужие жизни, я хочу прожить, не огорчая других; честно это или нечестно, порядочно или нет – не мне судить. Но уж если живешь, то и лечиться надо. Ну я же не знал, что, входя к ней в кабинет, нельзя дверь широко открывать. Она сразу сказала: «Почему они все за вами?..» Я сказал: «Как же... действительно... что за черт». Она сказала: «Я же только до двух, что, в регистратуре не сообщают?» Я сказал: «Действительно... что же это... черт... как же?..» – «Ну я приму еще троих, а куда денутся остальные? А?..» Я сказал: «Действительно... черт... ну, как же... что же... вот черт... да...» – «А почему они все ко мне? У нее же меньше людей!» Я сказал: «Ну да... черт... действительно...» – «Это где же вас так лечили? Это же безграмотно». Я кивнул. «Вам что, прогревали?» Я кивнул. «Ни в коем случае. Чем же вас теперь спасать? Поднимите рубаху! Боже, опустите быстрее. Я буду звонить. Они начали, пусть они доведут до конца!»

Она долго звонила. Они долго боролись, чтоб меня не лечить, но отбиться нам не удалось, и она меня лечит.

Я все-таки хочу, чтоб меня правильно поняли наверху: она права. Они же действительно меня безграмотно лечили, а потом направили к ней, потому что она хороший врач... Но ведь и у плохих кто-то должен лечиться. Пусть и выкручиваются. А я бы сдох у них на столе. Вот бы они затанцевали. У врача, который меня лечил, на руке была татуировка: «Не забуду мать родную!» – и говорил он: «Это наш главный терапевт». А чем его наказать, кроме как умереть у него на столе?.. Сколько нас должно у него умереть, чтоб он перестал поступать в медицинский институт? А прокурор правильно кричал: вам только позволь, и вы помчитесь к хорошему врачу, и он заживет как барин, и дом его будет выделяться богатством и огнями, и станет он

жить не нашей жизнью, а это еще хуже, чем хорошо лечить. Так что давай оставим пока так, как есть. Очень тяжело менять, ничего не меняя, но мы будем...

Вот так я живу, огорчая незнакомых. И документы у меня огорчительные, там что-то невероятное: техотдел, сектор. Ни пройти, ни выйти как следует и уж точно никуда не войти. Какой-то постовой сказал, что проверяет всех подряд, ищет ректора и медика для дочери. Мой документ его взвинтил. И я тихо продвигаюсь к завершению, огорчая и расстраивая. И думаю... ну, думаю же... Чтобы выиграть сражение, надо спасти раненых, нельзя их бросать, иначе здоровые, видя свои перспективы, не выйдут из окопов, жить все-таки хочется!

Кто захочет стареть, видя предрассветную очередь пенсионеров? Кто захочет быть мамой и, не переводя дыхания, бабушкой без вида на отдых в самом конце? И никто не захочет умирать, видя, какие дикие хлопоты он развернет перед родными, где горе расставания меркнет перед радостью окончания работ. И пусть меня правильно поймут наверху: путь к веселью трагичен, но мы его прошли. Вот и будем бегать, чтоб не появляться в поликлиниках, будем придумывать себе работу, чтоб у делового верха был достойный низ. Будем меньше есть, чтоб не торчать в ресторанах. И, предвидя борьбу за место на кладбище, будем жить и жить вечно, сверкая препятствиями и трудностями, переделанными в шутки и куплеты. Ухожу, пока меня не одолели сомнения и правильно понимают наверху.

Саша, Саша, Саша

Заводы из-за него дерутся, из-за одного маленького! Саша-Саша! Гений! Слесарь-сборщик! Маленький, кудрявый, веселый. Ко мне – дядя Миша! А из-за него всякие драки! Гений!

Чертежи с листа читает, руками металл чувствует, люфты, припуски на ощупь определяет, Саша-Саша-Саша. Ненормально гениальный человек.

Любая машина, придуманная в любом КБ за гроши, у него сочленяется, собирает он ее, гад, сволочь! Как? Никто не знает! Как вал вдвое большего диаметра вставляет в это отверстие вдвое меньшего диаметра? Сажает станину посадочным местом, где ни один размер не сходится, и действительно соединяется. Во гад-гений!

Те конструктора, что на очень низкой зарплате сидят, все это придумывают, денег не жалеют, чтоб только посмотреть, как ихнее вот это все сочленилось. Все к нему. Он кормилец наш. Если он соберет, то это КБ, КБ вот это и весь завод зарплату получают. Банк денег людям даст на расходы. Хр-тьфу! И зовут его Саша-Саша-Саша!

Его и переманить нельзя. Зарабатывает, сколько скажет. Все скинемся – ему дадим. Он и выпить может, и женщине отказать... Он жене отдает половину заработка. Так та ж и не догадается, потому что его половина – наших три, а тех кабэвских – восемь. И когда завод в прорыве, а это почти всегда, и надо платить рабочим деньги, с машиносчетной звонят женские голоса: «Саша, Саша, пусть Саша придет машину посмотреть». Саша! Он же с пустыми руками туда не идет. Столько на этой станции сердец перебил. И веселый, как черт. И пьет – не меняется, что редкость.

У него две квартиры – одна своя с женой, другая не своя с бабкой за пятерку, которая только и знает, что собирать на стол и расстилать кровать. А что, и недостатки у него красивые, богатые недостатки. И лет ему тридцать, и объездил он всю страну и кое-что еще, отчего загорелый, мерзавец, всегда!

Там, в медвежьем углу, он налаживает неналаживаемый агрегат, тот стучит и работает. Продукцию еще не дает. Тут неважно, чтоб давал продукцию, важно, чтоб работал, и он работает. И замолкает только на пятый день или даже на шестой, когда подписано, съедено, выпито. А что ты тут сделаешь? Тут одного такого Саши мало! А других таких нет. Он один может это собрать, у него одного вращающийся рычаг не попадает по станине через раз, не подчиняется закону Ньютона.

Ему же главное запустить, подписать, чтоб заплатили тем конструкторам и технологам, чтобы ихние силы поддержать и сообразительность. Ему же их жалко.

И директор ему говорит: «Саша-Саша-Саша. Понимаешь, эти же там в Москве говорят, что они хорошо придумали, мы подтверждаем. Мы там говорим, что мы хорошо сделали, они подтверждают. Наш сверлильно-строгальный агрегат едет на Всемирную выставку передовых идей. Ты будешь возле него столько, сколько будет выставка. Руку от него не отрывай, тебя там кормить будет руководитель поездки ложкой, и звони мне в любое время, потому что ты у меня один, мы все в золотых твоих руках, чтоб тебя... Саша, Саша, Саша...»

Как жить, чтобы жить...

Первое. Главное – не заболеть. Болезнь поставит вас в тупик. Лекарства, больницы, коридоры. И вам будет не до чтения этих размышлений.

Второе. Стараться сохранить чувство собственного достоинства. Для себя. Оно действительно никому не нужно, это не анекдот. Оно не нужно даже вам. В местах, где надежность человека определяется именно отсутствием собственного достоинства, оно выглядит дико. Как принято говорить, вас никто не поймет, и будут урезать зарплату до тех пор, пока вы не уедете в тайгу. Непонятно, почему это так, не скажу, преследуется, как изживается. Почему так ценится готовность поддакивать, совсем не свидетельствующая о готовности сделать или даже о попытке посоображать на заданную тему. Сохранить достоинство можно только уходя. Уходя домой. Уходя от телефона. От книги. От газеты. И все-таки. Его надо пытаться сохранить, потому что у многих есть дети.

Третье. Появилось довольно много противозачаточных средств. Ими надо пользоваться. Это предохранит от многого. В частности, от вопросов: «Папа, почему?» Учительница в школе, а дети во дворе. Аплодисменты на собрании и шипение на диване. «Почему, папа?!» Действительно, папа? Что там у тебя, отец? Дети во дворе одинаковые или разные?.. Это что, факт, о котором ухо слышит, а глаз не видит, а потом глаз видит, а ухо об этом ничего не слышит? И что значит вообще – дома одно, а в школе другое, а в жизни третье? И почему ребенок должен говорить с космонавтами по бумажке, как будто они его не поймут или не простят? Или он говорит не для себя и не для них, а для третьих? А всем третьим нужны именно эти слова, свидетельствующие о том, что все в порядке среди детей? Отсюда вообще появляется соображение, что все мы участвуем в телепередаче для кого-то. Говорим и играем, и кто-то это оценивает. Сказать, что мы это делаем, можно сказать, что мы привыкли, нельзя. Детей стараться не иметь.

Четвертое. Конечно, читать вечерами. Только – что читать? Невиданный интерес к книгам. «Королева Марго», «Граф Монте-Кристо». Загадочные убийства, легкая любовь... Трудно рекомендовать тяжелую классическую литературу. Будит мысль, будоражит душу, напоминает о достоинстве, уважении независимости, выводит на улицу с горящими глазами – и тут же ставит в неловкое положение. Джоконда. Произведение гения, не говорящее ни о чем, кроме его гениальности, о чем и так широко известно. Музеи, выставки золотых украшений. Положительная черта нашего общества – полное непонимание драгоценностей. Женщина, украшенная бриллиантами, широко исчезла с улиц и площадей. Выставка мод напоминает чарующий сон. Вечерние туалеты зовут куда-то, куда не войдешь в пальто и ушанке, а у нас как-то вечерняя одежда от дневной не особенно отличается. В общем, вкус к драгоценностям утрачен, и не надо беречь. Украшением женщины стали парик, серьги, обручальное кольцо и плащ. Мужчины этим всем восторгаются, так как понимают трудности и так далее. Именно ввиду этих трудностей женщины делятся просто на молодых и старых. Встречаются особи, под чьим-то давлением сшившие себе вечерние туалеты по силуэтам Дома моделей. Но ввиду того, что в этом туалете не пойдешь в ЖЭК, в магазин, в театр, в клуб, не сядешь в такси, в туалете приходится сидеть дома. А это неудобно физически.

Пятое. Не знаю, что посоветовать насчет телевидения. Его, конечно, надо иметь. Ну, бывает же у нас справочник, в который надо заглядывать. Если при включении в вас снизу вверх ничего не пошло, если вы не скорчились на кровати, смотрите дальше. Все, что там показывают, полезно, и хорошее, и скучное – полезно, как полезна зубная боль. Она вам показывает – вот здесь, вот здесь. Если бы вы посмотрели, какая масса людей делает эти передачи, какая масса их просматривает, вы бы еще больше оценили пользу от ТВ. Оно четко и железно

показывает, насколько один человек талантливее коллектива... Особенно мужчины-дикторы. О чем они думают? Ладно, быт заедает каждого.

Шестое. Выражение «У каждого свои неприятности» сейчас теряет силу. Ибо они какие-то общие. Как сердечно-сосудистые заболевания. Разница в причинах, положивших вас в отделение, незначительная – НТР, ИТР, ДНК, СНС. Короче, общение. Стараться не общаться. Поменьше выходить на улицу, невзирая на риск удлинения контактов с телевидением. Накаленность возникает не от людей, но прорывается на людей. Затрагиваются вопросы интеллигентности, внешности. Прекрасно понимая, что не эти причины горячат, дискутирующие накаляются все больше, уже в лицо одному человеку в очках и шляпе выплескивается все, о чем мечталось жаркими ночами. Сознание его невинности только подхлестывает. В таких случаях необязательно сидеть дома. Практикуется выезд в степь, выезд на плотках, подъем к чертовой матери в места зарождения ледников. Оббеги родных кварталов. Хотя от себя не убежишь, но от коллектива можно. Плохо, что шесть-восемь одиночек на плоту снова приобретают все качества коллектива, то есть невозможность индивидуальных действий, коллективные решения и так далее. Тем не менее родная природа – подчеркиваю, родная – одно из трех физических удовольствий. Остальные два совсем гусарские. Находятся желающие объединить все три. Я бы посоветовал пользоваться каждым в отдельности. Лучше смакуется и втрое дольше тянется.

Седьмое. Что такое жить напряженной духовной жизнью? Трудно сказать. То ли изучать труды древних греков, расшифровывать надписи на скалах или в лаборатории – над новой тканью или порохом. А если даже нейтроны, протоны? Это называется духовной жизнью? Может быть, шахматы. Или уединение, самосовершенствование. Жажду встретить человека со следами напряженной духовной жизни на лице. О местонахождении прошу сообщить.

Восьмое. Укреплять ли здоровье, чтобы дольше жить? Вопрос интересный. Бегать от одного, другого, третьего – так сказать, от всего... Очень долго жить тоже не всегда приятно. Есть как-то установленный государством предел, средний опубликованный. Стоит подумать об обремененных родственниках, ЖЭК ждет. Интерес к долгожителям гораздо выше заботы о них. Всем любопытно, когда они родились, и никого не интересует, где и почему они, невзирая на всеобщее внимание... Лучше повести дело так, чтобы вместе со всеми. Из-за чего-нибудь по службе или еще красивее – от взрыва на нефтеперегонном заводе.

Девятое. Можно уйти из жизни раньше и безболезненней. На фоне общей борьбы за качество приятна одинокая фигура, освещенная свечой, рассматривающая свое богатство – эмалированные значки. Все это видится на чердаке или в подвале, так как сияющие глаза требуют уединения. Это не алкоголизм, не случайные связи. Аккуратно, морально, похоже на работу в саду. Сборы марок, пластинок, книг, картин, коньяков требуют денег и вскоре смахивают на спекуляцию, ибо законы частного рынка жутко вторгаются в государственную сферу, когда вариант – цена рубль, но товара нет, уступает варианту – цена десять, но товар есть. Не знаю, как для экономики в целом, для частного лица наличие товара главнее наличия денег, ибо деньги нельзя есть и надевать на ноги. Но это частное наблюдение. Покупать картины у художников бессмысленно: неизвестно, что будет с вами, что будет с художником, что будет с квартирой. И вообще, картины плохо выглядят в малогабаритных квартирах, отсюда полное исчезновение меценатов, оттуда полное одичание художников, имеющих вид святых. В театр можно не ходить. Считается, что искусство ставит вопросы, а не отвечает на них. Современный театр ставит вопрос, так погружая его в глубь старой пьесы, что ухватить за кончик может только специально подготовленный, тренированный человек, свободно читающий и говорящий между строк. Это, как правило, артист того же театра – самый благодарный зритель.

И в-десятых. Все хорошо! Еда есть. Одежда. Тепло зимой и жарко летом. Черное море и небо. Песни, женщины, которые прекрасно живут, и озабочены, и устраивают детей, и борются с мужьями. Есть кино, есть работа, есть люди, которые живут теми же заботами

и гомонят, как чайки, вокруг нас, так какого же вам черта читать все это, когда бьют часы и пора куда-то?!

Прочерк

Звонят из городской творческой организации, просят написать приветствие к шестидесятилетию секретаря.

- Найдите какие-нибудь очень теплые слова. Вспомните что-нибудь очень хорошее.
- Я не могу. Я недавно. Подскажите.
- Мы, к сожалению, тоже не можем.
- Он трудолюбив?
- В том-то и дело.
- Ленив?
- Очень трудолюбив. Если что хорошее прорывается – только в его отсутствие. А это все реже. Он сидит днем и ночью.
- Может быть, хорошо выглядит?
- Да нет. Желтый, бледный. Ночами сидит.
- Может, написать, чтобы красиво отдохнул, дал другим поработать?
- Нельзя. Он поймет.
- Ну что писать? Может, самостоятельно решает?
- Да нет. Бегаёт, согласовывает каждый шаг.
- А если об этом так приятно упомянуть – мол, не один?..
- Он догадается.
- А если написать, допустим, что оратор блестящий?
- Он поймет, что не о нем.
- А если сказать о счастье в семье?
- Поймет.
- Жёну похвалить?
- Обидится.
- О детях?
- Нельзя упоминать.
- А может, почерк хорош, фигура, любим в коллективе?
- Поймет.
- Сказать, что очень рады присутствовать, что все были счастливы служить под его?..
- Поймет.
- Давайте скажем, что не дурак.
- Это к шестидесятилетию?
- Он добрый?
- Нет.
- Злой?
- Нет.
- А какой?
- Никакой.
- М-да... Может, поступки какие-нибудь совершал?
- Что-то не припомним. Его же потому и держат.
- Какой-нибудь свой взгляд высказал? Точку зрения? Мнение?
- Ничего не вспоминается. Вы пока напишите что-нибудь теплое. Абстрактно. Мол, шестьдесят лет – в такой прекрасный день, в таком прекрасном месте. А там, где о нем, ставьте прочерк. Фамилию и две-три черты. Мы вставим сами. Мы тут узнаем. Может, в молодости что-нибудь индивидуальное...

И оставьте второй экземпляр на семидесятилетие на этом же посту.

Сутки, сутки, сутки *Суточный репортаж*

Сутки мои таковы.

Усыпание с засыпанием. Короче, выпадение из дня и переход в настоящую жизнь во сне, где я сильный и нормальный и много пытаюсь сделать, хотя мне что-то мешает.

Этот переход происходит в три часа ночи.

Выход из этого прекрасного состояния – в десять.

И с десяти до половины одиннадцатого – о женщинах. Воспоминания, представления и, боже мой...

С десяти тридцати начинаю видеть окружающее.

Преодолев первый приступ тошноты, умываюсь, бреюсь, чищу оболочку этого.

Еще один приступ тошноты.

Еда. Ну, это...

Уже хочется выпить!

Особенно отвратителен стол с этой ручкой и этой бумагой.

Особенно отвратительно то, что я должен на эту бумагу.

Шатаюсь вокруг, используя мелкие уловки, чтобы не сесть.

Даже газеты.

Даже читаю каждую, хотя для этого хватило бы...

С решимостью больного сажусь.

Бред.

Ложусь.

Снова сажусь.

Снова ложусь.

Бред.

Ложусь.

Боже мой! Я пишу о том, как отвратительно этим заниматься.

Особенно когда нет мыслей, особенно когда два года назад после ангины пропал юмор. Когда веселье ушло вместе со здоровьем, когда сюжета не было и нет, когда литературы нет, а есть слова, и вообще незачем относиться к этому серьезно и наконец осуществить мечту и вернуться в порт, откуда, осуществляя мечту, ушел добровольцем в литературу. И получил насос внутри! Почему же я не могу залезть с утра в кабину и вылезть в семнадцать два нуля?

И честно вытереть руки.

И честно грохнуть перед счетоводом: «Дашь аванс! Т-твою!»

И ребята рядом крепкие. Без особого такого... Коллектив.

Я за всех в ответе, как все за меня. Значит, плюю на все и в ус не дую.

Особенно по международному положению.

Я стал свободен.

Я стал одинок.

Я раскрутил свое здоровье.

Я не люблю своих гостей.

Пишу о том, что мне не пишется.

И пишу об этом все оживленнее.

И хрен с ним, как мне не пишется.

И хрен с ним, как мне не живется. Это не должно занимать чье-то внимание.

Хотя это мне мешает.

Это мне мешает любить других. Объяснять – поймет один.

Вот этим я и занимаюсь до девяти вечера.
Потому что уже вечер.
А кто-то посредине приходил.
Больше не придет. Обиделся.
Выхожу вон. Где, кстати, воздух, и звезды в черноте, и холод.
И я возвращаюсь.
Я читаю.
Всяких умных.
Всяких сложных.
Разных тех, кому это удавалось.
И они постепенно переводят меня в жизнь сна.
Где я до десяти. Бегаю, говорю с отцом и всеми, кого нет.
Потом полчаса – с женщинами.
А с одиннадцати я переживаю тошноту и отвращение, охоту к переменам.
Живя так, думаешь о смерти очень просто.
А что такое жизнь?

Не сбылось

Его впервые не напечатали в 1958 году, и с тех пор это продолжается непрерывно, вызывая все возрастающий интерес читающей публики, где с каждым годом появляются новые поклонники, новые интересные лица. Книги его массовыми тиражами не вышли в около сорока странах мира, в том числе на испанском, английском и даже на турецком языке.

Сколько замечательного уже не опубликовано, сколько еще предстоит не опубликовать. Многие любят эти непечатные творения за красоту слога, лаконизм, неожиданные повороты неопубликованных мыслей, за парадоксальность, так счастливо не увидевшую свет.

Квартирная выставка произведений имела большой успех. Посетители подолгу простаивали перед черновиками в красивых деревянных рамках тоже ручной работы, вчитываясь, всматриваясь, вслушиваясь в эти строки, и выходили в конце осмотра, вытирая дружеские слезы.

«Телеграммы со всех концов земли, цветы, поздравления на столе юбиляра могли бы богато украсить сегодняшний день», – посмеиваясь, думал он, выбрасывая колоссальное ведро с мусором под праздничный перезвон колоколов.

Логическим завершением явилась большая статья о его творчестве, не появившаяся в этот большой праздник, не состоявшийся в этом году.

Стиль спора

Хватит спорить о вариантах зернопогрузчика. Долой диспуты вокруг технических вопросов.

Мы овладаем более высоким стилем спора. Спор без фактов. Спор на темпераменте. Спор, переходящий от голословного утверждения на личность партнера.

Что может говорить хромой об искусстве Герберта фон Караяна? Если ему сразу заявить, что он хромой, он признает себя побежденным.

О чем может спорить человек, который не поменял паспорт? Какие взгляды на архитектуру может высказать мужчина без прописки? Пойманный с поличным, он сознается и признает себя побежденным.

И вообще, разве нас может интересовать мнение человека лысого, с таким носом? Пусть сначала исправит нос, отрастит волосы, а потом и выскажется.

Поведение в споре должно быть простым: не слушать собеседника, а разглядывать его или напевать, глядя в глаза. В самый острый момент попросить документ, сверить прописку, попросить характеристику с места работы, легко перейти на «ты», сказать: «А вот это не твоего собачьего ума дело», и ваш партнер смягчится, как ошпаренный.

В наше время, когда уничтожают вредных насекомых, стерилизуя самцов, мы должны поднять уровень спора до абстрактной высоты. Давайте рассуждать о крахе и подъеме Голливуда, не видя ни одного фильма. Давайте сталкивать философов, не читая их работ. Давайте спорить о вкусе устриц и кокосовых орехов с теми, кто их ел, до хрипоты, до драки, воспринимая вкус еды на слух, цвет на зуб, вонь на глаз, представляя себе фильм по названию, живопись по фамилии, страну по «Клубу кинопутешествий», остроту мнений по хрестоматии.

Выводя продукцию на уровень мировых стандартов, которых никто не видел, мы до предела разовьем все семь чувств плюс интуицию, которая с успехом заменяет информацию. С чем и приходится себя поздравить. Прошу к столу – вскипело!

К Новому году

Тысяча девятьсот семьдесят девятый год. У каждого день рождения, каждому что-то исполнится в этом новом, еще одном году. Кому исполнится семь – надо думать о поступлении в школу, кому семнадцать – в институт и еще успеть на танцы. Кому двадцать два – надо зажмуриться и, появившись на заводе после института, услышать первые жуткие слова: «Мотор не заводится!» Боже мой, а мы этого не проходили.

В двадцать пять можно жениться и познакомить маму с этим человеком. В тридцать нужно жениться. В тридцать один вас называют по отчеству и вы вздрагиваете. В трамвае вам сказали: «Дядя», причем такой же здоровый лоб, как вы. В тридцать два можно взять начальство за горло: повышай, мне уже тридцать два. А кому исполнится тридцать три, тому вообще интересно. Вам уже тридцать три, вам еще тридцать три, справа налево тридцать три, слева направо тридцать три. Возраст Христа. Его распяли, и вам надо торопиться. В тридцать четыре надо делать. В тридцать пять надо делать. В тридцать семь надо делать. В сорок кое-что должно быть сделано. Но возраст чудесный. Жена, дети, теща, еда. Все молодое, все свежее, все только-только. «Иван Павлович, вас зовет начальник отдела». – «Хорошо!»

В сорок пять надо уже не торопясь, но основательно. То есть и основательно, но не торопясь. Дети большие и жена. На работе: «Иван Павлович, вас приглашает директор». Пригласает. Жажда видеть. Вам пятьдесят. Уважение. Дети взрослые и жена. Если еще не женились – бегом. Тут уже раздумывать некогда. Кто-то крикнул, и – бегом. На бегу будете думать. И быстрее, быстрее туда!

Пятьдесят пять! Солидное положение. Кем бы вы ни были: рабочим, продавцом, директором – уже все. Вас уже все! Уже уважают! «Как сказал Иван Павлович. Иван Павлович этого не любит. От этого у Ивана Павловича кашель». Если вы еще не женились – мгновенно. То есть молнией. Где вдова? Кто? Где? Быстро, бегом, и думать на бегу не надо, надо добежать! В шестьдесят на работе – здорово. Все встают. Дома все встают. Внуки в школе. Дети деньги приносят. Если вы еще не женились – не торопитесь. Может, и не надо. Неизвестно, на кого нарвешься, какая бабка достанется. Может, она вскрикивает по ночам.

В шестьдесят пять на работе – вообще! На улице – вообще! Дома?! То есть о-очень! Краны заверчены, газеты выписаны. Если вы еще не женились, уже не надо. Концентраты достал, раздавил, перемешал и на слабом огне довел до кипения. Курица берется «ПП», полупотрошенная, оттаивается в ванной, кладется в кастрюлю и опять на слабом огне. В шестьдесят пять кого хочется можно довести до кипения и на слабом огне. Торт из черных сухарей со сгущенным молоком. Рассольник в авиаконверте Мукачевского завода кожаменителей по запаху и цвету не имеет себе равных. Порошок «Дарья» не требует усилий и подкрахмаливания, а подсинивание вам уже не нужно. Каждое утро стучите к соседям в знак того, что вы себя хорошо чувствуете. Если стук прекратился, пусть прибегают. С чужими детьми играйте недолго, не нарывайтесь на скандал. Пощекотал и пошел к себе... или от себя... Или вообще... Радость в том, что никого не интересует, куда ты пошел. Дома, к счастью, тоже один. Теперь осталось сидеть и ждать своего счастья. Ждать осталось недолго.

А кому в этом году исполнится год, я завидую больше всего. С ними и поговорить интересно, и есть о чем. Агу, родной, ты вырастешь, и будут тебе автомобили, и все лекарства, и красивые темные очки, и туфли на шпильках, и библиотеки на роликах, и телепередачи в кассетах, и наш концерт ты будешь носить в кассете вот здесь. И прокрутишь тысячу раз, чтобы еще раз увидеть все это и нас всех. И понять, какими мы были и чего мы хотели. И может быть, скажешь: «Ну что ж. Они по-своему были хороши. Не так, как мы сейчас, но по-своему...»

А теперь смотай все это, спрячь и будь счастлив в этом самом Новом, еще одном году!

Сын мой неосуществленный

Сын мой неосуществленный. Итак, что тебе взять у беспутного отца, покорителя маленьких компаний и больших розовых женщин?

Нерожденный сын мой. Нам гордиться нечем. Рад бы посадить тебя на диван, показать на шкаф, набитый книгами, и сказать: «Смотри, сынок. Отец не будоражил и не бузотерил понапрасну. Все эти три полки он написал крупным стремительным почерком. А ты, негодяй?!»

Или показать на шкаф, набитый черепами черепах, и сказать: «Смотри, сынок, твой отец. На его ракетах летает второе поколение космонавтов. Его формулы используют, чтобы засеять рис, по его чертежам делают кесарево сечение. На кого ты похож? Развратен и гадок. Фу! Да ты пьян, и опять эта девка за дверью...»

Или разгрести кучу детей и вызвать старшего: «Смотри, сынок, сколько твоих законных братьев, а ты? Тебе уже сорок. В кого ты, сынок? Фи! Да ты опять пьян. И уже другая девка под дверью. В кого ты вырос, бандит?»

В меня, сынок, и ни черта ты не откроешь и не напишешь. И не родишь, как не родил я. И я опять пьян, и эту девку ты не знаешь.

И вообще, сынок, выйди-ка и оставь нас, если вообще хочешь появиться на свет.

Падает снег

Для Р. Карцева

Когда разрывается душа, когда бело и белеет за окном.

Сыплет и сыплет.

И тихо в квартире, и мягко сыплет белым, и голые прутья веток качают головками в белых папах.

Красная ягодка рябины в шапочке.

Падает снег.

Тепло у меня.

Что-то в приемнике потрескивает и превращается в музыку и женский голос.

Только нужно еще тише...

Падает снег.

Воробьи встрепанные заглядывают мне в глаза.

Я – им. Взаимное недоверие.

А я бы их пригласил погреть красные лапки и почирикать...

А снег летает, летает, прежде чем упасть и покориться.

Все бегут по снегу.

Я дома сижу. Все это переживаю.

Играют все, носятся, кричат, лают, прыгают.

Я все это переживаю.

Умом постигаю изнутри. Системой.

Остаюсь в милой неподвижности.

Работаю в тепле воображением...

Следы моих комнатных туфель на снегу.

И если выскочить из них и темпераментно помчаться дальше, оставляя как минимум рубчатые следы носков, а потом в заводе и из них выскочить и помчаться еще, оставляя нижнюю пятерню, стопу за стопой, стелющимся шагом и криком, затухающим вдаль.

Падает снег.

Голову нести осторожно.

Не расплескать на бегу кипящую массу недовольств, обвинений, проклятий, сарказма в сосуде из скуки...

Падает снег.

Ложится сверху и укрывает черное, израненное, поваленное, измученное.

Что-то в общих чертах проступает.

Можно и не угадать, что там творилось в жаркую погоду.

Победители, побежденные лежат укрыты.

Тишина. Гладко. Холодно. Светло...

Падает снег.

Что-то там происходило.

Да и что-то еще происходит.

Поздно.

В кепочках белых плодики...

Под снегом города и концертные залы.

Гладко все сверху, а снизу ничего не видеть.

Снег падает.

У меня зима...

Мне показалось

Освобождая всех от ответственности за мои высказывания, выражаю личное мнение о будущем, имея в виду что-то вроде конца XX, начала XXI века. Итак, что мне показалось этим жарким летом: дружба будет торжествовать повсеместно. Под этим будет пониматься что-то иное, чем сейчас, но в ней будут искать опору и утешение. Любовь исчезнет в связи с исчезновением личности. Слово «любовь» в теперешнем понимании будет использоваться юмористами. Секс притупится. Он будет более интимным, чем рукопожатие, но не потребует столь строгого уединения. Для его возникновения потребуется гораздо больше времени... Поцелуи скрываться не будут и вытеснят рукопожатие. Интимное сближение обозначит начало, а не конец знакомства.

Супружество сохранится в виде состояния в штате на договорных началах. Требования к супружеской верности, изредка упомянутые в телекомедиях, уже не вызовут смеха, как очень старый анекдот. С моногамией будет покончено еще в XX столетии. Секс очень помолодеет, сократится, примет спортивный характер. Его начало и конец где-то 14–51. Эротика будет поощряться сверху, от этого потеряет популярность. Некоторые болезни будут ликвидированы: сифилис, пневмония, астма, взамен появятся другие – от лекарств, ликвидировавших предыдущие. Опытное население станет избегать врачей с образованием. Процесс обезличивания среди них завершится к концу века. Лечение будет дорого стоить. Редкие врачи станут еще богаче. Посещение больных родственниками прекратится.

Лица со средним физическим развитием исчезнут. Прохожие будут делиться на культуристов и физически недоразвитых, высмеивающих их. Стройность женщин сохранится, но необходимость вызывать огонь на себя приведет к фантастической одежде, открывающей одну ягодицу, и так далее. Большое количество опросов населения, создание комиссий без публикации выводов. Опросы без выводов породят лживые ответы и замкнутся. Правда исчезнет окончательно. Жизнь, как ни странно, будет продолжаться. Оратор и аудитория будут говорить на одном языке, прекрасно понимая, о чем речь, и не о том. Истины слышно не будет, но она будет известна. Уже не будут правду говорящие вызывать страх, в них будут видеть городских идиотов и покровительствовать: кормить, давать что-то из одежды...

Огромное число ученых, живущих совершенно отдельно. Их никто не будет видеть. Об их существовании будут судить по синтетическому мясу, лазерному телевидению, пробирочным разнорабочим. Совершенно отдельный мир с открытиями, премиями, конгрессами. То же и со спортсменами: допинг обязателен. Процесс отбора младенцев для спорта завершится к середине XXI века. Дальнейшая мутация среди них с употреблением сильнодействующих препаратов приведет к средней скорости около тридцати километров в час, два метра семьдесят сантиметров в высоту. Сетки, корзины, ворота, клюшки, поле – будут подняты и увеличены вдвое. Специальные породы спортлюдей от вида спорта, уже родившихся с развитыми ногами или плечевым поясом. Команды не станут делиться на мужские и женские.

Литература приобретет устный характер и лаконизм. Вместо книг – кассеты с веселыми текстами. Писатели исчезнут. Останутся ученые, острящие для слушателей. Живопись в виде цветковых пятен, поэзия в виде эпиграмм. Для слуха – тексты к песням. Музыка электронная звучит непрерывно, управляется диспетчером. Так же и будильники. Строго централизованы. Из черт характера – обязательность превыше всего. Деликатность исчезнет из-за бесполезности. Наглость будет настолько привычной, что перестанет добиваться таких успехов.

Еда – синтетическая, со слабым вкусом. По желанию – бодрящая или усыпляющая. Справки, резолюции через ЭВМ и грамматика исчезнут. Знаки препинания только в учебном мире. В мемуарах сами вспоминаемые наговарят отобранные собой цитаты. Космосу так и не найдут практического применения в мирных целях, и космонавты исчезнут. Осетры,

белые медведи будут кормиться с вертолетов и сбегаться на выстрел. Погоду можно будет менять. Хотя, чтобы разогнать тучи, потребуются долгое оформление и согласие со стороны поливальщиков.

Бюрократизм вообще станет неожиданным, воздействуя на отдельных лиц отключением мусоро- и водопровода. Прописка сохранится, но потеряет смысл из-за быстроты авиации, хотя самолеты будут грязными и будут падать. Управление авиацией – с земли. Случаи отказа управления с огромными потерями не вызовут таких огорчений, как сейчас. Вообще отношение к смерти выровняется. Максимум печаль, как сегодня на вокзале или в аэропорту. Быстрое сжигание с автоматическим выбросом таблички. Кладбища исчезнут.

Алкоголь – таблеточный, быстропроходящий. Аккумуляторные автомобили будут прожигать одежду и заряжаться розетками под домом. Усилиями ТВ пропадут ирония и юмор, хоть смех останется. Причины для его вызова самые простые.

Что исчезнет окончательно и будет цениться превыше всего – искренность.

Восьмидесятые

...Вернулся в Одессу, и со мной вернулись Роман Карцев и Виктор Ильченко. Если кто-нибудь не понял эту фразу, я повторю: со мной вернулись в Одессу Роман Карцев и Виктор Ильченко, хотя их никто не увольнял. В Одессе мы создали Театр миниатюр. Там грянула холера. Город был оцеплен карантином, репертуарная комиссия из Киева не смогла прилететь, и мы стали лауреатами Всесоюзного конкурса артистов эстрады. В те годы всюду к сатире относились подозрительно, а в Киеве в ней видели источник всех бед и неурожаяев, и мы бежали путем конкурса в Московский театр миниатюр. А мне помог комсомол, космонавты, все, кому я читал, кого веселил, кто открыто меня не поддерживал, но в душе присоединялся...

Почему мне так часто кажется

Почему мне так часто кажется, что они ошиблись. Они выдали паспорт не тому человеку. Просто не может быть... Сорок лет, и зовут Миша... И внешность – это все не мое. Должен быть где-то такой человек, которому это все предназначалось. Мне сейчас, по моим расчетам, что-то около двадцати восьми. Брюнетик. Среднего роста. Худенький. Глаза на все лицо. Довольно мускулистенький. Быстрый. Безо всякого морского прошлого. Я что-то закончил юридическое или географическое. Я более злой. Более четок и пунктуален. Обязателен более... Подвижен... Зовут не Миша, а Юра меня.

Я не пишу эту всякую чушь, я что-то читаю... И хожу окруженный студентами, хотя для двадцати восьми это и рановато, но я, вероятно, очень способный.

И все-таки главное – это другая внешность, и возраст, и имя. А если это все мое, то я занимаюсь не своим делом и мне еще предстоит поискать, хотя возраст для поисков неподходящий. Если я действительно не своих лет, почему мне так трудно с молодыми? Почему я облегченно вздыхаю, увидев обрюзгшую лысую физиономию с яркими признаками перепоя или пародонтозно-склеротической тоски, с шумами в сердце и свистом в легких. Куда я к этой развалине такой молодой и кудрявый? А эта развалина ко мне? И нас не оторвать. То ли он сейчас приступает к лечению того, от чего я вылечился. То ли я заболеваю тем, что у него уже было.

Если я молодой и сильный и меня зовут не Миша, почему от меня шарахается молодежь и весь дамский танец я непринужденно разговариваю, чтобы не замечать, как меня не приглашают?

Почему же я, такой молодой, не присоединюсь к этим троим с гитарой, а пробегаю, озачиненно хмурясь? И с маленьким котенком, забежавшим согреться, мне скучно через сорок пять минут. И если я такой молодой и красивый, почему задыхаюсь и вместо лыж опять сижу дома, и копаюсь, и вспоминаю?... И работу, и знакомых, и людей, людей, людей...

Откуда же у меня так много людей, если мне так мало?

И почему мама так постарела, Господи?..

И почему отец уже умер, и отчим?... И даже... И даже... мои одноклассники.

Нет. Очевидно, они не ошиблись, выдавая мне паспорт.

Да. Я примерно тот, что там указан...

Может быть, кроме внешности, имени и немножко все-таки возраста.

Да бог с вами, я довоенный... Но у меня есть своя радость.

Встретить другого такого престарелого сорванца, который думает, что они ошиблись. И объяснить с полным знанием дела, что такие ошибки бывают.

Я просто знаю одного такого, ошибочного.

Как я пишу?..

Как я пишу?.. Если бы я знал и мог объяснить, я бы преподавал в техникуме. Я сам не знаю. И не скромничаю, не дай бог. Не скажу, что часто спрашивают, не скажу, что много записок и писем приходит. Я думаю, что, перестань писать, – много вопросов не возникнет. Но иногда кто-нибудь подвыпьет и вдруг спросит: «И где это вы темы берете?»

Как будто он ходит в другую поликлинику.

Интерес к личной жизни работников искусств нам чужд. Я думаю, потому, что в личной жизни этих работников ничего интересного не происходит. Так что пишу я в однокомнатной квартире, там же и живу. Это Ленинград. Хотя до Ленинграда два рубля или час в веселой атмосфере общественного транспорта. До Москвы тоже час. Работаю в мелком жанре, рассчитанном на хохот в конце. Если слушатели не смеются, расстраиваюсь, ухожу в себя и сижу там. Чужой юмор не понимаю: в компанию лучше не приглашать... Ну, там, лысый, длинноносый. Тем, кто не видел, лучше не видеть. Тем, кто один раз видел, тоже не стоит повторяться. К женщинам интерес потерял ввиду большой сложности подходов на улице и отсутствия приходов ко мне.

Профессия так называемого сатирика наложила глубокий отпечаток на поведение. Глаза бегают, волосы падают, часто останавливаюсь и круто оборачиваюсь. Одет в серое, так что хожу вдоль стен. Куда-то тороплюсь, хотя на сером сверху не виден. Начитан слабо. На вечеринках молчу, дабы было что печатать. Дома ничего не делаю – отсюда прозвище Квартирант. Давно не танцевал, особенно – темпераментно, яро, с мычанием и подкатами. Мое поколение не танцует, то поколение, что танцует, нельзя назвать моим, хотя я к ним перебежал раза три, но всегда возвращался ввиду слабости здоровья.

Пишу коротко. Во-первых, все это можно сказать в двух словах. А во-вторых... Это для тех, кто меня не видел. Для тех, кто не желает видеть, имею отдельный разговор.

Жлобство – это не хамство

Жлобство – это не хамство, это то, что образуется от соединения хамства и невежества с трусостью и нахальством.

Жлобство, простите, так присущее многим из некоторых, которых мы часто встречаем порой и страдаем от этого.

От голода голодаем, от болезни бодем, от холода мерзнем, от жлобства страдаем.

Если, конечно, вам не повезло и вы тихий, вежливый, исчезающий от прозвищ и частых упоминаний матери...

Поздравим себя – все меньше удовольствия хаму, все уже поле его деятельности.

Наша берет.

В чем был его кайф?

Изрыгнуть внезапно, чтоб у всех отвисла челюсть и попадали руки.

Чтоб посинели лица в безумных поисках ответа.

Было такое.

В пору пребывания в толпе мягких, воспитанных дам-с, юристов-с.

Но, слава богу, эти времена прошли.

Теперь хам получает повсеместный ежедневный отпор.

Бледнеть некому-с.

Хрупкая скрипачка в автобусе оборачивается и врезает между ртом и глазом матросу-сантехнику так, что тот на глазах корежится, жухнет, пускает жуткий синий дым и сваливается в сугроб.

Две нежные школьницы самого субтильного возраста и вида так шарахнули матом в ответ на короткое слово дремучего алкоголика, сопровождающее предложение отойти, что, не дослушав полностью ответ девочек и получив портфелем с коньками по голове, мужчина сошел через закрытую дверь.

Поздравим себя – публика перестала распадаться на выступающих и слушателей. Едины все участники дорожного движения.

Наличие в руках фагота или Ромена Роллана не дает хаму возможность надеяться, что перед ним интеллигентный человек.

Усиленные занятия карате и знание мата без словаря приближает час всеобщего трамвайного равенства.

Нерадивость породила дефицит, дефицит – воровство, воровство – хамство, хамство – нерадивость, которая породила дефицит. Отсюда и выход из замкнутого круга, который должен быть, но его надо искать.

А пока в преддверии исчезновения хама как отдельной личности его успешно заменяет отдельный коллектив.

Трудности кино

Очень большие трудности у киношников. Самые большие, жуткие трудности у киношников. Прямо не знаешь. Требования к достоверности возросли, а танков старых нет, маузеров мало. Фрак народ носить разучился. Хамство и грубость в Сибири как раз получаются ничего, а образование в Петербурге не идет пока. Аристократизм в Петербурге пока не идет. Если герой просто сидит – еще ничего, а как рот откроет – так пока не идет. Или там собственное достоинство, вот эта неприкасаемость личности...

Чувствуется, что ему рассказывали. Может, требовали, ругали, зарплаты лишали, по больничному не платили. Ну чтобы сыграл он чувство этого достоинства. И, видимо, хочет: и голову поднимает, и на цыпочки, и выпивает, чтоб укрепиться, но еще не знает как.

Женская гордость – так, чтоб без мата, изнутри... Ну, еще когда лежит, укрывшись простыней, диктор говорит: «Гордая очень». А когда откроется, так еще пока не доносит – вздрагивает, косится, и это еще чувствуется.

Граф английский – тоже неловко, боком, все боится войти к себе в замок. Ну если пиджак от шеи на четверть отстает и шейка как пестик в колоколе, как же ты аристократизм покажешь, если штаны и пиджак надо непрерывно поддерживать?! Или руку королеве целовать, или панталоны держать. И руку пока еще надо у нее искать: она тоже пожать норовит.

Еда не дается пока. Вот не само глотание, а еда как трапеза. Старух на консилиум приглашали, но и они подрастеряли искусство еды: тоже норовят целиком заглотнуть и еще – в сумку. А это реквизит.

И старики подзабыли ходьбу такую, чтоб пиджак не двигался отдельно от хозяина. Или – весь гитлеровский штаб в мундирах не по размеру, а диктор говорит, что вся Европа на них работает. Но это все внешне, конечно, и раздражает какого-то одного, кто остался в живых и еще помнит.

Внутренне плохо идут споры, даже литературные. Все как-то придерживаются одного мнения и, ради бога, не хотят другого, ради бога.

Пока еще смешно выглядит преданность одного мужчины одной женщине, пока смешно выглядит. И вообще, обращение с женщиной, все эти поклоны, вставания, уважение, преклонение... Их делают, конечно, но за очень дополнительные деньги. Консультант один, лет восьмидесяти двух, тоже уже замотался: Душанбе, Киев, Фрунзе, Ташкент... «Извольте, позвольте», «Только после вас», «Я был бы последним подонком, мадам, если бы оставил вас в соответствующем положении».

Не идет фраза: «Позвольте, я возьму на себя» или: «Вам ведь трудно, разрешите я...» – А уж фраза: «Я вами руководил, я отвечу за все» – прямо колом в горле стоит. А такая: «Мне не дорого мое место, дорого наше дело» – получается только по частям.

Сложно пока стало играть эрудированного, мыслящего человека, и хоть исполнитель морщит лоб и прищуривается, такой перекося лица еще не убеждает.

Сохранились костюмы и обувь, но, когда мы над старинной дворянской одеждой видим лицо и всю голову буфетчицы современного зенитного училища, что-то мешает нам поверить в ее латынь.

Группа американских ковбоев на лошадях пока еще криво скачет, и даже у лошадей наши морды.

Ну а там – баночное пиво, омары, крики «Я разорен!» или «Мне в Париж по делу!» хоть и русским языком, но ни исполнитель, ни аудитория этого языка пока не понимают.

Но с уходом стариков со сцены и из зала равновесие между экраном и зрителем постепенно восстанавливается.

Писательское счастье

Что такое писательский ум? Не договаривать половину фразы.

Что такое писательское счастье? Немножко написать и жить, жить, жить.

Что такое писательский ребенок? Тот, кто о любви к себе узнает из произведений отца.

Что такое писательская жена? Женщина, которая сидит дома и с отвращением видит в муже человека.

Что такое писательская квартира? Место, где у него нет угла.

Что такое писатель в семье? Квартирант под девизом «Ты все равно целый день сидишь, постирал бы чего-нибудь».

Что такое писательская жизнь? Ни одной мысли вслух.

Что такое писательская смерть? Выход в свет.

Он не знал

Он ничего не знал.
Он не знал, что такое плохо. Не знал, что такое хорошо. Он что-то помнил.
А отец и мать уже умерли... Ему не повторяли.
Ему не повторяли, что нельзя чужое называть своим.
Не знал, кто у него был в роду. Совершенно не знал истории своей и своих.
Гордился чем-то. Не знал чем.
Ибо то, чем гордился, нельзя было показать.
Ничего не мог спеть. Не знал слов.
Хлопал, когда все хлопали.
Чувствовал, что нравится.
Не мог объяснить.
Не мог объяснить, так как никто не спрашивал.
Не то что поступить, а рассказать, что такое честно, не мог и не знал, что есть нечестно.
Что есть нечестно?
А что есть честно?
Нельзя лишь то, за что сажают.
Но сажают не каждый день и не каждого.
Бывает, долго не сажают, – значит, можно.
Ну что же бабушка?
Ну что же бабушка?
Кто же ей поверит?
Плохо, мол.
Что ж плохо-то?
Сама-то еле дышит, еле ходит.
В церковку послушать ложь.
Что в церкви ложь и Бога нет, знал, а что такое правда, не знал.
То вроде все правда. А то вроде вранье.
А может, правда все, чего не видел сам.
То, что видел, не сходилось с тем, что слышал.
Ну, значит, правда всюду, а здесь вот как-то местно... Может...
Не знал.
Неясная ворочалась злоба на то, что местно.
Лично.
Не сходилось.
Ну, сорвал злобу на ком-то. Не знал стихов, книжек. Так – кое-что из песен, из передач.
Вся эрудиция – из «Мира животных» и «Клуба путешественников».
Не знал родного языка, слово «нежный» не произнес ни разу в жизни.
Что – воровство?
Ну да, ну догадывался, что влезть в чужой дом, со звоном сломав...
Но тоже конкретно не предупреждали. Просто догадывался, что посадят, побьют. Сам бы побил. Но со склада? С работы? Как не понести?
Дружба?
Да.
Дружба.
Заменяет все.
Ты меня уважаешь? Горячие руки.

Колючие, вонючие поцелуи.

Пять – десять – сто – тысячу раз предавали, подвергшись незначительному давлению, подчиняясь и раскалываясь мгновенно.

Да и что там было предавать?

Для чего так дружить?

Постепенно потерял смысл дружбы.

Остались поцелуи, копейки остались.

Остались копейки.

От дружбы.

Не знал новостей.

Газет.

Театров не знал.

Никто не приглашал.

Да и не слышал, чтоб кто-то рассказывал.

Не знал преданности.

Грязную постель и не называл любовью.

Слово любовь – знал.

Никогда им не пользовался.

И не слышал от других.

Только по телевизору.

Понимал, что окружающие состоят из мужиков и баб.

Живут вместе, чтоб хозяйство, дети.

Ругань всякая с ними.

Покупки.

Расходы.

Не знал и попроще.

Вкуса еды.

Не знал питья.

Лимонада.

Одежды.

Не знал интересной работы.

Самостоятельности.

Говорил: мне положено.

Как все, так и мы.

Он даже не знал, на что способен. Что думает по какому-то поводу.

Ну не знал.

Никто же не спрашивал.

Когда в молодости разок ляпнул – погорел.

Сладкую ненависть, месть – не знал.

Враги там.

Когда они приезжали, вроде ничего люди.

Но ведь враги.

Замышляют.

Хотят отнять.

Хотят, чтоб стоял в очередях. Чтоб не знал ничего, кроме водки, бабы, болей в почках, очередей.

А он и не знал ничего, кроме этого.

Наши неудачи

Вы не имеете права мучить родных неудачами, неидущей работой, разваленной жизнью. Только радовать. Вы должны радовать их успехами, карьерой, блеском и уважением начальства.

И высоким заработком.

Неудачи делают вас невыносимым. Невыносимым делают вас неудачи. Прежде всех не понимают жена, дети, мать.

Вам смотрят в затылок.

Вам смотрят в затылок.

От этого ваши дела усугубляются. Ваши дела усугубляются, вы уже огорчаете всех.

Вы расстраиваете неповинных. Вы расстраиваете неповинных, а ваша голова...

Ваша голова, как любой другой орган, в такой обстановке отказывается работать.

От поисков идей, открытий у вас образуется пришибленный вид.

У вас образуется пришибленный вид, а попытки помочь по хозяйству лишь подчеркивают положение. У вас вырывают ведро.

У вас вырывают ведро и – «Твое место не здесь!».

А где ваше место? А где ваше место? И вы идете на улицу. Вы пытаетесь мужественно смотреть на прохожих. Но у вас срывается взгляд.

У вас срывается взгляд и перекошены брюки. Перекошены брюки, и старая знакомая давно уже вышла замуж – и ни в какое кино, и зачем ей это снова, зачем ей это снова? А старый товарищ, а школьный товарищ бежит. А школьный товарищ, а старый товарищ бежит каждый день, все увеличивая дистанцию от инфаркта, от родных, от новостей и прейскурантов. Он бежит. И говорить с ним... И говорить с ним можно только на бегу под дождем, когда он в трусах, а вы в плаще, и все увидят, как счастье и несчастье бегут рядом. Снова бегут рядом.

А тот... А тот один, кто буйным ветром занесен в Алма-Ату, – тот сидит там и стесняется...

Тот сидит там и стесняется писать. Сюда оттуда. Стесняется. И когда вы не вдруг, а точно и буквально напились, обнаружив в себе, обнаружив слабость характера и неустойчивость позиции, развязка завитала и затряслась маманя. Маманя ночью под подушкой затряслась, рыдает мама, зажимает рот... Страшнее нет. Жена и дети – все скрывают слезы. На вас без слез, на вас без слез вообще нельзя и незачем смотреть.

От вырезок о вреде водки вы напиваетесь страшнее, вернее, снова... и просите вас поддержать жену, чтоб выпить с вами... Жена. Она бледнеет. А вам надо. Вам надо с кем-то. И вот уже не дома, на скамейке в парке какой-то девушке в немых босоножках снизу ног вы повторяете рассказ с припевом: «Да, она меня не понимает» – и, сосчитав в кармане мелочь: «Я тебя озолочу!..»

И на вокзале в сопливой, гулкой, рваной тишине, меж телогреек и кирзой буфета, роняя капли, пишете в Алма-Ату.

И только когда быстро. И когда жутко быстро... И когда страшно быстро... Когда мгновенно вдруг пришел ответ...

Пришел ответ, где то же, только ярче. Глубже и занятней. Где их с беременной женой, ее ребенком, первым мужем и его женой хозяйка выгнала. Оне...

Оне живут у дворника и ездят на трамвае в кухню. А туалет в горах, и банятся в четверг. Восьмой четверг второго месяца нисана, и, вашу боль поняв, проникшись вашим горем, он просит вас прислать пятерку на расход и челюсть новую для сына, из пластмассы.

Вы чувствуете – вам немного лучше... Вам немного лучше... А вот и лучше быстро, быстро лучше... Ах, ибо.

Ах, ибо ваши неудачи кому-то кажутся мечтой. Домой идите быстро.

Старших и ведущих инженеров...

Старших и ведущих инженеров послали в колхоз перебирать кукурузу. Из кучи початков они выбирали несгнившие, очищали и перебрасывали через себя в направлении города. Перебирать вторую кучу прислали ученых. Они перебирали и перебрасывали через себя. Как только пошла гнить куча номер три, прислали врачей. Группа врачей перебирала и перебрасывала к городу через себя. Последнюю небольшую кучу у самого города перебирали учителя. Так была решена проблема транспортировки, хранения, а также осторожно и тактично намекнули: кончится кукуруза – кончится и интеллигенция.

Обед

Двое: Большой начальник и Младший научный сотрудник.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, вы пейте... И вот что, Василий Алексеевич, я хотел попросить. Вы занимаете такое положение...

Большой начальник. Ты понимаешь. Я такой человек, и все. Вот такой я человек. *(Выпил.)* А ты вот такой человек.

Младший научный сотрудник. Да, Василий Алексеевич, я такой... Вы закусывайте. Вот, съешьте.

Большой начальник. Закусываю, съедаю. Потому что такой я человек. Да. Такой я человек. А ты мне нравишься. Да. Ты мне нравишься. А что, я не прав? Скажи, я не прав?

Младший научный сотрудник. Правы!

Большой начальник. А почему я должен не приходить, почему я должен не есть, не пить, если ты меня приглашаешь? Я должен не есть?

Младший научный сотрудник. Не должны.

Большой начальник. Ты меня не знаешь. Нет, ты меня не знаешь. Я прав.

Младший научный сотрудник. Нет.

Большой начальник. Я не прав?!!

Младший научный сотрудник. Правы!

Большой начальник. Ты меня не знаешь.

Младший научный сотрудник. Вас все знают.

Большой начальник. Никто меня не знает. Вот такой я человек. Запомни. Я знаю, почему ты меня пригласил. Но это неважно.

Младший научный сотрудник. Нет, важно. Я вас пригласил потому, что мне очень приятно. А если мне очень приятно, я делаю невзирая... *(Начинает.)* Василий Алексеевич...

Большой начальник. Я не верю, что тебе это приятно. Но я знаю, что делаю. Я могу и выгнать.

Младший научный сотрудник. Конечно можете. Но мне очень приятно.

Большой начальник. А я не верю, что тебе это приятно.

Младший научный сотрудник. Ну вот... очень приятно.

Большой начальник. Я не верю, но я это делаю. Я такой человек. Вот такой я человек.

Младший научный сотрудник. Неправда, мне очень приятно, Василий Алексеевич.

Большой начальник. Наливай и себе. Не стесняйся.

Младший научный сотрудник. Спасибо. Я налью. *(Начинает.)* Василий Алексеевич...

Большой начальник. Я бы иначе и не пришел, черта с два я бы пришел. Думаешь, ты один меня приглашаешь? Я от не каждого принимаю. Я человек железный. Если мне кто неприятен, могу ни капли не выпить. А с тобой – нет. Тебя люблю и пью из твоих рук. Ставь стол – я твой. Вот какой я человек. Да. Я такой человек. Вот такой я человек. Да, я именно такой человек.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, помните, я к вам подходил, я вас тогда просил, а вы сказали...

Большой начальник. Каждый, каждый хочет, чтоб я пил в его присутствии. Ты понял: все просят, и каждый просит. Звонят и просят. В коридорах. В кабинете и на улице. Пять минут о погоде – и попросил. Понял? Как жена, как дети – и попросил. Пятьсот звонков с просьбами, триста встреч с просьбами, три бани с унижениями. Вот ты умный, ты интеллигент, что ты будешь делать?

Младший научный сотрудник. Да, Василий Алексеевич.

Большой начальник. Да. Все время один. Потому что все время один и потому один все время. Да. Такой я человек. Такая дружба. Один просит все время, а другой от него прячется.

Вот такая дружба. Да, такая дружба. Это охота. Да, это охота. Это охота. Да, а не дружба. Не дружба. И поэтому с друзьями тяжело. Их нет. Все до ордера. Ордер – и открытки на Новый год нет. Нет открытки. Звонка нет. Пока лекарство не понадобится. Да, пока не понадобится лекарство. Да, именно оно. А ты со мной будешь дружить долго. Ты меня будешь долго любить.

Младший научный сотрудник. Ха-ха... (*Встревожился.*) Я-то конечно. Но у меня же простой вопрос... Василий Алексеевич, у меня прописана...

Большой начальник. Просят, просят. Почему только у меня?.. Потому что такой я человек. Да. Ты знаешь, кого бы я полюбил? Того бы, кто бы у меня бы... ничего бы не попросил бы. Я бы для него бы все сделал бы. Ты видел этих просящих? У них в глазах это все и в руках. Отвратительный народ.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, но я, по-моему...

Большой начальник. Ты тут ни при чем. Да, ты тут ни при чем. Я почему тебя люблю?..

Младший научный сотрудник (*с ужасом*). Почему?

Большой начальник. Потому что ты у меня ничего не просишь.

Младший научный сотрудник. Дело не в любви. Мы же мужчины. Можно и не любить особенно.

Большой начальник. Нет... Если не люблю, вообще ничего не сделаю и говорить не могу...

Младший научный сотрудник. Да. Конечно, любить обязательно. Конечно. Это смешно. Это естественно. Поэтому я рад, если вы меня полюбили.

Большой начальник. Да. Но ты это заслужил. За то, что ты ни о чем не просишь никогда. Поэтому я тебя и пригласил за этот очень скромный стол. Очень. Да. Очень. Неказистый.

Младший научный сотрудник. Я пытался... Извините... Три четверти меню вычеркнуто... На остальных стоит «нет». Это домашняя селедка... А вот тут жена... соленья... Я в портфеле принес...

Большой начальник. Ты прав. Очень противный стол. Обидный стол. Незаслуженный. Одни оскорбления на столе. Обиды... Не позволял я себе такого. Давно... Не заслужил. Вот эта канистра с денатуратом...

Младший научный сотрудник. Домашнее, Василий Алексеевич.

Большой начальник. После стирки осталось... Я хотел не один прийти... С человеком. Который решает. Многие решает. Сам. Другим не дает, сука! Люблю я его. Но его обидеть рука не подымается... Хорошо, что не взял. Я уж ладно. Я снесу. Мне деваться некуда. Я пришел. Буду жрать это тряпье. Обглаживать эти голыши. Булыжник лизать. А он-то чего виноват? Степан Иванович хотел со мной, сука. Я его еле дверью отсек. Подонок. Его за что?! Чтoб он со мной месяц не разговаривал?.. Ты не желудочник?

Младший научный сотрудник. Да нет. Мне все можно.

Большой начальник. И мне все можно. Поэтому ты сгорел. Что ж ты натворил? Что это за стол? Знал бы, я бы тебя не пригласил. Такой я человек. Да. Ты, я вижу, скоро пойдешь – уйдешь, видимо, отсюда к чертям. Или еще посидишь? Ты, если не можешь, не сиди... А встречу мы перенесем. Да, перенесем. Точно. Вот это да. Мы будем считать, что ее не было. И ты будешь считать. Засчитывать ее не будем. Не засчитаем. Потому что, если мы ее засчитаем, это тебе поражение. Ни дружить со мной, ни любить меня, даже узнавать меня я тебе не позволю. Такое не прощается. А я твердый человек. Да, я такой, очень твердый и именно, да. Точно. Мы эту встречу переносим. Туда, на вторник...

Младший научный сотрудник. На вторник? За что? У меня все решиться должно. А если прямо завтра?

Большой начальник. Нет, ты не готов. Ко вторнику успеешь. Я возьму Степана Иваныча, Гришу, бабья. Попробуем все сначала. И я тебя буду любить. А теперь иди. Ко мне придут.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич...

Большой начальник. Иди, пока я тебя не разлюбил. Закажи еще на двоих и уходи. Только чтобы я тебя простил. Тебе сейчас это главное. А я буду их кормить, чтобы они тебе тоже решали... Попробуй очень быстро уйти...

Младший научный сотрудник. Значит, я могу?..

Большой начальник. Ну, дай тебе Бог...

* * *

В спорных местах я молчу, в бесспорных говорю, в остальных пишу и тихо вздыхаю. Разные методы спора: индийский, китайский, японский и наш. В спорных местах я молчу, в бесспорных говорю, в остальных вздыхаю. Игра ума в одни ворота. Опять я проиграл. Игра моего ума на базе рассольника. Вот научусь наслаждаться лесом, травой, водой и облаками и перестану. И даже вздыхать тихо не буду. Научусь, научусь. Я уже многому научился.

* * *

Литература – это искусство избегать слов.

* * *

Я впервые почувствовал, что есть правда в словах застоя: «Разрешите высокое звание, присвоенное мне, считать заслугой всего коллектива нашего прославленного ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, ордена «Знак Почета» многострадального народа многонациональной России».

* * *

Неумение сказать «нет».

Это ходить, куда не хочется.

Это говорить, с кем не надо.

Это сидеть на иголках.

Это жить с теми, кто пришел.

Это – к той большой закрепощенности своя внутренняя, и они сливаются.

Отсюда хамство в неожиданный адрес.

* * *

И вдруг я обиделся на женщину, которую забыл.

* * *

Сидишь дома – кажется, все дома сидят.

Выйдешь на улицу – кажется, что все вышли.

Попадешь на вокзал – думаешь, ну, все поехали.

В больнице впечатление, что все туда залегли; на кладбище – все погибаются.

Ну много нас. На все хватает. И всюду чересчур.

* * *

Глубокой старухой ко мне заглянуло детство. В пожилой женщине я встретил свою юность, и загорелым недоступным чудом мелькнул сегодняшний денек.

* * *

Соколиная охота. Беру брата-красавца. Иду по Невскому, вижу красивую девушку – выпускаю брата! Раз! Она – моя.

* * *

Дураки очень любят наказывать умных.
Во-первых, себя поднимают.
Во-вторых, умней получают.
В-третьих, все видят, кто главный.
Единственное – потом не знают, что делать.

* * *

Ребята! Наши беды неперевоимы.

* * *

Было мясо – и нет его. Хотя вот оно. И так всю жизнь. Где оно? Да вот оно. Где, где? Да вот, вот!

* * *

– Куда раки делись?
– Экология.
– Куда евреи делись?
– Экология.

* * *

Настоящая ненависть сама себе придумывает аргументы и находит факты. Можно стать изобретателем от ненависти. Опровержения для ненавидящего ничего не значат – они нужны третьему, который стоит неподалеку.

* * *

Я вновь не прав, я снова жду чего-то.

Куда ходит наш человек?

Куда чаще всего ходит наш человек?

К какой-то матери, к чертям собачьим, к свиньям, вон отсюда, регулярно заходит завтра, идет куда угодно, только не сюда, чтоб его больше здесь не было. Он не видит, что обед. Не понимает, что входить нельзя, сует свои деньги, не видит, что закрыто, не понимает, что их много, не соображает и лезет, не втемяшит, что этот стол не убран, что касса справок не дает, что здесь стоять нельзя, а сидеть не на чем.

Отсюда: куда он больше всего ходит?

К едреной матери, к чертям собачьим, вон отсюда, катится к чертовой бабушке, до четверга, чтоб его духу здесь не было, если появится еще раз, то вызовут милицию. Пусть ищет, где хочет, садится, если найдет. Должен соображать, если мозги есть. Все понимает, но прикидывается и старается мешать всем, куда приходит.

Что он не видит?

Что здесь табличка, на которой ясно указано, что здесь цена, где ясно указано, что вот указатель, где ясно сказано, что в постановлении ясно сказано, и по радио было ясно сказано, что предыдущим из очереди было ясно сказано...

Что он не понимает?

Что сюда нечего свою справку совать, что мест нет, а предыдущий имел бронь, что в продаже нет, а предыдущий взял по другой линии, что это опытный образец, значит, не должен работать, что этого лекарства нет, ибо лекарство помогает всем, значит, оно дефицитно, значит, были злоупотребления, значит, злоупотребления пресечены, значит, лекарства нет. Что сейчас трубы хуже и их заменяют чаще, поэтому их нет. И мало ли... и вообще, и не обязан никто, и все...

Что он, не в состоянии понять?

Что сейчас трубы хуже, чем были. Их больше, но меняют чаще, поэтому их нет. И воды нет, ибо труб нет и ей не в чем. А будет, когда поменяют. Не меняют, потому что их нет, потому что они хуже, хотя их больше, но они хуже, и вообще, и все. И почему садятся в тюрьму начальники ОБХСС. Почему наведение порядка кончается беспорядком, переходящим в наведение порядка, переходящего в беспорядок, переходящий в наведение порядка.

Что он не хочет понять?

Что он не один, что здесь люди занятые, что такие ошибки в порядке вещей, что это возрастное, поэтому чего же лечить, когда это возрастное, когда тут молодежь, и помолодел инфаркт, и посвежел маразм, и это в порядке вещей, и мало ли вообще...

Чего он не чувствует?

Что сейчас другое время, что не время смешить, что не время петь, что это там наверху решили, а внизу свои условия, и не надо газету совать, а в колхоз ехать надо и на овощебазу надо пока. Что значит – пока? Это значит – пока. Сам почувствует. А он не чувствует, оттого что он не видит, не слышит и не понимает элементарных вещей, поэтому куда он чаще всего идет? Вон отсюда, к едреной матери, к чертям собачьим, катится к чертовой бабушке, идет туда, сюда, в третье, десятое, его духу не должно быть в разных местах от девяти до восемнадцати с перерывом на обед с часу до двух.

Что делать?

Я сделал мерзкое открытие.

Критиковать нашу жизнь может человек слабого ума.

Настолько все ясно. Простейшие организмы изрекают, чего не должно быть. Этого, этого, этого, этого.

Самый элементарный подводя итог: этой жизни быть не должно.

Теперь высокие умы сели соображать, что нужно сделать.

Думали-думали, думали-думали и сказали: этого не должно быть;

этого не должно быть;

этого не должно быть.

А должно быть:

это;

это;

это.

Как перевести из «этого не должно быть» в «это должно быть»?

Думали, думали: попробуем так...

Попробовали.

Нет, этого не должно быть.

Попробуем так...

Попробовали...

Нет, и этого не должно быть.

Итак, что не должно быть, знает каждый.

И что должно быть, знают все.

Перехода не знает никто, поэтому сдается мне:

а) перестать думать;

б) перестать действовать;

в) оставить все в полном покое.

Организм, возможно, соберет себя сам. И медленно начнет совершенствоваться.

Тяжелый характер

Талантливый человек слишком неудобен каждому и хорош для всех. Его нельзя принимать в больших дозах. Тяжелый характер вызывается причинами, неудобными для многообразного объяснения.

Такой человек в словах видит больше смысла, чем туда вкладывает собеседник, и обижается. Ему страшно мешает жить собственная фантазия. Его нельзя оставлять обиженным. В своем воображении он дойдет до убийства.

Ему нельзя две-три работы подряд назвать плохими: он запаникует, попытается расстаться со своей профессией, будет делать неумелые пробы другого и внутри сойдет с ума. Снаружи начнет пить с кем попало и жаловаться встречным.

Цветут деревья во влаге и солнце, расцветает талант в атмосфере любви и восторга. Он не виноват: роль выбрала его.

Он настолько уверен, что делает плохо, что похвала всегда приятно поражает. Зазнайство при таланте невозможно, оно наступает после.

За зазнайство часто принимают тяжелый характер. Тяжесть для собеседника представляют ответы невпопад, переспрашивания от погруженности во что-то. Это раздражает одного, тут же обижает второго, затем вступает воображение – и скандал.

Тяжел попытками назвать все вещи своими именами. Докопаться до черт характеров собеседника и назвать их. Это невыносимо. Женщины красивые, которые вообще склонны преувеличивать свои успехи, с радостью убеждаются, что перед ними плохой человек. Именно они авторы формулировок: «Хороший поэт, но плохой человек».

В то же время человек талантливый хорошо чувствует, как принимается его появление, присутствие, видит полет слов и попадание, что порождает в нем деликатность. Обидные слова произносит только в накаленной атмосфере. Воображение позволяет ему предвидеть реакцию. Он неудобен тем, что независим и смел. Не он сам – его талант. Он сам зависим, привыкает к месту. Боится потерять жизнь, но произносить другое не может, так как видит себя со стороны.

Наивен, потому что не насторожен. Бывает скуп, так как боится за свою жизнь, не умея приспособиться.

Иногда жаден в еде, ибо редко получает удовольствие. Привыкает к месту, но не моногамен. Ищет опьянения и не знает, чего именно избегать. Он позволяет этому случиться, но всегда возвращается.

Искренне удивляется, услышав крик. Совершенно не может вести семью. Хотя может о чем-то договориться. Но железную последовательность и упорство в делах должен проявлять другой человек. Опять-таки потому, что он, не сознавая, проявляет упорство там, где он талантлив. Его хорошо прикрепить к кому-то или к двоим и рассматривать как одно целое.

Нас тянет к таланту. Слушать его. Сидеть рядом. Надо понимать его узкое предназначение и помогать производить то, что у него лучше получается. Мы должны ему нести сырье, и не бескорыстно. Он весь воз потянет. Он создаст.

Гениальные произведения – такие же создания Бога, как птицы и животные, непоявление их оставляет место это пустым.

Из размышлений под оркестр легкой музыки

Трусость и человеческое достоинство.

Ему сказали – он встал на колени. Ему только намекнули. Другой встал без намека, чтоб не били. А его все равно били, как обычно.

А он потом не мог понять, почему ему не встать на колени. Он же давно этим занимается. Он даже стал ниже.

Где же? Где же человеческое достоинство? Вдруг спросили. И вдруг его. Чтобы он вдруг ответил. Нам с вами, стоящим рядом. Что человеческое достоинство появляется тогда, когда в нем есть нужда. Оно не может витать в воздухе, как запах. Ему нужна почва.

Неужели можно с достоинством просить впустить вас в гостиницу, где вы живете? С огромным достоинством просить место за столиком, билет в театр, на поезд, на самолет? В аптеке вы рассказываете о себе, о больной жене, о ребенке, просите то, что положено.

Человеческое достоинство, как оказалось, несовместимо со словами «прошу вашего», «убедительно прошу», «прошу по моей просьбе». Человеческое достоинство, или же совесть, не радуется оттого, что в магазинах нет, а на столах есть. Это за счет совести и достоинства...

Человеческое достоинство. Оно не обнаружилось в школе, ждут его появления в институте.

А мужское достоинство? Вы мужчина, вы должны содержать женщину, кормить, одевать. Конечно, вы приглашаете ее. Вы мужчина, и деньги наконец есть. Есть ли там билеты? Вы хотите ее устроить. Вы мужчина, а вас не поселяют. Вы, мужчина, только что шипели ей на ухо то, чему так яростно аплодировали.

Вы мужчина, а не можете достать мебель, стул, кровать. На вас плюет другой мужчина только потому, что он водопроводчик. Где проявить мужской характер? В драке, под забором. Разве вы можете обещать даме, что вас где-нибудь ждут, что где-то вам будут рады?

А когда вы прорвались в ресторан, к вам обязательно подойдет алкаш: «Разрешите вашу даму?» – и вы сразу на грани драки, свалки, где вы выглядите алкашом, а он выглядит достойно, потому что его сегодня уже били. Когда же вы мужчина? Когда же вы защитник и кормилец?

Разыскивается человеческое достоинство. Утерявший просит его не беспокоить.

Восточная мудрость

Как сказал один восточный мудрец, живущий в Одессе, нельзя быть честным и нечестным в одно и то же время, даже если это происходит в разных местах.

Прохожий

Ну что же, обманывать, присваивать сначала государственное, потом колхозное, потом бригадное, а уже потом конкретное соседское. Деградация идет, как обычно, сверху вниз. Только страх суда останавливает какие-то руки. Закон. Как же получается? До этого мрачного слова – закон? Где наше простое домашнее – брать чужое нельзя! Брать чужое – никогда! Даже умирая. Где простые понятия? Воспитать овчарку в краденном ошейнике не брать из чужих рук под страхом смерти даже колбасу. И ведь эти лохматые не берут даже колбасу и даже мясо, хотя мясо берут все.

Все это, конечно, наше эстрадное, утрированное. Не читать же, в самом деле, малоинформированному писателю перед сидящим в зале глубокоинформированным работником ОБХСС.

Так как же так? Что же говорить ребенку? Если его иметь. Решить. Как же его растить не в противоречии со взрослым миром. Один взрослый берет на чай. Другой сказал, что придет, и не пришел. Третий обещал повести в лес и не приехал. Район издает приказы, которые не собирается выполнять. Папа приносит с завода какие-то сетки и натягивает их на окна. Потом мама приносит краску с фабрики. Какие-то люди достают из-за пазухи свиную печень.

Газета пишет: «Тенистый зоопарк, в котором представлено много экзотических животных, размещен на углу Лесной и Космонавтов, прохладные аллеи, роскошные вольеры, кафе для детей». «Папка, побежали!» – кричит взволнованный ребенок. «Конечно, пока этого еще нет, – продолжает газета, – но архитекторы Гипрограда задумались над первыми листами эскизного проекта».

Видимо, он будет, но его нет. Как ребенка научить мыслить будущим в отрыве от настоящего? Мы же боремся за повышение рождаемости. А главное в этом вопросе, чтобы мама, папа, школа, и газета, и наша жизнь говорили одно и то же. Нас же пугают трудные подростки с отрешенным взглядом.

Мы уж как можем. У кого отголоски святого «не укради», «не убий». Кому еще бабушка, верующая бабушка, успела сообщить. Ну, объяснили, что Бога нет. А почему нельзя ругаться матом? Сквернословить? Ну почему? Ну если все вокруг – и девушки-артистки, и руководители районов. Что значит: не бей женщину? Постороннюю, что ль? А это же жена! Не пинай слабого. Почему? А если он противный? Ну очень... Как проповедовать те заповеди из Библии, которые сейчас известны как правила хорошего тона, и не более? А знание Уголовного кодекса как папина угроза снять ремень. Как просто сказать: «У него много, а у тебя мало, возьми у него». И как долго потом надо учить его не брать чужое, государственное, колхозное, бригадное и соседское. А почему, действительно? Что тут плохого? Ну лежало, и никого. Парочка ушла, а чемоданчик-дипломатик остался возле урны. Мы постояли, подождали, они не вернулись, мы взяли и пошли. Вот он, Костенька с ним в институт ходит.

С одной стороны, мы одолжили у религии моления, покаяния и светлое будущее, зачем же останавливаться? Не убий! Не укради! Не оскверняй! Не пожелай ближнему... Нужно же детям, если мы решили их иметь. Что там – с молоком матери... Слабая теперь надежда на отца и мать: очень у них рыло в пушку.

Поговорите с людьми, сидящими на письмах и жалобах, они вам скажут, какая главная струна – зависть. У него машина, шляпа, велосипед, у меня только телевизор. Откуда у него? Судя по зарплате, у него должен быть только велосипед. Почему его жена тащит такие кошелки,

ящики? Что там? Я считал его зарплату. Что в тех ящиках? Как у него в квартире? Давайте ходить проверять, почему мы не ходим, товарищи? Давайте напишем, давайте сообщим. Такие люди очень удобны ОБХСС. Сиди, жди сигнала. Я, кстати, думаю, большинство дел раскрывается именно таким способом. Но что же делать с детьми, если решить их иметь?!

А уж примитивным отцам скажу: да перестань ты завидовать. Нету там ничего. На твоих глазах инженер стал жить хуже рабочего. Он же пытается перейти обратно – не дают ему. И в дворники с высшим не берут. Токари имеют садовые участки, а артисты балета снимают комнаты на свои восемьдесят. Инвалиды у нас первые на квартиры и на телефон, что же им не завидовать?

Ну кто же, в твоём понимании, безумно шикает – директор завода? Устроим к нему экскурсию. Походи по его трехкомнатной квартире, полежи на его диване, надень его тапочки, открой кастрюли его, хлебни. Хлебни! Чего там такое закладено?! А теперь пойдёшь на его место, если голова позволяет.

Ну на кого ещё можно написать? Профессор, академик. Давно на них глаза горят, это они в белых рубашечках ходят, за какие-то идеи, слова деньги получают. Ну бери их инструмент. Лист бумаги, карандаш – выскажись. Да не в ОБХСС, в ученый совет пиши. А деньги его?! Да, прибыль он даёт несколько больше тебя твоему родному государству. Чтоб тебе потом на дома отдыха и санатории, чтоб кормить тех, кто твои письма разбирает. А на его зарплату такая орава найдётся, что на душу населения такой же доход, как и у тебя, больного. Или он другое смотрит по телевизору? Улучшай свою жизнь, доброжелатель, что ж ты пытаешься ухудшить чужую?

И запомни ещё одно небольшое наблюдение: у нас с большими деньгами делать нечего. Первым до этого дошёл Остап Бендер, будучи вообще человеком неглупым, вторыми стали тысячи. Деньги требуют оборота, вклада в строительство, в расширение. Для жратвы и барахла они не годятся. По четыре цыпленка не сожрёшь, в два телевизора смотреть не будешь, на трёх машинах на работу не поедешь.

Что ты ещё придумаешь? В Пицунду, в Сочи, в «Арагви». Ну? Вот уже и фантазия лопаётся. Уже и глаза останавливаются. Один выход – накачать племянников, самому вдребезги и так валяться по кабакам Мурманска и Магадана, покудова не спымают, потому что у пьяного человека ловкости никакой, он ворованного не скрывает. А если не спымают на перебеге, сам быстро-быстро сыграешь в ящик от совершенно белой горячки. У нашего человека никакой фантазии насчёт больших денег нет, а в бриллиантах он ни черта не понимает. Жалкая судьба у ворованного миллиона.

Так как же насчёт того, иметь детей или не иметь? Как же с разными подростками? Как же с заповедями: не убий, не обмани, не пожелай горя ближнему своему?..

Успокойтесь, ухожу

Для Р. Карцева

Да, я ушел от нее из-за того, что она не оставила мне кусок торта.

Да! Они съели все, а когда я пришел – ничего не было. Да! Я ушел из-за этого. Вы все правы. Вот такой я псих. Нет! Не из-за того, что нет никакого сочувствия в ее глазах, когда ты болен и надо просить лекарство и слышать в ответ: «Не надо было кричать. Не надо было орать... Не надо было... Не надо было...» Конечно, не надо было.

Месяц не было никакой еды, кроме той, что сам принес. Годами не могу понять, на что уходят деньги, все увеличиваясь в размерах.

Никто в доме не работает, кроме меня, и я должен все увеличивать работу, не имея еды и уговаривая что-то постирать. Я должен запоминать дыры в носках, ибо «почему ты мне не говорил?», я должен закрывать куда-то свои письма, записные книжки, ибо оттуда вычеркиваются, выскребаются фамилии знакомых.

– Почему ты орал?! Вот ты и слег. И нечего теперь звать на помощь. Сам виноват. Сам виноват. Сам виноват.

Да! Я сам виноват. Надо было в той милой, мягкой, женственной девушке разглядеть сегодняшнего партнера. Чудовищно изогнуться, и разглядеть, и предвидеть. Каждое возвращение домой – не ко мне. Меня могут выставить всегда и внезапно. А оставляя меня одного на какое-то время, выносят книги и ложки.

Я ухожу из-за того, что мне не оставили кусок торта. И когда я спрашиваю: «Почему ты так кричишь на свою мать?» – «Это ты виноват. Ты сделал меня такой».

Я сделал? Очень может быть. Никак не могу сделать такой свою маму. Не могу высквернить своих друзей. А сволочи, с которыми я познакомился давно, были такими и до меня.

Да. Я виноват. И надо идти, ибо из-за меня может стать истеричным ребенок, его тетя, племянницы, все соседи. Очень хочется что-то плохое сказать о себе. Но спросите у них. Все, что вы узнаете там обо мне, будет так плохо, что мне можно не беспокоиться, как оживить свой образ.

Я повернулся к стене.

Я обиделся... И замолчал.

И настойчиво, громко и бесконечно спрашивали, почему я молчу. Неужели из-за того, что мне не оставили кусок торта?

– Да?

– Да!

– Вот! Вот какой ты человек. Теперь понял! Теперь спи! Такой ты человек.

– Сплю. Такой я человек.

Куда денешься от своего характера? Со мной невозможно жить. Я не могу, когда лезут в душу, и часто хочу быть один. Не люблю, когда читают письма ко мне и вычеркивают там что-то. Не могу жить без сочувствия, без помощи. Не хочу бежать куда-то, чтоб поговорить. Не хочу искать любимую еду в доме у тетки. Не хочу, чтобы с моим появлением прерывался телефонный разговор.

– Подожди. Я уже не могу говорить, он пришел.

И у меня не хватает сил, упрямства, чтобы оправдывать себя, тянуть на свою сторону и все время доказывать, доказывать, да так и не доказать, в чем я не виноват.

Да, со мной действительно невозможно и никто не мог жить. И я ухожу, чтобы остаться одному. И ухожу-то из-за чего? Из-за того, что мне не оставили кусок торта.

Осень

Осень. Запел Лев Лещенко, подавая всей стране сигнал. Как всегда, в суете, ожидании отдыха промелькнуло лето. Кто хочет его продлить, едет по карте вниз, кто хочет прекратить, поднимается вверх к нам.

Совершенно, совершенно прекрасная осень. Стучит Москва в окошко Ялте – возвращайтесь...

Осень. Чуть длиннее ночи – возвращайтесь...

Соленые, пыльные, коричневые, с белыми ресницами и горячей кожей – возвращайтесь. Вас ждут чудесные дни, когда за окнами с утра дождь, в гардеробе истекают зонты, а в комнате тепло и сухо, и от шороха капель приходят самые главные мысли.

В аэропортах запахло жареным – люди располагаются надолго. Пора. С проезжих частей исчезают мотоциклы. А мотоциклисты, оказывается, обычные ребята, и, если отобрать у них это оружие, они совсем не шумят.

Последние месяцы разъезжают автолюбители, непонятно, почему их так называли. Они не так любят ездить, как им просто надо куда-то.

Эти люди еще некоторое время ездят, а потом не выдерживают, потому что холодно, автомобиль весь в снегу или мокрый, и завывает, и весь какой-то неприятный.

А тот, что у мотоциклиста, просто падает на бок, и лежит, и не желает – бери его на руки, и все.

Вот кто всегда движется – так это лошадь. Она, во-первых, самая умная из них всех, а главное, самая добрая и никогда не наедет на своего старшего брата, человека, мотающего через дорогу по своим спешным и, как ему кажется, важным делам. Она просто переступит ногами – вот так, – взглянет на эту мокрую компанию в шелестящих плащах и опустит глаза, явно пытаясь понять, что происходит, почему все выражают такое нетерпение: трамваи сердито звонят на «Жигули», те тоже квакают, и все срываются, и бегут, прибегают, и включают, и сидят слабо освещенные голубоватым светом.

Лошадки в городах не имеют вида, не поспевают. Все теперь бегает быстрее, чем они, это и породило у лошадей цинизм и мудрость, что как ни торопись, а свободных дней не будет в самом конце, и смешно бежать к открытию и закрытию, и придумывать себе конец месяца, конец квартала. Это все смешно, думает лошадь, пропустив вперед всех и везя бочку с известью для того забора, что должен быть немедленно, к двадцатому, сейчас же. Срочно. Ах! Смешно. Когда вокруг осень и облака бегут, как когда-то, и пейзаж – желтизна с сединой, и натуральные меха снова лучше синтетических, и парное молочко, и месяц в деревне, и Болдинская осень, и Псковская область, и вся страна, где Родина и осень, – это то, что вызывает сладкое чувство тепла и покоя, что бы там ни было за окном.

Броня моя

Я хочу купить, как во время войны, танк на средства артиста, но пользоваться самому какое-то время.

Приятно, наверное, внезапно появиться в ЖЭКе и попросить заменить пол на кухне, не выходя из машины. Хорошо въехать на базар и через щель спросить: «Скоко, скоко? Одно кило или весь мешок?»

Хорошо еще иметь приятеля на вертолете, чтоб летел чуть впереди, и пару друзей с автоматами, чтоб бежали чуть сзади.

Так можно разъезжать по городам. Ночевать, где захочется.

В поликлинике насчет больничного листа осведомиться. Зайти к главному потолковать, пока друзья под дверью расположились.

Очень хорошо, если кто-то ругается. Продавщица, допустим, так орет, что в машине слышно и ребята сзади аж спотыкаются. Это очень удачно – подъехать к лотку, въехать прямо на тротуар и спросить: «Из-за чего, собственно? Почему бы не жить в мире и спокойствии?» И на ее крик: «Это кто здесь такой умный?» – «Я!..» И подъехать поближе, громыхая и постреливая вверх совершенно холостыми, то есть очень одинокими зарядами.

Вот и очередь у гастронома врассыпную. «А чем, собственно, приторговываете, из-за чего, собственно, жалобы? Может, обвес, обсчет, обмер? Ну-ка, взвесьте-ка мне и сюда, в дырочку, положите».

А трамвай сзади тихо стоит, не трезвонит, частнички дорогу не переезжают, хотя и мы на красный ни ногой, ни траком, то есть кончик ствола у светофора замер и только на желтый взревело.

Конечно, это уже не бумажные фельетоны, тут, если сосредоточиться на ком-то, его можно все-таки устранить вместе даже с окружающими или, по крайней мере, обратить внимание общественности. Что, мол, откуда эта стрельба, дым и дикие крики? А там как раз обращают внимание общественности на скверные ступени, то есть тот дикий случай, когда перила дают движение вниз, а именно лестница его задерживает.

Или – где тянут со строительством, просто подъехать и спросить. Но чтоб он через задний ход не сбежал, друзья должны его оттуда вернуть и подвести к стенке, где графики. Пусть с указкой объяснит. Так же с перебоями в молоке. Попросить председателя встретиться с начальником и пригласить к стенке с обязательствами.

Потом, насчет очков. Их нет или они есть? Или есть, или нет? Не в очках дело! Пусть четко скажут – они есть или их нет. Лекарства выписывать те, что есть, или те, что лечат, и чем они отличаются. Я не думаю, чтоб они длинно говорили. Да и просто легче кого-то посадить на поезд, в степи встретить и посадить. Билетов все равно нет, а места все равно есть.

Да Господи, имея такой аппарат, нетрудно весь художественный совет пригласить к себе по поводу принятия этого монолога. Если кто против, спросить, сидя на башне и хлебая из котелка: «Почему, собственно?» Не просто – ему не понравилось, и мы не играем, а спросить: «Почему, собственно?» Мы можем даже вместе выйти на сцену: один читает произведение, а другой тут же объясняет, почему этого не надо делать, и – кто больше соберет народу. Пусть эти ребята тоже дают прибыль.

Да мало ли куда можно подъехать справиться, как там идут дела. Но тут уже не по телефону, тут, как никогда, важен личный приезд. И устроить прибытие скорого танка по вызову. Это вам уже не группа психологов, которая успокаивает под девизом «То ли еще будет!» Это мы, конкретные ребята, мотовзвод огнестрельного сочувствия. И чтоб прошел слух, что врать нам стало небезопасно, что из-за неизвестного жильца может приехать. Я с друзьями, и наша броня также глуха, и пусть у него хоть на какое-то время отнимется его вранье, которое

ему кажется умением разговаривать с людьми, пусть оно больше не вырабатывается его председательской железой, пусть он не учит нас, ибо результатов у него никаких, а ждать, что он сам поймет, уже невозможно...

«Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди...»

Мы природу бережем

А что, по-моему, мы природу бережем, как никогда. Меха есть? Нет. Кожа есть? Нет. Зима есть? Шкуры, шерсть, бумага?.. Бережем для будущих поколений. Уже приступили. Нехай флора радуется, пусть эта вся фауна бежит, пузом трясется, лоси ляжками мелькают, наши «Жигули» несчастные давят, соболя нехай скачут, веселятся, овцы-зануды с гор подмигивают. Бараны тупые нехай скачут, плодятся, с изюбрами совокупляются. Овцеры, козлотуры, дубины патлатые, с белыми медведями целые острова захватывают. Ничего, мы еще потерпим. Мы вокруг сидим, ножички об камешек, об абразивчик – вжик. Пусть плодятся, пусть от своего рева с ума сходят – померзнем, ничего, штаны подтянем. Чем меньше ешь, тем оно тучнее будет. Фрукту от себя бережем, козлам даем нагуляться. Как они только все места займут, их численность превысит нашу втрое, так налетим и по сигналу – кто сколько схватит. Распотрошим, сожрем. Все, что в козле, – внутрь, что на козле, – на себя, включая рога, глаза и суставы... По четыре изюбра и три тополя на душу. Участникам войны – по шесть.

Пусть он пока радуется, тройку-пятерку лет еще поскачет, жир нагуляет. Мы ему все припомним, все сосиски нейлоновые...

Конечно, успехи медицины огромны

Десяткам тысяч возвращено зрение, миллионам возвращен слух. Правда, с появлением зрения возникают новые проблемы: квартира – ремонт, изображение в зеркале требует замены.

С возвращением слуха слышны крики в трамвае и юмор, комментарии по телевидению международной жизни.

Массу людей вылечили от болезней желудка. Им нельзя было есть жирное. Теперь можно есть все. Все, что есть, можно есть. То есть появление новых лекарств и исчезновение старых продуктов образует взаимозаменяемые пары.

Обильная пища вызывает склероз сосудов.

Ограниченная – вспыльчивость.

Сидение – гипотонию.

Стояние – тромбофлебит.

Что с человеком ни делай, он упорно ползет на кладбище...

Неужели снова хорошо?

Товарищи! Я саблезубый сатирик-баталист. Я ваш едреный, наждачный профессионал. Скажу сильно: заработок упал. Есть подозрение, что все хорошо. Я сижу и прислушиваюсь, а люди молчат, по большому счету, или отзываются одобрительно, предварительно оглянувшись. Соль в беседах пропала. За проведенную в полном молчании ночь люди благодарят друг друга. Кто-то в углу на десять копеек вякнул и испугался, девушка на три копейки пискнула и исчезла. Компания за весь вечер на пять рублей – про плохой пошив, ну, может, на шесть, если усмешнить и разбить на мужчину и женщину. Копейки, ребята.

Тут заскочили двое поддавших, еле на ногах, а такие факты. Кто, мол, такие гиганты строит? Перегрузочный комплекс построили, а грузить нечего. И так все зло, остроумно. Такая светлая безвыходность, такая радостная обреченность, что и концовку придумывать не надо. А не дадут. Построить – построят, а написать не дадут. Ты, мол, стройку высмеиваешь, а мы тебе плати. Чего там – плати? Пятьдесят миллионов вбухали, а полтинник на высмеивание жалко. Как ни крутился, на ЖЭК переводил. Дворник велел возвести – стрелочник спустил указ. Копейки, ребята. В трамвае за целый день рубля на два наездил. Тут на углу возле винного одна спросила, как к театру пройти. Ей ответили рублем на десять. Я там оказался, рубликов на пятнадцать записал. Копейки, ребята.

Конечно, есть овощная база, но неудобно там все время ошиваться. Им и так хватает. И ОБХСС, и «Мосфильм», и драматурги. Зритель сладкую жизнь любит, а где, кроме как у завбазы? Он самый верхний из нижних, кого трясти можно. Вот возле него народ и притаился с блокнотом, но завбазы уже это знает и опасается открыто сладкую жизнь вести. Завбазы не хочет, чтоб на нем все зарабатывали. Он вообще в жизни встречаться не хочет, только в фильмах. А публика романтику ищет. Публика риск любит, публика от завбазы смелых поступков ждет. Публика вообще смеяться хочет. Публика деньги платит, чтоб на ее глазах все громить, критиковать, публика хочет, чтоб на ее глазах жизнью рисковали, она за это по рублю даст. Сказать, мол, что, елки-палки, в машинах носишься, а культуры никакой. Что, елки-палки, решать берешься, а Бог ума не дал.

Собрания перестали прибыль давать. Там редко кто взовется. Все там на одобрение перешли. О долголетию думают. Бегом от инфаркта, и как можно быстрее, даже если взовется кто, остальные и к этому одобрительно отнесутся. Вот, мол, и у нас один честный есть. Там пение. Один поет, остальные подхватывают: «позвольте мне», «позвольте мне». Копейки, ребята.

Так и ошиваешься – прачечная, химчистка, урология, управдом. Внутри себя все высмеял. Ногу подвернул – высмеял. Бегом занялся – высмеял. Маленькие деньги высмеял, большие деньги высмеял. Один крикнул: «Позвольте, я вас перебью!» «Всех не перебьешь!» – крикнул я. Слабенько. Копейки, ребята.

Старик я. Вскрывайте, ребята, не дайте подохнуть. Мы, как анатомы, зарабатываем на вскрытии, никто не говорит об устранении, просто подъем настроения и к зиме что-нибудь. Каждый плохо изготовленный трактор сулит два экономических эффекта – от усовершенствования и от высмеивания. В плохую конструкцию уже заложен гонорар. Сообщайте, ребята, не стесняйтесь. Я же вижу, кое-какие замечания есть. Говорите при мне, я усмешню, не называю место, не называю век, и мы прилично завтракаем в тени тех лопухов, что так упорно изводим.

В Париже

- Неужели я никогда не буду в Париже?
- А вы давно там не были?
- Я никогда там не был.
- То есть давно не были?
- Никогда не был.
- Ну значит, очень давно.
- Если мне сорок, то примерно столько я там не был.
- Ну это не так давно.
- Да, сравнительно недавно.
- И уже тянет.
- Да, уже потягивает.
- Но еще можете терпеть?
- Терплю.
- Вы потерпите. Может, и обойдется. Вы где будете терпеть?
- Да здесь, где ж еще.
- Прекрасно. Вот стул. Рекомендую путешествие, но не вдоль, а в глубь материи. При-

льните к микроскопу, путешествуйте в атом, и никто вас не задержит. То, что останется над микроскопом, недостойно сожаления. Вы ушли. Перед вами не банальная ширь, не запле-
ванный горизонт, а невиданная глубь, что гораздо ценнее и чревато открытием. Париж истоп-
тан. Молекула – нет. Ввысь тоже не стоит.

Наш ученый, ярко глядящий вверх, имеет вид присевшего журавля.

Идите в клетку. Ищите в атоме. Оттуда – в гены. В генах, кроме всего прочего, ваша
тяга к Парижу. Там есть два таких шлица справа, подверните отверткой, вот этой. Генная регу-
лировка. Поворачиваете отвертку. Желания сжимаются, вытягиваются, чернеют и исчезают,
оставляя счастливое тело.

Вместе

Да здравствуют лысые болезненные люди, вселяющие в нас уверенность.

Да здравствуют все, кому нельзя, делающие нашу трапезу праздником.

Да здравствуют желудочники и сердечники, среди которых вы обжора и молотобоец.

Пусть их радует огромная роль фона в нашем обществе. Вашу руку, ревматики, колики, гастритчики и невротики! Запретных вещей нет, есть вещи nereкомендованные, которые мы тут же совершим под завистливые вопли осуждения. Больной и здоровый живут одно и то же время, только те силы, что больной тратит на отдаление, здоровый – на приближение яркого света в конце тоннеля.

Только вместе – together, являя наглядную кривую полноты жизни. От чего к чему, а главное, о том, что между. Бесквартирные, помогайте цепляться за квартиры. Неустроенные, вызывайте такой приступ держания за свое место, чтоб его можно было вырвать только с этим местом.

Не соответствующие должности, бездарные в науке и культуре, работайте непрерывно, создавая материальные ценности, принципиально новые машины и кинофильмы, ставьте спектакли, стройте дома.

На этом синем фоне клочок бумаги с жалкой мыслью будет переписываться миллионами от руки, а появление убогих способностей будет принято за рождение огромного таланта, что даст ощущение счастья всем участникам нашего движения под завистливыми взглядами других народов.

Вперед, широкоплечие, бездарные и симметричные, – ваша взяла.

Волевой

Я человек волевой: что себе обещал, то себе сделаю. Я сидел старшим бухгалтером. Десять лет отсидел. И вдруг пошло у меня снизу вверх. Беспокойство. Будущее свое очень ясно начал видеть. А тут один тип предложил: «Ты что пропадаешь? У тебя же голова великолепная, сила воли изумительная. Пойдешь к нам в Алма-Ату научным сотрудником на двести пятьдесят плюс три шестьдесят две за одаренность? Обязанность на труд у тебя есть, право на отдых вырвем».

Меня отпускать не хотели, повышение давали. Крови потратил, пока уволился, прибегаю, а они уехали в Новосибирск. Догнал самолетом за пятьдесят четыре рубля, являюсь, они говорят: «Тут такое произошло, многое изменилось, не надо больше ничего. Тех, что есть, видеть не можем».

Я мебель там продал, вернулся, мебель тут купил. Еле уговорил взять меня на старое место, но уже не бухгалтером, а счетоводом, но если буду стараться, обещали снова бухгалтером. А тут группа одна проезжала. Они так и сказали: «С такой головой счетоводом сидеть? Иди к нам подрывником. За каждый взрыв отдельно, плюс осколочные, плюс вся убитая дичь – тебе».

Я сбегал, уволился. Прибегаю. «Тут, понимаешь, – говорят, – этот гад, что тебе наобещал, куда-то смылся. Мы сами его не знаем. Он вообще за наш столик подсел минут за десять до тебя. У одного из нас тридцать рублей одолжил. Обещал скоро быть. Ты иди назад – у нас драка будет».

А я начал блат искать. Нашел большой блат. Взяли меня на старое место. Правда, уже не бухгалтером и не счетоводом, а курьером, но зато с двухнедельным оплачиваемым, с правом выезда на отдых в любое место Союза. Это я у них вырвал, а также право читать художественную литературу в нерабочее время.

А тут недавно у меня один сумрачный малый останавливался. Проездом из Ашхабада на Камчатку. «Пошли, – говорит, – на тигров для Бугримовой. Только тигров ей отдаем, все остальное – наше. Там, – говорит, – есть некоторая трудность, чтобы с ним встретиться. И хорошо надо запомнить место, где капканы, потому что он их обойдет, а из нас один уже три раза на цепи сидел. Но если, слава богу, встретились, то все в порядке. Подкрадываемся с двух сторон. Он бросается на одного, а второй – сеть на них обоих. Остальное – дело техники. Можно змееловом оформиться. Очень большие деньги за яд платят. И в Средней Азии в тепле сидишь, ждешь встречи».

Поехали мы с ним в Душанбе. В окопе лежали две недели. Схватил я одну. Неядовитая. А та, вторая, что ядовитая... Та – наоборот... Где она меня нашла? Ну, в госпитале недолго лежал и назад подался. Директору дрова рубил, весь местком в театр водил. В общем, взяли, взяли меня на старое место. И – в бухгалтерию. Правда, уже не счетоводом и не курьером, а полотором, но с правом роста и натирания в любом месте в любое время суток. Это я у них вырвал.

И тут недавно мне мысль у одного типа понравилась: «Чего тебе, – говорит, – со старой женой жить? Она же тебя дискредитирует. Ты – вон весь какой, она – вон вся какая». В общем, подал на развод. Теперь знакомиться надо. Ну, кто? Кому нужен решительный мужчина, который знает, что хочет? Я если что задумал – все равно добью. Я работу добил и личную жизнь добью. Так что если знакомиться – налетай. Я тут недалеко натираю.

Рассказ подрывника

Я, в общем, тут чуть не подорвался...
Просили рассказать. Мамаша! Что, я не понимаю?
Да не беспокойтесь... бть... дети могут не выходить.
Ну что... бть... вы все такие нежные?
Ну действительно, чуть все не сыграли в... Бть...
Степь... Канал...
Идет баржа... Белая!.. Длинная, как!..
Ромашки!.. Ну просто!..
И тут подрывники суетятся... как...
Заложили килограмм по пятьсот тола и тротила... его знает!
Провода у них длинные... как...
И тут надо было дернуть за!.. Ну чтоб... Бть...
Главный орет: «Махну платком!.. Давай!..
Но только по платку... прошу...
Если дернешь без платка... Мы ж на барже... Не надо! Не сто́ит... Мы ж будем проплы-
вать!..»
Ну, он только собрался... А тут все готово... огромная баржа... Поле это... огромное...
ну, как... голое, как... Ну точно...
И ни одной... вокруг... Ну действительно, как!..
Он уже поднял платок, мы думаем: ну!.. Бинокли...
И тут кто-то как заорет: «Стоп!.. Прошу!.. Стоп... Умоляю!»
А главный в мегафон: «Кто крикнул «стоп»?.. Из вас... Кто мне... Я сейчас каждую...
Я сейчас из нее!..
Мы ж в определенной точке... У нас же заднего хода нет! Мы ж баржа!.. Нас же несет!..
Чем я этот «стоп»?.. Какой ногой... Об какие берега?.. Уволю!..»
А младший ему: «Я, в общем, на вас! На вашу баржу!.. На ваш канал!.. На всю вашу
степь!.. С вашими окрестностями!
Ты ж смотри, какая-то плывет... вещь!»
Глядят все, аж!.. Всплыла – тротил или тол... его знает... вся в проводах, никто ж
не знает, они же специалисты... Как она ту баржу догнала!.. А мы ж все на барже, она под бар-
жой!.. Цепляемся, как!..
Если б не тот пацан, все б... Разлетелись, как вороны...
Я – начальнику: «Что ты орешь? Ты молись!
Ты этого пацана, ты его должен поцеловать... в... Ты ему должен обнять...
Это ж был бы полный!..
Ты б свою Дуську!..»
Вот такая приключилась...
Ну сейчас все участники каждую пятницу собираются в кафе... А то б видел я тут вас,
а вы меня... с бть... с... девушками...

Лица прохожих

Хочу достойно ответить на обоснованные, хотя и беспочвенные жалобы иностранцев: «Почему у вас люди хмурые?» У нас! Для них «у нас» – это «у вас». Какие-то вещи не мешает уточнить перед тем, как ринешься в драку. Да! То есть нет. Хотя для неопытного взгляда – да.

Прохожие озабоченные, в основном в принципе деловые, как правило, и тихие. Иногда детский смех птичкой вспорхнет, на него шикнут, он упадет камнем, и снова тишина, наполненная гулом машин и шарканьем подошв. Но уже не в ногу, что хорошо, а вразнобой.

Как объяснить иностранцам? Прохожие озабоченные и невеселые. Это, конечно, сволочные магазины такое влияние имеют и дикие зубные врачи с плохими исходными материалами. То есть внутри наш человек все время хохочет, а наружу улыбнуться нечем. Особенно сельскому пожилому человеку женского пола. Такого количества никелированных зубов мир не видел, нам трудно в аэропортах контроль проходить, хоть догола разденся – все равно звенит. И дело не в низких урожаях, а в низкой квалификации сельских стоматологов.

Поэтому они или трудовой рукой рот прикрывают, или мрачно смотрят вниз. Кстати, качество улыбки зависит от качества еды.

Бросаются в глаза тяжести, перемещаемые нашими людьми вручную на огромные расстояния. Опять же магазины. Где что дают – не знаешь. Деньги есть. И принимаешь тяжесть на себя. Поэтому в моде сейчас рюкзаки, которые не мешают носить кошельки. Конечно, парадоксально видеть на улице такое ходячее противоречие, когда в магазинах – ничего, а торбы в руках пудовые. Это пчелиный труд – обойти все цветы, чтобы в деревню привезти то, что там производят.

И на лицах, конечно, озабоченность судьбой страны, которую разворачивают уже шестой раз в попытках поставить по течению. Так что лица действительно озабоченные. Даже лица писателей хмурые и суровые. Забота о будущем и тревога за прошлое. Глубокая мрачность и вечная хмурость свидетельствуют об истинно народном характере.

Да, нам пока нелегко порадовать приезжего туриста. Количество милиции, конечно, возбуждает, хотя это не значит, что они все действующие. С другой стороны, частота, с которой хочется крикнуть: «Товарищ милиционер!» – не уменьшается. Весь народ мечется в поисках милиции и какого-нибудь начальства. В крови несем: «Увидел – сообщи». Выросли со словами «увидел – сообщи». Почувствовал – сообщи в газету. У кого-то заподозрил – сообщи в КГБ. У себя заподозрил – сообщи врачу. Мы сообщаем, а там мгновенно – штаб ликвидации, ну не так чтоб ликвидировать, как поделить ответственность.

Повышенная мрачность населения порождает мрачность животных. Корова хмурой не рождается, она ею становится. Где ее нос, а где ее корма? Хмурые, мрачные уличные собаки, также озабоченные жильем и кормами. Все чаще на воротах: «Вход воспрещен, злая собака». То ли собака злая, потому что вход запрещен, то ли он воспрещен, потому что она такая злая. И конечно, у начальства, которого у нас впервые в мировой практике больше, чем подчиненных, хмурость является боевой практикой руководства массой.

Что значит достать до печени абсолютно равнодушного служащего? Значит надо его виртуозно оскорбить. Причем достать до печени и там оскорбить, будучи равнодушным или даже веселым самому. Это происходит под девизом: «А ну-ка, позови его, я сейчас при тебе с ним, извиняюсь, буду жить». Услышав такое веселое поручение, не подозреваешь, что культурный секретарь может так преобразиться. А он преобразается и виртуозно глубоко оскорбляет чужое достоинство, откалывая от него целые куски. В ход идет самое сокровенное: и «косой», и «хромой», и «неспособный», и «если вы думаете, что услуги, которые вы оказываете жене начальника, вас освобождают, и если вы думаете, что обед, на который вы меня позвали, вам дает, то я душу вашу видел и имел в гробу» – для всякого рода восклицаний.

Такой разговор порождает ответную хмурость, которая дикой грубостью расцветает в семье, где к тому же грубящий уже давно не является кормильцем, а такой же рядовой истец, как и его супруга, получившая втык от соседей за шум после одиннадцати.

Эта всеобщая атмосфера вздрюченности, построенная на незаинтересованности, попытках допугать до конца, тоже отражается на лицах и так расстраивает наших капиталистических друзей из-за зеркальных стекол автобуса. Кстати, и у них рожи перепуганные. Но об этом потом.

Одеты мы путем разных махинаций уже неплохо. Едим кое-что, но это не при дамах. А хмурость и грубость бросаются в глаза. Советы врачей, что, мол, увидев пустую аптеку, пересильте себя и улыбнитесь, или, услышав грубость, улыбнитесь в ответ, осуществляются с трудом. А тут выясняется еще одно обстоятельство. Большая приверженность верхов и низов к тишине. У нас всегда на чей-то смех или пение выскакивают пыльные мышевидные старушки: «Тсс-с! Тихо! Тихо!» – и вскакивают обратно.

– Что такое? Что за ё... еще пробуем. А-а-а!

– Тсс-с! Тихо! Тихо!

Из всех подвалов, подворотен, чердаков, мусорников: «Тихо! Тише!»

Так и хочется спросить:

– Ребята, чего-то вы там делаете? Спите все или чего-то измеряете? Вам зачем такая тишина нужна? Вы что, все при смерти, а?

– Тихо, ты, не видишь тут!

– Что, что происходит, ребята?

А ничего не происходит.

Начальство ради тишины вообще жизнью жертвует. Им, если все тихо, – и премию дают, и всяческие надбавки. Это от них идет шипение: «Тсс-с! Тихо!» – и нам передается: «Тсс-с тихо, тихо чтоб!» Тихо – значит хорошо. Такой у них девиз. Поэтому им нравится кладбище. Поэтому они так любят чествовать покойников. А освети прожектором – все замашут: «Тсс-с, выключи! Тихо чтоб и темно...»

А теперь пришла пора объяснить иностранцам. Им надо сказать так: «Хмурость и мрачность свидетельствуют о надежде, овладевшей массами. В то время как веселье и хохот сообщают, что такой надежды больше нет!»

Это общие рассуждения к общей картине. А теперь **КОНКРЕТНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ К ОБЩЕЙ КАРТИНЕ.**

Вопрос: «Ребята! А может, в социализме еще можно что-то поискать?»

Ответ: «Это под кроватью можно что-то поискать. А в социализме мы уже все переискали».

Давайте в августе...

Вы не хоронили в августе в Одессе? Как? Вы не хоронили в августе в Одессе, в полдень, в жару? Ну, давайте сделаем это вместе. Попробуем – близкого человека. Давайте.

Мы с вами подъедем к тому куску голой степи, где указано хоронить. Кладбище, мать их!..

Съезжаются пятнадцать-двадцать покойников с гостями сразу. Голая степь, поросшая могилами. Урожайный год. Плотность хорошая. Наш участок 208. Движемся далеко в поле. Там толпы в цветах. Все происходит в цветах. Пьяный грязный экскаватор в цветах все давно приготовил... Ямки по ниточке раз-раз-раз. Сейчас он только подсыплет, подроет, задевая и разрушая собственную работу. У него в трибуне потрясающая рожа музыкального вида с длинными волосами. Лабух переработанный. Двумя движениями под оркестры вонзается в новое, руша старое, потом, жутко целясь, снова промахивается, завывая дизелем под оркестры. Дикая плотность. Их суют почти вертикально. Поют евангелисты. Высоко взывают евреи. Из-за плотности мертвецов на квадратный метр – над каким-то евреем: «Товарищи, дозвольте мени... тьфу, а де Григорий? Шо ж ви мене видштовхнули, товарищи?»

Цветы, цветы затоптанные, растоптанные. Белые лица, черные костюмы, торчащие носки ботинок, крики:

– Ой, гиволт!

– Господи, душу его упокой!

– Дозвольте мени...

Хорошо видны четверо в клетчатом с веревками и лопатами. Их тащат от ямы к яме. «Быстрее, быстрее, закопайте, это невыносимо». – «Сейчас, сейчас». – «Вначале веревки, потом лопаты». – «Где чей? Нет таблички. Где табличка?» – «Сойдите с моей могилы». – «А где мне встать, у меня нога не помещается...»

Веревки, лопаты. «Музыкант» выкапывает, они закапывают. Пять штук сразу. Между ними по оси икс – пятьдесят сантиметров, по оси игрек – двадцать пять. Много нас. Много. Пока еще живых больше. Но это пока, и это на поверхности. Четыре человека машут лопатами, как веслами. Мы им все время подвозим. Не расслабляться. Покойники снова в очередях. Уже стирается эта небольшая разница между живыми и мертвыми. Шеренги по веревке. Расстояние между бывшими людьми ноль пять метра, время – ноль пять минуты.

Крики, плачи, речи, гости, цветы, имена. На красный гроб прибивают черную крышку. «Ребята, это не наша крышка...» – «А где наша?..» – «Откуда мы знаем, где ваша?» – «Сема, держите рукой нашу крышку».

В этой тесноте над вашей ямой чужой плач.

– Он был в партии до последнего дня...

– Кто? Он никогда не был в партии. Если бы мы достали лекарство, он вообще бы жил. Цыпарин, цыпарин. Ему не хватило цыпарина.

– Операции они делают удачно, они выхаживать не могут.

– Зачем тогда эти удачные операции?

– Вы хотите, чтоб он хорошо оперировал и еще ночами ухаживал?

– Я ничего не хочу, я хочу, чтобы он жил...

– Да скажите спасибо, что оперируют хорошо...

– За что спасибо, если я его хороню?!

– Это уже другой разговор.

– Он не хотел брать на себя. Он как чувствовал. А они ему все время: «Бери на себя... бери на себя». Он взял на себя. Теперь он здесь, а они в стороне.

– Теперь же инфаркт лечат...

– Инфаркт не лечат, его отмечают... Отметили – и живи, если выживаешь. Как он не хотел брать на себя. А они ему: «Мы приказываем – строй!» Он говорил: «Я не имею права». А они говорили: «Мы приказываем – строй!» Он построил, а когда приехала ревизия, они говорят: «Мы не приказывали». Теперь весь завод здесь.

– Куда вы сыпете наши цветы? Где он!.. Где Константин Дмитриевич?.. Константин Дмитриевич. О, вот это он... А-а... вот это он. Ой, Константин Дмитриевич, и при жизни я вас искал. Вечно вас ищешь, вечно...

– Господи, спаси и помилуй. Суди нас, Господи, не по поступкам нашим, а по доброте своей, Господи.

– Товарищи, славный путь покойного отмечен почетными грамотами.

Тут закончили, там заплакали. Тут заплакали, там разошлись. Цветы, гробы, венки, ямы, плач, вой. «Беларусь» задними колесами в цветах.

– Товарищи, всех ногами к дороге!.. Значит, вынимайте и разворачивайте согласно постановлению горисполкома.

Черт его знает, чего больше – рождаются или умирают? Какое нам дело, если нас так хоронят?..

Население!

«Не смейте кушать, Мария Ивановна, это же колбаса для населения».

Сетевые сосиски, комковатые публичные макароны, бочковые народные пельмени, страна вечнозеленых помидоров, жидкого лука. «Для удобства пассажиров маршрут № 113 переносится. Для удобства покупателей магазин № 2 Плодоовощторга...»

А оперируют они хорошо, только очень непрерывно.

Так же, как и копают.

Мы им подносим – они закапывают. Свои своих. Без простоев. Огромное поле. Все ямы на одном пяточке, ибо... Ах, ибо!

Удобно экскаватору, копателям, конторе. Всем, кроме нас.

Как наша жизнь не нужна всем, кроме нас.

Как наша смерть не нужна всем, кроме нас.

Как нас лечат?

Как мы умираем?

Как нас хоронят?

Что такое юмор?

Под давлением снаружи юмор рождается внутри.
Прохожий

Не о себе. В защиту жанра. Сам стал слезлив и задумчив. Сам стал копаться в словах. Сам потерял жизнь и от этого – юмор. И, потеряв это все, расхаживая в поношенном пиджаке задрипанного философа, скажу: ничего нет лучше жизни. А юмор – это жизнь. Это состояние. Это не шутки. Это искры в глазах. Это влюбленность в собеседника и готовность рассмеяться до слез.

Смех в наше время и в нашем месте вызывает зависть. «Что он сказал? Что он сказал?» Люди готовы идти пешком, ползти: «Что он сказал?» Можете плакать неделю, никто не спросит: «Что вам сказали?» Плачущий в наше время и в нашем месте при таком качестве сложных бытовых приборов, повышении цен и потоке новостей не вызывает интереса.

Плачущий занимает более высокое положение, чем хохочущий. Это обычно министр, директор, главный инженер. Хохочущего милиционера не видел никто.

Юмор – это жизнь обычных людей. Чем меньше пост, тем громче хохот, и прохожие с завистью: «Что он сказал? Что он сказал?»

Господи, какое счастье говорить, что думаешь, и смеяться от этого.

– Что он там сказал? – все время спрашивают сверху.

– А ничего. Мы так и не поняли.

– А чего ж вы так смеетесь?

– А от глупости.

– А где он? Мы ему ничего не сделаем. Обязательно скажите, где он. Где он – это самое главное.

– А вот он.

– Где?

– Вот, вот. Только что был и что-то сказал. Да так ли важно, кто сказал, важно, что сказал.

– Нет, товарищи, для нас важно, кто сказал и что он еще собирается сказать. Его творческие планы. Это особенно важно. Если кто-нибудь его встретит, позвоните, пожалуйста, в районное отделение культуры в любое время суток – мы тоже хотим посмеяться.

Опять хохот.

– А вы почему смеетесь? А как вообще сочиняются анекдоты? Не может быть, чтоб все сочиняли, должен быть автор. Друзья, если кто-нибудь его случайно встретит, позвоните, пожалуйста...

Почему же плач не вызывает такого беспокойства? Почему величайшие трагедии величайших писателей не вызывают такого ищущего интереса? Почему «Двенадцать стульев» не выходило, не выходило, пока не вышло? И «Мастер и Маргарита», и Зощенко? И хватит ханжить. «Двенадцать стульев» никак не меньше для нормального человека, чем «Анна Каренина», а «Мастер и Маргарита» – чем «Война и мир».

Юмор, как жизнь, быстротечен и уникален. Только один раз так можно сказать. Один раз можно ужать истину до размеров формулы, а формулу – до размеров остроты.

Юмор – это не шутки. Это не слова. Это не поскользнувшаяся старушка. Юмор – это даже не Чаплин. Юмор – это редкое состояние талантливого человека и талантливого времени, когда ты весел и умен одновременно. И ты весело открываешь законы, по которым ходят люди. Юмор – это достояние низов.

Ползя наверх, наш соученик выползает из юмора, как из штанов. Чего ему смеяться там, у него же нет специальности, и первый же приказ трудоустроить по профессии ставит его на грань самоубийства.

А если уж очень большой, еще осторожнее: «Им только улыбнись – сразу что-то попросят. Улыбнулся – квартиру дай, засмеялся – дочь пропиши». И, теряя юмор, друзей, любимых женщин, человек растет в должности. Развалюченная секретарша, завалюченная жена и большие подозрения, что смеются над ним, и хотя его никто не называет, но в нем появляется интуиция волка и такой же мрачный, полуприкрытый взгляд.

Вот что такое юмор. Вот что такое его отсутствие. А нам он помогает выжить. Сближает всех со всеми. На анекдот – как на угощение.

И не надо унижать авторов. За одну фразу Ильфа и Петрова «Собаки карабкались с ловкостью боцманов» отдам целую страницу греческой трагедии со всеми содроганиями в начале и завываниями в конце; и море слез, в котором утонули четыре старухи, не стоит одного взрыва хохота в ответ на один выстрел истины.

Где рыба? Рыба где?

Я много лет хочу понять, почему во всех приморских городах мира самое красивое, самое обильное – рыбные базары, где переливаются тысячи рыб, ползают омары, лангусты, где плавают в аквариумах сотни угрей. Тысячи, тысячи разных рыб, живых и копченых.

И почему у нас в приморских городах рыбы нет? Почему нет рыбы в Одессе? Вот той морской, возле которой стоит этот несчастный город. Почему нет рыбы в морском городе? Куда она девается? При наличии министерства и самого большого в мире рыбного флота. Где бычки, анчоус, скумбрия, камбала, сардинка, глосики – где рыба?

Почему человека с пятью бычками на нитке так упорно преследует милиция? Почему еще в прошлом, позапрошлом году свободно продавалась изумительного вкуса кругленькая, упругенькая одесская тюлька домашнего соления? Почему рыбаков ловят и преследуют? Я понимаю – главная задача, чтоб не было. Но под каким научным девизом – вот что меня интересует. Действительно, святая цель – чтоб люди не ели, но хочется узнать, под каким предлогом! Запрещено ловить все месяцы в году? Рыбаку обязательно надо сожрать все, что споймал, и нельзя поделиться?

По утрам прутся куда-то в море какие-то колхозы. Они что, вообще не ловят? Зачем огромный флот? Сейнеры, траулеры, речные, морские, озерные? Куда улов идет? В правительство? В Кремль? Там столько не съедят. В Москве бычков и камбалы черноморской нет. Куда деваете? Конторы сжирают, что ли? Рыболовецкие правления? Так там вроде милиция круглосуточно дежурит. Не купишь у рыбаков ни штучки.

Последний раз спрашиваю: куда девается свежая черноморская рыба? Почему мы должны доедать это мороженое несчастье с Дальнего Востока, которое уже кто-то ел? И не надо мне доказывать с цифрами в руках, как увеличилось потребление рыбы. Я по роже докладчика и так вижу.

Что они мне докажут? Что она есть? Когда я ее уже столько лет не вижу. Что же за специалисты такие вести вековую борьбу со жратвой? Что же они так остервенело вырывают у нас из рук бычка, судака, кильку, куда несут конфискованное? В пользу государства? Это куда же? Какое государство вырывает кусок изо рта у своих граждан в свою пользу? Все знают, что такое – в пользу государства. Это либо дохнет за углом, либо тут же под водочку – в ближайшем отделении.

Могли бы объяснить, почему рыбы нет, – объяснили бы. Могли бы дать – дали бы. Не обучены! Выращивать, вылавливать не обучены. Отнимать, отбирать, разгонять, привлекать – обучены. Может, рыбу ловить нельзя? А почему? Объясни, если сумеешь. И если мы согласимся, все равно дай съесть уже пойманную, куда ты ее поволок?

Вспоминаю виденные в кино огромные, переливистые рыбные базары, тысячи, миллионы разных рыб.

Два вопроса: почему она там есть и почему ее здесь нет?

Я видел раков

Для Р. Карцева

Я вчера видел раков по пять рублей.
Но больших,
но по пять рублей...
Правда, большие...
но по пять рублей...
но очень большие...
хотя и по пять...
но очень большие...
правда, и по пять рублей...
но зато большие...
хотя по пять, но большие...
а сегодня были по три,
но маленькие, но по три...
но маленькие...
зато по три...
хотя совсем маленькие...
поэтому по три...
хотя маленькие...
зато по три...
то есть по пять, но большие...
но по пять...
но очень большие.
А эти по три,
но маленькие,
но сегодня...
А те вчера по пять...
но большие... но вчера...
но очень большие,
но вчера,
и по пять,
а эти сегодня,
но по три,
но маленькие,
но по три. И сегодня.
А те были по пять,
но вчера,
но очень большие,
то есть те были вчера по пять и очень большие,
а эти и маленькие, и сегодня, и по три.
Вот и выбирай:
по пять, очень большие, но вчера,
либо по три, маленькие, но сегодня, понял?
Не все, но понял, но не все? Но все-таки понял...
Хотя не все, но сообразил почти, да?

Хотя не все сообразил, но сообразил.

Хотя не все.

Ну пошли. Не знаю куда, но пошли. Хотя не знаю куда.

Но надо идти. Хотя некуда.

Уже три – надо бежать...

Но некуда... В том-то и все дело...

На даче

Сидишь поздно вечером на даче, все поет и цвирикает. В голове ни полмысли, от стола тошнит, от бумаги бросает в сон. Сидишь, лежишь, а в голове пусто – ни монологов, ни диалогов, ни рассказов, ни мыслей, ни слов, ни интонаций, ни ударений.

Пишу отрывки из романа, пишу краткое содержание пьесы. Кстати, в нем лаконичнее. «...Жизнь манекенщицы. Участник эпизодов и автор краткого содержания ваш корр. Женская стройность обещает приключения...»

Все болит. Утром пробежался и в десять бодро сверзился с небольшой высоты. Решил удачно пробежаться вниз. Забыл о себе. Пятьдесят два года – тут же зацепился за корень и с криком рухнул в кусты, где, к сожалению, никого не было. Некоторое время в кустах было тихо. Позже выполз. Слёз уже не было. Их покрыла пыль. Пыль покрыла морщины и седину. Припадая на две ноги, завершил спуск.

Мысль, что держал в голове, потерял, оставил достоинство, тщеславие и на одном жизнелюбии доковылял к воде весь в пыли. Сползая с плит, попал между... Вода окрасилась эстрадной кровью. Сердобольные женщины прикладывали водоросли. Громко кричал:

– Почему я такой несчастный?

А ему говорили:

– У тебя талант, ты должен страдать.

– Он же не для меня.

– Да, он для других.

– А мне что? Что мне? На чем я держусь, не знаю. Хоть немного удачи, чем же я его питаю, несчастьями?

– Неси крест, – кричали они, – неси!

И он стал наблюдать жизнь, проклиная судьбу и не имея сил в ней участвовать.

Ох и пляж в Одессе! «Плиты». Ими укрепили берег, и мы на них ходим в шторм и ветер, как на нерест. Девочки хороши необычайно, говорю как наблюдатель. Одна подошла близко и стала говорить с моим соседом.

– Павлик, чего ж ты не ходишь по берегу, чего ты сидишь на месте? Ты же всегда ходил. Что, уже девочек нет приличных? Павлик, что ж ты сидишь? У тебя плохо со здоровьем? Почему не ходишь, не ищешь девочек, Павлик?

Она не сдержала себя, открыла прелестный ротик и испортила прекрасную фигурку и дорогой купальник. Еще, оказывается, она вышла замуж за грека по переписке и уезжает в Грецию, где ее ждет большое будущее.

Пляж в Одессе – та же дискотека, но без музыки. Полотенца «Мальборо», трусы «Адидас», розовый светящийся грим на щеках. Несколько теряют, сползая к воде. Волны бьют их о камни. Бьют по щекам, смывают ресницы, стаскивают купальник.

Не могу принять ни одной приличной позы – все побито. Пытался ногу на ногу – с криком прекратил. Руки за голову – не осилил. Когда поза стороннего наблюдателя дико прокалилась, пополз к воде, где был избит волнами, ободран о плиты и окончательно потерял товарный вид.

Девушки-статоры наводят токи в мальчиках-роторах и приводят их в движение. Причем скорость ротора прямо пропорциональна силе тока. То есть источник энергии мужчин нам известен, женщины получают ее от солнца.

Чрезвычайно высокий уровень мышления во время лежания. Можно использовать этот уровень, чтоб раскладывать слова, изучать язык, теряя жизнь, а можно исследовать крупнейшие проблемы человеческих движений.

– Поздравь меня. Я уже мама. Теперь ты мне можешь позвонить.

Записал очень хорошенький, хотя и быстро располневший телефончик, плохо понимая, почему надо было ждать родов. И вообще потерю качества с обеих сторон.

– Как же супруг?

– Он знает, если я чего-нибудь захочу... Ты тоже знаешь.

– Нет. Я знаю, если ты чего-нибудь не хочешь.

Из-за ссадин и царапин невозможна длительная поза. Ни нога на ногу, ни руки за голову. Слушаю униженно, думаю о себе плохо.

По утрам я бегу, чтоб сохранить жизнь и доставить всем удовольствие. Мой бег не приводит к преодолению расстояния, ни к чему, кроме размышлений. Двадцать – двадцать пять минут по самым мерзким часам. Любая собака останавливается, чтоб отметить бегущего. Ни догнать, ни убежать. Проклинаю своих и чужих, тех, кто открыл, что очередное издевательство над организмом приносит ему пользу. От этого наше общество, видимо, самое полезное.

Измученные лица друзей, мчащихся навстречу. Где мышечная радость? Конечно, влезь в печь, вылезь из нее – и ты обрадуешься. Спорная мысль, что эта гадость продлевает жизнь. Кому она нужна в этом состоянии? После тридцати минут дикого бега – четыре часа мертвого лежания. Приятно разбит весь день. Ничего не хочется делать. Впечатление нереальности происходящего, и только кверху задом торчащий хозяин дачи реален, как маяк. Два рубля за килограмм с шести утра. Что он заработал? Живот торчит в одну, зад в другую сторону, сутул и молчалив. Вкалывает в виде протеста существующей действительности. Я в виде протеста валяюсь. Какое все-таки разнообразие форм! Он желает работать на себя, я не желаю. Хотя тоже имею свой участок в виде мозгов, где давно уже не появлялся.

Не покидает ощущение, что всем все давно ясно и что мне нечего сообщить. Придумать – хитрый сюжет по поводу недопоставок редукторов с изменой жены и любовницей на стороне? Все знают. Описать родную природу, то есть дать сигнал, что отошел от размышлений, – рановато, и я могу не суметь.

Из моей жизни получится только одна пьеса с банальным сюжетом. Жил, жил, жил и помер. Новостей!

– Что же делать, если я вас люблю, так уж вам и мне не подфартило. – Вы говорите, потому что знаете, что у меня не подмажешь – не поедешь. – Да нет. Мне ехать-то уже не надо. Мне иногда поговорить, и то если вы будете молчать.

Труженик проходит с лестницей, с корзинкой, с ведром, с лопатой, с молотком, со шлангом. Откуда у него этот трудовой энтузиазм? Мы это слово уже отвыкли писать. Деньги давай, за которые тоже ничего не купишь. Ну, он продаст помидоры, потом клубнику, потом яблоки, потом цветы, потом картошку. Получит три рубля с рожки за море, солнце и водопровод. Деньги требуют, чтобы их вкладывали, не развлекались на них, а вкладывали. Это и рождает чувство хозяина не на земле, как пишут, а земли! Или мастерской! Не трогая основ, давно пора весь быт, то есть досуг, отдать друг другу... Один будет удовлетворять потребности другого в еде, лечении, развлечении и услугах.

Я долго думал, что посоветовать правительству, находящемуся в творческих муках, и ничего не придумал. Отдать быт друг другу и освободить от него правительство и любимые плановые органы. И не бояться отдельных растущих личностей. Их можно приструнить. Опыт у нас огромный. Зачем лучшие умы держать в карающих, а не созидających органах? И деньги должны быть деньгами, а не сбережениями, и предметов должно быть больше, чем людей. Перестать прислушиваться к большинству. Оно хуже соображает. Быт – сам на себя, и он получится. Не мешать одному гордому человеку оказать другому гордому услугу за деньги. «Ты – мне, я – тебе», если вы незнакомы, – самый здоровый принцип.

Наблюдение за напряженным трудом хозяина приводит к жутким выводам. Трудолюбие одного человека безгранично. Трудолюбие коллектива ограничивается началом. Борьба с частным сектором бессмысленна! Надо их признать и перестать печатать письма лодырей и кля-

узников как голос народа. Мой хозяин должен иметь деньги, жаль только, что на них нечего купить.

Вот он прошел с мешком, надо выдернуть сорняки руками, потом вскопать и кое-что посеять. Рыбка моя! Следующее поколение ничего уже про это не знает, им столько лет втолковывали, что человек на базаре – частник, в машине – частник, с кистью – частник, с молотком – частник и пилой – частник, а вот с пустыми руками – хозяин! Тогда он стал ходить с поллитрой.

С поллитрой плохо, а частником – нельзя. А сколько может попасть на симфонический концерт? Валяться у телевизора, участвовать в спортивных состязаниях?

Ой, ребята, отдайте нам нашу жизнь. Оставьте себе тяжелую промышленность и судостроение, пока еще живы старики, и вы увидите, как всё изменится. И распорядители поменяются на руководителей, и хозяева на земле станут хозяевами земли, как и положено человеку. Мужчины перестанут быть детьми, женщины – мужчинами, а дети – взрослыми. Женщины станут женщинами, и их красота снова будет ценностью или, хотите, капиталом. И к маленькой разнице физической прибавится восхитительная разница психологическая, приводящая такие массы в движение.

Солнце село, я уже не вижу букв, а он все работает и работает. Дай им волю...

Страна ученых

Вся страна наблюдает, как отдельные личности образуют пунктиры и узоры в прыжках борьбы за справедливость. Народ-ученый, народ-исследователь. Мы все наблюдаем метания одного и советуем ему не прекращать борьбу и прыжки. Наш интерес не празден. Не празден интерес, ибо мы ученые, мы глубоко заинтересованные сторонние наблюдатели, заботящиеся о чистоте эксперимента.

Необходимы хорошие условия наблюдения, чтобы борец за правду был хорошо освещен, его действия четко видны, чтобы у него был какой-то минимум питания, одежды – при резких переходах из жары в холод. Должны быть хорошо видны и противодействия окружающей среды, то есть ответы руководящих лиц, хорошо слышны их голоса и крики наблюдаемого. Печать часто публикует письма одной группы зрителей, наблюдающих поведение борца, другой группе, наблюдающей своего борца в аналогичных условиях.

Общепринятым является невмешательство ученых. Борца запрещается пощипывать пинцетом и подталкивать лопаткой для ускорения эксперимента. Ускорение в этом случае равно нулю, а происходит наоборот – сокращение активного цикла борца, ранняя смерть, инвалидность, что-то в этом роде, что, безусловно, создает помехи эксперименту.

Проводятся наблюдения борцов разных пород: юмористической, экономической, многострадальной, то есть общевоинской. Поведение борца в условиях отсутствия питания и наоборот – в условиях пайковых добавок. Многолетние наблюдения показали: добавление даже незначительных пайковых добавок в рацион бойца притупляет его реакцию на окружающее, делает его требования не очень вразумительными, крики фальшивыми, наблюдаются попытки вступить в тайный контакт с противником. Но интереснее наблюдать, как, ничего не меняя в окружающей среде, сам борец взрослеет, приспосабливается, меняет окраску, переходя постепенно из предмета наблюдения в ряды самих наблюдателей, толкающихся у касс кино, театров, гуляющих в холлах концертных залов, лежащих у эмалированных экранов центральных телевизоров.

Я так стар и спокоен...

Я так стар и спокоен... что желаю вам счастья. Счастье – случай. Говорю как очевидец, как прагматик. Счастье, если тебе приносят ужин, а ты не можешь оторваться. Счастье, когда ты выдумываешь и углубляешься, а оно идет, идет, и чувствуешь, что идет. Такой день с утра, за что бы ты ни взялся. И вокруг деревья, и солнце, и пахнет воздух, и скрипит снег, а ты тепло одет. Или в дождь, когда ты в плаще на улице и льет, а ты стоишь. И счастье – это человек. И путешествие не путешествие, и Африка не Африка, если его нет. А один маленький, нежный, невозможный.

Как мучительно счастливо, как больно и отчаянно, какие слезы от немоги выразить ему. Ты только смотришь на него... Твои глаза как два прожектора. Ты светишься, ты светишься.

Она существует. Эта мучительная борьба нервов. Эта тревога рядом и боль вдали. Это мучение, так мало похожее на радость. И рождается между сердцем и дыханием.

И только потом, когда спадет высокая температура, ты поймешь, что это было.

А этот маленький и нежный, весь твой, ребенок или женщина. Он приходит и занимает весь дом, всю душу. С ним идешь и удивляешься. С ним впервые видишь и рассматриваешь книги и травинки и начинаешь понимать кошек и собак, чувствуешь добрые руки угрюмого человека и говоришь, говоришь, говоришь, стены переходят в улицу, улица в лес, а ты говоришь, как будто никогда этого не делал. Пропадает стеснительность, исчезают корявые слова, и ты говоришь, говоришь, говоришь...

Насколько живо и энергично

Насколько живо и энергично выглядят покойники в кино и по ТВ. Как свежо звучат с пленок их голоса:

– Послушай, я тебе скажу. Ты не прав. Кто здесь без билета, выйдите немедленно из зала. Я не начну, пока он не покинет!

Боже! Они же живые! Они с нами! Вот вам царство небесное. Вот вам и бессмертие. Мы добились своего. Бывший человек сопровождает нас уже до нашей смерти. Первую половину слов он говорит нам живой, вторую половину – в записи. Причем у него все новые и новые пожелания для нас, напутствия и прямо-таки дельные советы.

Откуда-то приходят все новые записи. Изображения – с нами, голос – с нами... Ребята, наговаривайте через микрофон советы детям на две тысячи двадцатый год и далее. Только распределяйте толково. Мол, вот дачу ты собираешься строить – правильно. Машину не стоит ремонтировать, ты ее меняй. Потолок побели, обои оставь...

Жизнь продолжается. Лично вас нет, а голос, мысли, ваше лукавое лицо – все дома. Пожилые, инфарктники, почечники, циррозники, спинномозговики, снимайте себя на видео, пока вы еще в приличном состоянии и мыслям есть где удержаться. Лежа на раскладушках, натирая морковь, сидя на горшках, наговаривайте будущим потомкам. Пытайтесь ответить на возможные вопросы. Для будущей живости вставляйте: «Что-что?..», «Никогда!», «Я себе этого не позволял и прожил живо и интересно». Нет, не надо говорить в прошлом: «... и живу живо и интересно».

– Дети! Много женщин – это плохо, дети. Костя, ты знаешь, кому я говорю... Не притворяйся, ты прекрасно знаешь, о чем я... Я, дети, себя чувствую прекрасно...

Советы, ответы, эссе и замечания должны приходить регулярно. Жизнь, в которой вы получали удовольствие, может незаметно кончиться, зато теперь будут получать удовольствие от вас. Единственное, чего надо опасаться, – это радиации, которая не только убьет, но и размагнитит. Ну, тут уж, как говорится, все вместе. А если все и без исключения, то это и не обидно. Все так все. Все исчезли так же внезапно, как и возникли. И только где-то слух пройдет:

– Ты слышал, вроде там была жизнь.

– Да, слышал. Говорят. Вроде была. Мало ли что говорят.

Ну и ничего страшного. Ну и жили, пели, любили, и нет их. Просто надо придумать несгораемые, несмываемые и неснимаемые пленки. Тогда все мы, все наши образы, все мысли, все слова и личики будут жить вечно, накладываясь друг на друга. И что такое семьдесят лет труда и болезней в безоблачной и ровной вечности?

Им хорошо

Им действительно живется хорошо.

Нахрапистые и грязно-вспыльчивые или вечно злые и насупленные, походя оскорбляющие любым движением.

Открыто торжествующие.

Ничего не переживающие.

Гениальные в нанесении обид и унижений, они имеют всё.

Но этого им мало.

Настоящее удовольствие испытывают, отбирая у деликатных и нерешительных то случайное, что им досталось.

И уж страшными становятся, если не отдать.

Стонут громко.

Обманывают врачей.

Мерзко кричат.

Говорят злобно и задыхаясь.

Иногда кажется, лучше смолчать, лучше им сделать, чем орать себе во вред.

Но там же нет больного места.

Там больное все.

Приспособились и живут долго.

Нам в наказание в виде людей.

Консерватория

Консерватория, аспирантура, мошенничество, афера, суд, Сибирь.

Консерватория, частные уроки, еще одни частные уроки, зубные протезы, золото, мебель, суд, Сибирь.

Консерватория, концертмейстерство, торговый техникум, завпроизводством, икра, крабы, валюта, золото, суд, Сибирь.

Может, что-то в консерватории подправить?

Точность – вежливость королей

– Полчаса меня ждете, извините, здравствуйте! Прекрасная погода, и вы великолепно выглядите. Вы приходите вовремя – вы точный, благородный человек, со мной дело обстоит несколько сложнее. Я считаю, что жизнь идет и то, что когда-то считалось достоинством, медленно превратилось в порок.

Все говорят: пунктуальность, точность. А я говорю: пунктуальный человек встречается все реже и реже. Он еще попадает в северных районах, но почти исчез из европейской части и на Черноморском побережье. Почему? Да потому, что он ломает жизнь людям. Он точен. Минута в минуту. Крахмальный воротничок, манжеты. Ровно в восемь он на углу. А дома что у него творится? Вы загляните...

Воскресенье. Все спят. Он один, он должен быть на углу. Жена бежит, на стол собирает, теща бессловесная кастрюлями гремит, дети режут, соседи снизу в потолок стучат. Он точен для одного, а дома шестнадцать человек лежат с исковерканным воскресеньем.

Но это не самое страшное. Страшно то, что он пришел в восемь, а те, что собирались с ним в баню (уик-энд), – без четверти одиннадцать, как раз тогда, когда он понял, что точность – вежливость королей, а наш человек на королей плюет, откуда только может. И если действительно хочешь с нами встретиться, возьми поправку на ветер, на трамвай, на столбовые часы, на три киоска по дороге... А если ты принципиально пунктуален, то ты просто не хочешь нас видеть, а это уже страшный разговор.

Теперь – твердость, последовательность, короче, словодержание. Знаете, что нужно сделать, чтобы слово сдержать? Одно свое слово, которое ты ляпнул в частной беседе, на частной квартире, за частным столом?!

В глубокий понедельник, когда стола уже нет и ты совершенно трезв, голоден и весь субботний разговор перед тобой, как кошмарный сон, – именно сейчас ты должен действовать. Ты должен, проклиная себя, свой характер, свою исковерканную жизнь, браться за телефон и начинать бороться. А все говорят: «Какое вам дело, ему поможет собес, у нас есть поликлиники. Вы помогаете одному, потерявшему подвижность, но зачем бегать десятерым, которые уже давно не встают?» Но вы доводите до конца. Вы раскалили аппарат, держите одного, ловите другого, соединяете их с третьими, наводите трех на четвертого, держите пятого за штаны.

Ура! Победа! Осталось поехать в Саратов и забрать в Мучном переулке, в подвале дома номер пять. Парализованный ликует. Но это еще не самое страшное. Страшно то, что вы приобретаете славу человека, верного своему слову, и к вам начинают стекаться люди со всей страны. Пешком и поездами, самолетами и на попутных. Лекарство, жилье, провода, тес.

О какой деликатности может идти речь, когда вам надо разговаривать с начальником гаража, который уже с утра воспринимает все только в розовом свете и принимает всех только в полуодетом виде. И чтобы к нему просто достучаться в грудь, надо орать таким благим матом, что затихает родильный дом через дорогу. И вы уже начинаете все реже давать слово.

На тысячу вопросов вы девятьсот девяносто девять раз отвечаете: «Не возьмусь! Нет! Не могу! Не стойте! Отойдите!» – И добавляете: – В конце концов». И люди начинают догадываться, что это все вранье. Вы-то, оказывается, мерзавец! Крик парализованного: «Он не такой!» – тонет в ропоте толпы. Люди отворачиваются, полные поезда потянулись обратно. Ужас. Кому хочется такой атмосферы? И вы снова разворачиваетесь, переходя к всеобщей, влажноглазой и красноречивой любви. Пусть отказывают все кто попал, но не вы. Оптимизм, рукопожатия, авансы с ходу, без обдумывания.

В институте?.. Двойка?.. Вам?! Фамилия мерзавца?.. Телефон?.. Район?.. Фамилия?.. Что значит – не кабели... будем кабели... Освеще... Будет освеще... Толковый врач? Есть. Под общим, под местным? В понедельник под общим. Считайте, что вы уже там...

Кто еще озадаченный, озабоченный, невосполнимый, чья слеза капнула в филе? Положим, протянем, вырежем! Не порть стол лицом! Теперь не вы в понедельник будете вспоминать, что вы там обещали, а он будет силиться вспомнить, что он у вас попросил. Телефон, ковер, шашки стоклеточные. Черт его знает. В состоянии, когда голова гудит, а организм не поспевает за ногами, он соберет свои мысли во вторник к вечеру, когда вы уже будете за городом, и не за этим...

Как хорошо, как чудесно, вы снова веселы и уверены. Прекрасная погода, и чудесно выглядите... Но когда вы совершенно случайно, сами того не желая, достали кому-то единый проездной, которых полно на каждом углу, сообщите ему об этом так, чтоб он грохнулся на все четыре колена, долго бил лбом об пол, повесил ваш портрет над кроватью жены и по утрам тихо шептал: «Спасибо, брат, спасибо!»

Время для умных

Девочки! Девчушечки! Да что с окружающими? Да кто же такие вещи в лоб понимает? Ему говоришь: ты замечательно устроился, теперь тебе гораздо лучше – он в драку.

Да кто ж такие слова – напрямую? Да улыбнись, наконец, кивни ответно. Кому твои подробности нужны?

Тебе говорят: ты гений, иди домой! Иди домой, но пойми иронию. Радуйся от понимания откуда, и все, и куда. Не выключайся. А ты тут станешь возражать, рассказывать, как тебе кажется оно все якобы и мол. И окажется, что тебе это кажется и ничего ты толком не знаешь. И все про себя лично. А что в том доме, ты уже не знаешь. И почему оттуда люди такие веселые выскакивают, не подозреваешь, а все твои сведения – из слухов и голосов, так что не диссоциируй, а поддерживай общий тон. Поняв это, ты не полезешь со своими слухами и личным опытом одного магазина против типографского текста букв.

Кое-кто, не понимая, откуда такой контраст между своим неясным бытом и счастливой жизнью окружающих, дуреет и недоверчиво заглядывает в лица встречаемых, являя наглядное пособие по нехватке ума, не понимая, что тут весь расчет на полное отсутствие дураков.

Дурак раньше кричал: «Все в порядке», теперь кричит: «Все не в порядке», как всегда, невпопад. Сегодняшний разговор умных людей – веселый, подспудный и практического значения не имеет!

Те, что знают кое-что, улыбаются и молчат, которые все время говорят – не знают ничего. А те, что, встретившись, молча крепко обнимаются и разбегаются, смахивая слезу, знают все!

Умный человек наслаждается, понимая, что наступило его время. Что слышит – делит, что видит – умножает. Говорит одно, пишет третье, думает второе. Вслух «нет», в урну «да». Поддержать шефа, отрицая и поддерживая, свалить, набрать очки, нахваливая конкурента. Хотя и дескать, якобы и мол.

Вид веселый, глаза лукавые, походка стремительная, хотя движение бесцельное. Голос решительный, но приказ неразборчивый.

А этот самый разговор, ради которого обезьяны слезли с деревьев, потерял первостепенное значение и снова стал видом обнюхивания.

Главное – глаза, их подъем, упор, отвод. Момент начала молчания, уход за дверь, резкий выход на больничный и общий одобрительный взгляд, говорящий о несогласии.

Какое жить наслаждение, какое петь удовольствие!

Как живешь? Только подумаешь, так и ответить нечего, а не подумаешь – и отвечать не стоит.

Как?! Вам ничего не говорили?

Все наши несчастья начинаются фразой: «Как, разве вам ничего не говорили?»

Он (*по телефону*). Девушка, девушка, в чем дело? У меня уже несколько дней молчит телефон, девушка?

Она. Как? Разве вам ничего не говорили?

Он. Нет.

Она. А вы открытку получали?

Он. Нет.

Она. Как? Вы же должны были получить.

Он. Да. А я не получил.

Она. Вы должны были получить. (*Кладет трубку.*)

Он (*набирает*). Девушка!..

Она. Пятнадцатая.

Он. Уважаемая пятнадцатая. У меня уже три дня молчит телефон.

Она. А вам ничего не говорили?..

Он. Нет, нет, ничего. И открытки не было. А что случилось?

Она. Должна была быть. А из управления вам звонили?

Он. Нет.

Она. Странно.

Он. Что случилось?

Она. Вам изменили номер.

Он. Девушка, миленькая, пятнадцатая, не бросайте. За что? Почему?

Она. Там узнаете.

Он. Может быть, вы знаете, почему нет писем, телеграмм. Уже очень долго.

Она. Как, вы еще не знаете? (*Щелкнула. Отключилась.*)

Он. Нет, нет. Что случилось? Пожалуйста!

Она (*щелкнула, включилась*). Уже месяц, как вам поменяли адрес.

Он. Ой! Ай! За что? Куда бежать? Всему дому поменяли?

Она (*щелкнула*). Нет. Только вам.

Он (*растерянно*). Что же делать? Я же так жду. А тут приходят письма, повестки на фамилию Крысюк. Куда их пересылать?

Она. Постойте, вам что, действительно ничего не говорили?

Он. Нет.

Она. Это вам.

Он. Как?.. Я же...

Она. У вас изменилась фамилия в связи с вводом новой станции. Разве вы не получали открытку?

Он. Нет... Что же теперь делать? Меня же никто не знает...

Она (*щелкнула*). Вас предупредили. Вот у меня список. Против вас стоит птичка: «Предупрежден».

Он. Нет, нет. Я ничего не получал.

Она. Значит, получите. (*Щелкнула, положила трубку.*)

Он (*набирает*). Девушка...

Она. Восьмая.

Он. Мне пятнадцатую, пожалуйста.

Она. Минутку.

Он. Простите, милая пятнадцатая, как меня теперь зовут?

Она. Это Крысюк?
Он. Д-да...
Она. Сейчас, сейчас... Семен Эммануилович.
Он. Так я уже не...
Она. Нет-нет. Это все осталось. Год рождения – 1926.
Он. Мне же сорок два...
Она. Это по-старому. Вам теперь пятьдесят шесть, еврей!
Он. Опять?!
Она. Да. Родители – кулаки-землевладельцы.
Он. Откуда? Что? Какие землевладельцы? Мы из служащих...
Она. Нет, нет. Это изменено. Вам должны были послать открытку, но я вам могу зачитать, если хотите.
Он. Да. Да. Обязательно.
Она. Крысюк Семен Эммануилович, пятьдесят шесть лет, из раскулаченных, продавец.
Он. Кто?
Она. Продавец овощного отдела.
Он. Позвольте. Я врач. С высшим. Первый медицинский в пятьдесят втором году.
Она. Нет, нет. Это отменено. Вы продавец.
Он. Где, в каком магазине?
Она. Вы сейчас без работы. Вы под следствием и дали подписку.
Он. За что?
Она. Недовес, обвес. Этого в карточке нет, то ли вы скрывали. Я не поняла. Вам пришлют. Там что-то мелкое. Ну, у вас родственники там...
Он. Нет у меня там.
Она. Теперь есть.
Он. Где?
Она. В Турции.
Он. Турки?
Она. Нет... Сейчас палестинцы. Тут написано, что вы подавали какие-то документы. Что-то просили.
Он. Что просил?
Она. Тут неясно. Вам отказано. И от соседей заявление. Просят вас изолировать.
Он. Мы же незнакомы. Я их никогда не видел.
Она. Просьба рассматривается. Скажите спасибо, что у меня время есть. Я не обязана отвечать, я завтра ухожу в декрет, так уж сегодня настроение хорошее!
Он. Спасибо вам, пятнадцатая, пусть ваш ребенок будет здоров.
Она. Так что вы сейчас из дому не выходите. Соседи могут избить вас.
Он. Ладно. Спасибо. А тут письма, повестки на имя Крысюка, что делать?
Она. Ну как? Отвечайте. Это вам все!
Он. Простите, у меня дети есть?
Она. Сейчас... Маша, посмотри у Крысюка дети... (*Щелкнула.*) Минуточку! (*Щелкнула.*)
Двое. Сын восемнадцать и дочь двадцать семь.
Он. Где они?
Она. Он спрашивает, где они. (*Щелчок.*) Уехали в прошлом году.
Он. Они мне пишут?
Она. Минуточку. (*Щелчок.*) Им от вашего имени сообщили, что вы скончались.
Он. А всем, кто меня вспомнит под старой фамилией?..
Она. Лучше не стоит общаться. У вас и так хватает... Вам еще – курс лечения...
Он. От чего?

Она. Здесь сказано – туберкулез.

Он. Но я здоров.

Она. Сказано – кашель.

Он. Возможно.

Она. Вам тут что-то положено.

Он. Что?!

Она. Штраф какой-то.

Он. Спасибо.

Она. Да! Вы должны явиться.

Он. Ну и черт с ним.

Она. Нет. За деньгами. Перевод был. Но вас не нашли.

Он. Как – не нашли? Вот же находят все время.

Она. Вас не нашли и отправили обратно.

Он. Откуда перевод?

Она. Не сказано.

Он. Скажите, девушка, а внешность мне не изменили?

Она. Вот вы даете. А как же можно внешность изменить? На глупости у меня нет времени.

(Щелчок.)

Он. Так что же мне делать?

Голос из трубки. Ждите, ждите, ждите...

Общий порядок

Обыкновенное времяпрепровождение нашего человека – смотреть, как бы чего не свистнули, другого – наоборот, и оба заняты. Половина пассажиров следит за тем, чтобы другая половина брала билеты в трамвае, и первая половина уже не берет: она на службе. Таким образом, едет по билетам только половина народа.

Так же как половина населения следит за тем, чтобы вторая половина брала в порядке очереди, и сама, естественно, или, как говорят, разумеется, берет вне очереди, из которой тоже образуется очередь, параллельная первой. И те, кто стоял в живой очереди, зорко наблюдают за порядком получения в очереди, которая вне очереди, чем и достигается вот эта прославленная всеобщая тишина.

Сергею Юрскому

Товарищи! Вот было время, кто нас помнит! Как было интересно разоблачать, искоренять, высмеивать эти недостатки! А возмущались, а жаждали – не славы, при чем тут слава? – а искоренения, не устранения, а искоренения, именно – нения! Если не всех, то хотя бы одного! Но с условием: при жизни! Золотое время – молодость! Как чего-то одного хотелось! Не всего слабо, как сейчас, а одного и сильно, как тогда. Это же еще только начинались беспорядки на железной дороге, а мы уже – и куплеты, и танцы! Это еще колбаса приличная была, мясо в сосисках, бычки до потолка, стуженка стенами стояла. А мы уже кипели. Нам кричали: «А что вы предлагаете? Критиковать все могут». «Вот вы и критикуйте!» – кричали мы. «Ну и что же?» – кричали они. «Что же? – кричали мы. – Искусство разве не меняет жизнь?» «Никак!» – кричали они. «Врете! – кричали мы. – Вот оно как повсюду!» «Как?» – кричали они. «А так», – отрезали мы. Ох, время золотое! Слава богу, все прошло. Перевалили. Затихли. Сейчас иногда вскрикнет кто-то, но остальные придержат. Глянь в зеркало – пожилой мужчина... Но как приятно на свои фотографии смотреть... Ох, если б вернуть то время! Может, так же и прожил бы сначала, если б не знать, конечно, чем оно все кончится. Снова не знать и снова бороться. Эх! О сегодняшнем дне говорить не буду, так как не понимаю, о чем идет речь. Настолько меркнет то, что есть, перед тем, чего нет... И как-то тишина так, покой, безветрие. Только молодежь спрашивает: «Как это вам удалось? Какими вы были?» Что нам удалось, не знаю, а вот какими мы были, не знаю тоже. Я так думаю, что смотреть на нас в любом состоянии – большое удовольствие. И сейчас кипим. Раньше по поводу непорядков, сейчас – по поводу неудобств. Но кипим. Нас так и найдут – по испарениям.

Дорогой Сергей Юрьевич! Позвольте коротко о себе. Самое удивительное, что я старше вас, но не умнее. Наши пути вначале пересеклись, потом стали параллельными, что для Одесского порта – большая честь.

Дорогой Сергей Юрьевич! Мы уже как-то однажды случайно отметили ваше сорокалетие, и вот пожалуйста, дотянули и тянем дальше, вопреки всем ожиданиям. Мы перевалили через перевал. Уже пошумели, погалдели и ждем наград, придумав себе причину. Но правительство молчит, и мы громко хвалим друг друга, с надеждой поглядывая вверх. Думаю, что своими выступлениями вы в полном одиночестве принесли прибыли во много раз больше, чем несколько средних колхозов в средней полосе России, и, что главное, в отличие от них, хотя бы один человек вышел от вас чуть более образованным.

По-разному и одинаково сложилась судьба каждого въезжавшего в Москву. Все мы привезли в столицу что-то свое, довольно скоро распродали, кое-что поменяли на шмотки и сидим на них, тепло глядя по сторонам, ожидая, что из шмоток вылупятся мысли. И только вы время от времени пролетаете по этому базару, сверкая неустроенностью и похлопывая молодежь. Потом снова скрываетесь в Театре имени Моссовета, где скрываются многие. Видимо, уже пришло время прийти и посмотреть, что вы там делаете.

Как мы все догадываемся, наиболее значительный след в искусстве оставили люди 34-го, 35-го и, с большой надеждой скажем, 31-го года рождения, особенно марта месяца. Поэтому сообщаю вам, дорогой Сергей Юрьевич, что пятьдесят лет – это молодость. Единственное отличие от сорокалетия в том, что в такой день на почетных местах у артиста сидят урологи, пульмонологи, кардиологи, очковые и зубные протезисты. По ним легко определить диагноз и творческие успехи юбиляра. Отныне это наша компания конца дней, и наша задача – веселить и развлекать их с такой силой, с какой они нас лечат. Самое приятное, дорогой Сергей Юрьевич, что мы работали-работали, копили-копили, а терять нам нечего. Значит – смелей вперед, открывая новые формы, наполняя их старым содержанием. В общем, продвигаясь в остроумной компании врачей к яркому свету в конце тоннеля, уже ясно осознаешь, что все нормально,

все в порядке, может быть, даже хорошо. Просто мы не умеем определить. А чтобы хорошо и весело, надо остановиться на том, что сделано, разбивая его на мелкие кусочки и не доходя до слова «однако». Сделано много, не сделано еще больше. Значит, есть для чего ходить и стараться, есть для чего не выключаться и не отдыхать, даже валяясь на пляже.

В мире еще существуют люди, которых интересует игра ума. Из них некоторых интересуют размышления. Из них некоторых некоторые интересуются сомнениями, что дает нам огромную возможность надеяться.

Давайте разберемся

Меня возмущают те, кто возмущается.

Меня удивляют те, кто удивляется.

Ибо все претензии к нашей жизни отпадают, если с трудом понять и без труда сформулировать.

Наша жизнь солдатская.

И шутки солдатские.

И товары наши солдатские.

И утварь наша солдатская.

И разговоры наши солдатские.

И стадионы у нас солдатские.

И еда, и командиры.

И жалобы наши солдатские, и их обсуждения, и развлечения наши, и их обсуждения, и намеки наши солдатские, и ответный хохот.

И жены наши солдатки.

И лечение, и похороны после него.

И архитектура наша простая казарменная.

И заборы, и ворота среди них.

И покрашенная трава.

И побеленные колеса.

А начальство наше генералы.

И дома у них генеральские.

И шутки у них генеральские.

И шапки у них генеральские.

И жены, и дети у них генеральские.

И лечение, и похороны после него...

А мода у нас солдатская.

И манера у нас одна на всех.

И вкус у нас один.

И тоскуем мы по Родине, как и положено солдату.

Паровоз для машиниста

Здесь хорошо там, где нас нет. Здесь, где нас нет, творятся героические дела и живут удивительные люди. Здесь, где нас нет, растут невиданные урожаи и один за другого идет на смерть. Здесь, где нас нет, женщины любят один раз и летчики невероятны. Как удался фестиваль, где нас не было. Как хороши рецепты блюд, которых мы не видели. Как точны станки, на которых мы не работаем. Как много делают для нас разные учреждения. А мы все не там. А мы в это время где-то не там находимся. Или они где-то не там нас ищут?

И выступают люди и рассказывают, как они обновляют, перестраивают, переносят, расширяют для удобства населения. Для удобства населению, население, населением – где ж это население... ниям... нием?.. И дико обидно, что все это где-то здесь. Вот же оно где-то совсем здесь. Ну вот же прямо в одном городе с нами такое творится – ночи не спишь, все выскакиваешь – где? Да вот же тут. Да вот тут, буквально.

Ведь модернизировали, подхватили, перестроились, внедрили новый коэффициент, включаешь – не работает. И медленно понимаешь, что нельзя, конечно, оценивать работу таких огромных коллективов по машинам, которые они клепают.

Ну собирают они автобус, ну это же неважно, что потом водитель на морозе собирает его опять. Что при торможении на ноги падают вентиляторы и рулевые колонки, что веником проведешь по двигателю – сметешь карбюратор, фильтр, головку блока. И после всех улучшений она тупее любого водителя, ибо он успевает реагировать на уличное движение, она – никак, хоть ты тресни. Конечно, лучше такую машину отдавать в мешке. Кому надо, тот соберет, потому что не в машине суть, а в интереснейших делах. Гораздо важнее, что творится внутри предприятия, будь то театр, автозавод или пароход.

Смешно подходить к театру с точки зрения зрителя. На спектакли не ходят – от скуки челюсть выскакивает. А то, что режиссер непрерывно ищет и ставит, ставит и ищет? Театр первым отпартовал о подготовке к зиме, ни одного актера, не занятого в спектакле. При чем тут пустой зал? Тогда получается, что театр – для зрителя, поезд – для пассажиров, а завод – для покупателя?! Такой огромный завод – для покупателя? Нет! Это для всеобщей занятости.

Пароход – для команды, паровоз – для машиниста, столовая – для поваров, театр – для актеров, магазин – для продавцов, литература – для писателей! Нет и не может быть выхода из этих предприятий – настолько увлекательный процесс внутри. Смешно ждать снаружи чего-либо интересного. Схватил у самого передового коллектива пылесос – он не работает, потому что не он главный. При чем тут борщ, когда такие дела на кухне?!

Приходят на завод тысячи людей – строят себе базу отдыха, открывают новую столовую, озеленяют территорию, получают к празднику заказы. Что главное – занять эти тысячи работой или дать тем тысячам пылесосы, без которых они жили и живут?!

Стучит в море пустой пароход, дымит по улице пустой грузовик, стоит в городе пустой магазин, а вокруг кипит жизнь, люди поддерживают друг друга, выступают на собраниях, выручают, помогают в работе, знающий обучает отстающего, пожилой передает молодым, бригада избавляется от пьяницы, непрерывно улучшается и совершенствуется станочный парк, и научные исследования удовлетворяют самым высоким требованиям. А включаешь – не работает. И не надо включать. Не для вас это все. Не для того – чтоб включали, для того – чтоб делали.

Где надо, работает, там потребитель главный. А где не надо, там процесс важнее результата; процесс – это жизнь, результат – это смерть. А попробуй только по результату. Это куда ж пойдут тысячи, сотни тысяч? Они пойдут в покупатели. Нет уж, пусть лучше будут производителями, пусть знают, чего от себя ожидать.

Смешно оценивать ТВ по передачам, больницы – по вылеченным. Конечно, мы по количеству врачей обогнали всех, теперь бы отстать по количеству больных, но тогда пропадает

смысл работы коллектива, загружающего самого себя. Тогда о нашей работе надо спрашивать совершенно посторонних. А разве они знают, что мы сэкономили, что отпраздновали, кого вселили, кого уволили? Что расскажет изделие о жизни коллектива? Что будет в новостях, которых так жадно ждет население: пушена вторая очередь, задута третья домна, пущен первый карьер, дал ток третий агрегат. Кто знает, сколько их там, когда начнут, когда закончат?

Определенность – это неисправимо, а неопределенность – это жизнь. Развернулись работы по озеленению. Не для озеленения эти работы. Пылесос работает? Нет! Один бит информации. А как сегодня дела у коллектива пылесосного завода, как с утра собираются люди, как в обед приезжают артисты, как между сменами торгует автолавка, как психологи помогают начальникам цехов, как дублеры работают директорами – миллионы битов, пьес, романов.

Пылесос – для одного, пылесосный завод – для тысяч. Потому так замолкают люди, собравшиеся в пароход, завод, в институт. Дадут одно поршневое кольцо, и сидят пятьсот или шестьсот под надписью: «поршневое кольцо», «гибкие системы», «топливная аппаратура». Огромная внутренняя жизнь, хоть и без видимого результата, но с огромными новостями, так радующими сидящих тут же, такое состояние запора при бурной работе организма.

А машину как-нибудь дома соберем, квартиру достроим, платье перешьем, трактор придумаем, самолет в квартире склепаем и покажем в самой острой передаче под девизом «Один может то, чего все не могут».

Браво, сатира!

Сатирик. Здравствуйте, дорогие друзья! Добрый вечер! Товарищи! Сколько можно?! В каждой приемной сиди, за пустяковой бумагой стой. А эта организация производства? Когда наконец дурак перестанет попадаться в наших кадрах? Нет движения среди персонала. До каких пор будет пробиваться здравая мысль? Где она? Улицы полны грузовиками. У нормального изобретателя нет шансов. Ум сквозь портьеру глупости, острое слово под одеялом, темень и соглашательство, тупость и невежество. Долой этих людей! Где мы?

(Бурные аплодисменты, сатирик кланяется.)

Крики. Браво!

Сатирик. Не за что! Спасибо! Не за что!.. *(Получает букет.)* Спасибо, деточка, тебе понравилось?.. Особенно про кого?.. Про учителей. Приходи, каждую пятницу мой вечер, а по средам я с вокалистами. Целую всех, целую всех. Какая публика!

Из зала. За нехватку металла – браво! Браво!

Сатирик. Спасибо! Да. Я понимаю. Спасибо!

Голос. Бис! Про очереди! Бис! Еще! Еще!

Скандеж. Еще! Еще!

Сатирик. Ну хорошо! Внимание *(Прокашливается.)* Вопросы качества...

(Аплодисменты.)

(Прокашливается.) Нас волнуют, но не тревожат.

(После паузы.) Главное – обеспечить всех штанами, а потом будем бороться за то, чтобы их носили.

(Грохот.)

Крики. Браво! Браво! Бис! Бис!

Сатирик. Главное – обеспечить всех штанами, а потом будем бороться за то, чтобы их носили.

(Аплодисменты, крики «Браво!», снова аплодисменты.)

Сатирик. Ну что вам исполнить? Какая публика изумительная, ну, заказывайте.

Голос. Про бюрократов, пожалуйста!

Сатирик. Я все не буду, только концовку. *(Исполняет.)* За каждой справкой неделю ходить. В каждой приемной день сидеть. Каждая резолюция дается с бою, и далеко не каждая выполняется. Бюрократов не просто мало – их много! Долой! Все!

(Буря аплодисментов. Скандеж.)

(Поднимает руку.) Где справедливость? В школе холодно. В институте конкурс родителей. Именно с усилением морозов холодеют батареи. В магазинных овощах – гниль. На рынке – недоступно. Как же так? Где же это? Неужели здесь? Доколе?!

Голос. Боже! Как он не боится?.. Изумительно. Мысль. Стил. Браво! *(Отчаянно.)* За плохое отопление – спа-си-бо! За низкую зарплату – браво!

Сатирик. Спасибо! Спасибо! *(Кланяется до пола, встряхивает гривой. Показывает на горло.)* Я еще сегодня в трех местах. Пишите мне, я буду отвечать вам с открытым забралом. Так, взявшись об руки, мы будем устраивать вечера. Мы будем смеяться лучшим смехом в мире, смехом сквозь море слез. В ответ на каждую нехватку будет слышен наш хохот и крики «Браво!». А когда этот хохот перейдет в истерику, его уже не остановит ничто. Спасибо! Спасибо!

Аэрофлот времен расцвета

Аэрофлот обладает огромным достоинством. Он сближает и уравнивает всех. Во-первых, он не летит столько же, сколько летит; во-вторых, у него есть специальные порты, типа Минводы, откуда самолеты не вылетают никогда. Они туда слетаются и там сидят под разными лозунгами: неприбытием, метеоусловиями, опозданием, очисткой полосы. Там уже никого не удивляет, если вдруг объявится самолет «АН-12» рейс 1738 от 26 февраля 1972 года Алма-Ата – Надым, встречающих, оставшихся в живых, просят оставаться на местах...

В таких аэропортах знаменитый артист, собирающий по пять тысяч зрителей, постепенно превращается в ханыгу.

Дикое везение – мой товарищ спит в недействующей урне, прижав дорогую скрипку. Я куняю на действующей урне. Это каждые две-три минуты приподнимайся и принимай под себя мусор.

- Гражданин, нашел где спать!
- (*Хрипло.*) Через два часа вылет.
- Ага... Через два часа. Не мешайте убирать.
- (*Хрипит.*) Сказали, в четыре тридцать два утра...
- Ага... Кто тебе сказал?
- Радио.
- А ты поверил?
- А кому верить?
- Извините... Позвольте бросить бумажку.
- Пожалуйста.
- А я вас узнала. Вы еще критиковали здравоохранение.
- Ага... Критиковал... Видишь теперь, как они меня...
- А где можно вас послушать?
- Слушай...
- Я хотела на концерт.
- Какой концерт... Ты сколько здесь сидишь?..
- Мы только прилетели. У нас маленькая задержка.
- Давай завтра поговорим.
- Мы сейчас улетим.
- Ага... Улетишь... Видишь, на мусорном ящике спит тетя. Ее в Сочи ждут сто тысяч зрителей, а в трех урнах спят шесть оркестрантов – они занимались музыкой, до того как попали сюда. Они три раза садились в самолет и даже один раз выруливали на полосу...
- Извините, позвольте бросить окурочек.
- Вы его хорошо потушили? А то у меня уже было...
- А вы знаете, Кишинев улетел, вы слышали, что они вчера устроили... И им дали какой-то резервный самолет, и они буквально час назад... А, нет-нет, вот они идут.

Снова кишиневские крики:

- Где начальник смены?
- Где дежурный по транзиту?
- Чтоб в трехмоторном самолете не было ни одного двигателя – это преступление. Они думали, мы ничего не понимаем. Где дежурный по транзиту? Почему Кишинев задержка неприбытием, когда метеоусловиями Харькова выпущены на борт 2432 рейс 1763 от 25.10.76 года Кишинев – Москва, опозданием 16 часов, 38-я стоянка.

Радио: «Послушайте информацию».

- Наконец-то.

– Запрещается перевозить...

запрещается иметь...

запрещается использовать...

запрещается принимать...

запрещается сдавать...

в дополнение к запрещениям запрещается располагаться...

пассажиров рейса 583 Минводы – Львов просят от посадки воздержаться!

Наш человек – лучший в мире пассажир, лучший в мире покупатель, лучший в мире зритель, ибо ничего он не видел.

МПС с 36-го года издало инструкцию, где все триста пунктов – «клиент обязан» и лишь один – «МПС имеет право».

И тем не менее лишь самолетом можно облететь эту огромную страну, которую портят магазины, только магазины...

– Вы пришли в магазин, там ни черта нет. Ваши действия?!

– Ну как?.. Я возьму...

– Нечетко.

– Вы посреди незнакомого города, очередь большая, предмет кончается, времени нет. Ваши действия?..

– Ну я...

– Долго стоял, заплатил, привезли не то, привезли не туда, требуют денег, подают в суд. Ваш ответ?..

– Ну как же я...

– Казалось – «хлеб – булки», никогда не было очереди. Вы пришли в тапочках, тут толпа. Реагируйте!

– Да на черта мне, уйду без хлеба.

– Вы пришли в магазин «Все для садовода», а ничего для садовода там нет. Ваши действия?

– Какие мои действия – пошлю их!

– Стоп! Все! Недоумие, отсутствие реакции, низкая бытовая моторность, полное неумение ориентироваться на знакомой местности. Лишается гражданства, подвергается домашнему аресту в коммунальной квартире, пожизненному смеху детей.

Непереводимая игра

Наши беды непереводимы. Это непереводимая игра слов – даже Болгария отказывается. Они отказываются переводить, что такое «будешь третьим», что такое «вы здесь не стояли, я здесь стоял», что такое «товарищи, вы сами себя задерживаете», что значит «быть хозяином на земле». Они не понимают нашего языка, ребята. Как хорошо мы все придумали. Мы еще понимаем их, но они уже не понимают нас. Ура, границы перестают быть искусственными! Наш язык перестает быть языком, который возможно изучить. Мы можем говорить громко, без опасений. Шпион среди нас – как белая ворона. По первым словам: «Голубчик, позвольте присесть» – его можно брать за задницу. Зато и наши слова: «Эта столовая стала работать еще лучше» – совершенно непереводимы, ибо, если было «лучше», зачем «еще лучше»? Да, это уж никто не поймет, хотя и мы – не всегда.

А наши попевки: «порой», «иногда», «кое-где» «еще имеются отдельные...»? А борьба за качество? Кому объяснишь, что нельзя сначала производить продукт, а потом начать бороться за его качество? Что такое сыр низкого качества? Может, это уже не сыр? Или еще не сыр? Это сыворотка. А сыра низкого качества не бывает. И велосипед низкого качества – не велосипед. Это все дерь... сырье! Которое должно стать велосипедом.

И стали низкого качества не бывает. Сталь – это есть сталь, кефир есть кефир, сметана – это сметана. Но мы все правильно сдвинули, чтоб запутать иностранцев и сбить с толку остальных. То, что мы называем сметаной, сметаной не является. Когда нужна сталь, она найдется. А домашнее все – из чертежей тех конструкторов, что на низкой зарплате. Их тоже конструкторами нельзя назвать, как эти деньги – зарплатой.

Только тронь комбайн, чтоб он чище косил, – чуть ли не историю в школе надо лучше читать. Поэтому уборку мы называем битвой. А бьемся с комбайном. И все это – «невзирая на погоду». Неблагоприятная погода в каждом году породила непереводимую игру слов: «невзирая на неблагоприятные погодные условия...». Это значит – дождь. Как перевести, что дождь был, а мы – «невзирая»?

Как учат нас писатели: жизнь и язык идут рядом, я б даже сказал – это одно и то же. И непереводимая игра слов есть непереводимая игра дел. Я скажу больше: нас компьютеры не понимают. Его спрашивают, он отвечает и не понимает, что отвечать надо не то, что хочешь. Это тонкая вещь. Ему пока свезут данные, кое-что подправят: в него закладывают, кое-что сдвигают – и ему у себя внутри надо сообразить. Поэтому после него, перед тем как показать, тоже кое-что двигают. Спрашивается: зачем он нужен?

Привезли машину, чтоб свободные места в гостиницах считала. И сидит американский компьютер и дико греет плохо приспособленное помещение, весь в огнях, и не сообразит, кто ж ему свободные места по доброй воле сообщит. Это ж все конфеты, все букеты, всю власть взять и дурной машине отдать. Так что он давно уже из пальца берет и на потолок отправляет. Машина сама уже смекнула, что никому не нужна, но щелкает, гремит, делает вид дикой озабоченности, как все, которые никому не нужны.

Наши цифры непереводимы. И нечего зашифровывать. Рассекретим наши цифры – ничего не узнаешь. Только свой понимает, что значит «бензинорасходы», «тонно-километры», «металлоремонт». Какая тут непереводимая игра цифр, запчастей, самосвалов и частных. Только свой понимает, как приносить пользу обществу вопреки его законам. Только свой в состоянии понять, что не газета нам, а мы газете новости сообщаем.

– Правда ли, что здесь мост будут строить? – пишем мы.

– Правда, – сообщает нам газета.

Шпионов готовить невозможно. Их нельзя обучить. Мы-то учились по тридцать-сорок лет с отличием и такое научились понимать и раскусывать, что слова тут вообще ни при чем.

Поэтому, если кто хочет, чтоб его хорошо понимали здесь, должен проститься с мировой славой. Это относится к писателям, конструкторам и художникам Дома моделей.

Мы гуляли в лесу под Ялтой

Пароход пока стоял. Мы углубились. Она сказала: «Давай закопаем вещи, документы, деньги, чтоб не мешали гулять. А место запомним – вот эти три дерева». И я согласился.

И мы закопали.

Мы еще гуляли часа два, а потом перестали...

Я к ней хорошо относился...

Собственно, а что из нее выжмешь?..

Паспорт можно восстановить...

Хуже...

Там еще вот эта была...

Виза...

Перекопали мы...

Хуже, что лес заповедный...

Потом эта... охотинспекция...

Пароход за это время два раза приходил...

Нам сверху видно...

Главное, не в чем из лесу...

Если кто появлялся, уходим вглубь...

Копаем по ночам...

А что о себе...

Да охраняем... не даем туристам костры жечь, кабанов гоняем – не даем копать...

Там, где мы перекопали, уже побеги...

Аттестат зрелости не жалко, но там эта...

Сберегательная книжка и аккредитив... права... диплом, деньги, справки.

Многие спрашивают, как я к ней после этого.

А как?.. Хорошо...

Наш секс

- Музыка. Темнота. Шепот.
- А это можно?
 - Я думаю, можно.
 - А если мы сядем сюда, нас не выгонят? Как ты думаешь, можно?
 - Я думаю, можно.
 - Я боюсь, может быть, здесь сидеть нельзя?
 - Я думаю, можно. Я уверен, что можно. Почему же нельзя? Нигде же не написано, что нельзя. Поэтому я думаю, что можно. Тебе хорошо со мной?
 - Да. Но здесь, по-моему, нельзя сидеть.
 - Можно. Я думаю, можно.
 - А нас отсюда не попросят?
 - Нет... Почему? Зачем нас гнать? Мы же ничего такого не делаем. Мы просто сидим.
 - Конечно. Мы же ничего такого не делаем.
 - А что, ты слышала, что отсюда гонят?
 - Нет.
 - Я тоже не слышал. Давай посидим здесь.
 - Вот увидишь, здесь нельзя сидеть.
 - Давай здесь.
 - Не надо. Я боюсь.
 - Ты меня боишься?
 - Нет.
 - Не бойся. Здесь можно сидеть. Нас не выгонят.
 - Здесь какой-то забор.
 - Это обычный забор. Сюда свободный вход.
 - Ты здесь бывал уже?
 - Нет. Я так думаю. Он не похож на забор, куда не пускают. Это хороший забор. Зато нас здесь никто не видит.
 - Видят. Видят. Всюду видят. Они так ставят скамейки, чтоб было видно. Наверное, здесь нельзя.
 - Можно. Я уверен, что можно.
 - А музыку включить можно?
 - Вот это, наверное, нельзя. А ты как думаешь?
 - Я думаю, нельзя.
 - А жаль, правда?
 - Очень. А кому мы мешаем?
 - Наверное, кому-то. Я еще не знаю, но, если включить, он сразу появится. А если мы передвинем скамейку?
 - Ты думаешь, это можно?
 - Я уверен, что можно. А? Мы ничего такого не сделаем. А?
 - Может, и сделаем, я же не знаю.
 - Ну что, ну что мы сделаем?
 - Я не знаю. Нарушим что-то.
 - Ну что, ну что нарушим? Ну очень же неудобно сидеть лицом к свету. Правда?
 - Правда.
 - Передвинем?

– Передвинем... Вот видишь! Ну что с тобой такое. Зачем ты это затеял. Что, плохо было сидеть?

– Ну откуда я знал. А я тебя спрашивал. Ты сама говорила, мы ничего такого не сделаем.

– Нет, я сказала, сделаем.

– Когда ты сказала?

– Сказала.

– Значит, не надо было передвигать.

– А я и не хотела.

– Хотела.

– Это ты хотел.

– И ты хотела.

– Тише. А здесь, ты думаешь, можно сидеть?

– Можно. Здесь можно. Здесь, я думаю, можно.

– Ты же думаешь, что здесь грабят.

– А здесь можно грабить?

– Я думаю, нельзя.

– А я думаю, можно. Это же совсем другое, чем сидеть.

– А это можно?

– Можно. Я думаю, можно. А кто запретил?

– Я не знаю. Я слышала, что нельзя.

– А я не слышал, что нельзя. Значит, можно.

– Нет. Если хоть один человек слышал, что нельзя, значит, нельзя. Это точно.

– А если я слышал, что можно?

– Нет. Если один человек слышал, что можно, а другой, что нельзя, все равно нельзя.

Мама говорит: лучше думай, что нельзя – всегда будешь права.

– Да... А поцеловать тебя можно?

– Наверное, можно.

– А по-моему, здесь нельзя.

– Почему нельзя? Я думаю, можно.

– А я думаю, что нельзя.

Шелест листьев: «Можно-можно, нельзя-нельзя, можно-можно, нельзя-нельзя». Цикады, лягушки, ручеек: «Можно-можно, конечно, можно, можно все...»

Чудо мое

Какое прекрасное столкновение! Какое пересечение! Какая одуряющая разница и женственность!!!

– Что бы ты ни сделал, ты не навредишь мне.

Володя смотрит со стены.

– Мишка, из Парижа меня тянуло в Москву, из Москвы – в Париж. Мишка, как ты думаешь, почему?

Курящий маленький рот. Как удобна в руке. Как хороша на груди, на коленях. Где бы ни поселилась.

– Позвони маме. Моя репутация страдает. Звони. Иначе мне не повезет.

Звоню, Володя, звоню. Ради маминого здоровья и маленькой очаровательной репутации.

Скрипит калитка. Открываю... Кто-то: «Нет ли закурить?!»

Однако цел.

– Который час?

– Два часа, мама.

– Я думаю, три.

– Тсс-с... Конечно три, но какие три!..

– Володя, я потушу свет, и ты перестанешь смотреть на меня... Но сначала телефон...

22–13–47. Для конспирации – на «Ч» – «Чудо мое».

Наш человек лучше всех

Наш человек лучше всех других еще и тем, что в любую секунду готов ответить на самый каверзный вопрос: почему днем дома?

На какие деньги?

Где жена купила?

Как оформлено?

Сколько положено, а сколько на самом деле?

Где спрятана разница?

Где третий?

Есть ли свидетели, что кофе из магазина, и их адреса?

Как в доме оказалось мясо?

Когда, где и кем?

Этих сапог нет в продаже. Если были, то где, когда? Сумеет ли ЦУМ подтвердить?

Любой другой сторит. Зачем он ходит по земле, если не в состоянии вспомнить, что делал вечером шестого девятого семьдесят второго, хотя прошло всего тринадцать лет и все свидетели живы.

Казалось бы, пока еще легко доказать. Действуй! Даже если пока тебя еще не спрашивают. Что тебе мешает? Доказывай непрерывно.

Гордись, если сходится. Переживай, если что-то не так и следовательно в тупике. Ищите вместе. Доказывай непрерывно, не смущайся. Невинность, в отличие от невинности, требует ежесекундных доказательств.

Пошел – не виноват.

Вышел – не виноват.

Рубль вынул – не виноват.

Казалось бы, толстый, румяный, жизнерадостный – а не виноват.

Парадокс – но бывает, хотя надо доказать.

Подойди к прохожим, объясни, почему торт. Казалось бы, со службы, а торт в руках. Все замерли. Объясни – не держи людей в напряжении. Если день рождения, покажи паспорт. Сними проблему.

Объясни, что костюм наш, хотя похож на английский, но наш, а туфли действительно английские. Это уж точно, тут уж ничего – поймут, но были в продаже, куплены такого-то. Подходи ко всем, успокаивай. Кто за тебя это сделает? Каждый шаг обоснуй, оправдай и гуляй на здоровье. Только объясни, почему гуляешь, и гуляй.

У комиссии нет большей радости, если ты оправдался. Там же друзья твои. Им, наоборот, легче – живи еще, если хочется, живи, докажи необходимость – и живи, радуйся.

Если все невинные оправдаются и отойдут, перед глазами останутся кто? Виноватые! Что и даст возможность их сразу выявить.

Можно только порадоваться той огромной работе, что проводит население, восторгаться атмосферой готовности, когда уже не требуется вопросов. Ответы несут со всех сторон – в шапках, карманах, глазах, портфелях. Ибо вопрос висит один над всеми: почему? По какому праву? Ответ каждый несет из сердца своего. Все перед всеми. Из одежды, из души, из тела – ответ, ответ, ответ. Не ожидая вопроса – ответ, ответ, ответ. Как ходьба, как сердце – ответ, ответ, ответ. Чудо!

Суть нашей жизни

Суть нашей жизни в том, что посреди любого удовольствия, любви, выпивки или лучшей беседы может кто-то подойти и сказать:

– Вы чего это здесь собрались? Совесть у вас есть?

И вы начнете собираться неизвестно куда.

Компания, стол, чтение, разговоры, смех, наслаждение – вдруг:

– Что это вы здесь делаете? А ну быстро!

И вы собираетесь неизвестно куда.

Белая ночь, гитары, огни пароходов на светлой воде...

– Ну-ка, что это вы здесь собрались? Ну-ка, ну-ка без разговоров!

И вы собираетесь.

«Съчас – съчас – съчас...» – только чтоб тихо, только чтоб мертво было.

Или черная ночь. Звезды, море, наверху танцы, внизу темно и таинственно, и только ее руки еще светятся, а твои уже нет. И вдруг, как рев коровы:

– Это кто здесь прячется? Что это такое?! А ну-ка быстро отсюда!

И вы собираетесь неизвестно куда.

Здесь убирают, здесь подметают, здесь ограждают, здесь проверяют, здесь размечают. Так шаг за шагом, как диких оленей.

И вот оно родное: икра из синеньких-помидорок, арбуз, бычки жареные, килечка домашняя...

– А ну вон отсюда. Этта что такое? А ну, вон отсюда!

И вы опять начинаете собираться, совсем забыв, что вы у себя дома!

Государство и народ

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Отношения с родным пролетарским государством складываются очень изощренно. Пролетариат воюет с милицией, крестьянство – с райкомами, интеллигенция – с КГБ, средние слои – с ОБХСС. Так и наловчились: не поворачиваться спиной – воспользуются. Только лицом. Мы отвернемся – они нас. Они отвернутся – мы их.

В счетчик – булавки, в спиртопровод – штуцер, в цистерну – шланг, и качаем, озабоченно глядя по сторонам. Все, что течет, выпьем обязательно: практика показала, чаще всего бьет в голову. Руки ходят непрерывно – ощупывая, примеривая... Крутится – отвинтим. Потечет – наберем. Отламывается – отломаем и ночью при стоячем счетчике рассмотрим.

Государство все, что можно, забирает у нас, мы – у государства. Оно родное, и мы родные. У него и у нас ничего вроде уже не осталось. Ну там военное кое-что... Антенну параболическую на Дальнем Востоке, уникальную... Кто-то отвернулся – и нет ее... По сараям, по парникам... Грузовик после аварии боком лежит, а у него внутри копаются. Утром – один остов: пираньи...

И государство не дремлет. Отошел от магазина на пять метров, а там цены повысились. От газет отвернулся – вдвое, бензин – вдвое, такси – вдвое, колбаса – вчетверо. А нам хоть бы что. Мировое сообщество дико удивляется: повышение цен на нас никакого влияния не имеет. То есть не производит заметного со стороны впечатления. Те, кто с государством выясняться боится, те на своих таких же бросаются с криком: «Почему я мало получаю?! Почему я плохо живу?!» И конечно, получают обстоятельный ответ: «А почему я мало получаю?! А почему я плохо живу?!»

А от государства – мы привыкли. Каждую секунду и всегда готов. Дорожание, повышение, урезание, талоны – это оно нас. Цикл прошел, теперь мы его ищем. Ага, нашли: бензин – у самосвалов, трубы – на стройках, мясо – на бойнях, рыбу – у ГЭС. Качаем, озабоченно глядя по сторонам. Так что и у нас, и у государства результаты нулевые, кроме, конечно, моральных. Нравственность совершенно упала у обеих сторон. Надо отдать должное государству – оно первое засуетилось.

Ну, мол, сколько можно, ребята, мы ж как-то не по-человечески живем... А народ чего, он полностью привык, приспособился, нашел свое место, говорит, что нужно, приходит куда надо и отвинчивает руками, ногами, зубами, преданно глядя государству в глаза.

– У нас государство рабочих и крестьян, – говорит государство.

– А как же, – отвечает народ, – естественно! – И отвинчивает, откручивает, отламывает.

– Все, что государственное, то твое.

– А как же – естественно, – говорит народ. – Это так естественно. – И откручивает, отвинчивает, отламывает.

– Никто тебе не обеспечит такую старость и детство, как государство.

– Это точно, – соглашается народ, – прямо невозможно... Это ж надо, действительно. –

И переливает из большого жбана по банкам трехлитровым.

– Только в государственных больницах тебя и встретят, и положат, и вылечат.

– Только там, действительно, как это все, надо же... Давно бы подох, – тут же соглашается народ. И чего-то сзади делает, видимо, себя лечит.

– И ты знаешь, мне кажется, только в государственных столовых самое качество. Оно?

– Оно, – твердо говорит народ и поворачивает за угол с мешками.

– Куда же ты? – спрашивает государство через свою милицию.

– Да тут недалеко.

- Не понял.
- Да рядом. Не отвлекайтесь. У вас же дела. Вон международное положение растет... Не отвлекайтесь. Мы тут сами.
- Не понял. Что значит сами? Анархия, что ли? У нас народовластие. Это значит нечего пасть, кто куда хочет. Только все вместе и только куда надо.
- Да не беспокойтесь, тут буквально на секундочку.
- Куда-куда?
- Да никуда, ой, господи.
- А что в мешках?
- Где?
- Да вот.
- Что?
- В мешках что?
- Что в мешках, что? Где вы видите мешки? От вы, я не знаю, я же хотел через минуту назад.
- А ты знаешь, что в этом году неурожай. Погодные условия, затяжная весна, в общем, неурожай.
- Да нам что урожай, что неурожай. Все равно жрать...
- Ну-ну!..
- Полно.
- Это потому, что мы закупаем, а мы должны сами.
- Должны, конечно, но это уже чересчур... И вы будете покупать. И мы будем сами. Это чересчур – объединимся.
- Нет, мы закупать не должны, мы сами...
- А, ну тогда не хватит.
- Что ты плетешь? Тебе вообще все равно. Какой ужас, тебе вообще все равно – есть государство или нет.
- А что нам не все равно?
- Как? Постой! Мы твое государство, ты это знаешь?
- Знаю.
- А то, что ты народ, ты это слышал?
- Слышал.
- И води себя, как должен вести народ.
- Как?
- Ты должен бороться за свою родную власть.
- С кем?
- С сомнениями... Это твоя родная власть.
- Вот эта?
- Эта-эта. Другой у тебя нет. И не будет, я уж позабочусь. Так что давай яростно поддерживай. Это не просто власть. Это диктатура твоя. Вы рабочие и крестьяне, и тут без вас вообще ничего не делается, и нечего прикидываться.
- Вона...
- А как же. Это ж по твоему желанию реки перегораживаются, каналы строятся, пестициды...
- Вона...
- Ты же этого хотел...
- Когда?
- Вот тебе на... Что ты прикидываешься, ты же всегда этого хотел.
- Хотел, конечно. Ой, разговор какой тяжелый... Позвольте на минутку.

- Стоять! Отвечай по форме.
- Глуп, ваше сиятельство.
- Не смей! Я твое родное народное государство. Отвечай: «Слушаюсь, гражданин начальник!»
- Слушаюсь, гражданин начальник.
- И знай, если кто поинтересуется, ты сам всего этого хотел. Ясно?
- Так точно. Ясно.
- И государство тепло посмотрело на народ.
- Заправь рубаху как следует, пуговку застегнуть. Вот так. Нам друг без друга нельзя, –
сказало государство.
- Почему? – сказал народ. – Конечно. Хотя...
- Нельзя. Нельзя. Ты не вздумай отделиться... Ты обо мне подумай. Что это за государство без народа. И так уже сплетни, мол, насильно живем.
- Да что вы. Я только хотел на минутку отделиться и назад.
- Нельзя. Стой на глазах. Не вертись. Ну, чего у тебя?
- Можно власть отменить?
- Так это же твоя власть.
- А отменить нельзя?
- А враги, а друзья?
- Какие враги, какие друзья? Что-то я их не видел.
- Напрасно. Они нас окружают. Врагов надо донимать. Друзей надо кормить, иначе никто дружить не будет.
- И чего? Все время?..
- Все время, иначе все разбегутся. И враги не будут враждовать, и друзья не будут дружить. А нам они пока нужны. Обстановка сложная. Ну, иди, корми друзей, врагами я само займусь, и чтоб все понимал. А то стыд. Ни у одного государства такого бестолкового народа нет... Иди. Стой! Ты меня любишь?
- Ага.
- Пошел!..

Великая страна

Великая страна. При внутренней вражде – большая внешняя дружба. Часть ездит быстро, часть – медленно, и те, кто ездит быстро, ждут тех, кто медленно, или выезжают им навстречу назад, чтоб уже вместе вперед.

Передовые делятся опытом с отстающими и отстают (так как объясняют и показывают на ходу). Как танцы. Хорошие танцоры обучают плохих, передают им мастерство, которое у них не восстанавливается, а тем все равно не передается.

Талантливые обучают бездарных, пытаются научить их таланту. Зато бездарные задают тот знаменитый общий низкий уровень, от которого мы не можем оторваться, невзирая на спешку, суету, гигантские усилия и крики к другим странам: «Подождите!»

Мусоропровод

Монолог снизу

Да, лучше стал жить народ, раздухарился, осмелел. Из мусоропровода рубахи пошли. Бритвы металлические «Спутник». Цельная швейная машина «Проминь». Комбайн кухонный «Страуме» по частям... Пиджак букле «Светоч». Брюки габардиновые «Ой-тык Оол».

Раздобрел народ. Соус в канализации находят, в отбросах – рыба фаршированная. А вчерась старушка двоих с балкона окатила, химчистка не взяла – сироп. Окончательно народ сдурел. Шуточки шутит от переедания.

Магазины ломаются, сорок шестой размер никто не берет. Мужчина на физической работе пятьдесят вторым животом об верстак трет. Кашне ему не хватает шею замотать. Вместо рожки такая сковородка – жена или другая женщина за неделю не перецелует. А вы говорите: концентрат в урне нашли!

Бабка с магазина прет, с нее крупа сыплется, куча ворон сзади – не обернется! Сама жирная. И дети у нее кроты, щеки сзади видны, зады свисают, как черешни.

А бабы некоторые только боком в государственное учреждение, только боком. Скомандуй ей: пятки вместе, носки врозь, – умрет не сомкнет! И дышит, как компрессор. Желудок на глаза давит! И грозит им полная недвижимость. А куда они пойдут? Два шага вперед – телевизор, два шага назад – туалет, руку протянул – мусоропровод.

Им говорят: «Дамы, бегайте, чтобы выжить». Так она тебе и побежала сама по себе, если ее там никто не ждет. Эта врачиха по телевизору говорит: «Не смотрите меня сейчас, вредно. Выключайте, бегите!» Это ж надо характер иметь.

По аптекам сидят. Помереть бояться: знают, что царство небесное отменили, значит, все надо здесь иметь, потому что там уже точно ничего не будет.

Мусоропровод раскалился: литература идет, костюмы, шляпы пошли велюровые и макинтоши синие – начальство выбросило. Интеллигентный мужчина пятнадцать рублей дает, только чтоб рояль забрали. А куда я с этим роялем пойду? Макинтош китайский «Дружба» ни одна комиссионка не берет. Брюки галифе, диагональ, еще четыре поколения могут сквозь чашу продираться – в отбросах. Только ходят бабы губы кривят: того у меня нет, этого нет. Я ей говорю: «Встань на мое место под мусоропровод, все будешь иметь!»

Так жить нельзя

Нашу жизнь характеризует одна фраза: «Так больше жить нельзя!»

Вначале мы ее слышали от бардов и сатириков, потом от прозаиков и экономистов, теперь от правительства.

Наш человек эту фразу слышал и триста лет тому назад, двести, сто и, наконец, семьдесят лет назад сделал так, как ему советовали, ибо так больше жить нельзя... С тех пор слышит эту фразу каждый день.

Убедившись, что эти слова перестали быть фразой, а стали законом, не зависящим от образа жизни, он повеселел. Как бы ты ни жил, так больше нельзя.

А как можно? Тут мнения делятся. Там, за бугром, вроде живут неплохо, но так жить нельзя. Кроме того, с нами находятся крупные работники, которые и твердят, что так, как там, нам жить нельзя, и мы уже один раз отказались, и мы должны мучиться, но держать слово. На вопрос: «Там есть что-то?»

– Есть чего.

– Одеть есть чего?

– Есть чего.

– Пить есть чего?

– Есть чего!

– Так почему – так жить нельзя?..

Тут они багровеют, переходят на ты, а потом тебе же про тебя же такое, что ты долго мотаешь головой и ночью шепчешь: «Постой, я же в шестьдесят пятом в Казани не был...»

В общем, как там – жить запрещено, а как здесь – жить нельзя. Поэтому сейчас с таким же удовольствием, с каким раньше публика наблюдала за юмористами, балансирующими между тюрьмой и свободой, так сейчас – за экономистами, которые на своих концертах объясняют, почему как здесь – жить нельзя, а как там – не надо. Потому что, мол, куда же мы тогда денем тех, кто нам мешает, их же нельзя бросать, нам же их кормить и кормить: потому что это их идея жить, как жить нельзя, куда же мы авторов – неудобно.

Билета на концерты виднейших экономистов не достать, хохот стоит дикий. Публика уже смеется не над словами, а над цифрами.

Тут соберут, там потеряют.

В магазинах нет, на складе есть – на случай войны.

Тогда давайте воевать поскорей, а то оно все испортится.

И что в мире никто мороженое мясо не ест, только мы и звери в зоопарке, хотя звери именно не едят, только мы.

Вот я и думаю, а может, нас для примера держат. Весь мир смотрит и пальцем показывает:

– Видите, дети, так жить нельзя!

Борьба с населением

Так, как раньше, жить нельзя. Теперь – как теперь? Вопрос на первый взгляд простой: живи, и все. Если выживешь. Договорились, что мы умираем раньше всех. Об этом мы договорились. Умираем, чтобы сконцентрировать, а не растягивать процесс. Умираем раньше, причем намного, иначе договариваться не стоило. Сделать ярче короткую, но яркую – таким бывает экран неисправного телевизора – жизнь и ослепительную точку в конце.

Борьба с населением подходит к концу. Все от него отмежевались, и народ остался один. Население, предупрежденное, что никак не пострадает, игнорирует предупреждения. Борьба с пенсионерами тоже подходит к концу. Давно было ясно, что им не выжить. Им и не надо было начинать. В принципе с ними разговор окончен. Либо они идут в структуры, и вертятся, и крутятся, либо не мешают. Как? – это их дело.

Всем видно, что от любых постановлений правительства они страдают в первую очередь. То есть ничего нельзя постановить. Они парализуют правительство. Как бы ни высказался Центральный банк – опять встревоженные лица стариков. Кажется, у них это единственное выражение лица. Видимо, от стариков надо избавляться еще в молодые годы.

Говорят, что и дети страдают. Кто-то это видел. Значит, надо избавляться и от них. Детей и стариков быть не должно. Как они этого добьются – это их дело. Оставшееся население не сможет помешать реформам, и жизнь изменится к лучшему, что она и делает, хотя и незаметно для участников процесса. Это как часовой механизм. Большая стрелка – законы парламента. Минутная – распоряжения правительства. А ремень от часов – изменение жизни к лучшему. Как видим, они тесно связаны между собой.

Операция отъема денег, проводимая над населением раз в два-три года, болезненна, но необходима. Как кастрация котов. Она их делает домашними и доброжелательными. Кастрированный, конечно, на крышу не полезет и в марте сидит тихо. Единственное, чего бы хотелось, – чтоб население встретило эту операцию с одобрением. Думается, что третий отъем денег через два года так и будет встречен и никакой неожиданностью ни для кого уже не будет.

А при условии отсутствия стариков, женщин и детей, хотя бы на переходный период, все проблемы будут решены быстро и жизнь станет яркой и короткой без ненужной старости и детства, как и было обещано в начале этого рассказа.

Я играю Америку

Чтобы увидеть Нью-Йорк, нужно поднять голову, чтобы увидеть Америку, нужно смотреть вдаль. В Америке поражают грузовики. Они чудовищно сексуальны. В Америке поражает количество льда в стаканах и ничего среднего. Америка обходится без средних ступенек лестницы. Роскошь или нищета, невежество или образованность, очень толстый или худой. Среднего американца, видимо, нет.

Конечно, когда советский человек попадает в Америку и обалдело стоит на тротуаре, зажав в потной ладони шестьсот восемьдесят долларов, он окончательно сходит с ума, когда какая-то пара его спрашивает по-русски, как найти Пятдесят вторую авеню. Количество магазинов, вещей и машин превосходит мыслимое. Но ничего, со шмотками мы можем смириться, тем более по нашим деньгам они тоже невысокого качества. Даже по советским понятиям змейка в сапоге довольно быстро отделяется от голенища. Легковые машины поражают, но можно терпеть. В конце концов, маленькие «Жигули», средние «Жигули», очень большие «Жигули» едут одинаково. Что советского человека переворачивает до дна – американские гастрономы-супермаркеты. Там можно повеситься в начале, в середине и в конце. Пока Америка будет так жрать, хорошие отношения между нами невозможны. Надо что-то делать, товарищи. Мясной прилавок по двести-триста метров, колбасы – дождем, об них спотыкаешься головой. Окрока, мясо фасованное с косточкой, без косточки... Вот где нашим туристам и дурно бывает, и плохо, им предлагают выйти на воздух, но они просят их не выводить. Зеленый отдел завершает разгром личности. Авокадо, папайя, киви, манго, черт его знает, что-то в скорлупе со вкусом ананаса, что-то в разрезе как наша пятиконечная звезда, с цитрусовым уклоном, явная груша с грейпфрутовым нутром...

Когда наш турист спрашивает: «Когда у вас появляется первая клубника?» – «В шесть утра».

Почему мы так потрясены? Мы-то были уверены, что Земля плоская. Если зима, значит, в магазинах ничего нет, появится летом или осенью. В последнее время и осенью не появляется. Значит, в мире неурожай, думаем мы. Но как только пересекаешь нашу границу, вдруг соображаешь, что Земля круглая, и если у тебя дома зима, то на другой стороне шара – лето, и оттуда могут привезти, если, конечно, у тебя нормальные деньги, а не опавшие листья.

А мандарины?! Я жил в гостинице «Интурист» рядом с японским фигуристом. Он все спрашивал:

– Что это за плоды в буфете: маленькие, кислые, зеленые, она их совком из ящика насыпает в пакет?

– Мандарины.

– Нет, мандарины я знаю, – ответил японец. – Эти такие маленькие кислые зеленые и так далее.

Что я мог сказать? Если бы я знал, когда их убирают. Может, это вообще почки, специально для наших людей, чтоб у них были такие же кислые лица. Конечно, товарищи, то, что мы едим под названием мандарины, не мандарины. Мандарины – это нечто крупное, оранжевое, шкурка отделяется от тела не вместе с плодом, а отдельно, а внутри сладко и ароматно. Кстати, то, что мы пьем под названием кефир, – не кефир, сметана – не сметана, молоко – не молоко. То ли у нас неверный перевод... Короче, наша сметана – это кефир, кефир – это молоко, молоко – это вода и так далее. Можете сами сдвинуть на один термин назад, начиная с тортов, колбас и так далее.

Не скажу, что в Америке вкусно готовят. У них там без соли и сахара. Они, в отличие от нас, хотят долго жить, им их жизнь нравится. Мы тоже хотим долго жить, потому что нам наша жизнь не нравится.

В вопросах жизненных удовольствий я профессионал, и на фоне нашей борьбы с алкоголем я скажу самое интересное: там можно выпить и закусить, не прерывая беседы. Можно представить, как быстро у нас отправят в сумасшедший дом, если мы, не прерывая беседы, будем жрать...

Запомните мое правило: алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

Можно было бы сказать: Америка широко распахнула двери и ждет гостей. Но это не так. Советский Союз широко распахнул двери, и Америка вся в гостях. Ну что ж, дружить так же трудно, как и враждовать. Это работа!

Разговор с зеркалом

Начнем сверху.
В сильный ветер не выходи: останешься без шевелюры, без ресниц и без зубов.
Тоскливые серые глаза. Длинный нос.
Круглое толстое лицо – загадка природы: у папы и мамы продолговатые.
Обидчив – это все, что осталось от чувства собственного достоинства.
Давно неостроумен.
Юмор покрывает трагедию, как плесень.
Все борются с плесенью, хотя надо бороться с сыростью.
Оттого что молчалив в обществе, стал разговорчив наедине с собой.
Кое-что себе сообщит и тут же весело хохочет.
Оттого что уделяет много внимания внутреннему и международному положению, стал неряшлив, глаза потухли, руки дрожат.
Что-то скажет – хорошо, что не слышали.
Что-то сделает – хорошо, что не видели.
В кино ему, видите ли, неинтересно.
В театре перестал получать информацию от бесчисленных «Трех сестер».
Телевизор заставляет гулять в любую погоду.
Перестал искать преданность в ресторанах, решил остановиться на тех четверых, что с детства.
Получает удовольствие от выпивки, хотя умом против.
Так же, как и против женщин, – умом.
Считает: то и другое – от однообразной застройки в новых районах.
Давно не танцевал.
Перестал радоваться встрече с родственниками.
Начал нести чепуху со ста граммов.
Давно не танцевал. Так и не стал начитанным.
Так и не слывет энциклопедически образованным.
Не раскусил Скрябина.
Скрывает тоску во время Баха.
Уже не делает вид, что понимает в живописи.
Понял, что главное – это зимнее пальто.
Купил магнитофон, чтобы перестать о нем мечтать.
Для скоротания пешего времени представляет себя секретарем ООН или крепостным помещиком 1843 года.
Хотя тяги к земле не чувствует.
Пугает грязь в дождь и дождь в грязь.
Французско-английского не знает, так что можно не беспокоиться.
Место это любит.
Считает, что не место красит людей, а люди его красят.
Хочется, чтоб кто-то сказал: «Ты нам нужен. Не только ты в долгу перед нами, но и мы в долгу перед тобой, и защитим, и не дадим тебе плохо умереть».
Любит дождь.
В дождь и ветер кажется себе мужественным в плаще на улице.
Давно не танцевал.
Неожиданно заметил, что время идет медленно, а жизнь проходит быстро.

Профессия сатирика наложила отпечаток на поведение: часто останавливается и круто оборачивается.

Одет в серое, глаза серые, на сером незаметен.

Очень хочет участвовать в общественной жизни не только в качестве дружинника.

Хочет тоже встречать мэра Ливерпуля и показывать ему город, интересуется, кто подбирает группу встречающих.

Также хотел бы сделать доклад о международном и внутреннем положении, опираясь на слухи и догадки.

Кажется, стал понимать, почему отсутствие мыслей, неясность выражений и плохая дикция вызывают такое большое желание встретиться с аудиторией.

Считает, что догадываемость зрителей, их читаемость между строк выросли настолько, что сатирика создает зал, и так внушит невиновному, что он разоблачитель и копает под устои, что тот, бедный, дико трусит от своего бесстрашия, льстиво смотрит в РИК, страшно дружит с РОВД, УВД, ДНД, лишь бы не выписали, лишь бы продукты отпускали.

Ах ты, мой маленький, назвали сатириком несведущие люди явно за то, что два-три раза искал логику, один раз усомнился и раз пять играл умом.

А ты помнишь два-три острых вопроса министру?

И на твои мелкие, замеченные на улице недостатки он рассказал о таких безобразиях, что волосы дыбом.

Ты и заткнулся, любитель, от ответа профессионала, ибо дураков уже, к сожалению, нет и новое поколение умнее тебя.

И можно подобрать для своей карьеры и науку, и практику, и результаты строгих экспериментов.

Потому ты и не сатирик, а юморист.

Юмористус вульгарис. В неволе прекрасно размножается.

Рацион: сто грамм хлеба, сто грамм мяса, сто грамм водки, пол-литра воды, десять капель валидола.

Днем сидит неподвижно.

Ночью дико хохочет и якобы видит в темноте.

Что видит – никто не знает.

Писательский труд

Вместо того, чтоб писать, – хожу в гости.

Если вы любите ходить в гости, живите здесь.

Чтоб стать писателем, нужно садиться и умирать.

Нужно слабеть и отдавать Богу душу.

Отдавать ее людям мало.

Это всего лишь исповедь.

А мы хотим мастерства.

Картин невиданной нами жизни.

Прекрасных поступков необразованных людей.

Глубоких рассуждений человека без личности.

Позвольте снять шляпу перед писательским столом. Такого количества фантастов не рождала ни одна земля.

Реалисты зовутся сатириками. Прозаики – поэтами. Предметы – темами.

Темы – мыслями. Крики – темпераментом.

В этом мире сдвинутых понятий и специалистов не по специальности сидит писатель и часто пишет: «Сбываются мечты».

Конечно... Если мечтой называется зависть.

Лето. Высокая температура

Лето. Высокая температура. Тепло всюду. Июнь. Птицы необычные. Девушки сняли лишнее, девушки цветные, яркие, с ножками, ручками, ресничками. Теперь ясно, что на них только платица. И когда спрашивают, как пройти, подходят близко-близко и улыбаются и вот-вот засмеются, а я и ты теряемся: можно троллейбусом... а можно... И прохлады от их рук и лба. Они прохладные летом. А милиционеры горячие и пыльные летом. Продавцы без голов, в газетных ручных тюбетейках, бабки вообще потные и жаркие под платками в магазинах. У мужчин пиджаки спущены и образуют декольте, и портфели выскальзывают, и работать трудно им на солнце, долбить асфальт или класть кирпичи голым по пояс, замешивая раствор собственным потом... А девушки прохладные...

Жара. Почки стали бутонами, бутоны распушенными, расхристанными, дряблыми, толстыми и лысыми. А листочки постарели.

Жара. С юга доносятся крики ныряющих и плеск. С севера – скрип лыж высокоширотной низкотемпературной экспедиции. На западе воют койоты и стучит конвейер... На востоке тишина... Вулканы стоят сосредоточившись, думают, вспылить или не вспылить, выйти из себя или еще попереживать... А средняя полоса зазеленела и запылилась. Жара.

Нас четверо, вышли на балконы одновременно и скрылись. Все мужчины, и все белотелые, и все скрылись, напуганные коммуналками... После кухонь слово «сосед» еще долго будет ругательным. Сосед, соседи, соседка, соседки, соседки-соседки... Выхожу – смотрят в спину, вхожу – в лицо. Горит то спина, то лицо. Бросают все и начинают смотреть... И так уж бочком между взглядами. Взял бы взгляды в руки и развел, чтоб пройти. Тренироваться начал, удар отрабатывать. Интеллигенция должна быть крепкая, и я тоже. Всю силу вложить в удар и долго любоваться на дело рук своих.

Жара... Без политики... Просто еда, вода и жара... Господи, как я ненавижу тех, кто меня не любит.

Есть целые области...

Есть целые области человеческой деятельности, где люди умнее своих произведений. Это политика. Это балет. Это песни.

Кому везет, тот в работе на сто процентов использует свои мозги: наука, конструирование, писательство.

Когда обращается к людям, он глупеет. Он хочет, чтобы его поняли. Он хочет, чтобы его помнили. Он хочет, чтобы его любили. Он хочет, чтобы его купили. И постепенно от того, что хочет сказать, переходит к тому, что хотят услышать.

Девиз популярности: «Все знали, а он сказал». Но «все знали, а он сказал» значит: он сказал, и все забыли, потому что знали. Затем уже все знают, что он скажет, потому что у всех накопилось. А затем и сотни начинают говорить то, что все знают, еще до того, как скажет он. Заканчивается тем, что никто не знает, что он сказал, но все знают его. Его куда-то выбирают и забывают окончательно.

А тот, который говорит то, чего не знает никто, так и живет. Потом, когда с его помощью догадаются первые, а с их помощью начнут догадываться остальные, его имя запомнят и не забудут, как мучительную первую любовь. Но это достанется не ему. Живет он плохо, но он и есть движение.

Тот, кого знают все, – живой памятник на большом народном кладбище.

Она на его колене

Она на его колене пальцем чертила маршрут. Он с волнением следил. Она шла выше:

– Идем по Пушкинской...

Он сипло спросил:

– К Большому?

– Да. Идем, идем, идем, пересекаем площадь...

– Ну, – засипел он. – А если войти?

– Нет, нет, поворачиваете и идете к метро.

– Дайте руку. Встречаемся вот здесь.

– Нет. Сюда не подойти.

– Смотрите, – он стал чертить пальцем по ее ноге, – чтобы добраться сюда, надо пересечь перекресток, опуститься вот здесь, здесь подняться, перейти дорогу, осторожно остановиться здесь. Спешить вот здесь не надо. Но встретиться именно здесь, возле кассы.

– Вы думаете, касса здесь?

– Да.

Умная женщина сказала:

– Я буду там, когда вы захотите.

Теперь ты, детка!

Теперь ты, детка!

Думай об уроках. Непрерывно. Чулочки шелковые сними, надень галстук и марш в детсад.

Дядя хочет тишины. Дядя устал. У дяди болит душа и не действует тело.

Иди, детка, играйся...

Что ты суешь?.. Иди, иди... Кто тебе дал этот адрес?.. А Уголовный кодекс у тебя с собой?..

Нет, дядя не отдаст себя всяким малолеткам, дядя живет в обществе, где за это могут крепко посадить, дядя старый, у дяди больные ножки... Зачем ты это делаешь?!

Нет... Кроме валидола, ничего... Ни в какой гастроном... Иди, девочка, в школу...

Нет... И я из-под одеяла не вылезу, и ты туда не влезешь...

Да что же это такое!.. А если дядя крикнет. А если дядя стукнет в стенку.

Там лежит такой же. И мы вдвоем тебя скрутим. И маме будет неприятно...

Девочка!.. Немедленно!.. Слышишь?.. Немедленно отпусти... Слышишь?.. Что я сказал!..

Ой!.. Ты что!.. Кто тебя этому научил?! Сойди... Немедленно... Ну!..

Нет, это не так делается...

Ой!.. Ты что!.. Что это за ребенок, Господи...

А ну, пошла отсюда! Эй, люди, есть кто-нибудь?.. Пошла, пошла... Не звони!.. Пошла!..

Ах, ты царапаться!.. Ах, ты кусаться!..

Хорошо, завтра, завтра рассмотришь подробно... Покажу...

Все!.. Нет у меня макулатуры!.. Ни для кого!

Вам, моя дорогая

Ура! Победа присуждена Вам, моя дорогая. Вы меня перемолчали. Во второй встрече на шестнадцатой минуте презрение, молчание, цедение сквозь зубы, огибание взглядом разгромили мои остатки. Я бежал с поля боя путем уползания и растворился в бессонной ночи.

Я провел километры одиноких объяснений. Я целовал, проклинал, сжигал Вас и снова явился на Вашу встречу со мной, где Вы пронзили меня прямым молчанием слева. Мои объяснения рвались по сторонам, не задевая Вас. Еще и еще раз, убедившись в полной физической непригодности к конфронтациям, стычкам, фигурам умолчания и попаданиям впросак, я попросил вас выбросить мое полотенце... Ваша, Ваша, Ваша, Ваша взяла!

Ползу поздравить! Нет смелости поднять глаз. Победа присуждена Вам. Последующие встречи Вы выиграете ввиду неявки противника. Вам осталось добиться, чтоб Ваша победа стала моим поражением. Это – пустяки! Крепко жму Ваше горло, солнышко, и поздравляю.

На приеме

Я был на приеме у врача. У врача – этой прелестной женщины лет между... двадцатью-тридцатью и сорока одним.

– Вы на пределе, – сказала она, когда я сомкнул ноги, сомкнул глаза, разомкнул руки и две минуты качался, как могильный крест.

– Вычитите семь из ста, по семи каждый раз. Я буду мерить ваше давление...

Я сидел, считал, в одних брюках, с прискорбием в груди.

– Да, от этой задачки ваше давление повысилось на двадцать миллиметров, представляю, что с вами творится, когда вы решаете задачи посложней.

– Да я недавно...

– Тише... Я все вижу сама... Рассказывайте.

– Дело в том...

– Я все сама вижу. Вы на пределе... Резервов уже нет. Когда вы смотрите детские фильмы, хочется плакать?

– Детские вряд ли, но грустные...

– Комок в горле?

– Да.

– Ясно... Кошечку в подъезде в дождь жалко?

– Очень.

– Все понятно. Долго не можете уснуть, читаете?

– Да, читаю.

– Возбуждаетесь от читаного и не можете уснуть?

– Да, я вообще...

– Просыпаетесь поздно с тяжелой головой?

– Да.

– Ясно.

– Если вас что-то вывело из себя, хочется разбить к черту, ударить?

– Да, доктор, хочется.

– Но быстро проходит?

– Да, я только глазами сверкну.

– Лучше уж бейте.

– Хорошо, доктор.

– А выпиваете, становится вроде легче?

– Да!

– Вроде веселей?

– Да!!! Точно.

– Ясно.

– А когда много работаете, и не получается, и погода плохая, и денег нет, и выпить нечего, и девушка не пришла, так и жить не хочется?

– Точно, не хочется.

Я заплакал.

– А когда работа идет, и день ясный, и деньги есть, и вы выпили, и она пришла...

– Жизнь прекрасна! – закричал я.

– Вот-вот-вот...

– А бывает, что вы из-за мелочи расстраиваетесь и весь день подавленный?

– Да.

– А крупная неприятность, например болезнь или даже смерть родственника, никак не действует на вас?

– Да.

– Какой ужас...

– Кошмар...

– А бывает, что беспричинно хочется петь, и не утром, а ночью, когда все спят, и это ужасно?

– Бывает.

– Вы на пределе. А бывает, что вы никак, ну никак, с женщиной, которая вам не нравится?

– Да.

– И изнемогающе высоко и жутко с женщиной, от которой вы без ума?

– Да, – выдохнул я, – да!.. Как ты все понимаешь...

– Будем лечить... Запустили вы...

– Да-а, – задышал я, – ...лечи быстрее... Я запустил...

– Я выпишу тебе шалфей, боярышник и Прибалтику... Ты на пределе.

– Я это чувствую...

– Вот эти травы.

– Я их буду сеять.

– Ты их будешь настаивать...

– Зачем настаивать, я их так... Все, что ты скажешь...

– На слабом огне...

– Хорошо, на слабом огне...

– Пятнадцать минут.

– Сколько скажешь.

– Вот пей... Ты успокаиваешься?

– Я успокаиваюсь.

– Ты здоров.

– Я здоров.

– Ты спокоен.

– Я спокоен... ты закрыла дверь?

– Перестань сейчас же, сейчас же прекрати. Ты спокоен... Спи... Спи...

– Послушай, тебе завтра рано?

– Нет, завтра воскресенье, больных нет... спи...

– Сплю.

– Ты очень болен.

– Да, я очень болен.

– Но я тебя вылечу...

– Ты меня вылечишь...

– Я уже лечу, лечу, лечу, лечу...

– Да... Мы лечим, лечим...

Привет

Пишу вам, жители ФРГ. Это все ничего не значит. Мы вас били и будем бить. И лично я вас бил и побеждал два раза и, если надо будет, побью и в третий раз. Но мы сейчас не об этом. Чтоб вы подавились, живу хорошо. В честь праздника капитуляции прошу направить победителю:

две пары туфель выходных, сорок два;

пальто летнее, выходное и против дождя;

стирального порошка три пакета;

кофемолку;

носки простые две пары на сорок два;

колготки женские жене;

масло топленое банку – три кг;

бутсы для ребенка, тридцать четыре;

коньки для девочки. А также прямое содействие в получении визы – на предмет осмотра руин ваших городов.

Ваш победитель, пятьдесят четвертый размер, третий рост.

К себе не приглашаю, так как победителю не к лицу.

И про переписку прошу молчать: вы мою руку знаете.

Простые вещи

И после того как не понял сложного и не осуществил, начинаешь открывать простые вещи.

Что спать на воздухе лучше.

Что жить среди зелени лучше.

Что надо поднять упавшего.

Что надо впустить в дом переночевать.

Что надо угостить каждого, кто вошел.

Что надо принести, если попросят.

Что надо заплатить первым.

Что надо сварить бульон для больного, даже чужого.

Что надо не раздражаться на раздражение.

Землю надо любить. Воду надо любить.

Чистый воздух надо любить.

Детей надо захотеть.

Бросить все лишнее. Выбросить хлам.

Остаться с одной женщиной.

Смеяться, если смешно. Громко.

Плакать, если больно. Тихо.

Оскорбить может только плохой человек. Хороший уйдет от твоей обиды.

Надо восстановить свой род и посмотреть, кто там был, чтобы знать откуда.

Не стесняться ходить к врачам.

Ходить на могилы.

Смерть есть смерть.

И до нее какое-то время.

Разные виды опьянений

Сухое вино

Все хреново, Василий. Холод собачий, от аванса до получки – годы, годы, и ты, Василий, не человек. Не человек ты, Василий, не человек, и не убедишь ты меня, не убедишь. Куда ты кидаешь бутылку? Я тебя сейчас этой же бутылкой. Мерзавец ты, Василий, предатель, гад, а главное – не человек, и не убедишь ты меня. У меня жизнь не удалась, Василий, но и ты, гад, не убедишь ты меня, Василий, никогда.

Шампанское

Ты гений, Эдуард, пойми меня. Мне терять нечего. Я посмотрелся, ты знаешь мои неприятности. Она отсудила, так что я знаю, что говорю... Ты гений, пойми, сейчас так никто не мыслит. Что ты на меня смотришь? Что мне, собственно? Мне от тебя ничего не надо. Я тебе скажу больше, ты несешь такой бред, что тебя... но ты гений, гений! Тебе надо учиться. Ну и что, что пятьдесят. Иди куда-нибудь учись.

Водка

А Потапов подписал? Ты ему всю заявку давал?... А на фондируемые?... А письмо Главснаба? Я его сейчас... Он у меня сейчас... Дай телефон. Сейчас я ему вкачу... Это министерство финансов? Отдел сертификатов? Потапова... Что?... Скажите срочно... Что?... Скажите срочно... Что?... По личному... Кто?... Скажите, Сергей из Чебоксар... Извините...

Алло, это Главснаб?... Извините... Забегали... Давай телефон Главка... Алло! Это Главстанкоинструмент?... Это Козлов из Чебоксар. Нам на 89-й год выделено... Извините... Давай весь список. Алло! Это Госбанк? Из Чебоксар говорят... К вопросу о кредитах. Извините... Но! Извините... Вот... Слушай, нам же где-то ночевать. Давай список гостиниц, сейчас они забегают. Алло! Это «Космос»? Нас тут двое из Чебоксар по разнарядке... И чего?... Извините... Наливай...

Коньяк

Простите, Григорий Иванович, но мы сейчас это не решим. Что мы как заведенные: проект, смета?... Еще по рюмочке... У меня тут кое-какие телефончики... А, Григорий Иванович?... Да сколько той жизни... Единственная радость. А?... Ну? Григорий Иванович? Стол уже есть, мы уже в ресторане. Я опущусь, встречу... Да чего не проведем? Проведем... А мы законно... А пусть возьмут паспорта... А, Григорий Иванович? Сразу станет интересно жить! А, Григорий Иванович?... А его к черту. Зачем он здесь нужен? А мы его к телефону – пусть дам заказывает. А, Григорий Иванович?... Какие? Молодые!.. То что надо!.. Тридцать два – тридцать три. А, Григорий Иванович? Стройняшки, быстренькие, все горит в руках... А нам?... Подумаешь, в годах разница на один вечер... Ну все. Значит, две... Но она с подругой... Паспорта... Я заказываю пропуск и звоню...

Алло! Зою, пожалуйста... Это 253–49–13?... А Зою... И не было... Ну все... Что же делать? А, Григорий Иванович? А я на улицу выйду... Проспект Маркса, здесь полно... (*Шепчет.*) За пять минут – гроздь... А у меня тут еще есть тел... Евгения Петровна?

Это Борис... (*Подмигивает.*) А с вокзала, помните?.. (*Подмигивает.*) Мы тут с Григорием Ивановичем сидим, не разделите?.. (*Подмигивает.*) А чего? Все есть... Между прочим, для вас, Женек, сувенир, нечто совершенно необычное... (*В сторону.*) Пусть приедет, там разберемся. (*В трубку.*) Не знаю, как его употребляют, но аромат стойкий... (*В сторону шепотом.*) Коньяк... (*В трубку.*) Самый дорогой, Женек... Только с подругой, ее ждет то же самое... Пузырь... все... Ваши Боря и Гриша.

Григорий Иванович, мигом переодеваться, по рюмочке и ждем... Едут...

Джин и тоник

Вы где работаете, Илья?.. Курите... Нет... Надо отрезать... Вот... Давно не бывал... Добавьте вот этого, будет вкуснее... Простите, он идет только со льдом... Здесь?.. Здесь никогда не наладится... Это все для дураков... А зачем бороться? Здесь никогда не будет жизни. Она нам не нужна. Мы не приспособлены. Извините, это не для печати, но культурный уровень определяется по туалетам, по, извините, вокзалам, по, простите, заборам. Что пишут, то и думают. Вот и мышление. И нам нелегко. Но чьи интересы мы отстаиваем? За кого бороться? Я на машине еду, извините, в туалет. Могу только дома. Я здесь недолго, но и это время надо пережить. Всем нам, кто здесь родился, нужно давать звание Героя Советского Союза просто за то, что прожили какое-то время. Ваше здоровье, Илья. Вы мне нравитесь, хотя вы бы успеха не имели, как и здесь. Там тоже антисемитизм.

Водка и пиво

Гражданин, на минуточку... Ха-ха... А, все равно... Сволочи! А-а-а! Милицию вызвали... А это кто?.. Ну неважно... За что?.. А я не мог... Товарищ милиционер, гражданин, позвольте прилечь... Мне хр-р-р... Мне нехорошо.

Вишневая наливка и шоколадка

Ха-ха... Нет-нет... Все-все... Пожалуйста... Сидите там... Я все слышу и оттуда... Нет-нет... Ну пожалста, я очень прошу... Я могу уйди... Хороших сигарет нет?.. Американских... А вы командировочный?.. Откуда?.. Ижевск?.. Не знаю... Достаньте хороших сигарет... Чего они так смотрят?.. Вон тот... Скажице, чтоб не смотрел.

Водка с пивом

Граждане! Прошу высказать выслушанное, я буду предельно... Мы с друзьями... Теперь я один. Граждане... Хватит... Хватит... На сколько все-таки... Ура!

Джин с тоником

Если бы я мог все рассказать... Я же присутствовал. Я же видел, как крупные государственные вопросы решаются... И кем?.. В каком непотребном виде. Ну, Дюссельдорф, ладно. Не знают, где Липецк, Курск. Я в трех строчках пишу, что мне нужно. Он на двадцати страницах.

Сухое вино

Да, я неудачник, но не тебе, Василий, судить. Ты не убедишь меня, Василий.

Вишневая наливочка

А-тайди от стола! Я сижу с молодым человеком... Я с тобой встречалась?.. Очнись! Иди проспись! Я сейчас ему скажу. Он боксер. Ну скажи ему, что вы боксер... Он боксер. Он ты отделаешь так, что ты ни к кому больше не подойдешь... А-а-а! Отпусти... Скажи ему... А где он?.. Где мой молодой человек?.. Нет. Я вас не знаю. Я была с молодым человеком, я с ним уйду... Только где он?..

Чистая водка

Видал! Послали! Этот гад... Он не знает служебного расписания. Ему говорю: проведи аттестацию рабочих мест, вы же не готовы к зиме. Я говорю: инструкция Минфина здесь не подходит, здесь надо применять постановление Совмина по фондам... А! Ни черта!.. Куда мы еще не звонили?.. Я везучий.

Шампанское

Гений! Конечно. Но чересчур умен. Это тебе мешает. Гений должен быть природный, как яблоня. Цвести. А мы вокруг. А ты подначиваешь. Зачем подначиваешь?.. Мы дураки, но каждый что-то соображает...

Коньяк

Григорий Иванович, они снизу позвонят... Я же так договорился... Который?.. Без четверти двенадцать, да, могут и не пустить... Сейчас... Алло, Женя?! Это Борис... Ну тот, с вокзала... Простите, мы ждем... Ребенка не с кем? Своего? Сына?.. Это, извините, внук, что ли?.. Нет-нет, конечно... Мы уже легли... Все, ложимся, Григорий Иванович. Отбой!..

Две задачи

У мужчин в жизни две задачи, две великие проблемы: как соблазнить и как бросить.
Решив первую проблему, он тащит на себе всю жизнь в надежде бросить.
Надежда бросить никогда не оставляет мужчину.
Даже родив кучу детей и потеряв все перспективы, он лелеет эту единственную, светлую.
И наконец бросает.
Правда, трусливо.
Бросает так, чтобы бросаемый не догадался.
Он объясняется в любви, нежно целует, заботливо подносит, тщательно маскируя.
Бросаемый плачет от радости, бросающий плачет от сочувствия...
Это происходит так долго, что оба, к счастью, не доживают.

Театр

Репетиция

Любовь – совершенное, человеческое, высокое чувство. Высокое страдание, наслаждение, рождаемое разве лишь музыкой... Умеете ли вы любить? Это такой же чистый талант, как слагать стихи. Тянутся ветви, тянутся руки, тянутся губы...

Свет луны, нежный и одинокий, в котором мерцает ручей, такой же нежный и одинокий. И ждет своего часа... И ждет своего часа... И ждет своего часа... Когда он сольется с нею...

Тот дивный час, когда два света соединятся и сплетут свои руки, свои лучи, чтоб на мгновенье, на мгновенье быть вместе, ибо неумолим закон, и восходит один, и меркнет второй, то есть другой... Но и в этом прелесть счастья, и рожденный этой странной любовью жемчужный свет осеняет день, встающий над землей, над миром...

О жизни свет! Все, умеющее шевелиться, приветствует тебя! Все рождено тобой. Силой, теплом и горечью любви. Так и театр, рожденный любовью тех, кто хочет видеть жизнь в том сдвинутом, в том тронутом виде, в той чуть правленной, вернее, чуть скругленной...

Боже, какая чушь!

Любовь, рождающая жизнь, я приветствую тебя!

Любовь создающая, любовь сотрясающая и врачующая одновременно. Любовь верная и верящая до конца.

Боже, какая лошадиная чушь!

Как я согласилась это говорить?!

Ждать и быть ожидаемой,

Идти и быть идущей,

Видеть и быть увиденной,

В том виде.

В том тронутом виде...

Где найти слова? Как найти слова? Как их вспомнить?

Их невозможно заучить.

Чем заглушить и возродить эту боль...

Правит миром любовь и сострадание к братьям нашим.

Берегите лес! Разрушайте капканы. Освобождайте всех маленьких и беззащитных. От самого бедного муравейчика до самой нищей лошади все поднимают лапки. Все умоляют о прощении. О защите.

Боже! Я уже своими словами.

Свободу этим несчастным!

Свободу ослам и верблюдам! Остановите лошадей!

Природа умоляет нас – выпусти!

Так выпусти, о Боже!

Мерцающим краем проходит луна.

Озера и реки снабжает она.

Природа взывает: навеки прости.

Зверята все тверже поют: отпусти!

Убирайте снег пылесосами!

...Какая чудовищная чепуха! Автор настаивал. Но где мои мозги? Они говорили: хватит о жизни, театр – нечто возвышенное. (*За кулисы.*) Мерзавец! Как вы меня подставили! Как вы могли дать мне это учить?! Это бред собачий! Кто сейчас так говорит? (*В зал.*) Он сказал – спойте: берегите котят, и они все лягут, где они легли? Ну выйдите, посмотрите.

Весь ужас в том, что говорю текст этого ублюдка. Разве можно сегодня это говорить со сцены? Актер! Актриса! Само слово волнует, как жизнь. Мы не виноваты. Нам пишут. Слишком часто мы слышим: «Боже, какую ерунду вы несете со сцены! Что вы поете? В какой картине ты снялась? Ты там такое несешь!»

Любовь! Самоотверженность! Это сегодня никого не волнует. Надо сказать то, что у каждого накипело, то есть нагорело. И он думает об этом, хотя высказаться еще не может. А ты уже говоришь. А ты уже несешь со сцены и слышишь, что несешь, видишь счастливый смех зала. Не оттого, что это не смешно, а оттого, что это попало в цель. В больную точку. Какое счастье для актера быть выразителем дум сегодняшнего зрителя...

Опять чушь! Господи!

А наш зритель все про себя знает. Он встал рано утром, поехал на работу, ругался с начальством, старался выполнить что-то, умылся, переоделся, приехал с работы, включил телевизор, где ему показываем мы, как он встал утром, поехал на работу, ругался с начальством, старался выполнить что-то, умылся, переоделся, приехал домой, где включил телевизор... где мы ему показываем, как он встал утром, поехал на работу... Он же после этого, естественно, не сможет работать! Будет все время оглядываться, чтоб какой-нибудь автор заживо не описал.

Люди хотят возвышенного, но чтоб через это как-то просвечивала наша жизнь, а то уж совсем о постороннем. Как сейчас... Вон... Смотреть страшно... Сколько я воюю с авторами. Дайте мне жизнь, и я сыграю! Я хочу видеть влажные глаза. Я хочу слышать звенящую тишину, прерываемую вздохами... то есть всхлипами, нет вздохами (*за кулисы*), как там написано? Вздохами. Я должна выйти к людям и сказать что-то очень важное на их языке, (*за кулисы*) что?.. Почему на своем? На их языке... А как там написано? Что? На чем?!. Чушь это все! Никто не реагирует! Они сидят и не реагируют! Плевала я!.. Писать надо! Талант надо иметь! Можете не писать – не пишите! Бочки грузите! Ищите успех на железной дороге, здесь вы провалились! Они не реагируют, тут надо пошутить... Я чувствую... (*За кулисы.*) Чего сказать?.. Какую шутку?.. Ну и что в этом смешного? Еще раз... Откуда?.. А попрличней ничего нет? Бред, мура! Могу попробовать, но вас посадят в тюрьму за непристойность!

(*В зал.*) Автор говорит, где-то здесь в тексте есть шутка... Если долго говорить то, что никого не волнует, можно попасть в сумасшедший дом... Ну и что? Это тупо... Они правильно не реагируют...

Спокойней всего на душе у того, кто непрерывно волнует публику.

Чушь! Один какой-то улыбнулся. Вот я хочу, чтоб вы так полчаса пытались рассмешить публику! Вова, уйди! Мама уже час не может рассмешить публику. Тебе не надо на это смотреть. Мама связалась с идиотом. Он знаешь что маме предлагал?.. (*За кулисы.*) Нормальный зал сегодня... Они разве из этой организации? Да нет, просто купили билеты и пришли... Нет, нет, это не почтовый ящик, их можно рассмешить, там еще много текста о мыслях актера, а здесь нужно рассмешить. Иначе они слушать не будут. Интерес упал... У меня в первую очередь.

Он так часто делал то, что ему не нравилось, что, когда это ему понравилось, он понял, что занимается не своим делом... Лучше... Трое улыбнулись... Еще... Когда мы добьемся, что руководитель, специалист и интеллигент будет один и тот же человек... мы постараемся, чтоб он нам сказал: «Спасибо, ребята!» Да... Закрепили... Актер должен говорить на одном языке со зрителем... И не надо открывать Америк. Что волнует актера – волнует всех. Не надо жить придуманной жизнью, не надо со сцены сообщать технологию сварки вытяжных устройств. Это слишком дорогое удовольствие – строить театр, собирать людей и сообщать им о плохой работе самоходного шасси.

Боже, что я говорю!.. Там так и написано?.. В последний раз я это несу... (*За кулисы.*) Здесь надо растрогать, не можете?.. Ах, вы юморист. Вы не понимаете женщин. Какую чушь я

несу с этим шасси... или шасси? Я их в жизни не видела и видеть не хочу. Сами вы самоходное шасси. Я женщина, я должна говорить, как женщина. Я не могу про самоходное шасси. У меня другое все внутри и снаружи. А этот бред про вытяжные устройства... В каком смысле, каком?.. Вытяжное устройство я произнесла с иронией. Я не знаю, что это такое. Если б я это хоть раз видела, я б могла и без иронии, я думаю, это какая-то гадость. Это что-то из больницы?

(За кулисы.) Не надо мне больше шептать. Уйдите! Вообще! Я буду говорить сама... Я, кажется, заболеваю. Неимоверно болит голова. Наверное, об этой чуши мой автор сказал: «Женщин умных не бывает, есть прелесть какие глупенькие и ужас какие дуры». Я, видимо, ужасная дура, но я женщина! Я создана, чтоб нравиться, и больше ничего не умею. Я даже сама понимаю, что, когда говорю, многие не слушают меня, а рассматривают. И к этому надо быть готовой, надо быть готовой, чтоб нравиться всем и любить одного...

У меня, как у каждого из сидящих здесь, есть муж, и не напрасно. Есть два маленьких сына, и им надо делать все, что делает каждая мать, и никто за меня не сделает, прислуги у нас нет. А быть красивой все трудней и смешить все невозможнее. Они так же часто болеют, как и у других. Они то же самое едят, что у всех. В таком же доме живут и часто говорят гадости, услышанные во дворе.

Что-то гладишь в актерской уборной и прислушиваешься к тому, что идет на сцене, чтоб не пропустить свой выход, чтоб успеть и тут и там.

Трудно выйти и поменять глаза, чтобы, когда играешь королеву, не было в них штопки и глажки. Чтоб люди не поняли, что мы живем одинаково, чего и добивались, чтоб люди поняли, что нечего искать возвышенного, ибо мне так же не хватило молока и надо успеть в другой магазин, трудно заслонить собой проклятый быт, который и есть жизнь, хотя нас часто учат, что вот быт заедает, а жизнь радует. И живешь, не добираясь до жизни, в музей не сходишь, в театр не попадешь, книгу не достанешь и сидишь весь в быту, как в поту. Особенно женщина!

Трудно есть одинаково, одеваться одинаково, жить одинаково, думать одинаково и ничего при этом не потерять. Особенно женщине! Ей нужна безмятежность, ей нужно умение тысячи мастеров и внимание одного, ей нужно, чтоб при самой большой семье взгляд ее был чист и беззаботен и готов к удивлению... Тогда она приковывает к себе, и из-за таких женщин мужчины идут на смерть. Нельзя нам с такой настойчивостью преобразовывать женщин в мужчин. И мне нужно где-то взять эти силы и сделать этот шаг от жизни к искусству, чтоб овладеть вашим вниманием, я делаю этот шаг и, простите, перед вами...

(За кулисы.) Вроде получше... Вроде ничего... Да?.. Мне кажется, чуть больше трагизма... Это трогательно, но еще не то... Мне нужен трагизм... Почему же в следующий раз? И я готова, и публика разогрета... Мы все настроились... Еще б чуть-чуть... Как-то уже слеза закипела...

(В зал.) Ну, он не может... Хорошо. В следующий раз, простите!

(За кулисы.) Как?.. Там нет слова «простите»? А как? До следующего раза... Извините... Ага, извините... А «до свидания» есть? Нет, все!..

Неистовая любовь

Неистовая любовь в сорок пять лет. Конский топот пульса. Неистовая боль в груди, подтверждающая, что любовь – только в сердце. Таблетки против бессонницы, фантазии, унижения. И отражение, отражение в таких чужих, родных глазах. Эту беспомощность и бессилие вам не опишут. Это на одних восклицаниях.

Все ищут вашу волю и принципиальность, которые всегда здесь были. Если вам повезет и вы обладаете несколько раз вашей любовью в виде других женщин, тогда не открывайте глаз и целуйте, целуйте ее и плачьте. Только пусть не отвечает, чтобы вы не догадались. Чтобы этого избежать, не ходите провожать пароходы, говорите только со старыми лошадьми. Ничего, ничего, удовольствие от беседы и некоторая доля езды вполне вам по сердцу и по карману. Зато вы остаетесь. Вы остаетесь. Хорошо своим большим животом толкать такой же, преданный и молчаливый.

Вы берегитесь всюду, хотя она не всегда вас подстерегает. Для этого вы должны вызывать интерес. Вы должны быть умны, или элегантны, или талантливы, или известны. Если вы не вызываете интереса, вам ничего не грозит. Идите домой, включайте телевизор, качайте на коленях дочь, несущую в себе гибель вашему сверстнику.

Гласность – главное

Гласность – главное. Теперь же все ясно.

Однажды мы с другом кого-то из нас провожали на поезд в деревню. То ли на Владимир, то ли на Казань.

Пока не было объявлений, мы беседовали мирно.

Потом началось: «Объявляется посадка на поезд пятьдесят один.

Посадка производится с пятой платформы».

Толпа с мешками кинулась туда.

У пятой платформы поезда не было.

Затем последовало объявление: «Продолжается посадка на поезд пятьдесят один». Толпа с мешками заметалась по вокзалу.

«Заканчивается посадка на поезд пятьдесят один. Провожающих просим покинуть вагоны».

Какие провожающие?! Толпа очумела.

А из репродуктора картавило: «Через пять минут поезд номер пятьдесят один отправляется с пятой платформы».

И отправился, очевидно...

Так я о лекарствах.

Недавно было объявлено о выделениях.

Населению и публике было объявлено о выделении не виданных никем инвалютных рублей на покупку лекарств.

Население и публика радостно согласились.

И начались объявления...

«Деньги получены. Мы выехали в Англию. Лекарства у этих сволочей тут же подорожали, но мы купили лекарства».

«Внимание! Лекарства есть, но будьте осторожны».

Население метнулось в аптеки – там ничего не было.

«Товарищи, теперь, когда столько лекарств, возможны злоупотребления, самолечение, неумелое лечение родственников и друзей».

Население дежурит ночами. Лекарств нет.

«Начальник Главного аптекоуправления заявил, что в первую очередь пущены в продажу сердечно-сосудистые препараты, которые являются предметом первой необходимости для инвалидов и пенсионеров».

Население заметалось. Лекарств нет.

«Товарищи, – каркало радио. – Не усиливайте ажиотаж. Лекарства еще есть, но чрезмерное, бесконтрольное употребление вызывает обратный эффект. Не запасайтесь желудочно-снотворными, перевязочно-анестезирующими и мочегонными. Рабочий контроль разоблачил группу лиц, складировавших лекарства ящиками».

Какие ящики?! Какой контроль?!..

Население одурело металось по аптекам и управлениям...

«Кто складирует?! Где лекарства?! – взвыли нелеченные, недолеченные и леченные не от того. – Где лекарства?»

Репродуктор продолжал:

«Товарищи, как и следовало ожидать, ввиду разбалансированности рынка и неумеренного, прямо-таки хищнического употребления лекарств в быту, на предприятиях и стройках, уже начал наблюдаться дефицит наиболее импортных препаратов. Группы рабочих контролеров выявляют злостных потребителей. Население правильно ставит вопрос о социальной

справедливости и распределении поровну всех лекарств на каждого труженика. В то время как у некоторых наблюдается отравление от огромного количества лекарств, многим не хватает простейших препаратов для восстановления двигательной активности. Граждане, не берите в запас лекарств, они еще есть».

Население, ночующее возле аптек, еще раз заглянуло – ничего там нет.

А вот и долгожданное заявление:

«Лекарства по талонам. Лекарства кончились».

Вот это была правда, в аптеках ничего не было.

«Видите, – говорили одни, – надо было брать оборудование и делать самим».

«Да, – говорили другие, – видимо, да...»

После долгих дебатов и криков поступили сведения о выделениях и поездке в Англию для закупок оборудования.

На ТВ ФРГ

Сижу у них в столовой на летней веранде, в советскую голову лезут такие мысли:

- 1) позабыт-позаброшен;
- 1а) дипломатом простой человек быть не может – только очень простой;
- 2) почему так вкусно? Оказывается, в государственном ТВ частная столовая;
- 3) почему никто не опаздывает? Не опаздывать выгодно;
- 4) много пива, водки, а все работают безостановочно. Так что ж нам мешает? А выгодно работать трезвым;
- 5) изобилие продовольствия делает людей худыми;
- 6) смеситель горячей и холодной воды должен быть с одной ручкой и шкалой, чтоб не тратить;
- 7) выключатель света с регулятором;
- 8) в гардеробе не должно быть того, что не носят;
- 9) мусор в плотных баках на колесах, баки небольшие;
- 10) сливочное масло не в холодильнике, а в воде – всегда готово к употреблению;
- 11) автомобили изготавливают по заказам. Поток кончился;
- 12) исчезают теле– и часовые мастерские. Ремонт модульный;
- 13) воздух чище, хотя машин больше;
- 14) в кроссовках и джинсах пожилым ходить не стоит, хорошо бы легкие туфли и брюки;
- 15) на газонах нужно лежать;
- 16) окна должны быть алюминиевыми фабричными механическими. Они плотны и экономны;
- 17) в туалетах не просто чисто – стерильно и приятный запах. Именно в туалетах он нужней, чем в ресторанах. По указу Бисмарка любой путник имеет святое право постучать в любой дом и воспользоваться удобствами;
- 18) полы должны быть легкими и не стрелять током, на них приятно босым ходить дома;
- 19) в авто главное – салон, сиденье, быстрый ход, экономия, причем это и в дорогих, и в дешевых;
- 20) посуду моет машина. Она заполняется за два-три дня и моет собственным порошком. Отсюда – приятные руки у жен;
- 21) всем нужно знать второй язык. Нам – еще необходимей, чем им. Нам надо их догонять. Пока нам переведут их новшества, там создадут новые;
- 22) по радио непрерывно веселая музыка. Для любителей серьезного свой канал;
- 23) надо выбрать, что лучше: легко жить и тяжело работать или – наоборот;
- 24) а уж салфетки между чашкой и блюдцем надо подкладывать обязательно;
- 25) вместо сахара в кофе хорош сахарин или ксилит;
- 26) нас не должен приводить в ужас иностранец, говорящий по-русски;
- 27) незнакомому нельзя делать замечание никогда. Особенно ужасны слова: «Молодой человек, вы бы постыдились в таком виде...» и так далее. Это замечание больше говорит о его авторе;
- 28) и, как я понял из всех бесед, самое страшное для них у нас – грубость и хамство между собой. Это хуже нехваток сервиса и ассортимента;
- 29) смех – физкультура души;
- 30) собраться на просмотр спектакля они не могут;
- 31) смотреть вместе кино они могут, но так ликовать, так расстраиваться – нет;
- 32) из газет и журналов они никогда не узнают о себе такие потрясающие новости, как мы;
- 33) там невозможно, чтоб вся страна читала одну книгу, вырывая друг у друга;

34) вещи не делают человека счастливым, просто наши делают его несчастным;

35) быть естественным, не думать о том, как выглядишь, куда можно, куда нельзя, где вилка, где нож. Чем больше правды в стране, тем естественнее ее жители;

36) наша демократия сделала нас более счастливыми, чем они. В конце концов, можно ездить в очень больших «Жигулях», можно жить в очень большой квартире, можно съесть очень много и можно надеть на себя очень большую шубу. Человек, счастливый от этого, во всех странах считается дураком;

37) и страсти у нас бурные, и духовная жизнь. В Париже я не был, но Москва сегодня – явно политический, литературный и рок-центр Европы;

38) сижу в Саарбрюккене в столовой самообслуживания и жду режиссера, ем бифштекс с овощами, суп протертый, пью пиво холодное с креветками – чего мне еще надо? А все ругаюсь и воюю со своим здравоохранением, с издательством «Искусство», с писательской поликлиникой, с министерством легкой промышленности, с председателем горсовета и все доказываю, доказываю, доказываю.

В Японию и назад, к себе

Простите меня за то, что я был, а вы не были в Японии.

Страна напоминает новый, только что распакованный телевизор. В магазинах именно та музыка, которую я люблю. Страшная жара и духота, но только на улицах. За любой дверью прохладно. Слова: «Нельзя ли подогреть пиво: у моего друга болит горло» – поставили официанта в тупик навсегда. В жизни не видел таких растерянных людей.

Машины – как люди, разные все. Мотоциклы и грузовики красивы сильной мужской красотой, блестя никелем, как потом.

Сусичная – это закусочная. Суси – закуски на блюдечках, но об этом потом.

Когдаходишь в гостиницу, во-первых, всюду двери открываются сами, во-вторых, все служащие, стоящие, бегущие, идущие, кланяются и говорят: «Good afternoon», и ты говоришь что-то типа: «Экскьюз ми». А когдаходишь в кафе, официанты и повара страшно кричат: «Добро пожаловать!» Они криками приветствуют входящего.

Новая страна. Иду и думаю о том, что проиграть войну не главное, главное – кому. Это очень, очень важно – выбирать себе победителя. И после того как вы побеждены, он сам устраняет ваших правителей, его лучшие умы разрабатывают для вас форму правления и образ жизни. Он снабжает вас самым необходимым – и вы начинаете. Конечно, можно быть японцами, но, ей-богу, необязательно. От нации, невзирая на все гордые вопли, мало что зависит. Я видел три вида немцев. ФРГ... ГДР... и СССР...

А когда летишь из Шереметьева во Франкфурт – самолет полный нашими колхозниками в мятых костюмах, шляпах, в платочках, хустынах, вязаных кофтах и восходовских сандалиях на черных мозолях, с отечественной хмуростью и подозрительностью: «Зигфрид, иды-но сюды. Та дэ ж ты сховалась, Эльза?»

Три вида немцев. Три вида корейцев. Два вида армян. Три вида евреев. Как и русские, приезжающие к нам из Парижа, кладущие руку на наши перила после некоторого раздумья.

Но ничего, мы идем своей дорогой. Вернее, мы где-то рядом со своей дорогой. И пытаемся попасть, мучительно целясь. В конце концов, не так важно, что есть в магазинах, хотя это главное. Важно, какие лица у населения. Когда ни одного плачущего, ни одного хмурого за семь дней непрерывных хождений, ни одной драки за много лет – такое количество подозрительно счастливых японских лиц, конечно, раздражает.

Кстати... В Москве, в Одессе появилось много машин, где наши люди сидят справа. Это они... Машины шести и семи лет по двести-триста инрублей, то есть – иных рублей. Один наш купил за семьдесят рублей, выволок на буксире – завелась. Тридцать рублей – отправка до Ильичевска.

Спасибо Горбачеву! Мы там все с циркачами и моряками пили за его здоровье. Только не дай бог ему остановиться. Всем гроб! Мгновенно. Как на лету. Как в драке. Вперед. Сзади мы были. Вперед. Землю раздать. Заводы раздать. Все, что берут, – раздать. Хуже не будет. Хуже не может быть. С бандитами – железной рукой. Честным – свобода. Кто работает, тому свобода. Расти, торгуй, выезжай, приезжай, зарабатывай, строй, вкалывай. Как сказали нашему в Америке: «Я вам плачу десять долларов в час. Хотите – работайте восемь часов, хотите – десять, хотите – двенадцать, ваше дело».

Япония – только повод для тяжелых раздумий. Огромный аквариум на вечерней улице, светящийся, успокаивающий. Рыбы с человеческими лицами. Молчаливые, озабоченные. Здание, опоясанное зеркальными галереями-эскалаторами. Мусорные машины со светящимися сзади транспарантами: «Извините, идет уборка мусора».

Двери в квартирах металлические. Вода в унитаз после спуска заливается через кран сверху, крышка бачка в виде раковины, и ты моешь руки водой, наполняющей бачок. Сзади в номере машины величина мощности двигателя. «Не уверен – не обгоняй...»

Вы просрочили визу. Забыли, прозевали. Клерк извинится, возьмет паспорт сам, обойдет все кабинеты и вернет паспорт с благодарностью. Конечно, это издевательство над советским человеком.

Из тысячи машин в пробке ни одна не заглохла.

Попросили тут наши молодого японца сбегать за водкой.

– Не могу, мне нет восемнадцати.

– А ты скажи, что тебе двадцать.

– Как?.. – и человек впал в глубокую растерянность.

Рассказы бывавших в Японии заканчиваются одинаково: «Э... да что говорить...» Черт! Мосты какие-то километров по пять через залив. Скоростные дороги над головой. А на рынке, э... да что говорить! Крабы, креветки, икра красная подносами по квадратному метру, рыбы свежие во льду, крабы любые. А тут же тележка с крыльями над головой, откидными стульями и котлом. А в котле суп с очень вкусной рисовой лапшой, креветками, устрицами, кальмарами и всем, всем, всем. Японцы едят не избранные места, как мы, а все!

Я это пишу в Одессе, которая приветствует всех приезжих переходящим поносом, бурными отравлениями, и вспоминаю суси: колбаски риса с сырой рыбой, с сырой каракатицей, разными соусами и горячей водочкой саке, к которой быстро привыкаешь. Э-э, да что говорить!

Капитализм отличается от социализма просто: чем сильнее жара, тем холоднее пиво. У нас с повышением температуры пиво становится теплей, теплей и исчезает при плюс восемнадцати.

К пиву у них полоски пять на пять на сто вяленого минтая, залитого голландским сыром. Кто не ел, может представить, кто не может представить, не надо. Электричка из Токио в Никко на один час сорок превращается в ресторан. Снуют официанты, наливают, ставят, сменяют. За окном зеленый рис переливается, как женский волос. Едешь и думаешь о нас все время. Когда еды много, привыкаешь мгновенно и перестаешь замечать. Никакой благодарности.

Возвращаясь из Йокогамы, мы попали в пробку длиной двенадцать километров. На втором этаже в бетонном желобе на высоте пятидесяти метров (где-то впереди кран упал, что ли?). Мы стояли три часа, сидеть было все тяжелей, под машинами появились первые лужицы, деться некуда, сойти вниз нельзя. А в нашей машине еще две женщины. Я, напевая, двинул в сторону, пристроился за огромным грузовиком якобы посмотреть, где мы стоим. Тут вся колонна и тронулась. А я только приспособился и вижу – мой-то грузовик стоит. Водитель подмигивает мне в боковое зеркало: «Плиз, мистер, плиз».

Сзади огромный хвост, сигналят, и я уже не хочу ничего, только домой, в мат и ругань, где я привык.

«Специарист по юрмору». Да, «юрмор», большой всесоюзный «юрмор». «Уз очень наоборот вы живете: леса много – бумаги нет, земли много – хлеба нет, морей много – рыбы нет. А у нас земли мало, а еды много, лесов мало – бумаги много». Между прочим, на перронах отмечено, где какой вагон останавливается. В универмагах тысячи продающихся кондиционеров и вентиляторов гонят воздух на улицу. Во-первых, видишь работу, во-вторых, прохлада под ними. На старом месте построили новую страну. Мы на новом месте ухитрились сделать наоборот.

Я очень обижен на свою страну. Она унизила меня, сделав неполноценным и недоразвитым, с раскрытым ртом глядящим на еду, поезда, извиняющегося контролера, поющую молодежь. Я не могу простить свой раскрытый рот, свой дурацкий вид.

Я люблю свою страну, как любят мать, какой бы она ни была. Мы ходим с этой мамой, оба злые, и смотрим. Я обижен на свою мать, сделавшую меня, умного и талантливого, при-

дурком, расспрашивающим о самом простом: куда девается непроданное мясо, почему зеркало в ванной не запотевает? Я очень обижен на свою мать, сделавшую меня ленивым, невоспитанным, неговорящим, непоющим, неверящим, циничным и убогим.

Ходим мы с Родиной-мамой, двое нищих откуда-то из шестнадцатого века, из времен каких-то непрерывных и разрушительных войн, где до сих пор... Где до сих пор...

И, как последние эгоисты, думаем только о себе.

Сентябрь, 1989 г.

Возражения

– Демократия? Голосование? Несколько клиентов на одно место. Трепотня! Бредешник. Выборы директоров! Подождите, подождите, вы увидите, что получится, когда каждый дом будет обсуждать, где трубы класть, как улицу назвать. Вы нигде дорогу не проведете. Они вам дадут прикурить. Не готовы мы. Не знаю, когда будем готовы.

– Но так же никогда не будем готовы, если не попробуем.

– Попробовать захотели. Ни один кирпич не положите, все обсуждать будете, голосовать. Неуправляемый народ станет...

– А вы из народа?

– Я не знаю, откуда я. А наш народ привык и приучен, чтобы им управляли. Он привык верить руководителям. Он их не должен знать. Он должен верить и будет верить. Как он привык, так и должен жить. Вот такая демократия была, такая и должна быть. Он привык ненавидеть иностранное и должен. Он привык считать каждого, кто уезжает, предателем и должен, потому что границы закрыты и мы к этому привыкли...

Открой границы, вот открой границы. Что будет?

– Что будет?

– Непредсказуемость. То ли все туда рванут, то ли все здесь останутся – неясно. Ситуация перестанет быть стабильной, перестанет быть управляемой. Если это правительство хочет иметь неприятности на свою голову – пожалуйста. Хочешь мордобой, убийства – пожалуйста.

– А что, до этого мордобоя, убийств не было?

– Не знаю.

– Так теперь хоть знать будете.

– Не хочу знать. Избалуете вы нам народ. Святые традиции наши – терпение, безропотность, подчинение, вера в руководителей. Для государства выгодно. Государство укреплялось.

– А люди?

– Люди – не знаю. Народ был доволен. Никто не возражал.

– Государству выгодно. А для людей что? Для такого государства что выгодно? Куда оно мчится такое государство, которому выгодно то, что невыгодно людям. К войне!

– С таким государством можно любую войну выиграть.

– Зачем ее выигрывать? Какое-то время жить за счет других, разорить их и опять стремиться к войне. Дайте людям сказать, дайте людям выйти на улицу по своей воле.

– Не дам. Избалованный народ не нужен никому. Он горе для руководства. Руководство теряет кулак. Низ перестает слушать приказ. Не реагирует на команду. Как вы будете осуществлять руководство, перебрасывать людские ресурсы, держать оборону?

– А может быть, лучше договориться о мире и не держать оборону?

– Без обороны не государство! Без армии, без таможни, без паспорта – не государство!

– Дайте людям жить, свободно переезжая без прописок и паспортов, дайте заработать, сколько влезет.

– Нельзя. Может, где-то можно, у нас нельзя. Тут такое начнется!..

– Какое начнется?

– Анархия. Светопреставление. Разбой.

– Так вы ненавидите свой народ.

– Иди, посмотри, что они едят, что ими движет, как они заглядывают в чужую тарелку! Как они жрут друг друга!

– Так они не понимают. Вы им не давали никакой информации ни о себе, ни о других народах. Вечное подчинение – это вечная темнота, вечная озлобленность против других таких же. Но даже для создания военной техники надо быть свободным.

– Не обязательно. Сталин из тюрьмы привозил – и работали, и победили.

– Какой ценой? Один к четырем. Гордимся двадцатью миллионами погибших. Конечно, можно воевать, не считая людей. Можно строить ГЭС, не считая людей, можно тушить пожары, не считая людей. Когда люди не важны, можно строить новую жизнь, загадочную жизнь, непонятно для кого.

– Государство должно быть сильным.

– Не будет сильным. Все развалится. Не бывает сильным государство, где люди недовольны, молчаливы, озлоблены, где люди дико сцепляются друг с другом, где люди перестали помогать друг другу, выручать друг друга. Где одному нечем помочь другому, оба так бедны. Как будет крепким государство, состоящее из враждующих людей?!

– Оно было крепким.

– Не было.

– Было.

– Не было.

– А я говорю, было.

– Докажите!..

– И докажу!

– Ну докажите?

– И докажу, докажу. А вы докажите.

– Докажу, докажу.

– Как?

– А вы как?

– Видите, ничего мы не знаем. Ничего не можем доказать.

– Мы только догадываемся: так жить нельзя больше, мы еще боимся расстроить население, но догадываемся, до каких низов мы добрались в своем развитии. Не от хорошей жизни разговор о демократии пошел сверху. Кое-что там все-таки знают. Видимо, прежняя конструкция здорово сдала, если ее решили заменить.

– В этом государстве нужен только порядок.

– Был такой!

– Значит, недостаточный.

– Достаточный, за пятнадцать минут опоздания – в тюрьму. Двадцать миллионов – на фронте, двадцать миллионов – в тылу. Вы посмотрите, чем характеризуется порядок – кровью! Телами. Что такое порядок? Для кого он?

– Для государства.

– Кому нужно государство, где столько мертвых? Каким людям нужно столько мертвых, голодных, темных, обозленных, какому государству, каким людям? Это нужно вам лично и каким-то вашим, которые на мутной волне наглости попали наверх и держатся не умом, не знанием, а только наглостью и горлом.

– Я ни хрена не имею. Что я имел?

– Все.

– Давай посмотрим, что я лично имел.

– Все. Всю страну. Ты жил, где хотел, и отдыхал, где хотел. Ты ел, что хотел, и пил, с кем хотел. Ты спал, с кем хотел. Ты ее называл секретаршей, инструктором, зав. отделом и спал с ней, прекрасно зная, что она как работник только этим и занимается, ты даже не платил ей. Ей платило за тебя государство. Создавал министерства для своих зятёв, где их содержало государство, то есть мы, охотился, где хотел, и асфальтировал туда дороги. Какой царь мог это иметь?! Он хоть выходил на бал. А тебя не видел никто. Вот для чего тебе нужен порядок. Ты войны не хочешь. Ты ее боишься. Зачем тебе сидеть в бункере. Но нас ты будешь всю

жизнь держать в напряжении, пугать врагами, сплачивать страхом, просто, чтобы иметь нас всех, как ты имел нас всю жизнь до последних лет.

– Я тебя, гниду!

– Да ты что! Ты труслив, как шакал, и измят своей карьерой, как старая газета. Что ты? Бога моли, что тебе такой народ достался. Бога моли, что о твоих делах никто не знает. Бога моли, что тебе никто не считает, скольких ты посадил, скольких ты убил разными испытани-ями.

– Ты, гнида, какой национальности?

– Вот это уже вопрос по делу. Это прямо касается сути. Когда-нибудь ты ответишь, как это ты, используя пятую графу, так ловко стравливал людей с людьми. Этот народ нам вредит, этот народ сотрудничает с врагами, этот народ скупой, этот народ жадный, этот хит-рый, этот чернозадый, этот чучмек, это хохлы, это кацапы, это жида, это чурки. Этот народ специально для анекдотов, этот народ жулик, этот косоглазый. Ты здорово преуспел в этом. Потому что когда у людей нет цели в своей жизни, они ищут ее в чужой. Ты приучил всегда иметь врага. Не хватает внешнего – вот тебе внутренний. Снаружи война – внутри все быстро становятся равны, даже попы и раввины. Снаружи нет войны – внутри мгновенно нужны враги, вон они побежали. Война должна быть вечной! Вот ты мне и последний вопрос подсказал.

– Какой ты национальности?

– А ты какой?

– Я тебя узнал. Ты враг.

– Да. Я твой враг. Давай смотреть друг на друга внимательно... Для будущего.

– Для детей наших!

– Да. Для детей наших.

Опущено в почтовый ящик в 1987 г.

* * *

Ученые установили, что, кроме нас, разумных существ в Солнечной системе нет. Значит, нам надо как-то держаться.

* * *

У нас что интересно: выращиваешь, поливаешь, окучиваешь, удобряешь, ухаживаешь, лелеешь, хочешь съесть –...свистнули.

Копишь, работаешь, подрабатываешь, пробиваешь, учишься, сдаешь на права, получа-ешь, обмываешь, садишься ехать –...сперли.

Строишь себе лучшую жизнь, мучаешься, недомогаешь, недоедаешь, недосыпаешь, только собрался –...стырили.

И рядом живут. И той жизнью, что только что стырили. А обещали нам...

Я, в общем, тут неподалеку, если кому интересно.

* * *

Я позицию не меняю.

Это власти меняют позиции относительно меня.

* * *

Тут возможны два варианта. Либо ты называешь дерьмо дерьмом, невзирая на должности и звания, и народ тебе кричит «ура». Или ты кричишь «ура», и народ тебя называет дерьмом, невзирая на должности и звания.

* * *

Шли две женщины навстречу.

Одна озабоченная, другая озадаченная.

– Чем вы озабочены? – спросили люди озабоченную женщину.

– Я на базар.

– А чем вы озадачены? – спросили озадаченную.

– А я с базара.

* * *

Эта женщина напоминает крематорийскую печь Евпатории. Смотришь в это пламя и понимаешь, что влетишь птицей, а опустишься пеплом.

Но такая наша ястребиная доля. Моя дорогая, вы готовы? Я иду к вам.

* * *

В стране, где все крадутся вдоль забора, не так легко дорогу спросить.

* * *

Любить – значит говорить с каждым пальчиком отдельно.

* * *

Или умереть к чертям собачьим, или жить, гори оно огнем.

* * *

Как весна – так эпидемия.

Как лето – так отравления.

Как дорога – так ремонт.

Как купание – так запрет.

Как езда – так нет бензина.

Как зима – так нет тепла.

* * *

Не жуем – перетираем.

Не живем – переживаем.

* * *

История России – борьба невежества с несправедливостью.

* * *

Гляжу на Вас и думаю: как благотворно влияет на женщину маленькая рюмочка моей крови за завтраком.

* * *

В чем наша разница? Вместо того чтоб крикнуть: «Что же вы, суки, делаете?!» – мы думаем: «Что же они, суки, делают?»

Оса

С каким наслаждением мы смотрим на убитую осу. Ужалила ведь. Вот она и выворачивается на полу. И издыхает, ничего не понимая, не понимая, почему ужалила и почему убили. Да и у нас боль не проходит. Боль-то мы не сняли, убив ее. Не понимает, ничего не понимает животное или человек, близкий ему. Мы понимаем, что они не понимают. Какое же свое чувство мы удовлетворяем, убивая их?

А убивая сознательных, ну, скажем, подлецов, чего мы достигаем? Это уже не наказание. Убить, защищаясь, – достойно. Ты уходишь от смерти. Но когда ты ищешь, находишь и убиваешь в наказание...

Мстители очень любят, чтоб перед последним ударом жертва посмотрела на них. Это я тебя! Я! Я! Я обещал тебе и вот я зде-е-е-е-сь! Мстительный крик и крик жертвы сливаются, удовлетворяясь. Так чего же мы достигаем?

Чего мы достигаем в себе, убивая незнакомого и, очевидно, невинного человека? Гасим ли мы в себе? Разжигаем ли мы в себе? Остановится ли убивший, или это начало? Желание убить и умение убить мы несем в себе. Убивший никакого полного успокоения не испытывает. Он удовлетворяет свою вечную, потомственную, наследственную жажду крови. Хлебнув ее, остановиться не может. И пусть не рассказывает нам то, что он придумал.

Бык

И вот наши люди, не отвлекаясь от выяснения национальности, заинтересовались экологией. Новый предмет, в отличие от истории и философии, не объясняет жизнь, а сокращает. Выдох чище вдоха. Питьевая вода из фенолов и нитратов кипячению не подлежит.

В мышцах быка нет прежней ярости и силы – они пропитаны антибиотиками и пестицидами. Люди, поедая мышцы быка, несут в себе его проклятие и послание: «Всем, всем, съевшим меня, мое последнее мщение. Я болел всю жизнь. Я не мог бегать. Я стоял. А потом лежал. Еды не было благодаря колхозам. Любви не было благодаря искусственному осеменению, движения не было благодаря новым методам содержания. Я на вас не обижаюсь. Я просто проклинаю вас и все. Но еще не все. Не думайте, что несчастья покойника уходят вместе с ним. Покойники уходят чистыми. Вам остаются их болезни, неприятности, как все то, что вы построили, перейдет следующим поколениям, которые попытаются поймать вас и на том свете. Ешьте меня, скоро встретимся».

Мы возмущаемся, почему организм коровы не может переработать все окончательно? Почему вода, земля, воздух не могут переработать все окончательно? Мы все возмущены. Ну действительно, нельзя пить, есть, дышать и купаться, но мы все это делаем. Когда так много нельзя, что нельзя жить, люди как раз и живут, и поэты пишут: «человек крепче стали». Он не крепче, просто он чаще сменяет друг друга. Он как бы все время есть, но это уже не тот, а другой. Музыка та же, стихи те же, камни те же, а люди уже другие. Так и должно быть, чтобы со стороны казалось, что они всегда есть. И Сталиным их, и Гитлером, и Чернобылем, и индустрией, а они есть и есть. Отсюда ошибочное впечатление, что их ничто не берет.

На Крайнем Севере чум дымит, но в нем за сорок лет уже три поколения дымят и два поколения под шпалами лежат, а третье как бы ездит. Не успеваешь объяснить человеку, как он живет, как аудитория меняется и лектор другой. Антибиотик от туберкулеза спасает, а от антибиотика спасения нет. Если количество этой еды увеличат, шире гибнуть будем и чаще. Даже навоз стал ядовитым. Так что подумать надо, может, пустые полки и есть то, что нам надо. Жизнь и так коротка, а во второй половине водопадом уходит. Шкала ценностей меняется. За промтовары можем жизнь отнять. Что дороже – постепенно стало неизвестно. Сразу после двадцати начинается вторая половина жизни. Мы делаем из нефти платья и мыло, а потом пополняем запасы нефти собою и следующие жгут нас в бензобаках.

– Почему бензина нет?

– Сейчас подвезут.

И пошел в бак пятый век до нашей эры со всеми страстями и расстройствами. Потому от нефти и гибнет все: прежняя жизнь давит. Тоска прежняя, религиозный фанатизм, скука деревенской жизни, отсутствие телефона, автомобиля – все это душит и давит жизнь.

Мы еще быстрее нефтью станем, мы будем давить следующих нашей тоской, паникой, автомобилями, телефонами, магазинами, бумажными деньгами, злобой друг к другу. Нас в бак зальют, мы торчком встанем от ненависти. Потому бензин так дико горит, что в нем ненависть всех предыдущих к последующим. А последующие загоняют в цилиндр: нет, гады, будете белье стирать, ток давать, динаму крутить, и еще раз умрете в тесных цилиндрах, и, умирая, толкнете поршень в последний раз и повезете. А нам искры достаточно. Взорвемся и везем.

А как нефть разольется – никто живым не уходит. Отсутствие жизни, быта, темнота, ненависть к другим народам – лежит, черным сверкая. Много поколений в ней, и все черным сверкает.

Решил я стать решительным

Было как-то. Решил я стать решительным. И стал. И две недели был им. Я предупредил и, прождав ее двадцать минут, ушел, косолапо ставя ноги... Я решительно порвал с шефом из-за несправедливости ко мне. Ушел со спектакля, чтобы не терять времени. Сделал запись в книгу жалоб. Плохо разговаривал с родственником. Ушел из гостей. Сказал всем, кому хотел, то, что давно хотел и не говорил. Толкнул пьяного. Он упал. Я поднял, опять толкнул. Он упал, я опять поднял и толкнул. Решительно ушел. Резко ответил на предложение работать с этим человеком. Вырубил телевизор. Перестал его смотреть. Порвал к чертовой матери шаблон своей биографии как лживый. Написал правдивую, где назвал некоторые вещи некоторыми именами. Вернули биографию, анкеты, просили поговорить. Решительно бросил трубку. Остановился утром напротив старух у подъезда и с размаху закатил скандал – не их старушечье дело... Все! Танцевал до трех. Один. Позвонил в милицию, пожаловался наконец на детей. К черту. Орут и прыгают, и вообще... В толпе что чувствовал, то произнес. Никаких колебаний! К черту. Скандал был грязный. Из-за твердости – не отступал. Нарвался на удар. Решительно ответил, получил ответ. Опять ответил, получил несколько ответов, затих... К черту. Слабость... Решил себя закалять. Бегаю. С собаками. Качаю плечевой пояс. Тоска от этой решительности. Но ничего... От премии отказался. Себе и своим всем – не заслужена. Не поддерживали. Ну и черт с ними... И целых две недели был таким. Я растерял – нет, не друзей, друзья-то с трудом дотянули. Я потерял людей. Я потерял работу. Я прохожу сквозь двор, как сквозь строй. Я не разговариваю с детьми. Я растерял родных. Я расстроил маму... И с этой, со своей, я не могу помириться... Уважение к себе, о котором я мечтал, не получилось. И чувство собственного достоинства так и не возникло в этих скандалах. Нет. Это нужно. Решительность и твердость. А вот нету у меня. Я мучаюсь. Я не могу ответить резкостью. Я опять молчу. Я опять живу мучительно. И ко мне стекаются люди.

Райское существование

Впервые такое странное полурайское существование. Как я люблю одиночество. В пятистах метрах от одиночества – люди, музыка, голубое море и белые теплоходы. Желтый песок. А тут (не путать со «здесь»), тут в зелени сижу я. Сижу в зелени, гляжу сквозь зелень, как болонка сквозь шерсть, как девочка сквозь чубчик... Ах, сквозь! Ах, через! Когда уже второй слой перекрывает взор и даль. Взор от меня, даль ко мне. Из дали большая музыка – ко мне. От меня маленькая музыка – туда.

Представьте 12 октября. На солнце жарко, утром холодно. И что-то вечером: какое-то кафе, какой-то разговор с каким-то умным, но темноватым джентльменом и страшная книжная ночь в лагере на Колыме.

Днем желто-зеленый, ночью черно-белый. Самый быстрый в мире переход из цветного в черно-белый мир... Не дай господь!..

Наслаждаюсь. Синее море, белый пароход, красный огонек, солнечный денек...

Есть еще запахи в этом празднике. Жарят шашлык, и даже из рыбы. Белый шашлык, уса-тый грузин, рушатся качели, визжат дети, бабушки говорят в сторону моря. Катер «Гавана» ждет последние две минуты. Ресторанный дым, и очень вкусно, говорят, и, говорят, недорого. Все зависит от заработка, которая зависит от работы, которая зависит от специальности, которая зависит от способностей, которые зависят от человека, который зависит от родителей, которые зависели от воспитания, которое давала жизнь, прожитая раньше, где тоже были синее море, белый пароход, духовая музыка, солнце и зелень, нескончаемо наблюдающие смену людей в Аркадии.

Вам привет

Для Р. Карцева

Что ты пристал? Какой мне привет? Откуда? Ну откуда? Пристал как банный лист. Вам привет, вам привет. Откуда? Ну откуда? От кого нам привет? Ну?.. Еще чуть-чуть... Ну?.. Поднажмись!.. Ах, не помнишь... Вспомнишь, передашь... Как моя фамилия? А как зовут? Ну!.. А от кого привет? Ну и кому ты нужен со своим приветом... Почему «подождите»? Почему «подождите»? Я уже час с тобой вожусь. У каждого забора по полчаса стоим... Не можешь, не мучайся. Ишь ты! Так я тебе и дал свой адрес, чтобы ты ко мне домой приперся. Плевал я на твой привет! Передай ей... Ах, это он передавал? Ну кто?.. Ну кто?.. Ну! Давай! Жмись!.. Все! Отстань! Уйди! Растворись! Вот иди вот туда, встань и вспоминай. Там ты никому не будешь мешать. Я вернусь через час.

...Отпусти рукав. Люди собираются. Ты же меня знаешь. Уйду без пальто. Не смотри на меня. Не поможет. У тебя изнутри не подымается. Беги! Все! У меня нет времени. Не держи меня за руку, не потей. Мы уже три часа ходим, взявшись за руки. Смотри, вон рыбу дают, и никого. Бегом туда. Раз-два. Для всех займи. Ну-ну... Вот тебе и на, взрослый мужчина... платок есть?.. Ну хватит, хватит... Давай еще раз для твоего выздоровления, чтобы тебе роды облегчить... Это Гриша из Севастополя, где ты был проездом? Не помнишь... Откуда ты ехал? Из Павлодара? Куда? В Екатеринослав?.. Не помнишь? Это Елизавета Ивановна из Кустаная, Борисов Герман Павлович из Ленинграда? Полковник Петров, ракетчик, здоровый такой, красивый, нет?.. Официант Жорик из Риги, худой, заикается... А где ты был? Кого ты встретил? Ты рядом сидел?.. Не помнишь? Лежал рядом?.. Ты что рядом делал? Где этот привет передавали? Обстановку вспомни. Музыка играла, официант подавал, зелень за окном – «Каскад» в Сочи... Музыка играла, простыни белые. Больница в Нарьян-Маре... Солнце днем и ночью, рыба, свадьбы – Мурманск?.. Нет.

Крики, жара, воровство – базар в Ташкенте?.. Ну?.. Холод, лед, снег, медведи – ты бежишь из ссылки?.. Колючая проволока, тебя не пускают – женская тюрьма под Одессой... Ну? Откуда еще мне привет? Ну? Кокчетав – травматология. Ночная профилактика – Казань. Перегон Фастов – Ясиноватая, комната матери и ребенка, Клава? Мальчик Петя в семье у врачей – Элиста. Уфа – аккумуляторный завод – вахтер на протезе, мясокомбинат в Алма-Ате – проходная, завод резинотехнических изделий, Ярославль – проходная. Лагерь строгого режима, лесоповал, Архангельск. Павел Иванович Ратицкий – капитан... Все! Моя жизнь кончилась. Больше я вам ничего не скажу. Иди!.. Передай ему... Ти-хо! Передай: спасибо за весточку, скажи: у него все хорошо, только он внезапно умер... Иди... Я не буду стрелять...

Перекличка

Для Р. Карцева и В. Ильченко

- Новосибирск?
- Да!
- Где Кириллов, который боролся с приписками?
- Умер.
- Камчатка?
- Да!
- Женщина Полякова – инициатор движения за облегчение женского труда под девизом «Прочь с дороги, бабы»?
- Уволилась.
- Норильск!
- Да?
- Ефремов, призывы к демократии, 1975 год?
- О, умер давно, еще в 1976 году.
- А дети, семья?
- Разбежались.
- Одесса!
- Одесса, господи!
- Чего?
- О, Одесса, ну что там у вас?..
- Да нет здесь никого.
- Как «никого»? Из прохожих позовите.
- Нету прохожих, нету.
- А Конопатко где?
- Этот, который за воду боролся?
- Да, да.
- От нее и погиб, бедняга.
- Из населения можешь кого-нибудь попросить?
- Если б хоть неделю назад, еще была тут семья...
- Где?
- Отвалили.
- Так хоть ты у аппарата сиди.
- Сижу, сижу. У меня такой, извините, понос, и хотел бы – не отойдешь.
- Нижний Тагил?
- Му-у-бр-р... му-у-у.
- Ты что, в противогазе?
- Му-гу!
- Где Филиппов – комсорг, борец-эколог?
- Ма-а-у-му...
- Ты чего, не можешь на секунду снять?
- Не ма-а-я-у-у...
- Хрен с тобой. Мелитополь! Мелитополь?!
- Мы-то как раз у аппарата. Мы-то здесь. Мы как раз. Мы-то здесь. Мы говорим. Ой-ха-ха!.. Мы, ой!
- Пусть один возьмет трубку.

– Мы-то один и есть. Отдай, отдай, я буду говорить!.. Поднеси к левой голове... Я тебе поднесу... Тьфу!.. Хорошо. Тогда и тебе тьфу!..

– Как уровень радиации?

– То, что нужно... Тьфу! Ночью ты будешь спать, а я в тебя плюну... А я в тебя утром плюну! Ну прошу, поднеси к левой голове... Хорошо, тогда, чур, я вечером ем. Нет, я ем!..

– Мелитополь, дай левой голове... Слушай, а сколько у тебя ног?

– Одна.

– Значит, ты не можешь сбегать за Синельниковым?

– Почему? Смогу, я побегу... Нет, я!.. Нет, я!.. Молчи уж!.. Тогда я сегодня ем...

– Слушай, Мелитополь, а где Синельников?

– С детьми сидит.

– Что, много детей?

– Да как посмотреть: как ест – вроде один, а какают – вроде много.

– Так он что, занят?

– Ну а как же, это ж все надо убирать.

– Да, вам легче.

– Нам-то легче, если б не эта правая сволочь. Тьфу!..

– Колыма! Колыма!!!

– Все в порядке, все у нас хорошо, кладите быстрее трубку.

– А где Егоров?

– Борец за культуру, что ль? Здесь, здесь. Егоров, возьми трубку... Егоров, да оторвись ты, трубку возьми... Москва, Москва... А я откуда знаю, тебя хотят... Я сказал, все в порядке... Я тебя, падла, самого сейчас... Алло! Вы слушаете? Не хочет, козел. Говорит, не одетый... Слышь, Егоров, ну накинь чего-нибудь, это ж не телевизор, это телефон.

– (Запыхавшись.) Алло!.. Алло!.. Егоров...

– Как там?

– Нормально.

– Чем кончилась ваша борьба за культуру?

– Нормально... Все... Нормально.

– Какой-то сдвиг есть?

– Ну, елки, ну я ж говорю – нормально.

– А к женщинам?

– Да, особенно к женщинам, да... к этим б... да, особенно.

– Можно приезжать?

– Да не надо пока. Мы тут, б... должны еще поработать с одним м... С одним козлом... Заткнись!.. А по коренным?! Четвертак с вас, мразь ползучая...

– Так что, пока отложим разговор?

– С ним, что ль? Я этой падали паскудной вместо глаз фиксы вставлю, он у меня на кашель откликаться будет, я...

– Так нам что, позже позвонить?

– Во-во, давай позже или никогда. А так все нормально... Эй, протез, у меня туз червей, у меня...

– А как окружающая среда?

– Какая на... решетка!.. А-а, нормально! Этому глаза повырываю – вообще красота будет. Не звоните больше. Обстановка хорошая. Европа – люкс. Еще раз позвонишь, я и в Москве найду, кто тебе скелет выймет.

– Спасибо.

– Давай.

– Северный полюс! СП-28!.. Северный полюс? Алло!.. СП-28? Прием. Алло! Алло!
Вы слышите?

– Да!

– Алло! Наконец-то... Алло.

– Да, да.

– Алло!

– Да. Нам вообще ничего не нужно.

– Какие результаты?

– Никаких результатов. Нам ничего не нужно.

– Как ваши исследования?

– Никаких исследований. Нам хорошо.

– У вас сейчас ночь?

– Это вас не касается.

– Как с продуктами?

– Нам ничего не нужно.

– За вами послать?.. Когда вы вернетесь?

– Мы еще не решили.

– Как льдина? Трещина вдоль полосы или поперек?

– Разберемся.

– Когда вы возвращаетесь?

– Это политический вопрос. Дебатируется самоопределение, отделение, переход в суверенное плавание.

– На льдине?

– Пока да. Пойдем на льдине в теплые края.

– Куда?

– До Калифорнии дотянем и на пресную воду продадим.

– Башкирия?

– Ай донт андестенд.

– Это Башкирия?

– Йес!

– Что ж ты мне голову морочишь. Это Москва!

– Ай-ай-ай, испугал. По-латыни давай!

– Какая латынь?

– Отделяемся мы. Пока своего языка не вспомним, по-латыни трендеть бум. Все надписи латынью, ни хрена не поймете, пся крев. Кавалерию заведем, армию, от всего мира отобьемся. Новую жизнь начинаем. С Израилем дружить бум. Фрукту свою заведем, молоко.

– Так у вас же промышленности нет...

– На хрена нам промышленность, подавитесь своей промышленностью, у нас латынь будет и армия. Гуляй куда хочешь! Мы в энциклопедию смотрели – кочевники мы. Дикие мы, оказывается. У нас лошади и люди одинаково выносливые, оказывается. Не надо сюда звонить. Кочевники мы, отвлекать будете.

– Алло! РСФСР?

– Для кого РСФСР, а для кого и Россия, мать вашу...

– Как там?

– Все путем. Повыгоняли всю сволоту: чернозадых, черномордых, черноглазых, чернозубых, черноногих, черногрудых – все, вздохнули! Эх, едренть, какая ширь образовалась, просторы, воздух, едренть, свежий...

– Со жратвой?

– Маненько есть... Счас придумываем кой-чего вместо колхозов.

– Чего?

– Да так, чтоб тоже сообщча, однакось пока кое-кого еще перебить надо, чтоб еще шире вздохнуть. Жидов вроде не осталось, так наши некоторые жидовствуют, надо их маненько поунять, и дело пойдет. Потом строй себе придумаем, и дело стронется.

– А как с землей?

– Не до этого пока, поважней дела есть. Переделить тут надо кой-чего по справедливости. Мы так хотим, чтоб у всех одинаково, чтоб все с нуля, со старта, и вперед, вперед... Думаем, пойдет дело... Так что мы все на собрании.

– Сахалин? Алло?

– Хацю, Хацю.

– Где Николаев?

– Здеся, здеся.

– Что решили?

– Все хоросе-до, все хоросе-до. Горосуем.

– Что голосуем? Чего вдруг?

– К Японии переходим, да, всеобщим тайным горосованием.

– И как разделились голоса?

– Никак не раздериись. Единограсно к Японии.

– Против есть?

– Есть, есть, японаци против, но уже позадно, мы уже присоединиись, уже пьем саке, смотрим теревизора, секретарь горкома кимона на урице сидит, поздравряет комсомор. Прояйте, товарииси!

– ...

– Алло! Москва?

– Да.

– Это Москва?

– Да, вас слабо слышно.

– Да это мы слабо говорим.

– Кто вы?

– Поволжье мы.

– Что у вас?

– Да ничего нет. Абсолютно ничего. Хотим посоветоваться. Мы все равно голодаем, так, может, в виде протеста? А? Подберите нам чего-нибудь попрестижнее. Может, негров поддерживать в Америке? Тоже мучаются, а? Раз уж голодаем?..

– Давай тогда за нашу победу.

– А за победу голодают?

– А как же. Вся страна.

Звонок

– Скажите, это институт по отработке ориентации ракет в безвоздушном пространстве?

– А-а-а!

В институте упала трубка и раздался выстрел. Застрелился начальник третьего отдела.

На следующий день куча опавших листьев, под которыми ревели грузовики, переместилась в тайгу.

На старом месте только ветер шевелил оставшийся кусок парового отопления.

Звонок.

– Скажите, пожалуйста, это институт по отработке ориентации ракет в безвоздушном пространстве?

– А-а-а! Опять! А-а-а!

Ба-бах! Застрелился опытный сотрудник-секретчик, гордость организации.

На следующий день вся тайга вместе со снегом переехала в Каракумы.

Звонок.

– Простите, пожалуйста, это опять я, я вам, наверное, надоел... Это институт по отработке ориентации ракет в безвоздушном пространстве?

– Да. Чего тебе?

– Надю можно?

Эльдару!

Вот наконец шестьдесят и Эльдару Рязанову. Вот уже и он может встретиться с молодежью. Вот уже и ему зададут вопросы... «Как Вы относитесь? Как Вы относитесь?» И он, отвечая, впервые задумается над этим.

Они, кто больше всех переживает, идут довольно плотно: Окуджава, Ефремов, Ульянов, Рязанов, Евтушенко, Битов, Искандер, Захаров. Старики пишут в газеты, молодежь танцует, а это поколение, выросшее на трофейных фильмах и трофейных тетрадках, бьется, бьется, надеется и верит, боится и дерется в последний раз, в последний раз любит, в последний раз верит, в последний раз идет в бой. Им всем от сорока до шестидесяти. Они расставлены во времени постоянно: ударил час – прошел Окуджава, ударил час – прошел Ефремов, ударил час – прошел Рязанов. Подробности о них не нужны. Их совсем мало. Они не меняются. Что говорили, то говорят. Они не шарахаются справа налево, слева направо, а стоят на своих местах, а вся компания, мотаясь справа налево и слева направо, все равно прибежит к ним.

Смешно на чужом юбилее не сказать коротко о себе. От гласности пострадали многие, в том числе те, кто ее призывал. Шутки шутками, а звездануть через карман тяжелую промышленность, а усомниться, в подполье, как существует мясо-молочная промышленность, когда нет мяса... Оглушительные крики глухо звучали снизу: полные названия вещей своими именами, смелая критика системы неразборчиво бухтела под землей, зато какой успех, когда грязные и усталые мы шли домой.

Теперь открытая добыча. Свобода слова происходит уже на глазах по-прежнему молчащей публики. Шансов на успех нет. Можно, конечно, сказануть что-нибудь и загреметь в тюрьму, пока еще можно. Но это будет дешевый путь заигрывания с массами. Наш зритель обожает за рубль наблюдать, как кто-то мучается, говоря в лицо то, что все знают наизусть. Чтобы поддержать, и речи нет, наблюдать безумно интересно. И капать... Он дергается, дергается, капнули – ту же пошел, ту же, но еще ковыряется, еще капнули – со скрипом еле-еле, еле-еле, еще каплю – распластался, застыл борец. Или лучше – умер молодым. Блеск.

Что ж делать тем, кто, выбрав трудный путь, живет? Если вчера самым глупым был вопрос: «Где это вы темы берете?», то сегодня еще глупее: «О чем вы теперь писать будете?» Да, действительно, прямо не знаешь. У нас как только исправится верх – испортится низ. Начал шевелиться низ, тут же забарахлил верх. Ну а золотая середина вообще не принимает ничего. Они понимают, что от них ждут самоубийства, и не хотят. А их обойти – все равно что миновать средние ступени лестницы. Поэтому хочется сказать на Запад: «Ребята, если бы вы знали, как мучительно даются первые шаги, о которых даже не знаешь, шаги ли это, ибо сопротивляются все, вы бы с огромным уважением воспринимали то, что здесь происходит, и тихо помогали, если хотите знать, чего от нас ждать в будущем».

Эльдар Александрович, самое смешное – наша жизнь, она же и самое печальное. Вы умеете найти ту точку между грустным и смешным, когда жизнь становится искусством.

Теперь о юморе. Как мрачны лица писателей-патриотов. Уж очень всерьез. А если всерьез, то вот уже, вот-вот уже что-то надо запретить, что-то не надо играть, что-то надо осудить.

Юмор – это демократия.

Юмор – это свобода.

Юмор – это терпимость.

Что пожелать лично Вам, Эльдар Александрович? Чтоб Ваше мнение о том, что перестройка затормозилась, газеты скисли, телевидение заткнулось, «Огонек» без конкуренции зазнался, а госприемка неэффективна, оказалось ошибочным. Чтоб шире развивалась кооперативная и индивидуальная деятельность, ибо, как Вы правильно скажете в своем заключительном слове, это единственный путь оживления омертвевших государственных форм.

Я желаю Вам, Эльдар Александрович, чтоб в магазинах периферии появились мясо, молоко и масло, чтоб в телемостах СССР – США перестала быть самой острой реклама еды, делающая молчание переводчика невыносимым. Мы желаем лично Вам, Эльдар Александрович, чтоб в центре Москвы вместо контор и учреждений возникли кино и мюзик-холлы, чтоб, как Вы справедливо укажете в своем заключительном слове, Москва по вечерам не погружалась в средневековый мрак, потому что, как Вы правильно думаете, от экономии электроэнергии не должны страдать живые люди, для этого есть масса бездарных заводов, а светомаскировка в ракетный век бессмысленна. Я еще хочу пожелать Вам, Эльдар Александрович, чтоб из нас, Ваших друзей, в условиях острой конкуренции приветствующих Вас, перестали вырезать лучшие места, это уже вынести невозможно. Сегодня все уже понимают, почему на экране писатель дергается, а обзванивать нет сил.

И в заключение. Это поколение от сорока до шестидесяти – последнее, что верит, сотрудничает и пытается. За нами идут люди, которых не проведешь. Если надуют нас, на них надеяться нечего. Ибо на детей сегодня больше похожи на экране их родители.

Арканову

Дорогой Аркадий Михайлович! Мне не хочется, обращаясь в Вашу сторону, рассказывать о себе. Или даже хорошо выглядеть на Вашем вечере. Он Ваш, и Вы – ствол, окученный нашими произведениями. Мы, жители маленьких городов, перебрались постепенно в большие и, создавая эту прославленную давку в метро и на переходах, дуреем не только от того количества, которое сами же создаем, но и от качества людей в Москве.

Здесь уже собрался крепкий народ, прошедший через обмены, прописки, фиктивные браки, ОБХСС, УВД и РОВД. И все это делает их незаменимыми друзьями, на которых так и хочется положиться в данный момент. Наглухо закрытые взглядом белых глаз, крепким рукопожатием, твердой походкой, умением согнуться, глядя вверх, и не сгибаться, глядя вниз, умением озабоченно ничего не делать, без мыслей сидеть, задумавшись.

Возьмите с собой собаку, возьмите с собой ребенка, чтобы увидеть, возьмите с собой женщину, чтобы почувствовать. И в этом всеобщем театре, если закрыть дверь и потушить свет, исчезнут все, окажется совсем несколько человек, с которыми можно помолчать, Аркадий Михайлович!

А мы мотаемся, рвем обои и радиаторы, щеголяем дверными ручками и жалким синеватым фарфором, становимся такими смешными, что и писать об этом скучно. И в этом замате позволяем себе не звонить друг другу, обижаться, говорить друг о друге объективно, допускаем высшее образование в наши отношения.

Мне бы представить Вас молчащими, спокойными, мне снять бы с Вас эту капусту, лист за листом, осторожно и медленно, и посидеть без Москвы. Молча. И даже присутствие публики не должно заставлять нас острить так обреченно и бесконечно. Уже все трудящиеся отдыхают, а мы все шутим, шутим. Каким казался страшным этот возраст – сорок лет, – вот и он прошел, а мы все шутим.

А смешно уже пишут все. И на концертах публика умирает от хохота, когда наши братья выбивают ковры, когда их ведут дуть в одно место, когда тещины волосы сушат фонариком и все время намекают, что есть на свете половой акт, а смерти нет. Нет смерти, нет боли, нет поправленного достоинства, нет равнодушия и несчастья. Мы, армия советских сатириков, собравшихся в маленькой комнате на крохотном диване, благодарим вас, Аркадий Михайлович, за то, что это не Вы пошутили таким образом, «что двойной тулуп – это дубленка за двойную цену». И это не Вы пошутили в конце фильма под общий хохот, что через девять месяцев у наших героев родился еще один мальчик. И Вы не пытались спеть и станцевать Льва Николаевича Толстого. Чтобы публика, отвыкшая от иронии и привыкшая к жуткому юмору телевизионных дикторов, хохотала от пачки папирос «белого моря». Я понимаю, что эти шутки не рождаются от вдохновения. Их порождают худсоветы и редакторы, уносящие с каждого просмотра по остроте, по мысли.

Ну что ж, помолчим, посидим, выпьем, Аркадий Михайлович... С Вами, как ни с кем, это приятно. Пусть наши тела не всегда принадлежат тем, кому бы нам хотелось, наши мысли при нас. И не пожелаем себе в старости молодой души. Тело, пожалуй, легче уберечь, чем душу. Оставим себе эту редкую возможность наслаждаться друг другом.

Как я его понимаю

Как противно звучало: «Старый муж – грозный муж, режь меня, бей меня». Теперь думаю: ах ты, финтифлюшка! Что ж ты одной внешностью, одной кожей своей такого заслуженного человека... Да что ты в сравнении. Его же и послушать, и поговорить... А как он советует! А умница... А понимает... А ты? Тебя же только потрогать. А говорить – ни до, ни после... Чего поешь про заслуженного человека... Он тебе в отцы годится.

Э-э... Стоп! Так ей нельзя говорить. Он тебе и квартиру, и деньги, и уют, и покой – э-э, стоп! Так нельзя говорить. Он учит тебя... Он показывает тебе... – так ей тоже нельзя... В общем, глупая ты, а он – нет... Понимаешь? Как же ей понять, если глупа? Кожа только твоя, и кости, и эти губы нежные, влажные, от которых... и глаза широкие серые наивные, и волосы мягкие тонкие, и аромат от головы, плеч, и шеи, в которую уткнуться, и ой!., колени невозможные, если положить руку и немножко ею двигать, и талия, и там груди с этой щелочкой для монетки или для крестика, и аромат ото всего, и свежечистое чего-то, теплое... А что еще в тебе есть?!!

А у него?.. Что там у него такого, не вспомню сразу. Я тоже не знаю, к чему там у него... Я тоже не знаю, что ты там целуешь... И слушай, не заставляй его танцевать, слушай, даже если он умеет... И вообще. Пусть уж лучше будет старым, чем еще бодрым, и не показывает кошмарную молодую душу на синеньких ножках. Где он хорош, пусть там и сидит – за письменным столом. И мне его жалко. И я ее понимаю. И я его понимаю... Он прошлое свое, хорошее имя свое... Дай отведать в последний раз...

Слушайте, а вдруг не любит она вас, ну не любит... Да ведь она же... Ну изменяет, и вы миритесь. Еще бы... И вы терпите... Конечно... За что?.. А вот за свое ответное возрождение...

Как я его понимаю. Как я постарел.

Он, она и словарь Стриптиз

Ночь. Темнота. Глазок приемника. Музыка.

Он (*зажигает свет. Долго листает словарь*). Ай... хэв... лав... мач...

(*Гасит свет, ложится.*)

Она. Ноу, ноу. Ай кэннот... (*Зажигает свет. Оправляет кофту. Листает словарь-разговорник.*) Как пройти к вокзалю?

Он. Сейчас я тебе объясню. (*Гасит свет. Шепот. Возня.*)

Он (*зажигает свет. Уже без галстука. Копается в словаре. Кричит ей, как глухой*). Подожди немного!!! Вэйт чуть-чуть... Литл... (*Гасит свет... Шепот... Возня.*)

Она (*зажигает свет. Уже без туфель. Копается в разговорнике.*). Патччем у вас устрицы?.. Ноу. Где здесь такси? Остановитесь, я хочу сойти. Откройте дверцу. Ви куда едете?

(*Он увлекает ее. Гасит свет. Поцелуи и т. д.*)

Он (*зажигает свет, копается в словаре*). Квартира моя... Апартамент май... Я хозяин... Бизнесмен... то есть хозяин... Пить... Пить... Контакт... йес? Пить... пить... (*показывает*). Я и вы идем вперед... форвертс... тогезер... сердце... херт... Ах! Вы... ю... сердце... пить... пить.

(*Гасит свет. Булькает вино.*)

Она (*зажигает свет. Уже без кофты и туфель. Листает разговорник*). Но-но... Где здесь магазин?.. Выведите меня из магазина!.. Я вам буду писать... Какой зеленый город. Куда ведет эта улыща? Где антикварьяят? (*Он гасит свет и т. д.*)

Он (*зажигает, копается в словаре*). Плохо... Контакт ноу... плохо. (*Ищет.*) И, К, Л, М, Н, О, П... бэдли!.. вери бэд... Контакт есть... контакт нет... плохо бэд... пить... П, Р, С, Т, Ф... пианино, пиво, пижама, пика, от черт, пилот, пипетка... от черт... пить... дринк! (*Гасит свет. Булькает.*)

Она (*зажигает свет. Без какой-то детальки. Листает словарь*). Как проехать в гостиницу? Где мы находимся? Я туристка из Соединенных Штатов, а вы?

Он. А я здесь живу... Море... И, К, Л, М... вассер... мстительный, мрачный, мотыга, МТС, морг, море... сиа.

Она (*листает разговорник*). Я где нахожусь?

Он. Это море. Берег моря... пляж... Аркадия... Море... (*Гасит свет. Поцелуи. Он вскакивает без рубахи.*) Безопасность... безобразие, безработица, безысходный... сафэти... я безоружный... револьвер ноу... пить... дринк.

Она (*зажигает свет. Без чего-то очень нужного. Разговорник.*). Обменять значки. Вы из какой страны? Где здесь рынок? Помогите перейти дорогу? Я не причиню вам вреда.

Он. Хорошо. Иди сюда. (*Гасит свет.*) Вы меня не понимать! Не понимать, и все! Безопасность ваша гарантировать мною. Я гарантировать твоя безопасность. Сафети. Гарантирен. Это пляж. Сиа. Блэк сиа... Шип гуд... бютифул... ай лав... (*Гасит свет.*)

Она (*листает разговорник*). Я из миролюбивой страны... Вы состоите в ООН?

Он. А как же.

Она. Мы не хотим войны.

Он. Йес... и мы... войну ноу... Пиис. (*Гасит свет.*)

Она (*вскакивает*). У нас великая страна!

Он. И у нас... «Союз» – «Аполлон» гуд!

Она. Гуд! (*Гасит свет.*)

Он. «Филип Моррис»!

Она. Гранд Балет!

Он. Нэйл Армстронг!

Она. Игорь Моисеев!

Он. О!

Она. О!

Она. Где я нахожусь?

Он. Тсс-с! (*Целуются.*)

Он. Ни черта ты не понимаешь, глупая.

Она (*тихо*). Глупый... ни тшерта...

Он. Я пять лет учил английский... Видала, как они учат... Глаза у тебя хорошие.

Она. Гляза...

Он. Глаза, глаза... Вот это, то что выше носа... Глаза.

Она. Гляза... (*Тянется за разговорником.*)

Он. Не лезь ты туда. Там не нашим языком... Глаза. (*Показывает большой палец.*) О'кей! Глазки. А нос плохой (*Показывает*). Нос плохой, американский.

Она. Нос, гляза. (*Целует его. Говорит по-английски.*) Как ты меня привел... Как это все смешно... В чужой стране. Какой пляж?.. Я когда тебя увидела, я поняла, что буду с тобой. Тебе этого не объяснить. Даже Денни этого не понимает. А уж ты... Что ты там говоришь, один Бог знает. Понял?

Он (*по-русски*). У тебя свои трудности. Думаешь, так просто иметь такую квартиру. Мне пришлось сюда знаешь кого прописать. Не хочется тебя расстраивать. Но я выпишу этих трех сволочей!

Она (*по-английски*). Мой Бог, какие у тебя красивые руки. И ласковые. Если бы ты понимал, что я говорю. Мне ведь завтра надо уезжать...

Он. Дело даже не в том, что нет горячей воды или удобств... Здесь море. Огни видны. Я сделаю ремонт. Я пушу здесь все кафелем. Котелок на газу.

Она. Как жаль, что завтра уезжать. (*Засыпает.*)

Он. Погоди. Я выбью у них двухкомнатную, посмотрим, что ты тогда запоешь. Кафель, пластик, дерево. Музыка. Приглушенный свет. Притопленная тахта. Ты что, спишь? Кому ж я это все рассказываю...

Не люблю, люблю, люблю

I

Послушайте! Я вас не люблю. Мне приятно вас видеть иногда, иногда.
Мне приятно с вами говорить. Всегда.
Мне приятно, что вы у меня где-то неподалеку, но я вас не люблю.
Я могу без вас жить. Неделю.
Я могу без вас спать. Неделю.
Мне приятно знать, что вы придете, но я вас не люблю.
Я могу без вас есть. Неделю.
Я могу без вас писать. Неделю.
Я могу закрыть глаза и вас не видеть несколько мгновений.
Я головой верчу, не думаю, не думаю о вас.
Нет. Я вас не люблю.
Я вас не люблю за все.
За то, что так живу без вас, неделю.
За то, что сплю без вас, и потому что, когда вы наконец являетесь, у меня такие не мои глаза.
Сидите, спокойно.
Зачем вам человек, который вас не, не... не любит...

II

Теперь вы, моя милая.
Вас я, оказывается, люблю.
Я проснулся с этой идеей, и мне приятен весь день.
Бывает такое с утра и до обеда.
Тем более... Ну ладно. Не в этом...
Я вас люблю, и все.
Ну, во-первых, когда я вас встречаю случайно, я жалею, что не делал этого раньше.
Мне приятно взять вашу ручку, ее мять и гладить, следя одновременно за выражением ваших глаз.
О! Два серых фонарика.
Где ручки – проводки, а я батарейка со своими плюсами и минусами.
Я зажигаю ваши глазки и сразу понимаю, что я вас люблю.
Люблю, люблю, люблю.
Я это делаю и... не обвиняйте.
Я могу жить без вас, тем более...
Не в этом дело.
Но когда я вас вижу, когда я вас беру за ручку, когда я ощущаю этот нежный пятипальчиковый комочек, и одновременно смотрю вам в ваши глаза, и одновременно целую вас в ваши губы, передающие вам туда, внутрь, мои позывные, и ушки щекочу, и огорчен бываю, что не вижу ваших губ, глаз, когда целую к уголкам, передвигаясь к уголкам, одновременно я себя преодолеваю, чтобы взглянуть...
А вы? Как я или иначе?

Моя услада. Мой восторг.
Мои живущие отдельно штучки.
Боже мой. Оставьте мне, а сами уходите.
Вы сами не нужны.
И ваши взгляды. Они мои.
Из них я вырос, а вы несете.
И ваши мысли. Я не предвидел и вложил.
А вытрясти из вас и выбить нету сил.
Да потеряй же к черту, не сообщай...
И помолчи... Тсс-с... Вот так...
Дышите. Не дышите.
Теперь на спинку. Вдох...
Моя забава. Как я вас люблю.
На, бери. Держи свое.
А мне мое.
Ну позвони, ну хорошо.
Такси, такси.

III

Теперь вы.
Прекратите, это случайная встреча в вашем районе.
Не преследуйте меня.
Я?.. Никогда.
Земля круглая, и кто кого преследует – непонятно.
Ах, это я вам звоню?
Не помню. Ни за что.
Когда я ни возьму трубку, вы там сидите.
Где девичья честь? Посмотрите, сколько нас вокруг, немых, нечесаных, готовых на все.
Пресекайте! Набирая номер, держите себя в руках!
Я не женюсь вообще, а на вас в частности.
Я проверял вас двое суток.
Ваши шаги на кухне отдавались в моих мозгах.
Вы шумно дышите днем и ужасно храпите ночью.
Кроме того, что это за манеры делать себе уколы и вскрикивать?
Видимо, вы больны, немедленно скажите чем.
Я допускаю, что жена может быть на восемнадцать сантиметров длиннее, но сороковой размер стоп я не переносу.
Меня пугают ваши тапочки.
Мне кажется, что у нас дома милиция.
А ваши обеды? Мы же после них долго не можем видеться.
Отпустите меня! Откройте дверь и выпустите!
Не нужно мять мое тело.
Видите этот синяк? Это ваши щипки.
А эти укусы. Никто не верит, что это человеческие зубы.
Зачем вы хотите, чтобы я на вас женился целиком.
Можно, я вас буду просто любить?
Выпустите меня... Я буду сообщать, где я...
Ну не надо... Мне тяжело.

У меня нет воздуха. Мне грудь давит.
Снимите ее, ну пожалуйста. Она очень горячая.
Даже когда она случайно попадает на меня, я задыхаюсь.
Не приближайте рот.
Вы опять поели этот салат.
Я же просил: хотя бы на ночь ешьте молочное.
Вот тут заходил этот парень здоровый, может, он?
Ну почему именно я?
Ну у меня могут быть, в конце концов, другие планы.
Ой! Ну туда не щипайте. У меня потом синяки.
Я и так уже говорю, что это от комода.
Чему вы будете меня тренировать?
Немедленно откройте. Я хочу выйти...
А если мне надо?.. А если я все равно выйду?
А если вы не догоните? А если я не хочу?
А если я не выпью?
А я вот так в кресле всю ночь.
Тем более что мне вообще сегодня нельзя.

Что внешность человеческая?

Что внешность человеческая?

Ничто. Главное – ум.

Ну что такое форма лица или носа, размер глаз, прическа?

Все это мелочи.

Главное – ум, взгляд, интеллект.

Вот это главное.

Ну если к этому еще красивая внешность, тогда все.

Осталось денег достать.

А что деньги, когда есть ум и такая внешность?..

Но если есть еще деньги – все.

Нужно только, чтоб они любили друг друга.

А если есть ум, внешность, деньги и они любят друг друга, нужны успехи в работе и счастье в личной жизни...

А когда есть ум, внешность, деньги, любовь и успехи в работе, нужно только здоровье...

А когда есть ум, внешность, деньги, любовь и здоровье, нужно, чтобы это сошлось у какого-нибудь одного человека.

А этого не бывает.

Наш человек в постели

Так. Хорошо... Теперь повернись...
Не так... Чуть левей...
Вот так... Нормально...
Нет... Нет, нет. Чуть-чуть правей...
Еще, еще правей. Еще...
Вот. Не, не, не.
Левей, левей, левей. Ага... Ага. Ага...
Назад, назад, назад. Ага. Ага...
Стой. Стой. Остановись. Остановись. Сдай назад. Чуть-чуть, чуть-чуть. Назад.
Нормально...
Ага... Неа...
Неа... Не-а... Ага... Ага...
Повернись... От меня...
Ко мне... От меня...
Во, правей... Еще... Еще... Еще правей...
Правей!
Во, во... о... о... о, во, во...
Не, не, не...
Стой! Стой! Сто... сто... стой...
Повернись... Еще, еще. Вниз...
Ниже... Ниже... Нет...
Это убери, вот это дай. Да... Постой. Да...
Ко мне... От меня...
Ко мне... Левей, левей...
Во, во, во... о... о... о, во. Не, не, не...
Не разгоняйся! Не ра... Во, во... о... о... о, во...
Смотри в окно, в окно. Во... о... а... А. Во, во, во...
Вот это возьми, а вот это отпусти. Во... о... О... О... А!.. А!.. А!.. Во. Хорошо, хор...
Во, во...
Ни... ни... ниже. Ни... О... О... О. Ой... й. Ой, ой... Стоп!.. Стой. Не разгоняйся!
Вот так. Вот. Ой. Ой... О... О.
Хр-ррр...
Все. Завтра купим! Спи!

С вами этого не бывает?

С вами этого не бывает?.. Во-первых, колокольный звон в самых неожиданных моментах. Например, на занятиях. Вдруг: бам-бам, бам-бам, тили-тили... Иду по коридору – сзади гудок паровоза. Вздрагиваю, падаю, поднимаю голову – никого.

В-третьих, сплю на рельсах. Причем на узкоколейке и поперек. То есть шейка на одном рельсе, ножки на другом. Опять гудок. Встаю – снова на занятиях.

Вам не кажется?.. Мне стало казаться, что во всех очередях я всегда крайний... У вас не было такого ощущения?.. Никто сзади не занимает, и спина на ветру все время. Но этого мало, в душе все время смутное беспокойство и растущая уверенность, что перед твоим носом выбросят «переучет», или «обед», или какой-то другой плакат. С вами этого не бывает?..

А вы не слышали себя со стороны?.. Я слышу себя со стороны. Причем тот, кто слышит, умнее того, кто говорит... искреннее как-то тот, кто слышит... прямее что ли того, кто говорит... называет вещи своими именами, так, что ли?.. как-то он, тот, кто слышит, принципиальней того, кто говорит... С вами такого не бывало?

В-пятых, вдруг стало казаться, что я нравлюсь женщинам. Меня уже три раза выгоняли. Я стучался, будил весь квартал... В-седьмых, вдруг пришло в голову, что я могу прожить на два рубля в день... На те два рубля, которые у моей соседки. Представляете ужас.

Что со мной? Это радиация или лучи?.. У вас нет этого?.. И гудок не гудел?.. А скажите... а вам не казалось, что у вас есть деньги на книжке?.. Мне это стало казаться. И так ясно. Вот вижу, и все. Перед глазами стоят. И номер кассы. Все...

Ну до того было очевидно – пошел снимать. Меня посадили на диван – успокоили... Это очень неприятно... Какое-то ощущение, что живешь в одном месте, а находишься в другом... У вас такого не бывало?.. Не хотелось никогда круто обернуться и отскочить? А вы показывались врачу? Я пошел показаться. Ну, в общем, он мне помог избавиться от ощущений... Даже не от ощущений, а от необходимости реагировать.

Ну, звон, звон... Есть деньги на книжке – прекрасно, а снимать не буду. Что бы ни слышал сзади, не оборачивайся!..

Скажите?! Вам не приходила в голову такая мысль: «Почему те, кто варят обеды, толстые, а те, кто их едят, худые!»

Происшествие

За грубость осуждены: администратор, дворник, шофер, замдиректора по снабжению, сменные механики, писатель, прораб, бригадир, отделочники, сантехники, мать и отец Сергея Дзюбы (Дзюба определен в колонию), воспитательница детсада, члены комитета народного контроля, его председатель, водитель автомашины «ГАЗ-51», номерной знак 13–54 АЖ, принадлежащий Пулковской обсерватории, два грузчика с этой машины, ученый секретарь – хозяин мебели, его сестра, встречавшая машину, сын ученого секретаря, ждавший машину внизу, соседи по пути следования грузчиков с мебелью, механик треста «Лифтремонт», жильцы соседнего дома № 21 по улице Жуковского.

Калягина Евгения 1902 года рождения и Куштырева Маргарита 1906 года рождения, наблюдавшие за разгрузкой, госпитализированы. Осуждены товарищеским судом жители дома № 27 по улице Победы, в трех тысячах метрах от выгрузки.

Состоялось собрание работников столовой, возле которой остановилась автомашина «ГАЗ-51», номер 13–54 АЖ Пулковской обсерватории. На собрании присутствовали руководители треста. Директор столовой, шеф-повар, буфетчица и гардеробщик от работы освобождены. Зав. производством лишен права работать в торговле и еще три года нести материальную ответственность. Зав. пунктом приема белья по пути следования автомашины «ГАЗ-51», 13–54 АЖ, отправлена на судебно-медицинскую экспертизу.

Жизнь в городе постепенно вошла в нормальное русло. 15/X 80 года был поставлен на место пивной ларек. Застеклены дома по улице Жуковского. Автобус «ПАЗ» 75–89 ЛЕВ детского сада завода «Пульверизатор», настигнутый автомашиной «ГАЗ-51», 13–54 АЖ, заменен прогулочным катером «Альфред Дюрер» – новое название «Октябренок Балтики». Штаб, созданный для ликвидации последствий прохождения по городу указанной автомашины, распущен.

Гипотоник

Ой, что вы знаете. Я не гипертоник, я гипотоник, я могу дать скачок, но много не дам. Я им говорю: когда вы меряли, я дала скачок, но я не гипертоник, не надо меня туда записывать.

Мы делали мне прокол гайморита. Врачиха молоденькая. Я выдала такую сыпь буквально за час. Потом мы делали мне блокаду, но я дала тошноту, потом дала обморок. Меня лечить можно, но очень умело. Я даю лечить, пожалуйста, но выдаю такие загадки: то сыпь, то обморок, то несварение. А недавно он пишет «ангина», ну я ему и выдала на антибиотик – аллергию, потерю сознания и желтуху. Он, бедолага, проклинал свою профессию, еле вытащили. «Скорая» тоже как даст укол димедрола – я им судороги и синеву. Ха-ха. Не все так просто.

Конечно, мне нелегко, но пусть разбирается. Я открою рот – на! – разбирайся! Молодежь не разбирается, а берется, а пожилые часто невнимательны. А мне терять нечего. Я же не притворяюсь. Он выписывает – я пью все, как он выписал. Ну и выдаю ему и столбняк, и синюшность, и спазмы. А пусть внимательней будет. Я ему говорю: «Мне кажется, вы легкие не выслушали. Я не гипертоник, я гипотоник. Я могу дать скачок. Видимо, я случайно дала скачок, вы слушайте легкие». Он: «Что мне слушать? Я вижу. У меня приборы. Вот я выпи-сываю». Он выписывает, я глотаю и тут же выдаю. Он имеет весь набор: аллергию, токсикацию и абдуценс. Я же не прикидываюсь. Он же действительно такое выписал. Пусть получает. Где же он научится? А мне чего, детей у меня нет.

Когда-нибудь они меня, конечно, утробят, но хоть чему-то научатся. Я одинокий скромный борец, я маленький институт повышения квалификации врачей. Выписал не то, вкатил не то. Смотри. Другим легче будет. У него уже в глазах сомнение. А сомнение перед решением – святая вещь.

Письмо отцу

И вот мне пятьдесят четыре. Ты от нас ушел в шестьдесят семь. К тому, что я писал в своем сорок первом, прибавились очки. Я в очках. Домашняя аптечка разрослась до районной, там уже есть все для сна и против сна, для желудка и против желудка, возбуждающее и успокаивающее, все, что заменяет организм в девяностые годы XX века. По-прежнему я один. Количество детей говорит о чем угодно, только не обо мне. Они растут, разнесенные ветром, и вряд ли вспоминают.

Ты умер у меня на глазах. Я на чужих ногах бежал к телефону, и секретарь райкома на Белинского дал позвонить. Только это ничего не дало. Ей-богу, смерть в этой жизни не самое печальное. Для самого героя – это выход, окружающих жалко, но они-то как раз успокоятся. Просто уходишь из грязи в грязь.

Там семейные склепы, можно проследить генеалогию. Здесь из-за всех революций и потрясений не знаешь имени дедушки, нет могилы бабушки, до них – вообще никого... Член коллектива. Член коллектива Седьмой горбольницы, член коллектива сверлильного завода. Работник порта. Никого, отец. И тебя нет, чтоб спросить, откуда мы. А здесь все трясут, устраивают перекличку, чья это родина, моя, а не твоя. Я – патриот, ты – не патриот...

Из всей жизни мы усвоили только название, держимся за него, как клещ за лошадь, как безграмотный больной за плохой диагноз. А тот доктор сказал: «Ревматоидный артрит» – и смотрит с недоверием. «Мы же социализм построили» – и смотрит подозрительно.

А не все ли равно, что ты построил. Придумай сам название. Ни пожрать, ни поср... ни одеться, ни раздеться, ни вздохнуть, ни охнуть, ни жить, ни умереть – может, это называется социализм. А может, у этой полужизни и названия нет. В революцию своих побили, в коллективизацию своих побили, перед войной своих побили, в войну побили, после войны побили – и все миллионы, миллионы, а живым говорим: недобитые вы! Посмотри, как безошибочно любая революция к голоду приводит, и не переспрашивай – покажи на карте. Где карточки на хлеб и сахар, там и революция была. Как же нам повезло такой безошибочный путь выбрать! Умные люди вели. Говорили: «Бедные должны править. Бедняки определяют лицо государства. Отними у него дом, подели добро, отними хлеб, раздай – у всех будет. Отними – у него много, раздай – у всех будет». Отчего не отнять. Воровали – боялись, а тут законно – не грабь, а бери. Он пошел и взял.

«Ну и что вы сделали после того, как ударили ее ножом?» – «Ничего. Она пошла к себе, я к себе».

Когда отнимаешь у одного и раздаешь всем, ни у кого не оказывается. И знаешь почему? Бог следит. Высшая справедливость. Сколько лет опровергаем, а то, что в Библии, – верно. У человека, который берет у другого, что-то такое в душе происходит. Он уже работать не может. Может речи произносить, голосовать, писать письма, доносы. Ищет, у кого еще взять – у соседа, у завода, у государства, потом на честных идет, на умных, на образованных, на предприимчивых. Давай, мол, еще делить будем, еще чего-нибудь отбирать, еще кого-то высылать, а его имущество делить... Недоделали.

Я не писал тебе тринадцать лет. То письмо написано в 75-м. Ну что ты! Это знаешь, что за период был! Я же писал и не знал. Период разгула застоя или расцвет периода застоя. Гуляли мы тогда. Сажали много за растраты и гуляли. Пили много мы тогда, завистливо рассматривали стереомагнитофоны, дипломатические «Мерседесы», иностранные пароходы. Так и тянет сказать: «Как все изменилось с той поры...»

Это были, отец, странные тринадцать лет. Черт его знает. Вся жизнь на кухне. О событиях в нашей стране – из «Голоса Америки». Газеты не то чтобы ввали. Это была не ложь, они писали о другой жизни, как фильмы снимались о другой жизни. Нарисуют квартиру

и снимают там. Вопросы и ответы писал один сценарист. Глава государства в Баку говорил: «Да здравствуют нефтяники Афганистана!» – и весь народ аплодировал, а в Бонне на аэродроме, возвращаясь домой, он прощался со своим министром, который вместе с ним летел в Москву. Вожди целовались в засос. А мы жили без событий. То есть, конечно, болели, умирали, женились, но без событий. Мозги, состоящие из двух полушарий, работали на одну восьмую – где чего достать. Так и тянет сказать: «До чего все изменилось». Нет. Много произошло, но ничего не изменилось.

Какие-то люди куда-то ездили, какие-то люди где-то бывали, что-то видели, но не имели права рассказывать, чтоб их выпустили опять. Из-за границы комментаторы дико ругали страну своего пребывания, свой костюм, свою еду, свою машину, чтобы их не отозвали. А я к тому времени совершенно потерял квалификацию и зарабатывал устным словом, на письменное разрешения не было. Я подозревал, что меня ожидает деградация и как инженера, и как автора, но таких темпов я не ожидал.

Здесь смех вызывает все. Не предскажешь и не угадаешь. Публика бежит на концерт с набором соответственных ассоциаций. Смех рвется еще до подхода к креслу, похожий на рыдание, не потому, что смешно, а потому что: «Да! Да! Да! Точно!.. Какой ужас! Ха-ха-ха!.. На эту пенсию не то что жить, смотреть без слез невозможно! Ха-ха!.. Как мы живем, ха-ха, как нас лечат... Как нас хоронят? Ха-ха!..»

В общем, не они от меня, а я от них заряжался юмором. Сообщение о том, что, «товарищи, тут один приехал из Японии и говорит: в таком дерьме, как мы, – не живет никто», вызывает удушье от хохота. И правильно: не умеешь жить, умей смеяться. Чужой юмор мы не понимаем. И любое мастерство здесь постепенно деградирует. Кулинарное, инженерное, врачебное, писательское, учительское. Государство из педагогических соображений гением никого не называет, боясь конкуренции. Поэтому гением мы называем кого попало... Они потом страшно удивляются и обижаются: «Как я не гений, вы же все говорили...»

Понаделали таких доморощенных гениев. А жизнь шла мимо. Как жалко мне наших людей, отец. Ты хоть войну прошел, хоть до революции двадцать восемь лет жил, а тут умирают... Бог ты мой, что он видел? За всю жизнь?! Другой страны не видел, другой жизни не видел. Сто пятьдесят рублей зарплата, семьдесят рублей пенсия, иногда левый тридцатник, ни разу вкусно не поел, ни разу красиво не оделся, ни разу не поговорил, не высказался по самому главному, жил в коммуналке, лежал в общей палате, главная мечта – квартира, после получения которой только начинаются мечты: кран, плитка, дверной звонок. Он теперь за Сталина. Сталин – его мечта о мести. Если бы он! Он бы вам дал!..

Тут такое произошло и кое-что изменилось. Одесса здорово изменилась. Путем обмена евреев на зерно, евреев – на ракеты. Народ отваливает. Куда едут они – толком не знают. Не думаю, что с их отъездом там что-то добавляется, но здесь – убывает. Если бы была свободная езда «туда-сюда», как всюду, большинство бы подработало и вернулось обратно. Но в наших головах не помещается, что выезжают от запретов, от слов «навсегда», «родина не простит». Хотя за понятием «родина» у нас всегда стояли НКВД, МВД, ОВИР, выездная комиссия обкома партии. Вот родина не дает разрешения, обратно не пускает. Иностранцам объясняют, что это в традициях нашего народа. А у нас народов больше ста. В традициях армян – ездить, в традициях грузин – не выезжать. Где ни копни, папаня, логики нет, и, конечно, это сделано умышленно. Сравнение США и СССР запретно до сих пор, отец, до сих пор. Я забыл сказать: сейчас мы живем в свободе, мой дорогой. Нет, при Хрущеве такой не было. То ли мы действительно ни черта не работали, хотя забастовка происходила так весело и незаметно. Появлялись какие-то кастрюли, народ озабоченно делал какие-то туфли, какие-то коллективы шили костюмы, клепали трактора. Народ кого-то оперировал, утром куда-то выезжали грузовики, какая-то часть заседала среди ковров, прямо с утра, а некоторые и до полуночи, кто-то прыгал с шестом, по библиотекам писатели сидели с читателями,

шахтеры оздоравлились в санатории, то есть для неопытного глаза – полная иллюзия жизни и труда. Но, видимо, ничего ниоткуда не поступало. И мы как-то все объели вокруг себя: леса, поля, горы. Один комбайн убирает, четыре – распускают на запчасти. Зерно вроде уберут, часть потеряют по дороге, часть – при хранении, а из остального выпекут такой хлеб, что его опять на свалку. На электронных японских микроскопах пальто висят, таких дорогих вешалок ни в одной стране...

Вроде бы в армии зорко стоят. У них там все самое передовое: ракеты на уровне ракет, танки на уровне танков, мы ж все транзисторы после них получаем. Поэтому тут довольно много народу взорвалось при просмотре телевизоров. Но мы взрывались с сознанием того, что в армии все в порядке. Так тоже не все. Тут один тип прямо на самолете и прямо на Красную площадь сел, и немец, и вообще ему девятнадцать лет, и не похож на аса имперских ВВС. Тут сразу его поймали, хотя он и не убегал, посадили, хотя он и не сопротивлялся, срочно поменяли военных, но народ смекнул, что граница на замке тоже в одну сторону, то есть первый желающий сюда приехал. А туда по-прежнему строго. Народ стоит на обрыве, смотрит туда, видит красивые машины, слышит красивую музыку, чувствует запах упорно приготовляемой пищи.

Самые отсталые от передовых стран живут в условиях полной еды. Земля не кормит только тех, кто ее обманывает, кто шумит и кричит: «Дадим в закрома Родины!..» Миллионы центнеров, пуды, черт его знает, считают зерно пудами, жилье – метрами, еду – калориями, понять никто ни черта не может и не старается. Ну, мол, если им надо, чтоб мы были свободны, побудем; захотят от нас правды – скажем, а насчет работы, тут, ребята, другое дело. Мы и сейчас не знаем, до какой пропасти мы докатились. Тут бытует выражение, что мы докатились до пропасти и хотим ее в два прыжка... А толком про пропасть не говорят. Ну то есть понятно, что кризис. Вроде не работали, а вроде и работали. По их же заданиям что-то переворачивали, что-то клепали у мартенов в три смены, за рыбой в шторм, каналы рыли. Все ж по их заданиям. Ни один экскаваторщик по собственному плану ничего не рыл. Так где ж уверенность, что сейчас мозги появились? Рожи те же, а мозги другие?

Нет, ребята, рожа с мозгом связана намертво. Если сидит одутловатая красная лохань с оловянными зенками, откуда в ней мысль угнездится? И не надо путать – очкастый, вертлявый идею дает, а лохань решает. И хотя оба вызывают у народа отвращение – путать не надо. С криком колотить очкастого – мол, это он построил – не надо. Его, конечно, достать легче, но не надо. У него идей сотни, а власти нет. Власть у того, а того трогать боимся. У каждого кто-то сидит в тюрьме.

Эх, папая, так интересно жить. Ну не жить, а заниматься жизнью. Короче, батя, после бурного обсуждения, разделения, гонения, умопомрачения начался застой, в котором мы показали все, на что способны массы, оторванные от собственных мозгов и вероисповеданий, и нам дали свободу. С лязгом открылись железные двери – выходи! А мы сидим. Дураков выходить нет! Оттуда кое-кто прибежал. Путаница там, рискованные люди в кооперативы пошли, дурными деньгами таксистов пугают. Действительно, кой-чего из того, что давно лежало, напечатали, а мы ждем, батя, ждем, отец, ждем, родной, пока вместо рож лица появятся.

Кто-то кричит: «Законы давай», чтоб у них уверенность была. Законы дают. И говорят: «Вот законы, выходи!» Но уверенность у нас своя. Мы-то знаем: законы всегда были, только кому они нужны на нашей святой Родине. Одним росчерком пера под названием «Временное положение» – и нету тебя, меня и других местоимений, и тянутся по стране огромные могилы в виде каналов и железных дорог. А под крик «Свобода!» полезла всякая мразь винюватых искать, счета сводить, а попросту – морду бить. Странное ощущение, что кто-то нас им подставляет, ну чтоб потом с полным основанием лязгнуть засовом. И опять на краю пропасти будем. Опять засов откроем. Опять кровь потечет. Его опять закроют, пока не поймешь,

что построили, отец, и как это называется, и надо ли жить в этом или построить что-то другое и жить уже в нем.

Лето 1988 г.

Пять-де-сят четыре

Та же жизнь, но уже в очках, уже с болью в колене и родственниками в больнице. Мысли не напрягают тело, желания не переходят в действия.

Та же жизнь, но с ироничным взглядом. Чужая любовь не возбуждает, а для себя лень распускать то, что осталось от хвоста.

Та же жизнь, а чужие ошибки радуют больше, чем свои достижения, а мечты из созидających переходят в разрушающие.

И на чей-то шепот: «Иди ко мне, мой милый», – как бы ты быстро ни побежал, ты все равно лишний.

Та же жизнь, но ты уже знаешь, что слово «реанимация» означает лежание, а слово «лежание» означает хождение, а хождение – это мышление, а мышление – это старость, переходящая в тихое детство, если успеет, если успеет, если успеет...

Как это делается

Первый съезд перестройки

Как это делается! Я в восторге!..

Да здравствует величайшее открытие – дураков нет даже на самом верху!

Боже! Как это ловко делается... Трансляция съезда – как репортаж из подводного мира. В цвете. Замерев, мы, полчища наивных и дураков по эту сторону экрана, наблюдали с восторгом, КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ...

Как это делается!!!

Кто сказал, что мы ничего не умеем? Бред! Выше всего мирового уровня. Интриги, подготовки, заготовки, сплачивания и рассеивания... Блеск!

Я в восторге! Я надеялся на малое: законы, решения... Чушь и бред! Мы получили большее – огромную и прекрасную картину работающей машины, не дающей результатов. Гора родила мышь: отмену статьи одиннадцатой, которую давно уже отменили. Ничего не родила гора под наши восторги и аплодисменты.

Но как это делается... Как все оказались в меньшинстве – рабочие, крестьяне, ученые, инженеры, демократы... Все! Кто в большинстве? Неизвестно до сих пор. Ни одного лица из большинства не проступило.

– Сколько можно давать слово меньшинству! – кричит большинство и не берет слово.

Действительно здорово. Мозги заворачиваются. Казалось бы, вот проблема. Вот она воет, и вот ее решение. Но тут идет другой – другая проблема. Идет третий – третья проблема. Затем картон азиатского выступления, дальше – пятая проблема, шестой – картон, и жуешь этот пирог – мясо с картоном, – и уже ничего не понимаешь...

– Гибнут малые народы!..

– Да здравствует рабочий класс!..

– Голодают пенсионеры!..

– Сила партии в единстве!..

– Прилавки пусты...

– Мы поддерживаем самый прогрессивный строй...

– Нет лекарств, где взять деньги?..

И тут неожиданно выходит человек и говорит, где, по его мнению, нужно взять деньги. Вот здесь очень важно не реагировать. А дать слово следующему. Он уже говорит о гибели всего живого на Севере. Тут уж действительно неизвестно, что делать, но выходит третий и говорит, что, по его мнению, надо делать в сельском хозяйстве.

Теперь очень важно, не отвечая, дать слово следующему. Он, разрываясь, говорит о радиации и пособиях. Мы уже забыли о малых народах и сельском хозяйстве, у нас волосы дыбом от радиации, и, когда появляется человек с идеей спасения коряков, все раздражены: этот откуда, при чем тут коряки, когда такая радиация... Тут известие о катастрофе. Все бросаются туда, забывая о радиации, и тут же подходит дело из Ферганы, поэтому человека, который внезапно нашел деньги для борьбы с радиацией, уже сгоняют с трибуны. А тут ошеломляющая новость о власти КГБ, о грандиозных новостройках в центре Москвы... Полушария поменились местами, и все с радостью погрузились в длинный, старый, железнодорожный доклад на паровой тяге об наших успехах, связывающий поражения и победы в единое громохочущее целое. Можно поспать, перекусить, поделиться сомнениями в своей уверенности или уверенностью в своих сомнениях и так далее.

Тут и армия напомнила, что она любимое дитя страны и может набить морду любому, кто с этим не согласен...

А вот и пошла работа по выдвижению депутатов, наблюдать которую было уже физическое наслаждение. Это уже шло не под валидол, а под шампанское.

Боже! Как это делается!

Какая работа! Я такого не видел!

– Вы нам все время для выборов предлагаете одного, – капризничает депутат, – но нам хочется хотя бы двух, чтоб выбирать.

– Но нужен-то один, – говорит председатель.

– Да, – говорит депутат.

– Вот он и есть.

– Верно, – говорит депутат, – точно... Но постойте... Как же это?... Действительно, нужен-то один...

– Вот он, – показывает председатель, – куда же два-то? Место-то одно.

– Верно... Да... Хотя... Постой!..

А чего тут стоять, когда на подходе следующий кандидат на экологию председателем...

– Что такое экология? – спрашивают его.

– Не знаю.

– Будем выбирать, товарищи?

– Что ж его выбирать, он не знает, что такое экология, – устало сипят либералы.

– Ну и что! Он таких ассистентов наберет – всем нос утрут. Кто за? Против? Утверждаем.

Блеск!! Видишь результаты голосования и думаешь: а может, лучше их назначать...

А тут еще одна новость – съезд кончается...

– Как?! Что?! Только начали...

– Но ведь надо же кончать. Оно же не может бесконечно...

– Но ведь ничего не принято.

– Вот как раз и время, и все логично. Тут вообще надо подумать, может, и не собираться. Всем на дом разошлют, они дома проголосуют и дома выступят с речами, мы эти речи опубликуем и по домам разошлем. В домах они продебатыруются, поступят к нам, и мы по домам рассеем мнение президиума. Не будет этого базара, работа станет гораздо эффективнее, депутат не сможет перебивать депутата, а вплотную займется подсобным хозяйством. Кто против, воздержался?..

Блеск! Какая работа. Так это делается. И ничего, что грандиозное зрелище закончилось безрезультатно. Вся страна производит впечатление тяжелоработающей, ничего при этом не производя.

Еще один урок в нашей начальной школе.

– Мы не рабы. Рабы немые.

– Да-да... Конечно...

Это было бы немыслимо даже два года назад

Вот я стою перед телекамерой немецкого ТВ, и никто не возражает. Я бы раньше боялся, мне и сейчас страшно. Ибо я в душе остаюсь человеком, который в лучшем случае никогда больше не появится на экране.

Мне сейчас говорят: ты плохо жил. Я совсем не плохо жил. Я не знал, как можно... Я считал, что мои произведения не публикуются, значит, так и надо и так далее...

Я только читал свои вещи. Люди сами записывали их на магнитофон, кто-то переписывал, кто-то перепечатывал, кто-то переплетал, и появились специальные книги, изданные от руки. Сейчас я впервые вылез на солнечный свет и снова боюсь. Боюсь, не вреден ли он для меня.

Я не могу дать примеры сталинского, брежневского юмора. Мой юмор всегда был одинаковым. Он меня тянул, как собака тянет хозяина, и, может быть, мы чем-то приближали сегодняшнее время, а может, случайно попали в него. Я буду в выигрыше, если мои вещи устареют, – значит, улучшилась жизнь. Если жизнь не улучшится, они не устареют...

Есть ли у нас юмор?

Еще какой! Вся наша жизнь последних десятилетий. У нас был период слез, потом период смеха... Смех сотрясал нас. Мы в нем спасались. Люди приходили на концерт, то есть я приходил, а концерты у меня были на заводах, в институтах, люди оставались после работы, и мы смеялись вместе до слез или от слез.

Мы открывали для себя, что все думаем одинаково. Это теперь, когда открыли окна и двери, мы думаем по-разному... А раньше думали одинаково и очень нравились друг другу.

Ничто так не сближает разнообразные частицы, как давление сверху. Юмор становился все более непереводаемым. Смех вызывали самые серьезные вещи. Допустим, рапорт в газету: «Мы такие-то, собрали тридцать центнеров с гектара. Посвящаем 1 Мая».

Ответ в газете: «Вы такие-то, собрали тридцать центнеров с гектара и посвятили 1 Мая. Сердечно поздравляем вас».

Или: «Я, Степанов, проехал сто тысяч километров без ремонта, хочу проехать еще сто тысяч километров».

Ответ: «Вы, Степанов, проехали сто тысяч километров без ремонта, хотите еще сто тысяч километров. Поздравляем вас и желаем проехать еще сто тысяч километров».

Как это все переведешь и кто поймет?

Юмор стал замкнутым и специфичным.

Мои произведения, написанные в тот сложный период, еще собирают публику, но это отголосок моего подполья. Мне надо искать другой путь или вдруг уйдет все в прозу, тогда опять я в порядке, если мне окончательно не припомнят этот разговор.

Этот юмор специфичный, но это юмор огромной страны и собирает огромные массы людей, значит, он должен быть интересен вам, если вам не безразлична ваша жизнь.

Меня спрашивала уже какая-то английская журналистка: «Неужели вам не обидно, что ваши произведения не переводятся, что вы заняты спецификой своей страны?»

Я уже тогда знал, что, если мы изменим положение в своей стране, оно изменит положение во всем мире.

Сегодня мы живем в согласии со своим правительством, мы боимся за него, мы бережем его.

Я специально выступал перед охраной Кремля, веселил и развлекал их, чтоб они лучше работали.

Людей, умеющих решать, мало, умных среди них еще меньше. Много решительных дураков. А когда человек безапелляционно говорит, тебя так и тянет выполнить; уже когда бежишь обратно, громяхая ведром, думаешь: зачем поливать, когда идет дождь?

У меня такой был начальник, когда я в порту работал, Хаджибаронов его фамилия. Он ночью звонит, в шторм:

– Кто дежурный?

– Жванецкий.

– У вас же портальные краны заливает, немедленно принять меры.

Я засуетился, натягиваю плащ, а старый механик:

– Ты куда?

– Да вот краны заливает, начальник звонил...

– И что, ты идешь задом волны отбивать?

Когда решительно прикажут, очень сложно успеть оценить приказ, прежде чем сорваться и побежать...

Если сейчас пойти утверждать этот текст, десятки людей с радостью возьмутся утверждать и не утвердят. Надо брать игру на себя и, проиграв, объяснить, что это выигрыш, что так и надо было, что это было задумано, что будет несмешно, и половина не включит, догадываясь, а половина, не догадываясь, выключит...

И пора нам с юмором в Европу. Мы дали им природный газ. Надо веселящий, и все они пусть заливаются от хохота на своих кузнях, у своей плиты. Тут мы и появимся со своим юмором.

Обожаю выходить на аудиторию, которая уже хохочет.

* * *

Все гады – с моторами, и лишь орлы рассчитывают только на себя. Выглядят они, конечно, угрожающе, но прилетают поздно, когда все уже расхватали, и, сидя на утесе, долго рассказывают разным пресмыкающимся о своей непригодности и убеждениях. А те уже и не слушают – у самих ничего нет, так еще слушать, почему у него ничего нет – глупо. Все возле машин, пикников и сыты кое-как. А тот, у кого ничего нет, всегда называет это убеждениями.

* * *

Чем отличается художник от нехудожника?

Этому не плати – он будет писать.

Тому плати – не будет.

* * *

Вы знаете, что я заметил: только пройди в мини-юбке с длинными волосами, и сразу начинают знакомиться, годами ходи в шинели с бородой – никого.

* * *

Когда уходите вы – звоните, пишите, встречайте. Когда уходят от вас – признайте свое поражение, исчезните! Ничто вам не поможет. Я люблю вас, от которых ушли.

Ваши почерневшие лица, боль, которую вы носите всюду. Ваше смешное открытие, что любовь помещается не в голове, а чуть выше сердца – там болит и болит.

Что ж там такое, чуть выше сердца? Что там болит? Душа? Уходят оттуда?

Я люблю ваши смешные одинаковые разговоры. Ваш растерянный вид, ваш воспаленный взгляд. Конечно, время лечит, но, когда вы вылечитесь, оно уйдет от вас тоже.

* * *

И вдруг совершенно неожиданно в Одессе, среди дождя и грязи, среди незнакомых свирепых людей, среди отсутствия денег и большого количества долгов, оказался я с хорошим настроением и приятными воспоминаниями.

* * *

Как дружелюбен стол, как безопасен чистый лист бумаги.

Кресло зовет и подкладывает локти.

Приходи.

Так вот. Приду, конечно, сяду, но ни одного слова на бумагу.

В конце концов, стол создан для выпивки, а не истязаний.

Стол – это место, а не путь.

Как безопасен чистый лист бумаги.

* * *

Вначале я хорош. Чуть выпью – очень хорош.

Еще выпью – появляется легкий износ души.

Еще чуть-чуть – износ души обнажается.

Еще – он выпирает.

Еще выпью – появляется дурной характер.

Еще – появляются дурные наклонности.

Поздно ночью – пороки.

К рассвету – извращения.

Утром – тяжелый сон.

Днем – молчаливая голова.

Вечером – снова хорош.

Чуть выпью – очень хорош.

Пресса дает!

Собратся так же они там могут, но испытывать при этом счастье – никогда.

Смотреть вместе кино они тоже могут, но так ликовать, так расстраиваться?

Почему наша жизнь полней и убедительней?! Почему нас обуревают такие страсти?! Почему наша жизнь счастливее, ярче?! Во всем. В каждой мелочи. Именно мелочи делают нашу жизнь такой привлекательной, и радость мы испытываем гораздо чаще.

Разве они могут всей страной прочесть одну книгу и узнать о себе потрясающие новости? Разве они когда-нибудь поймут, что значит узнавать исторические, генетические, сельскохозяйственные подробности из художественной литературы?

Разве они почувствуют такую отдачу от писательского труда? Ведь писатели у нас дают путевку в жизнь офтальмологам и конструкторам.

В художественных журналах инженеры, техники, юристы ищут и находят ответы на профессиональные вопросы. С какой жадностью население читает! Где еще столько читают в любом транспорте и вздрагивают от сладкого мщения или открытия? А как мы расстраиваемся от газетного холодка? Где, в какой стране народ так расстраивается от тона газет? Кажется, скисли, кажется, им заткнули рот?..

Вдруг ликующий крик: «Читали?! В этой маленькой... под дых характеристикам... А-а-а! Звезданули Главное юридическое управление Министерства иностранных дел СССР. А-а-а!» – «Где?..» – «Вот! Вот и вот».

Народ уткнулся... Все проехали свою остановку... Все содрогнулись от смелости малышки. Как стреляет? «Читали?.. Удар по армии?» – «Сельская жизнь» за семнадцатое». – «А-а-а!..» Все снова проехали остановку. О-о-о! Елки-палки! Пресса дает! Звездает по площадям.

Три дня тишины... «Известиям» заткнули рот... «Московские новости» громят только по-английски, по-русски лижут зад администрации, «Литературка» укусила сама себя и отравилась... О-о-о! А-а-а!.. В криках народ снова проехал свою остановку.

– Слышали, вызвали телевидение и сказали: если вы, гады, еще раз покажете «12-й этаж!»... А те заныли: а что нам делать, мы же уже отменить не можем, мы шесть раз показывали. А им сказали: вот, гады, теперь выкручивайтесь, и чтоб передача была, и чтоб министров не порочили, и чтоб гласность была, и чтоб выкриков не было, и чтоб цены повышались, и чтоб люди одобряли, и чтоб свобода была, и чтоб митингов не было. Вот теперь и выкручивайтесь, гады. И они побежали на работу – выкручиваться... А-а-а!.. Во дела...

И народ опять проехал свою остановку.

– Ребята! А перестройка – это что?..

– Ты что, сдурел?

– Не, ну как?.. Вот я, допустим, слесарь... Мне как?

– Ты чего тут бузотеришь? Ты чего тут в таком большом деле подмигиваешь?

– Да нет... Я просто спросить хотел... Все кричат – перестройка... Это что? Мне лично?..

Опять, что ли, быстро, качественно, эффективно или, может быть, трудиться с отдачей?.. Я что хотел узнать, почему я понять не могу. Мне говорят: «Ты в самом низу, с тебя начинать». Ладно, я в самом низу. И мне как? По-прежнему эффективно, быстро, с высоким качеством или, может, с полной отдачей? Я потому и спрашиваю. Мне будет выгодно или опять быстро, эффективно, высококачественно, не снижая темпов, на своем рабочем месте?.. Я спрашиваю, перестройка для меня лично – это что?..

– Критикуй.

– Кого?

– Кого видишь.

– Ага... А когда мне будет выгодно?

– А кого выгодно, того критикуй.

– А-а-а!.. – И народ проехал свою остановку.

– Читали, «Социндурия» потребовала пустить адвоката в КПЗ? А следователи закричали: «Как, при адвокате вообще ничего не раскроем. Мы и так судим не тех, кто виноват, а тех, кого поймали. Мы не можем искать виноватого. Его вообще нет. Его нигде нет. Они давно уволились, переехали и погибли еще в гражданскую. С тех пор от них остались инструкции, по которым мы действуем».

А «Индурия» закричала: «Как?» А все следователи завывали: «А вот так...» А «Индурия» как шепнет: «Меняйте!» А следователи как застынут: «Что, все менять?» А «Индурия» тогда побежала выяснять, почему овощей мало на станции Раздельной и их не завезли, и вообще, до каких пор сами водители будут нарушать проезд через осевую...

– А-а-а!.. Прэсса. Ну, прэсса!

Метро гудит. Народ ездой не интересуется. Народ компанию ценит.

– Читали, «Московские новости» на китайском языке сообщили о новых правилах выезда?

– Сюда?

– От кретин!

– Чего ты ругаешься? Я же китайского не знаю.

– Тогда тихо стой.

– Теперь, чтоб выехать...

– Сюда?..

– Слушай, ты же хвастался, что тебе на «Пушкинской» выходить? Чего ты торчишь?

– Ну рассказывай.

– Так вот, новые правила выезда – три человека дают тебе характеристику и к...

– Так что, три человека должны послать?

– Да. Раньше один послал, и ты хочешь идешь, хочешь не идешь, а сейчас трое посылают, и ты хочешь не хочешь, а едешь.

– Сейчас дали много самостоятельности заводам.

– Дали?.. Кто дал?..

– Мы. Завод может сказать: «Не хочу делать туфли, хочу надгробья».

– И чего?

– «Пожалуйста, с первого января».

– Слушай, а если все заводы скажут: хотим делать надгробья?

– Пожалуйста, но только с первого января.

– А кто же будет делать радиоприемники?

– Вот... Когда заводы увидят, что спрос на надгробья удовлетворен, они все бросятся делать приемники и удовлетворят.

– Здорово.

– Конечно. В этом суть.

– Слушай, а с ускорением как?

– Ты что, решил к «Пушкинской» с другой стороны подъехать?!

– Ну давай, давай.

– С ускорением сложнее. Здесь от темпов зависит. Здесь прэсса сомневается. Прэсса здесь попросила перерыв. Они слегка выдохлись, много на них навалилось.

– Но слушай. Вот я, кроме как в метро, нигде никаких перемен не чувствую.

– Это у тебя что-то с организмом. И тут не в переменах дело. Тут когда жизнь лучше станет, вот это, главное, не пропустить.

– Ну так прэсса ж даст знать.

- Даст, даст. Скажут, когда будет.
- А я за сорок пять лет ни разу ни до чего не дожил, может, сейчас доживу?
- До смерти доживешь.
- Я как скажу «будет», так жена в меня тряпкой.
- Нервная?
- Слово это не переносит. Будет хорошо. Будут продукты. Не будет очередей. Будет квартира. Вспомнить нечего. Только мечтать. Она кричит: «Уже дед скоро, а все мечтаешь!»
- А чего, мечтай, дед. Ты видал покойников – большинство улыбается, значит, в мечтах отошел, но, думаю, на сей раз до чего-то доживем. Последний раз экспериментируем.
- А если неудача, что будет?
- СПИД! Читал про СПИД?
- А чего?
- А ничего...
- Вообще?
- Ага!
- И надолго?
- А пока лекарства не будет.
- А если попробовать как-то иначе?
- Именно от этого и происходит.
- Так что, вообще никак?
- Вообще.
- А как же?
- А как хочешь.
- Тьфу ты! Опять! Мясо – как хочешь, рыбу – как хочешь, и тут – как хочешь...
- Как хочешь.
- Самостоятельность?
- Самостоятельность.
- И хозрасчет?
- И хозрасчет.
- Тьфу!.. А если?..
- Нельзя. Пусть пойдет обойдет всех врачей, принесет обходной лист, возьмет характеристику после этого – и ни при каких обстоятельствах... (*Шепчет.*)
- Изоляцией?
- Да.
- А целовать?
- Передаст.
- А обнимать?
- Передаст.
- От сволочь...
- Где ты читал?
- В прэссе!
- Ну прэсса. От прэсса!
- Теперь демократия. Это как?
- Это если ты не согласен.
- Ну?..
- Вот. Теперь ты можешь быть не согласен.
- Ага... И долго?
- Ну, долго я б не советовал... Ну, пока это происходит, можно.
- А зачем это мне?

– А я сам не знаю.
– И чего?
– Ничего... Так и живи...
– А не поймают?
– А ты никому не говори.
– Ага... Тогда конечно... Это облегчение.
– А как же...
– И до каких пор молчать?
– Пока не согласишься.
– Тогда уже молчать не стоит.
– Можно и высказаться, но тоже осторожно.
– Это облегчение.
– Это большое послабление!
– Пресса добила?
– Пресса!
– Ну прэсса!
– Да, прэсса тут все и завертела.
– А где она?
– А всюду. Я тут заходил в одну. Эти ребята... Ух, разворотистые. На Пушкинской, вернее, там милиция. Глянул через окно с улицы, поверишь: стол, стул, телефон, бумага и больше ничего.

– Ничего?
– Ничего.
– А как же он громит?
– Вот так.
– Значит, перестроился...
– Перестроился.
– Ну прэсса...
– Ой прэсса!
– Слышали, всю прэссу вызывали: «Чего у вас каждый день тайфуны, аварии, вы что, сдурели?» Те туда, сюда, мол, это не мы, мол, это стихия. А им: «Если у вас настроение хреновое, вы на людей не вымещайте, уменьшить к чертовой матери вдвое всю эту гадость». Те: «Есть!» – и давай себе о зэках писать. Мол, сидит, а не виновен. Сидит, а не виновен. Их опять вызывали: «Опять народ будоражите. Каждый, кто сидит, виновен! Сидят, никому не мешают. Уже сто комиссий, мол, проверяло:

– Как вы тут, зэки?
– Все в порядке. Хорошо сидим. Езжайте домой!»
Ну, те вначале кричали, что много сидит, сейчас кричат: «Не. Кажется, немного». И про прошлое уточнили. Раньше, мол, ужас сколько перед войной погибло. Сейчас уточнили: «Не, кажется, ничего, не так много».

– Ну прэсса!
– Да, сейчас они вообще – то притихнут, то вскипят.
– Читали? – И народ проехал свою остановку.
Нечего читать, и народ вышел на своей остановке.

Отодвинули облако

Отодвинули облако и спросили:

- Ты ее любишь?
- Да.
- Ты ее ненавидишь?
- Да.
- Ты ее не можешь забыть?
- Да.
- Жизнь без нее потеряла смысл?
- Нет.
- Что делаешь?
- Лежу. Думаю.
- Маму жалко?
- Очень.
- Себя жалко?
- Нет.
- В общем, все кончено?
- Да.
- Идут повторы?
- Да.
- Пьешь?
- Пью.
- Мы тебя застали как раз...
- Да. После этого.
- Извини.
- Можно попросить?
- О маме?
- Да.
- Это заблуждение. Мы не для просьб. Нельзя менять судьбу, нельзя.
- Одну...
- Нельзя. В ней больше, чем во всем. Нельзя! Знать хочешь?
- Нет. Совет какой-нибудь...
- Новости, которые ты считаешь плохими – такие же!
- Я буду счастлив?
- Ты будешь доволен. Иногда.
- Друзья?
- Как тебе сказать?.. Ты слишком на них рассчитываешь.
- Женщины?
- Надежнее, но небескорыстно.
- Рассчитывать на себя?
- Нет.
- На женщин?
- Нет. Не показывай людям.
- А вы? Поможете?
- Пережить, перетерпеть. Пережить-перетерпеть.
- Так мало?
- Совсем не мало.

- Бороться?
- Нет. Не ври. Делай что хочешь.
- Это просто.
- Не ври, делай что хочешь!
- Это же просто.
- Не ври, делай что хочешь.
- А хватит сил?
- Вот когда тебе нужно соврать, ты чувствуешь?
- Да.
- Когда ты пишешь и не идет рука, ты чувствуешь?
- Да.
- Когда ты внезапно кладешь слово, которого ты не знаешь, ты чувствуешь?
- Да.
- И этот ритм?
- Да.
- И эту точку, которую кто-то ставит?
- Да.
- Это мы.
- Да... да... да...
- Вставай...
- Да-да-да. Я встаю...

Птичий полет

Для Р. Карцева и В. Ильченко

*Бессонница – размышление от возбуждения и возбуждение
от размышлений.
Прохожий*

В этом уголке подобраны растения и животные, которые вместе неплохо смотрятся. А здесь собраны люди. Эти деятельны. Эти романтичны. Этим мы держим для контраста.

А это влюбленные. Они ждут друг друга. Лучшие часы их жизни, когда они ждут. Кровь переливается, руки дрожат, ни на что не отвечают. Выигрывает тот, кого дольше ждут.

Эти ребята заняты. Энергичны, сероваты, деловиты или деловито-сероваты. Стремительно идут куда-то, как дворняги, озабоченно бегущие вперед лица и так же внезапно – назад, что у них тоже вперед, создавая у зрителя ощущение, что их очень ждут впереди лица.

И, отыграв озабоченность, войдя к себе и раздевшись, стремительно скучает. И трубку берет только на разговоре, то есть, беря трубку, что-то говорит сам себе, как будто у него непрерывно сидят люди: «Люди у меня, люди». Люди у тебя, люди.

Они – наша энергия. Мы – их природная сообразительность. Они хотят от нас правды, снабжая нас ложью. Сами открыть ничего не могут, но другим могут помешать, отчего тоже приобретают известность.

У них карты с флажками: здесь нет хлеба, здесь нет мяса, здесь нет воды. Здесь зелень хорошая, здесь охота, здесь рыба, здесь воздух. У них карты. А мы ничего друг другу не сообщаем и не поддерживаем друг друга. Мы их радуем жалкой правдой о давке в трамваях.

Да, эти делают карьеру. У них есть главное: они умеют с нами разговаривать. Мы с ними – нет. Они видят нас насквозь, а мы в них ошибаемся. Безошибочно можем сказать одно: это плохой человек, и ошибаемся, – пока до беды далеко, черт разберет. Вот только если нам поручат его застрелить, мы, может, и не сможем, а...

Нас легко обмануть, мы верим словам, а они – предметам. Мы с радостью наблюдаем силу и сплоченность бездарных, разобщенность и инфантильность мудрых.

В этой суете энергичный подымается на поверхность и долго там плавает, пока не попадает под еще более энергичного. А предыдущий спускается к нам и отдыхает.

Здесь отдыхает основной состав. Огромные массы, которым все равно. Это они рубят лес, в котором лежат, и сук, на котором сидят. Они настолько равнодушны, что исполняют любой приказ, и тратят огромные усилия, чтоб ничего не делать. Они сами не читают, пока им не прочтут, и не посмотрят, пока им не покажут. Информация через песни. Книга утомляет. Надо двигать глазами и перелистывать. И в это время нельзя есть, пить и разговаривать. А песню можно слушать хором, маршировать и входить в ворота строем.

А это актеры, писатели. Мы их держим для живости, для того, чтоб зрителям казалось, будто в обществе все есть. Артисты заучивают то, что пишут писатели. А главная задача писателя – быть искренним. Многие ужасно натренировались. Вдохновением и яростью горят глаза сквозь вакуум, в котором он творит. А чаще самозабвенно поет туда, наверх, на луну, или ждет, пока жизнь превратится в воспоминание, чтоб вдруг резануть правду через пятьдесят пять лет, когда первая честность пробивается в соломенных кудрях.

Или драматурги в своих клинических лабораториях подливают, взбалтывают и смотрят на свет чертежи сюжетов, краски характеров, пузырьки эмоций. И поэты, вздрагивающие и вскрикивающие для зрителей. Тут еще песни поют певцы и композиторы, но в одиночестве. Никто уже не подхватывает – надоело, и нет настроения. Подхватывают рублей за десять.

Еще учителя там, в углу. Люди тяжелые, ущербные, легко строчащие телегу наверх. Они тоже должны быть искренними на каждом уроке. А это трудно, так как программа утверждена министерством. И дети, которые дома слышат одно, на улице другое, а в школе третье, никому не верят, не смотрят в глаза и заняты какими-то пустяками, отчего быстро взрослеют и подхватывают общий тон для зрителя.

Да вон в белых халатах профессора, академики, ученые. Многие придают себе внешность Чехова. Работают над своим образом. Настоящих мозговиков здесь не видно. Они в горах, или в лесу, или пьют в лаборатории спирт с жидким азотом, что очень вкусно.

Академику никто не даст оперировать своего ребенка, только чужого или сироту, а также того, к кому никто не приходит, не потому, что он зарежет умышленно, нет, это происходит, как правило, случайно. От отсутствия практики, таланта, наличия апломба и вечной правоты.

Человек «вот видишь, я был прав» оставляет горы трупов, убеждая живых. А те, сообразив, что он добивается не доверия, а подчинения, грустно звенят цепями по ночам. Шепчут: «Эх, мать...» – и снова звенят тихонько.

Ну, оптимисты-юмористы вызывают смех пением и чистым взглядом. Дескать, мы очень полезны. Пожалуйста, пожалуйста, разрешите к столу, пока не расхватали. Целуем крупных, пугаем мелких. И – к столу. Ой! Цыпусик, обаяшка. Трудно небось быть обаятельным все двадцать четыре часа в сутки. А сверкать юмором в запаснике комиссионного за сапоги, за ужин, за позавтракать, за попить кофе? Ястребок маломерный, крохотный «ТУ-154» с клювом. То не кровь на клюве, то варенье. Для зрителя.

Ну, женщины делятся сразу на молодых и остальных. Среди остальных – умные, мудрые, с мужским умом, с женским обаянием, любящие жены, матери, производственницы, красавицы, пилоты, парашютисты, и кого там только нет. Целуем. Ваш, ваш и ваш... Целуем.

И молодые правильно суетятся, стараясь до двадцати семи набить до отказа телефонную книжку.

Я очень рад тебя видеть... И я рада... А я очень... И я рада... Но я-то очень рад... И я рада... За этой беседой быстро летит время, а впереди еще столько несделанного. Целуем женскую молодежь и провожаем взглядом. Их век короток.

У мужчин мысль поднимается снизу, у женщин там и остается. Все делается для зрителя. Им готов быть я.

Наблюдаю все это с расстояния четырехсот тридцати двух километров. Здесь холодно и одиноко. Сторонний наблюдатель в худших условиях и хоть приспособился и дышит, но не участвует, а ищет жизнь...

А как пишет, так употребляет... так употребляет много слов и повторяет... и повторяет самого себя. И чу... и чувствует острые уколы кайфа и теплую волну удовольствия. От собственного, твою... ума. От собственного твою... языка... и... твою... собственной позы стороннего наблюдателя.

Да, есть еще евреи, вечные странники. Вот у кого охота к перемене мест. Вот кто любит холодную курицу и крутые яйца, поражая самодовольных аборигенов наблюдательностью и недовольством. Долгие преследования и крики вслед выработали в них неистребимость таракана. Что для другого яд, для него пища. И все-таки среди них есть непонятно трогательные, беззащитные и талантливые. Господи, да я, например.

Благодаря тысячелетнему отбору голова у них работает, и в небольших количествах они необходимы. И та страна, что ценит голову, а не прическу, их здорово использует, вызывая во рту остальных вкус хвоста и вид задницы.

И чуть не забыл... Вон там, внизу. Средняя Азия. Боже! Киргизия, где я недавно был. Это же надо. Такая страна. Голубой он. Озеро – это он. И он голубой, хоть в ладони, хоть на теле. Голубые брызги. Какая страна. И киргизы не портят. У них свои тысячелетние дела. Повозки, лошади, сено, бараны, дыни, виноград. И не надо их головы забивать летним рас-

писанием Аэрофлота. Кобылу к Аэрофлоту приспособить нельзя. Когда бы вы ни пришли, вы опоздали, то есть самолет летит не в то время, что пассажиры. Справочная говорит «отложили» – значит, он улетел. Вы приезжаете в указанное время – его отложили. Вы в отложенное – он улетел. Вы дежурите возле него, он сидит без керосина, то есть чем больше вы возле него, тем неподвижнее он. Группа киргизов атаковала последний «ТУ-104», забетонированный у входа в аэропорт. Не нужен киргизам Аэрофлот. Они привыкли быть там, куда хотели. И тем не менее, продолжая этот разговор, будь он проклят, только самолетом прибываешь в эту сказочную страну, которую портят только магазины и фальшь.

Такая огромная страна, что невозможно остановиться, и надо идти дальше, повторяя самого себя. В этих местах я уже был десять лет тому назад. Я снова здесь. Я решил снова писать о том, что десять лет назад. Интересно, куда это все изменилось за десять лет. Писатель лично потерял юмор и здоровье, насканивая на предмет спора в течение десяти лет. Уже тогда приятель называл это борьбой муравья с готическим стилем, тем не менее, находясь у подножия, размахивая листком бумаги и все еще веря, что будущие поколения, изучая следы зубов на камне, найдут и его следы, автор слабел. Искры остроумия сделали его лицо шербатым. А когда он обнаружил по ту сторону постамента благодарных слушателей, укрепляющих конструкцию, он запел «Соловья» Алябьева и отошел на приличное расстояние, где и увидел высоту и прочность струбцины.

С той поры повторяет свой путь только с высоты птичьего полета, то есть четырехсот тридцати двух километров над уровнем общества. Отсюда поля четко делятся на квадраты. Автомобили не дымят, и человеческая деятельность выглядит разумной, поэтому сверху к этому легче хорошо относиться.

Господи, конца и края нет. То есть этому краю нет конца. Дешевая тяга к каламбурам, жажда легкой жизни, крупных заработков и случайных связей характеризует автора. Попадая под обаяние таланта, многие женщины быстро захлопывали и застегивали, с ужасом отпрянув. С другой стороны, какое нам дело до мелкой личности автора, когда неизвестно, кто дольше протянет – очевидцы или эти строки. Тем более что тщеславие автора не простирается за пределы его жизни.

Идем выше. На Севере не был. Поэтому люблю этот край. Представляю тайгу, зиму, охрану природы, строганину, нефть, газ, хотя сибирские художественные произведения отдают экзотикой. Сюжеты без размышлений под собственный язык для них и годятся. Тем не менее люди настоящие, мужчины дружат и так далее.

Чем дальше от центра, тем жизнь веселей и независимей. Люди ходят друг к другу в гости без объявления, привозят обед больному, устному слову верят больше, чем письменному, и не понимают, что от них хотят, а местные власти не могут объяснить. От этого жизнь спокойнее, только лечение хуже, зато здоровье крепче, а по одежде не отличишь.

Огромная, от плюс пятьдесят до минус шестьдесят, страна. «Попробуй победить такую страну», –дохнул в ухо приятель, в восторге от скал. Конечно, Вовик, да я что-то не вижу желающих. Страна непобедима, потому что стирает разницу между мужчиной и женщиной, между мирной и военной жизнью. Для многих переход из очередей в окопы не крах мечты.

Приятель тут же согласился, как они все, и затаил что-то, как они все. Автор в панике, ему очень нравится, как он пишет, и, если это не прекратится, талантливый писатель и восторженный читатель соединятся и мы потеряем выход.

Нет, нет, это все-таки длинно, невыстроенно, конец не от логики, а от усталости. Язык не русский, мысль не русская, автор старый. Все старо, истоптано и быво, быво, быво... хотя не так уж плохо. Особенно это местечко... Нет, это уже кайф, это уже вдохновение. Писателя понесло, разбегайся, открывай ворота. Дай взмыть!..

Пока переписывал эту канитель из одной тетрадки в другую, слетал на Камчатку-Петропавловск и рядом. Слетал не то слово, так же как и остальные. Девять часов встаешь,

садишься, прислоняешься, ночь длится час, затем рассвет. Из облаков торчат какие-то фигуры, оказывается – сопки. Неделью перестраиваешься на восемь часов назад. Организм дуреет. Но страна – Африка. Старая школьная Африка. Голубой океан и снежные берега, сопки и вулканы. Дымятся. Солнце. Город бурлит. Все в рабочей одежде. Пиво в кофейниках. Рыбы – любой, крабов – любых. Милиционер сует икру. Соученики кормят рыбой, инженеры вялят кету. Конструктора задрал медведь. Малознакомый может одолжить пятьсот рублей. Рыбой пахнет все.

А пограничники! Да, стонут, ненависти в армии нет! Ненависть пропала. Солдат в майке потенциального противника. «На него гаркнешь – он в слезы. Разве это солдат, Михаил Михайлыч, это брынза. А «Энтерпрайз», сука, дежурит неподалеку. Все можно солдату простить, но «Энтерпрайз», сука, ему не простит. А если ты песни поешь на языке потенциального противника, ты должен вручную гальюны убирать, пока в тебе ненависть не разыграется».

Сидишь в горячей реке на фоне снежного леса. Товарищи, хоть одно землетрясение для ощущения пребывания... И назавтра – ровно в двенадцать, с гулом, качком и тем животным страхом, что дает только землетрясение. Здорово! Сугробы выше головы. Бензин, джинсы, обувь, доски. Шлюпки в любом количестве на берегу. Океан где-то колошматит, кого-то раздает и прибывает к берегу. Ходи, ищи свой размер. Никаких проблем с заправкой – ищи бочку, наливай.

Паспортизация коряков: «Когда родился?» – «А когда шторм был и вулкан сильно гремел». – «Ну, пиши: 16 января 1931 года. Хорошо?» – «Очень хорошо». – «А ты когда родился?» – «А когда медведь задрал врача с медсестрой и ярангу разбил». – «Ну, пиши: 26 марта 1948 года». – «Очень хорошо». – «А ты когда?» – «А когда японскую шхуну на берег выкинуло и сильный ветер – шторм был». – «Пиши: 27 апреля 1932 года». – «Очень хорошо, очень хорошо...» Через несколько лет: «Эй, послушай, это ты у нас паспортизацию проводил?» – «Я». – «Почему же мой сын три года на пенсии, а я только через шесть лет должен документы собирать?..»

Ходят чукчи за батарейками и винчестерами в Америку. Дикая пурга. Где Россия, где Америка? Пока чукчи осуществляют вековую мечту интеллигенции свободно ходить из страны в страну, мы возвращаемся, мы летим обратно, нагруженные крабами и летучими рыбами.

Вот мы и здесь. Так сузилось понятие страны, что здесь – это здесь, хоть на юге, хоть на севере. Вот и дома. Мы тут с одной крыской посмотрели друг другу в глаза. Я брился, а она была веселой и любопытной. Мы глянули друг другу в глаза и побежали в разные стороны. Хотя мы оба у себя дома. Да, это наш дом, что уж тут.

А есть еще музыка. И есть еще один очень умный писатель, Андрей Битов. И они должны звучать всегда. Главное в хорошем писателе – память. Первое – запомнить пейзаж, шторм, сумерки, запомнить очень подробно, широко и точно. Второе – подобрать к нему точные слова, к каждому оттенку, для этого их тоже надо помнить, мы в обычном языке их не употребляем. Надо помнить книги, стихи, цитаты, исторические справки. По справочнику их можно только уточнять, но вспомнить должен сам. Ты должен помнить людей, биографии, случаи и помнить массу слов, чтобы их точно подобрать друг к другу. Помнить, невзирая на женщин и выпивки, и жить очень интересно, чтоб очень интересно писать. А я перевожу ощущения в звуки, размышления в слова и отрываю слова от бумаги и разбрасываю их. Ни памяти, ни сюжета. Где действие – признак ремесла?

Дом во дворе напротив содрогнулся от крика, в окне мелькнула женщина в белой разорванной рубаше. Седые космы, вытаращенные глаза... «А-а!!!» Посыпались кастрюли. Она вырывалась на лестницу: «Помогите!» Здоровенный старик оторвал перила и замахнулся. – «А-а! Сема, Изя! Что случилось? А-аа!» – «Ничего, тетя Роза. Это дворник бьет жену.

Все в порядке. Он сам сердечник. Ему самому, бедному, вредно. Вот он, бедный, и затих, и перила прибывает».

Есть еще Одесса. Уже больше воображаемая, уже больше придуманная. Уже город, а не явление. Многие годы идет борьба за уравнивание этого города с другими. Многие годы разрушаются три столпа, на которых стояла она: искусство, медицина и флот. Вот и все в порядке. Нет личностей в искусстве, в медицине и на флоте. Никто снизу не беспокоит, можно спать спокойно. Положишь седую голову на подушку... Седина там тоже ранняя. Там тоже нелегко.

Чей был приказ сровнять этот город со всей землей, мы не знаем, но он выполнен. Теперь мы ловим словечко на улице. А у кого оно родится? Как может жить искусство без личности? Как могут лечить безликие, татуированные врачи? Как могут командовать судами бесцветные, запуганные капитаны? Могут, командуют, лечат, привозят и продают. И независимые, несломленные сбежали на Север. Посмотрим, чем закончится процесс, который уже закончился.

А жители ходят. А жители ищут продовольственные и промышленные товары. А жители проклинают приезжих, проклинают людей другой национальности, будучи сами какой-то национальности. Мгновенно собираются в одной точке, если им кажется, что там что-то дают, и мгновенно разбегаются, если точка пустая. Присутствие солнца и моря в их высказываниях имеется, но значительно, но неизмеримо меньше, чем раньше, и встретиться с ними не в рассказах, а в столовке все тяжелей и обидней, и это даже с учетом достижений государственного питания. Прощай, Одесса!

Ребята, тут где-то осуществлен монтаж седьмой гидротурбины и буровики Нефтеюганска вышли сверлом в баре Чарльза Питерса, городок Боумен, штат Техас... Часть нефти ударила у этого гада.

А комитет по борьбе с коррупцией создан в Эфиопии. Молодцы! Эфиопская общественность на стреме. Там обнаружилось поступление в торговый колледж не по баллам, а по благу, и берут взятки муниципалитетчики в счет 1996 года. И фельетонист местной вечерней газеты поклялся устранить отдельный недостаток и поклялся называть в Эфиопии черное черным, чего бы это ему ни стоило, утверждая, что если не называть вещи своими именами, то не найдешь ни вещей, ни имен. Он говорит, что нельзя назвать обман разрывом между словом и делом. А воров – несунами, а демагогию и бред всего лишь словом, не подкрепленным конкретными делами. В общем, этот тип в Эфиопии поклялся совместить названия с понятиями.

Чего это мы застряли в Эфиопии? Видимо, по ассоциации. Прошу вернуться, закрыть дверь и быть хозяином только своего положения, хотя нам это непривычно.

Еще тут худеют многие. Очень многие худеют. Привычка наедаться про запас – от неуверенности в непрерывном снабжении. Но я не из тех, кто худеет. Уж если тебе не повезло и ты встречаешь животом ветер, а лысиной светишь звездам, то смотри вокруг весело и интересно, ибо чаще, чем иногда, спортивность и стройность – от неполноценности и желания сделать карьеру телом и физической быстротой. Еще одно подражание Америке. Ну, вас будет любить (вернее, с вами будет рядом – они таких, как вы, не любят) такая же спортивная женщина. И у вас будут стройные и спортивные дети. И все это будет называться Кембридж или Итон. Здесь это так же неловко, как целовать руку женщине, – ни времени, ни оборудования, да и качество товаров еще очень низкое. Все говорят: одно кофе. И ты говори «одно», не выпирай.

Тем не менее загорелые, спортивные и одинокие – наслаждение. А на работе и в быту дай нашего молчаливого, диковатого, выпившего и закусившего, но чистого и в постиранном. Против худых я. Видели бы вы меня – получили бы удовольствие. Кругленький, лысенький, не дурак выпить, ни другое, ни третье. Нет, серьезно. Стал кайфовать у зеркала. Юношеские портреты вызывают море слез. Был вообще красавец. Цвет беж. Девушки стояли в очереди,

чтоб погладить сверху по голове. А в руки не давался. Сам брал, но не давался. Так и не дался. Молодец... Лариса, счастье!..

Так насчет худых. Ну их к черту. Естественно, худым можно быть от изобилия. А в других условиях, то есть лучших, это требует особых забот – гантели, бег, чудовищное желание прожить дольше других, чтоб увидеть что-то другое. Это пахнет инакомыслием.

Гурман слово не наше, а тип наш. За столом он не торопится, ибо он на месте. Близоруко оглядит блюдо. Поправит луковичку, не отрывая глаз, заправит за галстук салфетку. Ножичком придвинет картошечку к мясцу. Расставит удобней горчичку, хрен, соль, перец. Чуть повернет блюдо мясцом к себе. Еще раз близко оглядит все и приступает. То есть приступает! Отрезает кусочек мяса... и, нет, не отправляет в рот, а оглядывает его, кончиком ножа поддевает немного горчички, накладывает на кусочек мяса, обмазывает все это пюре, кладет сверху кусочек соленого помидора и отправляет в рот. Теперь не отвлекайте... Задумавшись, но не думая... Ушло... Глоток «Негру де пуркар»... поправил салфетку, огляделся, провел языком изнутри.

Близоруко оглядел блюдо, легко отрезал маленький кусочек бифштекса, обмакнул в поджаристую кровь, покрыл горчичкой, соленым помидором, колечком лука, оглядел, отправил... из глаз покатилась луковичная слеза... Оглядел бокал с вином, отпил. Закончил блюдо, допил вино, вынул салфетку, достал из верхнего кармана зубочистку и стал ждать официанта или с кем-нибудь поговорить.

К вопросу о еде. Некоторые думают, что Гизелла Ципола – певица. А это специально приготовленная куропатка в сухариках. Есть медленно, отщипывая потихоньку, чтобы продлить пение.

Как говорит еще один умный писатель, рядом с нами живут люди на всех ступенях развития человека, и присутствие высокоразвитого индивида в более низкой должности не помогает низкоразвитому, а обижает его.

«Дайте мне личность!» – тут кто-то крикнул. Действительно, из чего складывается личность? Ну, во-первых, она не кричит: «Дайте!», она не стучит по столу: «Мне положено, так уж будьте добры!» Ибо, если говорить по-человечески, что значит – положено, не положено? Кому чего? Или этого всем? А этого кому? А если всем, то почему положено? Должно быть и так.

Дайте ему личность!.. Да, для общества личность – главное, для прогресса, для науки. А в жизни она невыносима. Женщина – терпи, если ученик – возись, сотрудник – выдержи. Это что, во имя непонятого всеобщего прогресса? Кто ж ее терпит?! Судят ее. Судят и оправдывают, судят и освобождают по амнистии, судят и перебрасывают. Почувствовав всеобщее осуждение, личность забилась, заперлась и исчезла. Она причиняет горе не только себе, с чем бы смирилась, но и близким.

Оглядывая территорию с высоты птичьего полета, то есть четырехсот тридцати двух километров от пресловутого уровня моря, видя редкие стада сайгаков, мечущихся между размножающимися и разводящимися людьми, слышу крик: «Дайте мне личность!» и ответ планового органа: «Дайте мне народонаселение, а без личности протянем».

Когда голос личности стал вопиющим в пустыне, на сцену начали выходить полуавтоматы, издающие глупые приказы и думающие о себе. Почему человека не довести до такого состояния, чтоб он стал самим собой? Если мы уже заговорили о самостоятельности предприятий? Как же самостоятельное предприятие может состоять из несамостоятельных людей? «Я тебе не верю», – поет Алла Пугачева.

Мне иногда кажется, что борьбу за мир надо не только расширять, но и углублять. До самого низа, сюда, к нам. Где мир нам нужен, как воздух, где сервис, транспорт, торговля и быт ставят нас по обе стороны прилавка. Нету сил воевать. Давай мириться. Запасемся терпением и подойдем друг к другу. «Вас много – я одна». Действительно. Давай подумаем, как нас

уменьшить: прибить или не рожать. Постоим и подумаем. «Не стойте, на всех не хватит». Толково, но не можем разойтись – непонятно все-таки, на ком кончится.

«Не занимайте, я до двух». Хорошо. Будем просто стоять рядом до двух. «Куда лезешь? Не видишь, что здесь битком?» Вижу и лезу. Лезу и вижу. Битком плохо, пешком далеко. И я не хуже других, я позже. Прижавшись к грубияну, едем. Все едем. Даже те, кому надо обратно. Едем, терпим. Приехали.

– Как? Почему? Не зашел, не купил?

– Битком!

– А я не битком?

Ты битком, и я битком. Теснота не моя. Нас много, предмет один. Кто-то должен повышать производительность, улучшать станочный парк. Кто-то должен вкалывать, не будучи сильно заинтересован. Кто-то должен давать высокое качество, не будучи в нем заинтересован. Мы сейчас ищем такого человека. И все будет хорошо. Я тоже за мир во всем мире. Если не добьемся мира снаружи, подохнем все. Не добьемся внутри – подохнем по одному. От грубости. Она пока еще задевает. Нехватки уже никого не задевают. Ну нет так нет. Сегодня этого, завтра того. А оскорбления еще пока задевают, хотя уже не должны. «Дубина очкастая, куда лезешь?» Ну действительно, очкастая, ну, может, и дубина. Чего обижаться? «Осел, ничтожество, последний раз говорю!» Ну осел, ну матом спину обложили. А коробка наша, а обувь есть.

Одиночный мат проникает, а общий греет. Как возбуждает одна и не возбуждает кордебалет.

Мы добьемся мира. Грядет. Всеобщая транквилизация населения, когда всем до лампочки. На вяло крикнутое оскорбление вяло посланный ответ. Снотворное надо продавать в «Союзпечати» и продуктах. Начать с этого.

А мат уже давно никого. Это легкая музыка. Это фон, на котором мы бегаем на работу, ездим в трамвае, говорим о любимой. Главное – из этой тучи мата уловить информацию: так налево или направо? Когда же они все-таки завезут? Ага... Ух ты!.. Ой ты! Ух... Ох!.. В девять тридцать, ясно. А где этот музей? Ух!.. Ох!.. Так!.. И направо.

После того как им овладели дамы, язык стал всеобщим. Какая у тебя работа? Плохая... Что значит – плохая? Ничего не сказал. Ты что делаешь на работе? Ничего? Никакой информации. Что значит – работа плохая? Что значит – ничего не делаю? Видимо, что-то делаешь. Видимо, работа-то ничего. А вот если работа у меня такая... Я там... не делаю – информация есть. Снять мат – не поймем друг друга. Что значит: «Перенесите, пожалуйста, Григорий Петрович», – не понесет, не подымется.

Еще до того как на горизонте появится трактор, уже дикий мат раздается, заглушая рев мотора. Боюсь, что без мата при нашем качестве...

Вопрос в отношениях. Отношения должны быть нормальными. Пока еще добьемся качества, мир прежде всего. Не вовлекаться в бессмысленную борьбу друг с другом, не преследовать отдельного продавца, не искать виноватого в опоздании поездов, в отсутствии товара, ибо борьба друг с другом смысла не имеет.

Тогда мы добьемся мирного неба над каждой головой. Ибо от нас уже ничего не зависит. Скажут – примем правильное решение, скажут – примем неправильное решение, главное – оскорбить нас уже ничего не может.

Странное у нас, своеобразное отношение к слову среди толпы. Толпа в наших краях просто так не собирается, это обычная очередь. Где бы ни бурлила масса, что бы там ни происходило, есть первый и последний, есть отошедший на минуту, и есть который здесь не стоял. Своеобразное отношение к слову. Очередь почему-то организовано и остро ненавидит человека, встающего на ее защиту, выясняющего, где продавец, зовущего завмага. А истошный крик: «Товарищи! Ну что же вы молчите?!» вызывает удушье от ненависти.

Тут не так просто. Наша давка в курсе дела. У нее свой взгляд на защитников и выразителей ее интересов. Наша давка хорошо и долго их знает и привыкла к тому, что такой некоторое время скачет и кричит, потом жиреет, распределяет квартиры и проезжает мимо.

А честный противен. Полное одиночество выразителя интересов накладывает на него печать осатанелости и туберкулеза. Хилый, слюнявый, плохо одетый. По голове – от начальников, по заднице – от своих, и поневоле задумаешься: так ли это все нужно и тем, кого ты защищаешь, и тем, на кого ты налетаешь? Не есть ли это способ заработать на жизнь?

Обобщить тебе не дают ни сверху, ни снизу. А разоблачать отдельный недостаток – как лечить один волос. Наваливаемся страной на одну прачечную, заставляем ее брать повышенные обязательства, вместо того чтобы лучше стирать. Быть борцом за правду у нас – либо прославиться, либо сесть, но, конечно, не добиться правды или порядка. Просто потому, что это никому не нужно. Во всеобщем бедламе всегда можно построить дом, бесплатно съездить на Север и подключиться к ТЭЦ. При порядке за все это надо платить.

История России – борьба невежества с несправедливостью.

Автор пишет уже из больницы, и это дает буквам такую силу в строках. Больные и врачи создают болезненно-радостное гулянье по коридору. В половине второго, гремя кружками и ложками, выстраивается кашляющая и пукающая очередь в «кассу», откуда протягивается тарелка с супом и каша. Бесплатное лечение и бесплатное питание характеризуются тем, что за них невозможно заплатить. Отсюда невозможно никак на них влиять. Лечат тебя или гробят, кормят или травят – ты не знаешь и принимаешь из чужих рук кашу и укол в задницу с покорностью коровы.

– Эх, что-то мне уколы хорошие пошли, – обрадовался сосед по палате.

– А мне что-то жжет безумно. Кошмар.

Мы выясняем. Нам уже три дня, как перепутали уколы. Меня кололи от его болезни, его – от моей. Но если им все равно, то и нам все равно.

Больница! Вот где пишут и читают. Больные писатели пишут, больные читатели читают. Именно пневматический больной, в рваном халате и тапочках, лучше всех носится по морям, удирает от погони, а не окликнешь – оторвется от капельницы и пропадет.

Группа атлетов из пятисот седьмой рассказала ужасную историю. Они уже должны были выписываться перед праздником, а тут один мерзавец опрыскан одколоном, и их еле откачали... Здоровые, круглые девки, от которых бактерии отпрыгивают, как мячи, носятся по коридорам с клизмами.

– Прошу, девонька. Разрешите для знакомства протянуть вам именно эту часть. Что там у нас, укол или клистир? За что же вы пощечину? Ах, перед уколом.

Рассматривать их ноги одно удовольствие. Жаль, что они на них ходят. Это, конечно, самое неудачное применение для женских ног.

По ночам в эротических местах сосед задыхается, кашляет, включает свет, и потом не вспомнишь, на чем остановился.

В больнице понимаешь, что жизнь есть, потому что есть смерть. Жаль, что они неразлучны.

Что в пьесе у каждого: с пяти лет детство с мамой, папой, школьные годы с друзьями, первая девочка, первая девушка, первая женщина, учеба как работа, работа как учеба, жена, крикливый ребенок, лечение родителей, страшная смерть одного и второго, тяжелая семейная жизнь, непонятные друзья сына, внучка самая любимая на свете, внезапно обнаруженная застарелая болезнь, судорожные поиски заграничных лекарств, хорошего врача, и все.

Ни на кого так не смотрят, как на врача. Ему, чтобы действовать, надо видеть только место – кусочек зада, верхушку легкого, участок кишки – и там подробно штопать, не видя глаз больного. Жизнь у врачей шире и свободней нашей – нет брезгливости.

Тяжелобольной обманывает себя. Больной врач (а таких много) тоже обманывает себя, чтобы общаться, работать. А мы удивляемся, и наше удивление заметно. Мы мешаем им работать, напоминая: помолодел инфаркт, помолодела язва, постарели детские болезни.

Больничное деревенское утро. Залайл один, подхватил другой, и вот вся деревня зашлась. Кашель, мат, сплевывания, гремя ложками-кружками, потянулись к «кассе». На фоне манной каши просветление прикорневой правой доли. На фоне антибиотиков развился плеврит. На фоне беспробудного праздника – ослабление. Пневмония села на излюбленное место в самой опасной вялой зоне. Это при отсутствии должной реактивности организма на фоне алкоголя, случайных связей, хронических запоров и периодических запретов.

Позвольте перейти к банальностям: каждому дан Господом свой талант, голос, походка и жанр. Хочешь, меняй его, чтоб возвратиться, страдай от зависти, чтоб вызвать слова, похудей, оставив немного. Немного! Немного! Словами никого не защитишь, ничто не предотвратишь. Получив удар, садись за стол, чтоб ответить, чтоб успокоить себя. На месяц уйдя в больницу из общественной жизни, ничего не пропустил, ничего не потерял...

Так на что же потратил столько лет? Другое дело – вороны. Степенный, мудрый народ. Видят далеко. Насыплешь крошек – дальтоники голуби в метре не разберутся, а те издали настораживаются, подходят пешком. Продукт оглядят, не суетясь. Что-то я не видел, чтоб лисица чего-нибудь выманила у вороны. Это Иван Андреевич на людей намекал. А ворона соображает, и не напрасно она садится на телеантенну, вызывая помехи и хохоча, и «кар-р» не напрасно говорит, это что-то сокращенное. И на нас сочувственно смотрит. На ее глазах исчезла чахотка и появился инсульт, потеряно уважение к сифилису из-за СПИДа.

В больнице хорошо видно телевидение. Вот жанр так жанр. Только выключив, что-то сообразишь.

Писатель из-за телевидения не исчез, но читатель пропал. Ну и черт с ним. Сейчас такое время – прыгуны аплодируют прыгунам. Волейболисты кричат на площадке: «Бей, Коля!»

Только актеры понимают, что хотел сказать режиссер, писатели хвалят писателей.

Мы создаем препятствия и подчиняемся им. Очень много жалобщиков, анонимщиков, одной рукой просящих, другой указывающих: накажите этого, теперь этого, теперь этого, теперь этого, пусть у этого не будет этого, теперь у этого отнимите. Мне можете не давать, но у него отнимите, пожалуйста. Различные органы не могут от этого отказаться – сразу станет видно, как они плохо работают. Стукачей много. Среди них – летчики, продавцы, конструкторы, врачи, писатели, прохожие, больные, просто симпатичные мужчины и женщины. В общем, мы все. У нас отняли право наказывать кулаком, и мы пишем и пишем: «Накажите этого, пожалуйста. А теперь этого. Спасибо. Извините».

У многих возник вопрос: «Чего это он так разговорился?» – «А ничего! Если заведусь, могу вообще замолчать! И без меня дикий шум, хотя все молчат. Это не сатира. Просто расшифровываю пузыри утопающих, но никому не навязываюсь, пожалуйста... Хотите сами – пожалуйста».

Такое время. Когда всего мало и всего много. У каждой позиции железная логика. Есть факты для любых теорий. Простое и сложное вызывают удовольствие. Талант и неталант вызывают ажиотаж. Проверку временем выдерживают неинтересные произведения. Бедность и богатство престижны. Растянутое наслаждение в бедности равно сжатому в богатстве. Подчинитель и подчиненный в равном выигрыше.

Время неконкретной сексуальности и полубрака. С изменой в семье покончено. Партнеры в броуновском движении. Смех и слезы вызывает одно и то же. Это время истории будут пропускать – никаких идей, памятников, событий. Смелость каждого – трусость всех. Ум одного – тупость коллектива. Решения, принятые единогласно, вредят всем голосовавшим. У одного хватает ума это понять; всем, кроме энтузиазма, вспомнить нечего.

Тюрьма и воля одинаковы.

Вор и судья убедительны.

Какой же выход? Наверное, сомневаться. Во всем. Сомневаться и решительно поступать. Колебания руля, чтоб машина шла прямо, но решительность, потому что машина должна выехать.

* * *

Можно жить хорошо среди скверной жизни, как жили наши начальники. А можно жить тяжело среди жизни хорошей. Тяжело, а не плохо. Потому что есть выбор.

* * *

В последнее время все, кого ни встречаю, в хорошем настроении. Спрашиваю: что такое? Да уже, говорят, все, больше уже невозможно быть в плохом!

* * *

Концов счастливых не бывает. Если счастливый, это не конец.

* * *

Бог сказал ему:

«Ты нервен, суетлив,
ленив, обжорлив,
нерешителен, толст,
и несчастлив,
и цели своей никогда не достигнешь,
потому что у тебя ее нет.
Но ты сумеешь описать свой негодный путь.
Целую тебя».

* * *

Рвет из наших рядов смерть или отъезд.
Вот он лежит и ждет решения с той или с другой стороны.
Ты смотришь на него.
Его уже нет среди нас.
Ты уже и разговариваешь не с ним, а в его сторону.
Бедные жалкие родственники.
Дайте им уйти. За порог.
Где в конце трубы яркий солнечный свет.
Где одним покой.
А другим сначала.

* * *

Боже! Ты мастер пауз. Молю тебя о единственной: между успехом и тревогой.

* * *

Наша перестройка веселая, как любовь, когда фригидность снизу, а импотенция сверху.

* * *

Вся страна – огромная реанимация.

Слабые стоны: «Нянечка! Сестричка! Братишки! Ребятки!»

Никто не подходит. И постепенно человек плюет на окружающих, потом – на самого себя и ловит высшее наслаждение не мочась, не лечась и не работая.

Что наша жизнь с высот нашей же реанимации – подготовка!

* * *

Глупость в ней незаметно перешла в старость.

Второе внезапное обращение к детям

Дети! Ирония спасет вас.
Вас спасет юмор.
Вы уже не те, что мы.
Сегодня меня спросил маленький мальчик восемнадцати лет:
– Михаил Михайлович, как вы думаете, что-нибудь изменится в нашей стране? Мое поколение совершенно безразлично, я единственный, кто задает себе этот вопрос.
– Значит, что-то изменилось.
Дети!
Вы все видите.
Мы не можем воспитать вас.
Нам нечего передать вам, кроме торговых связей.
Кроме приписок, подлогов, краткого содержания частного определения, анализов, рентгенов, обваливающих потолков, стонущего пола, зависти, плохих воспоминаний, незнания предметов, обычаев, нации.
Бросьте нас.
Не пригодится вам ничего из того.
Начните с самого начала.
Из нас вам не подойдет ничего.
Соберите что-нибудь из арифметики, грамматики и плывите к людям.
Из техники – не сообщим вам.
Из медицины – не сообщим вам.
Из истории – наврем вам.
Из физики – не сообщим.
Из биологии...
Все труднее нам выглядеть людьми – это уже стоит чудовищных усилий и удастся единицам.
Извините нам ваше рождение – слепое, как у кошки.
Не ахайте от чужой техники, не восхищайтесь, начните сначала, разберитесь сами и не спрашивайте. Ответов наших не слушайте.
Советов наших не слушайте.
Лечение наше, ученье наше не принимайте. Пожалейте нас и уходите.
Что бы мы ни говорили, мысленно мы с вами.
Мы давно носим вашу одежду.
Поем ваши песни...
Крадем ваши слова.
Мы жалкие, и не жалейте нас.
Будильники наши.
Кошелки наши.
Идеи наши.
Культура наша.
Не жалейте нас, а пожалейте и уходите.
С вами наша зависть.
С нами ваше прошлое.

И видится Ему из космоса

И видится Ему из космоса живописная картина, но без масла: где-то посередине скалой стоит хорошая жизнь и подбираются к ней с разных сторон какие-то люди. Через крепостное право добирались – не попали, рядом прошли. Через коммунизм добирались – не вышло: слишком в сторону отвалили. Кто-то сказал: через рынок ближе всего, только надо назад отойти и половину продуктов выбросить, чтоб налегке разогнаться. Отошли назад, стали разгоняться. Пока набирали скорость, потеряли последние ориентиры, где именно та хорошая жизнь находится. Чувствуют: где-то рядом, и запах гонит, и музыку слышно.

С криками, воплями проскочили мимо, чуть обратно в феодализм не попали. Снова разворачиваться начали – корму об камни бьет, нос на мель лезет.

Хорошо тем, кто там, в той жизни, родился. Стоят они, смотрят сверху, как эти мучаются, подплывая с разных сторон, и кричат: «Левей давай, левей, еще левей!..» А эти приглашают их к себе: «Покажите, направьте изнутри».

Нет, говорят, мы только от себя корректировать можем.

Некоторые вообще кричат: «Давайте в сторону, езжайте своим путем». Своим путем – это опять путем холода и недоеданий, путем отсутствия целей и больших человеческих потерь.

Так и запомнится Господу эта незабываемая картина: стоящая посреди космоса хорошая жизнь и кружащая вокруг нее лайба со всеми своими концами и пробоинами.

Вопрос у меня к Нему, вежливый, на Вы: «Что ж Вы не поможете, Господи?»

Имя

Я сам труслив до невозможности.
Но есть то, на что мы опираемся,
и если его деформировать,
то ходить будем, ныряя и хромая, и лицо будет искажено,
и все будут видеть и перестанут доверять,
и то, чем ты зарабатываешь, – имя твоё, оно не может быть слегка испорченным,
оно пропадет начисто.

Зачем лишаться своего имени и ради чего?

Как-то не припомню, чтоб очень хорошо платили за утраченное достоинство или так уж наказывали за сохраненное.

Но за имя твоё платили и будут платить благодарностью, услугами, любовью и иногда деньгами.

Потому так раздражает независимость:
невозможно власть к ней применить.

А талант и независимость – как бы уже власть, и другая власть относится к этой с ревностью.

А та, что поумней, пытается сотрудничать.

Хотя сотрудничать невозможно:
начинается то, о чем сказано выше.

Лучше всего выразить уважение и оставить в покое.

В этом одиночестве и есть его судьба.

После разлуки

Итак, Одесса, после долгого перерыва, здравствуй! Разные чувства овладевают при выходе на знакомую сцену. Раньше можно было сказать: Одессу нужно беречь. Сегодня нужно сказать: Одессу нужно спасать.

Одесса держалась на трех китах: искусство, медицина, флот. Что такое искусство, медицина, флот? Это люди, личности. Если их выкорчевывать, если одобрительно смотреть, как разбегаются писатели, журналисты, если преследовать редчайших ллойдовских капитанов, загнать их в Тикси, как Никитина, в Ялту, как Дашкова, на Дальний Восток, как Назаренко, то мы получим то, что мы получили. Анкеты у всех в порядке – полный ажур – и нет жизни. Теперь, чтоб что-то поставили в театре – надо пригласить, чтоб вылечили – надо выехать, чтоб спасли – надо позвать с берега.

Долгое время нам внушали, что своеобразие Одессы в промышленности. Нам запрещали говорить одесским языком, нам запрещали петь одесские песни и танцевать под них. Разные бригады из разных городов наводили здесь порядок. И сейчас некоторое среднее руководство одолевает тоска по порядку: «Эх, крепкая рука нужна», «Эх, осадить надо», «Эх, вона что с молодежью, прикрутить надо».

Я только хочу сказать, мы там уже были. Мы только что оттуда. Мы этот край запретов, раздолбов и КПЗ знаем наизусть. Мы там каждую тропку знаем. Результат известен всем, на все запреты и приказы мы ответили огромной неосознанной неподвижностью, очень напоминающей забастовочное движение: ни в одной столовой нельзя было поесть, ни одно пальто нельзя было надеть, ни одна электроника не срабатывала, залы кинотеатров были пустыми, центрами культуры стали очереди. А успехи мы имели там, где не могли проверить сами. Сейчас другое. Сейчас мы испытываем один из тех счастливых моментов, когда мы живем в согласии со своим правительством. Этот момент надо использовать для возрождения Одессы.

В Москве и Ленинграде собираются люди и защищают памятники культуры, старые дома. Вся Одесса – величайший культурный памятник мира.

Напиши в любой афише: «Как пройти на Дерибасовскую», «Одесса улыбается» – в любом месте земли аншлаг обеспечен.

Я счастлив, что я снова в Одессе, Одесса – не Сицилия, нам не свойственно чувство мести, мне достаточно того, что те, кто запрещал, пригласили меня.

Я снова в Одессе, хотя я жизнью обязан Ленинграду, Москве, где я честный член «Одеколлона», то есть одесской колонии в Москве. Я жил Одессой, кормился ею, писал для нее, и жаль, что полностью понять меня могли только там, где меня не было. Но когда я летом хожу мимо одесских дач и из-за забора слышу свой голос, что может быть выше этой чести быть понятым еще при жизни?!

Добро и зло

Очень просто определить добро и зло. Очень просто определить доброе дело. Пойти и попробовать его осуществить. Если очень тяжело – значит дело хорошее. Если невозможное – значит очень хорошее. Если начальство сразу уцепилось – иди назад. Думай, сынок, думай.

Где еще найдешь такую систему, чтоб так безошибочно определяла разумное и талантливое. Раньше это все происходило в искусстве – не печаталось самое лучшее, причем очень точно. Литературные критики слова не успевали сказать, как КПСС, КГБ, МВД мигом определяли и то ли произведение, то ли автора конфисковывали.

Сейчас перестали обращать внимание на искусство, перешли на жизнь. И так же здорово получается. Как увидите, с чем борьба идет, – значит, дело хорошее. Земля, фермеры, свободные зоны... Жратвы нет. Но как кто-нибудь возьмется выращивать, все на него наваливаются, и он распластанный все это бросает и лежит пока.

Так же и машину новую. Все машины не дай бог, но как кто-то что-то придумает, все на него наваливаются, и вот он уже бледный лежит отдыхает.

Нигде такой точной определительной системы нет. Плохо, что мы в ней жить должны. И она нас правильно определила: раз мы в ней живем и работаем, значит, мы дерьмо. Либо, наоборот, прикидываемся им, чтоб здесь кое-как жить. А уж кто при этой системе хорошо живет, тот очень большое дерьмо, и ошибки здесь нет. Система – все семьдесят лет работает безошибочно.

Тщательно целую. Твой...

В партии

Почему многие не состоят в партии? Они там в жару в шляпах и в галстуках, в темных костюмах.

Приедешь в безрукавке – «идите переодевайтесь».

Осенью они в серых макинтошах и в серых шляпах. Зимой в ратиновых пальто и пыжиках. Ни одного члена КПСС в кепке или берете на аэродроме я не видел. В шортах не ходят.

Они очень любят целоваться с мужчинами, разбирать постельные вопросы. Кто с кем, когда.

Трясут мужа по заявлению жены. Любят спрашивать: «Где ты был с восьми до одиннадцати, а потом куда пошел? Как ты смел там ночевать?»

Любят собирать совещания у первого, где двести объясняют одному основные законы физики, экономики, химии, но это не помогает, и они опять разбирают: почем купил, где построил, как и с кем спал. Здесь они непревзойденные знатоки.

Чтоб что-нибудь сказать народу, собирают специалистов, выслушивают, но повторить не могут.

Тогда они опять начинают разбираться, кто с кем спал, кто куда упал, кто откуда вылез. В этом им помогают милиция и комитет глубокого бурения.

Спрашивать, как поступить, что вы порекомендуете для неприбыльного предприятия или плохого театра, у них не стоит. Они не ответят и опять будут: кто почем купил, кто с кем спал.

Даже простые вопросы: как снабдить водой, где построить дом, кого привезти в зоопарк? – им лучше не задавать, они устроят разбор: кто с кем спал, потребуют заменить третьего директора четвертым с еще лучшей анкетой.

Вопросами торговли они занимаются со знанием дела, но наладить не могут.

Конечно, управлять они могут, но не знают куда, и продолжают делать карьеру уже в международье, то есть не вверх, а вширь, что опять плохо заканчивается.

Устраивают столкновения не программ, а людей и снова разбирают, кто с кем спал, кто куда ходил.

С ними, конечно, интересно, но вредно, и много злых. Тех, кто спит только с женой.

Кто спит с посторонней – стоит на ковре тоже злой.

Кто ни с кем не спит, злится на них всех.

Так они и разбирают.

Конечно, там много людей невинных, а то и просто нормальных. Цепляться к ним нечего. Но если они посоветовать ничего не могут, а вмешиваются, проще сказать: «Если тебе делать нечего, стой там, смотри, но, пожалуйста, не мешай, люди как-то хотят выбраться на дорогу, а ты одного выберешь – топишь, второго топишь, с национальностями пристаешь. Все уже видят, что тебе делать нечего, стой в стороне, смотри. У тебя и здания есть, и больницы, и санатории – сиди там спокойно, если не можешь что-то предложить».

А вообще, конечно, кто хочет, может туда записаться, но очень многие не выдерживают вот этой ходьбы в одинаковых шляпах, костюмах летом и зимой – пыжик и серое пальто.

И целоваться в жару с женщиной очень неприятно, если ты мужчина.

А если нет?

Тогда и стой в этой партии, за тобой придут.

Л-и-ч-н-о-с-т-ь

Два года без Райкина. Тридцать шесть лет без Сталина. Двадцать четыре года без Хрущева. Шесть лет без Брежнева. Четыре года без Черненко. Эх, Аркадий Исаакович! Пятьдесят лет Театру миниатюр.

А. И. Р., как всегда, все доделал до конца. Все пристроены. Одним дал театр. Другим дал работу. Третьим дал пищу для воспоминаний, дал театр, мне дал квартиру, рекомендацию в Союз писателей и имя, к нему вопросов нет.

Единственное – не нужно было вызывать в себе любовь, как вообще не нужно вызывать ни в ком любовь, чтоб потом не было слез. Держаться нужно было независимо и строго. Влюбляешься – значит слезы рядом, ты уже содрогаешься ночами, сморкаешься в кружевной платок, любимые духи отброшены, не следишь за собой, появляешься перед ним в синих кругах вокруг глаз, дышишь рядом.

Все время дышишь рядом, пока директор тебе не скажет:

– Миша, Аркадий Исаакович решил с тобой расстаться.

– Как, – не веришь ты. – Он же только что меня обнимал рукой.

– Миша, – говорит он, – Миша...

– Да, да, да...

И ты к последней миниатюре подстегиваешь последний листок, где написано: «Прошу меня по моему собственному желанию...» А Аркадий Исаакович, прочитав и отхохотав все до последнего, начинает пудриться. Он всегда пудрится, когда ему нужно решить. А ты стоишь, ты всегда стоишь, когда решается твоя судьба, и не веришь: нет, нет...

– Да, – говорит А. И. Р. тихо. Он всегда говорит тихо. – Ну что ж, – говорит он, – ты правильно решил.

Как будто это ты решил, и ты киваешь, чтоб его не расстраивать.

– Да, я так решил. – И вы расходитесь.

Он идет в свет, в прожектор, в аплодисменты, а ты идешь вперед лицом. Вот как оно дернется, так ты идешь туда, куда идут все брошенные жены, дети, девушки, мужья, актеры, пенсионеры – к матери, бабушке, чертям, выбираете маршрут и начинаете пить. И лежите в носках, размышляя...

Через три часа и три дня появляется театральный автобус и тебя просят обратно в театр. Ты, падая и не попадая носками в ботинки, с заплаканными ресницами, тушью на лице, оказываешься в Первой советской пятилетке², и он снова рукой обнимает тебя...

– Как же ты мог, как же ты мог?

– Да я, мне сказал Чобур: увольняйся. Я уволился, но если вы скажете одно слово...

– Я не об этом...

– А об чем???

– Как ты мог оставить театр без программы?

– Как? Вы же меня уволили???

– Ну и что. Моральный долг у тебя есть?

– Как???

– Иди возьми толстую тетрадь и пиши.

Вы идете, берете толстую тетрадь и пишете, пишете, пишете...

Только почему-то у вас уже не получается...

Потом, вдруг, через пять-шесть лет, звонит директор и говорит: «А. И. Р. хочет, чтобы вы все трое поехали с нами в Венгрию...»

² Имеется в виду концертный зал в Ленинграде.

И вы уговариваете своих друзей, и садитесь в поезд, и приезжаете в Ленинград, и появляетесь, допустим, в ДК Горького, и он опять пудрится, а вы опять рядом, и он спрашивает:

- Зачем ты приехал?
- Как? Мне сказали...
- Кто тебе сказал?
- Ну, тут... Как? Вот говорили...
- Кто говорил, кто?
- Ну как же, специально звонили...
- Ну кто, кто? Ты только скажи, кто?
- Как кто? Не помню...
- Ну уж ладно, коль ты здесь, приезжай ко мне вечером, почитай, что ты привез.

И вы читаете, и он смеется, ибо когда он слушает, вы пишете и читаете в десять раз лучше, чем можете. И он спрашивает:

- Кто нас поссорил? Где этот негодяй? Что тогда произошло? Мы должны быть вместе.
- Да, да!!!
- Оставь все, что ты привез. Здесь пять произведений. Мы берем все. Иди и вспомни,

кто нас поссорил.

И вы приезжаете в Москву. И вам звонит директор и говорит:

– Из всех понравилась одна, и театр готов ее приобрести. Но неужели нельзя было оставить все на столе, неужели надо было все с собой забирать, чтоб потом с трудом переправлять?

И вы звоните прямо А. И. Р.:

- Аркадий Исаакович, мне сказали, что вы их не можете найти – они на столе.
- Конечно на столе. А кто тебе сказал?
- Как кто? Просто сказали.
- Кто, кто, кто этот мерзавец?
- Ну как кто? Мне позвонили, что вы не можете найти...
- Как не могу? Вот же они. Кто тебе сказал?
- Но вы берете одну?
- Как одну? Все.
- Спасибо.
- Слава, он нашел. Он берет все.
- Нет, Миша, он берет одну, но еще не решил.

И проходит еще один год, и звонит директор:

– А. И. Р. просит тебя что-то написать к юбилею Утесова. Звони ему, он ждет твоего звонка. Только сейчас же.

- Да, да...
- Алло! Аркадий Исаакович, это я... Вы просили меня позвонить.
- Кто тебе сказал?
- Тут сказали, на юбилей Утесова...
- Кто сказал? Что происходит? Ну, если ты сам хочешь, приезжай.

И вы приезжаете, и немножко ждете, пока закончится ужин, и немножко понимаете, что нитки, которые стягивают вас, уже истлели.

- Так что ты хотел?
- К юбилею Утесова.
- Нет, писать не нужно. У меня есть монолог, может, ты его перепишешь?
- Мой, что ли?
- Нет.
- А этот автор где?
- Он здесь, в Москве.

- Жив-здоров?
 - Да, жив-здоров.
 - Я подумаю.
 - Подумай, подумай. И не пропадай.
 - Не пропаду.
 - Не пропадай.
 - Не пропаду.
- И с тех пор стараетесь не пропасть, не пропасть...
- Мой сложный и любимый Райкин.

Этюд

Чуть пригорелой манной кашей стоял поздний осенний день. Кое-где снег блестел, как молоко.

Хотя многие еще носили плащи сметанного колера с мясным соусом, некоторые были в куртках мягкого тефтельного оттенка.

Жареной рыбой горел закат. Глаза девушек светились темным бородинским хлебом, а волосы – пышным свежим белым караваем.

Лес багряный, как непрожаренный бифштекс, касался кольцевой.

Вода в реке еще не встала и перекачивалась хрустким малосольным огурчиком.

Цветные гвоздики в руках напоминали воздушные высокие салаты из помидоров с майонезом.

Улицы, размеченные сметаной по припущенному рису, заполнились черной икрой толпы с вкраплением мелких морковок ГАИ.

Аппетитно звучали голоса, колбасно горели лица.

Черная икра внезапно подалась назад. Гречневой крупой входила армия. Зашкворчали жареным мясом направленные вверх пулеметы. В припущенный рис шлепнулись темные голубцы ОМОНа. И запахло настоящей солдатской перловой кашей цвета хаки.

Девяностые

...С 1983 года я в Москве. Так и живу: закончил Одессу, поступил в Ленинград, закончил Ленинград, поступил в Москву, где и учусь уже всю жизнь. Когда сейчас получаю записки: «Расскажите, как вы жили?» – удивляюсь. Жил неплохо. Человек вообще не знает, как он живет, пока не узнает от других. Я и не знал, что можно печататься в газетах, в журналах, выпускать книги, выступать по телевидению, что-то узнавать из собственных ответов. Я немного жил, немного писал, немного читал, кто-то начал записывать, кто-то – переписывать. Ну и что? И когда мне говорят: «Неужели вы не понимаете?» – я думаю, думаю и не понимаю...

Человек

Человек может работать потрясающе и бесконечно.
От рассвета и до заката. Становясь все красивее.
Человек в одиночку может строить дом, возделывать сад, цветы, овощи, добывать материалы, перевозить их на себе.
О! Как он может работать, строя себе дом, баню, огород!
Весь день будут слышны визг его тележки, врез топора, скрежет труб.
Один в бесконечном труде.
От вырастания дома, от вырастания сада, от вырастания животных, от бесконечного труда он становится все лучше, все нечувствительней к усталости, все интеллигентней.
И тут его начинает желать земля. Цветы отдаются только ему.
У плохого человека они не цветут.
Деревья признают его руку, животные идут на его голос.
А он уже не боится металла, не боится машины.
Кран, труба, поршень становятся родными.
Руки начинают чувствовать металл, гайку, сгиб и могут повторить как было и повернуть по-новому, сделать воде удобно и сделать крыше удобно, и фундаменту сухо, и дереву влажно.
Руки становятся очень твердыми и очень чувствующими.
Тело – не так сильным, как приспособленным.
Когда можешь поднять то, что захочешь, и верно оцениваешь вес.
Руку точно продолжает топор, ключ, мастерок.
Все отполировано. Рукоятка входит в пальцы без зазора.
Сильны те мышцы, что нужны для работы.
Может даже выпирать живот от обильной рабочей еды.
Он не мешает.
У хорошего хозяина он есть всегда.
Вначале пропадает брезгливость, потом уходит усталость, потом раздражение, и появляется техника.
Кельма, полутерка, сокол приросли к рукам, голова освобождается от того, что делаешь, место тактики занимает стратегия.
Ты уже можешь осуществлять идеи.
Сначала чужие, потом свои.
Новая работа начинается с расспросов.
Всегда найдется человек, который что-то подобное делал.
Человек человеку – совет, способ и инструмент, и все становится понятным, все возможным.
Все распадается на простое. Кто делал – не соврет.
А то, что ты делаешь для себя, будет стоять, пока ты жив.
С твоей смертью начнет умирать все, что ты поднял.
И никакие дети его не спасут.
Оно может умирать медленно, но умирать будет, пока кто-то не расспросит людей и не начнет сначала.
И снова пройдет все пути развития: незнание, знание, брезгливость, усталость, раздражение, умение, техника и красота.
Твои животные родят ему детенышей, твой дом покажет ему себя, вода потечет снова, его оставят усталость и сон.

Он будет строить для себя, чтоб отдохнуть, чтоб поспать, чтоб подумать на старости лет,
но ни спать, ни размышлять в покое уже никогда не будет.

Всё, как и дети, уходит вперед, ничто к тебе не вернется в старости.

Лишь люди будут у тебя учиться и запомнят тебя.

И странно. Всем, что ты создал, ты не воспользуешься никогда.

Там хорошо, где нас нет

Спасибо вы знаете кому, видимо Горбачеву. Мы впервые проверили, действительно ли там хорошо, где нас нет...

– Да, – сказали мы, – очень хорошо!

И хорошо, что нас там нет, иначе было бы хуже.

Где мы есть – там плохо.

Нам плохо всюду. Это уже характер.

Все спрашивают, почему мы мрачные.

А мы мрачные, потому что плохо там, где мы есть.

А оттого что мы там есть, становится еще хуже.

И мы вывозим свою мрачность через мрачную таможню и привозим туда, где нас нет.

«Нет счастья в жизни», – написано у всех на левой груди и подпись: «Жора».

«Иду туда, где нет конвоя», – написано у всех на правой ноге, поэтому мы и расползаемся.

Оказывается, Жора, нигде в мире нет блатных песен. Это же уму непостижимо!

Это же отсутствует целая литература.

Фольклора нет. Народы молчат.

Это же, оказывается, только у нас.

Половина в тюрьме. Половина в армии.

Отсюда и песни. Оттуда и публика.

Сплошь бывший зэк или запас.

Крикни на любом базаре: «Встать! Смирно! Руки за голову!» – посмотри, что будет.

Половина сидит, половина охраняет, потом меняются.

А те, что на свободе, – те условно, очень условно.

На синем женском теле прекрасные голубые слова:

«И если меня ты коснешься губами, то я умерла бы, лаская тебя!»

Это о любви.

До сих пор основная масса узнает законы жизни из татуировок и блатных песен...

А у них этого нет. Откуда они узнают, как жить?

Даже этого нет: «Мимо тещино дома я без шуток не хожу».

Частушек нет. Мата нет!

Как у них грузовик задом подает?

Это все мы для них везем с собой.

С молоком матерным впитали и везем.

Усилитель речи. Чтоб нас услышали, мы говорим не громче, а хуже!

Правило «Там хорошо, где нас нет» – в основном верное.

Хотя ребята прибегали – есть места, где нас нет, а там все-таки не очень хорошо.

И населения тоже много, и оно все хитрое, и тоже себе думает: «Там хорошо, где нас нет», – и сюда смотрит.

Сюда смотреть не надо. Мы знаем, как здесь.

Но если их здесь нет, а все равно плохо, может, кто-то из них все-таки здесь есть?

Так же, как кто-то из нас там... хотя проверяли, и морды били неоднократно, чтоб точно – вас здесь нет, нас там нет.

Однако нехорошо и тут и там.

Но таких мест очень мало.

И основной закон они не опровергают, только усложняют доказательство.

Поэтому опять повторяю неоднократно.

Приезжая туда, не делайте вид, что вас там нет!

Вы там есть!
А вот здесь вас уже нет.
И от этого здесь может неожиданно стать лучше.
Но вы этого уже не увидите.
Так что каждый думает сам. Хотя делают вместе.

Бояться не надо!

Ну вот прошел еще один год. Опять доверились и опять опоздали.

– Как ваше мнение?

– А черт его знает.

– Что может быть?

– Все может быть.

– Что делать?

– Давай так: страх испытывать можно, а бояться не надо.

Хватит цепляться за эту жизнь. Как мы убедились – в ней ничего хорошего. Несколько раз вкусно, несколько раз хорошо. И это все.

Любое правительство либо нас сажает в помой, либо мы его сажаем туда. То есть оно нами руководит оттуда. И даже не руководит, а посылает и отнимает.

Что там было в этой жизни? Я вас спрашиваю, что там было в этой жизни... Много разной водки, поэтому ничего вспомнить невозможно...

– Миша, как, вы меня не вспоминаете? Мы же в поезде литра три выпили...

– Поэтому и не вспоминаю, сынок.

Ибо, как радость, мы пьем истово, до состояния ликования; как горе – пьем до состояния заглушения...

Да. Этого жалко. Водки с друзьями жалко. Водки на кухне, беседы рот в рот жалко. Любви на подоконнике жалко. Это только мы, это только у нас: лампочку в парадной хрясь и любишь, как ротный старшина, как бездомный кот, горящий изнутри. Любви жалко, выпивки жалко. Возвращений. Блудных следов своих путаных с другом вдвоем мокрым утром туманным, нелетным, милицейским жалко...

Снега жалко тихого в лесу, шапочки меховой и личика под ним румяного, глазастого, переходящего в ножки нежные, скрытые под джинсовым панцирем...

Жалко. Да... За всю жизнь, за все годы, за все жизни моего деда, прадеда, отца, отчима, второго отчима и меня – ни одного толкового правительства.

Оно что, присуждено? Оно что, там глубоко наверху решено, что мы должны мучиться?

Клянусь, из взаимоотношений с властью вспомнить нечего. Ну нечего! Отнять и послать. Послать и отнять. И из нас же! Из нас же!.. На моей жизни, из того, что я помню, никогда не мог сказать, что эта компания откуда-то приехала. Ну рожи прошлые мы же все помним! Ну, еще раз напряжемся: рожи, те, что у киоска с утра, те и там, наверху. Как эти не могут двух слов связать, так и те. Эти – глаза маленькие, лицо большое, идей нет, и те – глаза маленькие, лицо большое, идей нет... Эти думают, чего бы с утра, и те... Ни разу никто не сказал правильно по-русски. Все через мат. Я сам матом могу. Все мы матом можем. И чего дальше?

Сейчас некоторые наши из оголтелых кричат:

– Лучший генофонд уничтожен! Мы нашли виноватых! Давай за нами!

Куда ж за вами, если лучший генофонд уничтожен. А вы тогда кто? За вами пойдешь, опять морду набьют. Где же найти приличный генофонд? Куда деваться человеку не совсем здоровому, но тихому и порядочному?

Почему у нас старый от молодого мозгами не отличается – вспомнить нечего. Что-то есть типа мелочи в кармане: сырки в шоколаде за восемнадцать копеек, пол-литра за три шестьдесят две, фруктовое эскимо за восемнадцать копеек. И только древние старики помнят по-крупному: глубокое и постоянное изменение нашей жизни к худшему. То есть непрерывное улучшение, приводящее к ухудшению жизни на основе строительства коммунизма, развитого социализма и недоразвитой демократии с нашим лицом.

Пишите мемуары. Мат, стояние в очередях, ожидание в приемных, долгие, бессмысленные разговоры с вождями и кипа собственных жалких заявлений: «Прошу не отказать», «Прошу учесть», «Прошу обратить внимание», «Прошу выделить», «Прошу похоронить»... И такая же дурная резолюция в левом углу: «Иван Васильевич, при возможности прошу изыскать».

А я мать его в гроб!

Давай вспоминать дальше, чтоб оправдать неистовое стремление к этой жизни. В тридцать лет начинается поправление резко пошатнувшегося здоровья на фоне непрерывного уменьшения выделений на медицину.

– Вам надо на операцию. Собирайте вату, бинты, шприцы, капельницы, гималезы, гидалезы, банку крови. Лежите с этим всем. Мы вас разрежем и поищем внутри. Нам тоже интересно, отчего вы так худеете.

Полная потеря интереса к своему здоровью со стороны больных и врачей сделала нас одинаково красивыми. Про рты я рассказывал, творожистый цвет кожи упоминал, запах изо рта описывал. Сутулая спина и торчащий живот дополняют внешний облик строителя коммунизма.

Что ж, я так думаю, цепляться за эту жизнь? Когда и как мы переживем сегодняшних начальников, чтоб увидеть светлую полосу, я уж не говорю – почувствовать...

И так тонко складывается ситуация, что при гражданской войне мы опять будем бить друг друга, то есть беспайковый – беспайкового, низкооплачиваемый – бесквартирного, больной – больного. Ведь все мы и вы понимаете, что до них дело не дойдет и дачу их не найдешь. И опять дело кончится масонами, завмагами, армянами и мировой усталостью, которая и позволит всем вождям, от районных до столичных, снова занять свое место. Что они немедленно сделают с криком: «Дорогу пролетариату! Народ требует! Народ желает, чтобы мы немедленно сели ему на голову!» А мы с вами расчистим им путь своей кровью. Такие мы козлы, не умеющие жить ни при диктатуре, ни при демократии.

– Не готовы наши люди, – говорят вожди. – Не готовы! Жить еще не готовы. Помирать не хотят, а жить не готовы.

Вот я и предлагаю: не бояться помереть в этом веселом и яростном мире. Врагов не бояться. Кто бы ни пришел – уголовник или патриот, вождь или сексот. Кто первый ворвется в квартиру – он и перевернется. Свобода стоит того, а эта жизнь того не стоит. Мужество рождается от трусости. Первый пострадает, второй задумается.

И меньше сидеть дома. Легче идти на контакты. Настало время контактов и политических знакомств. Искать своего, порядочного, которому тоже жалеть не о чем. Искать легко – по лицам. У порядочных есть лица, у непорядочных и там и там вместо лица задница... И сходиться.

Все уже ясно. Когда появится правительство, удовлетворяющее нас, – нас не будет. Когда появятся законы, разрешающие нам, – нас не будет. А когда они войдут в действие – и детей наших не будет.

Поэтому первое. Свалки не бояться – тогда ее не будет. Землю брать – тогда она будет. Свободу держать зубами. Вождей, живущих с нами параллельно, угробивших нашу юность, – давить. И ничего не бояться. Хватит кому бы то ни было когда бы то ни было распоряжаться нашей жизнью. Каждый сам знает, когда ее закончить.

По Дарвину

Как быстро мы прошли путь от тирании полицейской к тирании хулиганской.

В свободных человеческих стаях сама собой образуется диктатура: в тюрьмах образуется диктатура, в обществе образуется диктатура. Как спасение от крови и как путь к крови.

Естественным путем, совсем по Дарвину. Видимо, это самое простое и быстрое для толпы. Как странно: когда поступаешь как понимаешь сам, меньше ошибок. Как ввяжешься в толпу, как помчишься вместе со всеми – и морду набьют, и спина в палках, и настроение подавленное.

А один пойдешь – и поразмыслиаешь, и отдохнешь, и девушку найдешь одинокую, размышляющую. И сорвешь с нею цветок, и сядешь вдаль глядеть молчаливо. И чем дольше будет молчание, тем сильнее будет симпатия: не слова соединяют. А если повезет, ее руку, как птенца, накроешь и чуть прижмешь, чтоб не обидеть, а почувствовать.

И шелк почувствуешь, сквозь который она проступает.

Так создана, что сквозь одежду проступает.

От тебя требуется смысл за словами, а от нее – нет.

У нее он во всем: в движении, в покое, в голосе, в молчании.

Ходи один. Одному все живое раскроется.

Одному написанное раскроется. Один – размышляет.

Двое – размышляют меньше.

Трое совсем не размышляют.

Четверо поступают себе во вред.

Смотри, как одиночки себя поднимают, кормят, одевают и этим страну поднимают, и еще другим остается. А коллективы только маршируют.

Старики же толпой не ходят.

И над землей, и над могилой, и над колыбелью стоим в одиночестве и, видимо, стоять будем.

Эммануилу Моисеевичу Жванецкому от сына

Ну что ж, отец. Кажется, мы победили. Я еще не понял кто. Я еще не понял кого. Но мы победили. Я еще не понял, победили ли мы, но они проиграли. Я еще не понял, проиграли ли они вообще, но на этот раз они проиграли.

Помнишь, ты мне говорил: если хочешь испытать эйфорию – не закусывай. Это же вечная наша боль – пьем и едим одновременно. Уходит вдвое больше и выпивки, и закуски.

Здесь говорят об угрозе голода. Но если применить твоё правило, голода не будет. Все будет завалено. А пока у нас от питья и закусок кирпичные рожи лиц и огромные животы впереди фигуры, при которых собственные ноги кажутся незнакомыми.

Так вот. В середине августа, когда все были в отпуске и я мучился в Одессе, пытаюсь пошутить на бумаге, хлебал кофе, пил коньяк, лежал на животе, бил по спинам комаров, испытывал на котах уху, приготовленную моим другом Сташком вместе с одной дамой, для чего я их специально оставлял одних часа на три-четыре горячего вечернего времени, вдруг на экране появляются восемь рож и разными руками, плохим русским языком объявляют: «ЧП, ДДТ, КГБ, ДНД...»

До этого ввали, после этого ввали, но во время этого ввали как никогда. А потом пошли знакомые слова: «Не читать, не говорить, не выходить. Америку и Англию обзывать, после двадцати трех в туалете не...ать, больше трех не...ать, после двух не...еть».

А мы-то тут уже, худо-бедно, а разбаловались. Жрём не то, но говорим что хотим. Даже в Одессе, где с отъездом евреев политическая и сексуальная жизнь заглохла окончательно, встрепенулись. И встрепенулись все! Кооператоры и рэкетеры, демократы и домушники, молодые ученые и будущие эмигранты.

Слушай, пока нам тут заливали делегаты, депутаты и кандидаты, мы искали жратву, латали штаны, проклинали свою жизнь, но когда появились ЭТИ, все вдруг почувствовали, что им есть что терять. Не обращай внимания на тавтологию, в Одессе это бич. Слушай, я такого не видел. По городу ходили потерянные люди. Оказывается, каждый себе что-то планировал. Слушай, и каждый что-то потерял в один день. Вот тебе и перестройка, вот тебе и Горбачев.

Одна бабка сказала: «А я поддерживаю переворот. Масло будет». Ее чуть не разорвали...

– Масла захотела! Она масла захотела! Ты что, действительно масла захотела?! Вы слышали, она масла захотела!

– Кто масла захотел?

– А вон та, в панаме.

– Это ты, бабка, масла захотела?

– Она, она.

– Иди, ковыляй отсюда. Масла она захотела!

А настроение было хреновое, отец. Я затих. Опять, думаю, буду знаменитым, опять в подполье, если не глубже. А твой проклятый солнечный город у моря и в мирное время отрезают ото всех киевским телевидением. Ни одной новой московской газеты, ни одной передачи, а тут вообще всюду радио и из каждой подворотни: «...запретить, не ходить, не...ать, не...ить».

Так что сижу – жду звонка. Звонит наша знаменитая певица, ты уже ее не знаешь, отец. Перелезла она через забор своего санатория, и пошли мы с ней на пляж «Отрада». Жара. Народу полно.

«Эй, – кричит она, – вставайте. Вы что, не знаете, что чрезвычайное положение?» Все сказали: «Не знаем». А кто-то сказал: «Знаем». А кто-то сказал: «Нам вообще на это дело...» А кто-то даже головы не поднял.

– Вы что, с ума сошли? – закричала она. – Это я, Пугачева! Вставай, народ.

Тут их всех как ветром собрало.

– Ты смотри, – закричали они, – Алла Борисовна. Сфотографировать можно?

– Давай, – закричала она, – только с этим, со Жванецким давай.

– Давайте, – закричали тридцать фотографов. – А автографы можно?

– Нет, – сказала хитрая певица, – это плохая примета.

Никто не понял, но все согласились.

– Чрезвычайное положение, все запрещено, – вскричала она, – поэтому мы все сейчас пойдем на другой пляж. Сколько нас здесь?

– Человек пятьсот.

– Мало. Еще давай. Митинги запрещены, но у нас не митинг, а демонстрация. Что будем делать, если нас арестуют?

– Перебьем всех, – радостно ответила толпа.

– Тогда пошли на другой пляж. Там еще людей соберем.

Все пятьсот с фотографами и детьми пошли на соседний пляж, там присоединилось еще пятьсот.

– А теперь все в воду, – закричала певица, – как на крещении.

– Сейчас я разденусь, – крикнул один.

– Не раздеваться! Кто в чем. Чрезвычайное положение.

И все вошли в воду. Пятьсот и еще пятьсот запели «Вихри враждебные веют над нами», и запевалой была она, и они были хором. А я на берегу проводил летучий митинг-беседу с теми, кого интересовало, что такое ЧП, ДП, КГБ, КПУ.

– А теперь, – сказала Алла опять гениально, – вы все останетесь здесь, а мы пойдем.

И мы пошли. А из всех щелей Одессы дикторы Всесоюзного радио шипели: «...запретить, сократить, наказать, посадить». Настроение у нас стало прекрасным. Мы были наконец вместе со своей публикой, и мы не знали, мы не знали, мы, к стыду своему, не знали, что в Москве народ вышел против танков.

Представляешь, отец, когда ты жил, люди боялись анекдотов, когда я жил, люди боялись книг, теперь, когда живут они, они не боятся танков. Вот что значит людям есть что терять. Тавтология наш бич.

В общем, когда в Одессе так все плавно шло в пропасть, в Москве начались загадки. Те восемь побежали, не потерпев как следует поражения. Они поехали к тому, кого свергли, жаловаться на провал. Но он их не принял. Он сидел в заключении, окруженный крейсерами, и не мог выйти. Он, оказывается, был здоров.

Он не то что не принял заговорщиков, он их послал по-русски, и они сидели в приемной, как побитые курицы, вместе со своими танками и самолетами. Он сказал: «Почините мне телефон немедленно». Они тут же ему починили. И он разжаловал их всех по телефону, чтоб не видеть их в глаза, хотя ближе них у него никого не было.

– Пусть теперь никого и не будет, – сказал он и пошел к врагам, раскрыв объятия.

Враги встретили его как родного. А хуже друзей у него никого не было. И к нам приехал совсем другой человек. Уже четвертый президент за последние полгода. Сейчас это решительный, твердый, неумолимый, даже слегка кровавый демократ. Никто не знает, что он делал эти три дня. Про его друзей знают, кто чем занимался до мелочей. А что делал он – не знает никто. Но мы его безумно любим, потому что и так нет продуктов, топлива и одежды, еще его не будет, такая скука зимой будет, вообще помрем.

Тот второй, что его заменил, покрепче, но не умеет выражаться, не сообразив. Наш выражается запросто. Не думая. Спроси его: «Как вы относитесь к указам предыдущего?» – «Я пришел в семь утра», – скажет он...

Ни на один вопрос не отвечает, хотя смотрит приветливо, чем и завоевал всеобщее уважение. А тот, который завоевал всеобщую любовь, крепко думает. Это видно. И выражается, хорошо подумав, чем уже навлек на себя и на всех нас огромные неприятности.

Но это все неважно, отец. Мы сейчас все кайфуем! Во-первых, мы разбились по республикам окончательно. Хотя у нас единое экономическое, политическое, полуголодное и больничное пространство, но на этом пространстве нет ни хрена и не ходят поезда. Самолеты преодолевают это пространство, стараясь не садиться. Но мы сейчас все разбились по республикам. Все выставили таможни. Потому что в одной республике нет мяса, в другой нет рыбы, в третьей нет хлеба. И мы хотим знать, где чего нет, и хотим это положение закрепить.

Теперь кто в какой народ попал, тот там и сидит. Назначили туркменом – так уж будь здоров. И кто в какой строй попал, там и сидит. Кто вообще в капитализм, а кто и в первобытно-общинный. Все с трудом говорят на родном языке, у каждого своя армия с пиками, мушкетами, усами и бородой. Дозорные сидят на колокольнях. Как с соседней территории увидят войско, кричат вниз, машут флагами и пускают дым. Коней нет, волов нет, техники нет, поэтому войска идут пешком долго, пока дойдут. Но говорить им «какие вы отсталые» – нельзя. Очень обидчивые. Уж как стараются их не обидеть, все равно обижаются и пики мечут во врагов. Но это скорее весело, хотя очень плохо.

Да, забыл тебе сказать, отец. Помнишь, ты все бегал на партсобрания, а по ночам тайно делал аборт? Так вот этого теперь нет. Нет, аборт есть. А этой больше нет. Ты ее помнишь как ВКП(б)... Нету! Разогнали... Помнишь, если раньше у кого в толпе был суетливый взгляд – это были мы. Теперь это они, Коммунистическая партия большевиков, о необходимости которой говорила вся страна, попряталась.

Помнишь, среди помоев и дерьма стояли здания с колоннами, а впереди Владимир Ильич показывал рукой в разные стороны и подмигивал левым глазом в птичьем помете: «Правильной дорогой идете, товарищи». А на указательном пальце сидел какой-то мерзавец из голубей и дискредитировал направление окончательно. Теперь ВКП(б) выезжает из этих колонн: Ильич выезжает из Мавзолея, и они вместе переезжают на новое место... Опять тавтология... Умоляю!.. Да... Так они переезжают на какое-то кладбище в Ленинграде.

Да! Совсем забыл. Ленинграда-то больше нет! Слушай! Как мы все проголосовали. Еще до ППП. Я буду сокращенно писать, чтоб тебя не утомлять. ППП – это Провал Попытки Переворота. ГППП – это Герой Провала Попытки Переворота. УППП – это Участник Провала Попытки Переворота.

Так вот, еще до ППП мы все ка-ак проголосовали: хотим Санкт-Петербург.

Ну, ты когда-нибудь думал, что кто-нибудь из нас доживет?! Все большевики взвыли. Как?! Кровью и потом, блокадой умыто. Они до сих пор хвастаются потерями. Но на самом-то деле они понимали, что в это название никакие райкомы не помещаются: «Санкт-Петербургский обком ВКП(б)». Я пишу ВКП(б), чтоб тебе легче было понять. Она теперь была КПСС. Слушай, как безграмотно: «Она теперь была КПСС». Мой учитель Борис Ефимович Друккер переворачивается в гробу.

А кто вам виноват? «СССР – СЭС – КПСС». Не дай бог произнести – со всех дворов кошки сбегаются, думая, что их накормят. Мы тоже, папаня, сбежавшись на это ПС – ПС – ПС, ожидали семьдесят четыре года. Мне Генрих рассказывал. У них во дворе Берта чистила рыбу. Все коты сидели вокруг. Вдруг одноглазый по кличке Матрос так мерзко взвыл: «Мяу!» – Ша, – сказала Берта, – это пустой разговор...

Так и мы с КПСС.

Так интересно, как стало, не было никогда.

Жить этой жизнью гораздо лучше, чем жизнью животных, которой мы жили.

Тавтология такой же бич Одессы, как отравления питьевой водой.

Но ничего, Это тоже интересно. Мы тут уже полюбили эти внезапности. Такое ощущение, что все события, которых не было все эти годы, собрались сейчас. Дай бог нам пережить их без потерь.

Хотя каждый ходит приподнятый.

Приподнятый и твой сын под той же фамилией.

7 сентября 1991 г., Одесса

Родина, страна, держава

Родина, страна, держава...

Родина – где ты вырос.

Страна – где ты живешь.

А держава образуется благодаря пограничникам. Если бы не они, разлетелось бы все к чертовой матери и разбрелось бы по всему миру.

Честь и слава пограничникам, стягивающим державу, стягивающую столь разные народы в единое кудахтающее и завывающее целое.

Это уникальное явление, когда в одной корзине и волк, и кролик, и лиса, и петух, и гиена, и все живут вместе, и даже дают концерты, называемые Хороводы дружбы и Дни литературы.

Эх ты, РОДИНА-страна!

Сексуальная революция

Чего-чего, а от скуки не помрем – семьдесят лет в революции. Стаж огромный. На что нас только не поднимали: Гражданская война, коллективизация, индустриализация, война, захват соседей, борьба с учеными, борьба с писателями, борьба с Америкой, битва за хлеб, Братски и БАМы...

Ни минуты покоя – походные костры, вагоны, рюкзаки, бараки. Чуть хуже, чуть лучше... Все время чего-то не хватало, все время кружка на цепи... То лекарств, то хлеба, то картошки... Чего там!..

Однокомнатная на троих и триста рублей на похороны... Уж чего-чего – скучать не скучали. Все затихли давно, а мы на целину поехали, а мы сельское хозяйство поднимали.

В мире рок-н-ролл, автомобили, видео, а мы на БАМ поехали. Опять в пургу, тайгу. Ведь поехали же. Нас никто и не обманывал. Сказали БАМ строить – мы поехали. Сказали Братск строить – мы поехали. Сказали затопить – мы затопили. Все сделали. Стоят, стоят Волго-Дон, Братск, БАМ, целина. Сам видел, все стоит. Города стоят – Братск, Ангарск, Нижнекамск, Нижневартовск, – и ничего в нашей жизни не изменилось. То хуже, то лучше в рамках очень плохого.

А мы не скучаем, поэмы пишем, у костра поем, вечные революционеры, тараканы-передвижки. Снуем на перевязанных ногах... И виноватые все передохли. Уже вторые виноватые скончались. А мы все снуем с песнями под гитару. Иногда кулачки в воздух подымаем: «Даешь Кузбасс, Донбасс, космос, Соликамск!..» – и с оркестром на поезда! Тридцать-сорок лет на Севере, чтоб затем на юге немного без здоровья и зубов...

Не скучали. В антиалкогольную борьбу включились против себя и долго воевали, круша пивзаводы, вырубая виноградники. Не-не, с нами не соскучишься и у нас не заскучаешь.

В перестройку вот включились, на площадь пошли, в секс рванули... Оказывается, там тоже отставание. Мы ж-то не знали. Мы ж примитивной техникой ковырялись, а там такие достижения... Один против трех, два против пяти... Четные пары уже устарели. В состоянии постели, в состоянии воды, в состоянии железнодорожного вагона, на базе парковой скамейки и, что главное, – открыто, азартно, при поддержке окружающих с часами в руках и мелом...

Ну, на нашем питании Италию и Францию не догнать, но с сексуально отсталыми, типа Камерун и голодающая Эфиопия, можем. Литература уже пошла косяком. Мужчина в разрезе замечательно показан. Теперь видишь, где у него, подлеца, зарождаются эти устремления и как он, мерзавец, действует в определенной обстановке. И конечно, неотразима дама в разрезе. Изучаешь эту красоту и понимаешь, куда у мужчины все силы, все средства, все заработанное в тайге на севере уходит.

Поразительно, как на тех же гнилых овощах, на тех же нехватках совсем другое тело получается. И жрать нечего, и надеть нечего, а нежная она и всяческая. И очень хочется ее, конечно, от этой жизни заслонить. Вынуть ее отсюда, ватой обернуть и самому пристально наслаждаться и рассматривать.

Но нет, протестует, вырывается, желает участвовать в общественной жизни всей полнотой своей, всем врожденным ароматом. Ну ничего, может, хоть они нам жизнь исправят. У мужиков не получается. У них всегда позиции разные. Называется это – альтернатива. То есть стенка на стенку. Как один что-то придумал, так появляется второй и придумывает противоположное. В животном мире это давно есть: два петуха, два козла, два барана на мосту и так далее. Женщина их может примирить, но ей некогда, она еще и в сексуальной революции участвует, опровергая тезис большевиков, что советской женщины в сексе нет. Это неправда! Она там есть.

А чтоб успокоить родителей, скажу: секс, конечно, не панацея, но и не трагедия. Проблемы секса бояться нечего – по мере исчезновения продуктов исчезнет и она. Вы же видели мужика в разрезе: там эта линия прямо от желудка идет. Если он утром ничего в топку не бросит, он к вечеру не то что ужалить, жужжать не сможет. А у барышни наоборот – ничего не меняется, только лучше становится. Это из разреза хорошо видно.

В общем, секс, как и рынок, требует изобилия продуктов питания, богатого выбора одежды и развлечений. Мы только в начале сексуального пути находимся, когда мужик на остатках продуктов питания еще ярится, ва-банк идет, насилие устраивает, как бы демонстрируя превосходство грубой силы. Но это считанные дни. Мир это прошел. Мужика ожидает крупный спад, связанный с выходом на мировой рынок, с бизнесом, риском и банкротством. И тогда поднимется женщина, уже как следует одетая, причесанная, и предъявит счет. Настоящий. За все ночные унижения, холодные парадные, мокрые скамейки... Тут мужчине, кроме «Мерседеса», предъявить нечего. Борьба у них пойдет – у кого какой «Мерседес». И тогда женщина опять начнет подниматься, до следующего цикла подъема мужчины, связанного уже с нехваткой нефти. Опять мускульная сила и так далее...

Но нам все это еще предстоит пройти, мы в самом начале сексуальной революции. Мы впервые увидели отдельно мужчину в разрезе и женщину. Нам еще предстоит увидеть их вместе.

Телефонное одиночество

Я когда-то писал: «Все! Все!» – писал я. «Чайник выкипел, газ кончился. Коты разбежались. Все!» – писал я. Полное одиночество! И оно наступило. Разговор с другом – шестьдесят рублей минута. Прочсть ему крохотный отрывок – триста рублей. Услышать его вздох – девяносто. Узнать, что ничего не вышло, – сто двадцать... пятьсот десять, – чтоб в этом убедиться.

Раньше неудача – двести грамм по рубль восемьдесят и бутерброд: килька с яйцом на белом хлебе – сорок копеек. Сейчас пятьсот десять плюс триста без выпивки. Восемьсот рублей за то, что ничего не вышло? Рынок!.. Это рынок. Полное одиночество продавца ненужных вещей.

По местному разговаривать не с кем. Наторгуешь своим телом и снова выходишь на связь. О рекомендациях разговора нет. Кто там что успевает? Одно замечание по языку – это четыре обеда в хорошем кафе. Если переписываться, ты узнаешь, что эту проблему стоит копнуть, когда уже ни этой проблемы, ни этого правительства, ни этого народа в помине нет.

Он оттуда звонит молнией, называет свой новый номер и бросает трубку, как кусок раскаленного угля. Он вообще мыслит шекелями, а говорит за рубли. За рубли он говорит очень охотно... Он говорит даже после того, как вы положили трубку. А для телефонной станции не имеет значения, кто разговор закончил, ей важно, кто продолжает...

«Все! – писал я. – Все!» Это литературные дела. А личные? Услышать, что она сдала на права, купила машину, заказала торт из мороженого, съела его с каким-то местным и теперь сидит, курит, обошлось в тысячу двести рублей, хотя никто ей не поверил...

Шестнадцать часов вкалывал, опоздал в гастроном, хлебной коркой обтер холодильник изнутри, чтобы услышать, что сейчас у нее ночь, но она проголодалась и жрет пудинг и бекон или наоборот и очень скучает, но хочет спать... В общем, нафальшивила на восемьсот двадцать рублей прямо мне на пустой желудок. «Я очень скучаю», – почему-то шептала она.

«Я нужен здесь», – твердил он. Вдвоем они набрехали на тысячу сто десять рублей. А узнавать, что она там ест, на чем спит, в каком бассейне торчит, и еще платить за это дикое деньги?!

«Все! – писал я. – Все!» Такого одиночества еще не бывало. Унижаться можно, когда за это платят тебе, но унижаться и платить самому?!

«Все! – писал я. – Все!» Выставляйте счета! Ничто так не подчеркивает одиночество, как счета за телефон и свет!

Да! Если она рядом, нужно меньше света. Да!

Итак, попытки жить литературной и личной жизнью по телефону приводят к быстрому разорению, легкому помешательству и полному одиночеству торговца ненужным товаром.

– Чем вы торгуете? Стыд! Вы бы хоть их обработали. Совесть у вас есть?

– Совесть есть. Не хватает этих... А! Не хотите, не берите.

Что-то вы стали злым

– Что-то вы стали злым, Миша...

– Да? С чего бы это? Ты смотри, а мне казалось, у меня все тот же тихий незлобивый юмор. Что вы? Я никогда не был злым.

То была прекрасная покойная жизнь, ничего не печаталось, он тихо и покойно жил на частные пожертвования в частной беседе на частной квартире. А политбюро все заседало и заседало. И ничего не печаталось, и ничего не выходило, и зарплаты не было, и был он невыездным все пятьдесят лет, и комиссия из двадцати человек обсуждала каждые полслова, а незнакомые люди обнимали и говорили:

– Ну, стрелять тебя надо!

– Что, не понравилось?

– Наоборот. Но как ты не боишься?

– Боюсь...

– А чего ж тогда?..

– А как же иначе...

– Ну смотри... Главное, не становись злым.

– Да уж стараюсь...

Да, да, главное, не злиться. Тихо так, по-доброму. Ни квартиры, ни черта даже по этим масштабам. Шути без конца за выпивку, за ужин, выступай за телефон, за пылесос... Ничего, злым не стал, так, слегка раздраженным. А тут кончилось одно время, другое началось... И началось другое. Стал предметом вождения. Девица. Все хотят. Тиражируют, зарабатывают. Где? Как? Я не разрешаю. Никто не спрашивает, записывают, крутят, печатают, снимают, показывают. Облепляют и по каплям во все углы.

– Смотри, Миша, только не становись злым.

– Да где ж тут станешь злым. Зачем?

Кто-то звонит откуда-то:

– Вы в наш город не приедете? Очень зовем.

А он до сих пор не научился прямо и грубо говорить: «Нет, не приеду. Сидите там сами».

Он говорит:

– Я подумаю...

– Значит, мы можем надеяться?..

А он не решается сказать: «Нет, не надейтесь. Живите так...»

Он говорит:

– Ну что ж, надейтесь...

А через неделю:

– Ты что, согласился там выступать?

– Да нет...

– Как нет! Афиши висят, в газетах написано.

И он едет туда, едет, чтоб быть добрым. Не быть злым... И дописался.

В этой любимой стране, где всегда ждешь удара сверху, удар снизу считается неожиданным. Оказывается, ты опять чужой. Когда ты был чужой чужим – это понятно. Сейчас чужой своим. Они подсчитали. Они определили. Опять и снова. Снова и опять. Столько лет без усталости. В одну точку. Жрать нечего, надеть нечего, работать некому, а здесь ведь хватает энтузиазма звонить, писать, обзывать неуголимо.

И уезжают все, бегут потоком, а эти неуголимо бьют и заводят тебя. Чудовищным усилием сворачиваешься, чтоб не заорать в ответ, чтоб не плеснуть свою ненависть в этот пожар.

– А знаете, раньше вы как-то были добрее. Ваш юмор стал как-то более злым. Чем вы можете объяснить?..

– Даже не знаю, чем объяснить. Это и для меня загадка. Буду внимательнее.

– Да. Надо быть внимательнее. Люди ждут от вас доброты.

– Пожалуйста... Хорошо... Ладно... До свидания.

Ну что ж, вы правы, почему вы за свои деньги должны видеть злую перекошенную рожу? Нет-нет-нет. Надо вспомнить что-то хорошее. Все-таки пятьдесят шесть лет. Я должен, я обязан вспомнить что-то хорошее. Ведь оно же было. Я же был счастлив. Только вот от чего? Я вспомню. Обязательно. Обязательно... Сейчас-сейчас-сейчас. Нет – не это... И не это... И не это... Я позвоню.

Автопортрет

Талантом, а не трудом он добился следующих прав. Первое. Не вставать утром с целью наживы.

Второе. Вспоминать числа, а не дни недели.

Третье. Во время танцев не подниматься из-за стола, а танцевать там, внизу.

Четвертое. Неудачно шутить, лукаво глядя вокруг. Отсутствие смеха считать не своим, а их недостатком. И внутри злорадно: «Ничего, вечером поймут».

Пятое. «Ты меня не понимаешь» – говорить серьезно. Хотя что там понимать, так же как и чего там не понимать. Организм потребляет больше, чем производит. Отсюда болезни и горячая дружба с соболезниками. Добился права не понимать человека по своему усмотрению.

Шестое. Добился права не обижаться никогда. Это удел слабых.

Кто-то хочет на тебе заработать – пожалуйста, кто-то выдает себя за тебя, тебя за кого-то – ну что ж, ну что ж...

Кстати, как только поверил, что стал умным, наделал кучу глупостей. А вообще, всем все, пожалуйста, в пределах совести, совесть в пределах Библии, Библия в пределах знания.

Седьмое. Стал понимать: радость – это друзья, женщины и растения. Счастье – когда они вместе. Видел уже друзей с женщинами среди растений. Знает, о чем говорит.

Восьмое. Отношение к женщинам – восторженное. Лучшего не бывает. К ним надо возвращаться даже после смерти. Понимает, что внешность женщины – работа мужчины. Но все остальное: и медленная голова на грудь, и медленная рука на плечо, и переход на «ты»... ждешь как-то, как-то... Да...

Короче, потребительское отношение к женщинам поменял на восторженное, а они, к сожалению, наоборот. Ну что ж, ничего.

Девятое. Ничего.

Десятое. Ничего.

Жаль, что на все простейшие вопросы организм отвечает не попад.

Одиннадцатое. Жаль, что организм просыпается позже владельца, и засыпает отдельно, и не подчиняется как раз тогда, когда все, буквально все на него рассчитывают.

О чем жалеет? Двоеточие.

Двенадцатое. Не там. Не там это все происходит.

Тринадцатое. Не тогда.

Четырнадцатое. Еле вырвался из прошлого, тут же влип в настоящее.

Пятнадцатое. Коль судьба не сложилась, хоть бы биография была. Не может понять, куда устремлена судьба, во что бьет биография? И кто следит за поступками?

Шестнадцатое. Пока все кричали: «Бога нет», он в него верил... Как все изменилось.

Семнадцатое. Невозможно бежать в нашей толпе, ни на время, ни на расстояние. Только по кругу. Бежишь, враги мелькают, первые, вторые, снова первые, снова вторые. Стоят, прищурясь.

Очень хочется их уничтожить. Но страшно.

Надо среди них выбирать самых беспомощных.

Восемнадцатое. Возраст совпадает с размером одежды и мешает в шагу.

Деятнадцатое. Имущество здесь очень дорого, но имеет одну особенность – быть конфискованным. Это не зависит от имущества. Просто пришла пора. И тебя либо награждают орденом с конфискацией, либо выездом с конфискацией, либо просто поздравляют с конфискацией, и все.

И ты опять живешь.

И деньги, которые копил, вдруг пропадают.

И ты снова налегке, как тогда, в студенчестве.

Снова молод, снова чист и пуст, как зимний лес, где шелест ветвей не перейдет в плодовый стук, хотя по жизни разбросаны сверкания... То есть снова о женщинах и выпивке. Они слились. И хотя добавились стук сердца и головная боль, но отказаться невозможно. Останутся стук сердца и головная боль. Кто хочет с этим остаться?

Двадцатое. Отношения с детьми не сложились. Придется рожать до полного взаимопонимания.

Двадцать первое. Из имущества осталось место жительства.

Будет бороться за жительство в данном месте, хотя разумных аргументов в защиту этого не имеет.

Двадцать второе. Счастлив ли? В разное время дня на этот вопрос отвечает по-разному, но всегда отрицательно.

Двадцать третье. Вопросы творчества волнуют, но не интересуют. Просто не в силах переплюнуть парламент и межнациональные конфликты, с огромным успехом идущие по стране.

Сатиру отшибло полностью. Низы жалко, а верхи отвратительны.

Если нам разрезали живот, и не оперируют, и не зашивают – какая там сатира, кого высмеивать, кого успокаивать?

Низ достиг своего низа, верх достиг своего верха.

Все! И терпения больше нет.

Умные разбегаются, дураки не умеют. Хитрые в тупике.

До чего дошло! Хитрые в тупике. Вот и радость в этой жизни.

Хронические обманщики и демагоги в тупике.

А сатира бедная свернулась ежом, направляя иглы во все стороны, защищая саму себя.

Двадцать четвертое. Тем не менее к своей внешности относится тепло.

Многолетняя борьба с животом закончилась его победой. Война с лысиной проиграна. Глаза уже сами отбирают, что им видеть. Мелкое отсеивается... Роман целиком виден, отдельные буквы – нет.

Двадцать пятое. Забыл.

Двадцать шестое. Забыл.

Двадцать седьмое. Вспомнил. Безумно счастлив в личной жизни. Но одиночество лучше.

И это, как говорят наши депутаты, однозначно.

Двадцать восьмое. Культурный уровень понизился до здравого смысла!

Двадцать девятое. Жив еще... Хотя...

Тридцатое. Когда-то считал шестьдесят закатом, сейчас с этим не согласен!

Судьба паучья

Повис на всем своем, как на паутине. Всем, что создал, сам опутан.
Быстро перебегаю от позднего к раннему. Или жду, затаюсь.
Кто-то запутался.
Еще один.
Запутались сами и дают мне пищу.
Их жизнь, их кровь, их ссоры.
Но они кончились.
Я перебежал и повис, раскачиваясь.
На том, что из меня, опустилсЯ ниже. Еще ниже. Высматриваю.
Ветер колышет мою паутину.
Пусто.
Раскачиваюсь.
Тку еще.
Без пищи нет паутины.
Без паутины нет пищи.
Вишу на последнем. Высматриваю. Передвигаюсь еще медленнее.
Неужели заметят и не запутаются?
Вишу, раскачиваюсь.
Глаза уже плохи.
Внутри пусто.
Побежал к раннему. Никого.
К позднему... Ничего...
Сволочная судьба паучья.

Население и народ

Разговор начальников

- Ох, Петраков, народ терпеть не будет, если ты оставишь население без, допустим, газет.
- Какие могут быть, допустим, сомнения. Оставить население без газет нам не позволит народ.
- Народ, между прочим, может внезапно спросить: а как услуги населению?
- Платные?
- Безусловно.
- Или бесплатные?
- Конечно.
- Повышение платных услуг населению есть общенародная задача. Честно говоря, Василь Василич, население мне не нравится.
- А народ?
- Ну, народ... Наш народ с населением не сравнить. Вы ведь тоже чувствуете разницу.
- Да, кто же не чувствует.
- А группки, какие противные бывают группки, формирования...
- Есть еще отдельные элементы. Те вообще мерзкие.
- Есть еще горожане.
- Да, сельские жители и глубинка... Так, все, не отвлекайтесь. Мы с вас спросим. Мы уже спрашиваем: как с обеспечением населения, допустим, лекарствами?
- Допустим, населения?
- Да, да.
- И чем вы спрашиваете?
- Лекарствами.
- Обеспечим.
- Я в этом уверен?
- Безусловно.
- Здесь сомнений быть не может?
- Абсолютно.
- Народ будет обеспечен лекарствами?
- В первую очередь.
- А все остальные?
- Тоже.
- Пока о населении говорить не будем.
- Трудности с валютой.
- Народ не должен это чувствовать.
- Безусловно.
- Тут очень важна фондоотдача.
- Как никогда.
- Вы думаете над этим?
- Необычайно. В этом году необычайно.
- Население не должно испытывать тревог по этому поводу.
- Никаких.
- А отдельные элементы?
- Эти могут.
- Ну тут объяснения не помогают.
- Значит – изоляция. ОМОН. Резиновые палки.

- Скажите, а вы что, употребляете эти предметы против населения?
- Только против элементов.
- Значит, население может быть спокойно?
- Повсеместно.
- Теперь насчет лекарств.
- Повторяю. Полная уверенность. Тревожного положения нет. Небольшая авария на Уральском таблеточном. Обычный сбой.
- Есть ли жертвы среди населения?
- Человеческих нет.
- Ага...
- Только среди потребителей. Менее трех процентов. В пределах нормы.
- А нормы утверждены?
- После всенародного обсуждения мною лично.
- Значит, обеспечение лекарствами...
- ...вопрос наибольшей важности, общенародная задача.
- А, даже так. Будем считать вопрос закрытым?
- Самым твердым образом.
- Товары, услуги, подготовка к зиме?
- Вне всяких сомнений. Предмет самого пристального изучения внимания. Уже на ближайшее время намечены самые широкие перспективы.
- Ага... Население может быть спокойно?
- Безусловно. Для беспокойства населения нет оснований, одни только поводы и спецотряд особого назначения.
- То есть беспокойство население...
- ...проявлять не должно.
- Не имеет права.
- Значит, рост платных товаров, услуг, подготовка к зиме, спрос?..
- Вот здесь – в двух томах. Отработанные и переработанные просьбы, переплетенные и сжатые между собой. Мы уже приступили к выработке таких же унифицированных сжатых ответов. В самое ближайшее время будут приняты конкретные решения по проектам реконструкций предприятий и учреждений.
- Вот даже так?
- Безусловно.
- Значит, население?..
- Передайте населению горячий привет от Родины, а также от меня лично. В целях скорейшего обеспечения убыстрения нарастания получения продуктов для быстрейшего их употребления был посещен ряд предприятий общественного пропитания, где трудящиеся обратились со своими просьбами и проблемами, позволяющими сделать вывод, что питание работников общепита налажено, они нуждаются в транспорте и жилье.
- А вот могут они накормить посетителей?
- Это самый острый вопрос, на который только время даст ответ, хотя нас радует уже то, что хотя бы работники общепита отошли от общего стола.
- А если у них еще решатся проблемы с транспортом и жильем...
- ...эта отрасль нас будет меньше всего беспокоить.
- Вопросы одежды?
- Одежда не является предметом первой необходимости. Тем не менее мы ею занимаемся упорно, и население может быть уверено, что страна и народ думают о том, как будет выглядеть население и его представители, к примеру прохожие, очередники, призывники, отказники и космонавты. Дома моделей полным ходом разрабатывают одежду для разных слоев насе-

ния, мигрирующего по стране. Миграция нас беспокоит. Мигрируют семьи и отдельные мужья. Мигрируют одинокие женщины. Народ требует приковать их к месту. Наша задача – выполнить эти требования народа. Население к Новому году будет одето окончательно.

– К какому Новому году?

– Вопрос решается.

– Иностранные разведки?

– Как правило, озабочены нашим благосостоянием.

– Как мы можем их дезориентировать?

– Наиболее простым способом: непрерывно меняя благосостояние или, наоборот, не меняя его, что менее дорого.

– В чем разрушительная сила иностранных разведок?

– В вопросах.

– Как?

– Они стараются касаться вопросов, которых мы стараемся не касаться.

– Не есть ли они эти отдельные элементы?

– Они.

– Что в таком случае вызывает озабоченность.

– Не может не вызывать.

– Ага. Толково. Толково. В чем гарантия наших успехов?

– В непрерывном разоблачении происков и врагов, и друзей, и просто посторонних, которых еще очень много у нас.

– Значит, мы можем передать населению, что вопросы одежды, питания, снабжения, лечения, обучения, привлечения и правовых знаний...

– ...находятся под непрерывным всеулучшающимся контролем. Передайте, что народ сегодня живет гораздо лучше.

– В письмах спрашивают: можно ли где-нибудь повидать народ?

– К сожалению, я не уполномочен, хотя думаю, что проблем быть не должно.

– Просто мы много наслышаны о своем народе. Действительно великий, талантливый, героический. Могло ли бы наше население рассчитывать на небольшую встречу, нам бы это многое дало?

– Не надо забывать, что он измучен революцией, Гражданской войной, Отечественной, индустриализацией, приватизацией...

– Мы все понимаем и много времени не отнимем.

– Я поговорю с народом. Ответ сообщу.

– Очень признательны.

– Простите, а насчет обещания накормить население?

– Абсолютно уверен.

– Когда примерно можно рассчитывать?

– Тут есть нюансы, о которых я сейчас не буду говорить. Но сама постановка вопроса сейчас совсем другая.

– Что, не кормить?

– Наоборот, попробовать накормить.

– Конечно, надо попробовать. Простите, когда будет сделана первая попытка?

– В принципе, я думаю, мы этот вопрос решим в ближайшие какие-то пятилетки.

И из развлечений кое-что подберем.

– (*Смущен.*) Ну, это уж... Даже страшно как-то... Последние годы как-то было не до этого. Да и отвыкли. Из развлечений – пруд, овраг, рассвет-закат, ураган.

– Понимаю. А сейчас, я думаю, можно и кое-что подбросить.

– Тут уж на ваше усмотрение. Если это сложно, то население приспособилось. Смотрит вдаль и на огонь – и достаточно.

– Да нет. Многого не обещаю. Парочку развлечений к празднику.

– Спасибо.

– Значит, ждем.

– Если можно, еще встречу к Новому году?

– До свидания.

С Новым, возможно, годом

Поздравляю всех, кто дожил до 199... года... Никто не ожидал. Они сами не ожидали. Чтоб так долго. В таких разнообразных условиях: от нехватки свободы до нехватки еды. От тюрьмы до сумы всего за шесть лет, и все-таки дожили. И смотрим по сторонам. И ходим по улицам. Дожили. Доковыляли. Всех друзей проводили. Завтрак сократили. Обед разделили с беженцами. Ужин отдали врагам. В будущее смотрим тускло, себя там не видим. Главное – день сегодняшний. Начальство совсем оторвалось и парит в шумной пустоте, распаясь и сливаясь, принимая то форму облака, то шара, то форму пирамиды. Мы за ним наблюдаем как бы из гроба, с некоторым прощальным любопытством.

Тепло проводили взглядом страны бывшей народной демократии, хочется их погладить по голове, но сил нет. Хочется сказать: «С Новым годом, как вас там теперь...», но – только старый паровозный свист из большой груды СССР.

Поздравляют тех, кто дожил, но особенно горячо тех, кто не дожил. Просто со слезами на глазах. Молодцы! Самый правильный вариант. Можно было бы сказать: «Напрасно поторопились... могли бы попробовать», – но нет! Это от зависти! Как ни тяжело, приходится признаться: ваш вариант лучше!

Поздравляю вас всех! Привет нашим, которые гикнулись еще раньше. Передайте, что все еще тяжело. Передайте тем, кто рассчитывал, что детям будет легче, – НЕТ... Пока нет...

Насчет надежд. Пока тоже нет. Года через три может появиться надежда на улучшение. Лет через пять. Года через три на лет через пять. Так что тем, кто не дожил: «Ребята, вы не промахнулись! Так держать!»

Для тех, кто дожил, мои поздравления гораздо скромнее. Если чего достали к Новому году, не торопитесь. Сытость наступает быстрее, когда откусываешь маленькими кусочками. На штаны можно нашить старые кожаные заплатки и носить очень осторожно. Когда садишься – спускаешь, чтобы не изнашивались. Чтобы не изнашивались ботинки, ступню ставьте плоско, не шаркайте. Не мешает вспомнить древнее искусство плетения лаптей, кстати, и красиво, и удобно. Шапку лучше не носить. Капот на веревках. Пропускайте через спину и завязывайте между ногами. В помещении не отвязывайте, чтоб не сорвали.

В лифт с незнакомыми мужчинами не садитесь, даже если вы – мужчина. Только с женщинами. Которым садиться с мужчинами не рекомендуется. Не из-за опасности изнасилования – с пропаданием продуктов исчезнет этот вид преступлений. Из-за отъема сумок привязывайте их к рукам.

Свечами надо запастись уже. Они и светят, и греют, и на них можно жарить рубленные солдатские пояса. Тело хорошо обматывать старыми газетами и мягкими журналами. Тепло от тела тогда уходит медленно. Одновременно вынимаешь и читаешь, если нет сил встать.

Ходить быстрее уже не надо. Блокадники научат, как лучше располагаться против ветра и где в квартире теплее, когда холодно.

Конвертируемости рубля, рынка и изобилия ждать лучше лежа, укрывшись, вдали от окна, грея руки на кружке с кипятком.

Когда окончательно решат дать землю, нас окончательно не будет. Но ничего.

Новые годы теперь идут быстро. Скоро мы присоединимся ко всем, кто бился за лучшее будущее от древних веков до наших дней.

Так что с Новым, возможно, годом! С Новым, возможно, счастьем! Возможно, Ваш.

Рискуют все!

Обожаю наших братьев по прессе.
Все время приставать к собственному народу и говорить ему: «Вот еще одна реформа, и ты восстанешь».

Потратив столько сил и слов на подготовку бунта, грех его не провести.
Осталось назначить число и для начала повесить афиши.
Свобода, конечно, дороже жизни, но и жизнь чего-то стоит.
Жаль будет, если не удастся воспользоваться свободой из-за нехватки жизни.
А укорачиванием жизни занимаются все.
Дикторы каждый день заботливо спрашивают: «Ну как? Не пора ли?»
Что у нас дальше будет, не знают они.
Как и мы.
Как и руководимое ими правительство.
Никто не знает, что с нами будет.
Это и есть самое интересное.
На этом и можно поймать наслаждение и импровизацию истинного авантюриста.
Рискуем, господа!
Рискуют все!
Ваши карты, господа министры.
Ваши карты, господа иностранцы.
Рискуют все.
По науке в этой стране упорно не выходит, только по наитию.
Ну что ж, значит, опять ничего не получилось!
Значит, больной опять умер.
Приглашаем следующую команду.
Рискуют все.
Жаждой эксперимента и импровизации заразилось все население. Дашь повальную приватизацию.

- А когда же будет восстание? – заботливо спрашивают у народа дикторы ЦТ.
- Сейчас, погоди, – говорит народ, – пока тут еще интересно.
- Так что, восстания вообще, что ли, не будет?
- Да будет, будет. Погоди ты.
- И вы что, будете теперь за богатых? – неожиданно спрашивает радио «Свобода» из Мюнхена.
- Не будем, не будем. Дай им только появиться.
- А вон они, вон они, – показывает радио.
- Мало их пока еще. Дай им разрастись.
- Так ежели они разрастутся, кто ж их бить будет? – снова спрашивает радио.

А народ уже заразился импровизацией.
– На меня давай, на меня. И либерализм, и приватизацию, и трепанацию, и цивилизацию, и интеллигенцию. На меня давай, на меня.

Рискуют все!
Все, кого уважали, кого любили, стали начальниками.
Кричать: «Что они, мерзавцы, делают!» – стыдно. «Что мы, мерзавцы, делаем!» – неточно.
Что с народом?
Рискуют все, господа!

Ох черт, народ начинает понимать, что при попадании наверх они что-то такое видят, чего не видели раньше.

– Ну что там? – кричит снизу народ.

– Да подожди ты!

– Да спина-то устает, за сапогами небось стоите? Ну чего там, ну не изобилие? Хоть чего-то видать?

– Да погоди тут... Сейчас... Тут вообще, кажись, с приватизацией... Этот, что на приватизации настаивал, попав на самый верх, вдруг стал настаивать на централизации.

– Да тут такое... Ну так что? Даем либерализацию с приватизацией.

– Даем, даем... Тут... Может, сначала...

– Эй!

– Чего тебе?

– Дак тяжело.

– Знаем. – И тишина.

– Эй! Чего затихли?

– Чего?.. Эх... Тут эти... вооруженные силы... Тьфу ты... сейчас... – И тишина.

– Дак тяжело.

– Да ты там не шевелись. Ты там... Вообще стоять не на чем. Сейчас вообще как помеемся местами. У тебя другое правительство есть?

– Нету.

– И стой, не шевелись.

Рискуют все!

Через дыру в заборе чужеземцы видят сплошное мелькание – то правительство прильнет к дыре, то народ.

– Дайте чего-нибудь.

– А вы там обозначьтесь отчетливее. Отчетливее. Кому давать-то?

– От.

Опять мельтешение. Правительство прильнуло.

– Дадите вы там или нет?

– Кому-кому? Вы кто?

– Как кто?

Драка. Уже другое правительство прильнуло.

– Мы суверенное, независимое. Да не мешай ты. Отойди. Убери руки, руки убери! Отпусти, сука. А-а...

– Ты лучше флот отдай!

– Да? А хутор Михайловский не хочешь?

– Эй, это Европа?

– Да.

– Значит, так, если вы не хотите иметь дело... Стой! Стой... Руки отпусти... Ну дай сказать. Так вот, если вы не хотите иметь неприятности, положите вон под тот камень пять миллиардов. Отойди. Стой. Отойди, дай сказать... Оторвись, козел. Мы тут уточнили – десять миллиардов.

– Да, десять миллиардов под тот камень.

– Послушайте, не давайте им ничего. Это самозванцы. А нас избрал народ. Где ж у меня результаты голосования? Сейчас... Да не трогай. Вот результаты – восемьдесят восемь процентов. Значит, мы требуем на стабилизацию экономики вон под тот кирпич двадцать миллиардов.

– Стой, пусти. Мы вообще исламские государства. Мы здесь никого не знаем. Мы только что получили полный вотум огромного доверия. Вот результаты голосования – сто двадцать восемь и шесть процентов. Даже еда у нас есть. Мы хотим на религиозную литературу двадцать

девять миллиардов. Нет... нет... Не оторвешь... Нет... что-что? Ты не понял. Я не прошу на армию. Я их прошу на литературу. Тсс-с... Все. Тихо. Да, да. (*Шепотом.*) Там есть щель. Как стемнеет, прошу туда. Конфиденциальная встреча. Никто мешать не будет. Часов давайте в семь.

– Эй, Европа! Не надо в семь, не слушайте их. Это самозванцы, у них нет вотума от народа. Это мы будем в семь у щели.

– Эй, все! Мы отменяем эти переговоры, мы назначаем новые переговоры.

– Екскьюз, мы хотим помочь, но мы не знаем, с кем иметь дело.

– Как с кем?

– Ну, с кем?

– Как с кем?

– Ну, с кем?

– Как с кем? Только не с ними.

– А с кем?

– Как с кем? С нами.

– А вы кто?

– Мы кто?

– Да, вы кто?

– Ну разберитесь между собой.

– Не дай бог, – ответили внутри забора.

– Вот и хорошо, – сказали в Европе.

Рискуют все.

Те, кто остался, рискуют остаться.

Те, кто уехал, рискуют уехать.

Давайте глянем друг другу в глаза.

Риск – благородное дело!

Первый

Президент. Он же генсек ЦК КПСС. Он же председатель Всесоюзного стачечного комитета.

Он же – руководитель оппозиционной платформы.

Он же – сторонник жесткого курса.

Он же – правый, если смотреть слева, и левый, если смотреть справа, хотя сам утверждает, что в центре. Но это оптический эффект.

Он же – за независимость на местах при полной зависимости от центра.

Он же – за выход из СССР кого угодно, только с СССР вместе.

Он – за переход к рыночной экономике, не выходя из социализма, и за все виды собственности, кроме частной, личной, индивидуальной и вообще принадлежащей кому-то.

За реформы при сохранении стабильности и полную свободу при сохранении хозяйственных связей, за отход КПСС от власти при сохранении руководящей роли.

В результате всех этих взглядов его стало страшно оставлять одного, ибо, войдя в кабинет, он себя там не застанет, а выйдя, останется там.

С особым удовольствием население любит его, когда он говорит:

– Я убежден! Это наш единственный путь.

– Конечно, – говорим мы, – единственный наш.

Актер

Не знаю, как растет публика. Но я видел, как опускаются актеры.

Печать частых встреч. Бесчисленные перемены характера. Легкое сумасшествие на базе крупной популярности рождает интересные вопросы к окружающим:

– У вас и вокзал есть? И поезда есть? И сесть в них можно? Прямо на этом вокзале? Как интересно. Поздравляю. Прекрасный город. Только почему вы его не убираете?.. Вам бы оборудовать следующий берег. Ну вот этот – напротив. Построить там отели, рестораны. Это хорошая идея. Я вам ее дарю.

А вот я вижу вдали горы. Вы их как-нибудь используете в промышленности?.. Нехорошо... Реку вы используете для обмыва, а горы нет. Надо, надо. Поставить там какой-нибудь завод, будет очень красиво. Одинокий такой дымок светло-коричневый на зеленом фоне склона – очень симпатично.

Собравшиеся зеваки ответственно кивают, как будто от них что-нибудь зависит. Ну, а он... Взгляд рассеянный. Слух ненаправленный. Отвечает через вопрос. После третьего может ответить на первый. Дает себя усаживать в машину, везти куда-то, но быстро реагирует на слова «обед» и «касса».

Чувства исчезли вместе с шепотом. Громкий голос и хорошо закрепленный текст.

На свою шутку немедленно реагирует, тонко сочувствуя тупости окружающих. Довольно крупные куски заученного текста для нескольких жизненных коллизий... При получении гоночара шутка такая: «Так и расходы большие!» При произведении сексуальных действий: «А ты где живешь?.. И как ты отсюда поедешь? К сожалению, проводить не смогу... Но мне действительно... Мне очень... Я уже давно такого... Моя... (памяти никакой, поэтому) птичка. Я тебе дам мой московский телефон... Хочешь в Москву?.. Обязательно!.. Обязательно!.. А вот это непременно!.. Можешь мне поверить... Обязательно... Как раз я не забываю. Я потом запишу все, что ты сказала... Да я и так не забуду... Но я запишу... Моя... счастье. Обязательно. Здесь есть такой магазин? Обязательно...»

Разговор с женой: «Ты же видишь, я устал...»

С мамой: «Перестань, я устал...»

С соседями: «Если б вы знали, как я устал...»

С друзьями: «Что ты знаешь... Это же на износ!»

Раньше на дне рождения: «Эта страна своим крепостным царизмом опозорила рождение и обесценила смерть».

Позже: «Эта страна своим шараханьем опозорила рождение и обесценила...»

Еще позже: «Эта страна своей тупостью...» и так далее.

Не злой, особенно после успеха.

Любит свое изображение – афиши, снимки. С таким-то. С таким-то. С таким-то. И с таким же. Вот он держит за пуговицу министра культуры. Вот хохочет с виолончелистом.

Замер на концерте Спивакова. Но так, чтобы был виден Спиваков.

Вот среди генералов. Среди студентов.

Всюду с рюмкой в руке. Устал!.. Улыбка усталая... Возможно, даже естественная. Зубы – нет. Мысли тоже не его. Устал. Да... Устал. Возле чемодана стоит. Возле магазина стоит. Возле грязной посуды лежит. Ему неудобно. Его все знают.

На вопрос: «Что вам нравится в людях?» – отвечает: «Доброта».

«Верите ли вы, что красота спасет мир?» Твердо отвечает: «Да!» – хотя не представляет как...

Об убеждениях узнает из собственных слов.

– Ваш любимый писатель?

– Бунин.

Раньше был Чехов. Теперь Бунина разрешили.

– А Булгаков?

– Ну, Булгаков тоже... Но там есть тонкость...

Какая – не говорит.

Показалось, что и на митингах может иметь успех. После двух шуток поверил, что поведет массы. Стал говорить: «Вы должны», «А теперь вы должны». И в конце: «Это вам необходимо». Митинговый зал специфический. Туда приходят не любить, а ненавидеть. Добился свиста. Посоветовали убраться в Израиль. Не по национальности. Видимо, название импонировало. «Убирайся в Сирию» – не звучит.

Вернулся на сцену. Былого успеха не было. Но и ненависти тоже. Многие его еще помнили. Надо бы сделать перерыв и начать снова. Чтоб вернуть власть...

Убедился, что среди молодых есть талантливые. Черт бы их побрал! Как же он их пропустил? Подросли, сволочи. А его стремительный выход на сцену и вскинутая голова ничего в зале не вызывали. А всего пять лет назад... Что творилось...

С удивлением обнаружил, что ничего не накопил... Стал присматриваться к жизни...

Если сравнивать

Если сравнивать, то сейчас люди живут проще. Сколько было волнений, когда кто-то сворачивал с дороги. Колокольчик все ближе. Волнение нарастает. Девушки в панике. И вот на пороге в снегу и в шубе. О боже! Еда вся рядом тут же. Хрюкает и квакает. В погребе остальное. Воз кавунов. Воз яблок. Спустывсь в підпілля. С хрустом – р-раз! Добрый кавун!

Сейчас гость тоже с колокольчиком, но это предварительный телефонный звонок. Не дозвонился – не выезжай. Проще стало. Очень приятные были раньше женщины. Одетые, одетые, одетые. И в перьях. Из перьев возбуждали молодость и смех, носочек ножки, по которой представляли остальное. Поэтому так были развиты поэзия и дуэли. Мужчины были неустойчивы.

Теперь проще. Теперь фигуру видно целиком. По фигуре надо вычислить характер. Мужчины притихли. Заинтересовались друг другом. Дуэли только по вопросам поставок.

Раньше люди отъездут на тридцать километров и полны впечатлений. Какой у Иван Сергеевич сад. Какой парк у Песцовых. Нынче все к 1 августа на юг, к 1 сентября обратно. Впечатлений нет. Вместе были здесь, вместе были там.

Все на поводках. К каждой семье по два провода и по две трубы. Из центра поступают телефон, электричество и вода, в центр отводятся канализация и мусор. Если в проводах обрыв, семья сразу не слышит, не видит, не пьет, не ест, не моется. Соединят провода – семья видит, слышит, пьет, ест, танцует. Так что жизнь хорошая. Но на проводах.

Поэтому от центра люди далеко не отбегают. Чтоб получать поставками снабжение. Большинство уже не помнит, откуда поставки снабжения, боятся оторваться, испытывают неуверенность. Погребов нет. Хозяйства нет. К корове подход утерян. Коровы беременеют из центра.

Люди мотаются гораздо быстрее. Семьсот километров за час вместо недели. Но, приехав туда за час, также и видят там то же самое, только еще дождь, или даже вообще то же самое. Та же музыка и те же новости. А хочешь, возьми телефон и звони домой – и узнай ту же музыку и те же новости. От этого умственная вялость, широкий диапазон безразличия. Появились новые бессмысленные работы: сопоставление цифр, организация труда, выборочный опрос, реформы сверху.

То, что происходит днем – звонки, разговоры, крики, дерганья, – называется работой. Это же самое ночью называется сном. Это же самое у моря называется отпуском. Укрепление себя физически носит уже самоцельный характер и выглядит женственным.

Новостями называют то, чего не знают. То, что уже знают, – воспоминания. Один артист поет сразу на всю страну, под его пение все бегает, работают и разговаривают. Музыка переходит в пейзаж и мелькает.

Еда уже не хрюкает и не квакает, а смотрит искусственным глазом.

Кур готовят к поеданиям. Людей – к сражениям.

Поэтому куры и люди смотрят друг на друга с сочувствием.

Хищники постепенно становятся вегетарианцами, так как отравляются травоядными, в травоядных много пестицидов. Лоси, лисицы, тигры, орлы жмутся к людям, появляются в городах, перебегают дорогу, вьют гнезда в проводах, вид пришибленный, снотворное принимают с благодарностью, но скрыться им негде и спят тут же.

Когда особенно тяжело человеку, ему по трубам подают воздух и кровь, а отводят пот, слезы и слюну. Это называется реанимация.

Реанимация, быстрая езда, прием гостей не у себя называются цивилизацией, а трубы, провода и вероятность общего конца называются техническим прогрессом.

Хотя люди сейчас более озабоченные, чем раньше, и движутся быстрее – время не освоилось.

Уголки, где прошлое и настоящее соединяются, называются заповедниками или домами для престарелых. Поток туда нарастает. Люди хотят в прошлое. Не пускают провода, трубы и технический прогресс.

Таблетки от тревоги

- Ну, расскажите мне, что вас так тревожит?
- Наша жизнь. Разве вы сумеете мне помочь?
- Попробуем. Что именно вас тревожит?
- Они что, идиоты? Они что, не понимают?
- Седуксен, тазепам, одна таблетка после еды три раза в день.
- Поможет? Спасибо. Я с дипломом инженера стал полным идиотом, не понимаю, как они не понимают...
- Элениум перед сном.
- Ага. И я все пойму?
- Нет. Будет лень разбираться.
- Тогда простой вопрос. Где найти кран для сантехника?
- В аптеке. По одной штучке.
- И что?
- И ничего.
- А сантехник?
- Я ему уже выписал.
- Ага. Значит, теперь...
- Вы не нужны друг другу. Тем более что нет этих кранов.
- А где краны?
- Еще одну таблетку.
- И я их найду?
- Немножко поищите перед сном и забудетесь.
- А утром?
- А вы держите под рукой. Еще одну после еды и забудетесь.
- Я бы хотел забыться до еды.
- Толково.
- Теперь главное. Где достать эти таблетки?
- У меня есть две. Мы с вами примем и не будем об этом думать.

Одному

Если потихоньку осваивать богатства Сибири одному. Или еще тише осваивать космос самому. Отстаивать мир вдвоем с хорошим человеком с нормальной фигурой.

Бороться с сепаратизмом в одиночку, скрываясь и появляясь внезапно в самых неожиданных местах, сводя его с ума переменой позиции и злобными выкриками.

Хорошо также добиться справедливости где-то в одном месте, хоть на квадратном миллиметре, и оттуда взывать к рассудку правительства.

И, конечно, если не жалко своего времени, можно попытаться одному устранить недоразумения между народами. Если, конечно, хватит денег на перелеты... А бороться за охрану окружающей среды? В сторонке, никому не мешая, но активно и громко стуча...

Можно очень смешно выступать без публики, оттачивая мастерство из окна и аплодируя самому себе.

Выступать по утрам против обнищания масс, но телефон отключить, чтоб не мешали. Заниматься классовой борьбой хотя бы двадцать минут в день, для здоровья и бодрости.

А в конце месяца открыть душу. И разговаривать с собой до тех пор, пока не получишь свои исчерпывающие ответы на свои глубокие вопросы и ляжешь спать глубоко удовлетворенный.

Была еда

Зима 91-го

Почему у нас всегда воспоминания лучше жизни? И вроде вспоминать нечего. Кильки какие-то в томате. Что еще помнится из деликатесов? Не знаю, как вы, а я еще вспоминаю сгущенку, колбасу вареную и голубцы болгарские. Водочку помню, пропади она пропадом. Селедка была, хлеб с маслом и сладкий чай. Этих помню хорошо... пирожных, и этих помню... котлет, причем очень разных: половина была из них мясные, половина – совсем рыбные.

Хорошо помню этих... сосисок. Это такие тоненькие, когда их берешь – болтаются, интересные такие, с мясом. Это помню... Да нет, я многих помню. Ветчина была такая. Это как бы мясо, но уже вареное. Можно его было так есть с хлебом. Многие как делали: отрезали ломоть белого или черного хлеба, мазали сливочное масло ножом... И этим же ножом можно было отрезать ветчины и положить сверху, ну прямо на масло. А к чаю был сахар. Это было регулярно. В большую чашку многие наливали, и вот эту ветчину с хлебом и маслом запивали сладким чаем и так ужинали.

А еще было принято, если после работы там курица вареная с пюре или горошком. Многие ели жареную картошку. Некоторые в те годы употребляли гречневую кашу с маслом специальным сливочным или молоком. Некоторые ели рисовую кашу. Она тоже в те годы шла с молоком.

Некоторые ели рыбу... Ну, я ее не берусь описывать. Они тогда плавали в воде. Я их прекрасно помню. Вот я еще не старый, а прекрасно помню. Названий многих не помню. Ну там, мелкие, и такой был весь в гребешках... осетр.

А некоторые тогда брали с собой на работу кефир. Он тоже вроде молока, но скисший, хотя вполне съедобный, он был погуще молока, но тоже белый. Кефир брали на работу. Колбасу, помидоры и опять-таки хлеб. Все это продавалось прямо возле работы или на работе в буфете – рыба жареная, котлеты, колбаса. Ну, некоторые по вечерам ели куски жареного мяса, их можно было заказать и с кровью, и без, и в таких сухариках. И водочку если брали, очень холодную и вкусную, то ее заедали вот этим куском... Назывался он – «по-суворовски», значит, с кровью, и огурчик соленый, или помидорчик, или просто капусточка квашеная, она и сейчас кое-где есть. Еще вина были и пиво. Пиво – это такая жидкость, это вообще не описать. Она сама коричневая, но вкус не описать, вроде как-то терпко и гуще, чем сама вода, но жиже, чем, допустим, кефир, горьковатая, что ли, даже уже с трудом вспоминается. А к ней или к нему, уже не помню, шла соленая вот эта рыбка. Старики мне рассказывали, совсем маленькая, называлась снеток, а позже появилась вобла и пропала. Позже раки шли. Ну, этих описать времени много нужно. Они вроде насекомых, но больше. Я потом расскажу, не сейчас. Сейчас мы просто вспоминаем, без подробностей. Вам же, наверное, интересно. Я сам помню, с каким интересом слушал стариков.

Ну я еще застал сыр голландский, творог, это все делалось из молока. Я сам плохо помню. Как я вспоминаю, сыр был твердый, творог мягкий. Каши овсяные, перловые, пловы любили есть в Средней Азии – это была их национальная еда. Говорят, там еще их варят, эти пловы, хотя тайно, чтоб не отобрали.

Индейки помню разных национальностей. Телевизоры, холодильники, приемники вообще товаром не считались: хочешь – бери, не хочешь – не бери. Правда, правда, чего улыбаешься. Тогда было принято ругать их качество, мы же еще не подозревали, что они вообще...

У матери спроси, она вспомнит. Кстати, в городах войск не было. Люди были разных национальностей. Клянусь. В толпе попадались армяне, азербайджанцы, грузины, осетины, узбеки, месхетинцы. Мы их тогда не различали. Они, наверное, знали, как друг друга отличить,

но мы не могли, и они так и ходили вместе. Клянусь. Да чего там армяне. Евреев можно было запросто встретить. А хочешь поговорить – пожалуйста. Страна вообще была большая, и все жили, и претензий особых не было. Только вот эти раздражали. Канарейки с репродукторами. Едут эти авто и чего-то говорят. Что говорят – не разобрать. Но все знали – стать к стене лицом, и после этого черные шли и их флажками приветствовали. Они пройдут, и опять все гуляют. В магазины заглядывают, в рестораны. В ресторане можно было поужинать за десять рублей. Клянусь! Можешь маму спросить. А вообще жить нельзя было, хотя все жили. А сейчас жить, конечно, можно, но осуществить это гораздо труднее.

Мода сезона

Мода сезона: цвет хаки, никакой синтетики, коттон, кожа натуральная, небольшие погончики, накладные карманы, брюки типа бридж, галифе, металлические пуговицы здесь, здесь и здесь, короткие полусапожки, сумочка в виде вещмешочка, в качестве украшений на поясе резиновые палки, наручники, револьвер, ожерелье из патронов, со свисающей по центру дымовой шашкой и газовым баллоном.

При встрече на улице с другим человеком, независимо от его национальности, сейчас очень модно бежать, прятаться, окапываться, стрелять под ноги, скатываться в обрыв, хоронить без гроба, увлекая за собой любопытных.

Выставка «Мода-95» открыта в подвалах МВД. Вход со стороны Петровки, 38, о выходе будет объявлено особо.

Люди социализма

Оттопыренный зад, согнутый позвоночник. Руки до земли. К рукам приросли две кошелки. Загорелые кисти, шея и одно колено от дыры в штанах. Грудь в форме майки. Плоскостопные стопы с огромными мозолями. На мозолях и осуществляется передвижение.

На лице написано:

– Это не я!

– Как не ты? – на лице встречного.

– Не я, и все!

– От, мать... А кто?

– Вот он.

– Это ты?

– Не я.

– Он говорит, не он.

– Врет. Он это, все он.

Уши торчат из-за спины, шепот:

– Эй!

– Чего?

– Дверные замки нужны?

Губы вытянуты. Глаза по кругу. Из кустов:

– Эй!

– Чего?

– Плинтуса есть?

Все население принимает форму предмета. Кто с чем работает, его форму и принимает.

Есть герои в форме винтовки, с собакой в виде пистолета. Бойцы в виде газбаллона.

Продавцы пива в виде бочки. И следовательно в виде палки.

Лица следующих типов.

Первый. Руководящее.

Гладкое, круглое, смазанное куриным жиром, с пристальным взглядом: «Это кто делал?»

Второй. Руководимое.

Цвета свежего салата, чернозубое, белоглазое, вращающееся в разные стороны: «Это не я!» Мгновенно бросает работу, даже если в ней заинтересован. Толпу видеть не может. Не может видеть бегущих. Тут же включается. От этого его часто бьют, и он голосует себе во вред.

Третий. Лицо передаточное типа ряха³.

Цвета свеклы в разрезе, не вмещающееся ни в какую шинель, разящее перегаром состава: лук, чеснок, шампанское, пиво, самогон, перекись водорода, семечки, вобла, ацетон. Глаза щелевидные, красные, типа «зенки», тоже с запахом. Руки красные, ноги красные, трусы черные периода первых физкультурных парадов. Жену и детей бьет. Верх лижет, низ топчет. Живет в прихожей и погребу, парадной комнатой не пользуется – ждет генерала или мэра. Гласных не употребляет, только согласные: здрст, пшл вн, рздись. Не голосует никогда.

Тип четвертый.

Гуманитарий, переделанный из инженера. Находится на уровне низа чуть справа, если смотреть сверху. Ценит мысль и выпивку. Чередует: пришла мысль – значит, надо выпить,

³ Ряха – рожа, морда, нечеловеческое лицо огромного размера, 500 × 500 мм, лежащее на плечах. На оклик поворачивается вместе с телом.

не пришла мысль – надо выпить, чтоб скрасить ожидание. В отличие от первых трех обращает внимание на женщин, которых чередует с выпивкой и мыслью. Не пришла мысль, но пришла женщина – выпьем. Пришла мысль, но не пришла женщина – выпьем. Не пришли ни мысль, ни женщина – тут вообще... А они вместе не приходят. Отсюда пьянство с незнакомыми людьми.

Лицо носит широко распространенное. Фигура шарообразная. Руки, ноги, желудок, печень – все есть, но ничего не работает. Дружит с врачами, у которых то же самое. Спасается юмором. Не уверен ни в чем. В одежде ужасен, без одежды страшен. Иущества нет. Не может объяснить, где живет. Какие-то углы у каких-то женщин. Гордится нищетой. Заранее злорадствует над своими грабителями. Они могут вынести только помои. В общем живет неплохо, пока не пришла мысль об отъезде. Тут же становится незыблемым. Однако все. Назад дороги нет. Эта мысль обратного хода не имеет. Ее приход сразу делает людей разными! Голосует очень активно, хотя и себе во вред. Порывается руководить. В ответственный момент скрывается, напивается, прячется у женщин.

Соцстроевские девушки еще отличаются от мужчин. Молодые женщины меньше. Пожилые никак. Имеют одинаковую с мужчиной скорость, выносливость и знаменитую становую силу, позволяющую перемещать до шестидесяти трех килограммов полезного груза на расстояние двадцать – двадцать пять километров со средней скоростью пять-восемь километров в час. Незаменимы на демонстрациях для удержания огромных лозунгов при сильном ветре. Содержание плаката их не интересует. А в остальном – голубоглазые и терпеливые. Что и делает их главным предметом экспорта. Они пользуются особым спросом в развивающихся и находят себе применение в промышленно развитых странах. Удивительно, как государство не догадалось взимать налог за их экспорт, ибо все, что мы делаем руками, продать невозможно.

Все человеческие типы соцстроа не выносят, если что-то плохо лежит. Мужчина, увидев, что кто-то плохо лежит, ложится рядом, женщина – смахивает в сумку. Отсюда выражение лиц: «Это не я!»

Огромное количество соцстроевских сидит. Они не сидят в буквальном смысле. Как раз сидеть там нельзя. Они ходят строем, сколачивают ящики внутри заборов с вышками и собаками. Сидящие играют главную роль в обществе. От них поступают: народная музыка, разговорный язык, живопись, а также свод законов поведения «Все по справедливости!». Отсюда и общество, как они: самое несвободное, но самое справедливое в мире. Только его надо догнать, набить рожу и эту справедливость внедрить в ихние, мать... ж... желудки...

Для этого существуют специальные крепыши по прозвищу «кульки». Чтобы убедиться, достаточно надуть полиэтиленовый пакет и зажать в кулаке. Это будет кулек. Он свиреп. Содержится за воротами, на которых написано: «Вход воспрещен». То ли он свиреп, потому что вход воспрещен, то ли вход воспрещен, потому что он свиреп, – мы не знаем. Свиреп, и все. Когда открываются ворота, все бросаются врассыпную. Население, битое кулками по голове, их уважает. Видимо потому, что битое кулками по голове.

Люди соцстроа пока еще политически убоги. Они ненавидят и коммунистов, и капиталистов, и новых дельцов, и борющихся с ними милиционеров. На этом утробном фоне и появился тип пятый.

Патриот.

Глаза язвенника. Кого-то ищет. Черный мундир, перепоясанный ремнями для сдерживания взвинченных нервов. Руки чешутся. Настолько жаждет драки, что готов быть побитым. «Наше время придет!» И действительно, их время приходит, их бьют, и их время уходит.

Он говорит о любви к родине, но ненавидит всех. На лице усмешка, которая бывает при очень большой лжи. Сбить с этой лжи его невозможно, потому что он не даст. Он-то знает, что врет. Это вы не знаете. Чаще всего он тянет обратно в социализм, где водка три шестьдесят две, где все знакомо, как в родной помойной яме. Где висят для поцелуя похожие, как близ-

нецы, ряха начальника милиции и задница первого секретаря обкома партии. Где центр торговли – туалет, центр культуры – лифт, а центр любви – радиатор. И смерть приносит облегчение всем, включая покойника. Многие туда не хотят. Многие уже там были. От этого митинги, собрания, демонстрации, где среди ораторов неожиданно благодаря демократии возник совершенно новый для нас тип шестой.

Оратор.

Если бы не мелкие признания между цифрами, вообще бы никто не догадался. Первыми, что что-то не так, смекают на трибуне. Оратор приводит ужасающие цифры осужденных, под гром аплодисментов проклиная правительство, под бурные овации обвиняет во взятках весь президентский совет, под рев огромной площади называет строй фашистским и переходит к стихам. Первыми что-то чувствуют поэты, регулярно присутствующие на трибуне. От них начинают беспокоиться устроители. Толпа ликует. Однако поэма не кончается. Рифмы «ютиться – юрисдикция» и «веники сторожевые» заставляют толпу затихнуть. Передние ряды пытаются поймать его глаза. Но в этой бороде ни черта не видно. А когда он в поэме объявляет, что аэрозоль, созданный им, поможет окончательно разогнать коммунистическую партию, сквозь ликование толпы проступают признаки здравого смысла. Орудие массового поражения, созданное им глубоко под землей, и червь, который однажды вышел у него через нос и ушел в раковину, приводит толпу в некоторую растерянность. Но выступающий снова зачитывает цифры осужденных и суммы взяток и под гром аплодисментов в неясном сопровождении покидает митинг.

Специалист, конечно, разгадывает быстро, а у толпы уходит минут сорок, умноженные на сто тысяч человеко-минут. Если не разгадают, появится диктатор и уничтожит специалистов. Вся штука в быстроте угадывания. С ростом гласности это труднее.

А мы тем не менее будем счастливы. Две вещи мы поняли: словам не верить – раз, надеяться на себя – два. Наружных врагов у нас нет. Мы им не нужны. Завоевывать нас себе дороже. А вдруг мы победим?! Так что с наружными врагами мы расправились собственным примером. А внутренним счастья не будет. Они живут в нашем окружении. Мы знаем друг друга наизусть и видим насквозь. Так что жизнь продолжается.

Как обычно

Идешь, как обычно, куда-то, лицо, как обычно, смотрит вперед, затылок ничего не подозревает. Вдруг сзади:

– Продолжать движение!

– Продолжаю.

– Так и идите.

– Я так и иду.

– Взять правей.

– Возьму... Беру правей.

– Не разговаривать!

– Молчу.

– Стоять. Не оглядываться.

Стою. Не оглядываюсь. Пропускаю слева. Что там сзади?

– Не оглядываться!

– Не оглядываюсь.

– Все. Свободны!

– Ура!.. Свободен!

Любимое правительство

Та что вы говорите, никто, наверное, так не любит наше правительство, как я. Это что-то патологическое. Что-то безумное, наверное. Наверное, это неразделенная любовь. Да, конечно, если бы взаимно, я бы почувствовал. Но это неважно.

Я влюбился, как мальчишка, как пацан. Разве прикажешь. Любовь! Хоть козла. Хоть сволочь. Люблю – не могу. Каждый день должен их видеть. Умираю, если не вижу хоть день, хоть пять минут, хоть кого-нибудь. Неважно, о чем они говорят и как выглядят! Мне говорят: «Посмотри, в кого ты влюбился, они же в экран не влезают, а мысли, а дикция...» А я не могу. Умираю – люблю каждого! Ну это же надо. Раньше я артистов собирал, космонавтов, то тоже была любовь, но такая, одноразовая! А эти появились, я тех сразу повыбрасывал. Только их обожаю. Это ж надо – такие ребятки! Фото все у меня. Сундучок завел. Крышку открываешь – говорит. Голосом самого. Я прям таю весь. И так сразу серьезно: «Обстановка стабилизируется, осталось определиться, мы вышли на большие размышления, на прямые телефонные переговоры, к 2000 году должно остановиться ухудшение. Падение ухудшения и нарастание улучшения будут происходить одновременно...» Ой!.. Ой!.. Лапочка. Это ж такая радость... Даже неважно, что он говорит, я балдею просто от тембра, от говорка. Как ветерок с духами. Ой, как повеет – все поры навстречу откроешь и впитываешь.

А другой тверденько так, крепенько: «Стабилизация прошла, центр ничего не отдаст. На местах пусть борются сами. Жесткая позиция центра плюс борьба за жизнь на местах стабилизируют связи. Мы не пойдем на повышение цен на бензин. Малообеспеченные слои останутся с бензином и керосином. Слой с бензином, слой с керосином. Запад пытался загнать нас в угол. Но мы в любом углу сохраняем бдительность».

Тверденько так, умненько.

«Западные банки хотели загнать наш банк в угол. Но наш банк раскусил все их маневры и умчался. Медь менять не будем. Чрезвычайное положение для уборки урожая пока применять не будем. Попробуем подождать, может, кто-то и уберет. Сторублевки поменяли, будем менять фотографии на паспортах и фамилии, это даст выигрыш двадцать три миллиарда. Что позволит нам омолодить население вдвое. За выдачу паспорта в шестнадцать лет надо будет внести десять тысяч рублей, что позволит нам при том же бюджете уменьшить население втрое. Пенсионные книжки будут выдаваться пенсионерам только при внесении двадцати тысяч рублей, что уменьшит население еще на двадцать миллионов. За больничный лист придется платить полторы тысячи, что даст выигрыш еще на миллионов тридцать человек. После всех вычетов нам остаются примерно миллионов сто двадцать чистыми, то есть здоровыми, трудоспособными, значит. Квартиры есть, продовольствие есть. А к рынку перейдем, когда нам будет надо! Когда захотим».

Нет, ребятки, я не могу. Умираю, люблю их всех. Первый говорит – сладость в душе возникает и по всему телу разливается: «Мы вышли на серьезные размышления. В стране настал момент, когда только слепой не видит, только глухой не слышит». Как песня. «Только слепой не видит, только глухой не слышит, как мы вышли и подошли к вопросу...» И сладко становится, во всем теле, и томно, и нежно в организме, что-то покалывает в затылке, и самый страшный бандит расслабляется, и из него вытекает вся дурь, все болезни... «Мы подошли к важным решениям». Неврастеники затихают, шизофреники молчат, самые стервозные бабы замирают, и только слеза в корыто – бух.

А тот, второй, пожестче: «Центр не отдаст. На местах могут повеситься – но мы все связи восстановим. Руду добудем, нефть продадим, дизеля запустим. Управление беру на себя. Непопулярные решения – раз! Непопулярные решения – два! Непопулярные решения – три!.. Так, посмотрим, что получилось... Эх! Население ни к черту! Землю брать не хотят, заводы

брать не хотят, только продукты и косметику. Так. Еще раз беру на себя. Непопулярные решения – раз, непопулярные решения – два, непопулярные решения – три... Стоп-стоп-стоп!.. Спокойно, спокойно... Даю передышку...» Обожаю!

И этот средний между ними. Красавец. Молодой. Сильный. Изумительный. Теперь в тюрьме оказался. Что-то не то сказал. Теперь молчит. Но молчит потрясающе. Высокий, стройный. Ему бы... Эх, вдвоем бы с ним! Нет, втроем... На закате, на поляночке. Когда взрослых нет. Под огурчик и миндальный ликер... Весь дом моделей на деревья бы позагоняли. И девочек, и мальчиков. Ой, обожаю! Планы у меня на них... Не могу их встретить. Дежурю на всех углах, где они проезжают. Хоть на пять минут. Тут однажды мелькнул такой хохолок-профилек. У меня сердце оборвалось – он, любимый. Пусть он будет в машине, пусть в чем хочет – только бы встретиться! Я умираю. Я готов встретиться с любым из них. Но он пусть будет первым. Птица моя. Радость. Орел любимый. Перехватчик. Убийца ласковый. Я твоя добыча. Я!

Колебания

Морально здесь нехорошо. Там нехорошо.
Материально здесь хорошо. Там еще лучше.
С женщинами здесь лучше. Там хуже.
С машинами здесь хуже. Там лучше.
С языком здесь лучше. Там хуже.
С квартирой там лучше. Здесь хуже.
С кино здесь хуже. Там лучше.
С балетом здесь лучше. Там хуже.
С болезнями здесь хуже. Там лучше.
С деньгами здесь – ничего. Там – ничего.
С одеждой здесь хуже. Там лучше.
С мясом там лучше. Здесь хуже.
С лекарствами там лучше. Здесь хуже.
С фруктами здесь хуже. Там лучше.
С углем здесь лучше. Там хуже.
С нефтью там хуже. С погодой здесь лучше.
Морально здесь хуже. Там хуже.

Позвольте, я останусь на месте, если можно назвать неподвижным предмет, находящийся в непрерывных колебаниях.

Формула счастья

Это чушь! Все внутри нас. Переезд не поможет. Не перевози несчастья. Не помещай свое безделье, бездарность, бескультурие в другое место, не порть его. Умей наслаждаться всем, что по пути. Не можешь двигаться вперед – наслаждайся поворотом, получи удовольствие от движения назад. И топтание на месте тренирует организм.

Ищи новое в знакомом. Копайся в изученном. Преврати дело в хобби, а хобби – в дело. Изучай потолок. Наслаждайся подробностями. Везут в тюрьму – получай удовольствие от поездки. Привезли – изучай опыт соседа.

Примем и запишем:

Склочник – норма. Деликатный – исключение.

Отсутствие чего-то – норма. Присутствие – исключение.

Нет – норма. Да – исключение.

Дождь – норма. Солнечный день – исключение. Отсутствие денег – норма. Присутствие – исключение.

Теснота – норма. Пустой автобус – исключение. Обязательность и точность – исключение. Хамство, вранье – нормальный разговор.

Тоска, подавленность, недовольство – нормальны, как фигура и национальность.

Богатство – не наша черта характера.

Здоровье – исключение. Болезнь – норма.

Попадание в больницу – правило. Выход из нее – исключение.

Тайн в личной и служебной жизни не бывает. Каждый шаг известен всем всегда, и все интимные слова произносятся на публику.

Эти знания делают человека счастливым и дарят каждый день, как исключение.

Выше на Север

В последнее, в самое последнее время стал почему-то много ездить, вернее летать, а может быть, путешествовать. Перед Новым годом полетел на Север. Тянет на Север всегда. Уж больно тянет. В Киеве мы ходили самолет выпрашивать. Дали. Все-таки великая страна. Книжку не выпросишь, а самолет дадут.

Ну, там обе стороны обставили это призывами и лозунгами: «В честь, во славу». Как просить чего, так нужен лозунг. Но стоит, стоит! День солнечный, мороз – двадцать градусов. Самолетик стоит сказочный, двигатели на крыше, как два глаза у лягушки. Я так перед ним и снялся, и принял его очертания, и снялся впереди него по своей отвратительной привычке бежать впереди паровоза и лететь впереди самолета.

Никаких расписаний. Летишь когда хочешь. Вылет откладывается! Экипаж нехай ждет приказаний. Мы всю береговую команду возили с собой. Два пилота впереди. Штурман с лампочкой сзади, радист сзади, механик посередь. Из КБ двое нормальных орлов, Орлов – это фамилия одного, второго не помню. В салоне мешки, парашюты, туалета нет – ведро за занавеской. Но все можно преодолеть, если вокруг все понимают. На мешках, на боковых скамьях – до Ленинграда. В Ленинграде взяли зимовщиков и на остров Средний – шесть часов. Кстати, шесть часов на мешках в шесть раз легче, чем на сиденьях Аэрофлота.

В общем, догнали ночь. Сели. За бортом минус сорок. На борту плюс двадцать пять. Печка работает прекрасно. Печка у него своя, все у него свое, у сказочного самолетика Ан-72. В самолете для артистов нас оказалось, прямо скажем, четверо, то есть две певички, певец и писатель, называющий себя сатириком для безопасности. Ну, мол, сатирик, что с него взять?

Остров Средний. Надо выходить. Разница в шестьдесят пять градусов Цельсия. А зимовщики подвезли в Ленинграде для артистов такие куртки – черный брезент, подбитый мехом, унты – нырнешь в них, как в два очка. Шапки у нас свои.

Аэродромы на Севере искать легко. По огоньку. Избаловала нас огнями городская жизнь. На Севере темно. Светло вверх – на небе, темно вниз, хотя бело. Сверху звезды, внизу пусто. Только штурман под лампочкой считает, считает линейкой, машинкой, чертит, беденький, трудится, выводит. Не пойму, как двигатели реактивные заводить. У Орлова узнал. Как взлетать и садиться, присмотрелся. А как на точку выводить через шесть часов, через три тысячи пятьсот километров – не понял и не спрашивал, чтоб не вдрыпаться часа на четыре. Но когда внизу огоньки параллельно курсу уходят вдаль, значит, все в порядке.

В наушниках все крепче голос. Остров. Прилетели – надо выходить. Когда по узкому трапику мешком падаешь в снег – паника. Все в пару. Мы окружены танками. Фары, пар, гул моторов. Танки!

Все правда. Во-первых, ночь. Отныне неделю будет ночь, просыпаться, обедать, ужинать – по договоренности. Электрический свет горит всегда. Значит, минус сорок, ночь сквозь пар, фары, танки, медведи, люди, пограничники. Мы уже на границе. Медведи оказались собаками, молчаливыми и крайне мохнатыми. Люди – пограничниками, танки – вездеходами.

Между прочим, чем мороз сильнее, тем люди лучше. Поэтому и возможна жизнь. Боже мой, думаю я, где я встречал таких доброжелательных, деликатных людей, где-то я их уже видел.

Между прочим, в унты, шубы, шапки, шарфы одеты только мы. Пограничники в сапогах, куртках, ушанки вверх, ворот расстегнут, лапы дубовые. Дубовые, и все. Что дать ему руку, что дизель пожать... Псы крайне доброжелательные, хотя к ним претензии. У них кое-какие соглашения с медведями, то есть они на медведя не лают, и он их не трогает. Приспособились.

Американцы не видны, главный враг – медведь. А псы с ним в договоре. В принципе, конечно, иждивенцы. Чувствуют вину, не лают совершенно, хвостами не виляют. Отодвинется – даст место. Люди также деликатны.

Черт его знает, спишь там до одурения, где чего, кто куда – не понимаешь. Окна от холода забиты одеялами под деревянные планки. Как свет погасил – все. Проснулся. А-а! Где? Кто? Снится? Не снится? В пещере? В самолете? В Москве? В Одессе? Ни черта. Ни зги. На нечеловеческий крик кто-то включил свет.

– Тьфу! Мы ж на Севере.

Туалет-то теплый, но в районе талии, внизу все сорок завывают. А тебе защититься нечем. Нечем, и все. Не дай бог, что-то с организмом и ты задержишься. Выходишь оттуда бледный, руки дрожат. Там же не выкопаешь. Поэтому чем старше город, тем выше туалет, в самом старом обозреваешь местность с высоты птичьего полета – к чему мы и стремимся. Просто хотелось взойти на что-то поприличнее.

Где же я видел таких доброжелательных, улыбчивых людей?

Неподалеку очень приятно звучит дизелек, вертя динамо. Вокруг летчики. Это называется гостиница для летчиков. Кстати, в люксе – нормальный смывной туалет. Вот и пойді разберись, чье общество менее разделено. Советчики и антисоветчики.

Наша продолжительность жизни двадцатым пунктом. 63–64. Мало живем. Меньше всех других. Безразлично тянем. Выпьем, вскипим, чего-то нафантазируем. «Я е... ть, могу е... ть... Мне должны, я построю е... ть» – и тишина. Не положено по рангу ни одежды, ни жратвы, ни денег, ни лекарств. Только и праздник – выпить. Сами на себя наплевали, сами себя приучили так жить, так надо – обстоятельства, трудности. Ну, а раз согласны так жить, на кого ж кричать, с кем воевать? Антисоветчики за жратву борются, за теплый унитаз, за зарплату человеческую. Может, действительно антисоветчики?

Наловчился перебегать в столовую без шапки и пальто. Собаки отскакивают. Между прочим, спокойный морозец. То есть народ не простуживается. Замерзнуть можно навсегда, но не простудиться. Микробов в воздухе нет. Нет скопления людей, и никакой гадости. Горло не болит, голова ясная, слева поет начальник аэропорта, вооруженный до зубов. У него вторые сутки гулянье. Пьют промывочную, обмывочную, прополаскивающую жидкость, в военных самолетах много чего залито. «Есть два предложения: первое – выпить, второе – немедленно выпить. Прошу голосовать».

А мы ждем. Летчики тренируют посадку на льдину, там надо уложиться в четыреста метров. Самолет может. Надо и им. Не будят, уходят тихо. Сколько внимания, шуму «днем», и полная тишина, когда спишь. Я сплю уже сутки, а летчики хотят знакомиться, душу излить. Выходишь ночью в туалет, в коридоре полно огромных людей, все говорят: «Доброе утро, можно автограф?» – «Здоровья, счастья», – и вновь спать. Где же я видел таких людей?

Летчики вероломно слетали на СП-28 в технический рейс. Сели, взлетели, туда три часа, обратно, там потренировались, чтоб завтра нас привезти. Жалеют артистов. Не хотят упасть вместе с нами. А пока концерт на острове. Кстати, прекрасная публика. Все соображают, хохочут как бешеные. Соскучились, истосковались... Никто у них не был. Телевизор смотрят.

Потом мы мчались на метеостанцию по синему снегу на бронетранспортере АТС – артиллерийский транспортер средний. Мотает его, кидает. Тепло внутри и кисло. Водитель Толя на рычагах. Управление простое – отжал фрикцион, нажал тормоз. Две педали, два рычага – это в одну сторону. Обратно он уже ехал выпимши и всем предлагал свой рычаг: «А ну, Михаил, тяни». С воем чуть не опрокинувшись.

– То-то. Думаешь, легко?

А всюду брошенные бочки. Весь Север – бочки. Наскочив на крепкую бочку, с диким креном взлетели, гусеница в воздухе, головой – об потолок.

– То-то, Михаил, а ты думал.

– А чего я думал? Я ничего не думал. Я тебя уважаю.

На метеостанции чисто. Дизельки работают, радиостанция чирикает. Тепло. Дом каменный. Главное лакомство – картошка жареная. Для них. Для нас – хлеб. Хлеб удивительный, довоенный, дореволюционный, досоветский. Главное – научить солдата печь хлеб. Полковник с ними терпелив бесконечно.

– Не торопись. Дай взойти, следи за жаром. Соли не переложил. Самое вкусное, как во время войны, – кусок хлеба с маслом и джемом, хлеб пружинистый, пропеченный, ноздреватый, хрустящий, белый, его ешь без конца. Еще хлеба, еще хлеба. Все потеряли под крики: «Хлеб – главное, берегите хлеб. Хлеб – всему голова». Обдемагодили все. Такому хлебу, который мы пытаемся жрать в городах, только и дорога в урну, скоту, свиньям, кому угодно.

На столе копченый муксун и строганина – мороженная рыба стружками загнутыми. Тряхнешь тарелку – стучит. Соус острый томатный. Берешь стружечку, макаешь в соус, а потом кладешь туда, куда обычно, – там она тает, ну, тут, конечно, смешно без водочки. Поэтому есть водка, спирт, и всегда будет. Извините.

Метеостанция полярная, и люди хорошие, и вопросы наивные:

– Михаил Михалыч, почему люди уезжают? Я понять не могу.

Как ему объяснишь? Сразу скучно, скучно:

– И ты же, Петя, откуда-то уехал вот сюда. Тебе здесь нравится, а там нет... Ну? А другому там нравится, а здесь нет. Для чего же поезда, Петя? Для чего бесконечно изобретают велосипед и совершенствуют самолет? Чтоб ехать, Петя. Не надо, Петя, держать людей. Хватит несчастных и без этого. Пусть мчится, пусть там пробует, пусть обратно возвращается. Кому нужна граница на замке? Где их запирать? В государстве? А может, в городах? А может, в домах? А может, в чуланах? Ехать – не ехать, жениться – не жениться, у каждого свои дела. Это в принципе... Почему едут? Скорее всего, потому, что нельзя, а еще потому, что там больше платят. Кстати, ты поехал так же.

Они говорят: мыс Челюскинцев – от слова челюсть и ЗФИ – Земля Франца Иосифа. Медведя боимся все. В туалет с берданкой. Карабин при нас. Одного медведя раздели – атлет. Человеческая фигура, мышцы огромные. Прыгает на шесть метров. Убивает человека ударом лапы – даже зрачки не успевают расшириться, снимает скальп и выедает живот. Больше ничего.

Итак, самое вкусное у нас – живот. Я теперь его берегу. Приятно носить такое лакомство. На голых медведь не нападает, видимо теряется, на пьяных вроде бы тоже – брезгует, поэтому попадают молодые солдаты. Застрелить медведя стоит тысячу рублей, а угробить полярника – пятьсот. Вот как-то так ставится вопрос. Ну, имеется в виду привезти на Большую землю и похоронить.

Летим на СП-28. Три часа. Я прирожденный летчик и провожу время в кабине. Ну, там темно, лампочки приборов – это вы все знаете. В окнах темно. Вот они закричали. Появился самолет. Второй. Пилоты раскачивают самолет. Оказывается, очень важно выпустить левую ногу. Самолет новый, летит с юга, там влага, здесь мороз, и нога не выходит. Болтает самолет. Потом посылают двух человек. Они ломами, тросами, веревками полуавтоматически выталкивают ногу до состояния замка. Появились огни СП. Мы включили прожектор, и все оказалось белое – снег!

Станция – это два-три огня, полоса – шесть-восемь параллельных огней. Мы сделали пару заходов и – на посадку. Встречают с факелами, ракетницами. Мороз не сильный – минус двадцать семь. Начальник молодой – Конязин. Все в бородах, унтах – интеллигенты. На санях от полосы – на тракторе – до кают-компания с километр. Кают-компания из двух комнат метров тридцать. Жара. Домики карболитовые, что очень вредно. Карболит испаряется и отравляет живое. Работают, не жалуются. А что нас может отравить или оскорбить? Какой вред нам можно причинить после всего, что было.

В кают-компании шведский стол. То есть Европа! Два пацана-повара. Бифштексы, или лангеты, или шницеля, или отбивные (их всегда путаешь) вертикально стоят, жареная картошка на подносе, компот в графине. Посуду моем сами горячей водой и квачом на палке, затем прогулка по станции. Ну, там гидрологи, у них палатка и дыра во льду. В дыре лампа не дает черной воде замерзнуть, вокруг лампы полуобмороженные креветки, и видна нижняя кромка льда. От поверхности метров десять – такой толщины лед. Можно жить. Подо льдом, по-моему, народу больше. Но это военная тайна.

На льду сидит интеллигенция. Дрейфующая интеллигенция, бородатые, плоские, все понимающие – те, кто меня любит, и кого – я. Часть из них, что не уехала на Север или куда еще, ударились в кооперативы – обивает двери, высчитывает обмены. Часть сбежала туда, на лед, на полюс. Кстати, и эти уехали. Только уехали на полюс. Главное – оторваться от нашей жизни. Какое это счастье – оторваться от нашей жизни. Два пути у человека – ближе к власти или дальше. Кто-то выбирает дальше. На полюсе люди, которые смылись от указивок и проработок. Даже если на все просьбы будет ответ: «Дозволяю», – то рано или поздно повесишься. Так живет деревенский племянник у городского дяди.

– Можно я стул возьму?

– Бери, бери.

– А можно я во двор пойду?

– Иди, иди!

Бери-бери, иди-иди – тихое помешательство, переходящее в сумасшедший бунт. На стадии тихого помешательства люди разбегаются кто куда. Часть на Восток. Часть на Запад. До райкома далеко. Делай свое.

– О нас говорят, что мы в экстремальных условиях. Вот жена моя – да. Как она эту посылку собирала? Где продукты брала? А потому и морячок никак не решится сойти на берег. На всем готовом. Плавает и плавает, прикидываясь романтиком. Штормы, риск, крен, обледенение. Нормальная жизнь в море.

А вранье, а подозрительность, а унижение, унижение, унижение – кто ж сойдет, кто ж влезет в это опять и навсегда? Еще плавать, еще ходить. Там на СП еще есть ИЗС (слежение за спутниками) и вообще домиков пять-шесть. У гидрометеорологов туалет теплый, то есть пенопласт, радиатор, стульчак – счастье.

После концерта у них коньячок и как высший признак доверия и любви две вялых мандаринки. Бежим к самолету. Снег синий скрипит, как жесть. Зажгли факелы, какие-то бенгальские огни, звезды на небе. Грустно и прекрасно. И я вспомнил, где я видел таких добрых деликатных людей. В монастыре. Это мы, когда нам не надо доставать, воровать, проникать и выискивать. Это мы – когда мы заняты делом.

Капитану-наставнику Петрову П. О.

Тебе шестьдесят, Паша!

В условиях, когда вторая половина жизни начинается после двадцати, ты прожил четыре трети и чувствуешь себя прекрасно. Это я вижу по своему саду, полям и твоей бодрой походке. А насчет твоего увлечения судовождением, то правильно сказал один человек: невежество построило себе страну и пугает нас словом «родина».

За словом «родина» скромно сидят ОВИР, НКВД и выездная комиссия обкома. «Родина не простит...», «Родина не забудет...» Мать ее за ногу, рычащую р-родину в лице парткома пароходства. Наша родина – где больше нас, смею думать, порядочных, смею думать, добрых, смею думать, терпимых, смею думать, знающих свое, а не чужое.

Пусть резвятся спецы по чужим жизням – у них своя Родина, у нас – своя. Невежество построило эту страну под себя. Невежество и воровство приняло законы, по которым тебя обыскивали, когда ты уходил и когда возвращался. По воровским законам здесь так ценятся зажигалка и бусы и совсем не ценится образование. По их воровским законам дешевле всего жизнь, дороже всего – воровской авторитет. В этой обстановке больших и малых лагерей, целования в зад самого темного, самого наглого, непрерывной борьбы за примитивную еду и остатки здравого смысла мы росли и развивались, вернее, росли и становились старше.

Донашивай, Павел, заграничные вещи, допивай греческий коньяк и утешай себя мыслью, что сгорел ты правильно, и из ЧМП вылетел правильно, и на низкой зарплате сидишь правильно. Зачем там специалист, служащий немим укором, а может, и не немим. Флот есть флот, его держит на плаву только то, что он выходит отсюда. И люди жизнь кладут, чтоб туда попасть, и зубами, ногами, веревками держат его на поверхности, но и это им в вину.

До сих пор ни одной профессиональной проблемы ни один партком в мире (если есть еще в мире парткомы) не разобрал – только мочеполовые, тряпично-бабские: кто с кем, куда, зачем... По мозгам и проблемы. Ну что ж, оставим ишаку ишаково. Эти ребята по запаху могут определить, из какой каюты ты вышел и что привез. Жизнь они, конечно, ломают мастерски. Ну, ломать – не строить, тут за полгода научишься.

Так что тебе – шестьдесят, а телеграммы от министра нет, что тоже правильно, и даже нет никого из пароходства с красным адресом и часами-будильником, что тоже правильно. И ты вынужден сидеть с нами, и ничего в этом веселого нет, как нет ничего веселого в этом тексте, как нет ничего веселого в любом дне рождения. Ну что ж, как говорит мама, спасибо за это! Могло быть хуже, а может, и будет. В этой стране пророком быть нетрудно.

Но, оглядывая себя в зеркале, я остаюсь оптимистом. Видишь, как у нас получилось: у меня – успехи в труде, у тебя – счастье в личной жизни. И ты правильно держишься за Лилу, которая держится за тебя, и дочь у тебя красавица, и сын где-то... И есть еще этот город, где уже не осталось никакой воды, никакого воздуха и юмора, только солнце и высокая касторка, красотой и бесполезностью напоминающая моих женщин.

Счастья тебе, Павел, в нашем окружении. Твое утешение – в нашем окружении. Наше окружение – тебе в награду.

Твоя личная Родина помнит и любит тебя!

Будь здоров, счастлив, женат, береги нас, чтобы мы тебя в суматохе не оставили.

Опять жалко нас

Жалко нас. Никто за нас не хочет пройти наш путь. Придется нам. Жалко нас. Жалко. Не надо впадать в отчаяние. Я думаю, что мы преодолеем. Мы – это, конечно, не мы теперешние, а все мы с последующими. Теперешних нас, конечно, жалко. Из того, что обещали, – ничего, ни они нам, ни мы им. Что умели – забыли. Что умеем – никому не нужно.

Живем меньше всех, болеем потому что!.. Производство потому что старое и грязное. И нам его надо выключить. Совсем... Оно нам ничего не дает: ни одежды, ни машин. А нельзя выключить, потому что мы тогда не будем похожи на державу. А сейчас похожи. И мы тогда не сумеем объяснить, чего добились за семьдесят лет. А сейчас мы говорим: посмотрите... И все действительно видят дымы, сполохи, составы...

– А почему же вы такие оборванные?

Этого мы объяснить не можем и тащимся на производство, а вечером домой. И не можем объяснить: почему мы утром тащимся на производство, а вечером домой?.. На производство, чтоб, значит... а домой, чтоб еще раз... Нет, наоборот.

Конечно, жалко нас, тем более, что производство, обрывая старую одежду, не делает новой. А воздух отравляет... Так же и хозяйство, почти не давая продуктов, здорово при этом отравляет воду навозом, то есть хозяйство практически проедает то, что производит, а производство то, что производит, тут же переплавляет, выделяя при этом газы в среду обитания, потому что им больше некуда... И было бы понятно: полно мяса и фруктов – жри, хотя там яд. Или масса авто – езжай, хоть там газ. Красивая смерть от переедания и путешествий. Но выделять яд вместо продуктов и газ вместо машин – нехорошо. И ходить на производство, чтоб там выделять еще больше яду и газу, еще больше нехорошо. Но многие ходят, чтоб не быть одному и спросить друг друга, отчего это так происходит и есть ли другой путь, кроме ранней смерти от пищевой недостаточности и воздушных отравлений? Очевидно, есть, беседуют они, но как на него попасть? Чужих просить стыдно, чтоб казаться Державой, а свои могут и не понять.

Предлагают разные версии, так некому начинать. А если кто и начнет, все на него смотрят. Он силится казаться счастливым, а потом перестает и тихо подвывает, все громче переходя от рулады к руладе, чтоб привлечь к себе внимание. Но у нас несчастный внимания не привлекает, только счастливый и поющий бесплатно. Это в основном дети. Потом и они разбираются, затихают и уже живут так просто, без внимания и без видимых причин.

Конечно, сейчас жить стало гораздо интереснее, хотя и бессмысленно. Возникают довольно крупные конфликты на небольшой разнице в имуществе. Большой она быть не может. Семьдесят лет следили, старались стучать... Некоторые, потеряв интерес к замкнутому производству, догадываются, что их настоящие враги живут где-то в низине или за лесом. Они говорят, что именно эти люди мешают им жить, и на грузовиках едут их искать, и находят, и жгут их небольшое имущество, чтоб вернуться и вздохнуть свободно.

Однако ничего не скажешь, жить осталось гораздо интереснее. Только жаль, если недолго. Это будет жаль. Хотя недолго жить мы привыкли. Тем более сейчас, в переходный период от одной неясной жизни к другой...

На государство работать перестали, на себя еще не начали, поэтому много аварий. Провожая поезд с родственниками, мы уже не знаем, куда мы их провожаем.

Очень хочется подойти к образованному человеку и вежливо спросить, не знает ли он случайно, когда кончится переходный период и что для этого нужно, и нельзя ли эксперимент проводить в другом месте, где нет людей, и действительно ли нужно работать еще лучше, просто так, вдруг, с двадцатого числа, или, может быть, подождать.

Работать еще лучше – мы слышали всю свою жизнь. А так как никакого результата не было, то кажется, они хотели, чтоб мы не работали, а мучились – пришел к восьми и мучаешься до пяти; и все зрители радуются. Так что этот способ мы знаем. А нет ли другого, если поискать?

Мы бы могли забастовкой поддержать. Так вроде она уже давно идет. Осталось воду отключить. Хотя и от этого только здоровее будем...

В общем, мы можем потерпеть, но хорошо терпят, когда знают для чего. Очень знать хочется. А не будем знать, то возникает неприятное ощущение, что на этом все кончится.

– Как? Только что было целое общество, огромное, бурное, с парламентом?!

– Все... Нет больше. Кончилось.

«Эпицентр – это не сам центр...»

Эпицентр – это не сам центр, а наше отношение к нему.

* * *

Он такой красивый. Его умыть, одеть и можно подавать к столу.

* * *

Снова простая вещь. Гуляешь небрежно одетый по суровому морозу в окрестностях, где живешь. Гуляешь, гуляешь. Обратно нечем. Автобуса нет. Гуляешь назад до полного окончания. Случайно попадаешь домой. Раздеваешься в тепле, садишься к письменному столу. И пишешь, пишешь и получаешь наслаждение. Не от работы, конечно, от тепла.

* * *

На дверях КГБ: «Прием граждан круглосуточно».

– А выдача когда?

Вначале были правы те, кто уехал.

Потом недолго были правы те, кто остался.

Потом долго были правы те, кто уехал.

И опять недолго правы те, кто остался.

Сейчас снова правы те, кто уехал.

Хотя когда-нибудь слова «уехать» и «возвратиться» будут значить одно и то же. Это будет зависеть от того, куда еврея поставишь лицом.

Почему здесь так коротко живут друзья? Поживут, поживут, приучат к себе и исчезают. Ни один не остается с тобой. Умирают, уезжают, превращаются в других.

Язык воспоминаний – на нем сегодня и не поговоришь.

Очень коротко живут в этой стране люди, дома, могилы.

Чуть-чуть – и не с кем, одни последние известия.

Мы жизнь не выбирали – мы в нее попали, как лисица в капкан. А будешь освобождать лисицу, она тебе лицо порвет.

* * *

У человека, вычисляющего национальность, – жизнь язвенника. Все наслаждаются, а ему того нельзя, этого нельзя...

* * *

Чего больше всего хочется, когда влезешь наверх? Плюнуть вниз.

* * *

Сам капризен и витиеват.

Сути не имею. Любовью не болею.
Слов не держу. Звоню когда хочу.
Когда хочу немею.
Когда хочу, когда могу,
Когда могу – жалею.
Неудовлетворенными остались наши вертикальные потребности.
Жизнь свелась к сбору горизонтальных благ.

* * *

Да. Вся штука в том, что ты стремишься в институт, в консерваторию, в скрипку, в науку, в спорт, лезешь наверх, напрягая все силы, чтобы доказать, что ты не еврей.

И наступает момент, когда ты становишься не евреем, а Ойстрахом, Гилельсом, Плисецкой или Пеле.

Но всегда будут люди выше или наравне с тобой, и для них ты опять еврей.

И что тебе тут посоветовать, кроме как принять, наконец, это звание и умереть среди своих.

* * *

У нас в Приднестровье воевать труднее, чем в Афганистане.

Форма одинаковая, лица одинаковые, язык одинаковый.

– Так чего же вы воюете?

– Чтоб ответить на этот вопрос.

– Папа, – сказал сын антисемиту. – Я еврей!

– Как?

– А вот так.

* * *

Когда чувствуется, что весь мир лжет? Когда тебе в самолете объявляют, что разница во времени между Москвой и Нью-Йорком всего восемь часов.

* * *

– Я впервые в вашей стране, – сказала американка.

– Мы тоже, – сказали мы.

– Не представляю, – сказала американка.

– Вот, вот, вот, – сказали мы.

– Вы знаете, я бы здесь, наверное... – сказала американка.

– Вот, вот, вот, – сказали мы.

– Как вы здесь живете?

– Надо! Кому-то надо, – сказали мы.

– И это вы?

– И это мы, – сказали мы.

И со всех сторон пошло уважение.

А иностранцы думают, что у нас видеоманитофонов нет, за овощами очередь, вода с перебоями, мяса нет, купаться нельзя, надеть нечего. Ну и черт с ними. Чего их переубеждать.

* * *

Я дошел до того, что могу позвонить в Америку, сказать, что у меня хорошее настроение, и положить трубку.

* * *

Прогноз погоды: во второй половине дня кратковременный дождь, гроза, ураган, град, катаклизм, ужас, конец света, спасайтесь!

* * *

У нас с женой договор: поймаешь – стреляй!

Эмигрант

- Сквозь щели в асфальте – бледные ростки свободы и жалкие вопросы к уехавшим.
- Скажите, вы вернетесь?
 - А вы сделайте как надо, и мы вернемся.
 - Ладно. А что именно сделать?
 - Сделайте свободу и изобилие, сделайте культуру и передвижение, и мы вернемся.
 - Ладно. Хорошо...
- И обе стороны с дикой тоской и безнадежностью избегают глаз друг друга.
- А если мы все сделаем, вы вернетесь?
 - Да, конечно, а как же, естественно.
 - А там чего? Лучше, что ли, вам?
 - Да как сказать... свои проблемы... Там не рай...
 - Да?
 - Там далеко не рай.
 - Да? А чего там?
 - Ну не рай. Всего не расскажешь. Надо жить там, чтоб понять.
 - А чтоб понять как здесь?
 - Необязательно. Можно жить и там. Там не рай. С одной стороны, вроде все есть, а с другой – душа болит за нас.
 - За кого?
 - За нас, за нас. Но привык уже.
 - Что душа болит?
 - Жить там привык.
 - Вы ж говорили, что здесь привыкли.
 - Раньше – да. Раньше здесь привык. А сейчас там привык.
 - А где же у вас теперь эта, ну сейчас уже не говорят, ну родина?
 - А какое это имеет значение? Где творю – там и родина.
 - Так вы, извините, вы об нас пишете?
 - Обязательно. Это однозначно.
 - А живете там?
 - Да, оттуда видней. Отойти надо слегка и прищуриться. Тогда вся громада, все ваши несчастья видны.
 - Это да. Нам тут все не видны.
 - Да, вам только часть видна.
 - Нам и этого, конечно...
 - Нет, этого мало.
 - Нам хватает.
 - Вам хватает, чтоб жить, а чтоб понять – отъехать надо. И я скажу тебе: приезжаешь сюда, здесь такой мрак, такое хамство, такая грязь... В туалетах вонь. А как вы относитесь друг к другу, как вы относитесь друг к другу... Доннер веттер, облицайтен, ранген, шпацирен, блюхер верк, цумбай шпиль.
 - Чего?
 - Темнота, понимаешь? А ваши машины? Платья у вас нельзя трогать руками, а хлеб можно. Этого нет ни в одной стране мира... А как она подает?! Как она подает?! Ей что, улыбнуться, карген, бурген, жалко? Ну скажи, что у нее отвалится, если она улыбнется?.. Если ты уже дождался, грехен, бульхен, бортюнгине...
 - Это вы мотом?

- Не, у нас мата нет.
- А у нас есть еще.
- Да, помню, помню... А как вы тут живете? Как вы тут живете, я не знаю?!
- И я не знаю.
- Вот и я не знаю. Может, действительно каждый заслуживает того, чего заслуживает.
- Может.
- Да и как вернуться? Дети мои уже не мы, понимаешь?
- Как, они же русские?!
- Были, были.
- А снова не хотят?
- Удавятся и меня удавят.
- А если мы все здесь сделаем: и свободу, и продукты...
- Этого мало, херр, надо и культуру, и вежливость, и вымытые продукты, и тишину по утрам, и чистый воздух, и разные машины, и сосиски с капустой, и пиво, и четкость, и пунктуальность, и вековые демократические традиции.
- Так это же будет Германия.
- Вот тогда мы и вернемся.

Наш путь

А мне лично все равно, хоть еврей, хоть турок, хоть кто.

Но если ты еврей, ты помнить должен, не забывать. Ты мне раньше всех встань и явись-удавись, и доложь-положь.

Я вообще интернационалист, мне все равно, мать их, кто там бурит в углу, хоть казах, хоть кто, лишь бы бурил-давился, мне чтоб дело делал-мучился-страдал. Я всех гадов насквозь вижу с ихними хитростями-прикидками-прищуром. Ты умный – лезь в забой, долби-задыхайся, трамбуй-ковыряй, работай, гад, у меня на глазах, уважай линию партии, укрепляй ее, мерзотник, мелкий пакостник, крупным трудом и гибелью своей, вкалывай-пропадай и возделывай-подыхай лучшую жизнь, потом по читальням будешь бегать справа-налево, слева-направо, очками сверкать в разные стороны.

А страна наша – страна уважения к крупному, грубому, политому соленым потом физическому труду, омоченному кровью вредителей, лодырей и мелких пакостников.

Крупно, крупно и крепко на крови стоят Магадан, Воркута, Ухта, Инта. Стоят, не валятся. Крепкая кладка на крови и белках вредителей-паскуд и мерзотников разных национальностей, а также и героев наших. На века стоят. Не храм на крови – край огромный огнями играет.

И мороз-снег не страшен. Не страшен, нет и нет, не страшен!

Руками, бушлатами, лопатами, языками чистим-вылизываем камни, ложась трупами на обочины: все чисто, проезжайте, товарищи, чисто все!

Нельзя, нельзя ему жизнь давать-ценить. Он себе сразу и только, только и сразу халабуду-ящик поставит и будет жить, мерзотник, только и явно для себя, колукаясь в дерьме своих соток, пожирая национальных птиц и государственные корни, вредя великому делу прокладки новых путей эпохи, гласящей крупно и твердо: умри, подохни здесь, и здесь, и здесь, и дальше, ибо бездорожье в великой схватке двух систем, одна из которых построена на эксплуатации, другая – на гибели, на светлой гибели сознательно лежащих вниз лицом и образующих дорогу телами своих строителей.

Нельзя, нельзя нам строить без гибели – стоять не будет. Рухнет к чертям, пылью взорвется – возрадуется.

Нету техники, нет умения, нет желания. Только на крови стоит – что Петрово, что Сталиново. Кровь ему качество дает. Когда под каждой шпалой лежит наш скромный герой – и ходит дорога «Москва – Воркута». Ибо очень большие длины и очень много шпал нужно. А всего не хватает, кроме людей. Вот и вперед, вперед!.. Ни что сзади, ни что посередине – только вперед, чтоб выиграть сражение, пока они нас техникой не задавили.

Наша сила в людях, в том, что мы их не считаем. Первые в мире. Мы бросаем их на пулеметы, забрасываем ими ямы, выравниваем ими дороги. Чтоб пройти. Больше у нас ничего нет. Мы серые, мы отсталые, да и у командиров таланту мало... Только людьюма, умеющими кусаться, царапаться, выламывать и вырывать кости в тихой ночной борьбе. Людьюма! Не считая. Начнем считать – пропадем. Посчитаем – пропадем, умрем – не доползем.

Поэтому, не считая, вперед, до той конечной цели, которая там должна быть, мы ее все равно обозначим громадной гибелью своей. Ибо мы – первые.

Не здесь и здесь

Что сказать тем, кто не был? Что сказать тем, кто хочет?

Счастье я испытываю только здесь, под Москвой, и, кто-то будет смеяться, в средней полосе России. Когда прошел дождь или лес в снегу. Главное, чтоб легко открывалось окно. Я поражался обилию еды, машин, вещей, но там мне нечего было сказать, некому было сказать и незачем было говорить. Незачем было думать. Я мог думать только о нас, говорить только с нашими.

Как бы ты себя ни вел, что-то в тебе есть от твоей страны, что порождает желание подарить что-нибудь. «Это только раз стиранное, это ненадеванное, это тебе будет как раз». Брал, конечно, что ж я могу сделать, если я представитель страны, как нас учили, где ничего нет, как мы сами знаем, и я ничего не могу ни подарить, ни противопоставить, только дождь и лето, снег и лес, громыхающую перестройку. Но все это осталось дома. Пьешь, ешь из чьих-то рук. А деньги там достаются трудно, и вид у нас у всех неважный. И ценности мои, которыми я здесь горжусь, там незначительны, и мышление неприменимо.

Туда трудно приезжать отсюда, там нужно сразу жить лет двенадцать-пятнадцать или родиться и снять проблему. Ты будешь спокойным, спортивным и улыбающимся, из проблем у тебя будут только собственные: любит – не любит, смогу – не смогу. Государства ты не будешь видеть в упор, да оно тебе и не нужно. Ты будешь молча удивляться, если не будет билета, и просто уходить, это настолько необычно, что даже не подлежит выяснению. Ты будешь прислушиваться к себе и выяснять только то, что ты хочешь, не интересуясь тем, есть ли оно. Ты будешь заниматься конструированием, считая прибыль и планируя свой отдых. Большой ли смысл приехать туда даже хорошо? Имея работу, допустим концерты. И жить в хорошем отеле, что сводится к кондиционеру и пейзажу. Лежать на матрасе у бассейна в окружении чужой речи. Если даже красивая женщина скажет тебе: «Екскюз ми», – ты ей максимум скажешь: «Екскюз ми». Там, когда ты сыт, тебя убивает невозможность разговора с женщиной. Она начинает сомневаться в своей красоте, а ты – в своем уме. Если бы ты собрался там жить, ты б яростно учил язык и вышел через пять-шесть лет на средний пуэрто-риканский уровень, чтоб подобраться к средней женщине такой же разорванной судьбы. Ты лежишь среди чужой речи, у тебя ампутирован язык, блеск, остроумие, а физическая красота, которую ты привез из страны с плохим питанием, здесь никого не интересует. И ты лежишь, читая русские журналы.

– I am from Moscow.

– O, glasnost.

Да... да, это все, что ты заработал. Ни ты их, ни они тебя больше не интересуют, ты пополз к воде и присел среди чужих детей. Затем такой же обед, где полчаса тыча пальцем, объясняя, хохоча и плача, ты получаешь не то, что хотел, и ешь его, стесняясь. Затем на лифте едешь к себе в номер 1020 и сидишь, тускло глядя на экран телевизора. Там десять программ или двадцать, а тебе все равно – хоть триста. Или же в театре, где тебе тоже все равно, тем более если это что-то современное в авангардной постановке. И наши все внимательны, и возятся с тобой, и дарят что-то, и кормят. Но, ей-богу, для тебя это не самая лучшая роль. Мой совет: родиться там, пока не поздно. А уж коли ваши родители встретились и полюбили здесь друг друга, нам трудно там и плохо здесь. И нет у нас другого, как изменять жизнь здесь, вначале приближая ее к той, а потом и уходя.

Со своими проблемами и несчастьями ты и здесь неизвестно кто, а там совсем, как кошка на сцене. Куда бы вы ни побежали, вы мешаєте всем и не можете играть ничего, кроме кошки на сцене.

Отсутствие женского общества. С двумя долларами и тремя словами для женщины, которая вам понравилась, вы полубродяга или полусумасшедший. Мы об успехе не говорим, но они там так огибают взглядом. Воскресная улица запружена народом, масса девушек, все смотрят, и ни одна не видит вас. Здесь хоть ты обратишь внимание чудовищной глупостью или старым анекдотом, там, открыв рот, ты вспоминаешь, что из него вылетают незнакомые слова с дурацким же хохотом. Эффект разительный. К моральному одиночеству прибавляется физическое.

К вывозу красивых жен отсюда отношусь сочувственно. Лучше разводиться здесь. Там у вас хватит проблем. Конечно, она вас любит, и по ее инициативе вы побежали в ОВИР, и вы, конечно, там будете искать и найдете работу, и сразу же начнете вкалывать в диком темпе, и вам хватит стрессов и нагрузок, чтоб слегка измениться. Вы уже не любите как прежде – ни времени, ни здоровья. А там-то не то что здесь, а наоборот, там богатство беспредельно, а бедность имеет предел, и всегда найдется он – лет шестидесяти, безумно элегантный, одинокий, седой, в чудовищном «Мерседесе», со своей горой. Да, у него своя гора, внизу спортзалы, вверху рестораны. Как бы вас ни любили, но этот вариант... такое бывает раз в жизни. И: «Я буду жить неподалеку, ты будешь приезжать с детьми. Он такой хороший, он все понимает, ты знаешь, когда мы говорим по телефону, он выходит».

Конечно, это не о вас, конечно, ваша останется с вами, как говорила моя бабушка: «Твоя от тебя не уйдет», хотя большинство уходит. Кто его знает, может, они должны быть не так красивы, как преданны. Но ведь и богатство беспредельно. Представляете, живут в городке наши люди, работают, постепенно богатеют и вдруг: «Миша, представляешь, приезжает шейх из Кувейта и купает здесь все, а мы думали, богаче Гриши и нет никого».

Нет, нужно родиться там, тогда вам не кажется подозрительным такое количество счастливых лиц. А может, они и не счастливые, просто в улыбках. С детства они не чувствуют государство, а любят страну. Рискую тавтологией, скажу, уж больно наоборот у нас, уж очень больно наоборот. Страну, что мы любили, заменило государство, его невозможно любить, как бы ты ни изворачивался. Нас пугают родиной с какими-то длинными руками, цепкими пальцами, которая тебя достанет, где бы ты ни был. Там любят не родину и не государство, там любят свою страну, и на себе носят ее флаг, и поют ее гимн у костра. Мы свой гимн не поем. Мы только можем встать под эту музыку в память о погибших.

Страна должна что-то сделать для своих людей. Сколько можно разглядывать свое будущее, ползущее рядом, согнутое на палке, со слезящимися глазами и дрожащими руками?

Страна должна что-то сделать для своих людей. Нет народа. Нет населения. Есть люди. Хоть проститутка, хоть нищий, ты выбрал это дело сам. Это то, что ты умеешь и этим еще кого-то кормишь.

И гостя там никто не боится, накормить и уложить его – одно удовольствие. Конечно, лучше всего с этим родиться, чтоб не спрашивать и не удивляться. Печально. Но не так уж плохо. Может, мы нужны здесь?

Этнические конфликты

Чувство национального выбора тонкая вещь. Почему комары не вызывают отвращения, а тараканы вызывают? Хотя комары налетают, пьют самое дорогое, а тараканы просто противные. Противные, отвратные, и все.

Куда бы они ни побежали, откуда бы ни выбежали, все с криком за ними. А комары... Хорошо, чтобы не было. Но если есть, ну пусть, ну что делать, в обществе все должны быть. Кроме тараканов, конечно.

Тигров любим, шакалов нет. Хотя тигр подкрадется, набросится, разорвет не то что одного, а целое КБ. Инженеров сожрет, руководство покалечит, веранду разрушит и уснет глубоко удовлетворенный. А шакал?.. Кто слышал, чтоб кого-то разорвал шакал? За что мы его ненавидим? Противный. Да. А тот красавец полосатый – убийца, это доказано. И еще на территории претендует. Ничего, пусть будет среди нас. А шакалов гнать.

Где логика? Шакал разве виноват? В своем обществе он разве противный? Он такой, как все. Это когда он попадает в другое общество, там он кажется противным. Но если ихняя мама смотрит на себя в зеркало или на своих детей, разве они ей кажутся такими противными, как нам? Или она себе в молодости казалась ужасной? С горбом, клыками, какая есть на самом деле. Да нет. Нормальная.

И среди шакалов есть свои красавцы и свои бедняки. Есть и богачи, хотя все имеют вид нищих и бомжей. Но это на наш взгляд. Им тоже противно, что мы торчим вертикально, шерсть носим только на голове. А вместо клыков протезы. И подкрасться толком ни к кому не можем. А падаль едим так же, как они, и еще ее варим для чего-то. А очки? А животы? Мы очень противные в обществе шакалов. Я уж не говорю о том, что разговор не сумеем поддержать.

Или, как любят говорить, представляете ли вы свою дочь в постели с... и так далее.

У всех есть и нежность, и любовь, и страдания.

Так что в национальном вопросе нужно быть очень осторожным.

Евреи

Почему у нас диктатура и свобода вызывают позыв антисемитизма? При диктатуре – сверху, при демократии – снизу.

– Евреи принесли много вреда России, – тепло сказал мне зав. отделом юмора «ЛГ». – Ты ведь не станешь отрицать, Миша?

Что я мог отрицать, что я мог утверждать? Этот разговор не терпит доказательств. Требуется одна убежденность. У него она была. А мне нужно собирать факты, а их у меня не было.

– Евреи – масонская организация. Они не нация, они организация.

– Какая? Сколько «с» в этом слове?

– Надо знать, если ты там состоишь, – она мне тоже говорила в самый лучший между нами момент. – Ты даже не знаешь. Но ты там состоишь.

Какой смысл состоять, если не знаешь?

– Вы английский шпион.

– Согласен.

– Вы масон.

– Конечно.

– Вы импотент.

– Нет. Могу доказать.

– Посмотри состав первого правительства: восемьдесят процентов – евреи.

– Изя, это правда?

– Правда, Миша.

И мы сидим подавленные.

Евреи стреляли в царя. Евреи убивали евреев. И мы сидим подавленные. Евреи учат нас всему плохому. Евреи разрушают города. Если это делают русские, то учат их евреи. За Сталиным стоял еврей, за царем стоял еврей, за Наполеоном стоял еврей, за Эйнштейном стоял еврей... Почему же они так любят вторые роли?

Мы, видимо, нашли друг друга и, к обоюдному ужасу, не можем расстаться.

Это редкое счастье – иметь на все случаи своего виноватого, который виноват, что приехал, и виноват, что уехал, что стрелял в Ленина и что промахнулся...

И большое счастье иметь такого товарища, что вспомнит тебе все, о чем ты не знаешь.

– Вы убиваете своих.

– И вы убиваете своих.

– Вы обманываете.

– И вы обманываете.

– Вы нас презираете.

– И вы нас презираете.

– Вы слишком умные.

– И вы слишком умные.

– Вы оккупанты.

– И вы оккупанты...

Мы будем вечной несчастной семьей, ибо никакие другие люди не считают, что всеми их действиями кто-то руководит. Большая дружба скреплена почему-то только одной кровью.

Пусть евреи придумали самое жуткое государственное устройство, но почему они смогли его применить именно здесь? Они разрушили соборы и синагоги... Ребята, а вы все где были? Как вы позволили этим гадам? Да вы же их уже не раз хватали за задницу, били, стреляли, увольняли, не принимали, не обучали, пятую графу ввели... Почему эти гады так изворачиваются, почему они меняют имена, отчества, фамилии, пишутся русскими? Для чего это им так

нужно, если они вами командуют? И еще из хитрости, для отвода глаз, командуя Сталиным, убили своих лучших писателей и поэтов.

– Ну это так им надо было...

Большой смысл в этом разговоре:

– Он противный – и все.

– И все?

– Да. Очень противный – и все, и все...

Так и тянет сказать: тебе ж не повезло дико. Страна у тебя, к сожалению, многонациональная, тебе ж чистить и чистить. Это ж когда только ты всех вычистишь?! Это ж когда только ты заживешь по-человечески?!

Путевые заметки

Спокойно, не переживайте, жить негде, мы в ловушке, весь земной шар – дерьмо. Поздравляю!

Чисто, стерильно, качественно, тщательно, протерто. Германия. Матерь всех наших побед.

Скучно так, что можно повеситься на входе и на выходе. Свиная нога с капустой, пюре, пивом. На московский желудок обожрешься до оловянных глаз. Тут они начинают петь марши, надевать мундиры, бежать строем через Берлин. Двести тысяч бегут. А ты опять еврей. А они опять бегут. Молча. Девушки выносят пиво. В магазинах полно. Они здороваются и маршем куда-то бегут.

Большая свобода. «Ваш мальчик брал у нашего велосипед, там соскочила цепь. Вот счет».

Да, влюблены. Да, держатся за руки. В кафе, да. Пьют левыми руками, правые руки оторвали только один раз, чтобы рассчитаться. Оба. Каждый за себя.

Конечно, это их дело. Но нам-то что там?

Один наш в ихней бане, где все вместе – мужчины и женщины (первый обычай, что мне понравился), сказал среди немцев на плохом английском языке:

– Да что ж вы в сухом пару? Хотите, я вам покажу настоящий пар?

Все молчали.

Он плеснул, достал, принес, отбил, поколотил, перевернул.

Все молчали.

Хозяин по просьбе присутствующих попросил его больше не приходить.

В Германии стерильно, качественно, полезно. Постели себе в аптеке и ложись. Свобода полная. Только не принято. Это не принято, то не принято. Все не принято.

Красиво, сытно, богато и далеко. Америка, едрен-ть!

Грандиозно! Десяносто ТВ-программ! Океаны, каньоны, шельфы! Пока не заболеешь. Они не виноваты, и ты не виноват. У тебя плюс сорок, ты вызываешь «скорую», Emergency, которая тридцать минут разговаривает с тобой по-английски по телефону, а ты плохо. И тебе плохо. Ну плохо тебе. Было хорошо, было очень хорошо, и вдруг стало плохо. Организм, сука, не вынес впечатлений, не вынес вопросов «Как вам нравится Америка?» и выдал сто двадцать пять по Фаренгейту с загадочным желудочным гриппом. То есть ты практически не знаешь, за что хвататься: за кровать или за туалет.

А ты застрахован, не застрахован? А тебе сколько лет? А ты как приехал? А ты у кого живешь?

Нехороший получается разговор – один в кресле, другой на унитазе. И ты ошибаешься все чаще. А у тебя ночь. Все знают, что организм дает дрозда именно ночью. Днем он занят впечатлениями. И ты после сорока минут сдержанной беседы желудком чувствуешь, что они не приедут. И они не приезжают.

И правильно делают. Ты выживаешь сам. Потому что Америка тебе тихо шепчет: «Будь богатым, дурачок. Не останавливайся». Америка тебе шепчет: «Бедных во всем мире так лечат. Бедные они. И лечат их так, бедных».

А в Тель-Авиве наоборот. Тетка моя с гипертоническим кризом вызвала «скорую» по старой памяти. Приехали два амбала из Армии спасения. «Эмерженсы» с большим крестом. Вынесли, повезли, привезли, положили в коридоре. Шесть часов она лежала, никто к ней не подошел, ей стало легче, она встала и ушла сама. Незаметно... Но ошиблась. Счет пришел на сто шекелей за перевоз тела. Сейчас чувствует себя как никогда.

– Какое давление? Какие таблетки? Какие уколы? Мы работаем под аплодисменты, за нами мир следит. Несварение? Вырежем желудок, легкие, печень, вставим все от бабуина,

через три дня уйдешь под аплодисменты – и на дерево. Но ты должен быть богатым. Пойми, нам нет смысла.

Конечно нет. Конечно, я понимаю. У нас в России медицина тоже хорошая, просто лекарств нет, инструментов нет, коек нет, еды нет и выхаживать некому. Резать есть кому. Желающих полно. Число хирургов на улице растет не по дням... Зашивать некому и заживать нигде.

Дальше!

Сказочная страна, голубое море, белое солнце, вечная зелень, свежие соки, дикие фрукты. Тель-Авив – сказка. Красивей Израиля не бывает. В магазинах опять полно. Порции такие, что тебя раздувает, как дирижабль. А жрать надо, не брать же деньгами. Да тебе деньгами и не дают.

Шмоток полно. Базар такой, что от зелени, помидоров, слив, рыб, дынь, арбузов, картошки величиной с собаку, кукурузы вареной с солью, колбасы телячьей, поросячьей, индюшачьей, халвы тахинной, черешен, фасоли молодой, салата, селедки, водки, пива, соков, давленных тут же, и криков: «Я сегодня сошел с ума, берите все за один шекель!» – ты становишься сумасшедшим.

А еще Иисус Христос, а еще вся Библия на самом деле, и Вифлеем, и Голгофа, и Гроб Господень, и царь Ирод. Все на самом деле!!! И желтая пустыня, и Мертвое море, где женщины плавают в позах, которые раньше видел я один. Такое это Мертвое море.

И Красное море с коралловыми рифами и рыбами таких наглых расцветок и нахальства, что хочется спросить их: «У вас что, врагов здесь нет? А акулы? А русские? Да у нас на Черном море, если б ты даже сидел под камнем и был бы цвета свежепролитого мазута, тебя бы выковыряли, распотрошили и зажарили в твоём собственном машинном масле. А здесь ты нагло меня, Мишу Жванецкого, хвостом в пах. Я понимаю, что ты голубой с желтым. Жаль, я сыт. И жаль, ты не приезжаешь к нам на Черное море, ты б там поплавал».

И рощи оливковые и апельсиновые, где фонарями сквозь зелень светят апельсины, и никто не жрет их...

И вот среди этой роскоши, природы и жизни шатаются люди, которые на неродной родине были евреями, а на родной наконец стали русскими и вокруг себя распространяют текст: «Это все поверхностный взгляд, Миша. Ты в восторге. Ты же не успеваешь глянуть вглубь». Да, не успеваю. Или – нет, не успеваю. Как это было по-русски? Конечно, не успеваю. Конечно, поверхностный взгляд. То, что мы в Москве умираем с голоду, тоже поверхностный взгляд. Но каких два разных поверхностных взгляда.

– У нас тяжело, Миша.

Да, у вас тяжело. А у нас плохо. «Опять разница небольшая, но опять очень существенная», – как любил говорить великий юморист и бывший президент.

Да, среди сказочной и самой красивой в мире библейской страны сидят четыреста пятьдесят тысяч недовольных советских евреев. Их русские жены счастливы! Их русские дети от их русских жен от бывших русских мужей давно выучили язык и стали евреями, и только эти остаются русскими, и говорят по-русски, и не могут спросить, как проехать, и не могут забыть, как они были главными механиками и гинекологами, и сидят на балконе, и смотрят в даль, которой на новой родине нет.

А как я уже говорил, количество сволочей постоянно и неизменно. Уезжаешь от одних и радостно приезжаешь к другим. Там тебе говорили «жидовская морда», тут тебе объяснили, что ты «русская сволочь». И ты уже можешь понять, что чувствует русский патриот.

– Миша, здесь жить очень тяжело. Хотя там жить было невозможно.

– Да. И в далекой Австралии животный мир интересней человеческого.

– Понимаешь, Миша, выехав, мы убедились: всюду плохо. Просто есть места, где хуже, чем плохо. А есть где опасней, чем плохо.

Но никто ни разу не сказал, что хорошо там, где сытно. И когда ты с восторгом перелистываешь колбасу и включаешь автоматическую коробку передач, твой старый друг, твой друг детства, человек, с которым ты перепил и переговорил всю жизнь, смотрит на тебя как на идиота.

– Что машина? – говорит. – Она кусок железа! Что выпивка? Это здесь не проблема. Вот где бы заработать?

– Да, – говоришь ты, – а у нас как раз выпивка – проблема, а колбаса – роскошь, а зарабатывать не проблема, но вылечиться нельзя. Ну, Шура, что будем делать?

– Давай опять договоримся. Мы опять дадим им срок. Два года.

– Кому?

– Твоим правителям и моим. И если за два года они ничего не исправят, мы уедем.

– Опять?

– Да. Ты отсюда, я оттуда.

– И куда?

– Куда-куда? В нейтральную страну. Поедем к черным и будем там белыми.

– Или поедем к белым и будем там...

– Ладно. Давай дадим им пять лет...

– Хорошо. Дадим им пять лет. Если они ничего не сделают...

– Мы умрем.

– Нет. Мы так напьемся, что им будет стыдно. И еще одно, главное. Главное, чтобы нас не выбрали правителями, потому что... Кроме проклятий...

– Я хотел тебе сказать, Шура, чтоб ты не возвращался. У тебя такая национальность. Там и раньше было не для тебя, а сейчас...

– А я хотел тебе сказать, Миша, чтоб ты не приезжал. У тебя такой жанр...

– Алло! Я хотел тебе сказать...

– Алло!..

– Алло! Не возвращайся...

– Алло! Не приезжай!..

– Алло! Ты меня слышишь? Мы в ловушке под названием земной шар. Если вырвешься, позвони.

Америка на этот раз!

Пишу и лечу в самолете USA.

Оказывается, хорошо, когда тебя не знают. Вокруг все говорят на непонятном языке. Ты сидишь и вдруг сам заговариваешь на еще более непонятном языке!

– Что вас поразило в Америке?..

– То, что я говорю на непонятном языке.

Могли бы дать и полную банку томатного сока, а не стаканчик. Ну бог с ними. Ручку, кстати, держать все тяжелее, мыслить все мучительнее. Бросить бы и то и другое и растянуться в Одессе, в Аркадии, на плитах. Но надо лететь.

Догадываюсь и лечу. Лечу и догадываюсь. Бросить бы и то и другое на полпути. Но сюжет завершить надо. Читатели ждут. Пересмотрел прессу «US today» и «People»... «Люди», кстати, еще как-то, но «пипл». Вот противные среди них – это пипл. А есть такие вумен, еле пипл унесешь. Пошутил, черт возьми.

Родина приближается неумолимо. Ощущение опасности, пьянства и женщин. Родина – царство этих трех понятий.

Теперь о том, откуда удаляюсь. Дома там у наших огромные, как райкомы КПСС. Внизу белые рояли, бассейны и джакузи. С родиной связь через живопись. Вошел в картину и вышел в снег к курятнику.

Джакузи.

Между прочим, не крупа для кур. Это такая ванна, туда садишься, а она бурлит вокруг. Ты сам спокоен, а вокруг все бурлит. А когда вокруг все бурлит и в тебе все бурлит, это уже наш митинг.

Бассейн кривой, как фасоль, в нем так и плавают, наталкиваясь и отскакивая, человек ведь плавает по прямой, а бассейн кривой.

Дальше, вернее, выше. Со второго этажа видны горы и море. Не горе и море, как в Одессе, а горы и море. Снизу пахнет жареным мясом, это не из рояля, а из барбекю. Барбекю, джакузи и «Сандуны» – разные вещи.

О! Плохо запахло! Стюардессы приступили к раздаче ланча. Ланч – это не обед. Это ланч. После трех-четырех ланчей появляются бодрость, подвижность и пропадает аппетит. Ланчеватость.

Заслышав запах ланча, вся USA рвет в другую сторону. В нем что: чикен, жаренная на собственных костях, фасоль, сваренная на воде, зелень, выращенная на воде, бисквит, высушенный без воды. Рядом соусы. При незнании языка салат получаешь с вареньем и чай с горчицей. Никогда я так быстро не отвыкал от еды. За месяц из «пятьдесят четвертый размер – второй рост» в «пятьдесят второй – первый рост». К вечеру очень помогает барбекю, и вы впервые в жизни артиста ложитесь спать с пустым желудком, и впервые вам не жалко себя, а радостно. Какая здоровая страна.

Барбекю – чтоб она горела, это не кушетка, это народная шашлычница Америки на сетевом газу с приборами и автоматическим управлением. То, что она делает, я описывать не буду, потому что из-за нее похудел на два размера. Бросьте туда мясо, а потом ползите в угол и грызьте его, придерживая лапой.

В USA есть все. Все, что вы захотите, там есть. Только нужно искать. Вернее, искать мы привыкли – нужно найти... А чтоб найти, нужно искать и находить. Потому что есть все, кроме того, что ищешь. Хотя и это есть, но нужно искать. Поэтому все долго покупают то, что не нужно, чтоб потом не искать. В общем, вы берете все, что видели по телевизору. Такой нож! У ведущего в руках он режет сначала молоток, потом помидор. У вас в руках он не режет ни молоток, ни помидор. Вы к нему привыкаете и уже не можете без него. Авто огромная,

как линкор, она капотом закрывает полмира, а за багажником другой город, стоит копейки, потому что потом все сожрет, но родная, как тетя. Как же с ней расстаться. Эти очень хорошие вещи продать невозможно. Они падают в цене, как только куплены. И все дарят. Можно дарить дальше. Пока в самом конце кто-нибудь один, которому стукнуло шестьдесят, не окажется заваленным...

Сэйл, барбекю и иншуренс – это не родственники. Сэйл – это распродажа, где вы со свистом берете все, что не нужно. Ну как же – магазин уезжает и распродает по дешевке то, что ему не нужно. Вы хватаете, и это уже не нужно вам. Это сэйл. На то, что нужно, сэйла не бывает.

Иншуренс – это тоже не родственник – это страховка, где тоже застраховано все, что не нужно, то есть то, что ломается один раз. Допустим, череп. А вот зубы – нет. В общем, вы так долго и хорошо лечите то, что не нужно, что оно начинает болеть и его лечить уже нужно. Постепенно иншуренс охватывает все тело, кроме тех органов, что ломаются. Вы тратите все больше денег, а когда что-то ломается, вы узнаете, что оно страховкой не покрыто, вы добавляете денег и покрываете то, что сломалось, а за это время ломается непокрытое.

Ситуация сказочная: всего полно, все есть, хотя почему-то не все счастливы. Почему же не все счастливы, спросите вы, знакомясь с населением, особенно с его русской частью. Столько счастья вокруг, а в глаза оно не попадает. А несчастливы как раз те, которым что-то нужно в данный момент. Допустим, ваш перелом и их врач. Они не соединяются.

Или что-то крупное, купленное неудачно! Его ни поменять, ни сдать, ни бросить. Казалось бы, можно продать. Но кому? Оно же куплено неудачно. Допустим, дом, где москиты. Значит, вы выбираете зиму и, краснея, говорите, что ни одного комара. Так и есть. Вы не врете в данный момент, жаль только, что вы в эту страну приехали позже других. Вот что вам мешает, и это уже не изменить.

Депозиты, моргиджи, лоны. Это не закуски, это ваши отношения с банком, развивающиеся по ниспадающей: от бурных объяснений вниз к могиле, которая тоже его собственность.

Велфер, гринкарта, лайсингс – это не болезни, это суставы отношений с государством по нарастающей от недоверия к большой односторонней любви.

Теперь американские женщины.

Это не лианы, не дикий виноград, ничего вьющегося и обвивающегося. Это одинокостоящие прямоторчащие засухоустойчивые независимые колючие растения. Красивых женщин много, хотя их не видно. Видимо, они не там, где их можно увидеть лично, они на экране, в рекламе, высоко в офисе, далеко в горах.

Они не хотят быть объектом сексуальных притязаний. И я их понимаю. Но кто же будет?

Я думаю, найдут. Первый, кто найдет им замену, дико разбогатеет. А пока они бегут, прыгают, волокут штангу, бьют ногой в пах и по фигуре уже не отличаются от мужчин. Остался пустяк, который они отстроят за два-три года.

Кстати о спорте: мы считали, что в USA нет толстяков... Не заметил, чтоб их не было. Наоборот, очень много очень толстых женщин в мини. Это открыто, красиво, бугристо. Наводит на мысль об альпинизме. Они тоже не желают быть о. с.п., то есть объектом сексуальных притязаний, им хочется придать своей жизни официальный статус.

Резюме: те, кто уехал, чтобы не вкалывать, а делать деньги, с удивлением убедились, что тут надо вкалывать, а в это время на Родине делают деньги. И последнее: в американском самолете чисто, быстро и нет хамства, это понимаешь и без языка. В нашем самолете мало того что можешь упасть, но, когда я спросил у стюардессы, есть ли у нее лед, она поинтересовалась, а есть ли у меня коньки.

Это действительно смешно.

Целую вас. Ваш ледчик Миша.

На американском телевидении

Документальная история

Соединенные Штаты Америки. Шеф телевидения, переводчик и я.

Шеф телевидения. Давайте читайте ваш юмор, что-нибудь без политики. Мы будем переводить.

Я. Женщин умных не бывает. Есть прелесть какие глупенькие и ужас какие дуры.

Переводчик. Наш друг из Советского Союза утверждает, что умных женщин не бывает вообще. Бывают не такие умные и очень неумные.

Шеф. Абсолютно, что ли?

Переводчик. Да.

Шеф. Это, конечно, кому как повезет. Что ж ему так не везло? Ну и что здесь смешного?

Переводчик. Ну... в словосочетании, что умных женщин нет, есть неумные.

Шеф. М-да... И они там смеются?

Переводчик. Он говорит – да.

Шеф. Ну пусть пошутит еще.

Я. Я вчера видел раков по пять рублей, но больших. А сегодня были по три рубля, но маленькие. Те были большие, но по пять. А эти маленькие, но по три. Те были вчера, но по пять, но очень большие, но вчера, но по пять, но очень большие. А эти маленькие, но по три, но сегодня. А те вчера, но оче...

Шеф. Так, все, хватит. Переводите.

Переводчик. Он говорит, что вчера видел... там такие омары речные. Большие.

Шеф. А разве речные омары большие?

Переводчик. Ну вот он говорит, что видел больших. И их цена была пять рублей. А сегодня он видел маленьких речных омаров. По три рубля. И вот он вспоминает. Что те были по пять рублей, потому что были большие, а...

Шеф. Это вчерашние, что ли?

Переводчик. Да. А сегодняшние были по три рубля, потому что были маленькие.

Шеф. Ну и что?

Переводчик. Ну вот он и шутит, что те вчерашние продавались по пять, потому что были большие, шутит он, а сегодняшние продавались по три, потому что были маленькие.

Шеф. И что, он говорит, что он там популярен?

Переводчик. Он говорит – да.

Шеф. Он один это говорит или еще хоть кто-нибудь говорит?

Переводчик. Ну вот наш атташе по культуре – просто с пеной у рта... Он же его рекомендовал.

Шеф. Так. Ну-ка еще повторите мне про этих омаров. Я хочу разобраться.

Переводчик. Он говорит... Что вчера видел омаров по пять рублей – больших. А сегодня видел по три рубля – маленьких. Вот он там повторяет, что те были по пять рублей, потому что были большие... А сегодняшние были по три рубля, потому что были маленькие...

Шеф. Так. А почему вчерашние не были сегодня по три?

Переводчик. Ну, видимо, там вчерашних не бывает, они все съедают в тот же день.

Шеф. Значит, если я его правильно понял, вчера он видел больших омаров, поэтому они были по пять. Сегодня он видел маленьких омаров, поэтому они были по три.

Переводчик. Да.

Шеф. И они там смеются?

Переводчик. Он говорит – умирают.

Шеф. Так. Клинтон точно тоже проиграет эти выборы. Я не вижу толку в помощи этой стране! Мы бросаем миллиарды, а они не знают, что такое рынок! Смеяться над тем, что большие омары по пять, а маленькие по три!.. Они понятия не имеют о купле-продаже. Это сумасшедший дом! Спросите, им что, выдавали этих омаров на пайки?

Переводчик. Простите, вам что, выдавали омаров на пайки?

Я. Омаров на пайки?!.. Это Эн-би-си или сумасшедший дом?

Шеф. Что он кричит?

Переводчик. Он кричит, что у нас сумасшедший дом.

Шеф. Так. Все! Спросите, у него есть какие-нибудь шутки о сталинских репрессиях?

Переводчик. Нет. Он говорит – нет.

Шеф. И что, он говорит, что публика смеется на его концертах?

Переводчик. Да, он говорит – смеется.

Шеф. И наш атташе смеялся?

Переводчик. Да, он сам это видел.

Шеф. У меня нет основания ему не верить. Он абсолютно без юмора, значит, честный парень. Так. Скажите ему спасибо. Скажите, что он нам очень помог. Он, конечно, никакой не юморист, он политик. Мы его дадим под рубрикой: «Смотрите, кому помогает Америка!»

Удар с предоплатой

Государственный разговор в дорогом ресторане

– Поймите! От развитых стран нам требуется не помощь, а партнерство. Объясняю, как это все происходит. Вы даете деньги – мы равноправно участвуем, то есть мы высказываем свой взгляд на наши проблемы.

Вы не просто нам даете деньги, вы получаете взамен наше виденье наших проблем.

Вот как в этом ресторане. Мы вас пригласили, так? Вы оплачиваете и взамен получаете вот эти блюда. Но мы не оставляем вас без внимания и наших консультаций. Здесь наши знания и наш опыт неоценимы. Ибо мы здесь живем. В этом и открытость нашей экономики сегодня.

Да, сегодня мы за ваши деньги угощаем вас вашими продуктами. Но вы получаете от нас нечто более ценное – анализ сегодняшней ситуации и, если хотите, прогноз. Но и это не все: преимущество мы отдаем той помощи, которая влечет за собой другую помощь, более мощную и длительную. То есть речь уже идет о поддержке, которую вы нам можете оказать, и за это вам, конечно, придется бороться с другими. В этом, еще раз подчеркиваю, открытость нашей экономики и даже, скажем четко, ее суть.

Кстати, эти первые взносы, которые мы получаем от вас за право оказать нам помощь, – ничто по сравнению с той борьбой, которая развернется за право помогать нам через два-три года.

Ведь мы у вас можем брать все. Начиная от лекарств, кончая деньгами.

Причем возможности наши неограниченны. Мы будем брать у вас фильмы, программы, телеигры, даже реплики «оставайтесь с нами» и подтяжки ведущих, все это мы у вас берем. И к этому мы будем еще брать у вас деньги на осуществление всего этого. И это только начало.

Но за право нам помогать вам придется побороться. В основном с нами на первых порах!

Наша ментальность... видите, мы и это слово взяли у вас. Так вот, наша ментальность позволяет нам принимать помощь от вас, только если вы будете воспринимать наши проклятия в ваш адрес с благодарностью. Обвиняя вас в заговоре, лишая виз, не давая вам никаких прав, лишая всяких надежд на прибыль и подставляя под пули наших новых, мы устанавливаем тот баланс интересов, которым мы уравниваем вашу помощь.

Вы меня поняли? Это и будет тем стимулом, который подтолкнет вас на наш рынок.

А рынок у нас огромный. Я не представляю даже, что нам сегодня не нужно. В чем мы свирепо не нуждаемся. Любой гвоздь. Обломки кирпича. Отходы вашей пищебумажной продукции. Нет, я не оговорился: пища – пищебумажной продукции. Любые проповеди и музыкальные инструменты. Причем все это с обслуживанием запчастями и гарантией. Это в крупных городах. А глубинка вообще... Там будут рады, даже если вы осенью проедете мимо них. На чем угодно. Это будет незабываемо и для вас, и для них. Поэтому никого не слушайте, везите деньги, машины, продовольствие.

А в качестве ответной платы мы требуем только одного – принять нас в Совет Европы, в Парижский клуб, в Совет развитых стран и в Миротворческий процесс. И конечно, учитывая, какие возможности мы предоставляем вам, мы вправе требовать в процессе расширения НАТО отхода от наших границ, то есть расширяться – сужаясь. Но здесь я уже касаюсь военной доктрины.

Так вот! Вы, конечно, должны дать нам возможность угрожать вам, а может, и нанести первый ядерный удар, если мы восстановимся до такой степени с вашей помощью, на что мы тоже вправе рассчитывать.

Таким образом, предлагаемый нами баланс взаимных интересов наступит только после того, как вы на деле, а не на словах вложите деньги в нашу военную стратегическую промышленность.

ленность, чтобы мы могли нанести по вам удар. Причем внезапный – и это наше условие. Но, естественно, с вашей предоплатой.

Воюем, братцы, воюем

Я, наверное, последний, кто усомнился в человечности человечества. Я последний, кто думал, что правители их толкают. Сами не воюют, а прокричат: «Вперед!» и «Назад!»

Да, конечно, может, так и было, пока не было телевидения. Сейчас бой транслируют. Белье гладишь и бой смотришь. Завтра продолжение. Не скажу, что захватывает. Драматизма много, а драматургии нет.

Причина всего одна. Одни сказали: это наше, другие сказали: нет, и все.

Ни свобода слова, ни демократия, все это никакой роли не играет. Никто за свободу умирать не пойдет. И искать тех, кто мешает нам жить, никто не пойдет. Их же надо искать, они же мешают где-то в стороне. Год уже какой, а принцип семнадцатый. Верный, точный и поднимающий: бери – твое!

Стали бы они иначе воевать с таким вдохновением. Лица веселые. Стоят вокруг миномета, подчеркиваю – стоят! – уши зажали: «Давай!» Один мину в трубу бросает. Все весело взглядом провожают. Есть! Точно в санаторий. Хорошие, веселые ребятки, в майках и тапочках домашних. Чтоб было удобнее воевать. Босиком на танке. А вокруг пляжи, магазины, девушки загорают, а ты на танке.

– У! Черноглазая! Лезь на танк. Поедем по магазинам противника искать.

Как они врага отличают? Один в бороде, и другой в бороде. Оба матом по-русски. Может, по татуировкам? Говорят, повязки надевают. Повязку поменял и в тыл врага ушел. Продавцов с ума сводить.

– Вроде ваши уже были? Или это враги были?

В общем, какие-то враги были, все забрали, всех девиц перетоптали. Хотите по второму разу, приходите по второму, чтоб глубже в тыл противнику зайти. Конечно, интересно. Конечно, весело. Это не в болотах сидеть. Сейчас холода начнутся, может, боевые действия прекратятся, потому что холодно будет. Кто в дождь воюет? Или за городом? Только среди отдыхающих. В торговых рядах. И добираются туда мгновенно. Добровольческие объединения. Броском! Ночью вышли, утром прибежали. И победили. Потому что те сразу себе поражение записали. Они же думали, что это грабеж, а это война. И между прочим, за независимость.

Женщины, бедные, так теперь жалеют, что в политике не разбирались. Их сперва те, кто за независимость, потом те, кто за целостность, а самыми первыми была группа захвата. А потом разведка прибежала.

Она, бедная, в объятиях бьется:

– А вы меня за что?

– За независимость.

– А кто ж тогда был этот лысый?

– Это был наш главный враг.

– А он мне понравился...

Мирное население страдает, конечно. Но в этом весь смысл. Кто ж будет воевать там, где никого нет.

Опять гибнут старики и дети. А на ком еще свою силу показывать?! Не на регулярных же войсках! Это ж не будет тогда за независимость.

Как не воевать, когда по подвалам вино есть, барашки где-то блеют, не понимая, что этим себя выдают. У барашка противник все. И у женщины. И у ребенка. Что он понимает, годовалый, шевеля обрубочком ножки? Что он понимает?!

Где чья независимость! Кто чего добился, начав войну? И все справочники у них правильные. Убивают детей, ради которых все это затеяли. А если еще платят за выбитый глаз, за челюсть врага... Кто-то платит, чтобы откупиться от личной войны.

Девочка-снайпер на чердаке птички ставит. Раньше на домик хватало двадцать два – двадцать три врага. Теперь тридцать три – тридцать четыре, инфляция.

И в России смена растет. В черных рубашках. Идейные. Дай им только... Через день замелькают. С женскими ожерельями на шеях и золотыми зубами в карманах. Этим у них закончится идея.

Интересно им всем воевать. Свежо, захватывающе. И весело. И сексуально, и раскованно. По-молодежному. Все там есть, кроме причины...

И еще мешают цивилизованные. Они не хотят, чтоб какой-то народ исчез вообще. Хотя он очень мерзкий.

Очень тяжело у телевизора. Вроде выходной, а все куда-то побежали, все куда-то стреляют. Так что психически слабые и материально неустойчивые не выдерживают и присоединяются. Терять-то нечего.

Главное, вспомнить, какую территорию не отдать.

Главное – какую территорию не отдать... А кому не отдать? Это не вопрос. Мы найдем. Мы ему голову откроем.

Вперед назад

Ну слава Богу.

Я и так никогда не терял оптимизма, а последние события меня просто окрылили.

Я же говорил: «Или я буду жить хорошо, или мои произведения станут бессмертными».

И жизнь опять повернулась в сторону произведений.

А они мне кричали: «Все! У вас кризис, вы в метро три года не были. О чем вы писать теперь будете? Все теперь об этом. Теперь вообще права человека. Теперь свобода личности выше народа».

Критика сверкала: «Вечно пьяный, жрущий, толстомордый, все время с бокалом» – это я.

А я всегда с бокалом, потому что понимал: ненадолго.

Все по словам. А я по лицам. Я слов не знаю, я лица понимаю. Когда все стали кричать: «Свобода!» – и я вместе со всеми пошел смотреть по лицам.

Нормально все. Наши люди.

Они на свободу не потянут. Они нарушать любят.

Ты ему запрети все, чтоб он нарушал. Это он понимает.

– Это кто сделал?

– Где?

– Вот.

– Что сделал?

– Что сделал, я вижу. А кто это сделал?

– А что, здесь запрещено?

– Запрещено.

– Это не я.

Наша свобода – это то, что мы делаем, когда никто не видит.

Стены лифтов, туалеты вокзалов, колеса чужих машин.

Это и есть наша свобода.

Нам руки впереди мешают. Руки сзади – другое дело.

И команды не впереди, а сзади, то есть не зовут, а посылают.

Это совсем другое дело.

Можно глаза закрыть и подчиниться – левое плечо вперед, марш, стоп, отдыхать!

Так что народ сейчас правильно требует порядка.

Это у нас в крови – обязательность, пунктуальность и эта... честность и чистота.

Мы жили среди порядка все семьдесят лет и не можем отвыкнуть.

Наша свобода – бардак. Наша мечта – порядок в бардаке. Разница небольшая, но некоторые ее чувствуют. Они нам и сообщают: вот сейчас демократия, а вот сейчас диктатура.

То, что при демократии печатается, при диктатуре говорится.

При диктатуре все боятся вопроса, при демократии ответа.

При диктатуре больше балета и анекдотов, при демократии – поездок и ограблений.

Крупного животного страха – одинаково.

При диктатуре могут прибить сверху, при демократии – снизу.

При полном порядке – со всех сторон.

Сказать, что милиция при диктатуре нас защищает, будет некоторым преувеличением. Она нас охраняет. Особенно в местах заключения.

Это было и есть.

А на улице, в воздушной и водной среде это дело самих обороняющихся, поэтому количество погибших в войнах равно количеству погибших в мирное время... У нас...

В общем, наша свобода хотя и отличается от диктатуры, но не так резко, чтоб в этом мог разобраться малообразованный человек, допустим, писатель или военный.

Многих волнует судьба сатирика, который процветает в оранжерейных условиях диктатуры пролетариата и гибнет в невыносимых условиях расцвета свободы.

Но это все якобы.

Просто в тепличных условиях подполья он ярче виден и четче слышен. И у него самого ясные ориентиры.

Он сидит на цепи и лает на проходящий поезд, то есть предмет, лай, цепь и коэффициент полезного действия ясны каждому.

В условиях свободы сатирик без цепи, хотя в ошейнике.

Где он в данный момент – неизвестно.

Его лай слышен то в войсках, то на базаре, то под забором самого Кремля, а чаще он сосредоточенно ищет блох, с огромной тоской по ужину.

И дурак понимает, что в сидении на цепи больше духовности и проникновения в свой внутренний мир. Ибо бег за цепь можно проделать только в воображении, что всегда интересно читателям.

Конечно, писателю не мешало бы отсидеть в тюрьме для высокого качества литературы, покидающей организм. Но, честно говоря, не хочется. И так идешь на многое: путаница с семьями, свидания с детьми... Тюрьма – это уже чересчур.

Что сегодня радует – предчувствие нового подполья.

Кончились волнения, беготня, снова на кухне, снова намеки, снова главное управление культуры и повышенные обязательства, снова тебе кричат: «Вы своими произведениями унижаете советского человека», а ты кричишь: «А вы своим велосипедом его калечите».

Красота! Тот, кто нас снова загоняет в подполье, не подозревает, с какими профессионалами имеет дело.

Сказанное оттуда по всем законам акустики в десять раз сильнее и громче, и лозунг руководства «Работать завтра лучше, чем сегодня» – в подполье толкуют однозначно: сегодня работать смысла не имеет.

Приступ пессимизма

Нет больше Родины и Народа. Под этим именем никто не хочет выступать. Есть Я, осуществляемое с большим трудом.

Время кончилось. Жизнь началась сначала. Прекратились лауреаты, секретари, герои, массовые протесты и всенародные подъемы. Остался мат, лай собак, визг женщин, прибором грязных волн о грязный берег.

Пыльной и дырявой стала надежда.

Как горизонт, отодвигается счастье.

К рукам приближается оружие.

Плохие и мертвые попадают все чаще.

Электричество и канализация на последнем издыхании.

Интерес к окружающему уже не в состоянии преодолеть тревогу и болезнь. Хорошее настроение только у пуделей, а смех только у идиотов. На улицах, в квартирах, на кухнях смех не слышен. Телефонный разговор стал коротким.

«Запиши мой телефон», – говорят друг другу и прощаются.

Напряженная тишина. Безмолвные очереди машин в ожидании бензина. В человеческой очереди попадает труп. Отъезды стали бытом. Возвращения потеряли ориентацию. У обещавшего вернуться нельзя понять – куда. И понимать некому.

Никто не загорает, не отдыхает, не живет. На пустынном берегу откуда-то взявшиеся сирийцы строят гостиницу. В тайге неизвестные турки строят гостиницу. Немцы восстанавливают барскую усадьбу.

Примерно так, примерно так...

Редакция, которую покинула надежда, выпускает журнал. Ищут анекдоты, заглядывают в постели, звонят за рубеж.

Голоса все глуше. Смешное какое-то осталось, но уже не смешит и плохо доходит.

И почта не находит себе места. Под разными названиями выходят одинаковые газеты.

Армия неожиданно стала жалобной, раздражительной. Опять оказалась не приспособленной к военному времени, нуждается в длительной войне, чтоб набрать опыт. А люди не хотят этого опыта, а без людей она не может. Много журналистов и мало солдат. В атаку идут операторы. Солдаты окапываются. Противник есть, погибшие есть, а фронта нет. Генералам столы сервируют на картах. Из танка спрашивают, как проехать к противнику... Мальчик показывает и бьет гранатой вслед. Победа не нужна никому, пока идет снабжение.

Обоим президентам внушают, что это очень сложная и жестокая война с коварным, умелым и жестоким противником.

Эти бьются за свою родину, и те бьются за свою родину. И все находятся на своей родине, отсюда невнятность героизма и отсутствие подвигов.

Лекарства отняли у городов, передали солдатам, и возросли потери в тылу. Продолжительность жизни одна у мирных и у солдат. Врачи из каких-то остатков что-то делают. Больные в карманах приносят вату, марлю, инструмент. «Скорая» доехать не может. Приехав, отъехать не может. В этих пробках и угнать невозможно.

В больницах врачи как-то пытаются смерть отодвинуть, но жизнь дать не могут и так и выпускают в это месиво.

А тут страсти кипят: наваливаются, рвут, режут. Беззащитное готовится к уходу. Защититься невозможно. Воры и так уже в лучших машинах, в лучших квартирах, в лучших костюмах, в лучших часах и с лучшим оружием.

Молодое и кипящее ничто не считает чужим: чужую жизнь не считает чужой, и чужую жену не считает чужой, и милицию не считает чужой, а страну считает своей. Кто не хочет пропасть, к ним присоединяется и все равно пропадает. Потому что идет на войну...

Примерно так, примерно так...

Увидя пятерку молодых в машине, все разбегаются. Куда они едут? Против кого? Где выйдут и кого убьют? Все головы в плечи и домой. А там, кроме двери, ничего. Дверью прикрыты. За дверью не живем, готовимся... Если вдруг пропадут свет и вода, никто не выйдет. Боятся. Рассвет как спасение.

Примерно так, примерно так...

Разница между полами перестала волновать. Приумножать население никто не хочет.

Примерно так, примерно так...

Вот из-за поворота выходит человек... Все может быть, но ничего хорошего это не означает.

Оркестр, пожалуйста. Медленно и печально.

Цирк

Ничего нет нашей жизни хуже – лучше – скучнее – веселее – интереснее – страшнее – голоднее – сытнее и зажигательно убийственнее! Каждый прожитый день высекается на теле неизлечимой зарубкой – шрамом – фурункулом – прыщом – царапиной!

Наш светлый – темный – радостный – печальный продукт невозможно сначала отыскать, потом достать, потом сварить, потом разжевать, потом проглотить, потом переварить. Символ нашей жизни – разбитый унитаз.

Обстановку видеть – слышать – понять невозможно! Жить нельзя. Но даже на эту жизнь покушаются те, кто живет еще хуже, хотя хуже некуда. Но они живут.

Даже не живут, а пытаются жить неоднократно. Последнюю попытку начать жить принимают перед самой смертью, выезжая в другие страны, чтоб удобрить те поля своими нитратными телами.

Кто-то в муках рождает детей, удивляясь, почему муки не кончаются с их появлением. Время от времени из репродуктора, затянутого паутиной, слышен новый закон и тихие предсмертные дебаты, которые не могут привлечь внимание копошащегося в свалке населения. Группы преступников уже никого не могут оскорбить, а тем более испугать мучительной смертью, что и так тянется от рождения.

В этом огромном цирке, возникшем на кладбище и веселящем весь мир, покойники сидят рядом с живыми и принимают на себя все упреки и подозрения, самодовольно усмехаясь зелеными губами.

Здесь бродят толпы прихожан в поисках виноватых и находят, и с криками присоединяют их к покойникам, и добавляют заслуги, и еще долго пристают к мертвым – как вы могли!

В этом веселом цирке, торчащем в центре цивилизованного мира, голодающем среди моря еды, оборванном среди гор одежды, болеющем древней чумой, корью и водянкой, старая машина всегда лучше новой и вчерашний день лучше сегодняшнего.

А бедные люди бьют землю кирками, ломami и дерутся за привозные рукоятки к лопате.

Здесь парламент учится у населения, а население учится у парламента, и опять откапываются покойники, чтоб разглядеть их национальность.

Здесь есть свои звезды и авторитеты, вся жизнь которых служит примером, кроме начала – они не там родились.

О, если бы они могли! Они б зубами, ногами, ногтями переменили место рождения. Но они не могут и вынуждены служить примером остальным. И, разгребая навозную кучу своей жизни, ищут в ней зерно какой-то любви, какой-то ночи, какой-то дружбы и клянутся быть вместе, уезжая по одному, перевоза туда свои несчастья, уже там выкрикивая хрипло: социализм, капитализм, хотя из этих слов человечество признает только гомосексуализм – тоже от изобилия.

Что может быть интереснее этой картины, которую создаем мы своими лицами, телами, а вокруг стоят джентльмены с дамами и показывают сигарами:

- Вот этот...
- А вот эта...
- А вот эти...
- О, вери гуд. Файн, изумительно.
- Неужели все это движется?
- Да, сэр!
- И ночами?
- Да, сэр.
- И что, они там живут?

– Ну как сказать, сэр... Во всяком случае, вот сейчас они принимают какие-то законы. Вот если вы прислушаетесь, слышно: «консенсус», «кворум», «президент»... Очень любопытно, сэр.

– Только немножко запах...

– Что делать, сэр, они живые.

– И что же они там едят?

– Ну, не при дамах...

– Я думаю, если открыть широкий доступ, это может быть очень интересно.

– Да, сэр, смельчаков можно туда запустить. При соответствующей экипировке.

– Что-то вроде скафандра?

– Да, сэр, с полной автономией.

– Может быть, их чем-то подкармливать?..

– Тогда какой смысл...

– Да, да, да...

Где еще? Когда еще? Кто еще возьмет на себя смелость жить нашей жизнью? И еще праздновать... И еще любить...

И еще сердиться на кого-то и принимать близко к сердцу какие-то мелкие неприятности типа творческих неудач.

Приметы сведущих

Видите очередь за босоножками – лето будет жарким.

Видите за колбасой очередь – зима будет холодной.

Видите за мылом очередь – к забастовкам.

Евреи клином на Запад потянулись – это к бурным конфликтам в Закавказье.

А видите очередь за всем – значит, снова колхозы укреплять будем.

А как народ исчезает с улиц, площадей – это к социализму.

А как на замки, запоры, ставни закрывают все – коммунизм близок... Ему (в отличие от тайфуна) дают мужские имена: капут, абдуценс, конец, капец, развал, гроб и полный...

Ждать

Покой, зелень, тишина и невраждебность остались в прошлом или переместились в самые отдаленные места страны, где Человек и зверь встречаются наедине.

Центр бурлит. Людьми отравлен организм. В магазинах на прилавках и полках одни люди, и ворвавшийся на склад обнаруживает только ворвавшихся туда раньше. Леса, сады полны людей, с трудом заменяющих грибы и ягоды.

Окрестности и пейзаж из людей. Линия горизонта из солдат с палками.

Люди и люди, маленькие и большие, красные и синие. Предметов нет – исчезли. Их заменили люди, возбужденные и перекошенные.

– Как дальше жить будем? – спрашивают они друг друга и – во все стороны.

– Где предметы для быта, еды и перемещения? – гудят они, отойдя от станков и полей, сталкиваясь и перемешиваясь в равнодушном пространстве.

– Дайте товары, – говорит толпа своему руководителю.

– Дайте товары, – говорит свой руководитель своей толпе.

– Дайте, дайте, – мычат коровы, режут быки, стучат министры, плачут дети.

– Give me, give me, – тянутся руки сквозь колючую проволоку государственной границы.

– Что вам дать? What do you want?

– Все, что у вас есть или было. Не выбрасывай! Дай выброшу, дай сам выброшу!

– Почему у вас все есть или было? – гудит толпа, бросив станки и окружив вкалывающего с шести утра до одиннадцати вечера с детьми и внуками фермера.

– Сейчас объясню. Just a minute...

– Не надо, не надо. Мы маршем мира пройдем по вашей стране.

– Мы болеем, нет лекарств. Дайте, дайте.

Из дальних районов бросают работу и стягиваются в центр.

– Вы нам дадите, в конце концов?!

Преступники грозят свернуть преступность, видят смысл только в изнасилованиях, квартирные кражи теряют свое очарование – украденные деньги не на что обменять. «Где товары? – режут преступники. – Шубы давайте, шубы дорогие, колье, изумруды, уходит мастерство...»

– Нету, – говорит толпа своему руководителю.

– Нету, – говорит свой руководитель своей толпе. – Нету, ждите!

– Сколько ждать? – спрашивает своя толпа у своего руководителя.

– Года три-четыре, – говорит он, – но не сразу, а через год.

– После трех лет?

– Да. И как кончится этот срок, постепенно пойдет на улучшение.

– Значит, ждать?

– Да...

Ждать-ждать-ждать... Понеслось во все концы, и бивуаком расположилась огромная страна. Горят костры, кипит вода, достаем из тряпочек сахар...

– Чего ждете? – холеными голосами спрашивают из-за рубежа. – What do you wait?

– Товаров ждем, товаров, – зевая, отвечают местные.

– Товалов здем, товалов, – шепелявит новорожденный.

И с непревзойденным мастерством вся страна принялась ждать.

Здесь будет лучше

Для Р. Карцева

– Я не уезжаю, – кричал он. – Здесь хуже, чем где угодно, но я живу здесь! Здесь должно быть лучше! Должно стать быть! Всем будет хуже, а здесь будет лучше. Станет будет обязательно! Болезнь принимает здоровые формы. Здоровье тускло засветилось сквозь хилость первых постановлений, неисполнение которых – лишь свидетельство живого ума и сообразительности народов, с трудом населяющих нашу страну. Здравый смысл уже начал бродить в массах. Добредет и до верхов.

Конечно, слово «будет» почернело от бесконечного употребления, но новый смысл придает ему прежний блеск, и оно снова стодится в работу.

Здесь будет лучше! Рост зарплаты при отсутствии материальной заинтересованности создает невиданный образ жизни, когда деньги роли не играют и их уже можно свободно обменивать на результаты труда, которые тоже...

Но не в этом дело.

От человека на нашей земле не остается предметов жизнедеятельности, только продукты жизнедеятельности. Поэтому жил он или нет – остается предметом дискуссии. Это и остается...

Уникальная способность, не создав ничего, испортить навсегда среду обитания и страну пребывания. Но не в этом...

Новые люди должны появиться! Работа над этим уже идет.

У нас будет лучше, невзирая на то что становится все хуже. Опять наше сегодня не дает никаких надежд. Только – завтра. Только соединив прошлое с будущим и вычеркнув к чертовой матери настоящее, можно снова жить и работать. Опять на энтузиазме и снова без зарплаты! Связать деньги населения, а потом и их самих, и развязать, когда наступит миг, отделяющий будущее от настоящего... Это где-то... Неважно!

У нас будет лучше! Мы будем жить очень хорошо! Даже если для этого нам опять придется снова извести миллионы где-то... Неважно!

Связать их деньги, вернее, развязать им руки и связать их деньги. А потом – наоборот. Ничего-ничего! Рынок даст себя знать. И хорошо, что без объяснений. Двенадцатого с восьми утра – рынок, и все! Пусть никто ничего не понимает – давай на базар! Рынок открыт!

«Что такое? – думает простой человек. – С чем идти на этот рынок, что продать, что купить?»

Пока никто ничего не понимает. Пока даже специалисты, которые лучше других этого не понимают, вместо подробностей – молчат.

Я один говорю в подавляющем меньшинстве, с полной уверенностью глядя и видя: здесь будет лучше! Не потому что... А потому что... В общем, будет – и все!

Сейчас окончательно разваливается табачная, хлебная, питьевая, санитарная, в общем, самая необходимая... И все будет хорошо! Все оставшиеся перейдут к рынку сами собой. Их не надо будет подгонять.

Отвар – на настой, окурки – на объедки, корки – на обмылки...

Это возникнет обязательно! Патроны – на бинты, крупу – на подметки. Никуда не денутся! Я вас не хочу надолго отрывать, но никуда не денутся.

Хорошо здесь будет! А где же еще, как не здесь? Уже всюду. Только здесь... Ну, еще впереди нас плетутся две... совсем... Куба и Корея. Так что мы втроем остались.

Но мы придем к будущему обязательно. Вместе или по отдельности. Кто раньше, кто позже, но к завтрашнему дню придем. Доползем! И устроимся там как надо. Как оно и положено.

Мы будем жить очень хорошо. Я в этом убежден. И ничто меня не переубедит – ни холод, ни голод, ни то, что все необходимое продали... Это в наших традициях: продав с себя все, пытаться на эти деньги купить какую-то одежду. Или поломать что-то хорошее, чтобы на этом месте... Но не в этом дело.

Нам будет лучше. Просто потому, что хуже уже... Но это...

А пока – питаться, питаться, питаться – наша движущая сила как сверхдержавы.

Погода в этом году снова нас подвела. Если весной она создавала какую-то надежду на недород, крупный урожай окончательно подорвал экономику.

Под каким девизом покупать зерно?

Жирные вороны всего мира, что слетелись на невиданный урожай, с нескрываемым интересом рассматривают этих диковинных людей: подайте бедным, у которых огромный урожай!

В общем, это единственная проблема – как прожить, имея все. Видимо, скрывать надо. Скрывать и просить. И жить все лучше и лучше, скрывая это, чтоб просить все больше и больше.

А то, что будет лучше, – я убежден. Только надо как-то дожить.

Как и сколько – пока не скажу. Ну, просто потому, что...

Да и вряд ли это кого-то спасет, когда станет еще лучше!

Ох, как хочется наказать

Ох, как хочется наказать льва за когти, за рычание, за пасть страшную, опасную, за то, что крадется, охотясь, нападает из-за угла, выслеживает, мерзавец.

Ох, как его нужно наказать, наказать!..

Ох, как нужно наказать белого медведя за тупость, за то, что на белом не виден, за то, что на мужественных людей нападает, скальп с них снимает, живот выедаёт, наказать, наказать, наказать!..

Лису – за хитрость, за рыжест, за низость, за манеру жрать, за саму жратву, за наших цыплят, что у нас поедает. Все их поколение наказать, все их потомство!.. Что значит?! А пусть не будет! А пусть не смеет!

Змею наказать. Знаем за что! За ползучест! За гадость, за страшность, за мерзость, за внезапность, за глаза остолбенелые, за тело мерзкое-длинное-ползучее...

Шакала – за дрожание. За слюни, за вой ночной проклятый. Все потомство. Ничего, что там приличные есть. Все поколение!.. А чтоб вообще!

Всю тварь мелкую черномордую, чернотелую, чернолапую, чернопадную, отвратную.

Бить, бить, наказывая.

Не понимают – бить, чтоб поняли, понимают – бить тем более. Бить свирепо, без разговора.

Объяснений не принимать их!

Извинений не принимать их!

Они будут говорить, что они такие. Такие-такие! За то их и наказываем.

А голоса во время оправданий?! А выть?! А чавканье в клетке?! А гадость, что из них течет на клеткин пол! Наказывать! Наказывать!

Как сюда попали?! Перебегаете, суки, из леса в лес?! Спутываете нам фауну?! Перепутываете?! Жить не даете?!

Лапы выворачивать и в глаза смотреть...

А пока не покается!..

В чем?... Не должен был жить, и все! Не должен был! Потому что противный, отвратный, ихний.

Кто сюда пустил? Кто запах его не почувствовал? И его наказать. Взять и рвануть книзу. В следующий раз умрет – не пропустит! И пропустит – умрет. Смерть украшает каждого.

Только чтоб на глазах!

Меняем то, чего нет

Я с огромным уважением отношусь к нам. Мы где-то устанавливаем новые законы физики, философии, экономики.

Мы здесь у себя все время меняем то, чего нет. Изменяем пустоту. Не имеем ничего и это все время меняем. Это крайне любопытно. Поэтому так интересно жить. Пожалуй, чем где-либо.

Можно, конечно, в корне менять экономику, переходить на другой вид собственности. Какую экономику менять? Разве она есть? То, что мы производили, свозили, а оттуда нам распределяли и развозили обратно, нельзя назвать экономикой. И собственностью нельзя назвать то, что не принадлежит никому. Даже государству, которое хвастается, что ему все принадлежит. Вы ж видели, во что превращается дом под охраной государства. Значит, собственности, которую мы меняем, – нет. Экономики – нет.

«Коммунисты, собравшиеся по убеждениям». Какие это убеждения? И у кого они есть? У членов партии?!

Возможно, чтобы приобрести убеждения, надо стать членом партии. Но какие это убеждения? Что можно построить коммунизм? Этих убеждений ни у кого нет.

Есть уверенность, что можно сохранить за собой власть. Некоторые члены партии в этом убеждены. Это и есть их убеждения и взгляды. А сказать о том, что они стремились построить коммунизм, накормить, одеть кого-то – невозможно. Значит, мы меняем убеждения, которых нет. Значит, мы меняем пустоту.

Мы пытаемся изменить пустоту так, чтобы что-то появилось. Это интересный эксперимент. Но чтоб что-то появилось, надо чтоб кто-то что-то создал. А он не хочет создавать, пока что-то не изменится. Так что период, когда мы меняли, ничего не меняя, сменился теперешним, когда мы меняем то, чего нет. До тех пор пока что-то не произойдет. Причем меняем очень осторожно, с волнениями и опасениями. Накрываем кастрюлей, шепчем, руками водим, ругаемся до драки, открываем – там опять ничего нет...

А уверенные говорят: давай опять накрывай, что-то должно появиться.

Не верю

Наш человек, если сто раз в день не услышит, что живет в полном дерьме, не успокоится. Он же должен во что-то верить!

Что железнодорожная авария была – верю, а что двадцать человек погибло – не верю. Мало! Мало! Не по-нашему!

Что чернобыльская авария была – верю, что первомайская демонстрация под радиацией в Киеве была – верю, а что сейчас там все в порядке – не верю. Счетчика у меня нет, а в слова «поверьте мне как министру» – не верю. Именно, как министру, – не верю. Не верю! Что делать – привык.

Что людям в аренду землю дают, с трудом – верю, что они соберут там чего-то – верю и сдадут государству – верю, а что потом – не верю.

Где начинается государство – не верю. Кто там? Здесь люди – Петя и Катя. Они повезли хлеб, скот и до государства довели – верю. Дальше не верю. Государство приняло на хранение, высушило, отправило в магазины – не верю. Государство – это кто?

Когда государство ночью нагрянуло, знаю – милиция пришла.

Кое-как государство в виде милиции могу себе представить.

«Родина не простит!» И родину представляю в виде ОВИРа, выездной комиссии обкома партии, отдела учета и распределения жилой площади.

Какие-то прокуренные мясистые бабы в исполкомовской одежде – это и есть та Родина, которая главные бумаги дает.

Что что-то в магазинах появилось – не верю.

Что последнее мыло и сахар исчезли – верю сразу и мгновенно.

Что с первого января цены повысят, никого не спросят, а спросят – не услышат, – верю сразу.

Во-первых, у нас вся гадость всегда с первого числа начинается, никогда с шестнадцатого или двадцать восьмого.

В то, что что-то добавят, – не верю. Что отберут то, что есть, – верю сразу и во веки веков.

Никто не войдет никогда и не скажет: «Добавим тебе комнату, что же ты мучаешься».

А всегда войдут и скажут: «Отнимем у тебя комнату – шикарно живешь».

Никакая комиссия самого близкого, народного революционного исполкома не позвонит: «Что-то не видно тебя, может, ты не ел уже три дня, одинокий, голодный, может, у тебя сил нет в магазинах стоять». А радостно втолкнется: «Вот жалоба на вас – три дня не видать, а мусор жирный, кал крепкий, в унитазе вода греметь, значить, на нетрудовые пожирате, ночами при лампаде; государство беспокоится, как бы вы тут жить лучше не стали, а это противоречит интересам, мы должны по справедливости еще раз допеределить и допереконфисковать, чтоб руководству не обидно было...»

Верю. Верю. Оно! В слово «запрещено» – верю свято. Наше слово.

В то, что «все разрешено, что не запрещено», – *не верю*. И не поверю никогда. Сто раз буду биться, умру на границе запрещено-разрешено, а не пересеку явно, потому что знаю: тяжело в Воркуте пожилой женщине с гитарой.

В то, что, может, и будет закон не сажать за слова, с трудом, но *верю*, а в то, что даже этот закон будет перечеркнут одним росчерком пера того секретаря обкома, где живет и суд, и подсудимые, – *верю* сразу и во веки веков. Ибо никто у него власть не отнимал.

А все кричат: идите возьмите, он отдасть, он уже спрашивал, где же они...

Ах ты дурачок, Петя, кто же те власть отдасть, я, что ли... Ты же видишь, что всего не хватает. А раз не хватает буквально всего, то, чтоб есть спокойно, жить спокойно, – власть нужна. Без нее войдут и скажут: «Ты сажал – тебя сажаем».

В море житейском, в отличие от морского, буря всегда внизу. Никакой урожай ни одной помидоры не добавляет, никакой рост добычи нефти в Тюмени ни капли бензина не добавляет.

Поэтому в то, что нефть в Тюмени добывают, – не верю, что урожай в стране убирают, – не верю.

В то, что с Парижем насчет одежды соглашение, – не верю. Нету ее. Я есть, Париж есть, а ее нету.

Бесконечные совещания, пленумы, а ко мне ничего нет. Как к трактору – меня выпускают, а ко мне – ни еды, ни одежды, ни лекарств.

На хрена меня выпускать?!

Я сам лично не знаю, как страной командовать, – меня никто не учил, я и не берусь. Но можно подыскать тех, кто знает, особенно на местах, где мы все живем.

В то, что командиры теперешние на совещание соберутся, – я еще верю, что неделю сидеть будут, – верю, а что что-нибудь придумают, – не верю. Не верю, извините.

Через желудок воспринимаю, через магазин.

Как на эти рубли смогу жить – так буду и телеграмму сдам в правительство: «Начал жить. Чувствую правительство, чувствую».

А пока читаю в газетах: «Правительство приняло решение, самое решительное среди всех решений...»

Все! Пошел чего-нибудь на ужин добывать...

Наш способ

Среди реклам и объявлений, среди танцев и музыки ты не можешь понять, что так мешает насладиться.

Сбылось все, о чем мечтал, но мешает собственная жизнь.

Спотыкаешься и чертыхаешься. Эх, если б не жизнь! Если б не мерзкое ощущение, что все хорошо, но жить не надо, как было бы весело и интересно!

Что же такое происходит с нашими людьми? Что же они так дружно собираются на митинги и, страстно перебивая друг друга, кричат:

– Не хотим хорошо жить! Никто не заставит нас хорошо жить! Не подсовывайте нам собственность! Хотим жить без имущества и работать без зарплаты! Пусть за всю жизнь мы накопили шестнадцать рублей и детям ничего не завещаем, кроме рецептов, мы отстаиваем свой гибельный путь и рвем каждого, кто хочет вытащить нас из капкана!

– Не трожь! – И лижем стальные прутья. – Не подходи, не лечи! Оставь как было! Нам нравится как было, когда ничего не было, ибо что-то было. Нас куда-то вели. Мы помним. Мы были в форме. Мы входили в другие страны. Нас боялись. Мы помним. Нас кто-то кормил. Не досыта, но как раз, чтоб мы входили в другие страны. Мы помним. Нас кто-то одевал. Зябко, но как раз, чтоб нас боялись. Наши бабы в желтых жилетах таскали опои, мы у мартена в черных очках... Помним и никому не дадим забыть.

Умных, образованных, очкастых – вон из страны, со вкусом, одного за другим. Пока все не станут одинаковыми взъерошенными, подозрительными. При виде врача – оскал желтых зубов: «Не трожь!»

Подышаем в тряпье на нарах: «Не трожь!» – и последний пар изо рта.

Копаемся в помоях, проклиная друг друга: «Как лечат, суки! Как строят, гады! Как кормят, падлы!»

Один толчок земли – и нету наших городов.

А не трожь!

Наш способ!

Всего жалко, кроме жизни. Наш способ!

Посреди забора схватил инфаркт. Не докрасил. Наш способ!

Лопата дороже! Держи зубами провода!

Все дороже жизни.

И приучили себя. Умираем, но не отдаем. Ни цепь, ни миску, ни государственную собачью будку!

Это наш путь! И мы на нем лежим, рыча и завывая, в стороне от всего человечества.

Метро

Музыкальный вагон. Три солиста, хор, торможение, разгон.

Девушка. Молодой человек, уступите место бабушке. Как вам не стыдно? Ей лет семьдесят. Садитесь, бабушка.

Бабушка. Не хочу я садиться. Чего вы за меня выступаете? Семьдесят, не семьдесят, вам какое дело?

Хор. Чего действительно тут.

Девушка. Как вам не стыдно, бабушка, вы же меня ставите в неловкое положение. Садитесь – встань – садитесь!

Бабушка. Не хочу садиться. Пусть сидит, зачем ты затеваешь?

Хор. Чего рвешься? Чего маешься? Пусть сидит.

Девушка. Как вам не стыдно? Старушке семьдесят, больная, он молодой балбес. Ему стоять и стоять, а ей там что осталось? Садитесь – встань – садитесь.

Бабушка. Почему больная? Почему семьдесят? Сколько мне осталось?! Вам какое дело? Я прекрасно себя чувствую. Больная ты! Сидите!

Молодой человек. И за балбеса могу приварить.

Девушка. Как тебе не стыдно, почему ты сидишь? Садитесь – встань – садитесь!

Бабушка. Не сяду я, и все. Не сяду!

Хор. Ты откуда такая взялась? Ты где такая родилась?

Молодой человек. Не встану я, не встану.

(Поезд тормозит.)

Девушка. А вам, бабушка, должно быть стыдно. О вас заботятся, вам предлагают, а вы бессмысленно уперлись, как баран, дура, позор, подонки все!

Хор. Что она хочет? Кто она такая?

(Поезд разгоняется.)

Бабушка. Не сяду, не сяду я.

Девушка. Как вам не стыдно! Садитесь – встань – садитесь. Какой кошмар. Вы все ставите меня в неловкое положение.

Хор. Я бы тебя поставил. Ох, я бы тебя поставил именно в неловкое... Да народ кругом. Сиди, пацан, сиди!

(Поезд тормозит.)

Девушка. Мы же пишем, мы же боремся, мы призываем...

Хор. Сиди, пацан, сиди.

Молодой человек. Не встану я!

Бабушка. Не сяду я!

(Поезд разгоняется.)

Хор. Сиди, пацан, сиди.

И представляешь, все проехали свою остановку.

Автопробегом

В стране, где все наоборот, сначала появляется автомобиль, а за ним ведут дорогу. Хотя наша дорога гораздо опаснее автомобиля. Встречные автомобили, где вместо лобового стекла одеяло, с торчащим в дыре багровым, слезящимся лицом управляющего и скрюченной семьей в глубине, лучше знака предупреждают: осторожно, впереди ремонтные работы.

Ночующий на обочине лесовоз с нанизанными на бревна «Жигулями» предупреждает: не оставляйте транспортное средство без огней.

А вертящиеся в вихре танца шесть автомобилей на кровавом шоссе с обезумевшими управляющими внутри гласят: тут тракторы везут помидоры на консервный завод.

А вот, обнявши столб мотором, дремлет силуэт «не слепите водителя», склонился над ним столб.

А вот и спиленная половина, превращенная в мотоцикл. У бедняги одна фара горела. Но одна фара не горела. И встречные их поделили пополам.

Конечно, наша дорога влияет на выбор автомобиля. Она выбирает сама танки или БТР с экипажем из ядреных мужиков в спасательных скафандрах.

Отношения водитель – автомобиль складываются у нас проще. Как бы ни был туп наш водитель, автомобиль еще тупее. Сколько случаев, когда он уже повернул, а она идет прямо. Он среагировал, а она прет. Он на тормоз. Она на газ.

Престижная «Волга», которая отняла у меня семь лет жизни, отечественная, плохоосвещаемая, плохопрогреваемая, плохоочищаемая, но труднозаводимая и от этого всего очень долговечная – для продления мучений. Машина, где водитель сидит справа от руля и в острые моменты не может нащупать рычаги управления и только выражением лица показывает встречным, куда он собирается ехать, внутри машины.

Эта машина еще известна тем, что управляющий поворачивает ее сам своим трудом, без помощи каких-либо технических средств, понаблюдайте – это хорошо видно за лобовым стеклом.

«Запорожец», модификации которого вывели из строя огромное количество советских людей, известен тем, что его двигатель надо заводить после включения каждой из четырех прославленных передач коробки. Он также глохнет после включения фар, показателя поворота, стеклоочистителя. Зимой, с трудом заведя печь, работа которой очень похожа на работу двигателя, многие пытались начать на ней движение по дорогам.

Нам говорили об успехах в авиации и космосе – именно там, где нас нет. Там, где мы есть, вилия задом, стуча мостами и гремя коробками, носятся отечественные модели, неисправные все до одной. С одним достоинством – есть где приложить мозги. Скульптурная композиция под названием «Вечность»: открытый гараж, поднятый автомобиль «Иж» и лежащий под ним владелец в жару, дождь, снег.

Отношения нашего с иномарками прошли несколько этапов. От недоверчивых ухмылок, пробования зубом: «Чего-то уж очень блестит». Вместо серой, как взгляд алкоголика, окраски «Белая ночь» – какая-то ясность и блеск. «...Ты смотри, и гвоздь не берет... Не... Взял гвоздь, взял наш гвоздик, взял!»

И много лет недоверия, как к красивой женщине. Нет, мы со своими, хоть косая, хоть хромая.

– Поверьте мне, Миша, я сорок лет за рулем, машина должна быть наша.

А с нашей нагнитесь ниже – это тосол под кроватью и колесо под подушкой, это плоскогубцы в вечернем костюме.

– Зачем автомат? Кто его у нас отремонтирует?

– Зачем электроника? Кто ее у насотрегулирует?

А может, ее не надо ремонтировать, а может, ее не надо регулировать?

Ходили, языком цокали: «Не, не подойдет для нас...»

Ничего, подошло. И научились. И все Приморье на японских машинах. Все сидят справа. ГАИ яростно сопротивлялась. Они же не могли понять – где водитель? Идет машина без водителя. Пассажир есть – водителя нет. ГАИ сообразила, что водитель справа, и сама села на японские.

Подошли нам и иномарка, и парламент, и свобода, и частная собственность.

Как писали Ильф и Петров, «лежали жулики у большой дороги, а настоящая жизнь, сверкая фарами, шла мимо». Времена изменились. Перебрались жулики на большую дорогу и вписались в Большую жизнь.

Зима 95-го

При таком состоянии ни ходить, ни сидеть, ни лежать нельзя. Можно только беспокоить людей. Либо водить чернилами, оставляя бессмысленные, путанные следы, называемые почерком.

А ведь все ясно. Или: возможно, все ясно. Опять непобежденным не ушел. Снова не разглядел сквозь тучи.

Машины, конечно, едут, но спроси их куда, и я уверен, кроме оскорблений... Один трамвай, как старый большевик, знает...

Это непонятное, пасмурное время без еды, воды, любви и солнца у нас называется зимой 1995 года.

Люди по-прежнему движутся в разные стороны, но печально и без видимых причин. Среди них есть и уважаемые, а все равно движутся без деловитости. Что-то произошло. Природа тебе шепчет, и ты шепчешь природе.

– Природа, – шепчешь ты.

– Что? – шепчет она.

– Природа, – шепчешь ты.

– Что? – шелестит она.

– Что-что? Неужели здесь такое место? И что бы ты ни делал? И что бы все ни делали?..

Природа?..

– Что?

– Что-что?.. Я же спрашиваю.

– А я и отвечаю.

– Чушь ты отвечаешь. Послушай, у нас даже солнце стягивает к себе тучи.

– Разберетесь.

– Нет! Люди сами разобраться не могут. Чем их больше, тем хуже. Эта задача для одного, чтоб вывести их из этого гиблого места. А тут еще снег. А снег всегда внезапен. И даже снег, который всюду покрывает, у нас покрыть не может. И это называют зимой 95-го. Когда же будет хорошая погода?

– Когда жизнь наладится.

– Это когда же?

– По погоде и узнаешь.

Новый год на дворе

Какая неожиданность!

Тут уж действительно поздравляю!

Благодарю за мужество и стойкость.

Что нам даст дальнейшее проживание, не знаю. Оно должно прояснить само. Если не прояснит, будем жить дальше.

Поздравляю с состоянием здоровья. Удручен, но поздравляю! Попытки проглотить одну дрянь внутрь, другую надеть снаружи приветствую. Эти две дряни пока еще разделяет оболочка из кожи и костей, но это дело времени. Скоро они соединятся.

В моем собственном многоквартирном доме слева плач, справа крик, сверху стучит швейная машинка.

Это и есть наша жизнь: кто-то плачет, кто-то кричит, а кто-то шьет.

Шейте! Шейте! Упорно шейте! И кройте! Кройте что-нибудь! Спускайте ниже. Я пришью к нему пуговицы, спущу еще ниже, там купят или продадут.

Правительство реформ выглядит хорошо. Волнения идут ему на пользу. Некоторые, волнуясь, много едят. Большинству не на что, хотя волнуются не меньше.

Выпьем за правительство реформ! Пусть у них будет все хорошо. Если мы мешаем – мы уйдем. Они важнее. Еще год назад была надежда, что наши пути хоть где-то пересекутся, если не в данном месте, то хоть в данном времени. Но, видимо, не судьба. Это ничего не значит. У нас свобода. Каждый волен заниматься чем ему хочется. Пусть продолжают свои реформы. Хотелось бы, чтоб они это делали за каким-нибудь стеклом. Чтоб любой из нас мог хоть глазком посмотреть. Но, конечно, если хулиганы разобьют, воздух может помешать.

Поздравляю президента, которого мы любим, невзирая на привычку переставлять кадры. Это не страшно. Будь у меня кадры, я бы их тоже переставлял. При главном достоинстве – выражать мнение тех, кого он сегодня видит впервые. Поэтому идет такая борьба за встречу с ним с утра. Кто встретится вечером, услышит свое мнение, но уже ничего не получит.

Те, кто любят президента по-настоящему, держатся от него подальше. Чтоб не быть уволенным в знак высшего расположения.

Поздравляем его и приглашаем к нам. Куда – вы узнаете из прессы.

С кривой улыбкой поздравляю спикера с парламентом. Эти ребята, выражая ничьи интересы, вернее, ничьи интересы не выражая, кроме интересов народа, дробят все, что к ним поступает. И стоя аплодируют сами себе. Мною замечено, если парламент стоя аплодирует – быть войне. В грохочущий с утра съезд поступает указ президента и превращается в пыль. Съезд вращается неделями, дробя чужое и не вырабатывая свое. Говорят, какой-то закон все-таки выйти должен, но расстояние от мозгов депутатов до душ населения столь велико, что закон его не преодолеет.

Поздравляю коммерческие структуры. В отличие от парламента, где работа видна, а жизнь незаметна, ваша работа не видна, а жизнь цветна и разнообразна. Ухитряясь рекламировать не товары, а фирмы, вы добились огромных успехов, не привлекая никаких масс покупателей и никаких толп производителей. И нельзя сказать, что вы разбогатели за счет неимущих. Они же у вас ничего не купили.

Волна презентаций, прокатившаяся по стране, выявила массу генеральных директоров, управляющих компаниями, председателей советов, президентов ассоциаций, консорциумов «Лотос». В общем, деньги в стране есть. Большие и разные. Без тени зависти поздравляю вас.

Поздравляю всех членов общества с ограниченной ответственностью. Взамен общества светлого будущего пришло ваше – с ограниченной ответственностью. Всем структурам привет и ура!

Мои отдельные поздравления врачам. Встречайтесь с больными, даже если у вас ничего нет. А нашим больным нужно все. Они больны всем. Встречайтесь – это поднимет у них настроение!

Поздравляю всех больных! С праздником! Только болейте до или после. В праздник врачи уходят домой. Быстро лечитесь до праздника. Быстро-быстро. Положите на жалобу рецепт и надейтесь на организм. Больничное питание ему поможет.

Больные! Старайтесь! Говорят, из больницы есть не только вынос, но и выход. Ищите его. Приветствую вас особым кашлем давнего пневматика. Кашляните, слышите ли вы меня.

Поздравляю покупателей рыщущих... это по-латыни. Покупатель рыщущий – разновидность покупателя потенциального. Контатес куморе. Раньше вас интересовали товар и цена. Теперь только цена. Ищите! Где-то здесь было что-то за двадцать восемь рублей. Иностранцы называют вас прохожими. (Умом Россию не понять. А чем?.. Они не знают.) Они любят писать: «Мы остановили прохожего». Да... прохожего!.. Подавись, чтоб он тебе вот так прохаживался в слякоть. Найдет, что ищет, – может, и будет прохожим, а пока подавись!

Попутно поздравляю вас, иностранцы. Не надо с тяжелым акцентом говорить: «Как вы здесь живьете?»

– Живьем! Только живьем!

Не пытайтесь помочь советом.

– А это? – скажем мы.

– Как, и это? – ужаснетесь вы.

– И это, – улыбнемся мы в ответ.

Пейте с нами. Спирт «Рояль» помогает взглянуть на мир одинаково.

Бизнесмены из Гарварда, ищущие полезные связи, пейте с каждым. Обязательно попадете на нужного человека. Держите наготове контракт. Есть момент, когда он его подпишет. Но у каждого чиновника свой момент, не пропустите его.

Женщины! Поздравляю вас всех. Это было мечтой моей юности – всех вас по очереди поздравить. Поздравляю вас. Жаль, если наши реформы до вас не дойдут. Спросите у мужчин, на всех ли рассчитаны реформы. Если не на всех, не ждите напрасно, расходитесь по домам.

Дети! До свидания! Я любил вас, дети.

Мужички! Едрена в корень! Мы что – хуже всех? Мы что – не выпьем в праздник за медленное течение быстротекущей жизни?

Да кто только здесь не был, чем только нас не отвлекали. И царизмом, и социализмом, и капитализмом. А мы всегда под Новый год, под праздничное ощущение, под чувство и предчувствие, под закусочку и запивочку. Выпьем! И все будет хорошо. Я прекращаю поздравления и пью со всей страной на «ты»!

Не жизнь – праздник

Краткие впечатления от биографии

С огромным трудом родился в 1934-м, и пришло ощущение праздника.
Одесса. Море. Воздух. Четыре, пять, шесть, семь лет.
Бомбежки, вагоны, драки, письма и хлеб. Съел – праздник!
В 45-м Одесса без воды, без еды, без света, без тепла.
Пишу на газете: «Я хочу колбасы...»
Прочел двоюродный брат. «На тебе колбасу...» – праздник.
Школа № 118. Борис Ефимович. Галина Ивменьева. Петр Филиппович и булочка!
Съел – праздник!
Пошел на медаль.
Иду-иду-иду. Еще, еще, еще чуть-чуть. Еще чуть-чуть... Ну-ну...
Нет. – Еврей!
Водный институт.
Три еврея. На триста человек. Я четвертый. Праздник.
Девочки, танцы, отец болеет. Окончание с отличием. Праздник.
Отца уже нет.
Одесский порт. Ночью работа. Днем сон.
Но и днем сна нет.
С чем и застукала родная мама.
Но тут прорезался талант.
Ленинград. Театр. Райкин.
У него успех. У меня праздник.
Не понравилось.
Выступил сам. Поймали.
Опять попробовал.
Ленинград. Аншлаг. Успех. Выгнали.
Со мной остались родные и близкие. Рома и Витя. Праздник!
Одесса. Холера. Аншлаг. Успех. Выгнали.
Киев. Шум. Гам. Успех. Аншлаг. Выгнали.
Уже со всей Украины.
Москва. Праздник. Успех. Аншлаг. Вызвали.
Показали КПЗ, КГБ, МВД.
И тут не выдержала советская власть и кончилась.
Свобода, демократия. Успех. Аншлаг. Хотели убить...
Америка. Гастроли. Аншлаг. Усп... Тсс-с...
Надо быть очень осторожным!
Целую всех и очень тщательно тебя.
Вот здесь ступенька, будьте осторожны.
Никто не знает, какая вверх, какая вниз...

Ура! Мы снова живы!

Марку Захарову

Ура! Мы снова живы! Как в один день все становится желтым, так в один день все становится белым. Шестидесятилетие пришло сразу. Одно на всех. С деревьев посыпались все тридцать третьего – тридцать четвертого годов. Евтушенко, Вознесенский, Софи Лорен, Джина Лоллобриджида, Арканов, Захаров и я...

Теперь и не скажешь: как жизнь, старик? – «Сынок». Это уже будет правда...

Что слышно, «сынок»?..

Пожилые дети, взрослые внуки, юные жены.

Прогулки вместо ходьбы, лекарства вместо вещей, палата вместо квартиры, мудрость вместо ума. И очень здоровый образ жизни, пришедший на смену самой жизни.

Я уже не говорю о работе с молодежью. Они нам – как бы. И мы им – как бы. У нас как бы есть что им рассказать. Хотя они прекрасно видят сами и больше боятся увольнения, чем наших воспоминаний.

«Мы боролись. Нам запрещали. Это благодаря нам вы...»

Не слушай, мальчик. Мы спасались. В юморе, мальчик, в юморе. Мы все ушли туда и там до сих пор. Поэтому нас не видно, мальчик. Мы все в намеках, междометиях... Многозначие – наш образ мыслей. После того, как потребовалось говорить, бить и стрелять в лоб, – мы ступевались. «А где же второй план?» – «А что за сказанным стоит?» Ничего, объясняют нам, за ним стоит солдат. И ничего больше.

Тут мы ступевались, мальчик.

Мы не умеем пить в зрительном зале и танцевать у сцены. А когда мы держали на плечах наших девочек, мы возбуждались и не видели ничего, и они не видели ничего. Хотя там и видеть было нечего. В основном это были похороны.

Спроси любого из осыпавшихся юбиляров, задай любимый вопрос журналистов: «Что самое веселое у вас было в жизни?» Тебе ответят: «Похороны членов политбюро». Это было очень весело, красиво и продолжалось целый год. В магазинах появлялась незнакомая еда, с шести утра по всей стране звучала красивая музыка... А какие играли пианисты, мальчик! Мы не знали, в честь кого, но мы все подтягивались. Торжественно шли трамваи, отменялись концерты. Мы звонили пианистам:

– Володя Крайнев, своими черными рукавами ты напоминаешь грифа над падалью. Только скажи, кто, кто, Володя?

– Не знаю, – говорил он. – Это старая запись.

А мы гадали... Брежнев... Подгорный... Косыгин...

И в двенадцать часов торжественный, праздничный голос диктора: «Вчера, в шестнадцать часов, после продолжительной болезни...» Суслов! То-то его не было видно! То-то он таблетки на трибуне глотал! То-то он, сука, плохо выглядел...

Ничто так не сплывает народ, как похороны руководства.

Тогда мы научились смеяться сквозь слезы. А плакать надо было. Обязательно. За этим очень следили, мальчик. И, если говорить честно, мы тогда жили лучше. Хотя сама жизнь стала лучше сейчас.

Творческие гении – величина постоянная. Как камни на дне. Жизнь поднимается и опускается, то делая их великими и заметными, то покрывая с головой. Чем выше жизнь, тем они менее заметны. С углублением жизни их высказывания как бы мельчают. Они не виноваты. Это меняется жизнь. Всеми вокруг сказано столько, что нечего добавить. Да и в сплошном крике не очень хочется говорить.

Слушай, пацан, хочешь я расскажу тебе, что такое шестьдесят? Если коротко: это испуг в ее глазах, все остальное – то же самое.

Так что ты не бойся. Смелей старей, старик. Там есть свои прелести. Ну, вот это... Уважение... Потом вот это... Без очереди... Потом... ну эти... врачи в друзьях. На юбилее по специалистам ты легко поставишь диагноз юбиляру.

Что еще, пацан? Ну, одежда, уже и лишняя. Квартира, как правило. Дача, в принципе. Бессонница в основном. Деньги в детях. Камни в женах. Остатки несбывшихся надежд. Остальные – сбылись...

И очень много лекарств. На окнах, в карманах, в портфеле. «Вот еще это выпью – и полегчает». А чем дороже лекарство, мальчик, тем хуже дела.

И конечно, экстрасенсы, облучатели в друзьях.

– Сейчас мы займемся вашим сердцем, потом я подпитаю вас по мужской части. Подпитать?

– Ну, критериев нет, конечно... Вы вчера трудились, трудились, а я прождал всю ночь и опозорился к утру...

– А я вам сказал: срок действия два часа.

– Ну, это не мне надо было сказать...

И все-таки мы живы.

Только в этой проклятой любимой стране, которую многие называют родиной, обыкновенный человек за шестьдесят лет спотыкался головой об 37-й – посадочный. Об 41-й – отечественный. Об 48-й – голодный. Об 53-й – переломный. Об 85-й – перестроечный. Об 91-й – путчевый. Это же надо так кромсать биографию! Что же они хотят там, в Америке? Чтоб в этом полуживом состоянии мы думали о вечном? Зачем? Мы просто увидим вечность раньше других.

Это удивительно: мы спрашиваем у всех, как нам жить, – а живем. А живем!

И в этой проклятой любимой стране, называемой поэтами Родиной, воистину – жизнь отдельного человека значения не играет и роли не имеет. При царизме, социализме, демократизме здесь только веют ветры и клонятся колосья, и жизнь здесь общая для всех.

А если о радостном – то жидами наконец перестали называть только евреев. Это теперь все, с таким трудом живущие на этой земле.

Он нужен здесь

Он вцепился в меня рукой. Ему лет семьдесят.

– Постойте, вы же этот... который... ну напомните мне... В Москве который... Который пишет для этого... Ну помните? Ну вы же этот... Который сам читает? Ну помните? Ну и с этими... Два... этих... И он... Господи... Стойте! Стойте же... Это он. Ну он еще тут рассказывал про этих... Ну стойте... Напомните мне... Ну кто его помнит? Стойте, стойте... Вы же недавно по телевизору про это... Ну про что же?.. Ну про... там куда-то ездили... вы Изя?.. А если честно?.. Откуда я вас знаю?

– Не представляю.

– Вы племянник Розы?

– Нет.

– Но вы ее знаете?

– Нет.

– А в Америке у вас кто-то есть?

– Полно.

– Ну вот скорее всего... Что же вы не здороваетесь? Стыдно, стыдно... Зайдите как-нибудь, я вам почитаю письма.

– Обязательно.

– Позвоните перед этим.

– Хорошо...

– Я же говорю, что я вас знаю. А вы: «нет, нет». Я помню вашего отца. Он был часовщик?

– Нет.

– Да. Он не был часовщик. Я его помню. А мама шила?

– Нет.

– Да, да. Я помню, помню. Слава богу, в мои годы. А где у них Привоз?

– Вот. До вокзала и направо.

– Да, да, я помню, помню. Если что-то будет от тети Розы... Она в Израиле?

– Нет.

– Да, да, точно, ее там нет.

– Простите, я вообще ее не знаю.

– А как же. Конечно. Она же умерла до того, как ты родился. Ты какого года?

– 34-го.

– А она умерла в 53-м. Все точно. Я тоже хотел уехать. Потом решил: что мне там делать? Здесь я всех знаю. Я всем нужен. Ты знаешь, что такое, когда ты всем нужен. Вот сейчас мне, например, сейчас надо в мастерскую. Мне сейчас надо починить утюг. Что бы я там делал? А здесь мне надо плитку починить. То есть ты понимаешь, как я всем нужен. Сейчас в Одессе плохо с этим... С как его... ну который горит... и я перешел на примус... Но его надо починить. Вот я ищу. Тут был Изя, на Привозной он был один... Нет. Мне там делать нечего. Я здесь нужен. Здесь такой был Аркадий. Это что-то! Но он уехал.

– Он здесь.

– Я знаю. Я иду к нему. Мне раскладушку надо заклепать. Он сейчас клекает? Ты не знаешь – клекает? Он мне заклекает. И примус починю. Где, ты говоришь, у них вокзал?

– Вот этот шпиль.

– У них там Привоз?

– Там вокзал.

– Да, там вокзал. А там Привоз и там Аркадий. Он мне все починит. А что бы я там делал? Кого я там знаю? Куда я с раскладушкой в Америке? Они даже не знают, как ее раскладывать. А заклепать?.. Только здесь. Здесь мы свои. Звони, я тебе все напомним.

Комплекс неполноценности

Выпивать каждый бокал до дна. И за женщин стоя. И объяснять себя всем. Видите, я выпил до дна. Громко:

– Вот. До дна. Как договаривались!

Он чудный.

– Понимаете, это книги в чемодане, поэтому он такой тяжелый. Ничего такого...

Открытый всем ветрам и уборщицам.

– Вы где вообще убираете? Я сюда поставлю, чтоб он вам не мешал. Вы здесь будете убирать или здесь?

– И здесь, и здесь.

– Я могу его вынести... А я подожду... Мне не трудно.

А таксисту:

– Вы куда едете? Вот сейчас? Я думал, может, нам по дороге. Я бы тогда вышел, а вы бы свернули по Пушкинской. Вам так будет удобно. Мне куда? Ну, это неважно... Нет, это вам не по дороге...

Он чудный, особенный... Очень хороший...

И у врача он говорит:

– Только если это вам удобно. Если вы там не достанете пальцем, ну и не надо. Обойдемся. Подумаешь, я потерплю.

Всюду опаздывает, потому что – и этому, и этому, и этому, и все по дороге, конечно. Трудно, не трудно – какой разговор, я заеду. Из точки А в точку В не по прямой, а через Ж-С-Д-И-К-Л-М-Н – ну все равно мимо, зато все успеем. И хоть его ждут именно в В, с которым и договаривались, но В и подождет, с ним же договаривались. Зато остальные и С, и Д, и Ж в восторге: чудный, добрый, неустойчивый. Давайте, давайте с ним дружить.

Кто еще не успел подружиться? Сюда. Хороший, хороший... И все объясняет:

– Понимаешь, ну я же должен был. Это же по дороге. Да и пустяк. Сколько там времени?..

Да, да, конечно. Очень хороший. Немножко много отнимает времени. У себя отнял. Но самоотверженно.

– Я же заехал, понимаешь?

– Понимаю.

Понимаете вы – понимает он.

– Пойми меня...

– Понимаю, понимаю...

– Я же тебе объяснил.

– Да, да.

Да... Чудный... Милый... Очаровательное украшение нашего стола... Да-да... Мы дружим, дружим...

Навстречу всем и никому, всем и никому...

И выпью, и довезу... Вот чтоб так. Так никто... Понимаете, здесь у меня... Я как раз везу... Да...

Откроем окружающим, что нужно для комплекса:

а) долго смотреть на часы;

б) вынимать ключ за квартал до дверей;

в) остановиться за полтора метра до двери и тянуться, тянуться...

г) открывать рот до того, как набрал ложку каши;

д) и конечно, улыбаться до того, как наступит причина, потому что все время видит себя со стороны.

Автопортрет-96

Первое. Похорошел.

Второе. Зеркало радуется ежеминутно.

Третье. Личная жизнь цветна и ярка невыносимо. Звук и цвет хочется приглушить, однако выключатель в других руках.

Четвертое. Живот появляется первым, куда бы ни пришел. Ведет себя нагло. Мешает. Хотя кому-то служит полкой для рук.

Пятое. Физическая стройность, о которой так много говорилось, продолжает вызывать много разговоров.

Шестое. Нижний кругозор ограничен животом. Верхний очками.

Седьмое. Ботинки на шнурках и пальто со змейкой вызывают желание поручить это все кому-то застегивать.

Восьмое. А публика требует смешное.

Девятое. Почему никто не желает грустить? А «Мать» Горького? А «Анна Каренина»?

Десятое. Хочет носить славу, но не имидж.

Одиннадцатое. Мгновенно стал старше всех. Не по званию, к сожалению.

Двенадцатое. Очень любит высокий заработок... Так дайте ему! В чем дело?!

Тринадцатое. Очень хочет быть мостом между Украиной и Россией, только чтоб не ходили.

Четырнадцатое. ...очень хотелось бы, но не сможет.

Пятнадцатое. А даже если сможет? Что делать потом – вот вопрос?

Шестнадцатое. В раздетом виде широк. В одетом – скуповат.

Семнадцатое. Напоминает попугая в клетке. Сидит накрытый одеялом. Вдруг поднимают одеяло – яркий свет, тысяча глаз, и он говорит, говорит... Опустили одеяло – тихо, темно, кто в клетке – неизвестно.

Я его вызвал

Я его вызвал, и он пришел ко мне с тонометром.
– Вам шестьдесят лет, – сказал он. – Что тут не ясно?
Большой живот – вот результат.
Давление – результат.
Изжоги – результат.
Сердцебиение – результат.
Вам шестьдесят, и от чего-то надо отказаться.
Так от чего отказываться будем?

- а) Бабы – вычеркиваем.
- б) Выпивка – вычеркиваем.
- в) Вкусная еда – вычеркиваем.
- г) Лежание с книгой – вычеркиваем.
- д) Ужин с друзьями.
- е) Утренний кофе.
- ж) Ночной коньяк.
- з) Жареное.
- и) Копченое.
- к) Газеты на ночь.

– Что там осталось? – просипел больной.
Остались: свежий воздух, утренний бассейн, вареная морковь, жена.
Неделю пролежал со списком.
Потом восстановил последний пункт.
Последний пункт, он легкий самый.
Одна газета на ночь...

Но там такие гадости, но там такие сволочи, но там такие выборы. Ну, не заснешь, и все...
Берешь хоть книгу.

А там такие гадости, а там такие мерзости, там все так мерзко красочно, и так умирают длительно от ран в паху.

Причем все в шестьдесят. Все в шестьдесят!

Ну как тут не восстановить пункт ж).

Чуть-чуть.

И тут оно как завертелось и выстрелило наблюдениями, итогами и меткими словами.

Ну как тут не поговорить чуть-чуть.

Ну не с мужчинами же а)?

Ведь надо же узнать, кто есть...

Прощупать хоть по телефону... людей...

А дома спят. Из мужиков же по ночам почти никто не говорит.

Они все спят от вредности дневного...

Приходится слегка восстановить пункт а).

Слегка... Чтоб жизнь почувствовать.

А там все оживились.

Куда пропал? Что за манеры и когда?

Зачем когда? Я просто так.

Ну просто так когда?

А о здоровье с дамой неприлично. Мы разные. Здоровье разное и разные врачи. За что и любим.

Понастыдили. Нарушил пункт второй по-крупному.

С ним третий. Как же без закуски?

И мужики не говорят так просто. Только с пунктом д).

То есть оплачиваю я их выпивку, депрессию, рукопожатия.

А как там разглядишь копчености во всем масштабе нарушений.

От утреннего кофе отказался, хотя бы потому, что наступает он в 16.00.

Ночной обед, дневная баба. Зарядка вечером, а утром мертвый сон. Живот, подагра, ревматизм, ангина, сердце, частый пульс, друзья, копчености, девицы с маринадом.

И он с тонометром.

– Так от чего откажемся? Давай попробуем от новостей.

– Нет, нет, – вновь просипел больной.

– От баб? – Он поглядел на циферблат. – От выпивки, от чтения на ночь, от ночных раздумий. Ты видишь, что нельзя от одного. Ото всего.

– Ото всего. Ото чего ото всего? И что там остается?

– Прогулки, свежий воздух, овощи, окно.

– И никаких ночных раздумий?

– Никаких.

– Когда ответ?.. Пстой, а может, я здоров?

– Вполне возможно. Когда б не результаты измерений...

– Тогда поступим так. Мы список размножаем в двух экземплярах и ищем точки соприкосновения. А если не найдем – то снова соберемся. А если в третий раз не выйдет, тогда исход один.

– Какой?

– Со своим списком каждый. Но список наоборот. Перечисление органов: желудок, печень, сердце, голова, суставы, позвоночник... Кто от чего откажется?.. И снова соберемся.

Я брошу все и войду в твое положение У врача

- У меня высокое давление, посмотрите кардиограмму.
- Нет. Пейте раунатин.
- Оно очень падает.
- Пейте кофе.
- Но я не понимаю, как же мне пить кофе.
- Пейте раунатин.
- Мне на улице бывает плохо. Недавно так стало плохо...
- Не выходите на улицу.
- Как же я могу не выходить? Нам же с мужем кушать надо. Что-то надо купить.
- Попросите кого-нибудь.
- Я могу попросить один раз, но регулярно как же я могу просить?
- Просите раз в неделю.
- Как же раз в неделю, а молоко, а хлеб?
- Муж пусть ходит.
- Муж-то вообще не встает. Может, посмотрите?
- Не надо. Наймите кого-нибудь. Договоритесь.
- Кого же нанять? Никто не хочет этим заниматься.
- В бюро добрых услуг.
- Бюро добрых услуг этим не занимается. К ним не дозвонишься. Кроме того, они оказывают за деньги.
- Договоритесь с соседями.
- Они работают. Уходят на рассвете, приходят вечером.
- Другие соседи.
- Алкоголики. Они у нас одалживают и не отдают. А мы получаем пенсии, я – шестьдесят восемь, муж – восемьдесят два, кого уж там нанимать? Ну сколько мы можем платить – тридцать рублей. На сто двадцать вдвоем, а квартира?
- Дети пусть приносят.
- Сын в другом городе.
- Пусть переедет.
- Он здесь не устроится. Он педагог.
- Внуки пусть приедут.
- Внук учится там же, у сына.
- Вы туда переезжайте.
- Они не приглашают. Я думаю, у них забот хватает.
- Родственников попросите.
- Близких у нас нет. Дальние хуже посторонних.
- Заказы берите.
- А хлеб, а молоко, а лекарства?
- Возьмите квартирантку.
- У нас однокомнатная. Кухня маленькая.
- Ширму поставьте.
- Муж почти не видит. Он попадет за эту ширму.
- Пожилую возьмите.
- Никто не идет. Я уж несколько объявлений давала.
- Продайте что-нибудь.

- Ничего ценного нет.
- Вот этот магнитофон.
- Он внутри пустой.
- А брат, сестра у вас есть?
- Умерли уже. Умерли.
- У мужа?
- Он единственный сын.
- Звоните в бюро добрых услуг. Дозвонитесь.
- Кто будет звонить?
- Муж пусть позвонит.
- Он ничего не помнит. Телефон не запомнит.
- Напишите ему.
- Он потеряет бумажку. Он очень плохо видит. Он не знает, где очки.
- Привяжите.
- Он отвяжет и потеряет.
- А если сыну сообщить?
- Пете? Он в больнице.
- Сообщите Петиной жене.
- Стерва. Я когда-то была против свадьбы. Десять лет прошло. Она помнит.
- Напишите Пете.
- Она ему не передаст.
- Напишите на работу.
- Он в больнице.
- Это раунатин? Дайте воды... Впрочем, я сам, не надо вставать.
- У вас тоже давление?
- А...
- Не надо ходить.
- А кто за меня будет ходить?
- Больничный возьмите.
- Уже не дают.
- А на пенсию?
- Восемьдесят два рубля.
- В киоск пойти.
- С головными болями в киоске сидеть?
- Можно не целый день.
- Даже полдня...
- Кто у вас дома?
- Сын.
- Пусть сын кормит.
- Его надо кормить.
- Жена сына.
- Он не женат.

Новости Обзор

Наша свобода напоминает светофор, у которого горят три огня сразу. При такой свободе главное – выжить. При такой езде проявляются не взгляды, а характер.

Люди, у которых жизнь не получается, требуют запретить, отобрать и поделить. Они – за свободу, но по справедливости. То есть одеяло – одна штука, сапоги – одна пара, перловка – один килограмм, хлеб – одна буханка. А чтоб было точно по справедливости, делить будет он сам.

В Одессе, между прочим, прошла первая всеобщая забастовка. Жаль, никто не заметил. Место выбрано неудачно. Там и раньше никто не работал.

Общаться в Одессе не с кем.

В Одессе не с кем общаться, в Америке не с кем общаться. В Израиле не с кем общаться. Куда же все поехали?

– Внимание! В аэропорт Шереметьево прибывают пассажиры рейса 2893 «Архангельск – Москва». Сам самолет, из-за отсутствия горючего, остался в аэропорту Архангельска.

На автозаводе в Тольятти зарплату выдают запчастями. Первого и пятнадцатого народ выкатывает колеса, карбюраторы. Высокооплачиваемые тащат глушители и задние мосты.

Одесская мэрия договорилась с турками о постройке гостиницы в Аркадии. Наняли турок по пятьсот долларов в месяц. Турки наняли армян по сто долларов в месяц. Армяне наняли украинцев по пятьдесят долларов в месяц. Стройматериалы украли, единственный самосвал упал в воду, на стройке – тишина.

В Москве появился телефон для самостоятельного, независимого, одиночного секса. То есть небольшой разговор, потом включается автомат: «Ждите оргазма! Ждите оргазма! Ждите оргазм..!»

Начальник Одесского горсвета баллотировался в депутаты Украины. В городе перебои со светом. Он сказал, что знает о перебоях. Тем более он начальник горсвета. И сказал, что, если его выберут, перебои со светом прекратятся. «А если не выберут?» – думают все...

В одесских трубах нет напора. Ни в газовых, ни в водопроводных. Кто-то во дворах регулярно собирает деньги на ремонт труб, а напора все равно нет. Когда его ловят, он говорит: «Шо ж вы хотите? Напора нет?!»

А жить у нас стало интересно как никогда. В России появились первые в мире разорившиеся бедняки. Ни одного разорившегося банкира и масса разорившихся бедняков. Время от времени в каких-то коммуналках, в подвалах выскакивает человек в лохмотьях с криком «Я разорен!»

– А вы не играйте в азартные игры, – говорит государство из постели.

– А вы не верьте в то, что вам обещают, а вы поезжайте за границу, походите по стране, проверьте его недвижимость, активы и только после этого взносите.

– Да? – спрашивают клиенты, скинувшиеся по пять-шесть старушек на один вклад. – Только после этого?

– Конечно, только после этого!

– Че ж вы раньше не сказали?! – кричат клиенты.

– А че ж вы раньше не спросили?! – говорит государство. – И вообще, как можно верить тому, что вам говорят по телевидению. Идите потолкайтесь в очередях, там все официально.

Всем нравятся деловые русские в Латвии, деловые русские в Эстонии, деловые русские в Литве. Собранные, энергичные, деловитые. Напоминают бывших евреев в России.

Украинская таможня на границе с Россией свирепствует:

– Наркотики е? Оружие е? Газовые баллоны е?

– Нет. А у вас купить можно?

– Шо-нибудь подберем.

На Украине строго соблюдаются национальные приоритеты. В Одессе уже говорят, что человек произошел от украинца. В России говорят, что человек произошел от русского. Евреи загадочно улыбаются.

В Москве реклама надывается:

«Берите напрокат лимузины, яхты! Путешествуйте в Никозию!»

– Куда-куда? – спрашивает народ.

– В Никозию!

– Кто-то ж, наверное, путешествует? – кипятятся коммунисты.

– Жиды, – отвечают патриоты, – кто ж еще?

«Шоколад «Баунти» тверже во рту, чем в руках!»

– Кто-то ж его жрет? – шумят коммунисты.

– Жиды, – отвечают патриоты, – кто ж еще?

«Сок из апельсинов и бананов давим тут же при вас! Вы пьете тут же при нас!»

– Кто-то ж его пьет? – шумят коммунисты.

– Жиды, – отвечают патриоты, – кто ж еще?

– Слушай, чего же они уезжают?

– Та надоело им это все.

После семидесяти лет простоя все телевизионные новости – через обнаженную женщину, чтоб смотрели внимательно. Самолеты, трубы, эшелоны между ног. Оттуда же сыплется цемент, стройматериалы и коттеджи. Покупайте!

В Москве врачи бастуют. Не выехала «скорая» – померло пять тысяч человек; выехала «скорая» – померло шесть тысяч человек. Врачи удивляются, как при таком лечении больные еще живы. Больные удивляются, как при такой зарплате врачи еще живы.

В ответ на бесконечные угоны автомобилей в Москве наконец-то появились настоящие противоугонные устройства – сиденье-шприц-штык. При посадке угонщика срабатывает шприц или штык в зад. Что важно – не забыть об устройстве перед собственной посадкой.

А в это время с народом по телевидению все играют в разные игры. «Проще простого», «L-клуб», «Поле чудес». Букву угадал – миллион, слово угадал – автомобиль. Народ носится, заучивает слова.

Свадебная церемония древних ацтеков – шесть букв?

Долбаная лодка американских индейцев – пять букв?

Температура воды в римских банях?..

Ходят неменяемые, выучившие наизусть половину энциклопедического словаря.

В общем, стреляют, танцуют, грабят, богатеют, беднеют. Расстояние между социализмом и капитализмом стремительно сокращается. В промежутке мечутся наши люди, то ли стягивая, то ли расталкивая эти две системы.

Врага давай!

Дорогие эмигранты в США, разрешите всех поздравить с Новым годом, хотя, кроме неприятностей, не вижу ничего.

Переход наших стран из противников в друзья, по документальным данным, обойдется им в двести миллиардов долларов. Дешевле было друг другу морду набить. Душа кровью обливается – у нас столько отравляющих веществ скопилось, что их легче применить, чем уничтожить. Что, людей нельзя было найти?

А ракеты? Как ты их приспособишь? Приветствие послали из России в Америку боевой ракетой. Это же ракета!.. Ее пулнить по-настоящему...

А куда девать ребят из Лос-Аламоса-1 и Арзамаса-16? Они уже привыкли друг к другу. Лос-аламосские – самолет-невидимку «Стелз», а арзамасские им – невидимую ракету «Игла». Я правду говорю. Их только что поймали. Арзамасцев! Успели-таки придумать против «Стелза». Хотели испытать. Невидимка в невидимку – такой был бы взрыв! Ничто в ничто, ни с того ни с сего.

А ваши евреи уже успели против наших... А наши евреи только начали против ваших соображать, так страна кончилась и против евреев кампания пошла...

А евреи ведь как? Они в любой стране в меньшинстве, но в каждой отдельной отрасли в большинстве. Взять физику – в большинстве. Взять шахматы – в большинстве. Взять науку – в большинстве. А среди населения в меньшинстве. Многие не могут понять, как это происходит, и начинают их бить.

А пока половина евреев под флагами США, а половина под флагом СССР честно и мирно соревновались друг с другом на случай войны, развалился самый любимый враг всего мира – СССР. И ракеты, твердо нацеленные на Лос-Аламос, рассыпались веером. Кто на Ташкент, кто на Душанбе, а кто вообще на Москву.

Такие случаи были, когда ракета, выпущенная в район Кабула, заметалась, скрылась в тайге, пробила коровник под Тулой, перепугала горных козлов на Алтае, вернулась домой, погналась за одним грузинским танком и добила его.

Вот что творится, когда противник исчезает. Морская пехота США в слезах ищет, кому морду набить. Сидели в песках, тренировались, на муравейниках спали, в грязи ползали. А противник на встречу не явился.

Врага давай! Давай врага! Что Ирак? Это же смешно.

А наши ордена Ленина, ордена Боевого Красного Знамени, ордена «Знак Почета и уважения» военно-десантные войска. Он же кулаком разбивает пять кирпичей. Куда его приспособить? Парикмахером? Не хочет он головы стричь. Он их разбивал! И давай ему по три-четыре головы в день. Иначе секрет утерян, и все!

А эти «Аваксы», «Стелзы» против кого? Ливия, Сирия? Это же смешно! И правильно наши патриоты в Ирак летят. Им разве друзья нужны, им враги нужны. Врага давай!

ПВО разваливается, пьянство в блиндажах, разврат в бункерах стратегического назначения. Полковник межконтинентальных войск завалил девицу попкой прямо на кнопку пуска баллистической ракеты. Хорошо, что она не сработала. (Я о кнопке говорю.)

В генеральных штабах всегда строго было, красиво. Карты мерцали, погоны сияли, тихие голоса: «Предполагаемый противник в случае начала военных действий нанесет ракетный удар, направление Челябинск – Уфа. Мы отвечаем ударом Нью-Йорк – Милуоки, параллельно Франкфурт – Саарбрюккен. Тогда противник собирает все силы и наносит ответный удар в район Харькова с возможным десантом на линии Феодосия – Керчь. Наша стратегическая авиация атакует Сан-Диего и наносит упреждающий ракетный удар по Манчестеру. Противник

выводит из-под удара бронетанковую армию и пытается создать окружение в районе Хмельницкого, тогда мы...»

Такие люди в штабах сидели! Кому они мешали?

Их разогнали. Без квартир, в коммерческих ларьках торгуют. Прогорают. Ошибаются в расчетах. Их рэкетеры бьют. Они же против одного не умеют. Они же против народов обучались. Таких людей из штабов выбрасывать – только уличную преступность размножать.

А конструкторские бюро, краса и гордость в белых халатах. Не знаю, как у вас, у нас впереди войск всегда конструкторы мчались. Туполев, Ильюшин, Лавочкин. Два одессита Нудельман и Рихтер – самолетная пушечка НР через винт.

А самый популярный человек всех времен и всех стран Калашников! Популярней Горбачева! Дети знают, женщины: «Я сплю с «калашниковым», «Я даже в душе с «калашниковым»... О ком еще так говорят. И этот человек не у дел!

Сейчас, говорят, во всем мире сбор средств идет. Чтоб собрать двести миллиардов, чтоб опять эти двое друг против друга стояли, чтоб все умные люди этим заняты были. Тогда маленьким странам кайф и полная джамахерия. Дерись с кем хочешь, пока взрослых нет.

Ну а пока мы свободны и сидим за мирным столом, уже не представляем с гордостью каждый свою страну и не несем за нее никакой ответственности, мы пьем за абсолютно Новый год, который, как и каждый год, кого-то отдаляет от жизни, а кого-то приближает к ней, пьем за наши страны, за две или три наши родины, которые именно мы, как бы нас ни проклинали, превратили в сообщающиеся сосуды.

Нечистая сила

Мы квартиру иностранцам сдали. А там пошло.
Телевизор сдох 7 ноября.
Включился 1 декабря, показал «Любэ», крикнул: «Атас!» – и сдох.
17 декабря вдруг зашелся: «Разрешите наш съез... Атас!» – и сдох.
На Новый год врубился, крикнул: «Атас!» – и снова сдох.
Теперь показывает только «Любэ».
Вода утром из унитаза вдруг пошла горячая. Сидишь весь в пару.
Когда замок открыт – ничего из квартиры не пропадает. Замок закрыт – кое-чего нет.
Однажды дверь оказалась заперта снаружи и изнутри.
Плита включилась ровно в 12.00, раскалилась, а когда поставили кастрюлю – выключилась.
Велосипед бьет током. Хотя ни к чему не подключен.
Из магнитофона «Днепр» потекла вода.
Когда туалет на задвижку закрываешь внутри – не выйдешь никогда.
Снаружи задвинули – наверху кто-то закричал и с кровавым пальцем прискакал...
Как-то сообщается, видимо.
Ну и регулярно, как ведро в унитаз выльют – снизу мокрый человек прибегает.
Они в панике.
Мусор выбросят – снизу этот же человек прибегает в наших обедках.
Тоже, видимо, сообщается...
В кухне дверью хлопнут – лифт вниз идет.
Соседняя мастерская на наш счетчик работает. Тоже как-то...
Они отказываются жить.
А уж с телефоном!..
Те, к кому мы попадаем, и палец советуют повнимательней вкладывать, и последнюю цифру через паузу вращать...
Какой бы номер ни набрали – в одну и ту же семью попадаем.
Они уже плакали. Мы плакали. Кричали:
– Отсоединяйтесь! Дайте поговорить!
Я уже не говорю, что во время набора три, четыре семьи проходишь. И опять к ним.
– Это опять вы!.. Вставьте, пожалуйста, палец повнимательней!
Да мы уж так внимательно вставляем... Я уже один не набираю. Я уже себе не доверяю.
И снова:
– Это опять вы?
Они форточку открыли – соседка из другого подъезда прибежала: ребенок маленький...
Просьба закрыть.
Ну и конечно, как хлопнут дверцей холодильника – слева крик.
Пол моют – внизу люстра загорается.
Жена плакала: все письма назад приходят – «адресат выбыл». И те, которые к нам, – туда возвращаются. «Адресат выбыл».
– Как выбыл? Мы же здесь!..
И телеграмма пришла на наше имя: «Вон отсюда, иностранцы проклятые!» С нашей подписью. А мы ж никогда. Мы же их пригласили...
Голос по ночам отчетливый. Кто-то диктует мемуары... Узнавали. Действительно, в соседнем доме генерал с дочкой...

Письма на чужое имя с чужим адресом бросают к нам в ящик. Все на фамилию Марусев... И говорят:

– Вам, вам, не прикидывайтесь.

Мы все время думаем, что это социализм, но выбор-то мы сделали правильный в 17-м году. Значит, это нечистая сила.

«Может быть, вы не знаете...»

Может быть, вы не знаете, но в Одессе быстро поднятое не считается упавшим.

* * *

Возьми за правило прерывать беременность еще в период знакомства.

* * *

Простое одиночество – это мимика в темноте, пожимание плечами, негромкий стон в ответ на какие-то мысли.

Явное одиночество – это уже разговор, тихий разговор с самим собой с упреками, угрозами, с отрицательным покачиванием головы и вздохом: «Нет, это невозможно».

Полное одиночество – это громкая беспардонная болтовня с собой с ответным хохотом, пожиманием руки, рассматриванием удостоверения, хлопаньем самого себя по животу: «Ай да молодец, ну насмешил», с последующей задумчивостью и криком «Нет, ты не пойдешь туда! А я сказал, нет!» и слезами, прерываемыми: «Ну не рыдай же. Как ребенок, ей-богу!»

– Не дай, Господь, нам пережить детей, – сказали как-то все. Вот у меня вопрос: когда? Когда мы повзрослеем?!

* * *

Птичка не усидит – дергается, дергается. Чего суетишься? Чего дергаешься? А кормиться надо. Кормиться и плодиться. Плодиться и кормиться.

Если бы их не поедали другие, которым тоже плодиться надо, страшно было бы подумать. Все мы бегаем и тучнеем для кого-то.

Подумай, прежде чем поправиться, хочется ли тебе, чтоб он так вкусно кормился и плодился.

* * *

– Я посмотрел твой концерт.

– Ну?

– Ты не обидишься?

– Нет.

– Честное слово?

– Честное слово.

– Вот я все и сказал.

Как кому, а мне нравится думать!

* * *

Кофе заказывал я. Когда я заказывал, мне еще было можно. Теперь мне нельзя.

* * *

Я люблю все, что означает движение: пароход, самолет, спичку, скрытый смысл, знакомство с умной женщиной, неоткрытую бутылку водки.

Расставить любимых в пространстве. Врывается банда:

– Кто из вас еврей?

Жена говорит:

– Я!

Любовница говорит:

– Он!

Друг говорит:

– Вон отсюда!

* * *

Тут же в больничном дворе композиция «Кто кого». На козлах наклонно стоит очень грязный «Москвич», а под ним много лет лежит очень грязный тоже москвич водитель Женя. Он ремонтирует, ремонтирует, ремонтирует, ремонтирует. Хотя откликается, дает прикурить, на предложение вылезти или выпить отвечает: «Мне некогда, мне летом выезжать».

Шумит дождь, падает снег, а он все ремонтирует, ремонтирует, ремонтирует.

А мне говорят – вы повторяетесь. Да. Я повторяюсь. А он ремонтирует, ремонтирует, ремонтирует...

Завидую тебе, Женя, у тебя есть смысл в жизни, А я за тебя выпью, сдам анализы, а они пусть ремонтируют, ремонтируют...

* * *

Ты умный, Сережа! Ты так умен. Ты знаешь, что надо работать и писать.

А я настолько умней тебя, что знаю: этого можно и не делать.

* * *

Американка все не могла понять, почему такое количество звонков на дверях квартиры. Ну, ей объяснили, что один звонок в спальню, другой – в прихожую. Куда хочешь войти, туда звони. А то, что на звонки выходят разные люди, не имеет значения – семья большая.

* * *

Девятнадцатое июля. Открытое окно.

Юг. Море. Зелень.

Вишни. Солнце. Небо.

Вишни, виноград.

Только нет друзей.

Они оставили мне это.

* * *

Мы с ней дружно живем. То есть в основном она.
Мы и спим с ней, где главным образом спит она.
Мы никогда не расстанемся. Вернее, она, конечно.
В общем, все счастливы. Кроме меня.
Я потерял и простил своих друзей.
Я потерял и простил своих женщин.
Я снова приблизился к бумаге и заинтересовался тем, что она терпит.
Песочными часами пересыпается время.
Будущее внизу, прошлое вверх.
Когда вертишь свои шестьдесят, сыпятся дни из смеха в слезы.
В горле и глазах прыгают точки.
В мозговых полушариях ширятся белые пятна.
Ощущения переходят в наблюдения.
Наблюдения – в воспоминания.
Слезы, выраженные словами, вызывают смех.
Смех вызывает кашель.
Кашель выдает присутствие.
Уходишь замеченным.

* * *

Мой контингент – «я минус десять», между мной и вами, мадам, не должно проходить больше одного третьеклассника. Ваше желание поместить туда семнадцатилетнего оболтуса привело к напряжению на разрыв, а уж мои попытки просунуть между нами двадцатисемилетнего взрослого идиота закончились полным крахом.

Время музыки

Странно: мы все понимаем, как глубока и вечна классическая музыка. Но властвует легкая. Как политика над учеными. Коли легкое властвует, надо его выбирать, как выбирают политику, надо его предлагать, как предлагают политику.

Легкая музыка делает эпоху.

Музыка не нуждается в переводе.

Могли бы и буквы придумать общие для всех народов – не захотели. Они думали, что буквы – главное. Буквы сохраняют нацию.

Ноты главнее. Общие для всех наций ноты сделали свое дело – можно стучать в кастрюли, обижаться на засилие, а побеждает та музыка, которая побеждает. Американская, итальянская. И обижаться нечего, тем более что американская – наполовину наша.

И Гершвин, и Берлин, и Покрасс. Не обижается Америка и выигрывает. А мы всю музыку, всю физику, все тексты подсчитываем, подсчитываем и проигрываем, проигрываем от огромного комплекса неполноценности.

Предмет нашей национальной гордости, корифей науки, обставивший весь мир, будет мучиться, болеть, голодать и умрет, лишенный внимания, потому что неправильно сконструирована система. Ему кроме слов нужен заработок, вот эта всеобщая известность и гордость ему – этому предмету – должна давать заработок. Чтоб жить и не зависеть ни от кого, тогда он может сочинить то, за что его любят.

Он может сочинять и в тюрьме. Но это будут сочинения в тюрьме. И, выйдя на свободу, он четко скажет, что тюремный опыт человеку вреден.

Только буквы. Ноты, цифры и опыты в тюрьме не поставишь. И музыка из тюрьмы будет музыкой из тюрьмы, где солнце в клетку, и туча в клетку, и женщина за решеткой с той стороны.

Женщина. Женщина. Женщина.

Потому что свобода – это женщина.

Тюрьма без женщины.

Болезнь без женщины.

Старость без женщины.

Война без женщины.

Все плохое без нее.

Свобода – это женщина.

Или, говоря сложнее, любовь.

Или, говоря еще сложнее, возможность любви.

Или, говоря проще, найти свой минус или свой плюс для возникновения электричества. Для появления людей на белом свете. Из тюрьмы с детьми не выйдешь.

Литература без детей. Варлам Шаламов. Как ужасно, когда болеет ребенок.

Легкая музыка – порождение жизни. Сейчас она склеенная, заимствованная, продающаяся и фонограммная.

В ней нуждаются. Ее покупают. В нашей стране в ней нуждались всегда. Музыка, как снег, покрывает разруху, ямы и могилы.

Музыка Дунаевского, Соловьева-Седого покрывала аресты и Беломорканалы. Но какая музыка!

Любовь Орлова – звезда, но ее все время покрывает музыка Дунаевского.

Война под голос Утесова. И яростная борьба власти с музыкой за власть.

И джаз все равно владел ногами и сердцами.

Музыка, как вода, касается всех берегов. И фигурное катание в немислимых дозах шло под хорошую музыку, под запретную.

Музыка как воздух. И как вода.

Скорее как воздух. Окружает нас всюду.

Ее не нужно читать, покупать. Она всюду.

Двигая рукой или телом, мы рассекаем музыку.

Какую бы ты кнопку ни нажал, включается музыка.

Реклама, радио, соседи сверху, снизу, со двора.

Парад, войска, оркестры, марши. Она звучит все время, независимо от нас.

Включай, не включай. Тебе остается только присоединиться.

Сел в машину – музыка. Вошел в дом – музыка. В эфире из разных стран.

И хороший писатель тоже пишет музыку. Рассказы Чехова. Пушкин.

Гениальных песен в мире так же мало, как симфоний. Редкостные певцы рожают музыку. Еще более редкие понимают слова, которые поют. Совсем редкие рожают музыку и понимают слова. Кто владеет музыкой, владеет молодежью.

Но музыка выбирается молодыми.

Стихи, положенные на музыку, сразу становятся доступными.

Период тоталитаризма, как любая тюрьма, был периодом хороших стихов. Смысл которых был всегда один – долой тюрьму. Теперь тюрьмы нет, и смысл распался. Исчезли стихи как оружие. И появилась масса бессмысленных слов на музыку, вызывающую движение и напоминающую секс.

Это можно танцевать под бой часов, под дизель, под забивку свай, под стук колес, под барабаны в джунглях.

Сидеть под музыку нельзя. Надо танцевать внизу-вверху. Сидя и лежа на боку.

А в общем, услышав несколько нот к фильму, мы угадываем эпоху. Как в игре «Угадай мелодию» – мы угадываем слова. Это литературная передача. Так что надо бы назвать «Угадай стихи».

А эпоха волшебных мелодий, видимо, у всех прошла. Последние фильмы из музыки: «Кабаре», «Весь этот джаз» Фосса.

Голливуд собирает весь мир. И наука США собирает весь мир. Кто же мешает нам собирать?

Денег нет. А денег нет, потому что продавать нечего. А продавать нечего, потому что авторы уехали. А авторы уехали, потому что денег нет.

Вот и снова замкнутый круг, из которого состоит наша замкнутая жизнь.

Когда свобода, когда можно ехать, а можно и остаться, проверяется просто. Любовью к стране.

Но и эту любовь, как и всякую любовь, проверять и испытывать не стоит.

Надо жить: 1) безопасно; 2) лечебно; 3) образованно; 4) тепло; 5) удобно; 6) с кем хочешь.

И что-то получится. Как в музыке, которая приходит к нам оттуда, где получилось все остальное.

И все-таки.

Просто жить одним ритмом – это джунгли. Это развлечение. Это свободное время. Но остальное – это придумывание музыки, слов, цифр, аппаратов, чтоб эту музыку транслировать.

Чтоб певцы пели под фонограмму, кто-то должен придумать усилитель и магнитофон. Нужны головы.

Сейчас у нас время ног.

Головы не нужны. Руки не нужны. Время ног.

Что предмет нашего советского творчества? Из того, чем можно было заинтересовать. Это тюрьма. Архипелаг ГУЛАГ.

Диссиденты – это и была наша продукция. Продавать и завоевывать мир можно и тем, что получается лучше всего.

Аркану-II

Второе приветствие Арканову

Ну что ж, дружба снова стала главной.

Она всегда становится главной, когда нет законов.

Из беззакония в беззаконие, и дружба – главной.

Аркадий Михайлович, мы снова, как двадцать, пятнадцать и десять лет назад, у вас в гостях. Мы снова вместе, Аркадий Михайлович.

Мы тут в связи с новой жизнью были уверены, что расстанемся навсегда.

Мол, с приходом демократии каждый идет своим путем.

Индивидуальное развитие идет на смену коллективной недоразвитости.

И вообще, мы собирались каждый открыть свое дело.

Мы надеялись, что со сборами на кухне покончено, мы перешли в гостиные и выковывали себя, готовя к борьбе за существование в новом лице, где человек человеку волк, а разносчик газет становится президентом.

Мы готовили себя к рыночным отношениям, где мы должны быть яростными конкурентами, то есть вы что-то шутите, я это ворую и шучу тут же рядом в еще большей аудитории. Вы берете тему. Я беру рядом. И пишу на эту же тему очень сильно и смешно. Вы, услышав это, заявляете, что как человека вы меня еще как-то уважаете, но писателем не считали никогда и несчастна та страна, где такие, как он (то есть я)... и страшно зло шутите, потом говорите: «А вот сейчас я вам почитаю на эту же тему свое, и вы поймете, как надо», – и страшно смешно читаете, разрывая сытые животы коммерческой публике, и она говорит: «Нет!» Она говорит: «Нет! Это и есть то, что нам нужно, мы будем ходить сюда, в Сивцев Вражек, 7, а не на Тверскую, 16, где злится этот маленький, лысый и толстый».

И тогда я вообще вынимаю последние бабки, устраиваю банкет с шутками, угощениями и полуголыми, легко угадывающимися в тюле и тумане, и держу речь в смокинге и пенсне.

– Я не буду с ним соревноваться в юморе, – с хохотом говорю я, – это вообще не его область. Он из скверных врачей стал жутким юмористом, и кто-то ему соврал, что публика смеется над его остротами. Но если бы он внезапно перестал шутить, смех бы только усилился... Ха-ха-ха, не могу. Я слышал, что на последнем вечере он после часа подготовки с трудом вышел на эту жалкую остротку. Мне ее рассказывали. Рассказывал человек, которого ничего не стоит рассмешить, который хохочет, глядя в лужу, и то он сказал:

– Да! – он сказал. – Да! Это не юмор.

Страшно смотреть на человека, пытающегося пошутить с трех-четырёх попыток. А эта шутка... что-то типа «я рад, что вы заглянули ко мне на Сивцев Вражек, а те, кто не дошли, сидят на Тверской, 16».

Дать вам паузу для смеха?..

Так я хочу сказать: во-первых, пейте и ешьте. Сегодня бесплатно! А тому, кто собирается на Сивцев Вражек, 7, я тоже хочу сказать: «Чтоб ты не дошел».

Я тут поймал двоих, которые ходят туда и сюда и сравнивают. Мои ребята с ними поговорили.

Все, кто ходит к нему, может забыть дорогу сюда и как я выгляжу.

Я не ревную, но каждый должен выбрать, кто тебе шутит в ухо, в лицо или по печени.

Все!.. Я плохой! Но будет так, как я сказал!

Закусывай, чтоб я видел, как ты ешь.

Я всю жизнь шутил.

От меня ушла жена.

Я имел три очень больших и очень неудачных романа с посторонними женщинами. Они, бедняги, не понимали, когда я шучу и когда я серьезно, и я разрушил их жизнь!

Все! Я снял зал! Я заплатил за стол. Я шучу как хочу. И вы будете смеяться! Мои люди будут за этим следить. Они же будут завтра у него. Если кто-нибудь из вас там окажется!.. Засмеется!.. Захлопает!..

Мне пугать вас не надо.

Вы знаете, как трудно у нас гулять зимой...

Эти проклятые сосульки...

Конечно, это чистая вода, но только для того, в кого она не попала.

А ему передайте. Мы составили соглашение: я шучу в регионах, он смешит Центр. Пожалуйста – танцуй, пой, пародируй, это твое. Но не пересекай.

Что же я слышу: 20 ноября он проехался по Житомиру. Так легко, как будто мы с ним ни о чем не договаривались!

Пусть та мразь, которая его увидит, передаст: я ему отдал самое дорогое. Центр! Оторвал от души. Бери! Обшути! Обмой! Хоть съешь этот Центр вместе с парламентом, но на места?! На места не лезь! Они мои! Эти маленькие мэры, эти все гордумочки, эти властички, местечки – это мои конфетки. Я там профессионал.

И мы договорились! Мы не мешаем друг другу.

Но если внезапно пошутим вместе – содрогнется страна!

Только одновременно и на Пасху.

Так что передайте ему дословно:

– Аркан, Центр – твой. Мишель берет себе места.

Если он хочет меня видеть, я жду его в этом глухом зале «Россия». И мы там ударим по рукам.

Пусть приходит.

Я пустой.

Его люди могут проверить.

Если он не придет...

Каждая его шутка для тех пятерых, что придут в этот паршивый зал, обернется рыданиями.

Он даже не будет знать почему. А они ему не успеют сказать.

Давай, Аркан, шути! В этой области ты вне конкуренции, как каждый из нас в своих областях... Вот как я хотел сказать.

Вот какая могла быть жизнь, полная опасности и секса.

Но замолчал народ, запротестовал военно-промышленный комплекс.

Рухнул премьер.

Изменился президент.

И вот мы снова на кухне и я слышу слова:

– Что-то давно мы не виделись, заходи, Мишель, есть о чем поговорить. Я теперь пою, теперь у меня разборки с Киркоровым. Ты когда можешь: 27-го или 28-го?

– 28-го.

– А мы 27-го, собираемся к семи.

Гердту

Из чего состоит Гердт? Из голоса, ноги, юмора и стихов.

Из чего состою я? Из уважения, внимания, ответной шутки и встречной рюмки.

Восемьдесят лет достаточно, чтоб представить, но недостаточно, чтоб понять. Все что могла природа отдала Гердту, отняв это у других. Прекрасно острит сам, и тут же хохочет от другого, что уникально.

Обычный острящий от чужой шутки мрачнеет. Либо прерывает криком:

– А вот у меня было в Краснодаре...

Обычный острящий воспринимает слова: «Вы – гений!» не ушами, а животом и долго переваривает, глядя по-коровьи.

Из чего состоит Гердт...

Из Пастернака, встреч, тембра и быстрого «да». Это быстрое «да» сводит с ума и делает собеседника неповторимым. Кому повезет, тот с ним выпьет. Кому очень повезет, тот с ним закусит. У него. Не у себя. У себя вы будете жрать уничтожающее, а у него дополняющее рюмочку, куда уже входит закусочка. Вы ее уже пьете.

У себя дома вы тот молчаливый, вялый, скучно едящий, тихо пьющий впередсмотрящий.

У него вы уважаемый и пылко любимый гость. Талантливый во многих областях науки. Возвратясь, извините, к себе, вы еще долго хорохоритесь и тонко ходите, объясняя отвратительным близким, кем вы только что были.

Правда, если вы желаете этим быть снова, вам надо опять идти туда. Этого уже приходится добиваться. Ибо там уже сидит следующий и ловит это быстрое «да», чтоб улететь на крыльях, забыв про ноги.

А еще с ним хорошо ездить в поезде. Торчит нога, звенит беседа, и вечно занят туалет. Из его купе выходят прямо на перрон. Кто в Ленинграде. Кто в Одессе.

А он изменчив. Он устал. Он не актер. Про актера не скажешь, какой умный, пока ему не напишешь.

Он просто гениальный человек. Во всех областях. В том числе и в нашей.

Ролану Быкову

Только мюзик-холл объединяет настоящих друзей! Два лысых, кривоногих и сто красавиц в едином сюжете мчатся к развязке. Она наступила. Кривоногим по шестьдесят, длинноногим по сорок.

Компания распалась ногами к сцене, головами на выход.

Мало кто знает: мюзик-холл жив. Он охватил всю страну. А двое лысых, а двое кривоногих, а двое зачинателей святого дела поздравляют, целуют друг друга и шепчут:

– Тело живо – дело есть. Дело живо – тело будет. От имени Жванецкого имени Ролана Быкова.

Окуджаве снова...

Говорить о любви к нему, как о любви к Пушкину, смысла не имеет.

Он был независим.

Откликался только на то, что его задевало. К остальному равнодушен. Равнодушны мы все, но он не притворялся.

Счастье его знать – больше, чем петь и читать. Недаром такой спрос на людей, знавших Пушкина.

Пока еще нас много, знавших его.

Вот мы в Болгарии. Мой первый выезд. До этого был еще выезд в Румынию, но его можно не считать. Абсолютно и полностью. Не хочу.

Вот он сказал:

– Хочешь, возьми у меня денег. Мне нужна только палатка...

А у меня с деньгами сложные отношения. Я в этом состоянии неприятен. Вначале жаден, потом от стыда расточителен.

Он был равнодушен.

– Возьми, Миша.

Это в Болгарии.

Это деньги.

Я задрожал:

– Я отдам.

– Как хочешь.

Нельзя так с нами...

Мы начинаем бормотать. Вначале внутри, потом снаружи: «Да... Откуда у него?.. Видишь, имеет... И квартира, и поездки... А тут...»

Нельзя с нами открыто и щедро. Ищем мы. Нельзя нам давать, нельзя нам помогать бескорыстно. Непонятно нам становится. «Чего это он?» – бормочем мы, выходя и сжимая в руках куртку.

– Носи, Михаил...

«Чего это он? С жиру, что ли, бесится?»

– Может быть, тебе чего-то еще нужно?

«Ты смотри, сколько у него всего...»

Однако воспитываем друг друга. Один становится хуже, другой становится хуже.

– Заходи когда захочешь. Без звонка. Ну просто заходи. Пообедаем. Поговорим...

И ты, конечно, не идешь. А где ты обедаешь и с кем говоришь, видно по нездоровому лицу и слышно по жалкому запасу слов.

А мужество определяется в старости, когда есть что терять.

В молодости – это бесстрашие.

Он когда жил, он стоял между нами и смертью.

Как получится с его песнями – разберутся дети, а то, что у них живого такого не будет, – это жаль.

Их жаль.

Они пока не понимают. Они еще не понимают. Им кажется – бросай все, начинай зарабатывать. Они бросили все и пустились зарабатывать.

Не поют, а зарабатывают пением.

Не шутят, а зарабатывают шутками.

От этого все, чем они занимаются, имеет такой вид.

А то, что они бросили, начинает цениться еще больше. То есть дорожать. Они пока не понимают, что интеллектом можно больше заработать.

Другое дело, что интеллект не желает этим заниматься, а делает что-то интересное для себя и от этого имеет непрестижный вид. Но когда тебя знают, пошевели пальцем – и не надо машины мыть или стрелять в подъезде.

Они бросились петь, шуметь и собирать копейки по самой поверхности и очень боятся глубины, где совсем другие люди.

А чистота и совесть дают прекрасную жизнь.

Вся страна следит одним глазом и долго ворчит, если ей кажется, что он ошибся.

– Как же вы за него пошли, мы тоже за него пошли.

– Так вы же могли пойти за другого.

– Но вы-то за него. Мы же вам верим.

Большой капитал начинается с криминала.

Большое имя – с чистоты.

Он не ошибался. И голосовал он правильно. И свобода у нас есть. Значит, должно появиться что-то еще.

В том, как народные массы затанцевали, что они запели, чем заговорили, – свобода не виновата. Открыли крышку – и пахнуло. Но надо же когда-нибудь...

Умные рванули подальше от запаха, поближе к аромату... А мы сидим, дышим.

Когда-то в давнем разговоре, в частной беседе на частной квартире, он дал новой власти четыре условия:

Освободить Сахарова.

Прекратить войну в Афганистане.

Вернуть Солженицына.

Открыть двери из страны.

Она их выполнила.

Он дожил.

И еще он узнал, что значит, когда вся страна с любовью произносит его имя.

Он это узнал и ушел молча. Без благодарности. Как уходил всегда.

Ресторан ВТО

Люблю сидеть в театральном ресторане. До одиннадцати вечера гул и шум. В одиннадцать начинается стук.

С деревянным стуком падают актеры драматических театров: низкий заработок, отсутствие закуски.

С ватным гулом – эстрадные певцы: прекрасное питание, отдых, пение под фонограмму.

С ватным звуком тела и деревянным головы – эстрадные авторы.

Со стеклянным звоном и бульканьем: тело в салат, голова в фужер, – режиссеры помещений, художники зданий.

Костяной стук в углу: студенты театральных вузов и челюсти хора музыкальной комедии.

В 23.30 вопль гардеробщика:

– Мужики! Кто не взял пальто, номера 133 и 238?

И, невзирая на тяжелое время, никто не откликается.

Киногорода

Кино сейчас снимается много – и хорошего, и смешного, и развлекательного, но на экран не выходит. Обижаться не на кого – время сейчас удивительное.

Все впервые дорвались до чужого, свое не пьют, не едят, не смотрят в его поддержку. Поэтому прыгуны аплодируют прыгунам, бегуны – бегунам, киношники – киношникам... Проедут на замкнутом пароходе и сообщат результаты: за женскую роль столько-то, за мужскую столько-то.

Раньше только наука была засекречена, теперь кино и литература. Скоро государство построит киногородки, где будет сниматься, просматриваться и прокатываться отечественное кино.

Снабжение и содержание киногородков – за счет государства. Там же будут созданы огромные студии и фанерные декорации для съемок документального кино: с митингами, драками и государственными переворотами. Рядом, в казармах, будут жить солдаты для просмотра, в мороз по команде перегоняемые из кино в кино, но, конечно, с дополнительной оплатой за просмотр комедии и хохот для записи.

Так и появится не профессия – киношник, а национальность – кинонарод. В детстве смотрит, в юности играет, в зрелости ставит, в пожилом возрасте судит в жюри.

Половина национальности в призах за лучшую мужскую роль, оставшиеся – за женскую. И только когда пойдет широкий слух, что в киногородках народ-кино живет очень хорошо и интересно, оставшиеся жители страны, подверженные, как обычно, зависти и марксистскому любопытству, заинтересуются: «А что там такое происходит за государственные деньги налогоплательщиков? Что они там такое снимают и почему выбегают довольные и тут же опять бегут снимать и опять выбегают довольные?! Действительно ли зритель совсем не нужен в такой ситуации?»

«Ну-ка, покажите», – скажут они. «Как это показать! – возмутится народ-кино. – Бесплатно только разруху в окне показывают. Платить надо». – «Да заплатим, заплатим! Все отдадим, чтоб посмотреть, что вы там, мерзавцы, делаете. Отчего такие довольные, когда все хмурые и в претензиях».

Тогда и появятся первые отечественные зрители на нервной почве жажды справедливости, и тут же появятся распорядитель, администратор, председатель жюри.

И жизнь начнется опять на простой основе интереса к чужому благополучию.

Целую. Ваш как никогда...

Об импотенции

У нас импотенция возникает от других причин. Мы в основном с теми, кто нам не нравится. Мы, как правило, – тех, кто нам не нравится, но нужен для решения жилищных вопросов, прописки, обмена, уборки квартиры, мытья окон.

Брак по расчету сейчас не выгоден ввиду частой смены режимов. А секс по расчету – повсеместный. Кого мы только не имеем!.. Ради выпивки, ради бутерброда... Что, конечно, сказывается на нашем здоровье.

Дома мы, конечно, валимся как подкошенные. Дома уже все понимают: иди, мол, но уж без справки не возвращайся.

А как себя настроить? Какие такие упражнения делать? Отсюда массовые обращения к экстрасенсам, настырные просьбы усилить по мужской части. Хотя что такое сильный – никто не знает. Женщины правильно молчат, как она скажет: «Ты знаешь, он покрепче тебя».

Правда, в последнее время плотская любовь перестала делать успехи. Ты ее любишь, любишь – а она справку не дает.

Но, с другой стороны, может, и мы их недостаточно бойко любим? Хотя и они, как правило, одутловатые. Поэтому некоторые наши вообще опустились любить мужчин. Никаких расходов, подарков, в гостиницу проход свободный, старушки у подъездов не подозревают, красота! Хотя и противно до отвращения. Ужас! Представляю – целовать усатую рожу, будто я член правительства... Но ведь и мою кто-то вынужден целовать... Правда, и я чью-то отказываюсь... Ты смотри, как все переплелось!

Встречи стали пустыми: ни интеллектуального начала, ни физического завершения – сплошное пьянство на основе сексуальной неопределенности. Многие, очнувшись от беспробудности, с удивлением видят, что лучшая для них женщина – это жена.

Так что не надо бегать к врачам. Никаким лекарством нелюбимую женщину не заслонить. Надо ночевать с кем живешь и жить с тем, к кому привык. Приказываю:

брачную ночь считать первой,
первую ночь считать брачной,
а семейную жизнь – счастливой.
Другой не будет.

Последнее 8 Марта

В межнациональной борьбе женщины забыты окончательно. 8 Марта вызывает какие-то воспоминания. Цветы, духи кому-то... Но кому – ни черта. Память отшибло начисто. В воспаленном мозгу плавают какие-то чеки, газовые баллоны.

В девять утра я должен быть на углу Боснии и Герцеговины, там соберутся чужие. С какой стороны – не помню, я за кого – тоже не помню. Надо будет выстрелить. Кто откликнется, с тем и будем воевать.

Разве сейчас можно к мужику подойти, он весь зарос бородой от пяток до шеи. В этой бороде не то что рот, автомат не нащупаешь. Грудь в опилках, зад в навозе, в глазах желтый огонь. «Крым наш и никогда не будет вашим», – и куда-то помчался.

Вернулся в шашке и в шпорах с лампасами и нагайкой. Заорал на всю однокомнатную: «Бабы, на стол накрывай, туды-ть твою, атамана сегодня принимаем! Я кому гутарю, бабье поганое!!!»

Опять, значит, подол подтыкай, пол мой, в реке белье полощи. С их конями опять надо знакомиться.

Ой, бабоньки, как бы при атаманах коммунистов не пришлось вспоминать. Как дадут по десять плетей к 8 Марта, чтоб любила. Впредь. А за борщ недосоленный может шашкой по щеке.

Съяс к мужику не подходи, съяс он в стрессе. Он съяс сам к тебе не подойдет, и сама к нему не подходи.

Они нонче в стаи сбиваются, розги мочать, костры жгут, бегают пригнувшись, прищуриваются и куда-то стреляют из бердани. Некоторые, нехорошо улыбаясь, на съезде говорят и пытливо в штаны смотрят, свой али чужой. Про любовь даже поэты не пишут, а если с женщиной что и творят, то только в лифтах и электричках, и то если она говорит «нет». Если скажет «да», его и след простыл.

Трудно, бабоньки, трудно, казачки наши неустроенные. Свято место пусто не бывает. Как мужики на фронт ушли, так из другого лагеря эти перебежали, молодцы в серьгах, кольцах, завивках и красных юбках. Такие ребята славные. Экран ноне весь голубой, такая – одна-вторая-третья. И передачу ведет нежная он, и поет, смущенная, и танцует, трясая слабенкой бородежкой сквозь серьги и монисты, и ляжечками худосочными сквозь юбочку снует, и глазки с поволокой в угол, на нос, на предмет.

Ой, бабоньки, напасть какая! За что ж на нас такое. Нам самим надеть нечего, а тут еще с ними делись. Духами, кремами. В волосатую грудь втирают. Ноги бреют, страдалыцы божьи. Мужчин воруют, отовсюду норовят. И ты ж смотри, билетов на голубой этот огонек, билетов не достать. Во всех театрах бывшей столицы слабым мужским телом крепкое женское потеснили, и спрос есть.

Потому что правильно, зачем мужикам эти хлопоты? Дети, подарки, колготки, роддома? Оно ж никогда не беременеет. Само себе зарабатывает... На улице само отобьется, да на него никто и не полезет. А оно, кстати, на холоде в мужском, оно в тепле в женском. То есть выгодно со всех сторон. В гостиницу входи свободно.

– Куда вы с дамой?

– Какой дамой? – оба обернулись. И все. И нет вопросов. Два матроса.

И равноправие. Сегодня ты жена, завтра – я. И самое главное, люди от них не размножаются. А сегодня людей размножать – это вопросы размножать. К себе, семье и правительству. На хрена нам эти проблемы?

Где этот волосатый? Иди сюда. Дай я тебя поцелую в эту... Во что ж я тебя поцелую? Ой, Господи, куда ж я его поцелую? Неужели в эту шею волосатую? Иди пока, купи себе что-нибудь к 8 Марта.

Девочки, женщины, дамочки, девушки, птицы милые, через этих голубых кто-то хочет стереть разницу промеж мужчиной и женщиной. Да только в той разнице такая сила, такой конфликт, такой пожар, такое сладкое несчастье, что никогда не поймешь, почему от одной ты на стенку лезешь, а другую на расстоянии вытянутой руки держишь.

И что в той разнице?

И почему так меркнут и государство, и родина, и работа, и сидящий спикер? И что ты так рвешься к ней, и почему у тебя зуб на зуб не попадает, и руки дрожат, и ты пьешь, пьешь, чтоб успокоиться, и такую чушь несешь – не дай бог, чтоб она тебе ее повторила.

А она становится все умнее, умнее, потому что никогда тебе не скажет, где же то, что ты мне в первый день обещал.

Красивая женщина

Красивая женщина лучше своей внешности.
Глубже своего содержания.
И выше всей этой компании.
Ее появление мужчины не видят, а чувствуют.
Некоторые впадают в молчание.
Кто-то вдруг становится остроумным.
Большинство, вынув авторучки, предлагают помощь в работе и учебе.
Даже врачи декламируют что-то забытое.
У некоторых освежается память. Кто-то садится к роялю.
Неожиданно – «Брызги шампанского» с полным текстом.
Сосед волокет диапроектор, жена с присвистом сзади: «С ума сошел!..»
И наконец, самый главный посылает своего помощника: «Тут должна быть распродажа...»
Если есть проблемы... по этому телефону лучше не звонить, а по этому всегда...»
«Мы спонсоры конкурсов красоты.
Если есть проблемы, у нас влияние. Я член жюри.
Тем более если вас это интересует...»
«Мы, извините, снимаем фильм...
Мне сдается, вы не без способностей.
Не хотите ли на фотопробы... в любое время... я как раз режиссер... Нет... не самый он, но я его самый непосредственный помощник.
Говоря откровенно, он уже... Так что милости просим – 233–28–22. Грех скрывать такую красоту 233–28–22...
Я еще хотел... Извините... Может, вам чего-то налить?..
Молодой человек, я же разговариваю...
Дама попросила меня... Нет, позвольте... 233–28–22...
Вы так не запомните... 28... Нет... 28 предыдущая...
Молодой человек, позвольте подойти, дама сама просила...
Нет-нет, 413-й не мой... А 28, предыдущая... там 22...
Ну хорошо...»
У нее один недостаток – ею нельзя наслаждаться одному.
У нее одно достоинство – она не бывает счастливой.
Красивая женщина – достояние нации.
Их списки и телефоны хранятся в специальных отделах ЦРУ, КГБ, Интеллидженс.
Красивая женщина разъединяет мужчин и сплачивает женщин.
Она творит историю и меняет ход войны.
Она, она, она...
Она, оказывается, еще и поет на некотором расстоянии при ближайшем рассмотрении.
И неожиданно что-то вкусно взболтнет в кастрюльке в фартучке, который так обнимает ее своими ленточками, что каждый мужчина на его бы месте висел бы, свесив голову, обжигая спину горячими брызгами, и молчал, принимая на себя все пятна и удары...
Красивая женщина пройдет по столам, не опрокинув бокалы, и опустит взгляд, под который ты ляжешь.
У нее нет хозяина, но есть поклонники...
– А что делать некрасивым? Повеситься? – спросила меня какая-то студентка и посмотрела с такой ненавистью, что мы не расстаемся до сих пор.

Семья

Тут в голову пришло,
что людям, может быть, каким-то
слова мои нужны и годы,
проведенные в поисках семьи.
Как так? Она у всех вот здесь...
А у меня повсюду.
И разницу я эту соблюдаю и берегу.
Вот наблюденья.
Сядьте поудобней,
хотя сесть неудобно вряд ли кто захочет.
Так вот, семья крепка,
когда совсем уж тихий муж.
Когда такая тихая жена,
наоборот, все может развалиться.
И вроде бы понятно почему.
Там сила в слабости, а слабость в силе.
Не знаю. Слабой быть может женщина, но не жена
в переходной период к процветанию.
Ну, просто тихая жена –
такой железный повод для развода!
В жене должны быть переменчивость, и холод,
и пропадание, и свободный взгляд –
то есть независимость в зависимости.
Ужас, но все так.
А тихий муж – это семья.
Жена выдерживает его верность и постоянство.
Он не выдерживает.
Муж скачущий. Как по-латыни?
Husband derganiy.
Он скачет, мучается, отбивается от стада.
Возвращается к утру. Пьет. Курит.
Весь в помаде. Расческа в светлых волосах
и, наконец, серьга в трусах.
Вот ужас. Гибель.
Решение созрело. Выслеживать!
Хоть не мешало бы подумать:
коль вы ревнуете, то любите.
Конечно, жизнь отдам – узнаю правду!
Все правильно.
К чему же вы готовы? Выслеживать?
Да. Точно. Выследим!
Ну? Выследили...
Они вошли вдвоем в подъезд в шестнадцать
и вышли в двадцать два.
Потом сослались на занятия в спортзале.
Все точно! Все у вас в руках! Теперь пора решить

то, что решить всю жизнь вы не могли.
Ай-яй, вы не готовы...
Решать-то должен выследивший...
А он же любит. Он страдает.
А как застал, так любит еще больше!
Нет-нет, мы не готовы...
Хотя там есть надежда. Есть надежда...
А вдруг расскажет сам? Вот победа! Вот ура!
До следующего поражения.
Из этого и состоит любовь. Если любить...
А очень хочется.
На голос и на звук хозяина.
Душа и сердце вниз, а ушки вверх.
Зовут! Зовут! Бегу-бегу!
Но это ж не семья.
Конечно, не семья.
Зато любовь!
А семьи все крепчают к старости.
От общих неприятностей, безденежья, тупых детей и неудач...
А молодость не так уж долго тянется в плохих условиях.
Можно и перетерпеть.

Что с тобой, друг мой?

Просыпаюсь, он стоит.

– Где она?

– Мы же с тобой ее прогнали. О ком ты?

– Где она?

– Мы вчера ей объяснили, что она нам не нравится, причем ты меня поддержал.

– Где она?

– Я убежден, что она нам не нужна. Мы должны действовать согласованно. Я приглашал к тебе девушек умных, образованных, умеющих вести себя. Почему ты меня не поддерживал? До каких пор я буду краснеть, оправдываться, говорить о каких-то болезнях? Вспомни, сколько раз ты подводил меня. Она пришла, а тебя нет. Ты не хочешь появляться? У тебя характер? Если б я мог обойтись без тебя.

– Где она?

– Ты никогда таким не был. Ты раньше вообще на меня не обращал внимания. Ты помнишь, что с нами творилось при приближении дамы, при простом приближении... Мы оба вставали, приглашали ее на танец.

Ты не выбирал тогда, и в городе у нас был авторитет. Вспомни, как они уходили от нас. Господи, разве это можно назвать словом «уходили». Мы их отклеивали, мы отрывали их руками. Ты разболтался первым. Раньше я тебя мог уговорить один. Потом мы могли уговорить тебя вдвоем. А сейчас ты не поддаешься никому. Хочешь жить один?

– Где она?

– Я спрашиваю, хочешь жить один?

– Где она?

– Болван. Вкус рыночного спекулянта. Обожаешь свидания в лавках и на помойках. Если б я тебе поддался, нас бы давно обворовали. Если нам симпатизирует врач, ты вцепляешься в санитарку. Все, хватит. Моим компасом ты больше не будешь.

– Она говорит со мной.

– Да, говорит, но что она говорит? Ты думаешь, ты у нее первый?

– Где она?

– Мне стыдно ее искать. Мне стыдно появляться в этой трущобе. Я сделаю это только для тебя. Принимай ее сам. Нам нужна помощница. Нам нужен советчик. Пошли в Дом ученых.

– Да постой ты.

– Не хочу.

В Доме ученых я был без него.

Как я бегу

И вот я бегу! Как я бегу! Господи!
Прохожие оглядываются на меня.
Собаки останавливаются, обнюхивают и помечают.
На часы нельзя смотреть: падает тонус.
Еще, еще, еще...
Не выдерживаю, смотрю на часы: две минуты.
Обещал всем тридцать минут бега.
Они хотят, чтоб я был здоров.
А я хочу жить.
Еще, еще, еще... что-то надломилось в стопе.
Снова потерял темп.
Правая стопа отошла, надломилось левое колено.
Еще раз потерял темп...
Главное – психика.
Если она сдаст, я эту собаку, что приняла меня за дерево, убью.
Еще упал темп...
Сползаю к обочине.
Нет сил рулить.
Направление держать не могу.
Сила тяжести, будь она проклята.
Кто там? Ньютон и это 9,8; 1,3 и 2; и 7; 40,1; 39,6; 16,50; 28,90... остальное себе.
Глаза залиты, рот сухой, как дупло.
Они просили носом.
Нос железнодорожно свистит.
Сердце стучит в носовом платке, зажатом в руке, этой сволочи – в правом колене.
Они на бегу думают о чем-то.
Они готовятся к докладу.
Я их ненавижу...
Врут! – Жить. Надо жить.
Не смотреть на часы. Не смотреть на часы.
А вдруг уже час бега...
Нет, нет, бабуля, возле которой я бегу, даже не успела набрать ведро воды.
Бегу долго, но на час не похоже.
Для здоровья.
Сволочи! «Добеги, будешь здоров».
От чего только его не теряешь.
Оздоровился – и под машину А закаленные отчего помирают?
От чего... от чего... от бега! от бега! от бега!
От... от, от, от, от...
Чем они просили дышать – не помню.
Чем они рекомендовали бежать?..
Неужели это внизу мое...
Нельзя смотреть.
Мелькает. Дробится. Вверх.
Где они меня ждут?.. А, да.

Я бегу не на... не на... ненавижу, нет на... не на расстояние, а на... а на... сволочи, а на время!

Какой ужас. Боже.

Лучше на расстояние из пункта «Скорой помощи» в пункт...

Зачем я побежал на время?..

Господа, позвольте.

Товарищи... Господа... Эй, кто-нибудь.

На часы, на часы...

Нельзя... Нет, можно.

Нельзя... нельзя...

Вот они слева... Сволочи...

Первый часовой завод, что ж вы делаете, что ж вы не можете для бегунов на длинные расстояния специальные часы, сволочи, это не «Полет» – это конец.

Что-то загремело.

А!., а!., а!., а!.. Гремит...

Может, неплотно застегнут.

Черт! Гремит... и подзвани... и подзванивает...

Ребра, что ли?..

Я им обещал полчаса.

Сколько раз обе... обе... обещал же... жени... жениться, и ничего...

А сейчас зачем?..

Лучше бы тогда... я б... я б... я б... лежал и жил не так долго, но счастливо...

И время бы летело, не то что... «Полет»...

Ох! Восемнадцать минут...

Душу... душу оставьте... Душа без воздуха.

Что там мелькает вдалеке?..

Боже, мои ноги...

Одна! И это все?!

Вот вторая... Есть...

А где первая?.. Вот... Тогда ничего.

Тогда ничего...

Если б без ног, черта с два б на время пошел.

Только на расстояние.

Не для своего. Для вашего здоровья бегу.

Этот Гена – большое дерьмо... Карьерист...

Ромка, сволочь... Тупой... Не тупой, но дуррак, дур-рак...

Куда это я вырвался...

Местность какая-то... под ноги смотреть легче... раз, раз... нет...

Вдаль легче... раз, раз, нет...

Под ноги легче... раз, раз, нет, вдаль...

Куда ж смотреть?

Пока не думал, само получалось.

А этот гад... Толюня. «Полтора часа бегу».

Всю жизнь врал, всю жизнь брехал, и мускулов у него нет, и часов нет...

Я вам без часов три часа пробегу...

А-а-а-а... камень, камень как обогнуть?..

Не обогну... Прошел над ним...

Видимо, он все-таки неболь... неболь...

И все их жены...

И дети... и тети.
Ребята, я вспомнил – тут, где-то, ребята, тут где-то должно быть второе дыхание...
Вы ж обещали...
Вот тут я буду неумолим...
Жду несколько секунд...
Если не появится – снимаю себя с дистанции...
Они все разговаривают на бегу...
Они сказали, если можешь говорить, значит, мчишь... мчишь... ся... правильно.
Эй... эй... Куда вы?.. Обогнали... Двое... В рюкзаках...
Всех там ждет смерть...
Все на расстоя... а я один среди всех на время...
Двадцать пять... Нет... Чуть больше... это... же почти двадцать шесть...
А это... же почти двадцать... восемь... Неужели я еще бегу...
Нечем подтянуть штаны...
Нечем сплюнуть...
Все, ребята, нечем мыслить...
Табулеграмма пуста...
Энцефало... дерево... асфальт – асфальт – асфальт – трещина крупная...
Только не вдоль... асфальт – асфальт – трава – асфальт.
Я понял. Бегут от семьи... от детей...
После такого бега любая жизнь покажется раем.
Теперь я понял, почему они бегут... Теперь я понял...
Асфальт – асфальт – асфальт – асфальт.
Ничего, в следующий раз перед бегом наемся – ваши дела будут совсем швах.
Все... все... уже полчаса... без каких-то десяти минут... Ой... Ой... Жив...
На обратный путь пешком ушло тоже полчаса... Что-то связанное с Эйнштейном.

Из чего...

Из чего состоит писатель?

Из мыслей, ходьбы, еды, прочитанных и написанных книг, болезней, выпивки, писем, таланта.

Из чего состоит актер?

Из текстов, репетиций, застолий, таланта, бессонницы, комплиментов.

Из чего состоит солдат?

Из желания спать, из желания есть, из бега, стрельбы, вскакивания, маршей, тревог, ненависти к офицерам чужим и своим.

Из чего состоит девушка?

Из часов, телефонов, помады, глубокого знания своего лица, из походки, любопытных глаз...

Из чего состоит мужчина?

Из выпивки, бань, друзей, вариантов политики, рассказов о себе, подхалимажа и утренней, едрен вошь, зарядки!

Из чего состоит руководство?

Из жратвы, выпивки, подхалимажа, ломания подчиненных, смены настроений, улавливания ветра, ориентации в темноте, ухода от проблем, умения отдохнуть, невзирая на все и вопреки всему...

Из чего состоит старушка?

Из лекарств, внуков, тревоги, желудка и жевания, жевания:

– Слушай меня, дочка, слушай...

Из чего состоит старичок?

Из ордена, выпивки, заслуг, строгачей, удостоверения и одного зуба.

Из чего состоит ребенок?

Из мамы, папы, солнца, моря, бабочек, голубого озноба, бега и царапин...

Из чего состоит американец?

Из улыбки, фигуры, зубов и путешествий...

Из чего состоит немец?

Из работы, спорта, расписания, показаний приборов.

Из чего состоит наш?

Из галстука, выпивки и оправданий.

Из чего состоит кот?

Из одиночества, умывания, наблюдения, поисков солнышка, рыбы и блох.

Из чего состоит мышь?

Из коллектива, страха, поисков тьмы.

Из чего состоят убеждения?

Из характера, момента, места жительства и коалиции.

Из чего состоим мы все?

Из разговоров и проклятий.

Из чего состоит любовь?

Из разницы.

Чем живет страна *Обозрение*

Все, кончилось золотое время! В стране все за деньги. В платных туалетах посетители, у которых запор, требуют вернуть деньги обратно, и суды их поддерживают.

По любому вопросу можно обратиться в суд и получить оправдательный приговор.

Главная задача суда – не связываться.

Главная задача церкви – не ввязываться.

Суд, церковь и народ полностью отделились от государства.

Учителя отделились от учеников.

Милиция – от воров. Врачи – от больных. Секс – от любви.

Церковь заговорит, только если ее ограбят. А пока молчит и что-то делит внутри себя.

На экране непрерывно стреляют и любят друг друга в крови и в грязи, и поют там же. Песни по смыслу приближаются к наскальной живописи.

На свадьбах под крик «Горько!» уже не целуются, а идут дальше. Любимые называются партнерами, объятия называются позицией, поцелуй – начало игры. Женихи и невесты исчезли как класс. Среди венерических болезней самая редкая – беременность.

Остальное – нормально. Москва сверкает. Одесса хорошеет. Омск впервые узнал, что такое автомобильные пробки. В Москве вообще только машины. На 850-летие Москвы был первый день человека: вышли миллионы людей и раздавили сотни машин.

В правительстве тем временем идут дебаты, когда давать пенсии: с шестидесяти лет или с шестидесяти пяти. Это при средней продолжительности в пятьдесят семь.

Во время гриппа особым шиком считается подговорить гриппозного пойти и поцеловать начальника.

Радиации никто у нас не боится, считается, что от нее умереть мы не успеем.

Самые уважаемые и модные люди в стране – спасатели МЧС. Единственные, кто работает по-настоящему, непрерывно повышая производительность. До ста покойников в час. И это не предел. Они говорят, будет техника, можем и двести покойников выдавать.

Провожая родственников в аэропорту, мы уже не знаем, куда мы их провожаем: то ли к ним, то ли к нам. То ли к себе, то ли к спасателям сразу. Спасатели настолько поднаторели, что если в каком-то регионе года три ничего не взорвалось, они едут туда без вызова.

В магазинах все есть. Правда, кому это все есть? Начиная с 17-го года едят только новые русские. То одни, то другие, то третьи.

Песен в стране стало в сто раз больше, зато стихов к песням – в сто раз меньше. Приятное новшество наших дней – пение под фонограмму. Любимый певец прилетает на концерт, но голос с собой не берет. То, ради чего собрались, не происходит. Хотя рот открывает и на нас кричит, мол, руки, руки, не вижу аплодисментов, браво не слышу, вьяло, вьялые вы. Это мы вьялые. «Не слышу вас!» Это нас он не слышит, как будто мы поем. Но в конце концов он добивается нашего звучания. Так что практически мы выступаем под его фонограмму.

Все газеты – только о том, как вести себя в постели, как будто мы из нее не вылезаем. Хотя прохожие на улицах есть. Все советы – как спать, и никаких советов – как жить. В результате, как ограбить банк, уже знает каждый, как сохранить там деньги, не знает никто.

Так как наше производство не работает, одеты мы прилично. Женщины – наоборот – раздеты ярко и броско. Делают для этого все, потом за это подают в суд. Это нечестно. Мужчины чего-то ищут, куда-то едут, возвращаются побитыми – мелкий бизнес называется. Если вернулись убитыми – крупный бизнес пошел.

Президенту стало значительно лучше. Он здоров как никогда. Президента привозят на аэродром, президенту говорят: «Сюда пройдите, здесь сядьте. Посмотрите наверх, посмотрите

рите вперед». «Вот это здорово», – говорят президенту. «Да, это здорово», – говорит президент. И вдруг почему-то спрашивает у нас, почему мы не покупаем наши продукты. Вместо того чтоб нам это объяснить. Президент, видимо, только что приехал. Ему, как всем нам, за границей лучше, но вынужден жить здесь.

«Почему наши машины не делаете?» – спрашивает он у кого-то на дереве. «Будем, – отвечает тот с дерева, – обязательно, не волнуйтесь». – «Вытеснять надо заграничное», – говорит президент. «Вытесним, – кричит тот с дерева, – вытесним!» – «Ничего, – говорят президенту, – не вешайте нос». – «Да я что, – говорит он, – это у вас дела неважные». – «Ну, значит, не думай о нас, думай о веселом». – «Ну я поехал», – говорит президент. – «Да, – говорят все, – езжай, что тебе здесь делать, отдыхай».

В Одессе, ребятки, тоже все ничего. «Миша, – сказала мне тетя Циля, – я с Изей живу тридцать лет и никогда не знала, что он новый русский. Хорошо, что мама не дождала».

Что касается политики, то огромное количество – за коммунистов. Все, кто делал танки, лодки, ракеты, голосуют за них. И это правильно. Они так и говорят: «Мы, конечно, будем голосовать за КПРФ, но объясните, почему нам так не везет, что такое висит над Россией?» Ну вот это и висит.

Такая промышленность по отдельным людям не стреляет, конечно. Такая война, как им нужна, может быть только с Америкой, и только один раз. То есть их производство одноразовое. Хотя в Одессе уже есть будка «Ремонт одноразовых шприцов».

Что касается бизнеса. Бизнес, конечно, для нас вещь новая, дается не каждому. Например, на первый капитал он купил машину, мучился без гаража. Продал машину – купил гараж. Сейчас продал гараж – купил машину. Мучается без гаража. То есть бизнес есть. Есть бизнес.

Или, например, документальная история. Мурманск заключил сделку с Ростовом на поставку помидоров из Ростова. Заключили сделку, разъехались. Через неделю факс: «Во что паковать?» Из Мурманска: «Высылаем тару». Еще через неделю факс: «Во что грузить?» Из Мурманска: «Высылаем автотранспорт».

Последний факс из Ростова: «Как выращивать помидоры?»

В Одессе – наоборот: «Почем помидоры?» – спрашиваю на Привозе. – «Прошу шесть, отдам за пять». – «Ну тогда я куплю за четыре, держи три».

Сегодняшнюю жизнь понять нельзя – литературы нет, учебников нет. Рассказать об этой жизни – как об этом вине: когда оно начинает действовать, перестаешь соображать.

Пришли мы тут как-то в ресторан, два часа ждали официанта, звали-звали, звали-звали. Он пришел и принес счет.

В общем, живем совершенно по-новому.

Когда меня спрашивают: «Ты как по-английски?» – «Читаю свободно, но не понимаю ни хрена». Поэтому позвольте, я дальше – по-русски.

Что хорошо в России – все живут недолго. Сволочи – в том числе. Поэтому наша задача – пережить всех.

И все же, говорю я, и все же, невзирая ни на что, взамен мрачных и одинаковых появились несчастные и счастливые. Можно сказать, появились несчастные, а можно сказать, появились счастливые, впервые видишь их своими глазами и среди нас, а не в политбюро.

И вот весь этот кипятилок со всеми его бедами и загадками все-таки больше похож на жизнь, чем та зона, где тюрьма, мясокомбинат, кондитерская фабрика и обком партии выглядели одинаково.

ТЭФИ-99

Телевизионщикам

Вот за что мы вас так любим, понять не могу. На что уходят деньги ваших двух налогоплательщиков? Все-таки, глядя в экран, кое-как думаешь: или вообще человечество туповато, или только мы, или только вы.

Вот что хочется выяснить. Если рейтинг высокий, это не значит – нравится, это значит – куда-то смотрят. Если в моей квартире одно окно, у него будет самый высокий рейтинг по сравнению с плитой, дверью и туалетом. Я только в окно и буду смотреть. Правда, что я там вижу?

Конечно, давайте премию друг другу. Для этого вам и время, и деньги, и «Вести», и «Поле чудес», как старый советский склад, откуда советские люди, чудом попавшие на этот склад, уходят урча и прижимая к груди кофемолки и пылесосы. И придумать лучшего не могут. Для склада это лучшая игра, если не платить учителям.

Мы не смеемся над вами, мы смеемся над собой.

Ведущий ликвидированной передачи заявляет, что он получает мешки писем, мол, продолжайте, вы меня вылечили в больнице... Да, представляю, как его там лечили. Не хватает денег, говорит ликвидированный ведущий.

Не хватает денег, чтобы нанять еще более талантливых авторов...

Не дай бог, сценарий кончится и на вопрос: «Как вы поживаете?» – гость ответит: «А вы?» И будет тупик до следующего «Доброго вечера». Если учителям не платить зарплату.

О! Если б учителям платили, шли бы мешки не с письмами, а с мукой. Ну что делать? Пишут о том, что видят.

Еще чуть-чуть и слабым девочкам без штанов будут писать: «Я два года не получаю пенсию. Такое настроение. Спасибо вам!..»

А вокруг повальные выборы и юбилеи, гуляют губернаторы и артисты. Между выборами и юбилеями – полная тишина. Работают, видимо, в регионах, добывая действительность. Раз в пятьдесят лет мэры поют с артистами и раз в четыре года артисты копают с мэрами.

Хорошо хоть артисты перестали баллотироваться... Попадая в Думу, как в милицию, исчезают окончательно. Кто не в Думе, тот в тюрьме.

А на экране все поют и стреляют. А нам уже не то чтоб все равно, но и не то чтобы хоть как-то... Хотя конечно... Но уж больно много. Такое количество звезд и смертей отупляет.

Количество ведущих, беседующих друг с другом, переварить невозможно. «Что такое интеллигентность?» – спрашивает один другого. «А что такое грамотность?» – спрашивает второй у третьего. «А что такое умный человек?» – спрашивает третий.

Как им помочь? Кого им показать? Они же только друг друга видят.

Когда говорят о взятках в ГАИ – «а к нам приличные люди не идут». А куда они идут? В общем, хотелось бы как-то попасть в то место, где они собираются.

НТВ раз в неделю сообщает нам, что мы думаем о том, что с нами будет. Это сообщают нам, готовым спросить у любого, что с нами будет. И того, кто обещает сказать, тут же выбирают в губернаторы. Но он за этот секрет держится, как за больной живот: пусть выберут на второй срок.

Девочки, играя внешностью, пытаются ею заслонить последние известия. Глядят в камеры, как в зеркало, прихорашиваясь и выпячивая, и мы все слушаем сквозь губки и зубки: кого убило, где упало, кого разорвало. И заканчивается все это сексуальнейшей борьбой циклона с антициклоном, со всеми ручками и ножками в районах стихийных бедствий.

С большим интересом следим мы за рассуждениями и чертежами президента, бесконечно веруя, что его интуиция подскажет ему, когда у нас появятся деньги, когда начнется нормальная жизнь.

Надо отдать должное нашему президенту, он хорошо и просто может объяснить то, что понимает сам. Ему подскажет интуиция, а он подскажет нам.

Ни литература, ни телевидение сегодняшнюю жизнь не поймали. А просто обман большой и общий стал мелким и распространился.

Наша главная задача – вынести то, что наши беды кому-то приносят деньги. Мы покупаем растерянно то, что не хотим, удивляясь богатству тех, у кого мы это покупаем. Этот простой механизм остается по ту сторону экрана.

А на экране только «купи-купи». И чтоб втюрить жвачку, надо снять штаны и без штанов угадывать и петь бывшие мелодии, иначе кто ж узнает, что в этой жвачке все, что ему по вкусу, с жуткой улыбкой этой жвачной девицы, которая снится миллионам в их кошмарных снах о свободе. Да и женщин у нас не хватит под такое количество прокладок, и мужиков под перхоть... На сколько еще времени нам хватит голых женщин, чтоб заменить хлеб, учебу и зарплату учителям?

«Так что такое одетая женщина?» – спрашивает один ведущий у другого. – «Не знаю».

В общем, я думаю, если на экране начали петь наши любимые артисты – все! Нам хотят что-то продать. Закончили петь – продали!

А мы на этом рынке, как черная ворона среди белых чаек: подпрыгиваем, озираемся, и к воде рванем, и от воды побежим. А вокруг галдят, рвут, хватают, едят. А мы и нырнуть не решаемся, и на песке не сидим, и еще другого цвета, и не умеем ничего. И совсем, совсем дети. Нас так долго воспитывали себе на пользу разные вожди...

В общем, успехов вам, как сказал телеведущий фальшивомонетчику на шестом канале.

Будем рады вас видеть.

Все равно, кроме вас, видеть нечего.

Все будет хорошо

А если просто и твердо сказать себе: «Заткнись!»

На ожидание неприятностей, на сами неприятности и на предчувствие неприятностей уходит масса времени и в результате вся жизнь.

Но не это главное.

А главное то, что неприятности происходят регулярно и точно в назначенное время, как раз чтоб ждать следующих. Это первое.

Многого стоят и попытки предвидеть самое худшее. Здесь вообще ума не надо. Чуть воображения, легкое расстройство желудка, и можете ждать назначенного самим собой срока. То, что вы кличете, придет обязательно.

А с вашим умением предвидеть радость и вызывать счастье вся жизнь будет состоять из ожиданий, бед и приступов уважения к себе:

– Я это все предвидел!

Да! Ты даже предвидел старость. Ты даже предвидел свою смерть, ахнув от собственной мудрости и перестав смеяться за много лет до этого. И полжизни третировал близких. И полжизни отравлял окружающую среду. Вместо того чтобы как-нибудь однажды просто и твердо сказать себе: «Заткнись! Все будет хорошо!»

Смеемся все!

Ребята, мы смеяться перестали частным образом – только централизованно. Вот 15-го он придет и нас рассмешит. А он-то смеется от нас. Вначале мы этим смешим его, а потом он этим смешит нас.

Почему затих смех в подвалах и на кухнях? Где хохот в тюрьмах и больницах? Я когда-то страшно смеялся на похоронах. Оттого что было много народу и все старались быть печальными.

Я хохотал и острил потрясающе. Высочайшее кладбищенское вдохновение. Сейчас даже похороны стали печальными.

Ну, дни рождения само собой. Дни рождения на самом деле похороны и есть. Попытки развеселиться не имеют причины. Все глядят на именинника как на покойника, и он встречно глядит так же. То есть он видит свои похороны. Слова те же и выступающие.

Это полезно, но не весело. Куда-то делось веселье к чертовой матери. Молодежь под паровой молот трясется на танцплощадках. Не обнимая, не прижимая и не записывая телефон. У них хохот вызывает все: штаны сползли, зуб выпал, глаз вытек, до туалета не дошел. Хохот дикий, смеха нет. Кто-то хочет в Тамбов, остальные под это танцуют.

Начальники давно перестали веселиться – как взяли на себя ответственность, так и перестали. Садятся в ряд, и перед ними выступают. Их надо сначала отвлечь от нашего тяжелого положения. Потом увлечь нашим тяжелым положением, потом развлечь – нашим же тяжелым положением. Затоптанные трупы предыдущих артистов уже сидят с ними за столом. Остался ты, которому сейчас оторвут все, чем смешил. «Не развеселю – хоть поем», – решает артист и лезет в зубастый красный зал.

Хорошо веселится армия. Тихо слушают. Громко хлопают.

Смеха нет, овация есть. Что они там слушали, с кем перепутали, кого им объявили – неизвестно.

Свободнее всех зэки. В нашей стране во все времена зэки свободнее всех. Если нам нечего терять, то они потеряли и это и хохочут как ненормальные.

Если женщина попала в концерт – успех такой... Сразу видно главное, что они потеряли.

Богатые смеются быстро и глазами показывают: «Кончай, слушай, за столом доскажешь».

И начинается застолье.

– Что у тебя с рукой? Ты почему не наливаешь?

– Застольная, стремянная, контрольная.

Мужчины стоя, женщины до дна.

Выпьем за ПЗД, то есть за присутствующих здесь дам.

– По часовой за каждого, против часовой за всех.

– Выпьем, чтоб подешевело все, что подорожало!

– О! Прокурор пришел. Где был? Расстреливал?

Анекдоты пошли. Один расскажет, второй расскажет, остальные замолкают, пытаются вспомнить свой. В конце и смеяться некому – каждый вспоминает свой анекдот. Это не веселье – это возбуждение. «Возбуждено», – как говорит прокуратура. Женщины возбуждены, мужчины осуждены.

Особое веселье – ночью на улице. Ночные бабочки, поменявшие райком комсомола на тротуар, возбуждены. Мужчины возбуждены. Очередь девиц, очередь мужчин – обе движутся, поглощая друг друга.

Мужики волнуются. Чем дольше копил, тем больше выбирает.

Но сумерки. Они в полутьме. Хитры, козявки. То есть очертания четкие, а возраст не про-
ступает. Возьмешь фонарь – получишь возраст. Если долго копил, будешь расстроен. То есть
опять жена лучше.

Мужики, тьма наш друг!

Так я насчет веселья. Оттого что мы хмурые, жизнь лучше не стала. И еще мы хмурые.
Слезы настолько не влияют, что можно перестать плакать – хуже не станет. И глаза наконец
отдохнут.

– Как жизнь?

– Хреново. – И улыбнулся прославленной отечественной однозубой улыбкой.

– Как дела?

Смахнул слезу. Расхохотался. И все весело, и все понятно.

Итак! Ввиду того что хмурые лица на жизнь не влияют, а юморист приедет только на один
день, смеются все!

И не путать настроение с самочувствием.

На шести костылях с одним зубом, с дурным дыханием и вот с таким настроением! Боль-
шой палец болит всем показывать.

Жизнь внизу

*Посвящается Наполеону, Карцеву, Сташкевичу, Рубинштейну,
Мессереру*

Жизнь человеческая проходит на разных уровнях. Высокие проводят ее наверху, маленькие – внизу. Жизнь внизу по-своему интересна. Нам видны подробности.

Лужа для нас – море. Камешек – холм.

Нас окружают мелочи, и мир нам кажется огромным.

Нас отличает пристальное внимание не к человеку в целом, а к каждой его части в отдельности.

Мы ни на кого не смотрим сверху вниз. Просто не в состоянии.

Нашего никогда не назначат министром, не выберут президентом.

Поэтому мы не несем ответственности за происходящее.

Но мы умны и молчаливы. Мы пробиваемся сами.

Но уж если пробьемся – Наполеон как минимум! Чаплин как минимум! И этот минимум вполне велик.

Конечно, прыжки в высоту и длину не наше дело. Но мир, к счастью, бесконечен.

Мы уходим вглубь.

Да. Кот для нас крупное животное. И мы дружим с ним.

На собаку мы идем впятером.

Но кто из вас имеет возможность до старости одеваться в «Детском мире»?

До шестнадцати лет спать в детской кровати.

В сорок лет с трудом прорываться на фильм для взрослых.

Наши отношения с женщинами складываются прекрасно, если они складываются.

Женщин, которые не складываются, мы бросаем.

Это потрясающее, хоть и маленькое, но исключительно долговечное удовольствие со своим маленьким экстазом, легко нашупываемым у нашего любимого.

Тем не менее мы очень подвижны и бегучи.

Только любовью можно задержать и прикрепить нас к себе.

Заметьте, на ласку мы откликаемся не сразу.

Мы обидчивы и осторожны.

Да, погладить нас непросто, а поцеловать – целая проблема. Зато потом...

Никто не будет вам таким верным другом. Найдите нашу руку и не выпускайте ее.

Мы маленькие, но верные друзья. Мы маленькие пожарники. Мы маленькие спасатели.

И хоть нашей струйки не хватает, чтоб потушить большой огонь, действуем мы крайне самоотверженно, и нашего защитника, вцепившегося в пятку огромного рэкетира, сбросить почти невозможно. А пятеро наших преследуют бандита до забора и какое-то время после него.

Мы экономны и неприхотливы, нам достаточно маленькой рюмочки и кусочка рыбки, чтоб почувствовать полное блаженство.

Наклонитесь к нам. Попраспудуйте с нами.

Поверьте, жизнь внизу так же интересна и увлекательна. Поговорите с нами.

И лечить нас легко. Перед специалистом распростерта вся личность сразу. Поневоле приходится лечить не болезнь, а больного, как и сказано во всех учебниках.

Есть у нас и проблемы. Обычное такси для нас великовато.

Управлять большой импортной машиной, как и большой женщиной, очень неудобно, приходится ползать от педалей к рулю, пропуская показания приборов.

Мы также рады, что перевелись орлы. Они любили выхватывать нашего из общего потока. В последующей борьбе наш все равно побеждал, но самостоятельно спуститься с горы не мог и жил уже там, скрываясь в траве от хищных птиц.

Наши комиссары в Гражданскую пробовали бежать впереди. Их затаптывали свои. И маузер, самое страшное – собственный маузер, на бегу так подбивал сзади, что выбрасывал комиссара далеко вперед. Часто в расположение противника. В то же время наши комиссары с появлением микрофонов и театральных биноклей могли повести за собой массы.

К сожалению, наш горизонт ближе на треть, но нам видны мелочи. Из которых и состоит жизнь.

Эй! Под мои знамена, малыши! Все зависит от нас. Мы и суть, мы и украшение этой сути. Ничего. Смерти нужно будет здорово потрудиться, чтоб найти нас.

Вперед, крошки! Мы можем быть песком, а можем быть и смазкой в колесе истории.

Они еще не знают, почему оно буксует. Они высоко. До них до-о-лго доходит.

Берегите себя. Каждый из вас образец ювелирного искусства. Не робейте, ведите свой маленький образ жизни.

Маяк внизу разглядеть трудно, зато он светит там, где истина.

Пусть поднимают ноги, если хотят познать ее.

Ильфу – сто лет

Да... Сто лет Ильфу,
Из них он сорок прожил.
Самый остроумный писатель.
Были глубже. Были трагичнее. Остроумнее не было.
Это у него не шутки. Это не репризы.
Это состояние духа и мозгов.
Это соединение ума и настроения.
И наблюдательности. И знания.
Лучше, чем он, не скажешь. Каждая строка – формула.
«Двенадцать стульев» – учебник юмора.
Чтобы избавиться от перечитывания, лучше выучить наизусть.
Мы и знали наизусть.
Говорят, трагедия выше. Это говорят сами исполнители.
Может быть. Может быть. Но ее не знают наизусть.
Говорят, юмор стареет. Может быть.
Кстати, кто это говорит? Надо бы выяснить.
Времени нет.
Как скажут – «общеизвестно», так и хочется выяснить.
Бросить все и выяснить.
Впрочем, тех, кому это общеизвестно, тоже мало осталось.
Может быть, бессмертная комедия выше бессмертной трагедии?
Может быть.
То, что она полезнее для здоровья, общеизвестно.
Время все расставит. Но свидетелей уже не будет.
Наш характер хорошо смотрится и в комедии, и в трагедии.
И ту и другую он создает сам. Одновременно. Отсюда и выражение: смех сквозь слезы.
Как хотелось избавиться от слез.
Не получилось у Ильи Арнольдовича.
Получилось лучше.
Давно умер. А такого больше нет.
Что в ней, в этой Одессе?..

Детский юмор

Рассуждения по заказу

Что можно сказать по поводу детского юмора? Дети, по-моему, не шутят. У них так получается. Когда шутят осознанно – это ужасно... Для проверки реакции после шутки нужен взгляд. Взгляд – это глаза, в которых что-то есть. Юмор детей не объясняют. Им наслаждаются. Его собирают.

Иное дело студенты...

Эти вообще ничего без шутки не делают. Кто их воспримет серьезно, влипнет.

Тут надо быть очень осторожным.

Шутить только удачно – значит молчать. Даже в жюри ходить не стоит.

Ваши оценки никто не поймет, а появление здорово испортит обстановку.

Они заняты таким возрастом и таким делом, что хохот рождается раньше шутки примерно на полсекунды. Попробуйте и отойдите в сторону.

В свою сторону, где шутят крепко, хорошо подготовленно, одинаково, неоднократно, с предварительным возгласом «Внимание!» и долгим теплым взглядом в конце. Такая шутка бывает одна за весь вечер. Но все равно некая дама подходит и говорит: «Боже! Какой вы все-таки талантливый» (здесь очень хорошо это «все-таки»).

Для понимания этого возраста и для этого юмора один совет: хохочите до того, как познаться. Потом будет поздно.

Ваш, ваш и, как всегда, твой.

На переходе

Господа, жуть берет. Ни одного свободного дня. В пятницу пьешь, в субботу больной, в воскресенье отходишь от пятницы. Отошедши к вечеру воскресенья, добавляешь, потому что отошел. От этого и первый кусок понедельника не проступает.

Глаза смотрят, но не видят. Палец пишет крупно по одеялу. Дикая тревога: то ли подорвал железную дорогу, то ли неудачно выступил в нижней палате, то ли обещал жениться...

Полдня в тревоге. Двадцать минут просмотра газет по диагонали, потом три часа ужаса и паники, пока кто-то не предложит выпить сразу после новостей, паника сменяется злостью, злость раздражением, раздражение переходит в скорбь, скорбь в слезы. «Плачь, – говорит незнакомец, – плачь, старый».

Плачу, плачу. Полночи на чужом костлявом плече. Нету у меня ничего. А было! Была страна, была публика. От такой потери не скоро придешь в себя.

Так что понедельник псу под хвост. Еще хорошо, что газет не было.

Газеты во вторник. Пробежал глазами. Пока обзвонил, пока узнал, кто пьет сегодня. Бил чечетку в котельной, стучал лбом в такт Пугачевой. Ручонки стакан не держат, сосем из заварного чайника. В глазах упорно кружится земной шар.

Парализовано движение в Маниле. Корасон Акино? Тревога! Что я ей сказал? Это сон? Нет... Сон, сон. Да нет же, вот ее рука, больше того, вот ее нога... Ну прямо вот... Почему же она не просыпается? Неужели мертва? Нет... А на чем я бегаю вокруг нее?.. Сон?.. Нет же. Вот, щипаю. Больно. Хотя я ущипнул не себя. Но ущипнул я... Но не себя... Ты что, Корасон? Спи себе... Где же мы познакомились? За границей?.. Или у нас где-то?.. Точно, где-то здесь. И эта тоже ничего... Беназир Бхутто... Пусть спят. Главное, их не трогать. Меру пресечения применить – сон. Такие цифры всплывают!.. И дикие слова: тиара, экссудативный... Сон... Но вкус питья чувствуется, и, конечно, это не Корасон, а Беназир... Пакистан... Она сбежала от военных... Пусть спит. Где же мы с ней? Неважно... Это сон... Пусть спит. Если проснется, очень будет удивлена... Россия, снега, туманы... Почему снега? Вокруг пески... Пакистан, точно. Пакистан. Значит, не она, а я буду удивлен, когда проснусь. Надо упрямо спать. Все дрожит... Беназир исчезла. И не поговорили. Я безутешен. Не надо было просыпаться, не надо было газет. Не хочу быть с вами. И не хочу уезжать. Просто отъеду здесь же при вас. Поплыву... Плыви, плыви!.. Плыву, плыву...

Вторник забыт. Не читать, не слушать, не поддаваться. Неконструктивно сижу... Один... Выгнал себя отовсюду, перегнал сюда... Методом угасающего алкоголизма довел субботу до командирских ста грамм. Но в пятницу дал по полной программе. Чтоб в воскресенье что-то изменилось. Пил, пью и буду пить, пока всем, буквально всем не станет хорошо.

Как всегда, ваш и очень подробно твой М.

Страна талантов

Россия – страна талантов.

Талантов масса, работать некому.

Идеи у нас воруют все. Больше воровать нечего.

Они у нас – идеи, мы у них – изделия.

Иногда всей страной произведем в одном экземпляре. Оно, конечно, летает, но без удобств.

Шесть врачей кладут военного летчика в теплую воду, чтоб мог справить нужду после полета.

По шестнадцать часов летает. Сорок тонн возит, а писать некуда. Всюду ракеты. Есть у меня, конечно, идея, как по-крупному сделать, а потом по-мелкому смыть. Не высказываю, чтоб не сперли.

По нашим идеям ракету на луну запустили.

Глухой, слепой, но ученый, в Калуге просто – просто в Калуге – это все придумал, но не осуществил. Потому что Калуга вокруг.

Более простое у нас – более эффективное. Топор. Молоток. Кувалда. С рукоятки слетают и попадают точно в лоб рубящему либо наблюдающему.

Не было случая, чтоб, слетев с рукоятки, топор или молоток промахнулись. Это очень эффективно. А то, что чуть сложнее, не работает: чайник, утюг, «Москвич».

Игрушку детскую над младенцем у нас вешают на резинке через коляску: чтоб играл счастливый. Как только он ее оттянет, так она тут же обратным ходом ему в лобик и дает. Тоже остроумная штука.

Товаропроизводители бастуют, обращая на себя внимание не товаром, а забастовкой. Конечно, из гуманных соображений надо бы у них что-то купить. Трактор или самолет. Но даже сами авиастроители просят по возможности над ними на их самолетах... по возможности, конечно, не летать.

Это ж геноцид – летать на нашем, ездить на нашем. Носить наше.

Все игры по телевидению американские и все призы. Можно представить азартную игру за наш приз: пылесос или ведро.

Ну и что получилось за семьдесят лет власти товаропроизводителя?

Может, чемодан, или портфель, или пара туфель, или унитаз, куда не надо бы лезть рукой в самый неподходящий момент.

Может, какая-нибудь деталь в моторе нашу фамилию носит, как кардан или дизель. Мол, потапов барахлит, карпенко искру не дает.

С нашей стороны – Распутин, Смирнов, Горбачев, но это водка. Бефстроганов – закуска. В общем, наша страна – родина талантов, но наша родина – их кладбище.

Автопортрет в цифрах

Как только растрезвонился, что пишу, так и перестал.

Характер подскочил и взорвался.

Обиды не пролезают в дверь.

Новости оседают крупно.

Дальнозоркость не переходит в дальновидность.

Организм отменил рабочие дни.

Паника выросла и распустилась.

Обувь, одежда не употребляются и не изнашиваются.

Кольцо покойников сужается, температура падает, и давление растет.

В цифрах происходит следующее.

Интерес к дамам ниже обычного на несколько пунктов.

Сила в руках на сжатие 15 ангстрем, на растяжение – 62,8 джоуля!

Удар в стену с размаху 12 атмосфер, задом в дверь с разбегу 15,6 кг/см².

Удар кулаком с плачем и слезами 3,6 атмосферы. На замечание огонь в глазах ответный –

11 свечей.

Подъемное усилие на чемоданной ручке 38 кг.

Спинной подъем с разгибом 9,6 кг/см².

Тяговое усилие на тележку всем телом до 70 кг на колесо.

Сила звука при скандале 98 децибел, выброс слюны при этом 6,3 метра.

Уход в себя за 1 час 15 минут.

Выход из себя 0,3 секунды.

Приемистость от нуля до точки кипения 16 секунд.

Давление на стул в покое – 13 атмосфер, в волнении – 3 атмосферы, давление на перо при описании жизни – 234,6 атмосферы.

Дружеские объятия – 12,6 атмосферы, с поцелуем токсичностью 4-й степени.

Ходовые характеристики:

продолжительность бега по равнине на скорости 2 км/час – 30 секунд;

по пересеченной местности 20 секунд на скорости 1 км/час;

скорость при подманивании 2 метра в минуту;

добывание пищи – 3 часа;

пережевывание – 1 час;

переваривание – 4 часа;

переживания – 3 часа;

лечение – 6 дней.

Умственные характеристики:

принятие правильных решений 5,6 секунды, неправильных – 24 часа;

принятие неприятностей на свою голову 0,2 секунды, избавление от неприятностей 1,5–2 года.

Итого: вошел в медленную часть быстротекущей жизни по желанию родителей, вышел в середине бурного потока по велению сердца.

Между премиями ТЭФИ

Зал насторожился
Должен сказать, мне в сегодняшней жизни что-то нравится.
Все, что было запрещено, теперь разрешено.
Раньше – искусство в массы. Теперь наоборот. Настоящий коммунизм сегодня. Вот так
запели, зашутили и повели нас за собой массы.
С детства вот это: «Стыдно, у кого видно».
На телевидении видно все.
Конечно, все умеют ругаться.
Да и что там уметь.
Но не принято. Без объяснений. Не принято, и все!
Иначе не будет разницы между туалетом и телевидением. А мы все хотим, чтоб разница
была.
Но нужен рейтинг.
Рейтинг – это в переводе заработок.
И уже отдельные слова стали слышны.
Я думаю, скоро мы увидим документальный репортаж о квартирной краже со взломом.
Интерес к этому огромный.
Очень высокий рейтинг у анально-сексуальных передач.
Дети хорошо смотрят.
От новорожденных до переростков одиннадцати лет.
Сегодня, чтобы дети познакомились с «Анной Карениной», она должна выдать секс днем.
Ночью детям смотреть трудно. Организм все-таки слабенький. И под поезд пусть броса-
ется медленно-медленно, чтобы было все видно. И поезд чтоб ушел, а она осталась...
Дети молодцы.
Пока учителя бастуют, а церковь ищет слова, эти учатся непрерывно.
Скоро от них родителям охрану придется нанимать. Из них же. А потом охрану
от охраны...
Рейтинг – это могучее послание тупых тупым.
Конечно, его учитывать надо. Но еще мама во дворе говорила: «Петенька, ты же умней.
Отдай ему этот свисток. Не надо всем свистеть. Ты же умней, Петя!»
Ребята! Ладно. К вашим покойникам мы уже привыкли. Вы вкатываете их прямо
к нашему столу и здесь пудрите и сшиваете.
Мы уже еду не прекращаем, а вы нам показываете, что тесен мир и сыгравший в ящик
не далеко отъехал.
И врачебную тайну уже знают все.
Но то, с чем я вас поздравляю, касается юмора.
Вы сделали огромное дело.
Появилось целое поколение, искалеченное КВН со всеми веселыми и занимательными
последствиями.
Кто знал, что эта чудесная милая игра даст такую массовую продукцию.
Всю страну заполонили.
Народ не хочет уходить со сцены.
Профессионалы мечтают вовремя уйти. Этим бы надо уйти сразу после появления.
Но муза зовет. Искусство требует жертв. И эти жертвы являются хором, и массово шутят,
и массово играют. Как правило, переодевшись в женщин.
Они полагают, что женщины именно так шутят и именно так выглядят.

Им, видимо, не везло в жизни и уже не повезет.

Этот юмор переодетых мужчин обрушился в количестве, которое пугает.

Одно дело то, что они говорят, но еще хуже то, что они хотят этим сказать.

Неужели так круто переменилась жизнь и так резко заголубело вокруг?

Если кто помнит, была потрясающая разница между мужчиной и женщиной, из-за которой столько исписано и столько искалечено.

Неужели все напрасно?

Неужели надо было сшить себе платье и наслаждаться чужими заслугами, когда в трамвае тебе уступают, и на работе жалеют, и чемодан поднесут?

А ты отвечаешь ароматом, скрывая им отсутствие мыслей.

Именно это поколение, глубоко искалеченное КВН, научило нас хохотать в поддержку своих.

Это называется: «А теперь ваши аплодисменты!»

Аплодисменты перестали быть добровольными.

Их не вызывают, их заказывают.

«Встретим его, друзья!»

«Проводим его, друзья!»

Да я разве против игры?

Я против последствий.

И ребята милые.

И все они где-то учились.

(Я не говорю чему-то, но где-то.)

Ну лечить не могут, чертить не умеют, но играть без какого бы то ни было образования тоже, оказывается, тяжело!

А где эти несчастные, которых отбирают приемные комиссии во ВГИКах и ГИТИСах?! Которые пять лет изучают систему? А где сам этот несчастный, который ее создал?

Он не подозревал, с каким топотом массы хлынут в искусство именно после падения советской власти.

Красивой женщине есть чем возместить талант, но крупному бездарному мужчине показать нечего. Я это утверждаю.

Не хотят они уходить.

Мол, останемся с вами как вечные политические обозреватели, как студенты из вечной самодеятельности.

Это о юморе на ТВ.

А теперь о смешном!

Разговорные шоу.

Невзирая на крики «Ваши аплодисменты!» – публика вьялая. Вьялая!

Красивая, но вьялая!

На кнопках.

Единственное лицо, на котором неподдельный интерес к происходящему, – лицо ведущего эту передачу.

Публика вьяло борется со сном и нажимает какие-то кнопки.

Политики вьяло поддерживают довоенный имидж, придерживая настоящие разногласия к выборам.

Жириновский, невзирая на огромное материальное благополучие, устало играет хулигана, устраивая на пустом месте драки, хотя давно пора поменять палку и ведро.

Коммунисты вбивают свой гвоздь во что попало. А гвоздь у них один: «Новое правительство проводит старую политику, подробности письмом».

Им уже надо менять не доски, а гвозди. Правда, они сейчас занимают положение, которое меня устраивает.

А что же умные люди?

Ну, честно говоря, никто не спрашивает, где они.

Они неинтересны.

Рейтинга они не дают.

На вопрос: «Что вам нравится в людях?» – не отвечают. Не знают, видимо.

И то, что всем известно, не хотят говорить. А надо!

И что Волга впадает в Каспийское море, и что дважды два четыре – надо напоминать.

И еще у умных отвратительная черта – слышать самого себя.

Мол, стыдно мне – значит, стыдно всем.

А рейтинг – именно когда стыдно!

Как покраснел, так пошел рейтинг!

Когда дурак снимает штаны – это рейтинг.

Когда умный снимает штаны – это высокий рейтинг.

И люди говорят: «Вот ведет эту игру, а что удивительно – умный человек».

Вот так и происходит: хохот, аншлаг, успех. Только чуть ниже.

Ведь рисуют и красят одним и тем же.

Чтобы завтра повторить хохот, аншлаг, успех, надо сойти еще чуть ниже.

Там вас тоже тепло встретят.

Вот так: ниже, ниже, и пропадает мастерство...

...Нет, нет – у зрителя!

А это он делает предметы, которые мы потом не можем продать ни за какие деньги. Чтоб заработать на хлеб, когда газ кончится.

Все!

Сегодня ваш праздник.

Я вас поздравляю.

Я снова выступаю перед вами в странной роли китайского иглоукалывателя.

Поверьте, мне на ТВ многое нравится. Мне нравится жить сегодня.

Но вы сейчас власть.

Вы создаете народ, которым уже потом командует президент.

Папа с мамой только начинают.

Остальное – вы.

И свет, и тьма, и боль, и радость.

Свободу вашу пока не ограничивают, и в конкурентной борьбе друг с другом вы получите население, которое заслужили.

Успехов! Всегда неподалеку. Ваш автор.

Софья Генриховна

Я говорю теще:

– Софья Генриховна, скажите, пожалуйста, не найдется ли у вас свободной минутки достать швейную машинку и подшить мне брюки?

Ноль внимания.

Я говорю теще:

– Софья Генриховна! Я до сих пор в неподшитых брюках. Люди смеются. Я наступаю на собственные штаны. Не найдется ли у вас свободная минутка достать швейную машинку и подшить мне брюки?

Опять ноль внимания.

Тогда я говорю:

– Софья Генриховна! Что вы носитесь по квартире, увеличивая беспорядок? Я вас второй день прошу найти для меня свободную минутку, достать швейную машинку и подшить мне брюки.

– Да-да-да.

Тогда я говорю теще:

– Что «да-да»? Сегодня ровно третий день, как я прошу вас достать швейную машинку. Я, конечно, могу подшить брюки за пять шекелей, но если вы, старая паскуда, волокли на мне эту машинку пять тысяч километров, а я теперь должен платить посторонним людям за то, что они подошьют мне брюки, то я не понимаю, зачем я вез вас через три страны, чтобы потом мыкаться по чужим дворам?

– Ой, да-да-да...

– Что «ой, да-да-да»?

И тогда я сказал жене:

– Лора! Ты моя жена. Я к тебе ничего не имею. Это твоя мать. Ты ей можешь сказать, чтоб она нашла для меня свободную минутку, достала швейную машинку и подшила мне брюки?! Ты хоть посмотрела, как я хожу, в чем я мучаюсь?!

– Да-да.

– Что «да-да»? Твоя мать отбилась от всех.

– Да-да.

– Что «да-да»?

Я тогда сказал теще:

– Софья Генриховна! Сегодня пятый день, как я мучаюсь в подкатанных штанах. Софья Генриховна, я не говорю, что вы старая проститутка. Я не говорю, что единственное, о чем я жалею, что не оставил вас там гнить, а взял сюда, в культурную страну. Я не говорю, что вы испортили всю радость от эмиграции, что вы отравили каждый день и что я вам перевожу все, что вы видите и слышите, потому что такой тупой и беспамятной коровы я не встречал даже в Великую Отечественную войну. Я вам всего этого не говорю просто потому, что не хочу вас оскорблять. Но если вы сейчас не найдете свободную минутку, не возьмете швейную машинку и не подошьете мне брюки, я вас убью без оскорблений, без нервов, на глазах моей жены Лоры, вашей бывшей дочери.

– Да-да-да. Пусть Лора возьмет...

– Что Лора возьмет? У вашей Лоры все руки растут из задницы. Она пришьет себя к кровати – это ваше воспитание.

– Софья Генриховна! Я не хочу вас пугать. Вы как-то говорили, что хотели бы жить отдельно. Так вот, если вы сию секунду не найдете свободной минутки, не достанете швейную машинку и не подошьете мне брюки, вы будете жить настолько отдельно, что вы не най-

дете вокруг живой души, не то что мужчину. Что вы носитесь по моей квартире, как лошадь без повозки, что вы хватаете телефон? Это же не вам звонят. Вы что, не видите, как я лежу без брюк? Вы что, не можете достать швейную машинку и подшить мне брюки?

– Да-да-да...

– Все!.. Я ухожу, я беру развод, я на эти пять шекелей выпью, я удавлюсь. Вы меня не увидите столько дней, сколько я просил вас подшить мне брюки.

– Да-да-да...

Я пошел к Арону:

– Слушай, Арон, ты можешь за пять шекелей подшить мне брюки?

– Что такое? – сказал Арон. – Что случилось? Что, твоя теща Софья Генриховна не может найти свободную минуту, достать швейную машину и подшить тебе брюки?

– Может, – сказал я. – Но я хочу дать заработать тебе. Ты меня понял?

– Нет, – сказал Арон и за двадцать минут подшил мне брюки.

Письмо

Моя дорогая!

Я опять с удовольствием и жалостью наблюдал вас. С большой симпатией и ненавистью слушал ваш захлебывающийся нахальный крик:

– Это я придумала ставить плиту выше отлива. Это моя идея сделать насос в ведре. Это я первая сказала, что Гриша бездарь!

Моя драгоценная, к концу возбуждающей встречи я отряхиваюсь по-собачьи, из-под моей шкуры брызги ваших криков: «Это я. Это я».

Счастье! Если бы вы были хуже внешне, слушать вас было бы неинтересно, но когда вы неожиданно показываете пальчиком, мы долго любимся пальчиком, а потом ищем предмет. Как правило, это море.

– А я говорю, вода сегодня теплая, – говорите вы и опускаетесь. И опускаемся мы.

Да, я не мужчина. Вернее, нет, я не мужчина.

– Я чуть не поубивала весь автобус, – говорите вы кому-то, адресуясь мне.

– Я передую весь ЖЭК, – говорите вы кому-то. Хотя все это мне.

– Кто лучше играет? – кричите вы не мне, но адресуясь.

– Вот объясните мне, – кричите вы другому, – какой актер сумеет?

И все это не мне, но мне. А я лежу и выкипаю.

Я отвечаю непрерывно, как пулемет, стреляющий в себя. От своих ответов я похудел и озлобился. На бегу, на ходу, в трамвае я отвечаю вам.

– Да, да, – кричу я вам внутри. – Весь ваш облик – наглость. Наглость обиженная, наглость задумчивая, наглость спешащая, наглость любящая, наглость едящая, пьющая, слушающая и орущая. Прочь изнутри!

По веревке протянутой я бегаю от вас к правительству. Я ему даю советы. Из нас всех оно в самом сложном положении. Я сам не знаю, как дать независимость, оставляя в составе, как от труса ждать смелого решения, искать истину в единогласии. Я согласен: делать что-то надо и думать что-то надо, и я ночами должен, ночами, заменяющими день и подменяющими вас. Я должен, должен!

Я бегу и говорю:

– Да, да, да. Нельзя, не могу я найти легких решений, и трудных решений, и средних решений, оставаясь в рамках Международного валютного фонда и соблюдая патриотизм.

Я один думал. Я с другом думал. Еще умней меня и холоднокровней.

Почему премьер должен думать о перспективе, если его завтра снимут? Почему он должен думать о перспективе? Я сам думал, я с друзьями думал, умней меня и холоднокровней. Мы напились того, что достали. Мы прекратили поиски решений, потому что – сутки, а мы только на пороге.

Мы напились, и я любил, как мне кажется, от безысходности, или меня любили от другой безысходности, или мы любили друг друга от общей безысходности.

Потом долго любили меня. Потом чуть-чуть любил я.

И снова вы.

Как вы кричали, что именно вы придумали третью сигнальную систему у человека. Что вы устроили Аркадия ремонтировать слуховые аппараты для гипертоников. Что это вы приспособили фотовспышки для чтения слепыми объявлений об обмене жилплощади. Что это вы дали телеграмму в Америку Эсфирь Самойловне прекратить поиски работы и сварить что-нибудь вкусное для мужа.

И я снова завелся и побежал к правительству.

– Что? Что? – кричал я. – Что это за идея использовать неплатежи для взаиморасчетов? Что это за идея считать долг родине своей зарплатой, а армии не показывать противника уже десять лет?

А тут сзади завелись вы:

– Это я ему сказала: ставь здесь батареи, повесь там радиолу, и видите, как хорошо.

Все, все, все, все... Слишком много.

Такое количество идей тазепам не берет! Дормидрол в вену. Вену с артерией. Кровь вниз. От мозгов к заднице. И я и принимаю смелое решение заткнуться внутренне. Перестаю подключаться. Мысленно я в стороне. Ни Кремль, ни вас, моя радость, не успеваешь поцеловать в задницу, как там уже чей-то зад, кто-то уже целует.

И тут я с содроганием узнал о переводе государственного транспорта в частные руки без права пользования на местах, а вы в это время придумали хлорофилл и глазное дно. И сто раз предупредили о том, что вы предупреждали...

Простите, I don't know. I go in Yugoslavia partizanen in the Bosnia and Gerzegovina.

Бесконечно целую и крепко жму ваше горло, моя последняя.

Ваш кутюрье по матери. Мишустик Первый.

Your boyfriend Michael.

Они сидели вдвоем

Они сидели вдвоем, и он не мог унять дрожь. И жутко смотрел, и вообще лепетал чушь. И она сказала:

– Я бы сделала все умней. Женщине нужно, чтобы красивый сорокалетний мужчина был совершенно недоступен, очевидно, во французских духах и что-то такое знал... Не обращал на нее внимания, чтобы он встретился «только по делу», чтобы они «только обсуждали деловой вопрос». А она будет сидеть в волнении: Господи, какой человек!

Не надо добиваться. Добиваются все, и если кто-то не добивается, то он дурак, но дрожь в руках сразу выдает и ставит в ряд всего человечества: «Ах, вот он какой, самый обычный, он влюбился, он гроша ломаного не стоит, тогда уже лучше тот молодой, шеф-повар из нового ресторана».

Если вы влюбились – никакого внимания, ну, если вас возьмут за руку, вы можете небрежно ответить пожатием, но тут же отнять: «Не надо, детка, я уже не в том возрасте», – и опять о делах. Для вас дело должно быть главным, пока она не одуреет. Тогда – все. Вот каким надо быть!

И он унял дрожь, и начал говорить о делах, и отодвинулся от нее далеко, и стал холодным. И она надела пальто, и он не мешал. И она ушла и больше никогда не позвонила...

И он до сих пор мучается вопросом: кто кого надул?

В супружеской жизни

В супружеской жизни самое неприятное – нестыковка во времени. Допустим, вы хотите ругаться, а она пошла спать. А вам надо. А вам просто надо: и время есть, и повод прекрасный. И не в кого все это. Все слова выстроились – не в кого запустить. На ваш крик: «Ты что, спишь?» нет ответа. «Ты чего это вдруг ночью спишь?»

Нет. Такая жена нам не нужна.

Для скандала надо брать темпераментную, плохоспящую, легко переходящую на визг, плач и тряску особь. Тогда вы всегда в хорошей форме: быстрый, чуткий, ускользающий, как молодая рысь. Ночами не спите, а лежите в углу на тряпке с высоко поднятой головой и прислушиваетесь.

Из-за вашей манеры уворачиваться практически кончились все чашки и тарелки. Это скандал музыкальный, все соседи подтвердят. Это скандал музыкальный, скандал-концерт, очень интересный со стороны. Вначале ваш низкий голос, там что-то типа: бу-бу-бу-бу-бу, затем вой, визг, плач, а-а, ба-бах, вступил сервиз – и тишина. Во второй части опять ваш живучий низкий голос – бу-бу-бу, нарастание, вой, визг, писк, трах – тишина.

В общем, такая жена бодрит и будоражит, но класса не дает.

Для завершения жизни нужно брать звезду скандала, мастера слова, холодную, злобную, умную, припечатывающую с двух слов и навсегда. Тогда визгом и плачем заходите вы, хватаетесь за стены, за таблетки, капаете мимо стакана и долгими отдельными ночами зализываете все, что можете достать.

Это высокий класс. Она действует не по поверхности, а калечит внутренние органы. И кликуху дает точную, на всю оставшуюся жизнь: «Эй ты, придурковатое ничтожество». Когда вы с ней под руку идете по улице, она с вами так и обращается, как раз перед встречей с друзьями. У вас через лицо проступает череп и уже на черепе проступает улыбка. «Решили подышать?» – спрашивают друзья. Как раз дышать вы не можете. Убить – да! Умереть – да! Все спрашивают: что с вами? И она спрашивает: что с вами? Отвечать некому – у вас звука нет.

Это настоящий, убыстряющий жизнь скандал. Между такими скандалами хороша любовь. Яростная, последняя, с потерей сознания, с перерывом на реанимацию. После чего она же подает на развод.

Ибо! Ах, ибо, ибо – женщину скандал не портит, а освежает. Она скандалит и живет. А вам крикнешь: «Чтоб ты подох!» – вы тут же исполняете.

Скрипка, вежливость и женщина

Очень скоро, если не уже, это случится!

Шатается целая империя.

Империя рейтинга, крестиков-ноликов и голых баб.

Десять лет без цензуры удовлетворяется тоска по душевному и блатному. «Наточите ножи и погасите свечи»⁴.

Ляжки вместо пения. Фанера вместо музыки.

Слова вместо мыслей. Имена вместо тем.

Заканчивается борьба со смыслом.

Довели.

Теперь кричат – скрипку! Скрипку давай! Пусть играет – черт с ней!

Чудовищная часть зрителей рванула на Монтсеррат Кабалье. Хотя там больше нужны слушатели, но пока рванули зрители. Ничего, пусть они идут с телефонами и пивом. Звонки в зале мешают только певцу. Важно, что народ рванул в симфонию. Взаимная усталость и дикая скука, когда поющий поет про бабу, про которую слушающий знает еще больше, срывает их с мест и тащит в консерваторию, где оба никогда не бывали.

С деградацией промышленности стали появляться раки, зайцы и уже встречается вежливость. Конечно, исчезает занятость. Всеобщая занятость у нас всегда связывалась с потерей вежливости. Ибо при этой занятости получались предметы, вызывающие полную потерю вежливости. Это потом стали говорить об охране окружающей среды от этой занятости и связанного с нею мата. До сих пор символом всеобщей занятости является работающий без всяких причин экскаватор и туда же ползущий за ним бульдозер.

Результатом падения занятости стало появление «Поля чудес», «Проще простого» и прочих игр, связанных с получением еды и вещей за догадливость. Увеличение заработка среди людей вольных профессий вызвало появление песен «Ксюша», «Маша», «Дуся», разнос шампанского с презервативами прямо на концерте.

Волны трезвости пока не ожидается. Волна борьбы за трезвость предвидится. Но наступление самой трезвости крайне болезненно, как вообще призыв: «Давайте наконец трезво взглянем...» Желающих крайне мало. В основном женщины, чье политическое влияние в этой стране днем крайне низкое.

Идет новое странное поколение, не поддающееся ни уговорам, ни посулам. Они поют, танцуют. Они неожиданно много знают. Совсем не патриотичны. Родина там, где их ценят. Дух раскован. Принципов нет. Рождены свободными. Делают страну для себя. Это и будет для остальных. И я думаю, наконец, что у части населения наконец появятся деньги, наконец и оно опять станет публикой. Мы снова услышим за кулисами шепот артистов: «Ах, какая публика сегодня». Ибо концерты успешными бывают в двух случаях: когда у публики и артистов нет денег и когда у публики и артистов есть деньги. Не хочется говорить, какой вариант предпочтительней.

На фоне всеобщей стабилизации, при условии отсутствия войн или изобилия отечественных товаров, что по последствиям одинаково, грядет появление женщины.

Реклама косметики и прокладок долго воспринималась нашими мужиками как издевательство. Они знают нашу бабу в плюшовке, прикрывающую рукой зубы, ноги, плечи, грудь.

Какой крем? Что им смазывать? Руки?

А лом чем держать? Смазанными руками?

Что это за товары для женщин? Ты сначала различия найди.

⁴ Песня.

И тут вдруг получилось, что появление этих товаров вызвало поиск этих различий. Появление прокладок вызвало поиск мест для их применения. Эти места нашлись и у нас в стране, известные как лучшие места отдыха трудящихся.

В целях применения французской косметики стали искать лицо и нашли его. А когда разгребли отечественную пыль и ругань, лицо оказалось прекрасным, как и руки.

О ногах без слез говорить не будем. Ибо столько искалеченных, переделанных в мужские фабриками «Скороход», «Красный пролетарий», «Восход», «Заря». В стране не осталось ни одной ноги.

Вечные крики: «Обувь! Обувь! Обувь дают!» Вопль «Я заняла за сапогами!» освобождал от работы автоматически.

Пролетарское государство делало все, чтоб женскую ножку превратить в ногу, конечность, копыто, спрятать в валенки, чуни, кирзовые сапоги или кеды имени Бадаева. Когда мы извлекали их оттуда, мы плакали: «За что?» Оставить наших женщин без ног, зубов и глаз. Косить комбайнами на физкультурных парадах, держать в высоких пирамидах и в глубоких черных трусах передовика...

И если наш мужик мозолистой ладонью мог полировать отечественный коленвал, что, кстати, говорит о низком качестве металла, то о какой ответной ласке может идти речь, если женщина такой же ладонью... такой же ладонью...

Сейчас идет медленный процесс превращения бабы в женщину. Процесс, связанный с поставками из Парижа, с переводом отечественных танковых заводов на выпуск кремов и полосканий. Одна замена металлических зубов наших сельских жителей даст южнокорейским судостроителям миллионы тонн качественного металла и позволит изготовить тысячи протезов, но уже рук и ног, для новых независимых государств. Ибо независимость берут своими руками, но удерживают ее уже протезами!

Так что телевизионные подробности женской жизни пусть нас не раздражают, если мы вспомним, чем они пользовались раньше! Ведь кровавей бойни, чем женские отделения больниц, не бывает. И просьба о наркозе была мольбой о милости Божьей, чтоб через три часа тут же уйти в полном презрении и крови.

И вот теперь мини-шорты-эластик открыли нам такое!..

В очищенной красоте нашей женщины воплотились вековые мечты нашего же околевающего от холода, голода и одежды зэка, с вечным паркинсоном в виде отбойного молотка. А когда мы впервые увидели нашу женщину не в миске, а под душем, то поняли, что значит, когда капли стекают, не задерживаясь нигде.

Этот процесс еще может тормозиться, но скорее от бедности, чем от темноты.

Слава телевидению, что в жарких поисках денег наткнулось на женщину. Для мужчин у них пока ничего нет. Одеколон серии «Клуб» мозги не развивает и тоже предназначается для женщин.

Теперь дети.

Если женщины появились поздно, то детям появляться рано. Для них пока условий нет. Тут советская власть кое-что хорошее имела. Не в лице яслей, не в лице садов, а в лице школы. Малой средней школы.

Именно здесь задерганные преподаватели передавали зачуханным ученикам свои знания и взгляды. И именно здесь не успевала следить советская власть и не догадывалась сажать так рано. И в результате этих преступных контактов появились разные Солженицины, Сахаровы, Барышниковы, Нуриевы, Башметы, Кремеры, три пары Ашкенази, я, Толя, Битов, Резо...

Это было в школе, куда насильно опускалась мыслящая часть передового авангарда для встречи с местным хулиганьем, из которого и вырастала честь и слава Родины нашей. Руки не дошли у советской власти.

Здесь писались сочинения. Здесь учились математике. Здесь постигали азы вежливости. Чтоб забыть потом обо всем этом в камнедробильных буднях великих троек, смысл которых был «назло Америке».

«Назло Америке» мы многого достигли. Мы даже чуть не сблизились в науке, едва не уничтожив земной шар. Не надо расстраиваться, нам еще есть чем им подгадить. На своей территории конечно. Ничего. Ветром перенесет.

Так вот, детям сейчас появляться рано. Учителей не стало. А те, что есть, основные правила на себе пишут в виде татуировок с иллюстрациями. Эти педагоги знают, как переломать, но не знают, как срастить. Преподают на базарах и вокзалах. Качают мышцы, откачивая из мозгов. Эти преподаватели сами ждут, что им что-нибудь придумают еще, кроме телефона, факса, «БМВ».

Они имеют все, вот ради чего?.. Ради чего?!

Они готовы купить ответ на этот вопрос.

Но продавцы уехали.

Так что детей я бы пока не рожал:

- а) до окончательного заполнения консерватории,
- б) до окончательного превращения толпы в публику.

Про Мишу

В Одессе до эмиграции жил такой Миша Беленький. Музыкант. Очень любил шутить в брежневские времена. Например, надел темные очки, плащ, шляпу и пошел давать телеграмму: «Тетя умерла. Аптека закрыта. Посылки больше не посылай». Девочка отказалась принимать. На крыльце уже ждали.

Провел четыре дня в КГБ.

Миша Беленький играл в судовом оркестре. Когда вернулся с Кубы, во время досмотра влез в шкаф. Советский пограничник нашел его в шкафу со всеми правильными документами.

Опять четыре дня сидел в КГБ.

Остановила ГАИ, велели открыть багажник. Он отказался. Они приказали. Он крикнул: «Ложись!» Все легли. А там ничего не было.

Четыре дня провел в больнице. Сейчас в Америке.

В коммуналке

Дед собирается в туалет в конце коридора.
Включает у себя свой свет.
Берет ведро воды.
Пока доходит до туалета, там кто-то сидит.
Под его светом.
Дед не может этого выдержать.
Срочно бежит обратно с ведром воды.
Выключает свой свет.
За это время тот выходит.
Дед берет ведро воды.
Включает свой свет.
Идет в туалет, пока доходит, там кто-то сидит.
Дед хватает ведро, бежит обратно, выключает свой свет.
Идет в туалет без ведра.
Дежурит у дверей.
Оттуда выходят, он бежит обратно, хватает ведро, включает свой свет.
Бежит в туалет, там кто-то сидит.
Он бежит обратно, падает, выливает ведро, выключает свой свет. Идет в туалет.
Сидит без воды и в темноте.

Соседка

Пришла соседка – это сказать просто. Шарканье началось за полчаса до разговора. Крик стоял страшный. Она кричала и я. Она глухая. Я тоже не весел. Я орал как сумасшедший. Она просила позвонить вместо нее по телефону. Я орал, что у меня телефона нет. А как показать, что телефона нет. Она думала, что я не хочу. Она наорала, как я себя чувствую. Я зашелся в крике, что хорошо. Она снова забилась в истерике, что ей нравится, как я пишу. Я кричал и бил себя по голове, мол, спасибо. Тогда она оперлась на палку, набрала воздух и завизжала, что, если я собираюсь закрутить на зиму компот, она мне поможет. Ответить сразу я не мог. Я отдыхал. Я просил ее подождать. Я встал и уперся в дверную створку и, дико крича и артикулируя, намекнул, что давно этим не занимаюсь, живу возле хорошего магазина.

– Что? – прошептала она.

– Да, – закивал я. – Да.

– Извините. Я плохо слышу, – сказала она.

– Да, – сказал я. – Да.

– Если я попрошу вас позвонить, вы мне не откажете?

– Да, – сказал я. – Да. Но у меня нет телефона.

– Я вообще хотела бы с вами поболтать.

– Хорошо, – прошептал я, – это было бы здорово. Идите, – прошептал я. – Идите.

– Вы хотите сейчас?

– Ни в коем случае, – заорал я.

– Пожалуйста. Вы же знаете, я на пенсии. Может, погуляем?

– До свидания, – сказал я. – Пошли. Я тут знаю один маршрут.

И мы тронулись. Как только вышли за ворота, я пропал. Где я сейчас – не скажу.

Плохо слышно

Для Р. Карцева

- Аллю, это Таня?
- Да. Кто это?
- Это Миша.
- Сейчас я подойду к другому телефону.
- Не надо.
- Здесь плохо слышно.
- А я ничего не собираюсь говорить.
- Что?
- Я ничего не собираюсь говорить.
- Вот видишь, я тебя не слышу.
- А я тебя слышу хорошо.
- Что?
- Я тебя слышу хорошо.
- Ничего не слышу.
- Я тебя хорошо слышу.
- Что?
- Я тебя слышу хорошо.
- А я тебя очень плохо.
- Так я ничего не говорю.
- Что ты хотел сказать?
- Ничего.
- Что?
- Ничего.
- Громче!
- Ничего.
- Медленно.
- Ни-че-го.
- Ничего?
- Да.
- Это Миша?
- Да.
- Это Таня говорит.
- Да. Я тебя слышу хорошо, говори.
- Что-что?
- Говори.
- Что говорить?
- Говори. Я тебя слышу хорошо...
- Аллю!
- Да!
- Аллю!
- Да.
- Говори.
- Что?
- Говори. Я тебя слышу хорошо.

- Я тебя не слышу.
- А я тебя хорошо слышу. Поняла?
- Да.
- Говори.
- Что?
- Говори. Я тебя хорошо слышу.
- Когда ты приезжаешь?
- 24-го.
- Что?
- 24-го.
- Я тебя не слышу.
- А я тебя слышу хорошо.
- Говори.
- Что?
- Говори. Когда ты приезжаешь?
- 24-го.
- Когда ты приезжаешь?
- 24-го.
- Я спрашиваю, когда ты приезжаешь?
- 24-го.
- Когда ты приедешь?
- Не надрывайся, я тебя слышу очень хорошо.
- Что?
- Я тебя слышу очень хорошо, не кричи.
- А что случилось?
- Ничего.
- Что?
- Не кричи. Я тебя слышу хорошо.
- Когда ты приезжаешь?
- 24-го.
- Какого?
- 24-го.
- Я тебя не слышу.
- А я тебя слышу хорошо.
- Кого?
- Тебя.
- Кто?
- Я.
- Что?
- Я тебя слышу хорошо.
- Вот наконец-то. Я тебя очень плохо слышу.
- Не кричи.
- Что?
- Я тебя слышу хорошо.
- Ты меня хорошо слышишь?
- Да.
- Когда ты приезжаешь?
- 24-го.
- Когда?

- 24-го.
- Когда ты приезжаешь?
- Не кричи. Я тебя слышу хорошо.
- Когда ты приезжаешь?
- 24-го.
- Не слышу.
- А я тебя слышу хорошо.
- Ты меня слышишь хорошо?
- Да.
- Что?
- Да.
- Ничего не слышу.
- Я тебе буду говорить цифры, а ты скажешь «да» или «нет».
- Хорошо.
- Ты поняла?
- Да. Я тебя хорошо слышу.
- А я тебя не слышу.
- 21-го.
- Нет.
- Что?
- Нет.
- Что?
- Нет.
- 22-го...
- Нет.
- Да?
- Нет.
- 22-го нас не будет дома.
- И не надо. Я не приезжаю.
- 23-го?
- Нет.
- 24-го?
- Да.
- 25-го?
- Нет. 24-го.
- 26-го?
- Нет. 24-го.
- 27-го?
- Нет. 24-го.
- 28-го?
- Нет. 24-го.
- Хорошо. Все, значит. Да, 28-го нас не будет, а 27-го мы будем тебя ждать. Хорошо?
- Я приезжаю 24-го.
- Все. Договорились.

В больнице

Да нет, лечиться надо, кто же возражает. На здоровье это, конечно, не влияет, но умственно, или, сказать хлестче, интеллектуально. Диапазон бесед.

Например – не надо пить! Почему надо пить, я могу доказывать аргументированно и бесконечно. А почему не надо – они мне на двух жалких анализах.

Господи, да почему надо пить. Да потому, что как пересечешь границу туда, так вроде и солнце, и туфли чистить не надо. Пересекаешь обратно из цветного в черно-белый, и желание выпить начинается еще над облаками.

Пограничник долго всматривается в мое изображение.

– Это вы?

Что ему ответить? Кто в этом уверен?

Сам пограничник цвета хаки. В моем состоянии это слово говорить нельзя – оно потянет за собой все, что съел в самолете.

Весь остальной цвет в стране – цвет асфальта. Люди в этом цвете не видны. Только по крику «Караул! Убивают!» узнаешь, где веселится наш человек.

Так же и авто. Любые модели становятся цвета испуганной мыши с добавлением царапин от зубов и костей прохожих. Надписи на бортах делают их похожими на лифт.

Конечно, пить вредно. И сидеть вредно. И стоять вредно. И смотреть вредно. Наблюдать просто опасно. Нашу жизнь. Шаг влево. Шаг вправо. Либо диктатура – либо бунт.

Либо бунт – либо диктатура.

Живем мы в этом тире. Живем, конечно, только пьем вредно.

Ибо политически не разобраться, кто за кого: кто за народ, кто за себя. Те, кто больше всех кричали: «Мы за народ», – оказались за себя. А я оказался в больнице на голубой баланде и сером пюре.

Диета № 7. В ней масса достоинств. Перестал мыть ложку. Перестал ковыряться в зубах. Желудок исчез вместе с болями, несварениями. Женщины по рейтингу откатились на двадцать первое место и лежат сразу после новости о возобновлении балета «Корсар».

На собак смотрю глазами вьетнамца. Пульс и давление определяем без приборов. Печень и почки видны невооруженным глазом. Когда проступят легкие, обойдемся без рентгена и его вредных последствий.

Хотя есть и свои трудности. Невозможно собрать анализы, больничный флот на приколе. Суда возвращаются порожняком. Ларинголог и проктолог если заглянут в больного одновременно, видят друг друга целиком. Много времени занимает поиск ягодиц для укола.

Крик сестрицы: «Что вы мне подставляете?!» – и сиплый голос: «Не-не-не, присмотритесь...»

Чтоб лечь на операцию, больной должен принести с собой все! Что забыл, то забыл. Значит, без наркоза. Также надо привести того, кто ночью будет передавать крик больного дальше в коридор. Оперируют по-прежнему хорошо, а потом не знают. Кто как выживет. Зависит от организма, который ты привел на операцию. Многие этим пользуются, с предпраздничным волнением заскакивают в морг, шушукаются с санитарями, выбирают макияж. Санитары, зная всех, кому назначена операция или укол, готовят ритуальный зал в зависимости от финансирования.

Страх перед смертью на последнем месте. На первом – страх перед жизнью. Больные из окон смотрят на прохожих с сочувствием. Местами меняться никто не хочет.

Ухода, конечно, в больнице нет, хотя вход массовый.

Из ординаторской вдруг хохот, пение, запах сирени. Это в декабре получена майская зарплата.

Больные с просроченным действием лекарств держатся вместе, им уже ничего не грозит. Хотя вдруг кто-то оживляется, спрашивает, где туалет. Значит, на кого-то подействовало. То есть просроченное лекарство встретило такой же организм.

Врачи имеют вид святых. Борются за жизнь параллельно с больными. Лечат без материалов, без приборов, без средств. Это называется финансирование. Больница просто место встречи. Кто не видит врача в театре или магазине, идет в больницу и там видит его.

Добыча крови из больных практически невозможна. Пробуют исследовать слезы, которых в изобилии. Но это скорее дает представление о жизни, чем о болезни.

Жаловаться некому, никто нас не обязан лечить, как и мы никому не обязаны жить.

Но если кто хвастается достижениями отечественной медицины, то мы все и есть достижение нашей отечественной медицины. Вместе с нашим президентом. Чтоб он был наконец здоров.

Больница

Ночь и день

Это же надо так набраться разных типов снотворного, чтоб полночи отбиваться от трех вражеских истребителей... Готовясь к катапультированию, неоднократно отстегивать шланг, отказаться от орденов, что вручала королева, и сделать ей предложение, от которого она с отвращением отказалась...

Снотворное в этой больнице действует как возбуждающее, как слабительное, как огнестрельное, как обнадеживающее в конце концов, но только не как то, ради чего... Слабительное наоборот. Не дает надежд. А что вы хотите? Огромными усилиями столько лет превращать ночь в день, а теперь развернуть обратно? От манной каши судорогой сводит ноги и такая изжога, что только огнетушитель...

Одесский телефон

Это заблуждение, что у вас в трубке один человек. В одесском телефоне – толпы людей в одной трубке. Вы только снимаете, там уже начинают суетиться:

- Это кто к нам присоединился?
- Ты разве не слышишь?
- Да слышу я, слышу. Но он молчит. Вы что, подслушиваете?
- Я не подслушиваю. Я из больницы говорю. Мне нужна Мила. Мила, мне нужно мыло.

Мыло, мыло мне нужно.

- Вы только что присоединились?
- Да он уже давно говорит.
- Нет, этот, с мылом, давно.
- А вот этот прислушивается. Что вы прислушиваетесь?
- Я не прислушиваюсь. Я жду, когда вы закончите. Вы не могли бы положить трубки?
- Почему мы должны положить трубки? Мы начали раньше вас.
- Но я все время попадаю...
- И я все время попадаю.
- Простите, мне неинтересны ваши разговоры.
- А мне неинтересны ваши.

– Алло, товарищи, дамы, господа, я извиняюсь, я из больницы. У нас один телефон на сорок больных. Я умоляю. У меня украли мыло, вы представляете! Алло, Мила?

- Да.
- Это не ты.
- Я, я.
- Мила!
- Я.
- Это разве Мила?
- Я, я.
- Мила!
- Yes!
- Чего?
- Yes.
- Алло, это Мила?
- Я, я.
- Господа, граждане, товарищи, я из больницы, перестаньте! Я снова наберу. Алло.
- Я.
- Это Мила?
- Я, я.
- Кто это?
- Я.
- Это ты?
- Yes!

– Ты что, сука, на английский перешла? Извините, я сейчас снова наберу. Алло, это Мила?

- Какая Мила? Мужики, я что, голубой? Брось трубку, дай поговорить.
- Алло, граждане, товарищи. Я прошу тишины. У нас очень важный деловой разговор. Буквально три минуты полная тишина. Очень-очень важно.
- Алло.

- Ну.
- Так ты ему дал?
- Дал.
- И он взял?
- Взял.
- Почему же он ничего не сделал? Или ты не давал?
- Дал.
- И он взял?
- Взял.
- Почему же он ничего не сделал. Ты все дал?
- Все.
- И он все взял?
- Все взял.
- И ты сказал, что нам надо?
- Сказал.
- И дал?
- И дал.
- И он взял?
- И он взял.
- Почему же он ничего не сделал? Может, ты не то дал?
- А что я мог дать?
- И он взял?
- Взял.
- Может, он не успел?
- Успел, успел. Он очень быстро взял.
- И ты ему сказал сколько?
- Сказал.
- И он взял?
- Взял.
- И ты сказал, что надо подписать?
- Сказал.
- И что он сказал?
- Оставьте.
- И ты оставил?
- И я оставил.
- И дал ему все?
- И дал ему все.
- И он взял?
- И он взял.
- Все?
- Все. (*Молчание.*)
- Ну, будем ждать.
- Слушай, может, еще дадим?
- А он возьмет?
- Возьмет.
- Тут главное, чтоб он взял.
- Возьмет.
- Тогда надо дать.
- Я думаю, дадим.

- Алло, дама, Наберите мне, пожалуйста, 32–48–75, у меня не соединяется.
- Что, вам мало людей в трубке?
- Ну мне просто очень срочно нужно. Алло, Толя...
- Подождите, я еще не набрала.
- Алло, Толя. Это Толя?
- Да.
- Толя...
- Какой Толя? Отсоединяйтесь.
- Нет. Толя, Толя, не отсоединяйся.
- Отсоединяйтесь. Я из больницы говорю. Мне мыло нужно. У меня тяжелобольные украли мыло.
- Толя, ты что, в больнице?
- Да нет.
- Как же нет.
- Я из больницы говорю.
- Это не я.
- Мила, не слушай, я в больнице. Он врет все.
- Я с Толей разговариваю. Толя, нужно сдать анкеты.
- Так куда идти?
- Иди в ОВИР.
- Иди в больницу.
- Так в ОВИР или в больницу?
- В ОВИР. Толя, нужно сдать... Алло, кто там присоединился?
- Евдокия Ивановна, алло...
- Первый. Да.
- Второй. Да.
- Третий. Да.
- Кто там присоединился?
- Это ты ко всем присоединилась, дура нахальная.
- Алло, Евдокия Ивановна, включите телевизор и скажите, звук есть или нет? Алло.
- Первый. Да.
- Второй. Да.
- Третий. Да.
- Вы меня слышите, Евдокия Ивановна?..
- Первый. Да.
- Второй. Да.
- Третий. Да.
- Они тут требуют, чтобы вы сказали. Они не хотят приезжать. Они требуют, чтобы вы сказали, звук есть или нет?
- Я не знаю. Шум есть. Шум – это звук?
- Нет, шум – это не звук. Они говорят, чтоб вы сказали. Я от них говорю. Есть звук или нет?
- Я не знаю. Шум, большой шум.
- Так, тетка, клади трубку. Шум – это звук. Все!
- Лена, алло!
- Первый. Да.
- Второй. Да.
- Третий. Да.
- Лена, скажи им, что звука нет. Шум такой, что звука нет.

- А изображение?
- Что?
- Толя, отдай анкеты, не держи их.
- А изображение?
- Что?
- Аллю, Игорек, я не пойду туда. Для меня без телок – не отдых.
- Что?
- Б-е-з т-е-л-о-к н-е-т о-т-д-ы-х-а!
- А изображение есть?
- Телки нужны!
- Аллю, тетя...
- Не тети, а телки. Это разные женщины.
- Аллю, тетя...
- Аллю, простите, куда я попал? Я набирал восьмерку. Извините, я сейчас перенаберу.
- Он думает попасть в другое место.
- Аллю, это опять вы?
- Да, это мы все опять. А это опять ты?
- Да.
- Какая радость.
- Скажите, может, мне вместо восьмерки набрать...
- Воды в рот набери! Со своей восьмеркой. Тут люди двойку набрать не могут.
- Простите, но я поднимаю трубку, там уже кто-то говорит. Вы мне не подскажите, что набрать, чтоб от вас отсоединиться?
- Набери ведро воды и засунь туда...
- Тихо.
- А что ж он, сука, такой тупой?
- Аллю, вы мне просто скажите, куда я попал?
- Не скажем.
- Ну вот вы, женщина.
- Нет.
- Как же нет, у вас женский голос.
- Ну и что?
- Вот я набрал 63–25–10.
- Ну?
- Так я попал правильно?
- Куда?
- Ну, куда я попал? Ой, это Клава?
- Нет.
- Вы же сказали, что я попал правильно.
- Вы попали правильно, но вы не туда попали.
- Подождите, подождите – это квартира?
- Да.
- Это Клава?
- Чтоб ты подох.
- Женщина, что вы уперлись, вы же Клава.
- А он кто такой?
- Игорь.
- Какой Игорь. Не знаю никакого Игоря.
- Вообще не твое дело: я не с тобой разговариваю.

- А я что, с тобой разговариваю?
- Слушай, Клавка, я уже знаю твой телефон. Я вычислю твой адрес, я тебе, Клавка, такое...
- А я не Клавка. А мне все равно.
- Алло, простите, пожалуйста, с кем я сейчас разговариваю? Вот кто в данный момент со мной говорит?
- Бригадир рыболовецкой бригады главврач судоремонтного завода.
- Молодой человек, отсоединяйтесь.
- Не хочу. Я вам всем все поперебиваю. Я возьму за свой счет и буду у каждого с утра в телефоне.
- Алло, Толя.
- Ой, Толя, Толя!
- Мила.
- Ой, Мила, Мила!
- Я не могу до тебя дозвониться.
- Ой не надо, ой не надо.
- Как, ты моя жена!
- Все! Я развелась.
- Извините. Может, вы все положите трубки, а я наберу восьмерку.
- От сволочь.
- Hello-y!
- Первый. Да.
- Второй. Да.
- Третий. Да.
- Hello-y! It is Los Angeles? Do you speak English?
- Да нет, я из больницы говорю.
- Excuse me, I need Mikhael Zvanetskiy.
- А, ну это ей надо ночью звонить.
- Да не, он отключается ночью.
- Алло, надо его в Аркадии искать.
- Да нет, он сейчас в Москве.
- Все хором. 233–80–88.
- Да он в Одессе.
- Хором. 26–38–10.
- Thank you. I repeat.
- Что она говорит?
- Она говорит, что сейчас перезвонит.
- Все. Тихо. Тихо!
- Hello-y.
- Все. Hello-y.
- This is Mikhael Zvanetskiy?
- Все. Yes.
- My dear Mikhael...
- Пацаны, я чувствую, такая телка потрясная. Я уже от голоса возбудился. Слушай, а вдруг он где-то здесь? Алло, Миша, ты здесь? Михал Михальч...
- Да нет, он сейчас в Москве.
- Да где в Москве, я его видел вчера на пляже. С такими классными телками валялся. Слушай, как они с такой рухлядью?.. Он же развалина, он же еле дышит.
- Ну вот он на них и еле дышит. А им хватает. Им главное имя.

- Какое такое имя... Ну, Миша. Тоже мне имя... Что она хочет?
- Она хочет справочную.
- Скажи ей – 09.
- Что 09, она все равно сюда попадет. А ты, Клавка, положи трубку.
- Я положила.
- А вот, кстати, если мы все говорим, на кого счет придет?
- Голос. А на всех.
- Это кто говорит?
- АТС.
- И все положили трубки.

В санатории Дорохово

В желудочном санатории Дорохово тупые люди: всех несовместимых поселили. Со мной шофер-дальнобойщик, он приехал пить: «Я пить приехал. Я по двенадцать часов в день работаю, я пить приехал». А мне пить нельзя – я с язвой. Он пьет, а я желудочный сок выделяю и не могу.

Администратора театра Вахтангова поселили с художником по пейзажам. Администратор читает до трех ночи, а художник встает в шесть утра, и зубы чистит, и мольбертом гремит. И все спят по три часа.

Я сделал предложение, и мы поменялись. Теперь художник встает себе в шесть утра, и зубы чистит, и мольбертом гремит, а шоферу все равно – он без сознания еще с того вечера.

Я с язвой и администратором театра Вахтангова. Я спрошу у него, как там Вася Лановой, и тут же засыпаю. Просыпаюсь в три часа ночи – он все рассказывает, рассказывает... Зато когда он просыпается – меня нет. А я его завтрак съедаю. Знаешь, как все отдохнули: и администратор стал раньше засыпать, и художник потихоньку пить начал и перестал рано вставать, я стал ребятам про театр рассказывать. И даже шофер два рисунка сделал мелом.

Вот что значит человеческая совместимость.

Не стоит

Ребята!

Я считаю, что не стоит брать по сто грамм водочки, селедочку с картошечкой, редисочку, масла сливочного.

Не стоит. Не стоит.

И день такой прекрасный, и море голубое.

Спортом, спортом...

Значит, так.

Я предлагаю не брать по сто грамм водочки, огурчиков соленых, салатика помидорного, брынзочки, редисочки, селедочки и картошечки с укропчиком.

Ни к чему.

Солнце жарит, народ на пляже.

Необходимо размять уставшие мышцы. Да?..

А здесь хоть и видно море, а все равно в стороне.

Да? Договорились?

Значит, я повторяю: не берем по сто пятьдесят водочки, огурчиков, яблочек моченых, селедочки, салатика, картошечки, редисочки, сока томатного со льдом и отбивную.

Кто записывает? Нет, нет, нет.

Не берем по двести водочки, салатика, огурчиков, икры баклажанной, картошечки горячей с укропчиком и борща, да, и борща украинского с пампушечкой чесночной обязательно!

Не берем!

Уже записали?.. Ну и что?

Такой день хороший, и погода прекрасная, и жара, плавай, загорай.

Здоровье нужно укреплять.

Зачем нам по двести пятьдесят грамм водочки, селедочка с картошечкой, редисочкой, икоркой на холодное, борщом украинским со сметанкой и чесночком на первое и, пожалуй, и какое-то такое отбивное на второе...

Тогда уже и мороженое с вареньем...

Нет, нет! Не пойдет. Вычеркиваем все!

Значит, из холодного, вычеркните по триста грамм водочки с огурчиком соленным, салатик, помидорки, селедочку с луком, картошечку горячую с укропом, да, редисочку вычеркивайте с борщом и сметаной, рыбу жареную с пюре и мороженое, да, и томатный сок со льдом.

Все вычеркивайте.

Мы идем плавать, купаться и загорать.

Что значит принесли?

Унесите по триста пятьдесят грамм водочки, томатный сок со льдом, селедочку с горячей картошкой, редисочкой, салатиком, унесите горячий борщ в горшочке со сметаной и пампушечками с чесночком.

Немедленно заберите жареную скумбрию с пюре и соленным помидорчиком.

Унесите также хлеб свежий белый горячий с хрустящей корочкой, масло сливочное со льдом, икру из синеньких и капусточку квашеную с сахаром.

Мы все это есть не будем, мы пойдем на пляж и там подождем, захлебнувшись слюной, на их проклятом турнике в этот солнечный воскресный день.

«Наша эмиграция...»

Наша эмиграция характеризуется тем, что на каждом языке говорит с акцентом.

* * *

Мы летим так.

В Москве объявляется посадка, в Одессе закладывается борщ.

Самолет взлетает, борщ вскипает.

Самолет летит – борщ кипит.

Самолет идет на посадку – в борщ нарезается зелень. Натираются помидоры.

Самолет садится – борщ заправляется.

Добавляется соль, немного лимона обязательно, фасоль.

Самолет катится – ставится сметана, нарезается хлеб, очищается чеснок.

Выгружается багаж – моется молодой лучок и складывается горкой возле тюлечки.

Едешь домой – борщ настаивается в полотенце.

С первым криком «Есть здесь кто-нибудь?» из холодильника вынимается запотевшая бутылочка.

Ну наконец-то!

Поцелуи не получаются. Все целуются, глядя на стол.

Садимся...

Не можешь любить – сиди дружи!

* * *

Особенно хорошо думается, когда стираешь.

А когда гладишь... Складочки разглаживаешь, а сама думаешь, думаешь. И когда капусту рубишь. Думаешь в любом состоянии. Уже многие возражают, а ты все думаешь, как заведенная, как будто другого дела нет.

* * *

Трудно расстаться только с первым мужем, а потом они мелькают, как верстовые столбы.

* * *

И то, что они целуют вас, ничего не значит, и то, что они выходят за вас, ничего не значит.

Всю жизнь будете думать, что она вас любит, и она вам будет это говорить, и не узнаете правды, и проживете счастливо.

Измену можно простить, но если во время измены она плохо обо мне говорила – никогда.

* * *

А вы когда-нибудь лежали с красивой балериной параллельно, совершенно не пересекаясь?

* * *

Как же надо ненавидеть эту страну, чтобы бросить квартиру после такого ремонта.

* * *

Итак, ребята, сидение по горло в застое и бегание в рядах перестройки убедили нас, что ценности остаются прежними: честность, порядочность, ноги подруги, плечи ребенка, беседа с умным, молчание с ним же, гости издалека, цикады ночью, утренний запах сада, бесшумная походка кошки, книги, дающие возможность жить не здесь, и нормальная дружба, когда обоим ничего не надо.

Птички поют.

Причем две по-русски.

* * *

Наш новый русский в Гонконге сел на рикшу, и рикшу оглоблями подняло в воздух, где он и перебирал ногами.

* * *

Сядясь писать, вы вошли в лабораторию.

Вы обязаны сделать открытие.

Если вы его не сделали, постарайтесь об этом молчать.

* * *

Нормальный человек в нашей стране откликается на окружающее только одним – он пьет. Поэтому непьющий все-таки сволочь.

В России количество сатириков растет. Тут они образуются быстро.

И такие ядовитые.

* * *

Кто женился на молодой, расплатился сполна: она его никогда не увидит молодым, он ее никогда не увидит старой.

* * *

– Ваш город на каком расстоянии от Одессы?

– Тысяча километров.

– И не надо менять.

* * *

В мужчине заложено чувство ритма, нужно только ему разрешить.

* * *

У нас истина рождается в драке. Хотя в драке истина не рождается. В драке рождается инвалид. А истину после драки мы узнаем из газет.

* * *

МПС: на 29-е билета уже нет, а на 30-е еще нет. Как быть?

* * *

Сейчас наступило время, когда аккомпанемент выступает с сольными концертами.

Потрясение

Известие пришло в пятницу, и все были потрясены. Главным потрясенным был он.
Затем все, кого это касалось.
Затем те, кто слышал. Затем те, кто понимал.
И море стало светлым.
И коньяк пресным.
Люди стали добрыми.
Жеребец стал милой лошастью, даже когда возбудился и это стало видно.
Стали видны люди. И появились на берегу и на склонах.
Денег не брали, а говорили спасибо.
Спасибо за то, что вы у нас были.
А где он был, он и не помнил.
Он носил комок в горле и следил за своим мужеством и не хотел женщин. Хотя, если вода по ним стекает, то все-таки...
И руку класть тогда не стоит, чтоб не мешать течь воде.
Только вода владеет ею.
Она моя... Он мой... Кто чей и почему?
Только поэтому. Мой? Моя?
Тяжело без него и тяжело с ним.
Он шел потрясенный...
В слова превращать не стоит это удивительное прощание.
Все, все рассыпалось и стало различимым и различным.
И он видел, и он слышал, и он понимал вовсе не глазами и мозгом, а всей, чего он никогда не знал, душою.
Вдруг этим черным утром все остановилось.
Распались стены предметов и звуков. Но это же было.
Стало маленьким то, что им было.
Но оно же им было. Как ты сделал его другим? Что ты себе создал? Кто тебе сказал и почему он не наказан?
Никто не наказан. Просто ты вознагражден.
Спасибо ему за эту остановку.
Остановился неба клочок, моря кусок, дым шашлыка...
Я уже не говорю о гомоне птиц – это будет сложно.

В поезде

- Простите, это Винница?
- Господи, это он.
- Скажите, это Винница? Мне выходить.
- Смотри, это он.
- Проводник, это Винница?
- Вы меня извините, но я без смеха не могу на вас смотреть.
- Скажите, это Винница?
- А вы мне не подпишете...
- Мне в Виннице выходить.
- Он что, в нашем вагоне был?
- Мне выходить?
- В Виннице выйдете.
- Значит, Винница.

Два яблока

- В Одессе отец зажал сына в углу.
- У тебя два яблока. Я одно выбросил. Сколько у тебя осталось?
- Тихое скуление.
- У тебя было два яблока. Я одно порезал на куски. Сколько у тебя осталось?
- Скулеж, тычки, прижатие к стене.
- У тебя было два яблока. Я одно сожрал. Я! Я сожрал. Сколько у тебя осталось?!
- Плач, рев, удары.
- Ты держал в своих грязных руках два немытых яблока. Я вырвал у тебя одно и сожрал. Сколько у тебя осталось?
- Крик, плач.
- Папа! Не надо!
- Нет надо! У тебя было два яблока. Я у тебя вырвал и растоптал одно. Одно из двух я растоптал ногами. Сколько у тебя осталось?!
- Дрожание, вой, крики, визг мамы.
- Оставь ребенка.
- Он идиот. Я меняю условие. У тебя было два яблока. Одно сожрал ты! Ты сам сожрал одно! Сколько яблок, идиот, у тебя осталось, болван?
- А-а-а!.. Не бей, папа!..
- Никакого зоопарка. Никаких гостей. У тебя никогда не будет дня рождения. Весь праздник я проведу с этим идиотом... У тебя было два яблока. Зина, у нас есть яблоки? А что? Давай морковки... У тебя было две морковки, сукин ты сын. Я отнял... Дай! Дай! Идиот. Это арифметика. Я отнял у тебя одну и сожрал... Вот... Хря-хря... На, смотри...
- Гриша, она немытая.
- Ничего. Пусть он видит. Я сожрал с землей одну морковку. Сколько у тебя осталось?
- Яблок?
- Морковок!..
- Всхлипывание.
- Посмотри. Сколько грязных морковок осталось в твоих грязных руках?
- Одна-а-а-а...
- Правильно, сынок... А теперь возвращаемся к яблокам.
- А-а-а-а! Папа, не надо!
- Гриша, не надо.
- Не ревь! Отвечать! У тебя было два яблока.
- Гриша, умоляю!
- Надо! Этот идиот с морковками ответил правильно, значит, есть надежда. Я развиваю у него абстрактное мышление. У тебя было два яблока.
- Дикий рев.
- А-а-а! Не надо!
- Гриша, не надо.
- Или он не будет идиотом, или он не вырастет вообще. У тебя было два яблока.
- А-а-а! – режут все.
- Тишина! Весь дом молчит. Не подсказывать. Я, твой папа, отнял у тебя...
- А-а-а! – все режут.
- ...одно яблоко из двух. *(Перекрикивая рев.)* Я, твой отец, подкрался и из твоих двух яблок отнял у тебя одно... *(Рев стал таким, что в стены застучали: «Что там у вас?»)* Ну, хорошо... Ты мне сам дал одно... Сколько у тебя осталось?

- (*Тихий шепот.*) Одно.
- Значит, теперь у меня сколько яблок?
- Одно.
- У тебя сколько яблок?
- Одно.
- Давай их съедем?
- Давай...
- Но яблок нет! Жрать нечего! Это и есть абстрактное мышление!

Наблюдатель

Кто рыбок любит наблюдать в аквариуме, кто – зверушек в зоопарке, я баб люблю наблюдать. Как ходят, как передвигаются... Очень успокаивает.

Задумчивые есть какие-то, тоже лежат себе. А есть, что бегут, не стоят никогда, все время крутятся. Между собой стрекочут. Сидят некоторые. С книжкой даже. Но это редко. Больше – вдвоем, втроем. В прическах такие есть.

Мех вдруг здесь или здесь. В общем, там, где у нее его не ждешь. Или вдруг пуговка, или булавка. Ну это, конечно, мужики им воткнули, они носят. В чулках бывают. Даже летом. Мужики надели, они и не снимают.

И перебегают, знаешь, так озабоченно. Так и кажется, что знает куда. Так деловито бежит, бежит, там наткнется на что-нибудь – обратно бежит тоже деловито-деловито. Пока не наткнется. Тогда поворачивает и в третью сторону бежит. Ну полное впечатление, что знает куда. Но если пунктиры составить сверху – беспорядочное движение.

В магазин забегают, вроде знает зачем. Ну ткнется туда-сюда – выбегает и дальше бежит.

А в капюшонах которые – не слышат и не видят, только впереди себя. Два капюшона если встретились посреди дороги – вообще ничего не видят, хоть дави их мусоровозом. А чего: им тепло, окружающих нет.

Мужики тоже, когда чулки носили в шестнадцатом веке, бегали все время. А брюки надели – как-то успокоились. Теперь эти все у них переняли.

А есть некоторые – хохочут и хохочут, а подойдешь – убегают. И погладить себя не дают. Она, конечно, страдает, если ее глядят или там щипают, но если поймал, держишь крепко, то уже гладишь, гладишь... Пока не вырвется. А зачем вырываться, зачем? Ну понимает же, что гладить будут, далеко не убежишь. Так нет, вот этот пусть гладит, а вот именно этот – нет.

Хотя сами мужики говорят, что разница между ними небольшая. Но эти, видимо, чувствуют. И страшно кричат, если не тот гладит, страшно кричат.

Так что все, кто тишину любит, одни живут.

Меня подозвал певец

Меня подозвал к себе народный певец и композитор:

– Тебе нравится?

– Нравится. Мне вообще нравится то, что ты делаешь, – сказал я. – Ты так пишешь песни, что они кажутся народными. Вот мне бы такую фамилию и национальность, как у тебя, я бы страну перевернул.

– А я еврей, – сказал он.

– Да ты что? Вот бы не подумал.

– А никто и не подумает, – сказал он, – никто не знает.

– Ты что, честное слово еврей?

– Конечно.

На следующий день я подошел к нему:

– Так ты что, еврей?

– Да так, серединка наполовинку.

– Что, мама?

– Нет.

– Что, папа?

– Тоже нет.

– А кто ж тогда?

– Ну, там путаница...

В общем, мы выпили, он сказал, что он ошибся, попросил забыть, оплатил ужин. Я согласился.

Потом я его спросил на следующем концерте:

– Так ты все-таки еврей?

Он резко отказался, сказал, что был пьян в тот вечер.

– Неужели настолько?

– Да. Без сознания.

Когда на следующем концерте я подошел к нему:

– А я все-таки верю, что ты еврей.

Он сказал, что мне никто не поверит, все поверят ему. Тогда я заявил, что у меня есть свидетель. – он сказал: «Ну и что?» – и предложил мне четыреста баксов, чтоб я забыл. Я попросил две тысячи, ну, чтоб как-то сгладить неприятное впечатление... Тогда он сказал, что лучше быть евреем, и предложил две восьмьсот. Чтоб я за восьмьсот дал ему такое счастье?

– Нет, – сказал я, – мы записали свои показания на пленку и положили в сейф Русского православного банка.

Он отменил концерт и подослал хулиганов. Я откупился от них за четыреста и попросил их попросить у него пять тысяч за моральный ущерб, половина – им.

В общем, мы с ним сошлись на полтора, и я сжег пленку.

Теперь, когда я слышу его песню «Гей, Москва православная, гей», я ему подмигиваю, и он долгое время не попадает ртом в фонограмму.

Долгий путь

Шел еврейский конгресс в Москве. Я пошел впервые и слегка томился, ожидая перерыва. Перерыв наступил через два часа. Я мчался в туалетную комнату. Меня остановил старый еврей в таком же сером костюме.

– Послушайте, я давно хотел с вами познакомиться. Я хочу рассказать вам историю. Она вам пригодится.

Еще историю слушать. Будь она проклята, эта популярность. Я два часа иду тридцать метров. Я спешу. Я по-настоящему спешу.

– Вы знаете, я давно люблю...

– Я знаю.

– Нет. Гердта... Зиновия Гердта. Я живу в Твери. Вы понимаете. Я узнал, что он умер. Я специально поехал. Я так хотел с ним познакомиться, и так не повезло. Но я поехал.

– Извините... Можно...

– Нет... Вас потом не найдешь. Я поехал его повидать. Ну хоть похороню. Вы знаете, я принес букет. Я положил на гроб. И я решил поехать на кладбище. Мне шестьдесят девять... Это тяжело, вы знаете. Они попросили меня с каким-то пожилым человеком нести венок.

– Я умоляю...

– Минуточку, Вам это интересно. И мы с этим человеком несли этот венок. Очень тяжелый. И он отказался, мой напарник. Он сказал, что не может, что у него был инфаркт. И я потащил один. Я думаю, килограмм пятьдесят. Зачем я поехал. Зачем я тащил. Я тащил один. Через все кладбище. Огромный венок. Я очень любил Гердта. Но у меня не было сил. У меня астма. Я задыхался, я умирал. Я думал: а он бы сам смог тащить? Я проклинал этот день.

– Все! Извините... Я уже не могу.

– Подождите.

– Нет. Все. Я бегу.

– Бегите, бегите. Я не сказал самое главное. На венке было написано: «Дорогому, любимому от Михаила Жванецкого». Вы слышите, у меня к вам просьба. Или пишите меньше, или тащите сами, если вы его любите.

Разноцветная любовь

Мы ведь как летаем по Америке.

Мы покупаем за четыреста долларов стэндбай, это значит на свободные места и в течение месяца летай куда хочешь на свободных местах. В общем, всегда у туалета.

Летим из Нью-Йорка. Я на предпоследнем. На самом заднем расположились двое: один – мой товарищ с американской стороны, другой – мой друг с российской стороны – и, дико ругаясь, подводят баланс.

– Такси. Два доллара.

– Я платил.

– Нет, я платил.

– Гостиница, триста долларов, я платил?

– Я платил.

– Это ты платил?

– Обед в день прилета, шестнадцать долларов. Кто платил?

– Никто не платил.

– Как никто? Нас бы арестовали.

Я у прохода.

У окна молодая негритянка от восемнадцати до двадцати пяти, на голове сорок тысяч косичек. Непрерывно двигается, толкается, касается и тут же подозрительно смотрит.

Что-то у нее происходит под одеялом, в результате она то в шортах, то в джинсах, то в юбке, то в халате. Поселилась в этом кресле, а я сосед.

И все время касается и тут же подозрительно смотрит.

У меня ощущение, что я к ней пристаю.

Хотя сидеть уже, чем я, невозможно.

Обычно я по-английски произношу одну фразу. Я эту фразу могу говорить на четырех языках без акцента: «Я вас не понимаю». После этого все начинают со мной быстро говорить.

Лететь шесть часов. Она уже полчаса говорит. И я уже понял, спрашивает откуда, куда и кто я такой.

К этому времени она была в шортах и легкой кофточке на свое голое, свое юное, свое цветное тело.

Хуже не бывает. Лететь всю ночь. Рядом ароматное нежное создание спрашивает, кто ты такой. А ты, как древняя обезьяна, молчишь и только виляешь, виляешь и смотришь, смотришь. Ввиду отсутствия хвоста, виляешь всем телом.

Учите английский, мужики, это еще сто тысяч женщин.

И тут мне приходит в голову последняя мысль, я достаю из портфеля буклет, то есть расписание концертов. Там по-английски моя биография. И сказано, что 16 мая мой авторский вечер в Карнеги-холл... И если, думаю я, после этого мы оба не уйдем под ее одеяло, я последний советский кретин... Что и оказалось.

Она спросила:

– Это кто?

– Я, я... Вот же мой портрет.

– Карнеги-холл?!

– Да, да...

– Ваш концерт.

– Да, да... Вот же мой портрет.

– И вы сидите в хвосте, и вся очередь в туалет опирается на вашу лысую голову?

– Да, – сказал я. – Вот же мой портрет.

Больше она ничего и не говорила, не переодевалась, не касалась, отвернулась и уснула.

Чайка

Сижу и вычисляю: над чем парит чайка?
Пароход далеко. А ее я вижу.
Не надо мной.
Не над рыбаками.
Не над котельной.
Не над пирсом.
Не над пляжем.
Не над кафе.
Не над деревьями.
Над чем эта сволочь парит, загружая мою голову и душу этими вычислениями?
Теперь она парит в другом месте.
Не над пароходом.
Не над берегом.
Не над кафе.
Не над пирсом.
Как можно думать о таких пустяках?
А как можно парить ни над чем уже три часа?

Тревога

- Мне очень нравятся люди, которые тревожно говорят. Внезапно среди тишины звонок.
- Алло! Алло! Алло! Алло! Миша? Миша?
 - Да, да!
 - Алло! Алло! Миша? Это Миша?
 - Да, да. Это я.
 - Я был у твоей мамы. Алло! Миша, как ты меня слышишь?
 - Хорошо.
 - Алло!
 - Да.
 - И я тебя хорошо, алло.
 - Да.
 - Я был у твоей мамы, Миша.
 - Ну что там?.. Умоляю...
 - Алло, Миша?.. Слушай меня внимательно. Не перебивай. Алло! Чего ты молчишь?
 - Я не перебиваю... Говори.
 - Миша... Только что я был у твоей мамы.
 - Да... Ну?.. Что случилось?
 - Алло!
 - Да.
 - Я не собирался. Я случайно зашел. У нее не работает телефон, и она это знает. В общем, Миша, я не хотел тебе говорить...
 - Что? Что? Умоляю... Я умоляю...
 - Напиши ей.
 - Как она?
 - Хорошо... Все в порядке. Алло!
 - Да. *(Рыдает.)*
 - Как у тебя?
 - Хорошо. *(Рыдает.)*
 - Так вот, если включили телефон, я сейчас ей позвоню и скажу, что у тебя все хорошо.
 - Нет! Нет!..
 - У тебя что-то случилось?
 - Нет! Нет!
 - Тогда я им позвоню.
 - Нет! Я позвоню. Я напишу.
 - Почему ты разволновался? Там все в порядке. Алло! Алло!
 - Иди, иди, иди. Не звони мне, не звони мне. Я тут у твоей знакомой был. Она сказала, чтоб ты сдох, и просила позвонить.
 - Я ей сейчас позвоню.
 - Только сначала сделай, что она просила.

Причины родину любить

Вот увидишь – все будет хорошо!

Мужчина

Да. «Вот увидишь, все будет хорошо... Вот увидишь...» Да...

Почти никто этого не увидел!

То есть было по-разному, даже хорошо, но чтоб кто-то увидел?

Скажите, почему никто ничего не делает? Страна в таком положении. Нельзя ли что-нибудь сделать?

– Не что-нибудь, а многое.

– Ну так делайте.

– А кто должен делать?

– Вы.

– А вы?

– А кто сказал: «все будет хорошо»?

– Вот он. Сейчас спросим.

– Значит, все будет хорошо?

– А как же.

– А когда?

– Ну, в конкретике я не готов. Но, думаю, года через пол.

– А тут есть один, что обещает через три месяца.

– И как считать?

– Прямо с близлежащего понедельника отсчитать три месяца и начинать хорошо жить.

То есть больше не ждать. Нет смысла больше ждать.

– А я бы начал прямо с этого воскресенья.

– Нет, это выходной. С понедельника. С утра.

– И что для этого надо сделать?

– А чтоб он, сволочь, слово сдержал.

– Так... а если мы все ничего не делаем?..

– А что ж он, сволочь, обещает. Или я не прав?

– Прав, конечно. Он не сдержит, он и ответит!

– Ну, а если мы все-таки не начнем хорошо жить?

– Другого найдем, который слово держит.

– Мало сейчас таких.

– Потому и живем плохо.

– Кто-то обещал, что будем хорошо жить при помощи коммунизма. Не сдержал. Теперь другой через демократию. И у него ничего не вышло. Что-то у них у всех ничего не выходит.

– А вот этот новый совсем другое говорит – попробуем, говорит, через патриотизм.

– И что для этого надо сделать?

– Родину любить.

– А это как, отмечаться где или как?

– А вот любить надо начинать.

– А мы до сих пор?

– А дурака валяли. В огородах копались. А родина без любви.

– Так давай начнем.

– Давай-давай! Он команду даст.

– А если мы сами?

- Вразной, да? Кто как?
- А как надо?
- А он скажет. Он мужик решительный. Челюсть вперед, галстук побок. Брюки расстегнуты. Язык понятный.
- И слово держит!
- Ну, на этом его еще не поймали. Но кто-то видел, как он где-то в Средней Азии слово сдержал.
- Там такой зимы нету. А здесь как даст минус тридцать, перчатку не согнешь.
- А все равно родину любить надо... Хотя зимой, конечно... Я тебя понимаю... Но он говорит: водки дам, самогона. Даже автоматы.
- Это чтоб родину любить?
- Ну...
- И что, стрелять?
- Ну...
- Кого?
- А кто не любит.
- А как узнать?
- Легко. Он портреты раздаст. Они все чернявые, косоглазые, лысые и рыжие.
- Много?
- Да, много. А зачем нам с ними делиться? Останемся и будем родину сами любить.
- А если он слово не сдержит?
- Тогда совсем другого надо искать. Чтоб такого пообещал, какого еще никто не обещал.
- За ним пойдем?
- А за кем ходить?.. Был один: «Я вам ничего не обещаю. Будет трудно». Ну? Видал ухари?.. «И трудно будет, и я вам ничего не обещаю...» Кто ж за ним пойдет и куда? Пусть дома сидит.
- А где этот, который все обещал?
- Обещал скоро быть.
- А тот, что ничего не обещал?
- Тот вообще говорить не хочет. Я, говорит, работаю. Я, говорит, в последних очках. Мы его окружили. Я его просто за горло взял: «Так как надо родину любить?» Он мне такую глупость сказал: «Прокорми себя. Облегчи всем нам жизнь».
- И это патриотизм?
- Да, говорит, это и есть высший патриотизм.

Испытание деньгами

*Как много устарело!
Как изменилась жизнь!
Крик из окна Дома писателя*

А я вот думаю, что испытание деньгами самое тяжелое. Потяжелей диктатуры. Испытание деньгами мы не выдержали.

Никто не хочет платить за их продукцию. Им платить надо, а за их продукцию не надо.

Пока деньги не были деньгами, мы что-то немножко делали, нас чем-то немножко кормили. Все одинаково вставали в восемь, куда-то ехали, в том же порядке, как вставали. Там как-то сидели и в шесть куда-то возвращались. От этого такими яркими были песни у костра и походы на байдарках. И для того, кто не знал, что такое свобода (а откуда он мог знать), счастье было достигнуто.

Костры, байдарки, микроскопы.

Но и там никто не хотел работать, кроме увлеченных.

Хотя, если они такие увлеченные, почему в войне нас столько погибло?

Захотелось зарабатывать.

Деньгами дух поддержать. Гайдар сделал деньги.

«Попробуем», – сказал он, и испытание деньгами началось.

Если деньги настоящие, их всегда не должно быть.

У всех. Если у кого-то есть, они во что-то вложены. Если у кого-то нет, у того и нет, пока не заработает.

То есть в карманах нет ни у кого, кроме бандита.

И он старается побыстрее избавиться, чтоб не поймали.

К этой мысли: заработал – съел, заработал – надел, – надо привыкнуть.

Не привыкаем мы. Сломались.

Язык на плече. Голова падает. Горло сухое.

А у тех все равно больше. У тех, которые рядом.

Они имеют кто место на базаре, кто контейнер.

А ты как просил, так и просишь.

Но если раньше кусок колбасы или муку, то теперь деньги. А кто даст? Я же сказал, что денег в кармане ни у кого нет. Для этого долго надо жить. Чтоб за благотворительность налоги не брали.

Сейчас кто заплатит налоги – сам резко обеднеет, а на государстве ничего не отразится.

Как было нищее, так и осталось.

Поэтому каждый думает: пусть хоть я.

Ну пусть один из нас разбогатеет, то есть я.

И в этом есть смысл, поскольку государство из нас состоит.

Сам налоговый инспектор, видя, что его усилия ни на чем не отражаются, хочет хоть какой-то результат, то есть свой дом. На таможенные курсы огромный конкурс, сам народ пальцем показывает: мама, я туда хочу.

И если на сцене нужен какой-то талант, юмор или хотя бы задница, то в эти места (автоинспекция, санэпидстанция, налоговая служба, КРУ, ЦРУ и аудиторская проверка) надо попасть. У нас всегда половина воровала, половина проверяла. От этого хищения были сто процентов.

А богатого теперь видят все.

Раньше – секретарь обкома.

Сказать, что богатый, нельзя. Ничего нет. Захотел обедать, нажал кнопку. Все привезли на машинах начальники райторгов, трестов: заливное, отварное, жареное, дикое и ручное.

Пообедал, выпил, закурил.

Увезли все. Только пепел на столе и запах в кабинете.

Проветрили. Вообще ничего.

Ничего не ел, не пил.

Почему рожа толстая и глаза плывут, никто не знает.

А в холодильнике бутылка боржоми и пачка сигарет!

И все!

Захотел искупаться.

Налетели, возвели, построили, налили, включили.

Профилакторий.

Либо вообще почтовый ящик 3714/375.

И опять ничего.

То есть распаренный, сытый, пьяный, а вокруг ничего.

Так же точно...

Захотел... Секретарша. Инструктор. Завотделом.

Кого хочешь привезли и увезли. И никого.

То есть сидишь сытый, пьяный, любимый – и никого.

Только чувство глубокого удовлетворения и ощущение, что все счастливы.

Все так же сидят.

И чего людям не хватает, когда все есть.

И очереди объясняются легко.

Черствый хлеб – это наше национальное блюдо.

Мороженое мясо – наши традиции.

Гвозди в ботинках – скромность в быту.

Пятеро в одной комнате – коллективное мышление.

Без воды, еды и тепла – романтика тайги. (Слова и музыка Н. Д. и А. П.)

То есть у всех ничего и у него ничего. Только это разное ничего. Он еще раздавать может. На раздаче он.

А теперь все видно. Какой дом. На чем ездит. Деньги видны! А власть не видна! Она чувствуется!

Поэтому они так против собственности. Зачем ему огород? У него вся область, все жители.

Испытание деньгами мы не выдержали.

Сделать, чтобы продать, ничего не можем. Сами у себя купить не хотим. Не нравится то, что делаем.

Те, что наукой, – те да. Арзамас в проволоке, Байконур в проволоке. СССР в проволоке. С чем сравнивать? Только воевать.

Даже при коммунизме хорошо получалось то, что рождалось в конкуренции, то есть оружие. А пока воевать не надо, миллионы инженеров разбрелись. Кто туда, кто сюда. Кто туда-сюда, челночат.

Конечно, унижение.

Однако зачем одной мебельной фабрике тысячи конструкторов-оружейников. Им бы возделывать почву, либо тихо разжечь войну между Анголой и Ботсваной и выехать туда по специальности.

Также и тысячам дежурных под водой... Какое-то время их еще можно кормить и подавать туда воздух. Но они же по отдельным людям не стреляют. Им даже мелкие города

не годятся. Им страны, страны нужны Народонаселение, площадь. Они ведут прицельные стрельбы с Камчатки по Кольскому полуострову, что же им предложить?

А людям высокой квалификации под водой без дела тяжело. Хотя гораздо легче, чем дома. Поэтому возвращаться они не хотят и дежурят у берегов Америки беспрерывно. Все-таки обеспеченная страна.

Как один из них спросил:

– Дядь Миша, а правда, что Америка снабжается лучше, чем Россия?

– Правда, сынок, – сказал я. – А ты давно под водой?

– Давно, – сказал он. – Но это секрет.

И пошел в туалет, который стреляет отходами в лицо.

Жалко их. Так тяжело бесшумно сидеть.

Тут на симфоническом концерте тянет захохотать или высморкаться. А там месяцами бесшумно, чтоб, не дай бог, не узнали где. И Пугачеву заводить нельзя.

Нашим, когда на Северном полюсе сидели, американцы подо льдами Шалыпина заводили или «Калинку». А нам нельзя. Чтоб свои снабжение не прерывали. Американцев чего бояться? Свои чтоб не забыли!

На авианосцах тоже дежурили, дежурили. Раньше хоть на подлодку наедут, самолет обстреляют. Как-то напряженность поддерживали.

Теперь и этого нет.

А в местных конфликтах в Таджикистане или в Осетии... Что ты там с авианосцем будешь делать.

То есть для нашего оружия нужны глобальные потрясения, чтоб людей не считать.

Это наша сильная сторона.

А для мелких конфликтов индивидуальность нужна. А у нас коллектив.

Так что разменяли авианосец на пять квартир и для командующего джип «Крузер».

То есть опять-таки вместо невидной пользы государству – ясный четкий результат. Конечно, суд, который невнятно объяснит, что авианосцы важнее.

Но, при отсутствии военной доктрины, использовать авианосец просто как подставку для смотрения в бинокль тяжело. Ему все-таки противник нужен, что бы там ни говорили. И зарплата нужна. И за спиной больше четкости. А то напоминает кулаки в отсутствие тела.

Можно, конечно, носиться по волнам и угрожать кому попало. Но от чьего имени, вот вопрос?

И проблема запчастей сожрет весь молодой задор.

А еще... наши летчики взлет отработали, а посадку нет. Потому что то было на земле, а это на море. И очень важно их соединить, корабль и самолет. Очень важно.

И в местных конфликтах такая дурацкая ситуация: форма одинаковая, язык одинаковый, оружие одинаковое, образование одинаковое.

Как тут воевать?

А как не воевать?!

Президент уже есть.

Ему страна нужна.

Война идет трудно.

Стреляли какое-то время, стреляли. Потом стрельба прекратилась.

Автоматы продали. Расчет сидит в укрытии.

– Огонь! – кричат.

– Заряжай осколочными, – просто так кричат.

Оружие давно продали противнику. Деньги поделили. Снаряды сразу туда подвозят. То есть все враги из одного центра снабжаются.

Силе наша армия не проиграла. Какая там сила?

Деньгам проигрывает.

Советское воспитание бескорыстное.

Убивали помногу и бесплатно. А тут десантник замахивается ножом, а вместо крика: «Пошади! Не убивай!» – «Продай нож!»

Это уже не война.

Если бы Дантес спросил: «Почем пуля?» – Пушкин был бы жив. До сих пор.

Разведчики крались-крались, ползли-ползли.

Приползли без ничего.

Все у них купили по дороге: и фонарик, и карты, и шифры, и форму.

Это не война. Это деньги!

Настоящие, полноценные деньги.

А когда капитан первого ранга вернулся на джипе, у всех екнуло.

Бросились в бухту – нету ни эсминца, ни сопровождения.

Один джип «Хюндай-баттерфляй».

Мины с полями – за долги по электричеству.

Вот... Испытание деньгами.

Теперь те главные, кто мозгами, локтями, зубами разбогател.

Вопрос – где? Ответ – у нас!

Этот ответ всех смущает. Заработать здесь можно! Потратить не дадут!

Здесь в традициях заработок пропивать. Изобретения и открытия приводили в вытрезвитель все коллективы.

«Время одиночек прошло», – говорили ученые.

Если изобретение у нас прощали, то трезвость – никогда.

Трезвый автор умирал в неизвестности.

Если раньше было немного больших денег... Еще раз повторяю, если раньше было немного больших денег (кстати, хорошо сказано!), то теперь много больших денег.

Отдыхать там, на Западе, так же тошно, как здесь жить. Здесь ты делаешь вид, что не понимаешь, как все живут, там – действительно не понимаешь.

А наша проститутка лучше, это, как говорят в Думе, однозначно.

Секс – это слова.

Лезть в разговорник некогда.

Переводчик в этой ситуации ведет себя как сволочь. Значит, отдыхать приходится здесь и работать здесь.

И от этого, в общем, жить со всеми этими газетами, ресторанами, охраной.

Ну а как здесь жить, знаем мы все.

И специальных врачей для богатых у нас не делают, как и дорог, как и выхлопных газов. Так что тратить деньги на дорогах с таким покрытием, или в публичных домах с таким отоплением, или просто даже случайно воду хлебнуть во время мытья, как и купить в аптеке лекарство годности эпохи Киплинга и Ватерлоо – это скончаться в тех же ужасных мучениях, что при бедности.

Часть богатств уходит на взятки и заказные убийства. Мастерство киллеров растет, пуленепробиваемый тюль дорожает. А под пулями тратить деньги так же малоинтересно, как получать денежные переводы в окопе.

Остается вкладывать в промышленные предприятия, которые выпускают то, что мы знаем.

Раздача кончилась.

Раньше давали чужие деньги, теперь свои. То есть он хочет отдавать деньги, но за какую-то работу. Отсюда непрерывные конфликты с населением.

Платить налоги психологически невыносимо, когда видишь лица налоговых инспекторов. Кажется, что отдаешь именно им. То есть трансляция, как отдают им, – есть, куда отдают они, – нет.

В общем, в стране, где это все происходит, то есть у нас – и у бедных, и у богатых, возникает уверенность в завтрашнем дне.

Настолько твердая, что не хочется жить.

Только жрать, пить, стрелять и целоваться.

В коттеджах, празднично возведенных вокруг столицы, никто не живет. В бассейнах воды нет.

Опять все ради детей. Уже двадцатое поколение строит детям счастливую жизнь, закладывая себя в фундамент.

Испытание деньгами.

Все, что на сцене или экране зависит от денег, становится все проще и проще. Если раньше на экране выполняли и перевыполняли, то теперь стреляют и целуются. Тогда ввали и сейчас. Все-таки мы еще чем-то занимаемся. И шутки от пояса и ниже. Что в боксе и юморе запрещено.

И газеты, конечно, только о том, как себя вести в постели, как будто мы из нее не вылезаем.

Хотя прохожие на улицах есть.

И на демонстрациях битком, значит, не все время в постели.

Тем более без зарплаты те же девять месяцев.

Так что сексуальная ориентация у нас меняется ежеминутно, направленная на то, где денег добыть. Убеждения вертятся, как колеса.

Лишь бы выбрали, лишь бы место занять. Ну а там борцы за народное счастье, пять тысяч голос! Не выдержали мы испытание деньгами.

Теперь спорт. Мозги кончились, пошла утечка мышц, и чем удержишь?!

Теперь музыка. Чем ее удержишь?

Теперь балет. Чем его удержишь?

Безмолвие уезжает.

Остается то, что зависит от языка. И все остальное, что не зависит ни от чего.

Очередей не стало. Жители стоят в демонстрациях.

Единственное, что добавилось, – звук. Слышны слова! Проклинают громко. Это и дает надежду.

А сколько потеряно друзей?

А сколько потеряно талантов?

Испытание деньгами мы не выдержали, приступаем к испытанию временем.

Будем откровенны

Давайте поговорим. Будем откровенны – плохо живем.
Будем откровенны – еды во многих домах нет.
Я лично буду откровенен – я без валенок к зиме.
Буду еще откровеннее – у меня лысина.
Буду совсем откровенен – у меня нет правой руки.
И если начистоту, я без ног.
А совсем между нами – они мне и не нужны.
Мне и образование ни к чему.
Семья у меня большая, живем дружно, но, если откровенно, они мне ни к чему.
Да, честно говоря, и я им не нужен.
Я больше скажу – меня все население раздражает. И им никто не нужен.
Как бы они ни прикидывались.
Государство нам тоже не нужно и ископаемые не нужны, если между нами.
Сельское хозяйство нужно, конечно, но без него легче.
И домашних животных я бы разогнал, и диких, и разлегся бы на пляже, размышляя, хотя
без размышлений жить легче.
Так что еще надо посмотреть, стоит ли сосредоточиваться.
Целую всех, кого достану.

Переменная облачность. Возможно солнце

В том-то и дело. То, что у меня не появляются злые, высмеивающие власть произведения, заставляет меня думать, что все не так уж плохо.

Оттого что власть мне симпатичнее оппозиции, симпатичнее населения, симпатичнее прессы, на душе становится странно, весело и тревожно, ибо власть самая временная из них.

Оттого что у меня не получались плевки наверх, я считал себя бездарным.

Сейчас перестал.

Это несложно, плевать туда вместе с миллионами, ничего не предлагая и не зная как, не зная куда.

Если бы знали – предложили.

И давно бы выстроили.

И цель и этапы.

Пятьсот дней – триста – двести...

Но не знают. И ругают. И реакционеры именно они: население, оппозиция.

Консерватор – тот, у которого нет идей.

Реакционер – тот, который от этого свирепеет.

Ну, честный. Ну и что из того?

Кто у кого ворует? На воровском фоне?

Интеллектуальная часть сбежала и радуется отсюда загаром.

Война уже не война, а процесс сплочения и оздоровления. Такой вот страшный процесс.

Бедность и нищета бросаются в глаза тысячами грязных немых машин, или уже миллионами, или уже миллиардами.

Нищему пешеходу уже не просунуться среди нищих машин.

Нараспродавали родину, вывезли капитал, а бедствуют здесь.

Здесь так принято.

Как бедствовать, так и крупно зарабатывать.

От «на грани разорения» до «на грани процветания».

Средне зарабатывать выезжают туда.

Снабжая те ракеты нашими программами.

Запчасти к оружию самых непримиримых противников – из одного источника.

Когда-нибудь наше оружие станет оружием мира, потому что сломается источник.

Калашников снабдил оружием миллионы. Чем они ему ответили?

Шинелью.

Нет, не может просто так вдруг перестать хотеться плевать во власть. Есть в этом что-то жуткое для автора и что-то приличное для страны.

Ну и переименуйте автора.

Обойдемся.

Да. Воруют министры.

Но и приглашение на борьбу с коррупцией – приглашение на тот свет. По причине затрат времени.

А воровство изменяется изменением жизни.

Можно и до минимума довести...

И перевод капиталов...

Они что, на чужое имя переводят?

Кто из них такой идиот?

А если на свое, чего же мы кипятимся?

Или здесь он на этих мешках сидит, или там. Он же не хочет их отдать или вложить в эту промышленность, чтоб поддержать военного пролетария, поддерживающего КПРФ. Значит, идет процесс взаимного колебания до соприкосновения. Этот даст деньги поддержать того, а тот что-то купит, чтоб поддержать этого. И родится у них средний класс, предмет мечты.

А сейчас выборы показали, что у нас двадцать пять процентов по-настоящему бедных и старых.

Как их ни убеждали, как их ни агитировали.

Нет. Мы бедные и старые. И назад не хотим, и вперед боимся, и на Западе нас не берут, и на Востоке нам не рады.

Ну давайте тогда здесь, на родине, в виде КПРФ и посидите.

Как всегда, у бедных и нищих никакой программы – кроме как отобрать.

Да только кто же им отдаст?

Значит, двадцатипятипроцентной руганью на четыре года мы обеспечены, включая слова:

Развал родины.

Грабеж родины.

Разорение родины.

Унижение родины.

Оплевывание родины.

Охаивание родины.

Главам оппозиции приходится много врать, от этого они быстро и крупно сердятся и отказываются являться на дебаты.

Хотя потом оказывается, что они много ездили и много дебатировали. И где-то кому-то показывали свою команду и свою программу. Хотя не видно даже тех, кто их видел.

И все-таки сплошное вранье ради места в парламенте понять можно. Даже автору предлагали: вы сатирик, вам место в оппозиции.

– Вступайте в блок – зарплата, машина, гараж, квартира.

– Так я это и сейчас имею.

– А будете иметь официально, ругая и понося режим, который:

Развалил родину.

Ограбил родину.

Унизил родину.

Оплевал родину.

Охаял родину.

– И хватит вам слоняться, выступать и переживать: придут – не придут. У вас будет постоянное место на экране, кабинет и микрофон. И страна, которая не может не прийти. Куда ж она денется? Придет. А нищие и бедные будут всегда, – говорят они.

– Да, – думаю я, и это же говорю. – Да... Сколько артистов и обозревателей в парламенте. Где хоть слово ихнее? Где хоть речь? Хоть совет, я уже не говорю о результате? Где?..

– Да, – думаю я, и это же говорю. – Да...

Так хоть я сниму с вас заботы обо мне.

Хоть я буду жить не за счет тех, кого защищаю.

Пусть мой дом и крыша стоят на смехе, а не на слезах.

И в глазах моих нет ненависти.

А когда о бедных говорят, то лицо почему-то в сторону богатых, и в глазах ненависть.

И ничего это не дает, так как бедные видят твою спину и не слышат.

Повернись и говори.

Стань лицом к тому, ради кого... И у тебя автоматически поменяется текст.

И ты не будешь:

Поносить родину!

Унижать родину!

Ты спросишь просто и нормально:

– Почему, выезжая туда, вы готовы поменять профессию, характер, судьбу, вставая на рассвете, ложась в полночь?

Почему же здесь вы продолжаете жить так, как будто жизнь не изменилась?!

Ума не приложу

Не о себе говорю! Просто с ужасом вдруг подумал: довольно большая часть нашего населения полностью выключена из общественной жизни. Я бы даже сказал – часть народа. Может быть, худшая, но – наша.

Эти люди не смотрят телевидение, не читают газет. Не понимают разницы между центристами, не разбираются в нашей политике, в нашей экономике, не понимают ничего. Такие это люди.

Я говорю об умных людях.

Они не могут это слушать, не могут это видеть, не могут это читать.

Все! Все! Все! Эта категория вычеркнута из жизни. С ними надо что-то делать. Кто-то должен с ними поговорить. Может, даже президент. Я думаю, он соскучился.

Как можно слушать, говорят они, идиота, единственным достоинством которого является юный возраст?

Как можно разобраться в программах, где всюду укрепление государства и гибкая налоговая система? И что под этим и за этим стоит?

Как можно бывшего премьера судить по его делам, если он всю жизнь занимался тайным шпионажем, а Пушкина только по словам?

Мы, говорят они, не понимаем, что творится с президентом. Мы за него голосовали, говорят они, и, кстати, не жалею, потому что до сих пор все равно кроме него никого нет, хотя и на его месте его тоже часто не бывает.

Он единственный, кого можно понять, невзирая на дикцию. Но как можно так лечить все руководство страны, чтоб они становились такими одинаковыми к своим годам? Нет ли там в Кремле других лекарств?

Нынешняя жизнь, говорят они, не дает нам повода для размышлений. Никто не разбогател благодаря уму.

Дурость, хитрость, жестокость, быстрота, вероломство и презентации переходят в баллотирование. Комментаторы омерзели до невозможности. Даже если у него дома библиотека или конюшня, или то и другое в одном помещении. Как они будут жить после выборов? Кто будет пожимать эти грязные руки?

Все остальное искусство и даже литература с ее провайдерами, криэйтерами, пиарщиками и прочим отсутствием живых и здоровых напоминает больницу и вызывает сострадание, а не размышления.

То есть, говорят они, сегодня умных заменили сообразительные. Мы сегодня опять переживаем период, когда умные и начитанные пытаются это от всех скрывать, чтоб взяли на работу, наняли в губернеры.

Любовь перешла в короткий слабооплачиваемый секс при встрече и просто не нуждается в поэтическом описании.

Конечно, они сегодня не нужны. Они это и сами знают, потому что умны. Сегодня, говорят они, для нас ничего нет, ну просто не над чем подумать. Обогреватели под зад или охладители под затылок. Соревнование только по сбору горизонтальных благ.

Я сам пишу малограмотно, чтоб было понятно. Вот я и обращаюсь ко всем! Обратите внимание на умных жителей нашей страны, борющейся за пропитание среди сверхдержав. Они тоже люди. Ну нельзя так с ними все-таки, это они нам придумали оружие, которое хоть и старое, но убивает и годится для национальной гордости. Это они нам придумали образование и литературу.

Всю старую жизнь их сажали и ссылали. Всю новую жизнь они не могут найти себе употребление. Лишние люди. Все, что поется и танцуется, не для них. Они, к сожалению, не могут

смотреть даже разговоры со звездами, не говоря об их пении. Это пение они не могут видеть уже давно. А в этой беседе уже ведущий выглядит умнее, хотя это невозможно.

Они давно поняли, что борьба коммунистов и демократов – это борьба старых и молодых. Но есть же еще третьи. Это такая группа, что понимает все чуть раньше и не надеется на вопрос, как не надеется на ответ.

Когда говорят, что законы экономики у нас не работают, потому что такая ментальность... Почему же они работают в Японии, где уж такая ментальность?! И есть ли ментальная арифметика, или русская тригонометрия? И если законы экономики для разных народов разные, почему все-таки для большой группы народов они одинаковые?

А пока мы придумаем свои, останется ли кто-нибудь, для кого это все... и так далее.

Под загадочным словом «ментальность» скрыто все, что хотят скрыть. Ни один самолет не взлетит, если у него будет специальный ментальный мотор. В авиации разных стран есть что-то общее. На русском ментальном керосине летают все. Но держаться за ментальность, чтоб оставаться всю жизнь голодными и босыми, нам бы не хотелось, и там должны быть еще какие-то законы, чтоб не голодать на черноземе. Потому что есть еще Израиль с совершенно жуткой еврейской ментальностью. Однако там на камне и песке все растет, и настолько, что они своей безвкусной клубникой всю Америку запрудили. И сами жрут. И если есть у нас сегодня национальная идея – так это как раз пообедать для начала. Перед разработкой особых наших законов.

А что касается растений, то у нас люди живут по их законам: вырос, пошумел, скосили. А растения не выживают.

То, что умные сегодня не нужны нам, это факт. Хуже, если мы им не понадобится.

Сколько мы тогда сумеем одалживать? Сколько пользоваться тем, что ими создано?!

Молодые, агрессивные, с проблеском и спецсигналом для прохода толпы насквозь, задыхаются среди себе подобных. Не будем позориться, оценим сегодняшнее телевизионное быдло и газетную бурду, и кроме стариков, которым уже никто не поможет, кроме их детей вспомним и еще об одних, нуждающихся в сострадании и государственной поддержке.

В конце концов это меньшинство и образывает большинство и заслуживает того, чтобы знать, кто чего хочет от этой страны.

Погоня только за голосами или за головами тоже?! Целую и жму, ваш Жванецкий.

О нас

Наши люди стремятся в Стокгольм (Лондон и так далее) только для того, чтоб быть окруженными шведами.

Все остальное уже есть в Москве. Или почти есть.

Не для того выезжают, меняют жизнь, профессию, чтоб съесть что-нибудь, и не для того, чтоб жить под руководством шведского премьера...

Так что же нам делать?

Я бы сказал: меняться в шведскую сторону. Об этом не хочется говорить, потому что легко говорить.

Но хотя бы осознать.

Там мы как белые вороны, как черные зайцы, как желтые лошади.

Мы не похожи на всех.

Нас видно.

Мы агрессивны.

Мы раздражительны.

Мы куда-то спешим и не даем никому времени на размышления.

Мы грубо нетерпеливы.

Все молча ждут, пока передний разместится, мы пролезаем под локоть, за спину, мы в нетерпении подталкиваем впереди стоящего: он якобы медленно переступает.

Мы спешим в самолете, в поезде, в автобусе, хотя мы уже там.

Мы выходим компанией на стоянку такси и в нетерпении толкаем посторонних. Мы спешим.

Куда? На квартиру.

Зачем? Ну побыстрее приехать. Побыстрее собрать на стол.

Сесть всем вместе...

Но мы и так уже все вместе?!

Мы не можем расслабиться.

Мы не можем поверить в окружающее. Мы должны оттолкнуть такого же и пройти насквозь, полыхая синим огнем мигалки.

Мы все кагэбисты, мы все на задании.

Нас видно.

Нас слышно.

Мы все еще пахнем потом, хотя уже ничего не производим.

Нас легко узнать: мы меняемся от алкоголя в худшую сторону.

Хвастливы, агрессивны и неприлично крикливы. Наверное, мы не виноваты в этом.

Но кто же?

Ну, скажем, евреи.

Так наши евреи именно так и выглядят...

А английские евреи англичане и есть.

Кажется, что мы под одеждой плохо вымыты, что принимать каждый день душ мы не можем.

Нас раздражает чужая чистота.

Мы можем харкнуть на чистый тротуар.

Почему? Объяснить не можем.

Духовность и любовь к родине сюда не подходят.

И не о подражании, и не об унижении перед ними идет речь... А просто... А просто всюду плавают утки, бегают зайцы, именно зайцы, несъеденные.

Рыбу никто свирепо не вынимает из ее воды.
И везде мало людей.
Странный мир.
Свободно в автобусе.
Свободно в магазине.
Свободно в туалете.
Свободно в спортзале.
Свободно в бассейне.
Свободно в больнице.
Если туда не ворвется наш в нетерпении лечь, в нетерпении встать.
Мы страшно раздражаемся, когда чего-то там нет, как будто на родине мы это все имеем.
Не могу понять, почему мы чего-то хотим от всех и ничего не хотим от себя?
Мы, конечно, не изменимся, но хотя бы осознаем...
От нас ничего не хотят и живут ненамного богаче.
Это не они хотят жить среди нас.
Это мы хотим жить среди них.
Почему?
Неужели мы чувствуем, что они лучше?
Так я скажу: среди нас есть такие, как в Стокгольме.
Они живут в монастырях. Наши монахи – шведы и есть.
По своей мягкости, тихости и незлобливости.
Вот я, если бы не был евреем и юмористом, жил бы в монастыре.
Это место, где меня все устраивает.
Повесить крест на грудь, как наши поп-звезды, не могу. Ее сразу хочется прижать в углу,
узнать национальность и долго выпытывать, как это произошло.
Что ж ты повесила крест и не меняешься?
Оденься хоть приличнее.
«В советское время было веселей», – заявил парнишка в «Старой квартире».
Коммунальная квартира невольно этому способствует.
Как было весело, я хорошо знаю.
Я и был тем юмористом.
Советское время и шведам нравилось.
Сидели мы за забором, веселились на кухне, пели в лесах, читали в метро.
На Солженицыне была обложка «Сеченов».
Конечно, было веселей, дружней, сплоченнее.
А во что мы превратились, мы узнали от других, когда открыли ворота.
Мы же спрашиваем у врача:
– Доктор, как я? Что со мной?
Диагноз ставят со стороны.
Никакой президент нас не изменит.
Он сам из нас.
Он сам неизвестно как прорвался.
У нас путь наверх не может быть честным – категорически.
Почему ты в молодые годы пошел в райком партии или в КГБ?
Ну чем ты объяснишь?
Мы же все отказывались?!
Мы ввали, извивались, уползали, прятались в дыры, но не вербовались же ж! Же ж!..
Можно продать свой голос, талант, мастерство.
А если этого нет, вы продаете душу и удивляетесь, почему вас избирают, веря на слово.

Наш диагноз – мы пока нецивилизованны.

У нас очень низкий процент попадания в унитаз, в плевательницу, в урну.

Язык, которым мы говорим, груб.

Мы переводим с мата.

Мы хорошо понимаем и любим силу, от этого покоряемся диктатуре и криминалу.

И в тюрьме и в жизни. Вот что мне кажется:

1. Нам надо перестать ненавидеть кого бы то ни было.
2. Перестать раздражаться.
3. Перестать смешить.
4. Перестать бояться.
5. Перестать прислушиваться, а просто слушать.
6. Перестать просить.
7. Перестать унижаться.
8. Улыбаться. Через силу. Фальшиво. Но обязательно улыбаться.

Дальше:

С будущим президентом – контракт!

Он нам обеспечивает безопасность, свободу слова, правосудие, свободу каждому человеку и покой, то есть долговременность правил.

А кормежка, заработок, место жительства, образование, развлечение и работа – наше дело. И все.

Мы больше о нем не думаем.

У нас слишком много дел.

Я и Украина!

Ну что для меня Украина, если я живу здесь июль-август-сентябрь-октябрь-ноябрь. Пока не сравнивается погода. Когда сравнивается – перелетаю.

Я здесь родился.

В энциклопедическом словаре 1998 года на странице 396 между «жвалы» и «жвачные» есть «Жванецкое городище трипольской культуры у одноименного села на Украине. Хмельницкая область, оборонительный вал, остатки жилищ и двухъярусных гончарных горнов».

Так тысячу извинений, кто я такой? Кроме того, что еврей. Конечно, украинец.

Это в Америке я русский.

Сейчас за еврея в России, за русского в Америке можно получить по роже.

Так что выбираем среднее. Да чего тут прикидываться.

Нос и язык говорят сами.

Таким языком, какой владеет мной, говорят только на Украине, и только в одном месте.

Те, кто хотят меня уесть:

– Он своей одесской скороговорочкой что-то сказал, понять ничего нельзя. Просили повторить. Он смылся. На пленке прокручивали замедленно. Мура. Не смешно. Мы его предупреждали. У нас здесь болота, север. Нам помедленнее. Слинял. Ну, конечно, пара одесситов в зале очень смеялась, а потом не могли объяснить и на допросе молчали.

А как они объяснят? А что они объяснят?

Я пишу с акцентом, читаю с акцентом, и меня с акцентом слушают.

Как сказал Геннадий Викторович Хазанов в Австралии: «Жванецкого понимают только одесситы».

Тогда их многовато.

Наша любовь с Украиной взаимная. Я и не знал, что есть Жванецкое городище.

Было бы приятнее, чтоб в мою честь. Но и меня в его честь тоже хорошо. Понятно, откуда человек, и ему просто не крикнешь: «Езжайте к себе!»

Я у себя. Со своим городищем. Я никуда не уеду.

Подарил мне город Одесса землю, построил я на той земле дом, где окна заполнены морем наполовину.

Каждый кирпич в моем доме – ваш аплодисмент.

Дом красивый.

Стоит на ваших руках.

Пока еще пустой.

Я сижу наверху.

Передо мной мое Черное голубое море.

Внизу крики, наверху чайки, дельтапланы, вдали белеет парус одинокий, еще дальше Лузановка, порт Южный. Передо мной мотается профессура, груженная луком, картошкой, черепицей, плиткой. Из Стамбула замурзанные ученые волокут мешки в Одессу.

То не люди, то пароходы.

«Академик Курчатов».

«Профессор Келдыш».

Пассажирский флот продали за долги, остался научный, и профессура возит.

На вопрос, что меня связывает с Украиной, хочется ответить: «А что вас связывает с родителями?» Откуда я знаю? Что-то связывает.

Вот похож – во-первых.

Потом это – характер южный, такой же психованный, но не злой.

Кушать любит то, что они: борщ, селедочку, кашу гречневую с подливой и котлеты. Вареники с картошкой и луком и тоже с гречкой. Колбасу кровяную жаренную в собственном жиру. Рыбку небольшую, чтоб на тарелке и хвост и голова, а не кусок фюзеляжа.

Одессу люблю. Киев люблю, Днепропетровск уважаю. Это ж надо – столько вождей за такой период. Ялту люблю. Севастополь, Харьков, Донецк.

Выходишь на сцену – и не надо ничего объяснять.

И никто не просит помедленнее.

Он быстрее – они быстрее.

Это ж спасение. Я ж своей Одессе так благодарен за свою скороговорку. Потому и уцелел. Живо бы шею свернули.

Читаешь – все хохочут, начальство никак меня притормозить не может. Не понимает.

– Что, вы говорите, он только что сказал?

А там уже другое пошло.

– Да постойте, вот я не про то, что сейчас, а что предыдущее было? Это он про кого? Не пойму ни черта.

И слава богу. Выступление китайского сатирика перед советской страной.

Еще и с акцентом, еще и скороговоркой, еще и с намеками.

Тьфу ты, Господи...

Такие были времена. Единственное, в чем сходство, – раньше во Львов не звали и сейчас не зовут. Но, видимо, по разным причинам.

А помидоры?!

Нигде в мире нет таких помидоров, как микадо.

А абрикосы?

А сливы?

Нет. Капитализм, конечно, продвинутый строй, но помидоров таких там нет, и абрикосов, и слив. Они там твердые и круглые, чтоб машина их убирала и ела.

А клубника ихняя?

Если я сяду есть ихнюю клубнику в первый ряд – весь симфонический оркестр встанет и уйдет, невзирая на Владимира Спивакова.

Что еще меня связывает с Украиной, кроме еды, моря, воздуха, юмора... Видимо, люди, с трудом живущие на ее земле.

Мы же не уехали в Москву когда-то сами. Нас же выгнали. Карцева, Ильченко и меня.

Тут такие ребята руководили – не спасешься. И стали мы искать в Питере, в Москве. Нашли целую одесскую колонию – «одеколон», образовали Всемирный клуб одесситов.

И теперь, куда бы мы ни перемещались по всему земному шару, мы в пределах Всемирного клуба одесситов.

Как встретишь человека, который на каждом языке говорит с акцентом, который, перед тем как обратиться, стукнет в живот, а после того, как выскажется, толкнет в спину, – это член нашего клуба.

А кто еще вслед красивой женщине будет смотреть с таким огорчением, что все ясно?! И что возраст. И что внуки. И что дети. И что не догнать. Хотя если б она дала слово сказать... Просто так... Она была бы моей через тридцать пять минут.

Это член нашего клуба.

Клуб только узаконил своих. Первые члены клуба появились двести пять лет назад и размножились по всему миру.

Что связывает меня с Украиной?

Как люди здесь живут, вы знаете лучше меня.

А хоть дурная, но стабильность.

Хоть партий много, а фашистов нет. Войн нет.

Не мешало бы личностей ярких побольше, так их недаром Москва забирала, да и Киев не жалел.

А что Одесса, что Киев – поднимаются потихоньку, сам видел.

Конечно, хорошо бы большую родину восстановить. Но вряд ли кто за это проголосует.

А я перелетаю, как птица.

На Украине напишу, в России почитаю.

И счастлив бываю.

И не ядовит.

Оттого что не унижен.

И не озлоблен.

А полон сочувствия.

Двести лет Одессе

Семь лет назад я желал Одессе стать центром Юга, чтоб была масса мест индивидуального отдыха вместо одного места массового отдыха, ибо массового отдыха не бывает, писал я. Как ни странно, многое сбылось.

Чтоб рыба заходила, писал я.

Вошла. Никто не предполагал, что это будет связано с падением производства. То есть раньше одесситы, которые работали, не могли купить рыбу, потому что ее не было. Теперь они не могут купить рыбу, потому что не работают. Но рыба есть.

Чтоб было много кафе, ресторанов, магазинов.

Они есть. Товар, конечно, иностранный. Конечно, жалко отечественного производителя, но нельзя из жалости к нему ничего не жрать в едином порыве или ходить голым в его поддержку.

Пусть повсюду звучит музыка, и мы красивым летним вечером все в белом будем гулять от музыки к музыке.

И это есть! И мы ходим. Я раньше бегал вдоль Аркадии, отмечая расстояние по туалетам: две воню, три воню, четыре, четыре с половиной воню. С возрастом счет пошел назад: пять воню, четыре воню, три... Эх бы музыка... Сбылось! Новая жизнь наложилась на старую: сквозь воню звучит музыка или вонюет сквозь мелодию. В общем, жить стало веселей.

Теперь вода! Я мечтал, чтоб вода текла не по статистическим данным, а по трубам... Не течет. Не сбылось. То есть через крышу, через стены, через потолок, но не через трубу... Не сбылось. Если б с таким же напором, с каким велась предвыборная борьба... Нет-нет. Сейчас пошучу... Если б из трубы хлынуло то, что хлынуло из телевизора. Нет... Мы бы подошли... Нет... Если б такой же напор, какой был, нет – бил, нет – был, нет – бил в водопроводе, нет-нет. Сейчас пошучу... То есть поменять напорами, то есть источник один, но поменять отверстия. Вот... Короче... не наберешься там, где хочется, а наберешься там, где не надо.

И помыться бы. Причем горячей водой. Это древнее изобретение человечества: мыться горячей водой. Не стоит его отбрасывать как устаревшее. Можно, конечно, поливать отдельные места из чайника. Одесситы всегда славились отдельно помытыми местами. Я сам принял первую ванну в тридцать три года в возрасте Христа, в Ленинграде, и с тех пор очень хочется помыться. Это частным образом не устроить, вода, как при социализме, течет централизованно. То есть все, что зависит от людей, сделано, осталось то, что зависит от руководства.

Что мне еще нравится – количество кафе. Теперь в борьбе с преступностью можно двигаться перебежками от кафе к кафе, можно скрыться в цветном фонтане, можно прикинуться посетителем и упасть за столик, можно прикинуться собакой хозяина. В общем, в борьбе с преступностью спрятаться уже есть где. И перекусить можно вполне прилично такой штучкой – хам-бургер, или по-одесски, – хербурхам, где очень приличная котлетка «как у мамы» с очень приличной булочкой.

И выборы свободные. Сбылось. Правда, мы сначала выбираем, а потом гадаем, правильно ли мы выбрали. Но выбираем правильно, а вот того или не того? Но правильно.

В этой ситуации, когда оба поливают друг друга и показывают друг на друга все язвы, все равно надо выбрать, и второй сразу затихает, и уже тише наполовину, то есть на одного.

Конечно, до сих пор непонятно, почему так рвутся на места, где одни неприятности и тяжелый бескорыстный труд на благо народа. Но тут важно, как бойцы поведут себя в мирное время, потому что боевые друзья – это еще не водопроводчики.

Но мы жаждем исключений, и первые шаги новых людей обнадеживают. Они уже хорошо знают разницу между богатыми и бедными, но еще не чувствуют разницу между бездарными и талантливыми. Эту разницу должны показать им мы. Работать надо. Надо работать.

На «плитах» недаром появились первые люди с трудовым загаром, то есть кисти, шея, декольте от майки, одно колено от дыры. Наконец-то. Спрашиваю: «В поле?» – «Нет, – говорят, – на базаре».

Хотя турецкий базар сдает. Не обеспечивает наш город. Уже и качество падает из низкого в мерзкое, уже и наши путанши им надоели. Зато мы все в турецком. Объевшись турецким шоколадом, опившись турецким лимонадом, хрустя турецкой кожей, одесская красавица уже и смотрит турецким взглядом. Но одесская красавица есть красавица, ибо состоит из смеси разных кровей.

И кто вопит: «Россия для русских, Украина для украинцев, Молдавия для молдаван», – пусть приедут и посмотрят на одесскую женщину.

Красавица есть красавица

Молодая – мучение. Пожилая – наказание.

И все это в рамке, которая называется любовь.

И не говорите мне, что жизнь стала хуже.

Если вдруг прекратится это время...

Если вдруг победят они, кто стонет, и плачет, и не может забыть диких очередей за водкой.

Если вдруг победят они, кто не помнит, что каждый вызов в ЖЭК, в ректорат, в гороно, в партбюро был вызовом в суд. И судили всех и за все: за мысли, за разговоры, за танцы, за молитвы, за одежду. Они ходят среди нас, те, кто судил. Если вдруг победят они, мы будем сегодняшний день вспоминать как самый светлый день в жизни. Ибо мы были свободны!

А Одесса есть движимая и недвижимая.

Одесса недвижимая, где каждое поколение кладет свой камень.

Талантливый или бездарный – зависит от того, как развивается данный момент. И она стоит – эта Одесса – подмазанная, подкрашенная, где-то со своими, где-то со вставными домами, неся на себе отпечатки всех, кто овладевал ею.

А есть Одесса движимая. Движимая – та, которую увозят в душе, покидая.

Она – память. Она – музыка. Она – воображение.

Эта Одесса струится из глаз.

Эта Одесса звучит в интонациях.

Это компания, что сплотилась в городе и рассыпалась на выходе из него... И море... И пляжи. И рассветы. И Пересыпь. И трамваи.

И все, кто умер и кто жив, – вместе.

Здравствуй, здравствуй.

Не пропадай. Не пропадай. Не пропадай...

Божественное

Бог есть. Это доказано или докажут на днях.

Бог в таланте человеческом.

Бог в доброте и помощи.

Творчество есть деяние Божие.

Наша память – его записи нам на будущее.

Вдохновение, когда после сосредоточенности рождается что-то незнакомое автору, – результат встречи с Ним.

Конечно, Бог неясен, неконкретен, незнаком.

Но личности, от которых зависит история, принимают решение обдуманно, но неосознанно.

Ведет интуиция.

Бог в интуиции.

Он в перемене настроения.

Бывает настроение хорошее, что бы ни происходило, потому что все – потому что больше в плохом быть нельзя.

Он в настроении.

Вы забыли, что произошло, а настроение осталось.

Он в почерке, и в расстановке букв, и в походке, и, кстати, в отпечатках пальцев.

И в сомнениях, и в ужасе, и в панике перед победой, и в тревоге после нее.

То есть Он там, где что-то делается. Он там, где работает человек.

Он в том, что даст вам победу, но не даст ею воспользоваться.

Удивление

А я тут мимоходом. Дожил до шестидесяти, а ни книг, ни имени, ни фамилии.
Одно-, двух- или трехместная популярность.
Я тут мимоходом в библиотеку зашел.
Обычная Library в одном американском городке. Все наши, кроме автора этих строк.
Автор этих строк не числится в каталогах мировой славы...
А претензий. А претензий было...
А усталости, а грусти...
А с бабами скучал, как настоящий.
А был каким среди своих?
Столичная печаль. Здравовался вторым.
Запоминал свои слова:
– Как я сказал... Не знаю, как мне удалось.
(Без мягкого. Как удалось, не знаю.)
Из всех друзей оставил тех, кто был в восторге, и баб своих довел слезами до восторга.
Слезами и обидами:
– Ах, вы меня не поняли!
(Как в восторг попали, так стали понимать.)
Ведь сам сказал когда-то:
– А что там понимать?! А что же там читать?!
А там во что вникать?
Хорошо, хоть обувь с каблуками не надел. Бог миловал.
А уж над появлением трудился!
Неслышность хода с легким стуком двери.
А с попаданием в какой-то стиль, как юмор возникал на сочетании немногих слов и редких наблюдений. И бабы, бабы!
Да, бабы-бабы. Без детей.
Свое лишь детство признавал. Другого не дано.
Неясное какое-то еврейство. Молитва разномастная. И сплевывает, и крестится. И свечи ставит.
Запутал Господа.
Ну и понес очередное наказание.
«Все как у разных» – вот его девиз.
Я преданный, но многим людям.
А слов-то выбор жалкий. Живописать-то нечем.
Да и не помнит он заката или морской волны.
Звук выстрела сравнил надясь с падением доски на стройке.
И долго с этим бегал.
Сейчас, когда почти нет строек, сравнением этим не сразишь.
Долго помнил и распространял:
«Хочу окно, заполненное морем хоть наполовину».
Сочли не мастерством, а жалобой.
Не получилось. Нет читателей.
И мастерство уходит в ночь.
Ах, бабы, бабы...
Да, так нет в энциклопедии.
Что же делать? Путь один.

Облить помоями британский Кембридж.
Их, кстати, что-то долго не ругали.
Или попробовать пролезть с другой строки.
На букву «м». И по другой профессии.
Мыслитель.
Да. Мыслитель.
Без наследства.
Мыслитель без трудов.
Мыслитель. Мыслящий. Как там будет по-латыни?
Когда от средней школы остался только Друккер...
Как по-латыни мыслитель мыслящий?
Номо odinokiу.
На колене одна рука и подбородок на второй...
Но это же все не его.
Ни подбородок. Ни колено.
Ах, бабы, бабы.
А может быть, не раскусили?
Да, пожалуй... Не поняли... Пожалуй, да.
Не расшифровали...
Высок, глубок, разнообразен.
Сплетен в клубок – не расплести.
Оставим все потомкам.
Они внесут в тот том.
В том тот!
Но только чтоб не исказили.
Пожалуй, надо будет еще раз: год рожденья, имя.
Крупно вырезать на камне.
Не фотографию. Она сотрется.
А имя глубоко в гранит. При жизни.
Намиоту заказать. Пусть врежет.
И за деньги читателями обрамит.
Раскрыта книга с неким изреченьем.
О низком качестве сапог в период тоталитаризма.
С исчезновеньем строя, кстати, исчезло и правописание.
Тота... Тато... Лито... Лита...
Некому следить. Филологи ушли в торговлю.
А ветер дует.
Море светит.
Вода как синька. И белье на мне.
Казалось бы, пиши и размышляй. И получай от одного другое.
Так нет. В энциклопедию ушел.
На букву «ж» перебирает немногих мыслящих...
Там тоже путаница.
Вот это «ж», из палки со скобками.
Оказывается, не применяется.
Там «j» (джи) и «г», как наше «д», и «эйч», как наше «н».
То есть совсем другие люди.
У них же нету, просто нету «ж».
Так в чем вопрос? Так где же Кембридж?

Ах, бабы, бабы!
Что же вы меня родили на букву «ж»?
Хотя там было и «м», и «д», и «зэт».
Из вас я вышел. В вас исчезну.
И понесет меня от нас в себе какая-то из вас.
Я знаю, знаю где. Вот тут я...
Вот это знаю я.
И как ни в чем уверен.
Неси, неси. Отродье Божье.
И все-таки руками. Руками вам не надо было трогать меня лично.
А вы под видом санитарок, продавщиц, преподавателей английского, физичек. Зачем?
Зачем вы трогали меня руками.
Истерли всю профессию под корень.
И неужели профессия так отличает женщину от женщины?
Да нет же. Я там был. Нет, нет.
Все одинаково.
И даже врач, которая все знает и говорит о нервных окончаниях.
Все так же – замуж. Замуж.
Ты не понимаешь. Семья. Семья.
Да.
Я по-прежнему, уже по-старому, не понимаю.
В энциклопедии себя ищу, теряю время.
Мне только жаль и поисков, и этих описаний.
Так что же я писал? Так нет меня нигде.
Так что там слушали, запоминали?
Так что ж я делал эти тридцать лет?
Я помню, где-то выступал.
Какие-то такие крики: «Браво!», «Еще давай!».
Чего давать? Что было? Вот кошмар.
Ни дома. Ни семьи.
Ни творческого, в душу вошь, наследия.
Одни рецепты в книжках записных.
И правила приема внутрь.
...Внутрь чего?! Я был?! Я спрашиваю вас!
Кого вы узнаете?
Очнулся в шестьдесят. Вот вам и здрасте.
И жил – хотел. И пил – страдал.
Любил и целовал. Прошел обратно – нет следов.
Исчез бесследно. Не нашел себя.
Но сам себя запомнил.
Так кто же там вставляет в том?
Бабы, бабы.
Так я не жду от них, как и от мужиков, как и от всех людей.
Не вставили. Черт с вами.
А что? Такая толстая?
Могла бы толще быть на одного.
Одна страничка.
Чуть увеличить «ж», уменьшить «м» и отказать «иксу» – «х» по-нашему.
Зазнался. И репертуара нет.

О чем и говорит болтливость до концерта.
Потом ищи... А мы все есть.
А ну давай энциклопедию полегче.
Для легких жанров. Для своих.
Для литераторов, мыслителей бессмертных.
Для авторов одной-двух шуток.
Для куплетистов.
Для красивых женщин, исчезнувших всего лишь в тридцать лет.
Для мужиков, блистающих в компаниях бесплатно. Для выпивох обнявшихся.
Для добрых, милых, не подозревающих врачей в компании – «Ну, это излечимо».
Для узеньких альбомных живописцев.
Поэтов разных годовщин.
Для ярких нищих, сумасшедших.
Для пляжных старожил.
Для дам крикливых.
Для всех, кто нам запомнился.
Свой том. Свой дом. Своя доска.
Для легких жанров, коротко живущих.
Энциклопедия Одессы для всей Земли.
И всей Земли в Одессе.
И всех евреев.
Пере... недо... и не кочевавших.
Чтоб не забыть случайно про живых.
А мертвые себя напомнят сами...

Молитва

Умоляю Тебя, оставь их,
Пусть их не тронет,
Каждый день с ними дорог мне.
Недостоин я просить.
Если разрушаешь мое здоровье – пощади их.
С ними в мою душу входит покой.
Дни становятся ясными, смех простым, остальное посторонним.
Пощади их.
Они Тебя несут в себе.
Все человеческое – Твое.
Не Твое – все ложь.
Чего во мне и моих товарищах...
Ибо ищем выгоду после слов.
Всем дай их.
Сними ненависть мою. Не пойму отчего.
Выдержки дай мне.
И сдержанности.
Избавь от желания нравиться.
Так мало людей нравится мне, и я беспокоюсь.
Дай понять, за что наказываешь людей.
Почему их так много.
Избавь от мщения.
Дай покой ночью.
И оставь мне их.
Ты наказал меня ленью, от которой смрадно разлагается нутро.
Жадностью, отчего непослушны руки.
И слабостью.
И сомнениями.
И недовольством.
И пороком.
И выделением дурного в человеке.
Разве снимаю грех, перенося его на бумагу?
Дай понять, что делаю.
Дай силу принять оценку.
Если кому-то нравится предмет несдержанности – речи мои, есть ли тут радость мне?
Дни летят...
Гонишь меня.
Суди сам.
Верю в легкость, с которой...
Верю в облегчение.
Коль суждено еще побыть среди живых –
Дай выдержать новость и оценить.
Помоги пройти посредине, по интуиции, внушенной Тобой.
Оставь их со мной.

Новый 2001 год

Это наша ночь.

Мы в празднично украшенной огнями темноте медленно вращаемся, вцепившись пальцами ног в земной шар, подставляя луне то спину, то живот и пытаюсь определить свою судьбу по звездам.

Сегодня мы собрались, чтоб посмотреть и поддержать друг друга.

Это наша самая праздничная, самая коллективная ночь.

Щелкают-тикают годы: еще не сделано, еще не сделано, еще не сделано, уже не сделано...

Мы стоим на земле, где лежат кости миллиардов ходивших и весело встречавших.

Так же живших от «на грани разорения» до «на грани процветания».

А хозяева третьего над нами слоя костей будут восстанавливать наши лица по черепу и удивляться.

Этот совсем молодой.

А этот совсем здоровый.

А этот страдал, а у этого ранение, а у этого осколок, а этот мучился, оттого что всю жизнь делал не то, что хотел, а то, что обещал.

А его заверяли, что, если будет делать то, что обещает, один раз сделает то, что хочет.

А этот скромный добился успеха.

А этот наглый добился наград.

И они завидовали друг другу.

А этот разбогател и не мог понять, любят ли его женичины и кто именно, и бесконечно переписывал завещание.

А этот тридцать лет говорил жене: вот увидишь, мы будем счастливы. И никто не понял – он был или будет прав?

А этот всю жизнь смеялся сквозь слезы, пока не заплакал сквозь смех.

Кто знает, может, им удадутся наши морщины, выражения глаз и наши мысли – еще не сделано, еще не сделано, еще не сделано, уже не сделано.

Может, им удадутся наши женичины, которые были с нами и были гораздо большим, чем им хотелось, – нашей опорой, утешением, первыми испытателями нашего юмора и наших проектов.

Используя их великую выживаемость, решительность, чинонепонимание, политиконаплевание и способность переживать неприятности по мере их поступления, мы судорожно цеплялись за них и часто посылали их вперед.

Наше поколение – выяснят те, будущее, – умело не так любить, как дружить, и предательство, которое давалось так легко, вызывало большие переживания. И наше главное достижение – раскованные дети, дети, непохожие на нас.

И вот мы сидим этой ночью, лучшие или не лучшие, но нам будут завидовать те, кто нас не видел.

Это время интереснее последующих.

Это время будет интереснее будущих времен.

Они будут читать наши письма и стаскивать наши стулья, ибо мы жили в эпоху перемен.

Нам ничего не остается, как писать интересно и лучше видеть тех, от кого останутся фотографии, слышать живые голоса тех, кто будет глубоко изучаться в записи, и поддерживать, и касаться друг друга. И не сбрасывать руку с плеча: «Постой, я расскажу тебе...»

Все-таки она вертится.

А на дворе зима.

Звучит музыка Штрауса и Дунаевского.

*Поднимается ветром серебряная пыль, и мы в красивых одеждах, с бокалами и дамами
переходим в две тысячи первый год!*